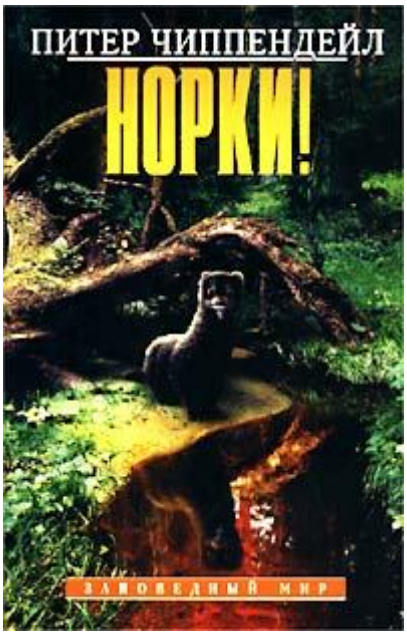
Норки!



Питер Чиппендейл. Норки!

Посвящаю эту книгу моей дочери Люси Дороти Джейн●

ОТ АВТОРА

«Старый Лес» — не просто плод моего воображения; в нем воплотились многие черты хорошо знакомых и любимых мною Йоркширских долин, что в Камбрии, и долины реки Кэмел в Северном Корнуэлле.

Мне хотелось бы выразить свою искреннюю благодарность всем, кто так или иначе помогал мне в работе над книгой, и в первую очередь моей жене Сьюзен за то, что она вдохновляла меня все время. Я также весьма признателен своим друзьям Роджеру Митчеллу, Джону Бэкленду (он же Чолки) и Рею Боулеру, являвшим собой неотъемлемую часть кор-нуэлльского пейзажа, то есть того самого места, где была написана эта книга.

Кроме того, мне хотелось бы с благодарностью упомянуть моих агентов Кэрола Блейка и Джулиан Фридман, которые помогали советами и поддерживали в трудные минуты, а также всех сотрудников издательства «Саймон и Шустер» за их самоотверженную работу, и в особенности — Ника Уэбба, который первым поверил в этот проект и продолжал неизменно верить в конечный успех, несмотря ни на что.

Сент-Мабин. Северный Корнуэлл

Пролог

— Туда! На волю! Скорее выходим!

Безумие полной луны охватило норок. Клетки сотрясались.

— Выходим! Выходим! Все выходим! — вопила стая и беспорядочно носилась по широкой игровой площадке.

Разумеется, ни о каком «туда» не могло быть и речи, и каждой норке это было хорошо известно. Клетки были столь крепки, а проволока столь толста и неподатлива, что никогда еще никому так и не удалось бежать, однако теперь, когда в слуховом окошке сарая показался яркий диск полной луны, они могли по крайней мере притвориться, что вот-вот сломают свою темницу.

И для многих, очень многих, мысль эта была подобна бальзаму. Сегодняшний день выдался скверным даже по здешним невысоким стандартам. Все были взвинчены до предела, а пуще других — Старейшины. Они даже вынуждены были применить Закон о нарушении общественного порядка и дать хорошенький нагоняй участницам свирепой и кровопролитной потасовки, вспыхнувшей между несколькими беременными самками. Не менее безобразная сцена разыгралась на игровой площадке, где банда молодых хулиганов затравила и едва не прикончила свою отчаянно визжащую жертву. Кроме этих двух происшествий день был омрачен еще несколькими не столь значительными столкновениями и ссорами, которые хоть и не имели серьезных последствий, но тем не менее еще больше накалили атмосферу.

Столкновения и драки между норками происходили постоянно, и способствовала этому сама жизнь в замкнутом пространстве, где раздражительность не находила выхода и страсти кипели словно в перегретом котле. Как бы ни старалась каждая отдельно взятая норка поладить с соседями — а это, учитывая агрессивный характер маленьких хищников, было настолько нелегко, что многие не старались вовсе, — напряженность в отношениях и недовольство друг другом накапливались и накапливались, пока самый воздух не начинал искрить и потрескивать, словно перед грозой. Злоба и раздражительность постоянно витали в воздухе, пропитывали его, а еле сдерживаемая агрессия грозила выплеснуться через край — и выплескивалась бы, если бы не полнолуния, когда норки, приходя в неистовство, тратили значительную часть своей разрушительной энергии. Всеобщая вакханалия, происходившая каждую ночь полной луны, специально организовывалась и направлялась Старейшинами, служа чем-то вроде предохранительного клапана для эмоций и чувств, которые официально именовались «Дурные Мысли» и которые в обычной жизни каждой норке строго предписывалось подавлять. В полнолуние же все было наоборот: норки получали право и возможность выпустить пар, к чему Старейшины их недвусмысленно поощряли.

Старейшины знали, что к утру странная болезнь пройдет, как будто ее и не было, и при свете привычного, милого солнца они без труда сумеют восстановить свою власть над обитателями колонии и принудить их к соблюдению раз и навсегда заведенного порядка.

Пока же здесь царило безумие. И взрослые зверьки, и их совсем юные отпрыски пришли в настоящее неистовство и готовы были в ярости наброситься на кого или на что угодно.

Диск луны медленно плыл по пыльному стеклу слухового окна, заливая клетки голубым холодным сиянием, и самцы-норки торопливо собирались тесной группой.

— Туда! На волю! Выходим!

Ритмичные выкрики «Туда! Туда!» сменились нестройными приветственными воплями, когда первый самец отделился от толпы и с разбега бросился всем телом на проволочную сетку.

— Давай! Давай! Рви ее, ломай!!! — пронзительно визжали остальные, пока оглушенный ударом зверек неверными шагами отходил от решетки в сторону.

Под ритмичное притоптывание мягких лап по полу второй самец разогнался и, скрутившись в маленькое ядро, врезался в сетку спиной. Прочие самцы последовали его примеру. Они бились о сетку до тех пор, пока она не закачалась и не зазвенела под градом обрушивающихся на нее ударов. Самки хватали проволоку зубами, остервенело грызли и трясли ее, и бревенчатые стены сарая отзывались гудением и скрипом.

— Выбираемся! — кричали самые дерзкие, повисая на сетчатом потолке и поощряя своих товарищей на новые безумства.

Кто-то опрокинул кормушку и принялся долбить ею о глухую заднюю стену клетки, а толпа самцов перестроилась для нового штурма.

Шмяк! — первый с силой врезался в проволоку.

Шмяк! Шмяк!! Дзынь!!! — это таранили сетку остальные.

— Смотрите! — раздался во всеобщем бедламе чей-то испуганный крик.

Одна за другой норки останавливались, замирали на месте, и за считанные секунды в сарае стало совершенно тихо. В благоговейном молчании взирали они на запыленное слуховое окно в потолке.

С луной что-то происходило. Еще мгновение назад она была круглой и яркой, но теперь на глазах становилась все меньше и тусклее. По лунному лику двигалась какая-то тень, заслонявшая собой серебристый диск, хотя на небе не было видно ни одной тучи. Вот луна превратилась в тоненький серп, а потом исчезла вовсе, и дрожь страха пробежала по выгнутым хребтам, заставив встать дыбом бурые блестящие волоски.

И не успели норки переглянуться, как из отдельной клетки, куда Хранитель посадил Шебу, раздался тонкий визг.

Все внимание норок немедленно обратилось туда.

— Наконец-то эта сучка рожает! — шипели они. Все норки люто ненавидели Шебу. Когда-то Шеба жила на другой ферме, но, после того как мор унес жизни всех ее родственников, маленькую сироту привезли сюда. Одного этого было достаточно, чтобы исконные обитатели старого сарая отнеслись к ней с недоверием, ибо краеугольным камнем доктрины, которую проповедовали Старейшины, была подозрительность ко всему незнакомому.

Потом, когда Шеба выросла, она сама дала повод для недоброжелательства, наотрез отказавшись вступить в дамский кружок — или «Ведьмовник», как насмешливо прозвали его самцы. Когда Хранитель отсадил ее в отдельную клетку и привез откуда-то великолепного голубого самца, негодованию норок не было предела. Подливало масла в огонь и особое отношение, которое человек проявлял к Шебе, а самым возмутительным,

доводящим обитателей главной клетки до исступления было индивидуальное кормление. Одного вида и запаха Хранителя, шедшего по проходу с металлической миской, из которой аппетитно свисали серебристые рыбьи хвосты, было вполне достаточно, чтобы старожилы начали корчиться от унижения и зависти.

— Чтоб ты подавилась, подлюка! — шипели самки, окатывая Шебу волнами злобы и презрения. — Сдохни, Шеба, сдохни!

И вот теперь все они вставали на задние лапы и вытягивали шеи, стараясь увидеть, сколько щенков принесет Шеба. Роды были практически единственным развлечением и единственным интересным событием, способным как-то скрасить их однообразное существование. В вольере верховодили самцы, и лишь процесс воспроизводства позволял представительницам слабого пола ненадолго подняться в социальной иерархии чуть выше того места, которое они занимали в повседневной жизни. В негласном соревновании производительниц наибольшая слава доставалась, естественно, той, кто принесет в помете больше малышей. Неудивительно, что самки были полны решимости не допустить, чтобы ненавистная Шеба отличилась в этом отношении.

— Одного выродила,— перешептывались они.

— Сколько их будет всего?

— Думаю, не больше четырех.

— Пять!

— Эй, а как насчет семи?

— Только не у нее! Семь — священное число, и такой твари, как Шеба, это не по силам.

Они подождали еще немного, но в клетке Шебы пищал только один новорожденный.

— Должны же быть у нее еще дети? — начали спрашивать друг у друга норки, и на морде у каждой было написано недоумение. — Один малыш — как это возможно? У каждой нормальной норки рождается как минимум трое!

— А вспомните Мику!..

Легендарная Мика, о которой Старейшины то и дело напоминали остальным норкам, однажды принесла десять щенков.

— Поглядите на меня! — раздался хвастливый возглас. — Я — и то родила четверых!

— А я — шестерых! — напомнил другой торжествующий голос. — И ведь я вовсе не такая высокомерная дрянь, как Шеба! Я простая, порядочная норка!

Они подождали еще немного, и, когда ничего больше не произошло, ликованию их не было предела. Позабыв о всякой сдержанности, самки начали приплясывать вокруг опрокинутой кормушки, мстительно вопя:

— У Шебы всего один детеныш!

— Невиданное дело!

— Чудо-мать Шеба! У нее один щенок в помете! — крикнул кто-то.

Этот крик услышали, и десятки глоток тотчас подхватили его:

— Один щенок в помете! Чудо-Шеба!!!

В эти же мгновения на небе снова возник краешек луны; она появлялась так же постепенно, как и исчезала,

и это удивительное явление сразу вызвало к жизни еще одну волну ожесточенных споров. Почему луна скрылась именно в тот момент, когда должен был появиться детеныш Шебы, ведь не могут же эти два события быть связаны между собой? Луна обладает определенным могуществом и силой; так как же могла Шеба каким-то образом повлиять на небесное светило?

— Может быть, все это было устроено специально для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что Шеба почти что не рожала? — раздался чей-то одинокий голос. Ответом на это замечание был неуверенный, нервный смех.

— Или чтобы скрыть ее позор! — выкрикнула какая-то самка.

— А в самом деле, что это такое было с луной? — раздался хор сразу из нескольких голосов.

И норки собрались вокруг Габблы, уполномоченного Глашатая Старейшин.

— Что это было? — Габбла улыбнулся с сознанием собственного превосходства. Казалось, он ни капельки не озабочен. — Позвольте мне от имени Старейшин официально информировать вас, что это была бродячая туча. Именно она, пролетая над нами, ненадолго закрыла луну, хотя все остальное небо оставалось чистым. Вы ведь сами видели это, не правда ли? А теперь можете спокойно разойтись.

С самого начала беременности Шеба была совершенно уверена, что носит в своем чреве нечто особенное. Но она не призналась бы в этом никому — в том числе и своим немногочисленным друзьям-интеллектуалам из андерграунда. Что касается остальных норок, то она не говорила им ничего и никогда, ибо все они были бездумно привержены официальной доктрине Старейшин и представлялись Шебе полными ничтожествами.

Но хотя Шеба считала себя сильной, поначалу даже ей было нелегко справиться с мстительной злобой самок. Самцы вели себя немногим лучше: у них тоже были основания точить на Шебу зубы. Еще до того как ее отсадили в отдельную клетку, они пришли к заключению, что большие, выразительные глаза, густая шерстка и безупречный задик делают ее одной из самых сексуальных в колонии. Тем не менее яростное соперничество между многочисленными поклонниками Шебы закончилось горьким разочарованием, когда Хранитель предпочел им производителя со стороны.

— Гони его в шею, старая кошелка! Попробуй-ка вот этого!..— кричали Шебе самцы, демонстрируя свои напряженные розовые пенисы и совершая соответствующие телодвижения. — Попробуй, шлюха, — узнаешь, что такое настоящий секс!

Шеба выдержала это только благодаря своему супругу по имени Соломон, и не только выдержала; от общения с ним она буквально расцвела. Поначалу ей казалось, что он — чистый производитель: сплошные яйца и никаких мозгов. С этой точки зрения Соломон действительно оказался выше всяких похвал: в любви он показал себя сильным и благородным партнером. Его серо-голубой окрас, так сильно отличавшийся от обычного шоколадно-коричневого меха других норок, приятно возбуждал Шебу, но только допустив его до себя — а каждый раз это было восхитительно,— она обнаружила, что Соломон по-настоящему волнует ее. Он был подлинным джентльменом — интеллигентным, внимательным, заботливым, и самое главное, он удивительно много знал. Именно благодаря его эрудиции жизнь Шебы изменилась круто и бесповоротно.

— Работа у меня такая, что пришлось много путешествовать, — объяснял он ей. — Я побывал на множестве ферм и видел самые разные варианты общественного устройства. Если хочешь узнать что-нибудь о вашей системе — тебе достаточно только спросить. Только убедись сперва, что ты действительно хочешь знать, — добавил он. — Иногда лучше всего *не знать,* а мне бы не хотелось слишком испортить твою дальнейшую жизнь.

О да, она хотела знать абсолютно все! До встречи с Соломоном Шеба была лидером небольшой группы интеллектуалов, которые собирались тайком с единственной целью: отгадать самую главную загадку своего бытия. Почему Хранитель держит их в клетках, время от времени забирая куда-то самых старших, и именно тогда, когда они достигают своего расцвета — если не духовного, то, по крайней мере, физического? Доктрина Старейшин гласила, что Хранитель просто очень любит норок. Он был официально объявлен их лучшим другом и покровителем и, как считалось, в награду за послушание забирал норок в Счастливую Страну, где они до скончания века жили в сытости и довольстве.

Большинство обитателей вольера верили в эту легенду, и лишь несколько интеллектуалов позволяли себе сомневаться. Однако они так и не сумели найти другого объяснения.

И вот появился Соломон, который готов был ответить на этот вопрос.

— Являемся ли мы, норки, по-настоящему дикими существами, рожденными для того, чтобы быть свободными? — был первый вопрос Шебы.

— Да.

— Тогда почему Хранитель держит нас в клетках? — с негодованием проговорила она.

— Ответ у тебя перед глазами, моя прелесть,— улыбнулся Соломон. — Посмотри на меня и скажи, что ты видишь.

Шеба с любовью оглядела его от кончика носа до кончика хвоста, думая о том, как он красив и как прекрасна его серо-голубая шубка.

— Своего удивительного, замечательного, красивого супруга,— ответила она.

— А кроме этого? — настаивал Соломон.

Он еще некоторое время шутливо дразнил Шебу, пока наконец не рассказал ей правду — правду, которая сразу все поставила на свои места. И хотя Соломон несколько раз подчеркнул, что у него нет никаких доказательств истинности его слов, в них самих было

столько логики и внутреннего смысла, что Шеба сразу поверила ему — поверила и больше никогда не переспрашивала. Она отвергла смехотворную доктрину, которая как-никак помогала Старейшинам править.

Но Соломон знал кое-что еще более невероятное, и об этом он тоже поведал Шебе. Оказывается, у норок была реальная надежда выбраться из клеток, чтобы, покинув опостылевший сарай, вернуться к дикой жизни, право на которую дается каждой норке от рождения. Свобода, таким образом, из фантастической гипотезы превратилась в реальность, ради которой стоило бороться. И самым удивительным был тот факт, что беременность Шебы приближала норок к заветной цели.

Когда наконец пришел ее срок, она поначалу была не меньше других напугана лунным затмением, однако родовые схватки быстро отвлекли ее от всего второстепенного. Увидев, что ее первенец — мужского пола, Шеба даже всхлипнула от радости. Детеныш выглядел крепким, здоровеньким и совершенно нормальным, если не считать заметного голубоватого оттенка его мокрой шерстки, доставшейся ему в наследство от отца.

Удовлетворенная, Шеба, пыхтя, улеглась на подстилку и попыталась собраться с силами, чтобы, поднатужившись, родить следующего. «Будет ли это еще 'один мальчик?» — гадала она, однако ничего больше не про,-исходило, и только внутренности сводила тупая, разламывающая боль. Вскоре Шеба все поняла, и ее охватила такая сильная печаль, какой она не испытывала еще ни разу в жизни. Страшная правда открылась ей: малыш, который появился первым, был единственным.

Сначала Шеба заплакала. Как и любая норка, она была прекрасно осведомлена, какое значение имеет многочисленное потомство, и втайне, про себя надеялась на магическое число семь. Правда, теперь Шеба понимала, почему, несмотря на особую диету, она так плохо набирала вес, однако это вряд ли могло служить достаточным утешением в ее горе.

Склонившись над маленьким мокрым тельцем своего единственного сына, она принялась вылизывать его со страстной нежностью, стараясь не слушать оскорблений, доносившихся из общего вольера. Краем глаза Шеба заметила, что луна снова показалась в окне и светит так же ярко, как прежде.

Ну почему, почему все ее надежды и ожидания должны были кончиться именно этим? Почему именно с ней случилось такое несчастье?

Потом, когда норкам наскучило дразнить презренную парию и они снова начали бросаться на решетку, настроение Шебы стало понемногу улучшаться. Ее вдруг осенило: случилось чудо. И теперь она точно знает, что это должно означать. Прежде чем Соломона забрали куда-то в другое место, они договорились, что Шеба должна выбрать из всего помета будущего лидера колонии, выбрать и воспитать так, чтобы он смог разрушить заговор Старейшин и повести норок по дороге свободы. Она-то считала, что ей придется выбирать одного из нескольких!

Но все повернулось по-другому. Выбор был сделан за нее.

— Ты и есть тот самый будущий вожак, потому что ты — единственный! — прошептала Шеба на ухо малышу, который, облюбовав один из нескольких сосков, причмокивая, тыкался в него крошечной мордочкой. — Я назову тебя Мегой, потому что однажды, мой храбрый сын, ты станешь большим и сильным!

Часть I

Глава 1. НАД ПРОПАСТЬЮ

Мега зажал ноздри и, развернувшись задом, навис над отверстием уборной. «Что все они тут делают?» — с отвращением подумал он; тут его задняя лапа поехала по скользкой поверхности, и он чуть было не потерял равновесие. Доски пола в норочьей уборной были не только покрыты отвратительной смесью мускусной струи, мочи и жидкого кала, но и впитали в себя всю эту дрянь и распространяли зловоние, от которого потом нелегко было отделаться. И запах этот не исчезал даже после того, как Хранитель производил уборку. Время от времени — и сегодня как раз выдался такой день — вонь становилась настолько резкой, что от нее начинали слезиться глаза.

Машинально подняв лапу, Мега покачнулся и снова едва не упал. Вздрогнув, он припомнил один случай, происшедший с ним в детстве, когда стайка сорванцов едва не сбросила его. Он уже вис'л вниз головой и, крича от ужаса, видел под собой это море дерьма, когда подоспевшая мать спасла его. Хулиганы все же успели макнуть его темечком, так что после этого Мега целую неделю не мог отделаться от ощущения, что скользкая и вонючая жижа все еще здесь, стекает между ушами, и потому ему постоянно казалось, что остальные норки откровенно смеются над ним — грязным, вонючим и жалким.

К счастью, до сих пор это было самое большое унижение в его жизни. Мега был довольно крупным подростком, поэтому после нескольких жестоких драк ему в конце концов удалось занять среди одногодков такое положение, которое обеспечивало ему неприкосновенность. И все же он продолжал всем сердцем ненавидеть уборную, и не только из-за постоянно царивших здесь вони и грязи. Нормальный мужской инстинкт велел каждому самцу помечать свою территорию. Почему, спрашивал себя Мега, им не позволено проделывать это там, где им хочется? Почему они вынуждены проделывать это публично? Неужели у них нет никаких прав хоть на какое-то уединение?

Старейшины постоянно подчеркивали, что опорожнять кишечник в специально отведенном для этого месте необходимо в целях гигиены. Спорить с этим было, конечно, нелегко, и все же необходимость отправлять свои нужды в общественной уборной казалась Меге частью стратегии Старейшин, к которой они сознательно прибегали, чтобы лишить норок индивидуальности. Никто из обитателей колонии не должен был слишком увлекаться «приватными», как они их называли, сторонами жизни. В результате каждая норка в колонии была низведена до положения послушного винтика примитивного жрущего и испражняющегося механизма.

Впрочем, в механизме этом частенько возникали проблемы, подтверждением чему как раз и были страдания Меги над сортирной ямой. Предполагалось, что регулярные кормления должны служить кульминацией каждого дня, и так оно и было в действительности. Каждое утро и вечер входная дверь отворялась и в сарай входил Хранитель. Он начинал разливать по лоткам жидкую пищу, а норки с жадностью следили за ним, пуская слюни и прислушиваясь к урчанию в пустых животах. Однако и после того, как лотки оказывались в вольере, большинству приходилось ждать, пока наедятся Старейшины. Жирный, обрюзгший Предводитель Старейшин Массэм, как правило, заканчивал трапезу последним; сыто рыгнув, он вразвалочку удалялся, громко попуки-вая на ходу, и только

после этого Габбла давал знак, что и остальные могут приблизиться к лоткам, чтобы там, давясь и отталкивая друг друга, торопливо насытиться.

В последнее время Хранитель несколько изменил норочье меню. Старейшины немедленно объявили, что новая пища — это еще одно проявление любви и заботы человека о них, норках, а Габбла зачитал официальное коммюнике, в котором говорилось о повышенной питательной ценности нового продукта. Несмотря на это, Мега проглотил свою порцию без всякого воодушевления: новое блюдо и по вкусу, и по консистенции отличалось от старого в худшую сторону. Из-за недоброкачественной пищи он — как и все остальные норки — страдал запором: живот у него раздулся и сильно болел. Теперь Мега задрал мордочку вверх, выгнул спинку, отставил хвост как можно дальше и, стараясь дышать ртом, изо всех сил сосредоточился.

«Дело не в уборной, — размышлял он, уныло поглядывая по сторонам, чтобы вовремя заметить что-то, что могло бы отвлечь его от его трудной задачи. — Весь наш вольер — сплошной сортир!»

Эти вспомнившиеся ему слова Шебы казались Меге достаточно точными и справедливыми, чтобы он мог опереться на них в дальнейших умопостроениях. Мега хорошо помнил, как она повела его на первую, ознакомительную экскурсию по вольеру. Шеба показала сыну, что клетки приподняты над землей примерно на половину роста Хранителя, и объяснила, что расположены они двумя параллельными рядами и выходят в проход, по которому человек добирался до дальней стены длинного сарая, где он держал запас корма и разные инструменты. В клетках напротив никто не жил, но в одной из них — в самом дальнем углу — родился Мега, и Шеба показала ее сыну.

Потом, уже без всякого воодушевления, она объяснила Меге, что каждая клетка отделяется от другой при помощи тонкой деревянной перегородки. Хранитель, разумеется, мог открывать дверцы в решетчатой сетке спереди, однако норки могли покидать свои клетки только через заднюю дверцу, которая вела на игровую площадку, также забранную со всех сторон ржавой стальной проволокой. Кстати, с точки зрения Старейшин, эта льгота служила еще одним доказательством неизъяснимой доброты Хранителя. Благодаря тому, что площадка была ограждена только сеткой и сверху, и со всех сторон, она действительно давала ощущение открытого пространства, довольно относительное впрочем, так как сетка отстояла от стен сарая совсем ненамного. За тем, что происходило снаружи, можно было следить только сквозь грязное слуховое окошко в крыше сарая, так что большую часть времени норки проводили в полутьме, если не считать тех моментов, когда Хранитель включал под потолком какие-то штуки, которые горели ярче, чем солнце, изредка заглядывавшее внутрь.

Разнообразные способы времяпрепровождения, предлагаемые Старейшинами, не нравились ни Шебе, ни Меге. Шеба лишь объяснила сыну основные правила самых распространенных групповых игр, показала сеансы совместной ловли блох, научила устрашающе пыхтеть, раздувая бока, и распушать перед схваткой шерстку, чтобы казаться противнику вдвое больше. Некоторые норки, по словам Шебы, придавали этим играм огромное значение, но сама она находила их скучными и неинтересными.

—Может статься, тебе это понравится больше, чем мне, Мега,— сказала Шеба с надеждой, хотя по всему было видно, что она сильно в этом сомневается. — Большинство игр — например, пятнашки, погони, единоборства, серьезные драки, наконец, — все это мужские забавы. Вероятно, они придутся тебе по вкусу, но не думаю, что ты будешь жить только для этого. Вот так вот, сынок, — заключила она и добавила как бы между прочим:

— Есть еще одна игра, Мега… Если достаточно долго глядеть на разводы и сучки на стене, можно в конце концов увидеть норок — морды и фигуры.

«Какая от этого польза?» — подумал он тогда, однако с тех пор Мега успел изменить свое мнение, ибо не раз и не два пришлось ему искать хоть что-то, что помогло бы ему преодолеть утомительную рутину бедного событиями существования и дать воображению хоть какую-то пищу.

Когда миновало раннее детство, он ощутил воздействие еще одного фактора. Шеба была хорошей матерью, и он любил ее нежно, но оба они существовали словно в какой-то изоляции, природу которой Мега никак не мог постичь. Он часто замечал, что соседи сторонятся их. Не ускользнул от его внимания и тот факт, что остальные норки обитают в клетках целыми семьями, в то время как у него не было никого, с кем он мог бы расти и взрослеть.

И тогда Мега начал засыпать мать вопросами и упреками.

— Скажи, мама, почему у меня нет ни братиков, ни сестричек, как у других малышей? Разве мне нельзя? — снова и снова спрашивал он.

— Дело не в том, что нельзя; просто их у тебя нет — вот и все.

— А почему нет?

— Потому что ты — другой, сынок.

— Но почему я обязательно должен быть другим, мама? Почему я не могу быть как все?

— Каждый рождается с определенным предназначением в жизни, сынок, — говорила в таких случаях Шеба. — Твое предназначение — быть не таким, как все. Ты должен смириться с этим и научиться этому радоваться.

— И поэтому у меня нет папы?

— У тебя есть папа, милый. Просто сейчас он не здесь.

— Где же он тогда?

Этот диалог повторялся снова и снова, и каждый раз Шеба отвечала одно и то же:

— Ты должен подождать, Мега. В свое время ты все узнаешь.

— И тогда я увижу папу? — спрашивал Мега печально.

— Нет, мой милый, — с такой же печалью в голосе отвечала ему Шеба. — Как бы оно ни повернулось, я боюсь, что ни ты, ни я никогда больше не увидим Соломона. И только однажды она намекнула Меге, что может готовить ему «свое время».

— Каким он был, мой папа? — спросил, как обычно, Мега.

— Твой папа был совсем особенный. Он изменил всю мою жизнь. — Это был стандартный ответ, который Мега получал уже не раз, но тут Шеба неожиданно добавила:

— Но не такой особенный, как ты, милый. Ты изменишь не только мою жизнь; твоя судьба — изменить жизнь всех норок.

— Что это значит, мама? — резко спросил Мета. — Скажи мне!

Но она ничего не сказала ему в тот раз; да и в другие разы — как бы он ни допытывался, какие бы ловушки, казавшиеся ему чрезвычайно хитрыми, ни расставлял — Шеба неизменно отвечала, что в «свое время» он сам все узнает.

Из задумчивости Мегу вывел чавкающий звук приближающихся шагов. Если это кто-то из Старейшин, подумал Мега, то, вопреки громогласно провозглашаемому принципу недопустимости частной жизни, ему придется удалиться и терпеть, пока тот не закончит свое дело и не уберется. Увидев, что это всего-навсего Мата, из соседней клетки, Мега вздохнул с облегчением, однако ее появление так или иначе нарушило его. медитативное спокойствие, и он решил бросить свое занятие. Сколько бы он тут ни мучился, вряд ли что получится.

Мата всегда была с ним дружелюбна и часто болтала, хотя он старался сохранять дистанцию и прибегал ко всяческим уловкам, лишь бы не заходить в принадлежащую ее родителям клетку. Что-то в ней и в ее манере настораживало Мегу. Отец Маты, по имени Мародер, был широко известен как существо ограниченное, жестокое и склонное к насилию, и не раз Мега с Шебой, сидя у себя в клетке, в смущении прислушивались к пронзительным воплям и тяжелым ударам, сотрясавшим тонкую фанерную перегородку. Случаи домашнего насилия были не редкостью в колонии благодаря политике Старейшин, которые никогда не вмешивались в семейные дела. Не вмешивались они и тогда, когда сорванцы-одногодки пытались воспитать в Меге «почтительность». Шеба научила сына, как постоять за себя и внушить компании подростков уважение к силе своих лап и остроте зубов, в чем Мега весьма преуспел.

— Давно сидишь? — поинтересовалась Мата.

— Слишком долго,— отозвался Мега, улыбаясь.

— Здесь каждая минуточка кажется слишком долгой, — неожиданно резко ответила Мата. — Я не про уборную, а про все вместе.

В глубине души Мега был с нею полностью согласен, однако вслух ничего не сказал. Шеба учила его не привлекать к себе излишнего внимания, вступая в определенного свойства разговоры, которые изредка позволяла себе молодежь. «Это и есть те самые Дурные Мысли, которые имеют в виду Старейшины, — втолковывала ему Шеба. — Время от времени они посещают всех, но во время Посвящения, когда Старейшины станут знакомить молодых со своей доктриной, они все тебе „объяснят". Пока же, Мега, сосредоточься главным образом на себе самом. Постарайся забыть о Дурных Мыслях или, по крайней мере, старайся не произносить их вслух при посторонних».

И Мега послушался, хотя ему в голову не раз приходила горькая мысль о том, насколько легко выполнить такой наказ, если с тобой почти никто не разговаривает.

— Пора нам всем выбираться отсюда, — продолжала Мата, как будто его вовсе не было рядом. — Лично я вряд ли выдержу здесь долго. Ты знаешь, что инициация совсем скоро?

— Да, — коротко отозвался Мега.

Как он мог не знать об этом? Все подростки ощущали приближение этого события, после которого их официально перестанут считать детьми, несмышленышами. С этого момента молодые норки обязаны будут строго следовать общим правилам, не смея ни на пядь отклониться от официального курса.

— И что ты собираешься предпринять в связи с этим? — требовательно спросила Мата.

Вопрос удивил и озадачил Мегу– Разве тут можно было что-то поделать?

— Ничего, — ответил он, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно нейтральнее. — Шеба говорит, что я должен пройти Посвящение. Она утверждает, что ни у кого из нас нет выбора.

— Да, она права, — кивнула Мата. — Мне тоже придется пройти Посвящение, но я не собираюсь просто так взять и проглотить их дурацкую доктрину целиком. В мыслях я буду сопротивляться ей изо всех сил. И я не одна такая. Несколько моих подружек думают, как я. Мы не такие, как самцы; у нас есть своя собственная голова на плечах, и, что гораздо важнее, мы стараемся сохранить ее во что бы то ни стало.

— В самом деле? — уклончиво переспросил Мега. Но в глубине души он почувствовал раздражение.

Мата терпеть не могла самцов как таковых.

— Скажи,— обратился он к ней, впервые в жизни высказывая вслух мысль, которая довольно часто возникала у него в голове, — если все самцы такие ужасные, то почему ты — единственная, кто разговаривает со мной?

— Ты сам должен знать ответ, Мега. — Мата улыбнулась. — Ты не такой, как все, ты другой. Может быть, не все мы видели это, но все мы знаем, что случилось с луной, когда ты родился. Разве ты сам веришь в байки Старейшин насчет бродячей тучи?

— Я не уверен…— осторожно ответил Мега.

Он несколько раз задавал этот же вопрос Шебе, но она каждый раз отвечала как-то туманно.

«Я не знаю, Мега, — обычно говорила она. — Я была слишком занята — я тебя рожала».

— Ты, может, забыл, Мега? Я тоже тогда родилась — во время затмения, — с неожиданной резкостью проговорила Мата. — Значит, мы с тобой оба другие. Разве ты не видишь: мы с тобой — два сапога пара.

Разговор становился слишком серьезным, чтобы нравиться ему и дальше.

— Ну что же, кое-что общее у нас, без сомнения, есть, — пошутил он, наблюдая, как Мата осторожно и с отвращением на мордочке разворачивается на осклизлой площадке. — Надеюсь, тебе повезет больше.

— И ничего смешного! — сердито отрезала она. — Это унизительно, это ужасно, просто мерзко, наконец! Как, собственно, и все здесь. Ты и я — мы оба прекрасно понимаем, что мы рождены не для такой жизни. А теперь оставь меня, пожалуйста, одну.

Он выбрался на игровую площадку и пересек ее, оставляя за собой мокрые следы; живот продолжал болеть с прежней силой. Неожиданно Мега почувствовал себя подавленным. Он по-прежнему любил Шебу, и его вера в то, что она говорила, оставалась непоколебленной, однако все ее обещания насчет «своего времени», когда он все узнает, почему-то показались ему пустыми. А тут еще это дурацкое Посвящение!

Глава 2. ОБ-ЛО-ПУ-ШИЛИ!

Если бы не настоятельная необходимость, Лопух ни за что бы не вылез на поверхность. В такие дни, как сегодня, он и его друзья-кролики предпочитали ночные приступы голода традиционной вечерней пастьбе, однако Лопух был главой делегации Сопричастных Попечителей к Филину, и эта почетная обязанность не оставляла ему выбора, хотя погода начала ухудшаться с самого утра. Пронизывающий восточный ветер превратился в настоящий ураган, который проникал даже сюда, в нору, а температура воздуха упала так сильно и резко, что все обитатели подземного городка свернулись в клубочки и сидели тесно прижавшись друг к другу, чтобы хоть как-то сохранить драгоценное тепло. Иными словами, это был премерзкий день.

Маргаритка проснулась и уставилась на него непонимающим взглядом. В следующее мгновение ее усы дрогнули, а на мордочке появилась нежная, понимающая улыбка.

— Время пришло,— торжественно изрек Лопух, улыбаясь в ответ.— Но не для тебя; сегодня ты останешься дома. Снаружи слишком холодно для моей милой подружки.

Маргаритка благодарно сморщила нос, и Лопух пополз по подземной галерее, чтобы оповестить остальных. Им хотелось покидать нору еще меньше, чем ему, и маленькая делегация выглядела довольно кисло, когда Лопух обратился к своим товарищам с речью.

— Друзья! — начал он. — Сегодня — наш семнадцатый по счету визит к Филинову гнезду. Как видите, невзирая на объективные трудности, мы не оставляем наших попыток установить с Филином взаимовыгодное сотрудничество. Погода наверху не слишком благоприятствует нашей миссии, однако мы не должны позволять внешним обстоятельствам препятствовать осуществлению наших планов. Мне, вашему признанному лидеру, наверняка не нужно лишний раз напоминать вам, какую важную роль мы должны сыграть в судьбе Общества Сопричастных Попечителей Леса, последовательно отстаивая высоко ценимые нами принципы взаимопонимания, добрососедства и сотрудничества между самыми различными существами.

— Послушайте, Предводитель, — раздался одинокий, неуверенный голос. — Мы так же, как и вы, весьма заинтересованы в осуществлении благородных целей Попечительства, однако так ли необходимо отправляться в путь именно сегодня, сейчас?

Лопух презрительно смерил говорившего взглядом. Он знал, что если кто и попытается отвертеться от выполнения своего долга, то это будет не кто иной, как Травобой, который чаще других ворчал и жаловался на трудности. В колонии Травобой был известен как «кролик, который любит немножко поспать», или, иными словами, как лентяй из лентяев.

— Не будет ли слишком большой дерзостью с моей стороны предположить, что перерыв в наших посещениях гнезда Филина может дать нам какие-то преимущества? — добавил мрачный Травобой. — Позволю себе заметить, что данное предложение предоставит нам — всем тем, кто, как вы, несомненно, согласитесь, уже продемонстрировал свою

непреклонную волю и готовность к великим свершениям,— возможность предаться заслуженному отдыху. Должен оговориться, что я вовсе не настаиваю на данном предложении. Возможно, мы поступим разумнее, если решим вопрос голосованием.

— Спасибо, товарищ, — ответил Лопух, чувствуя огромное облегчение от того, что бунт принял именно такую форму, с которой ему легче всего было справиться. — Однако, прежде чем мы приступим, я позволю себе напомнить, что любое предложение, получившее соответствующее подтверждение в результате должным образом оговоренных процедур, приобретает решающее значение для всей нашей политики. И поскольку предложение *не ходить* к Филину содержит в себе фунда-. ментальную переоценку основополагающих целей нашей стратегии, оно требует проведения полноценного собрания с подобающим кворумом. Так значит, ты настаиваешь, чтобы в ближайшем будущем мы провели такую конференцию и включили твой вопрос в повестку?

Травобой огляделся по сторонам. Остальные продолжали упорно смотреть в землю.

— Нет, нет, Предводитель, я не настаиваю! — рассмеялся он деревянным смехом. — Я просто подумал, что так, возможно, будет лучше, и выдвинул это предложение, руководствуясь исключительно интересами большинства. Но разумеется, если вы считаете иначе…

Он не договорил и тоже потупил взгляд. Лопух выдержал длительную и весьма красноречивую паузу.

— Итак, уважаемые делегаты, поскольку, как я понимаю, никто больше не возражает, давайте приступим к выполнению нашей миссии, — сказал он наконец и первым поскакал в тоннель.

Погода стала еще хуже, и Травобой был, скорее всего, прав, когда предлагал никуда не ходить. В прошлые года активность Общества Сопричастных Попечителей Леса обычно шла на убыль по мере того, как дни становились все короче, ночи — длиннее, а всякая жизнь в лесу замирала. Вынужденные проводить в своих норах большую часть времени, кролики в основном спали, рассказывали друг другу всякие истории и — самое главное — планировали будущие мероприятия и тактические ходы, которые должны были привести к победному концу их непрестанную и самоотверженную борьбу за более высокое качество лесной жизни. Однако это продиктованное природой расписание неожиданно было нарушено выступлением молодых кроликов-активистов.

Всю весну и все лето они нарушали мирное течение регулярных собраний, устраивая бессмысленные диспуты и прения, так что в конце концов положение стало настолько критическим, что Лопух и его сторонники поняли: надо действовать решительно и быстро.

Для обсуждения проблемы была тайно созвана рабочая конференция. Впоследствии Лопуху часто казалось, что до конца жизни он не забудет ужас, охвативший слушателей, когда, открывая конференцию, он со всей откровенностью сказал:

— Товарищи! Чтобы восстановить порядок на наших собраниях, нам необходимо привлечь на свою сторону какое-нибудь существо, которое обладало бы авторитетом, чрезвычайной решимостью и способно было воплощать в жизнь самые жесткие решения. Я предлагаю завербовать в наши ряды именно такого нового сторонника.

— То есть мы должны будем позвать какого-нибудь хищника? — переспросила с глупой улыбкой Кувшинка. Эта молодая крольчиха с длинной и узкой мордой сумела завоевать определенный авторитет среди молодняка благодаря своим внушительным размерам, во-первых, широко декларируемому феминизму, во-вторых, и поддержке Фронта Освобождения Червей, в-третьих.

Услышав ее слова, все остальные кролики улыбнулись. Сама идея казалась им абсурдной.

— Совершенно верно, — как мог, спокойно ответил ей Лопух.— И у меня уже есть одна кандидатура.

Это заявление мгновенно погасило все улыбки.

— Чтобы в наших рядах оказался хищник — мерзкий пожиратель мяса и убийца невинных? Да никогда! — вскричала Кувшинка. — Нет, мы не будем этого даже обсуждать!

Когда на поляне стало потише, кто-то, сохранивший толику здравого смысла» крикнул из задних рядов:

— Кого ты имеешь в виду?

— Филина Филли, — ответил Лопух, и пожар возмущения забушевал с новой силой.

В тот раз Лопуху пришлось использовать все средства из своего политического арсенала, чтобы взять своих оппонентов на измор и заставить их сдаться. Время от времени, разжигая улегшиеся было страсти какой-нибудь ловкой репликой и умело управляя дискуссией, он добивался того, что кролики предлагали альтернативную кандидатуру и сами же ее отвергали.

— Ты готов признать, что твое предложение означает нарушение наших главных принципов? — снова и снова атаковала его Кувшинка.

— Временное нарушение, — парировал Лопух.

— И что твое предложение направлено на достижение сиюминутной выгоды?

— Пожалуй, если ты так ставишь вопрос.

— И что все это, в конечном итоге, предательство и профанация?

— Возможно.

— Ну что ж, в общем-то это достаточно скверно. Не то чтобы у меня было предложение получше, но не в этом дело…

И это было только начало. Пришлось провести несколько тайных конференций, пообещать кое-какие преимущества влиятельному лобби насекомых, организовать закулисные консультации с лидерами фракций и проявить завидную политическую осмотрительность и способности к лавированию между интересами противоборствующих группировок и объединений, прежде чем Лопуху удалось изменить настроение большинства, не потеряв поддержки твердых сторонников жесткого курса, с самого

начала признававших необходимость радикальных — пусть даже непопулярных — мер. И все же для нанесения сокрушительного финального удара Лопуху пришлось прибегнуть к своему главному оружию, а именно — к помощи своего прадедушки, старого кролика по имени Дедушка Длинноух, с которым он предварительно провентилировал этот вопрос. Несмотря на свой невероятный по кроличьим меркам возраст, патриарх все еще пользовался огромным авторитетом. Когда он ненадолго появился перед участниками рабочего совещания и с хрипом и одышкой заявил, что поддерживает план Лопуха, оппозиция сей же секунд сдалась и собрание утвердило состав специальной делегации, уполномочив ее вести переговоры с Филином.

— Лично я остаюсь верной моим принципам и потому не буду принимать в этой авантюре никакого участия! — заявила Кувшинка, но Лопух, втайне поздравив себя с неслыханной удачей, лишь лучезарно ей улыбнулся.

Прыгая вокруг входа в нору и ежась от ударов ледяного ветра, Лопух утешался тем, что сегодня, по крайней мере, делегация будет действовать куда целеустремленней обычного. В иные, более погожие деньки кролики то и дело останавливались по дороге, чтобы поболтать со знакомыми или полюбоваться пейзажем, и он не мог осуждать их за это. На смену пронизывающим холодным ветрам, которыми обычно заканчивалось лето, неожиданно пришла тихая и ясная погода, и листья продолжали украшать собой неподвижные ветви ильмов и буков. Ночные заморозки раскрасили их ли-монно-желтым, соломенно-желтым, кроном, оранжевым, красным, киноварью, темно-малиновым, алым, пурпуровым, марсом, индиговым, сырой сиеной, жженой охрой и умброй, и кролики исчерпали весь свой словарный запас (раздел, посвященный краскам), стараясь описать друг другу всю красоту палитры, которой пользовалась природа, создавая это великолепие. Весь лес купался в прозрачном воздухе и ярком свете умеренно теплых дней. Обильные росы сгибали травинки и сверкали в ажурных паутинах, которые приводили чувствительных кроликов в неподдельный восторг. Сырой, туманный воздух был напоен запахами перегноя и прелых листьев, и обитатели леса сняли обильный урожай грибов, которые дружно полезли из-под земли. Ягоды ежевики стали мягкими и терпкими; желуди, лещина и буковые орешки дождем сыпались с ветвей, крылатые семена кленов и

ясеней, кружась, планировали между стволами, а на болотах поспела клюква. Глянцевитые шишечки вечнозеленого падуба, одетого остроконечными, словно вощеными листьями, превзошли в блеске своем ягоды рябин, собранные в плотные, без просветов, идеально круглые кисти. В подлеске соперничали друг с дружкой желтовато-коричневые плоды шиповника и оранжевой жимолости, а ветвистый алый переступень сверкал на сером фоне папоротника. Нежнейший розовый цвет сердечек веретеницы и барбариса, неоднократно воспетых поэтами-романтиками, оттенял пурпур боярышника, покрывавшего живые изгороди наподобие тумана, внутри которого — в переплетении шипастых ветвей — пламенели мясистые ягоды.

Было так тепло, что лес, казалось, дремал. Даже перелетные птицы собирались в стаи лениво, без обычной галчливой суеты. Полевые мыши жировали среди неспешно увядающей растительности и хрустели скорлупой желудей, добираясь до вкусного ядра; белки, до отказа набив спрятанные от чужих глаз кладовые, двигались без своего обычного проворства, словно устав от изобилия ягод и плодов. Ежи и сони отложили спячку до наступления настоящих холодов и без дела слонялись между кустами. Время от времени они встречались на лесных неприметных стежках с кроликами, и тогда, остановившись для долгой, неспешной беседы, и те и другие в конце концов соглашались, что умершее лето еще никогда не баловало лесное зверье таким великолепием красок и

обилием плодов. Если, конечно, тут нет никакого противоречия в терминах, поспешно добавляли они при этом. Между болтовней и кролики, и их многочисленные друзья и родственники не забывали вволю щипать нежную траву, которая продолжала расти так, словно наверняка знала, что Большие Холода никогда не наступят.

Так продолжалось, пока над долиной, словно наверстывая упущенное, не заревели неистовые ураганы. Когда же к полным мстительной злобы ветрам присоединился Большой Холод, лес оголился буквально за одну ночь, и его багряно-золотой убор превратился просто

в побитую морозцем опавшую листву неприглядного бурого цвета. В лесу не осталось ничего, на что можно было полюбоваться или поглазеть. Завывающий в ветвях ветер словно жил своей собственной, непонятной жизнью; он кружил между стволами, наполнял воздух тысячами ломких буро-коричневых листьев и то уносил их в небо, поближе к серым, неприютным облакам, то швырял прямо в морды кроликам, и от этого они нервничали больше обычного. Тот факт, что они вышли за пределы своего кормового участка, каким-то образом противоречил всем их естественным инстинктам, и к тому же кролики так устроены, что не могут совершать длительные *переходи.* Для кроликов не существует никакого аллюра в промежутке между ленивыми прыжками с места на место и стремительным бегом, так что вся делегация продвигалась вперед короткими и быстрыми перебежками от одного укрытия до другого. Лопух даже подумал, поморщившись, что подобный способ передвижения едва ли пристал столь высокопоставленной делегации, однако иной возможности достичь желанной цели у них не было.

Оглянувшись, Лопух увидел, что Кашка внезапно уселась столбиком, поставив вертикально свои большие уши, которые обычно торчали у нее в разные стороны. Зная, что она наделена сверхострым слухом, Лопух тоже насторожился, однако, как он ни старался, ему никак не удавалось расслышать ничего особенного.

Налетевший неожиданно шквал едва не сбил его с ног, и Лопух тихо выругался. «Пропащий день», — подумал он. Остальные члены делегации были с ним полностью согласны. Припав к самой земле и прищурив от ветра глаза, они выглядели так, словно были сыты проклятой погодой по самые уши.

— В чем дело? — прокричал он, перекрывая шум ветра. — Ты что-нибудь слышишь или что?

— Нет, нет, я никогда не слушаю того, что хорошо слышно! — взволнованно прокричала в ответ Кашка. — Я прислушиваюсь к тому, чего *не* слышно!

Лопух приложил все свои силы, чтобы как можно скорее продраться сквозь все смысловые оттенки

услышанного заявления. Подкомитет по образованию, должно быть, тысячу раз обращал внимание кроликов на необходимость выражаться коротко и ясно, чтобы остальные жители леса воочию увидели их умственное превосходство и легче поддавались исходящей от них силе убеждения, однако привычка выражать свои мысли витиеватым образом оказалась довольно живучей.

Он как раз собирался спросить, к чему же она в таком случае прислушивается или чего же именно она *не* слышит, но в это время ветер донес до него ответ. Монотонное урчание медленно двигавшейся по дороге человеческой *грохоталки,* которое он слышал все это

время, но воспринимал просто как шумовой фон, внезапно прекратилось, и эту перемену уловили чуткие уши Кашки.

— То, чего я не слышу, звучало примерно как грохоталка, которая привозит в лес человека и его желтую собаку, — сообщила Кашка.

Лопух снова выругался. Если Кашка права, им придется отказаться от своей миссии и вернуться домой. А это, в свою очередь, — при нынешних деликатных обстоятельствах — могло привести к катастрофе.

Глава 3. ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

— Можно я посижу с тобой, Мега? — спросила Мата и, не дожидаясь ответа, улеглась на подстилку.

Мега с довольным видом кивнул. Он поспешил на церемонию Посвящения, но не для того, чтобы услышать откровения Старейшин, а из-за возможности впервые оказаться частью группы. Может быть, ему и придется **в**конце концов смириться со своей необычностью, на которой продолжала настаивать Шеба, однако это вовсе не означало, что ему не хотелось быть как все. И вот наконец он, в толпе одногодков, лучезарно улыбается тем, кто хоть раз повел себя с ним дружелюбно. А то, что такая привлекательная самочка, как Мата, сама

подошла к нему и села рядом, переполняло его маленькое сердце гордостью.

С формальной точки зрения Старейшины имели право провести инициацию молодняка гораздо раньше, однако, как правило, они выжидали, пока норки-подростки не достигнут порога зрелости. Что касалось формирования у молодежи подходящего образа мыслей, то эта задача возлагалась на родителей. Посвящение являлось, по сути, лишь формальностью, которая завершала процесс идеологического воспитания и благодаря которой молодые зверьки должны были понять: все, что успели вдолбить им в головы родители, является не чепухой на постном масле, а официальной доктриной, законом, определяющим и регламентирующим все стороны жизни в вольере. Шеба, однако, вела себя совсем не так, как большинство родителей.

— Держи открытыми глаза и почаще давай себе труд задуматься над тем, что увидишь, — говорила она. — Ты должен сам для себя решить, что правильно, а что нет. Было бы лучше всего, если бы ты на время вовсе позабыл о Старейшинах. Сосредоточься на себе, наслаждайся жизнью, играй и ожидай…

— …Своего времени,— перебил ее Мега, и они оба расхохотались. С некоторых пор они часто шутили по этому поводу, и Мега даже начал легче воспринимать свою непохожесть, свое отличие от других молодых норок.

Тем не менее Шеба заботливо проинструктировала сына, как ему надлежит себя вести.

— Может быть, ты и не такой, как все, — поучала она, — однако именно поэтому ты не должен выделяться. Запомни главные правила: гляди в землю, когда проходишь мимо Старейшины, всегда обходи его слева и никогда не заговаривай первым.

Благодаря материнским советам Меге ни разу не пришлось разговаривать с кем-либо из Старейшин. Они просто-напросто не обращали на него внимания — как, впрочем, и остальные взрослые. Исключение составлял лишь Рамсес — из среднего поколения. Он просто из шкуры готов был выпрыгнуть, лишь бы

завязать дружбу, и не только с Мегой, но и вообще с молодежью.

Между тем Мега, пристально наблюдавший за Старейшинами, заметил, как все они заискивают перед Хранителем. Стоило ему только появиться на пороге — и они бросались к решетке приветствовать его. Мега видел, как они униженно следуют за ним вдоль прохода, какими преданными глазами глядят, пока он кормит их или прибирает в клетках, а главное — как Хранитель реагирует на низкопоклонство, разговаривая с ними ласково и время от времени оделяя их какими-то лакомствами.

Только потом Мега понял, как ловко и умело Старейшины организовали жизнь в вольере, чтобы при любых обстоятельствах получать все самое лучшее: самые просторные клетки в самом теплом углу, самое лучшее время для прогулок по игровой площадке, недоступное для других уединение в уборной и — самое главное — право быть первыми у кормушки. Правда, ни одна из норок никогда не бывала по-настоящему голодна, однако лишь Старейшины постоянно жирели, и шерстка у них неизменно лоснилась. Старый Массэм вообще еле ходил, и даже у Габблы, самого активного и подвижного из Старейшин, глазки просто утопали в складках жира и казались крошечными, глубоко посаженными, хотя у всякой нормальной норки глазки-бусинки обычно несколько навыкате.

Когда Габбла вышел из своей клетки и призвал собрание к порядку, Мега невольно придвинулся к Мате, которая улыбнулась ему так, что голова у него закружилась.

Габбла громко откашлялся.

— Как вы все знаете, наш Хранитель принадлежит к человеческой породе, — сказал он своим глубоким, густым голосом. — Люди — выдающиеся существа, не так ли?

Слушатели покорно кивнули.

— Они такие большие, что мы должны относиться к ним с уважением, верно я говорю?

Молодые норки снова кивнули. Они очень хорошо знали, как соотносятся размеры с физической силой,

которая для жизни в вольере значила многое, если не все.

— И у них вовсе не одна шкура, как у нас, — напомнил Габбла. — У людей бывает несколько шкур, которые они снимают и надевают по желанию или по погоде.

Глашатай был совершенно прав. Летом, в самую жару, которая, к счастью, прошла, их Хранитель надевал самую легкую шкуру, в то время как норки продолжали париться в своих мехах. Сменные шкурки — это действительно умно! Все молодые норки сошлись на этом единодушно.

— Люди вообще очень хитрый народ, — продолжил Габбла, словно прочтя их мысли. — Вот почему именно они, а не мы создали мир, в котором мы живем. Это они построили из

бревен наш теплый и крепкий сарай, они соорудили наши прекрасные клетки, а ведь это далеко не все, что они могут. Вспомните: если им нужно, люди умеют превращать ночь в день!

Молодняк яростно кивал. Фокус со светом, который время от времени проделывал Хранитель, не переставал восхищать их.

— Да, люди могущественны, но они добры к нам! — возвысил голос Габбла и ободряюще улыбнулся. — И больше всех любит норок наш Хранитель. Ну-ка, скажите, кто дает нам нашу восхитительную еду?

— Наш Хранитель, — хором отозвались неофиты, впрочем не без некоторого колебания. Память о всеобщем мучительном запоре была еще свежа.

— Совершенно верно! — с энтузиазмом подхватил Габбла.— И не забудьте о воде. А однажды, если мы будем хорошими и не будем огорчать нашего Хранителя, он заберет всех нас в Счастливую Страну, где мы вечно будем жить в неге и довольстве.

Габбла благодушно обежал собрание взглядом своих заплывших жиром глаз.

— А теперь давайте на минуточку представим, что Хранитель не является нашим лучшим другом. Давайте вообразим, что он — наш враг.

При мысли об этом Габбла нахмурился.

. — Если бы дело обстояло так, как я только что сказал, разве стал бы Хранитель держать нас в этих замечательных клетках? — продолжил Глашатай и улыбнулся, отчего его черные глазки вовсе исчезли в складках кожи. — Какая ему от этого польза? Не думаю, чтобы Хранитель мог нами питаться,— мы, пожалуй, жестковаты, разве не так?

На этот раз ответный смех был просто вежливым. Никто из норок еще никогда не задумывался, каково это — быть съеденным.

— Нет, если бы Хранитель был нашим врагом, он бы убил нас всех до одного! — с торжеством провозгласил Габбла. — Посудите сами, к чему ему надрываться и выполнять всю тяжелую и грязную работу — включая уборку наших испражнений, — если бы он не любил нас?

В толпе послышались смешки. Слово «испражнения» считалось грубым.

Габбла тем временем держал паузу.

— Давайте перейдем к следующему вопросу, — важно промолвил он наконец. — Перед вами, молодежью, стоит важная задача — задача продолжения рода.

Снова приглушенное хихиканье. Кое-кого уже начали волновать вопросы пола, хотя дело редко заходило дальше подробного и тщательного исследования соответствующих органов у себя и друг у друга.

— Ладно, повеселились — и хватит! — резко бросил Габбла. — А теперь слушайте меня внимательно. Для того чтобы наш род — род норок — продолжался и продолжался, вы должны всегда оставаться в клетках. Ведь именно о внешнем мире ваши Дурные Мысли,

разве не так? И все вы не раз думали об этом, уж я-то знаю… И не только в ночь полнолуния. Признайтесь: каждого из вас когда-нибудь да посещала мысль о том, что неплохо было бы сбежать из вольера и отправиться путешествовать.

Под взглядом Глашатая молодые норки опустили головы и принялись коситься друг на друга.

— Когда вы были маленькими, вы думали как дети, говорили как дети и поступали как дети, — сурово продолжал Габбла. — Но теперь настала пора подрасти. Внешний мир может казаться вам привлекательным, может искушать вас, но запомните, что я вам сейчас скажу: мир снаружи не для вас!

Голос Габблы стал хриплым, он внушал мистический ужас, к тому же Глашатай принялся ритмично постукивать по полу передней лапой.

— Каждый должен всегда помнить, что, как только кто-нибудь из вас ступит за порог вольера хоть одной лапой, на нас обрушится небо! Это священное знание было доверено первым норкам в незапамятные времена, и с тех пор никто из нас не посмел его нарушить, ибо кара будет ужасна. Небо упадет, и под обломками погибнут все норки мира. И тогда наш народ исчезнет навсегда!

Я не стану повторять это еще раз, — строго, с угрозой проговорил Габбла, переведя дух. — Отныне вы должны навсегда отринуть все Дурные Мысли. Что бы вам ни мерещилось, для вас нет другой жизни, кроме здешней. Так что случится, если хоть один из вас попытается сбежать?

— Небо, небо упадет! — недружно крикнули самые робкие, самые пугливые.

— Вот именно! — завопил Габбла во всю силу своих легких и снова топнул лапой. — Небо упадет из-за одно-го-единственного ослушника, который будет слишком цепляться за свои Дурные Мысли. Это он будет во всем виноват! Потому что если кто-то из вас попробует бежать, тогда случится — что?!.

— Небо упадет!!!

На этот раз Глашатаю отвечали уже все норки, включая Мегу и Мату.

— Верно, — слегка расслабившись, подвел итог Габбла. — Никогда, никогда не забывайте об этом!

После того как Габбла закончил и отпустил всех, Мега гордо прогуливался по игровой площадке вместе с Матой. Как и остальные, они молчали, стараясь переварить то, что им открылось.

— Ты обратил внимание, что, когда Габбла говорил о побеге, он сказал «ослушник», а не «ослушница*? — неожиданно спросила Мата.

— Нет, — ответил Мега, который и вправду не заметил.

— Как это характерно! — вздохнула Мата.— Так почему, как ты думаешь, он так выразился?

— Может быть, он просто забыл про самок?

— Забыл! — насмешливо воскликнула Мата. — Ничего он не забыл. Просто он такой же, как все мужчины, и ты тоже такой. Ты ведь считаешь, что единственное, на что годятся самки, это приносить каждый год по полдюжины щенков, — и все?

Мега огляделся и заметил, что кое-кто уже с любопытством косится в их сторону.

— Но Габбла не говорил, что небо упадет только на самцов, — защищался он. — Он сказал, что мы все умрем. Все — значит, и самки тоже.

— Верно, — согласилась Мата. — Тут ты прав. Но скажи, почему тогда все Старейшины — самцы?

Мега увидел, что в их сторону поворачивается все больше и больше любопытных глаз и ушей, и попытался отшутиться. Оттого, что она привлекала всеобщее внимание, настроение у него испортилось.

— Ты что, считаешь, что это очередной «мужской заговор»?

— Считаю ли я? — эхом отозвалась Мата и помрачнела. — Видать, даже мысль о том, что от нас, самок, может что-то зависеть, тебе не в привычку. Поверь, Мега, если бы всем здесь верховодили самки, многое, очень многое было бы по-другому.

Мега почти не слушал ее; он чувствовал, как вокруг них сгущается атмосфера всеобщей мрачной подозрительности, и готовился дать бой. Почему Мата говорит с ним об этом именно сейчас? Разве она не видит, как все на них уставились? Всего несколько минут назад он наслаждался чувством единения со своими сверстниками, но теперь привычное отчуждение снова вернулось, и все потому, что его ставят на одну доску с этой строптивой самочкой. Вместе с тем Мега не мог не

признать, что Дерзкая Мата была еще привлекательнее, чем Мата Спокойная. Ярко сверкающие глаза и решительное выражение мордочки делали ее особенно живой, в то время как остальные молодые норки напоминали собой просто тусклые тени, еле-еле ползущие по стене в лунную ночь.

Похоже, подумал Мега, ему пора научиться не поддаваться ее физическому обаянию. У него и без того достаточно пищи для размышлений.

— Жаль, что не самки заправляют делами в колонии. Тогда, по крайней мере, они научились бы держать рот на замке, — сердито бросил он и, повернувшись, потрусил в свою клетку.

Глава 4. ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ

Лопух начинал всерьез опасаться, что их везению скоро придет конец. Только на днях Маргаритка вскользь упомянула о том, как удачно вышло, что их предыдущие походы к Филину не были омрачены появлением человека с его желтой собакой. Строго говоря, эти два существа вторгались в лес не так уж часто, и ворчать по этому поводу было бы, право, грешно. Все обитающие в Старом Лесу существа отдавали себе отчет в том, как им повезло, что в их лес приходит только этот, единственный человек, в то время как из

других мест поступали страшные слухи о людях, которые отвоевывали себе все большее пространство. На своих бесконечных собраниях Сопричастные Попечители Леса довольно быстро пришли к заключению, что люди, по-видимому, мнят себя подлинным средоточием вселенной; с тех пор вопрос о человеческом эгоцентризме рассматривался на заседаниях десятка специальных подкомиссий, и множество резолюций, в которых осуждалось существующее положение вещей, было одобрено и принято подавляющим большинством голосов, но никто лапой о лапу не ударил, чтобы что-то изменить.

У Лопуха не было оснований сомневаться в способности Кашки отличить голос одной человеческой грохо-талки от другой. Чего ему не хватало по-настоящему — это взгляда сверху, который позволил бы охватить проблему целиком. «Кстати, — вспомнил Лопух, — где эти треклятые завирушки?»

Завирушки очень любили посещать собрания Сопричастных Попечителей, однако стоило ему только увидеть этих пичуг, как он начинал мечтать о том, как было бы хорошо, если бы они не были такими занудливыми, если бы в них было побольше огонька, живого птичьего задора. Разумеется, Лопух держал свои мысли при себе и никогда не высказывал их публично — это было бы политически ошибочно, а ему приходилось держать нос по ветру, чтобы неловким высказыванием не отпугнуть потенциальных союзников. И все же была у завирушек одна приводящая его в ярость черта, которую признавали за ними все: когда было надо, их никогда не оказывалось на месте. Как, например, сейчас.

Заметив серую белку, ловко перепрыгивающую с одной качающейся ветки на другую, Лопух вздохнул с облегчением. Она явно направлялась к тому месту, где нерешительно переминались с лапы на лапу растерянные делегаты.

— Это желтая собака! — проверещала белка с вершины дерева. — Она идет сюда?

В этот момент впереди, чуть ниже по склону, вспорхнули из какого-то куста вспугнутые завирушки, а где-то совсем близко захлопала крыльями пара диких голубей.

Лопух зашевелил ушами. Насколько он мог судить, человек и его собака поднимались вверх по Тропе, распространяя перед собой волну страха. Пора было и делегатам поискать убежища, однако до ближайшей норы было уже далеко. Как вариант, они могли попытаться остаться на открытом месте. Человек, который пришел сюда с собакой, казался Лопуху не слишком опасным. О нем, во всяком случае, было достоверно известно, что он никогда не носит с собой *ба-бах* — это противоестественное и страшное орудие смерти, которого так

боялись друзья кроликов фазаны. Сама желтая собака — во всяком случае, внешне — казалась грозной, однако у кроликов почему-то сложилось впечатление, что на поверку она совершенно безвредна и не прочь поиграть. Главная сложность, однако, заключалась в том, что она так бестолково металась из стороны в сторону и описывала такие широкие круги, что кролики терялись в догадках, куда направить свои стопы, чтобы ненароком с ней не столкнуться.

Пожалуй, ему все-таки придется дать команду на возвращение, подумал Лопух. Он сумел вывести сородичей обратно на Тропу, не потеряв никого по дороге. Но когда делегация пересекала широкое открытое пространство по обеим сторонам Тропы, желтая собака заметила их и, заливаясь лаем, понеслась длинными прыжками прямо на них, а человек разразился громкими криками, подбадривая свою псину.

На этом руководящая роль Лопуха и завершилась. Позабыв и о коллективной ответственности, и о грандиозных перспективах, кролики кинулись врассыпную, и первым скакал проявивший неожиданную прыть Тра-вобой.

Один только Лопух не побежал вместе со всеми. Может быть, сердчишко у него колотилось, но он остался, ибо хотел кое-что себе доказать. Он давно подозревал, что кролики от природы гораздо храбрее, чем их обычно считают, и не упускал ни одной возможности проверить свою теорию.

Тщательно взвесив все «за» и «против», Лопух двинулся через подлесок размеренными настильными прыжками, стараясь при этом не особенно торопиться. Он напрягал всю свою волю, чтобы не обернуться, хотя за спиной то и дело раздавался треск ломаемых кустов. Собака продолжала преследовать его, в этом не могло быть сомнений, вот только настигает ли она его, или это разыгравшееся воображение играет с ним злую шутку? «Должно быть, все-таки воображение»,— решил Лопух и тут же — на всякий пожарный случай — юркнул в спутанные заросли колючей ежевики. Выбравшись из зарослей с другой стороны, он услышал сзади крик

боли и сдержанно улыбнулся. Сознательно принятое решение принесло свои результаты.

Он вернулся на тропинку и поскакал дальше, сосредоточив все свое внимание на стволе упавшего клена, который перегораживал ее далеко впереди. Со временем его воображение снова разыгралось, и Лопуху начало казаться, что он опять слышит за спиной тяжелое дыхание и топот неуклюжих лап. «К стволу, к стволу!» — твердил он себе в отчаянии, стараясь не думать больше ни о чем, кроме этого упавшего дерева. Шум погони становился все громче, но он твердо решил не оглядываться, чего бы это ни стоило. На всякий случай Лопух перешел на быстрый бег, с силой отталкиваясь от земли мощными задними лапами, но топот и хруст ветвей приближались. Сомнений не было — собака настигала его! Практика возобладала над теорией.

Но полноте, так ли это? Лопух вдруг обнаружил, что останавливается и поворачивается назад, чтобы встретиться с противником лицом к лицу. Вот она, большая желтая собака, — уши летят по ветру, со вздрагивающих черно-розовых губ тянутся нити блестящей слюны, из-под стремительных лап откатывается назад пространство. Но, сам не понимая почему, Лопух неожиданно побежал прямо навстречу чудовищу. Он страшно гримасничал, скалил острые передние зубы и, к своему величайшему изумлению, даже испускал угрожающее рычание! И собака отреагировала. Сначала она затормозила задними лапами, неуверенно потопталась на месте и вдруг бросилась прочь. Теперь уже Лопух преследовал ее! Он летел вперед словно ветер и настигал, настигал желтую собаку с каждым прыжком!

«Вот достойный способ завершить погоню», — подумал Лопух, совершая внезапный бросок в сторону и скрываясь в кустах. Выйти из игры вовремя — вот решение, которое позволит ему остаться непобежденным. Испытывать судьбу и дальше было бы неразумно и небезопасно.

Благополучно вернувшись к родной норе, Лопух намеренно остановился на поляне — поужинать. Несколько завирушек с жалобным попискиванием кормились

возле; шквалистый ветер трепал и толкал их, и Лопух снисходительно улыбнулся. Пусть сегодня буквально все препятствовало делегации, не было никакого смысла ссориться и выяснять, кто виноват.

Выбрав местечко поближе ко входу — на случай, если ему неожиданно придется спасаться, — Лопух уселся поудобнее и принялся щипать короткую траву. «Интересно, — думал он, — понимают ли страшная собака и ее человек, какой большой вред и какому огромному количеству живых существ они нанесли своими безответственными, необдуманными действиями?»

Убедившись, что желтой собаки по-прежнему не видно и не слышно, Лопух наконец позволил себе спуститься в уютную и теплую нору. От ветра у него слегка звенело в голове.

— Ты замерз! — вскричала Маргаритка, завидев его. — Где ты был? Все остальные уже сто лет как вернулись! Давай я тебя согрею.

Она тесно прижалась к нему.

— Как жаль, что человеку именно сегодня понадобилось прийти в наш лес, — проговорила она, когда Лопух благодарно прильнул к ее теплому меховому боку. — Травобой только и твердит, что, если бы его предложение было принято, у всех у нас мог бы быть выходной день — и с тем же результатом, если не считать того, что желтая собака до полусмерти напугала делегатов. Каков наглец, а? Можно подумать, он заранее знал, что вы столкнетесь с этим ужасным человеком и с его собакой!

— Не все так плохо, дорогая, — отозвался Лопух. — Эти двое беспокоят нас не так уж часто. В высшей степени маловероятно, что в ближайшее время они решат снова нанести визит в лес, следовательно, мы сможем без помех добиться своей цели.

Маргаритка светло улыбнулась ему, и Лопух вернул ей улыбку, в которую постарался вложить всю свою любовь. Редкий кролик — особенно если он был вовлечен в политическую деятельность так глубоко и полно, как Лопух, — мог похвастаться такой безоговорочной поддержкой своей подруги.

Лопух рассчитывал, что кролики будут появляться у дерева Филина каждый вечер, без всяких исключений; именно поэтому он и дал Травобою такую решительную отповедь. Залог успеха, по мнению Лопуха, был именно в регулярности появлений — это должно было взвинтить любопытство Филина выше всякого предела. По его соображениям, именно любопытство должно было привлечь хищника на их сторону. Сегодняшний непредвиденный сбой мог разрушить гипнотическое воздействие, каковому Лопух надеялся исподволь подвергнуть Филина.

— Мы все должны надеяться на лучшее, — неожиданно сказала Маргаритка, прервав течение его мрачных мыслей. Ей хотелось, чтобы он поменьше переживал и почаще предоставлял событиям возможность самим развиваться в нужном направлении. Стрессы были слишком вредны для хрупкого здоровья Лопуха.

— Постарайся расслабиться и заснуть, любимый, — прошептала она, прижимаясь щекой к щеке мужа. — Все лучше, чем всю ночь мучиться.

Глава 5. ПИРОЖКИ С СОБАЧАТИНОЙ

Наблюдая, как Мега на игровой площадке легко расправляется с очередным соперником, Массэм то и дело хмурился.

— Боюсь, он превратился в законченного драчуна и хулигана, — вздохнул Вождь, увидев, как Мега совершает решительный бросок к загривку соперника. — А знаешь почему, Габбла? Дело ведь не в размерах и не в силе. Просто он умеет предугадать каждый следующий ход.

Пока он говорил, Мега исполнил безупречный двойной нельсон, со всей силы припечатав противника к земле.

— Да, он сумеет за себя постоять, — неохотно согласился Габбла.

Двое Старейшин выбрали для наблюдений за Мегой тот самый период, когда выявляется окончательный рейтинг среди юниоров. И ни тому ни другому не понравилось то, что они увидели.

— Нужно что-то с этим делать, Габбла, — брюзгливо продолжал Массэм и наморщил нос. — Он поднимается все выше и выше. Разумеется, ни к одной семейной, состоящей из братьев и сестер стайке он присоединиться не может — родители все еще выполняют наш приказ и не разрешают своим детям общаться с ним. Кроме, разумеется, Атары. Ее дочь, похоже, весьма интересуется Мегой, и это тоже мне очень не нравится. Эта Мата — явная смутьянка. Но самое неприятное, Габбла, это то, что его еще никто не победил, верно?

— Боюсь, что так, Вождь.

Габбла был осведомлен об успехах Меги гораздо лучше, чем Массэм.

— Мега — самец,— терпеливо напомнил он.— Вы же знаете, Вождь, как это бывает. Установление иерархического порядка внутри возрастной группы — это естественный процесс, который мы не можем изменять по собственному произволу.

— Не понимаю, почему нет! Мы ведь управились уже не с одним естественным процессом, — сердито откликнулся Массэм.

Габбла почел за благо подавить свое раздражение. Все было далеко не так просто, как казалось стареющему Вождю. Габблу назначили официальным Глашатаем Совета Старейшин за умение убедительно и хорошо говорить, так почему же Массэм каждый раз ожидает от него готового совета, какого-то волшебного средства, с помощью которого можно решить неразрешимую проблему?

— Ты заметил, что Мега не хвастает своей силой? — еще более ворчливым тоном осведомился Массэм. — Он позволяет себе использовать свое преимущество только в состязаниях. Но недавно он такую невероятную штуку выкинул — лично я весьма озабочен. Молодняк травил Психо — ну, этого мерзкого недоноска, что шпионит для нас, — и Мега вмешался и спас его. Я не знаю, сам ли он до этого додумался, или мать

научила — всем нам хорошо известно, какая она, эта Шеба, — однако это не может не внушать тревоги. И таких «добрых» поступков за Мегой числится уже несколько. Он вербует сторонников — вот что я скажу. После своего чудесного спасения Психо просто прилип к нему.

Габбла вздохнул. Как и Вождь, он с крайним подозрением отнесся к неожиданно возникшей симпатии между Мегой и Психо — этим худосочным подростком. Коротышка Психо был настоящим изгоем, его не любили даже родители, и вот теперь он и Мега

расхаживали парочкой по игровой площадке — Габбла видел это своими собственными глазами. Сам Глашатай считал, что этих двоих связывает положение отверженных, но он не был уверен, способен ли Массэм это понять.

— И еще одно: что нам делать с Макси? — проговорил Массэм.

Габбла снова вздохнул. Макси, находившийся на противоположном от Психо конце иерархического спектра, был еще одной проблемой, которую Вождь был рад переложить со своих на его плечи.

— Может быть, Макси и туповат, Габбла, но он очень силен, — продолжал Вождь. — Ему уже давно пора было помериться с Мегой силой, но он глядит на него исключительно снизу вверх. Говорю тебе, Габбла, мне не нравится, как идут дела в колонии. С самого начала наша идея заключалась в том, чтобы обеспечить полную изоляцию Меги. Он должен был остаться таким же чужаком, как и его мать.

— Кому же это понравится, шеф? — откликнулся Габбла. — Но вспомните, я только недавно посвятил его в нашу доктрину, посвятил вместе со всеми остальными. Не беспокойтесь, скоро он станет покорным.

Массэм с сомнением во взгляде прислушивался к громким приветственным крикам молодых норок. Мега неподвижно стоял над своим противником, который, разведя в стороны все четыре лапы, подставлял ему незащищенное брюхо в знак того, что сдается. Макси глядел на Мегу с обожанием, а рядом корчился от восторга Психо.

— Боюсь, Габбла, наш Мега поверг в прах еще одного соперника.

«Почему этот старый мешок с дерьмом так мрачно смотрит на вещи?» — спросил себя Габбла и встрепенулся, когда молодые скопом бросились к сетке, не спуская глаз с дверей сарая.

— Горчица! — возбужденно кричали они. — Горчица пришла!

Габбла насторожил уши. Принадлежащая Хранителю горчично-желтая лабрадорша играла важную роль в его программе Посвящения молодых норок, однако в последнее время она, как назло, не забредала в сарай.

— Вот тебе возможность произвести на Мегу еще более сильное впечатление, — проворчал Массэм.

— Конечно, шеф, — подхалимски поддакнул Габбла. — Если позволите, я оставлю вас, чтобы использовать ее как можно полнее.

С этими словами Габбла тоже устремился к сетке, чувствуя огромное облегчение от того, что может расстаться с этим старым пердуном.

Он даже побежал, торопясь успеть к месту событий, пока кто-нибудь из молодняка не начал разговор первым. Габбла уже предупреждал молодых норок, что только он имеет право разговаривать с собакой Хранителя. «Слушая нашу беседу, — говорил он им, — вы сумеете лучше понять силу и глубину привязанности, которые Хранитель питает не только к нам, норкам, но и к другим животным. Например, он регулярно берет свою

собаку в Счастливую Страну, куда все вы попадете однажды, если будете соблюдать законы колонии. Горчица лучше, чем кто-либо, сумеет рассказать вам, как там чудесно».

Мега первым добежал до проволочной сетки и прижался к ней. Рядом с ним тут же оказалась Мата, и они вместе уставились на невиданное животное. Когда-то давно Горчица уже забредала в сарай, но они тогда были слишком малы, чтобы оценить ее по достоинству.

— Какая большая, Мега! — прошептала Матз. — А как странно она пахнет, ты не чувствуешь?

— От нее просто воняет, — отозвался Мега и сморщился, подумав о том, как мало этот запах отличается от привычного норочьего запаха или — если называть вещи своими именами — от запаха уборной. Желтая шкура собаки была покрыта корочками засохшей грязи и, если только он не ошибся, кой-чего похуже.

— Да она вся перемазалась в дерьме, Мата! — прошептал он с недоумением.

Мата была потрясена еще больше, чем он. Как-никак, они с Горчицей принадлежали к одному полу.

— Как это отвратительно! — отозвалась она, все еще не веря своим глазам и носу. — Она совсем не такая, как Пуссли!

Кошка Пуссли регулярно появлялась в сарае, но норки никогда с ней не заговаривали. Габбла разъяснил, что это вкрадчивое и хитрое существо является заклятым врагом норок, и строго-настрого запретил им обращать на Пуссли внимание. Впервые увидев ее свирепую морду и острые зубки, Мега и Мата пришли в недоумение; по крайней мере, внешне Пуссли была очень похожа на них самих, хотя в отличие от буро-коричневых норок ее шкура представляла собой в высшей степени бессистемное смешение черного и рыжего цвета.

Но тут Пуссли заговорила, и они начали понемногу понимать, что имел в виду Габбла.

— Ну, как поживаете, мои дорогие? — промурлыкала она, с вызывающим видом расхаживая по проходу и поглядывая на них своими узкими зелеными глазами. — Все сидите по клеточкам, да? И ничто не изменилось, так? Позволю себе напомнить вам — почему. Да потому, что вы все — низшие существа, особенно по сравнению со мной, кошечкой. Да, да, дорогие мои, я вижу, что вам это не нравится, но так оно и есть, и с этим ничего не поделаешь. Мы, кошки, настолько умны, что даже ваш Хранитель признает это. Например, он верит, что у меня не одна, а целых девять жизней. Я даже слышала, что его предки когда-то поклонялись кошкам. Должно быть, вы знаете, что Хранитель и

в особенности его жена любят меня до безумия, холят, лелеют и балуют.

Что касается вас, норок, то вы такой грубый и глупый народ, что человек волей-неволей вынужден держать вас в этом грязном сарае, в этих отвратительных клетках, где — как он совершенно правильно рассудил — вам самое место!

Так позвольте мне подвести неутешительный итог, мои дорогие: ваша беда в том, что вы, норки, далеки от совершенства, вы просто ничтожества, или как говорим мы, кошки, мур-ра!

Сказав это, Пуссли удалилась, презрительно вздернув рыжий с черными полосками хвост.

Но собака — это было совсем другое дело, и, памятуя об объяснениях Габблы, молодые норки с готовностью расступились перед Глашатаем, который, отдуваясь, спешил к сетке.

— Здравствуй, Горчица, рад тебя видеть! — приветливо окликнул он собаку. — Как поживает твой Хозяин?

— Спасибо, очень хорошо, — вежливо сказала Горчица.

— Ты любишь своего Хозяина, Горчица?

— Конечно. И Хозяйку тоже. Они оба так добры ко мне! Кто-кто, а они-то знают, чего нам, животным, надо.

— Безусловно, — согласился Габбла и несколько раз выразительно кивнул, обращаясь к собравшимся вокруг него молодым норкам. — Под «Хозяином» Горчица подразумевает нашего Хранителя, — пояснил он громким театральным шепотом для самых недогадливых.

Желтая собака от природы была животным дружелюбным и общительным, но за пределами сарая она могла поговорить разве что с Пуссли, которая, считая себя высшим существом, беседовала с ней, сидя высоко на заборе. Прокрадываться же в сарай к норкам было вдвойне интересно еще и потому, что это было ей строжайше воспрещено. К сожалению, в последнее время ей почти не предоставлялось такой возможности. Сначала Хозяйка взяла ее с собой в долгую поездку, потом Хозяин был настолько занят, что держал Горчицу под

замком в доме, и только сегодня — после сытного обеда — он взял свою любимицу в чудесный лес.

Правда, по возвращении Хозяин не пустил собаку в дом, потому что она вывалялась в грязи. Сначала безутешная Горчица долго лежала на крыльце, гадая, когда же Хозяин наконец сжалится и пустит ее в теплый дом. Потом в доме зазвонила одна хитрая штука с колокольчиком внутри, и Хозяин с Хозяйкой неожиданно уехали куда-то в грохоталке. От скуки Горчица решила пройтись по двору и обнаружила, что ворота норочьего сарая открыты.'

Глядя на любопытные мордочки, на горящие жадные глаза, обращенные к ней, Горчица невольно подумала, как все они, в сущности, похожи на Пуссли. Впрочем, норки были гораздо дружелюбнее, чем кошка, в особенности тот толстый самец, который всегда разговаривал с ней. Вот и сейчас он, похоже, был крайне рад видеть ее.

— Скажи, что интересного совершил Хозяин в последнее время? — полюбопытствовал толстяк.

— Спасибо за вопрос, — с готовностью откликнулась Горчица. — Мы с ним только что вернулись из чудесного леса. Это там я так испачкалась.

«Что за отвратительное, глупое животное», — подумал Габбла. Впрочем, то, что Горчица побывала в лесу, было для него большой удачей.

— Ты имеешь в виду Счастливую Страну? — уточнил он с фальшивым восторгом в голосе.

Горчица помахала хвостом и кивнула. Самец, который разговаривал с ней, всегда называл лес Счастливой Страной, и она ни разу ему не возразила. В конце концов, для нее лес был действительно счастливым местом.

— Как тебе везет, Горчица! Скажи, Счастливая Страна все так же прекрасна?

— Да, она прекрасна и даже стала еще лучше.

— Расскажи нам о Счастливой Стране, Горчица. Жирный зверь, который задавал вопросы, похоже,

никогда не уставал слушать ее подробные отчеты о прогулках с Хозяином, а Горчица не уставала снова и снова живописать известные ей детали.

— Это очень красивый и густой лес. Он такой большой, что я так и не нашла, где он кончается. В лесу растут кусты, маленькие и большие деревья, между ними травянистые поляны, и все это тянется, насколько хватает глаз. Некоторые деревья просто гигантские — особенно то, которое растет на самой большой поляне прямо в середине леса.

— А кто там живет, Горчица?

— Всякие существа, и их там великое множество. Во-первых, это птицы — фазаны, голуби, грачи, сороки, зяблики, галки, малиновки и даже страшный филин, голос которого я слышала один или два раза. На земле и под землей живут миллионы крошечных живых существ: мыши, землеройки, полевки, крысы — эти, впрочем, довольно противные, а еще звери покрупнее: ежи, ласки, лисы и барсуки. Эти слишком велики даже для меня. Ну и конечно, в лесу тьма-тьмущая кроликов. Эти ушастики нравятся мне больше всего. Вы бы видели, сколько их нор я разрыла! Только сегодня, когда мы с Хозяином шли по Тропе, я увидела этих кроликов не меньше сотни! Одного я даже преследовала и загнала так далеко, что чуть было сама не потерялась. — Ее кроткие глаза заблестели при этом воспоминании.

— Но ты поймала его, Горчица?

— Если вас это интересует, то нет, вернее, не совсем, — нерешительно проговорила Горчица, припоминая, что на каком-то этапе дело обстояло как раз наоборот. С тех пор она не переставала спрашивать себя, что сделало того кролика таким агрессивным. — Но кролик был достаточно близко, — поспешно добавила она, нисколько не погрешив против истины.

— Молодец, Горчица! Ты смелая собака, — одобрительным тоном проговорил Габбла, удивляясь про себя, как столь жалкое и трусливое существо умудряется так долго оставаться в живых. — Река, — напомнил он, заставляя Горчицу перейти к следующей теме.

— К реке Хозяин обычно водит меня после леса, чтобы я как следует почистилась, — послушно пояснила Горчица. — Но сегодня уже после этого я вывалялась

в траве, в которую случайно попало несколько коровьих лепешек.

— Это мы заметили, — сухо кивнул Габбла. Горчица криво улыбнулась.

— Река, — твердо повторил Габбла, и ее улыбка тут же погасла.

— О, прошу прощения, — извинилась она. — Река очень широкая и такая глубокая, что иногда я не могу достать до дна. Сегодня там было очень много воды, и вся она была бурая от грязи, так что мне пришлось плавать изо всех сил, чтобы доставать палки.

— Как насчет рыб?

— Там полно рыб. Я видела, как они выпрыгивают из воды, и некоторые из них были длиной с мою лапу. Кроме того, по реке плавают утки, я сегодня их вспугнула. А в камышах водятся цапли. В прошлый раз я даже видела одну…

— Значит, в Счастливой Стране по-прежнему все отлично, так, Горчица?

— Лучше, чем когда-либо. Честное слово — лучше!

— Мы все очень рады слышать это, верно я говорю?

С этими словами вопрошавший повернулся к своим соплеменникам и выразительно затряс головой.

— Вот, теперь вы сами слышали о Счастливой Стране из уст существа, которое побывало там. Как видите, она в самом деле такая, как мы вам рассказывали, и даже лучше. Разве не счастливица эта Горчица, которую так любит наш добрый и заботливый Хранитель?

С этими словами он улыбнулся, глядя прямо на Мегу, но тут случилась удивительная вещь: его властный взгляд впервые дрогнул и сам собой уперся в землю, не выдержав ответного взгляда блестящих черных глаз молодого самца.

После ухода собаки остальные норки довольно скоро разошлись, и только Мега и Мата продолжали неподвижно сидеть у решетки, глядя на большое мокрое пятно, оставшееся на полу в том месте, где сидела

Горчица. Довольно долго оба молчали, боясь нарушить ощущение душевной близости и понимания.

— Ну, Мега, что ты теперь думаешь о Счастливой Стране? —первой нарушила молчание Мата.

— Судя по тому, что мы слышали, это совсем другой мир, разве не так? — уклончиво ответил Мега, стараясь скрыть свои подлинные чувства. Горчица еще не успела договорить до конца, а он уже почувствовал жгучее желание оказаться в ее лесу как можно скорее.

— Так и есть, Мега, — просто сказала Мата. — А ты не задумывался, почему из всех норок только Габбле можно разговаривать с собакой?

Мега решил отделаться шуткой и — заодно — лишний раз поддеть Мату по поводу ее феминизма.

— Ты считаешь, что с Горчицей должен говорить кто-то другой? Чтобы, так сказать, обсудить этот вопрос чисто по-женски, между двумя самками? — насмешливо отозвался он.

— Не обязательно! — резко перебила Мата. — Хотя женщина, по крайней мере, задавала бы толковые вопросы вместо того, чтобы поощрять эту болтливую собаку снова и снова повторять, как там замечательно. На месте Габблы я бы обязательно спросила ее вот о чем: если лес это действительно та Счастливая Страна, о которой нам все время долдонят, то почему там нет ни одной норки? Ведь их там должно быть полным-полно. Тебе не кажется это странным?

— Пожалуй,— медленно отозвался Мега. Об этом он не подумал. Мата была совершенно права: так ли, эдак ли, но Счастливая Страна должна просто кишеть норками.

— Знаешь, Мега, — в конце концов проговорила Мата с нарочитым спокойствием, — я что-то не верю во всю эту чепуху насчет Счастливой Страны. Думаю, и ты тоже не веришь.

Их взгляды встретились, и Мега почувствовал, что Мата испытывает его. В ее взгляде был вызов, которого он еще никогда не видел в глазах самок. Пожалуй, Мата слишком часто вела себя как мужчина, беря лидерство на себя и двигаясь к цели кратчайшим путем.

Мега продолжал глядеть прямо на нее, в надежде, что Мата — как, в конце концов, поступали все норки — отведет взгляд, но этого не случилось. Мата лишь пошире раскрыла глаза, и была в ее взгляде такая сила, что Мега вынужден был заговорить.

— Может быть, я и не верю, — сказал он хмуро, — но даже если так, то что, скажи на милость, нам с этим делать?

Глава 6. «СПОЙ, ФИЛИН, НЕ СТЫДИСЬ!»

Вчера, засыпая, Филин положил себе подняться пораньше. Потихоньку потянувшись, он искоса бросил взгляд на спящую Юлу и на цыпочках прокрался к выходу из дупла, осторожно ступая по скопившемуся на дне гнезда мусору. Вчера кролики не явились, и Филин, которому уже стало их недоставать, чувствовал себя слегка обманутым. Должно быть, предположил он, виноваты в этом человек и его собака, чей вчерашний приход в лес поверг в хаос привычный уклад жизни.

Лай собаки разбудил и Филина, и он не смог больше уснуть. Непрекращающиеся жалобы и стенания разбуженной Юлы только усилили его раздражение. Одно время ему даже казалось, что он слышит частое дыхание глупого желтого животного, которое беспорядочно носилось вокруг дерева. Потом его чуткий слух разобрал вдали шум человеческой грохоталки, который быстро удалялся, и Филин стал ждать кроликов, но они так и не явились, и в конце концов он выбрался из гнезда, чтобы насладиться полетом сквозь ветреную тьму. Но сегодня погода была намного тише, ветер выдохся, и Филин не видел причин, которые бы помешали кроликам прийти сегодня.

Он был уже у самого выхода, когда его настиг раздраженный и резкий голос Юлы:

— Ты ведь не собираешься снова болтать с этими треклятыми кроликами!

— Вот гуано!..— вполголоса выругался Филин. Он был уверен, что Юла спит, однако, повернув голову, он увидел ее: перья встопорщены, круглые глаза вытаращены так, что едва не вылезают из орбит.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не разговаривал с этими травоядными прямо у гнезда? Они не настоящие звери, эти презренные вегетарианцы! И ты сам выглядишь жалко, когда якшаешься с этими тварями.

Филин перепорхнул с порога дупла на ближайшую ветку, стараясь не обращать никакого внимания на шипение Юлы. Их гнездо помещалось высоко над землей в дупле великолепного старого бука. Вход был совсем маленьким, благодаря чему внутри было безопасно и сухо, а сук, на котором он сейчас сидел, служил удобным насестом. Словом, гнездом вполне можно было гордиться, и они гордились, во всяком случае до тех пор, пока, лишенное ухода и ремонта, оно не пришло в нынешнее запущенное состояние.

Филин машинально окинул взглядом окрестности. Бук рос почти в самой середине леса, неподалеку от ручья, и сквозь переплетение голых ветвей проглядывал склон, спускающийся к Долгому полю. Чуть дальше тускло поблескивала в свете неяркого солнца река, а за ней ослепительно сверкала движущаяся по шоссе точка — это мчалась прочь человеческая грохоталка. В полях, на противоположном краю долины, тоже что-то рябило и двигалось; разглядеть, что там происходит, было нелегко, но Филин и так знал, в чем дело. Там работали люди, и идущие за плугом грачи то и дело вспархивали с борозды, чтобы, покружившись в воздухе, снова опуститься на землю.

Если верить старому другу Филина барсуку Борису, который постоянно ворчал насчет того, как здесь было хорошо раньше и как все пошло кувырком, с тех пор как в долину пришли люди, — она когда-то была покрыта деревьями и густым кустарником. В то же самое время Филин и другой его приятель, лис Фредди, признавали: все это было так давно, что теперь не имеет никакого значения. Даже Борис, как всегда ворчливо, сказал как-то, что в последнее время люди ведут себя вполне прилично, по крайней мере по отношению к барсукам. Филин, честно говоря, этого не знал. Он знал только одно: что он готов отдать все что угодно за одну-единственную ночь, в течение которой все следы человеческой деятельности исчезли бы и он смог бы увидеть эту землю свободной от людей. Именно поэтому появление в лесу человека с его желтой собакой вызвало у него такую сильную досаду. Разумеется, Филин не считал лес своей личной собственностью, однако эти непрошеные вторжения на территорию, которая была священной для всех ее обитателей, активно ему не нравились. Фредди, правда, с ним не вполне соглашался. Он рассматривал людей с точки зрения новых возможностей, которые они давали обыкновенному лесному жителю, имея в виду, несомненно, свои набеги на курятники.

— А как же охота, дружище?! — говаривал обычно Филин, чтобы поддразнить Фредди, но лис был слишком уравновешен, чтобы завестись с пол-оборота.

— В одном выигрываешь, в другом обязательно проигрываешь, — пожимал он плечами. — Не я это устроил, Филли. Я живу в этой объективной реальности, только и всего.

Никто из них, разумеется, не знал, кто и зачем устроил все именно так, о чем Юла неизменно напоминала своему супругу всякий раз, когда он пытался обсудить этот вопрос с ней.

— Почему бы тебе не оставаться просто филином, Филли? — вопрошала она. — Почему бы тебе не перестать удивляться окружающему? Ведь никаких ответов на свои вопросы ты все равно не дождешься, во всяком случае ни от Бориса, ни от Фредди.

Вскоре Филин пришел к заключению, отчасти оправданному, что Юла просто ревнует его к друзьям. Его супруга, как недавно выяснилось, была птицей чрезвычайно невысокого полета с неправдоподобно узким кругозором. Дальнейшая совместная жизнь с нею была, таким образом, просто невыносима, и Филин утешался лишь раздумьями о лесе в целом. Должно быть, поэтому

кролики из Общества Сопричастных Попечителей решили обратиться именно к нему.

Стряхнув с себя задумчивость, Филин с удовлетворением отметил, что кролики все-таки явились. Их белые хвосты то и дело мелькали в густых зарослях падуба.

— Аху-уу! Аху-уу, могучий Филин! — звали они, не решаясь, однако, выйти из укрытия.

Кролики всегда нервничали в первые минуты своего визита, и тому была своя причина: кроличье мясо значилось в списке излюбленных блюд его и Юлы, однако, если говорить честно — а честность была одним из тех качеств, которыми Филин гордился, — он мог справиться разве что с крольчонком или с ослабевшим от старости зверьком. Полевки всегда были и будут его любимым блюдом.

Вот уже полмесяца кролики ежедневно являлись к его буку. В самый первый день они появились словно из-под земли. Разумеется, ему не составило бы труда распугать их, однако, коль скоро кролики выбрали для своего появления именно тот промежуток времени, когда он праздно сидел на суку, ожидая, пока сгустятся сумерки и можно будет лететь на ночную охоту, он воспринял их вполне добродушно. Когда визиты стали повторяться регулярно, Филин почувствовал, что заинтригован. Должно быть, происходило что-то очень и очень любопытное, если эти пугливые создания проявили такое неслыханное мужество, ибо в обычное время они избегали его так же тщательно, как и миксоматоза*1*.

1 Миксоматоз — вирусное заболевание кроликов, передается москитами. *(Здесь и далее — прим. переводчика.)*

Лопух деловито подскакал к самому стволу и приветственно махнул Филину лапой.

— Здравствуй, наш дорогой товарищ! — прокричал он. — Как дела? Не побоюсь этих слов, отличный вечерок сегодня! Ну прямо-таки чудесный.

— Все хорошо! — проухал Филин в ответ. — И погода действительно не в пример вчерашнему, так?

— Конечно, товарищ. Кстати, я должен извиниться за то, что мы не смогли прийти вчера, но это не наша вина. Обстоятельства сложились крайне неблагоприятно… Во-первых, вчера в лесу разыгралась настоящая буря, но мы бы все равно пришли, если бы не человек и его желтая собака. Надеюсь, этот шум и лай не потревожили твой сон…— заботливо заметил Лопух и продолжил: — Тебе, наверное, интересно будет узнать, что мы, Сопричастные Попечители Леса, собираемся созвать митинг протеста и осудить эти беспардонные вторжения.

Филин только молча хлопал глазами, очарованный и завороженный витиеватой манерой кролика выражать свои мысли. Сколькими словами можно выразить самую простую мысль? Кому-то, может быть, хватило бы и десятка, но только не кроликам. Впрочем, как это часто бывало, синтаксический период, которым только что разразился Лопух, повис в воздухе. Во всяком случае, Филин не был абсолютно уверен, что ему следует отвечать.

— Все еще хочешь, чтобы я тебя навестил? — прокричал он просто для того, чтобы поддержать разговор.

— Да, конечно, о самый могучий из Филинов! Раздался хор умоляющих голосов:

— Приходи к нам, могучий Филин! Приходи к нам, пожалуйста!

— Почему бы тебе не слететь вниз и не поболтать с нами? — вопрошал Лопух. — Уверяю тебя, никаких формальностей, никакой повестки дня или протокола не будет. Просто небольшая дискуссия по наиболее общим вопросам, во время которой мы постараемся объяснить тебе наши цели и ответим на любые вопросы, которые тебе захочется задать. После этого, так сказать, первого знакомства мы сможем вместе обсудить нашу главную идею, которая — я надеюсь — крайне тебя заинтересует. Не сочти за лесть, Филли, но мы весьма в тебе нуждаемся. Уверяю тебя, ты ничего не потеряешь, если пойдешь нам навстречу!

— Ты ничего не потеряешь! — поддакивала подружка Лопуха Маргаритка, часто-часто моргая своими длинными мягкими ресницами и пристально глядя на опавшую листву. — Ведь мы же разумные существа, правда?

Филин, не совсем хорошо понимая, при чем тут разум, с важным видом кивал.

После этого Лопух пускался во все тяжкие и начинал льстить без зазрения совести.

— Скажу откровенно, о могучий Филин, ты мудрое и уважаемое существо, которое от рождения может и должно играть важную роль в лесной жизни, — говорил он, и остальные кролики начинали хором поддакивать:

— Да, могучий Филин, мы все тебя уважаем!

— Какой авторитет!

— Какая взвешенность суждений, какая мудрость, какая достойная восхищения основательность! Разве вы не видите, товарищи, что основательность — одно из самых выдающихся качеств нашего Филина? — вопрошали одни.

— Ну конечно, — отвечали остальные.

Филин не знал, что такое этот «оторвитет»; что касалось термина «основательность», то ему почему-то казалось, что он должен иметь отношение к тому, на чем кролики сидят. Особенно крупными размерами филейной части отличался Лопух, которого Филин сразу же окрестил про себя Большой Задницей.

Но сегодня стоило только Лопуху начать свою хвалебную речь, как из гнезда появилась Юла и без труда перекрыла поток славословий своим пронзительным скрежещущим голосом.

— Я тебе сказала, немедленно прогони их! — прокричала она прямо на ухо Филину, заставив его поморщиться. — Как ты смеешь выставлять нас на посмешище, да еще у порога нашего собственного дома?! Или ты забыл, что мы — самые сильные хищники в лесу и должны вести себя соответственно своему положению?

Филин повернул голову, и Юла немедленно наклонилась к нему, сверкая черными с оранжевым ободком глазами. «Почему она так волнуется? Что ее так задевает?» — подумал он уже не в первый раз.

А Юла действительно была вне себя.

— Мы не какие-нибудь низшие травоядные, которые только и делают, что жрут проклятую траву! Мы филины, и мы должны *есть* кроликов, а не вести с ними душеспасительные беседы. Да над нами весь лес будет смеяться!

Филин почувствовал, как им овладевает гнев.

— Почему ты постоянно беспокоишься о том, что подумают другие? — прокричал он в ответ. — У тебя что, своей головы на плечах нет?

— У меня-то голова есть, да только в ней — нормальные мысли, а не глупые кроличьи, как у тебя! — завизжала Юла. — Если так пойдет и дальше, у тебя скоро отрастут такие же уши, как у них. Тогда ты сможешь поступить в их Сопричастные Попечители, или как они там называют свою дурацкую шайку-лейку! Мне стыдно, что я замужем за такой занудной курицей-несушкой, как ты!

Филин расправил крылья. «Курица», да еще «несушка» — это было худшее из оскорблений.

— Улетал бы ты да никогда не возвращался! — в сердцах выпалила Юла.

— Вот возьму и улечу, старая мышеловка! — гаркнул Филин, срываясь с ветки.

— А как насчет того, чтобы починить гнездо? Ты давно обещал! — донеслась до него последняя ехидная реплика Юлы.

Он улетел! Вот в чем главное счастье птичьего бытия: когда ты чувствуешь, что с тебя хватит, можно просто взмахнуть крыльями и улететь.

Глава 7. ЛОЖКА ДЕГТЯ В МОРЕ КРОВИ

Все усилия Старейшин пропали втуне из-за двух пичуг, которые неизвестно как попали в вольер на следующий же день после визита Горчицы. Выскочив из клетки, Мега увидел, как они отчаянно бьются о частую сетку в дальнем конце игровой площадки. Буро-коричневые перышки дождем сыпались вниз, и Мега, подбежав к группе сверстников, чтобы принять участие в забаве, ловко поймал одно из них зубами. Увидев его,

некоторые норки, в зубах у которых тоже торчало по одному-два пера, приветливо помахали ему, позабыв в охотничьем азарте обо всех разногласиях и былых обидах. Птицы и раньше, бывало, залетали в сарай, но никогда еще не оказывались внутри вольера.

Хлопанье крыльев и отчаянный писк пробудили в его душе какие-то древние инстинкты, и на мгновение Мега представил себе длинную череду живших до него норок; начало которой терялось во тьме веков. Ощущение это ни капли не походило на безумие полной луны; в конце концов, ночное неистовство и прыжки на сетку были просто ритуалом, установленным Старейшинами. Это чувство шло откуда-то изнутри, и скоро Мега заметил, что инстинкт подчиняет его себе и наполняет мозг одним-единственным жгучим желанием, вытеснившим все остальные стремления и мысли.

Неожиданно Мега поймал себя на том, что кричит во все горло:

— Убьем!

— Убьем! Убьем! Убьем! — орали вокруг.

Весь молодняк, завывая и пританцовывая, сгрудился у сетчатой стены прямо под птицами и тщился достать добычу. Пичуги забились еще отчаяннее и, оглушенные ударами о проволоку, уже не могли держаться под потолком. Норки взревели с новой силой, а самые проворные пытались вскарабкаться на спины и плечи товарищей, чтобы в прыжке схватить жертву.

Мега изо всех сил старался удержаться на ногах, в то время как со всех сторон его толкали опьяневшие от жажды крови норки. Как и большинство сверстников, Мега понимал, что птицы ослабели и вот-вот сдадутся, а ему так хотелось опередить остальных и добыть одну для себя! Кое-как выкарабкавшись из кучи-малы и оглядевшись, он увидел невдалеке Старейшин, за спинами которых послушно жались взрослые обитатели колонии.

Повинуясь инстинкту, Мега с силой уперся крестцом в упругую сетку и выгнул спину дугой. Ему нужна была точка опоры, чтобы набрать большую скорость, — точно так же он поступал во время игр. Чувствуя, как тело его от кончика носа до кончика хвоста сотрясает крупная, почти неподвластная ему дрожь, Мега внимательно наблюдал за птичкой, которая казалась ему поменьше и послабее, выжидая подходящий момент для броска. Потом он прыгнул.

Мчась со все возрастающей скоростью через всю клетку, Мега вдруг заметил, что рядом с ним бежит еще одна норка. Это была Мата, которой, должно быть, пришла в голову та же самая мысль, что и ему. Впрочем, для того, чтобы договориться, у них уже не было времени. Оскалив зубы и раскрыв в беззвучном охотничьем крике хищные пасти, они дружно подпрыгнули и побежали по спинам и головам своих товарищей. Как с подкидных досок, Мега и Мата вдруг взмыли вертикально вверх, одновременно схватили одну и ту же жертву и кубарем полетели вниз, держа птицу за оба крыла. Откуда-то донесся кровожадный рев толпы норок — это вторая пичуга соскользнула слишком низко по сетке и была растерзана в мгновение ока.

Мега и Мата тем временем потянули птицу в разные стороны и яростно зашипели друг на друга, мигом превратившись в злейших врагов. Потом их взгляды встретились, они застыли, и между ними проскочило, произошло что-то такое, чему нельзя было подобрать названия. В следующую секунду они снова вернулись к добыче уже как партнеры. Мега впился зубами в мягкое птичье горло и едва не задохнулся от восторга и наслаждения — самого чистого и беспримесного из изведанных им за всю недолгую жизнь, — когда ему в нёбо ударила горячая, упругая струя. Красная кровь, красное, дымящееся мясо! —

ликовали они с Матой, откусывая крылья, терзая плоть и разрывая напополам еще трепещущее тельце.

Припав к земле друг напротив друга, они принялись торопливо насыщаться. На мгновение подняв голову, Мега заметил блеск в глазах Маты и, выплюнув пучок жестких перьев, победоносно ухмыльнулся ей. Мата ответила еще более свирепой гримасой, обнажив покрасневшие от крови острые зубы, и Мега понял, что отныне между ними существует какая-то непонятная, нерасторжимая связь. На одно короткое, но жуткое мгновение

ему стало страшно, что эта непонятная зависимость сначала скует его волю, а потом и вовсе превратит в раба, но Мега быстро справился с собой и, коротко тряхнув головой, задвинул эти мысли в самый дальний уголок, чтобы на досуге поразмыслить над этим как следует. Мата, конечно, была не простой самкой — быть может, единственной самкой, которая что-то для него значила, — но, в конечном итоге, она все же была не более чем самкой.

Все молодые норки были взбудоражены до последней степени. Инцидент с птицами был не первым опытом дикой жизни. Им уже приходилось охотиться, главным образом на крыс, которые шныряли по полу в поисках съестного. Время от времени в клетки забирались и другие, правда не такие крупные живые существа, и топот их маленьких лапок неизменно приводил охотников в возбуждение. Особенно частыми гостями на игровой площадке были жуки, на которых молодые норки немедленно бросались и с хрустом пожирали. Но никогда еще они не видели ничего и вполовину столь же восхитительного, как птицы. Несчастные пичуги, растерзанные на клочки, открыли норкам новое представление о мире, и сознавать это было удивительно и странно.

На время позабыв о предостережениях Габблы, молодые норки немедленно начали тайком делиться друг с дружкой Дурными Мыслями:

— Габбла был прав, у каждого из нас бывают такие мысли…

— Да я почти все время думаю о чем-нибудь таком. А как подумаю, так мне сразу же хочется выбраться отсюда.

— И мне тоже. Теперь-то мы знаем, на что может быть похоже это «там»!

— Да… Там, небось, можно охотиться на птиц постоянно, когда тебе этого захочется.

Так они, горячась, изливали друг другу свое недовольство однообразием жизни в вольере. Пока они скучали здесь, где-то там, снаружи, происходили удивительные и загадочные вещи. Взять хотя бы погоду: воющие ураганы; таинственно вздыхающие ночные ветры; дожди, которые то негромко постукивали по стеклу слухового окна, то яростно барабанили по крыше, то хлестали вздрагивающие стены вместе с порывами штормового ветра; проникающий в окно ослепительный солнечный свет, в лучах которого безостановочно приплясывали никогда не опускающиеся на землю сверкающие пылинки; мягкие сумерки и манящая ночная темнота, зовущие их в свои таинственные и холодные объятия. Кроме того, снаружи существовали еще удивительные, дразнящие запахи, сулящие удовольствия и приключения; они проникали в их пыльный и грязный сарай сквозь открытые ворота. Не менее соблазнительные картины норкам порой удавалось подсмотреть в распахнутые ворота сарая или в пыльное стекло слухового окна. И разумеется, были еще звуки: ворчание грохоталок, человеческие голоса и шум, производимый другими живыми существами: мычание, гудки, громкий писк — тысячи и

тысячи тайн, ждущих своих исследователей. И до недавнего времени все эти звуки были частью мира, выход в который был норкам навсегда заказан, — мира, который они никогда не увидят и который поэтому мало что для них значил. Но теперь они попробовали крови и почувствовали себя убийцами. Разве могло теперь удовлетворить их однообразное вольерное существование?

Однако их возбуждение оказалось недолговечным.

— Все в порядке, — с удовлетворением рапортовал Габбла Массэму, и жирные складки вокруг его глаз шевелились и наползали друг на друга.

И действительно, разговоры, которые таясь вели друг с другом молодые норки, становились все более унылыми, мрачными и безнадежными, а улыбка Массэма, бродившего по игровой площадке и ловившего их обрывки, становилась все шире.

— …Все дело в том, что мы никогда не выберемся наружу.

— Да, никакого выхода нет.

— Даже если бы и был — Габбла сказал, что тогда небо упадет на нас и раздавит.

— Мы этого не знаем! — раздался чей-то храбрый голос, но он был один.

— Нет, нет! — откликнулось сразу несколько норок. — Не будем даже и пытаться!

— Не будет неба — не будет и птиц, — рассудил кто-то.

— И ничего другого, — подхватили расстроенные голоса.

— В том числе и нас! — прозвучал неутешительный итог.

Заметив, что молодые норки все чаще и чаще переглядываются с безнадежным отчаянием в глазах, Мас-сэм вернулся в свою клетку.

— Отличная работа, Габбла, — поздравил он Глашатая. — Но мне почему-то кажется, что кризис еще не окончательно преодолен. Сколько норку ни корми, она все в лес смотрит. Придумай что-нибудь еще, договорились?

— Хорошо, шеф. — Габбла слегка улыбнулся невольной игре слов. Сначала он хотел указать Массэму на то, что после недавнего инцидента молодые норки действительно смотрят именно в лес, а не куда-нибудь еще, но потом раздумал. Массэм никогда не был силен по части юмора и если шутил, то случайно. Втолковать ему, в чем соль каламбура, представлялось задачей безнадежной, поэтому Габбла только прищурился и, когда Вождь отвернулся, скорчил ему рожу и высунул язык. Что бы он ни придумал, его шеф, похоже, никогда не будет доволен. Впрочем, Габблу иногда посещало такое чувство, что, сколько он ни кормил норок баснями о Счастливой Стране, они продолжали мечтать только о лесе, свободном лесе.

Глава 8. СЫР ВЫПАЛ…

Филину пришлось сделать два больших круга над Старым Лесом, прежде чем его гнев более или менее улегся. Какие бы обвинения ни бросала ему Юла, что

бы он ни кричал в ответ — все это были просто слова. Пусть даже она назвала его курицей, они были соединенной пожизненно семейной парой, и ни один из них не мог нарушить эту связь по своему желанию.

Когда-то очень давно их совместная жизнь казалась даже приятной, однако те времена были погребены под таким толстым слоем желчи и взаимных обид, что на их возрождение не осталось никаких надежд, и теперь он и Юла с трудом выносили общество друг друга. Трагедия заключалась в том, что ни один из них не в силах был разорвать порочный круг. Ссора из-за кроликов была просто последним эпизодом их затяжной позиционной войны, состоящей из множества мелких скандалов.

К счастью, небо дарило ему не только ощущение свободы, но и возможность взглянуть на Старый Лес с высоты птичьего полета. Эта картина неизменно повышала его настроение, ибо Филин любил лес больше всего на свете. Ну почему Юла не может разделить его чувства? Почему она не видит ничего дальше собственного клюва? Ведь так было бы славно, если бы и она не утратила способности удивляться мириадам чудес, окруживших их дом со всех сторон!

Постепенно тишина сумеречного леса внизу исцелила его свежие раны, и Филин почти успокоился. Казалось, среди деревьев ничто не движется, ничто не шевелится, ничто не живет. Его чуткие уши не улавливали ни единого звука, ни единого шороха. Но Филин знал, что подкрадывающаяся с востока ночная тьма очень скоро огласится топотом множества погонь, жалобным предсмертным писком и вскоре не станет слышно ничего, кроме сытого чавканья, щелканья хищных клювов и хруста разгрызаемых костей. Собственно говоря, все зависело от точки зрения, и лес представал либо храмом нетленной красоты и вечного покоя, либо отверстым адом, в котором безостановочно лилась кровь и происходили жестокие убийства.

Мнение Юлы было однозначным.

— Этот лес существует только для тех, кто может убивать, в особенности для таких могучих хищников, как мы, — говорила она. — Только мы считаемся; остальные существуют для того, чтобы мы их ели.

И она, несомненно, в чем-то права, подумал Филин. В лесу постоянно кто-то кого-то ел. По ночам толстый ковер опавшей листвы буквально кишел лесной мелюзгой, которая выбиралась из своих нор на фуражировку, причем каждый старался одновременно и найти себе пропитание, и не попасть к кому-то на ужин. Юла сказала однажды по этому поводу: «Мне кажется, все они только тем и заняты, что стараются отсрочить неизбежное».

— Я по горло сыта этой кроличьей болтовней о том, в каком замечательном лесу мы живем! — бросила она ему накануне. — Никакой он не чудесный — он омерзительный и страшный! Разве ты не видишь, курица ты слепая, что в этом лесу можно умереть тысячью способов, причем самый безболезненный — это когда тебя глотают живьем? И если ты не умрешь преждевременной насильственной смертью — выслеженный, загнанный, пойманный, завлеченный в ловушку, зарытый заживо, растерзанный, растоптанный, размозженный о камень, сброшенный с большой высоты; если ты не кончишь свои дни в чужом желудке — сожранный, перемолотый вместе с костями, проглоченный целиком или по частям, заклеванный до смерти, высосанный досуха; если

тебе удастся избежать когтей и зубов, которые готовы пробить тебе голову, перекусить горло, выклевать глаза, оторвать лапы; если глисты не превратят твои кишки в решето, если паразиты не сведут тебя с ума, если ты не заболеешь, не протянешь ноги от голода, если не утонешь и не умрешь от жажды, если не замерзнешь насмерть, не откинешь когти от холода, если тебя не унесет ветром — словом, если ты исхитришься дожить до старости и не окочуриться раньше срока, все равно результат будет тот же. Даже твой труп послужит пищей для разного рода падалыциков, начиная с ворон и заканчивая жуками, и в конце концов твои траченные личинками останки попадут на корм слепым червям! И не надо кормить меня сказками о бесконечной красоте и спокойствии леса! Так могут думать только эти травоядные Попечители, у которых от сена и корней сделалось размягчение мозгов! Что они могут знать о лесе? Да и обо всем остальном тоже?! Зачем связываться с этими ущербными тварями, Филли? — неожиданно печально заключила она. — Почему нельзя оставаться нормальным хищником и наслаждаться этим?

Он никогда не слышал, чтобы Юла.говорила так долго и так здраво. В самом деле, кролики были инициаторами создания Общества Сопричастных Попечителей, под вывеской которого они собрали довольно пеструю компанию существ, не только питающихся травой, листьями и семенами деревьев, но и всеядных, которых они каким-то образом уговорили придерживаться растительной диеты. Их искренность и добрые намерения не взялся бы оспаривать даже самый яростный противник Сопричастных Попечителей, но всем было известно, что кролики только и делают, что собирают бесчисленные заседания и митинги, на которых без конца выступают, выступают и выступают. Замечание Юлы насчет «нормального хищника» ранило Филина неожиданно больно. Он был, был нормальным хищником! Как и Юла, он убивал быстро и без всякой пощады. В-конце концов, нельзя же сострадать собственному завтраку или ужину — так действительно недолго и лапы с голодухи протянуть! И все же это не может помешать ему интересоваться кроличьими затеями.

Давешний сильный ветер как следует просушил лес, выдул из него всю влагу, и в хрустально-чистом, прозрачном воздухе хотелось купаться без конца, но под переплетенными ветвями обнаженных деревьев, над полянами, все еще покрытыми зеленой травкой, уже сгустилась глубокая, серая, непрозрачная мгла, которую Филин предпочитал всему. Он совершенно успокоился и начал даже жалеть Юлу. Пусть она сколько угодно сомневается в том, что лес — спокойное и мирное местечко, но разве это причина, чтобы с таким завидным упорством не замечать его красоты?

Розовый цвет неба на западе сгустился и превратился в темный пурпур, а воздух стал заметно холоднее. Днем, даже когда он спал в дупле, Филин продолжал чувствовать жиденькое тепло скупого осеннего солнца, но с наступлением темноты Большой Холод снова навалился на лес. К вечеру ветер совершенно успокоился, и небо обещало быть ясным. Звезды и луна будут отражаться в бесчисленных кристаллах инея, который потихоньку покроет траву и опавшую листву мерцающим белым ковром. Тогда неподвижный лес станет еще более тихим и красивым, и Филин поймал себя на мысли, что дожидается этого с нетерпением.

Вдали стайка грачей летела домой после тяжелой работы. В высшей степени общительные, грачи считались в лесу важным стабилизирующим элементом. Несмотря на их громкие, хриплые и, откровенно говоря, не слишком музыкальные голоса, они славились как внимательные и методичные труженики, которые вставали с первыми лучами зари, чтобы немедленно вылететь на прилегающие к лесу поля, где они проводили дни напролет, собирая червей, личинок и жучков — свой ежедневный рацион.

Как и надеялся Филин, заметив его, Рака отделилась от стаи и поспешила к нему.

— Привет, Фил! — радостно крикнула она. — Как у тебя дела с кроликами?

Филин не ответил, но Раку трудно было провести.

— Можешь не рассказывать, я уже вижу, что Юла снова устроила тебе скандал, — каркнула она. — Не надо на нее сердиться, Фил. Почему, кстати, ты не пошлешь этих куцехвостых куда подальше? Ты ведь только больше ее заводишь, не говоря уже о том, какую жизнь ты устроил себе самому?!

— Почему я должен их гнать? — вспыхнул Филин, впрочем без злобы. — И не женское это дело указывать мужу, с кем ему говорить, а с кем — нет.

— Возможно, Фил, возможно. Но скажи на милость, разве другие хищники ведут с кроликами какие-то дела? Или возьми, к примеру, плотоядных вообще…

Рака, конечно, не была хищником в полном смысле слова. Вряд ли можно было считать сочных, жирных, но откровенно слабоумных червей, которых она выковыривала из земли, полноценной добычей, которая требовала серьезной охоты.

— Они тысячу раз приглашали нас, грачей, на свои дурацкие собрания, — продолжала Рака, — но многие ли из нас пошли? Никто. Завирушки — вот единственные из лесных пичуг, которые откликнулись на их приглашение, но кому охота быть похожим на завирушку?

Филин на лету встопорщил перья. Заслужить прозвище «завирушка» было немногим лучше, чем слыть курицей. Лично он глубоко презирал этих крошечных — даже меньше воробья — обитателей кустарников за их боязливость и привычку беспорядочно носиться по лесу всей толпой, прежде чем со многими предосторожностями опуститься на землю и начать кормиться. И вот они нашли себе занятие в жизни, став при кроликах чем-то вроде наемных шутов. После этого, проникнувшись сознанием собственной значимости, завирушки сделались еще более невыносимыми, и все же Филин чувствовал совершенно иррациональное желание защитить если не завирушек, так хотя бы кроликов.

— Есть много других птиц, которые присоединились к Сопричастным Попечителям, — крапивники, щеглы, жаворонки, многочисленные синицы…

— Вот именно! —— хрипло вставила Рака.

— …и земные плотоядные зверьки,— продолжал Филин, намеренно игнорируя ее невежливое замечание. — Например, крот, а он не ест ничего, кроме червей. Жабы и лягушки регулярно присутствуют на их заседаниях, иногда появляются ужи, и несколько раз я видел крыс. Ну и, конечно, землеройки, а уж они-то точно плотоядные — ничего, кроме насекомых, в рот не берут.

— Да, конечно, но все это совсем несерьезные существа, — перебила Рака. — Они же совсем не такие, как вы с Юлой, как Фредди или Борис, не такие даже, как ласки, горностаи или канюки.

— Канюки вообще нигде не бывают и ни к кому не питают симпатии, — раздраженно откликнулся Филин. Неужели Рака забыла, как он — правда, неумышленно — спас ее от неминуемой гибели в когтях

канюка? Он тогда слишком сосредоточился на пробиравшейся в траве полевке и не заметил Раку, боровшуюся неподалеку со своим более сильным врагом. Неожиданное и бесшумное появление Филина напугало пернатого хищника, и он, на мгновение оторопев, ослабил хватку, и Рака вырвалась на свободу. Но то, что перед ним необыкновенная грачиха, Филин понял только потом — когда Рака разыскала его в лесу, чтобы поблагодарить.

— Я выросла на ветке, — сказала Рака и пояснила: — Когда гнездо переполнилось, меня попросту вытолкнули, но я умудрилась зацепиться за ближайший сук. Родители продолжали кормить меня, но в конце концов я все-таки свалилась на землю. Выжить мне удалось только потому, что я питалась трупиками таких же, как я, но менее удачливых птенцов. И мне еще повезло, что я выучилась летать прежде, чем меня сожрал какой-нибудь хищник. Я — единственный известный «лишний» птенец, который был выброшен из гнезда, но сумел выжить. С тех пор мне постоянно везло например, когда ты оказался поблизости, чтобы спасти меня от канюка. И я очень рада тому, как сложилась моя жизнь. Должно быть, из-за этого я не похожа на других грачей; например, меня многое интересует, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Я отлично понимаю, что ты хочешь сказать, — с энтузиазмом подхватил Филин. Он прилагал огромные усилия, чтобы расширить свой кругозор, используя для этого, главным образом, Фредди и Бориса, но ему почему-то казалось, что дело пойдет гораздо быстрее, если он сумеет подружиться с какой-нибудь образованной птицей.

— И меня тоже многое интересует,— с нажимом сказал он.— Так вот… раз кролики каждый день являются ко мне, значит, они что-то задумали. Неужели тебе не любопытно узнать, что это такое?

— Нет! — каркнула Рака. — Они же просто болтуны, Фил, и им ровным счетом нечего сказать друг другу, не говоря уже о нас. Хотя иногда мне кажется, тебе все-таки стоит поговорить с этими длинноухими — просто для того, чтобы они от тебя отстали, а? Знаешь что, Фил, похоже, они превратили тебя в настоящего зануду!

Филин извернулся на лету, чтобы схватить ее за крыло, и Рака шарахнулась в сторону.

— Значит, я зануда? — свирепо прокричал он.— Да нет ничего скучнее, чем твоя жизнь, Рака! Кролики, по крайней мере, пытаются думать головой, вместо того чтобы целыми днями работать, как ты, перепахивая паханое! Так что я, пожалуй, слетаю к ним, но ты будешь последней, кто услышит новости!

— Юла усекла, почему ты слушаешь этих набитых травой кроликов! Все очень просто: они говорят тебе, какой ты красивый и умный. Ты не просто зануда, ты еще и тщеславный дурак в придачу!

Филин совершил еще один резкий выпад клювом, но Рака увернулась с поразительным для своих размеров проворством.

— Лети на их собрание да поразвлекайся как следует! — прокричала она на прощание. — Может быть, они угостят тебя вкусной травой!

Сердито взмахивая крыльями, Филин понесся в сторону далеких полей. Неужели он в самом деле тщеславный глупец? В таком случае придется встать завтра пораньше, чтобы успеть на кроличье собрание. Рака права: если он слетает туда, то — так или иначе — все выяснится само собой.

Глава 9. НА КРАЮ

Опять Мега крючился на доске над выгребной ямой. Хранитель снова изменил их меню, и теперь все норки поголовно страдали поносом. Вблизи уборной было очень оживленно; многие, не решаясь отойти, с несчастным видом сидели неподалеку от входа.

Попытавшись отключиться от вида мающихся у входа норок, Мега прикрыл глаза и целиком отдался стремительному течению своих мыслей. После происшествия с птицами он старался держаться подальше от Маты, поскольку в воспоминаниях о том, как они вдвоем рвали еще живую плоть, было что-то настолько интимное, что Мега каждый раз чувствовал себя неловко. Происшедшее между ними в эти короткие мгновения казалось необычайно глубоким и значительным, ему, несомненно, требовалось время, чтобы как следует это осмыслить. И дело было не только в Мате; после убийства птиц, визита Горчицы и Посвящения весь мир Меги неожиданно встал с ног на голову, и привыкнуть к этому было не так-то легко. Кроме того, с некоторых пор доктрина Старейшин вдруг стала казаться ему неубедительной. Версия Старейшин относительно устройства жизни норок в вольере представлялась ему уже не просто скучной, а насквозь лживой.

Те дни, когда маленького Мегу шпыняли все кому не лень, давно миновали. Шеба научила его неплохо драться, и Мега постоянно испытывал себя в схватках с ровесниками и наращивал силу. Вообще-то Мега был склонен удовлетвориться тем местом, какое ему достанется, однако сражался изо всех сил, до победного конца,— а кто бы стал поступать иначе? Лишь изредка он спрашивал себя, не перестаралась ли Шеба, постоянно толкуя о его исключительности и о «его времени», которое наступит неизвестно когда. Возможно, им двигало именно ее честолюбие, ее стремление еще раз достойно прожить свою жизнь, на этот раз — воплощенную в сыне. Если так — что ж, он будет любить ее ничуть не меньше, но пуще всего Меге хотелось быть самим собой и делать то, что он должен.

Впоследствии, выигрывая одну схватку за другой, Мега понял, что, вне зависимости от желаний его матери, ему суждено высокое положение. Сила, как довольно рано догадался Мега, наблюдая за теми, кто был явно слабее его, но тем не менее представлял грозный авторитет для слабейших, была вещью страшной и жестокой. Тот, кто не умел ее применить, непоправимо терял лицо, — чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на Старейшин и низкопоклонство большинства перед ними. Гораздо больше Меге импонировали те, кто, безоговорочно признавая право сильного, не козырял своим высоким положением и не выставлял его ежеминутно напоказ из чистого тщеславия. Он и сам был таким. Несколько раз Мега даже позволял себе пойти на поводу у эмоций и, вмешавшись, спасти от жестокой расправы какого-нибудь несчастного, которого травила группа более сильных норок, хотя его об этом никто не просил.

И вот он на краю и не знает, что ему делать дальше.

Не на краю этой ямы, мысленно поправился Мега: подошел к концу некий период жизни, и теперь ему многое надо было решать. Происшествие с птицами положило конец всему, что было раньше, наполнив Мегу новыми чувствами и ощущениями, в которых он не успел еще толком разобраться. Всеобщее смятение, вспыхнувший в груди азарт охотника,

хлопанье крыльев, отчаянное чириканье — все это ушло, забылось так же легко, как забывалось безумие, овладевавшее норками в ночь полнолуния. И лишь один момент — тот самый, когда он вонзил зубы в мягкое трепещущее тельце и почувствовал, как в нёбо ударили упругие, горячие струйки, — накрепко запечатлелся в памяти. Снова и снова вызывал он в воображении образ свирепо оскалившейся Маты: зубы влажно блестят, белая манишка забрызгана красным. Несомненно, в эти краткие минуты она думала и чувствовала так же, как он, и понимала, что это ощущение — *настоящее,* единственное настоящее из всего, что они испытали до сих пор. Квинтэссенция дикой норочьей жизни — вот что почуял Мега в этом, в общем-то, случайном эпизоде.

Блаженному неведению, в котором он пребывал, пришел конец, и Мега чувствовал, что не успокоится, пока не узнает об этой, другой жизни больше, много больше, и если после этого его жизнь — и жизнь других норок, как однажды проговорилась Шеба, — изменится круто и необратимо, ему придется смириться с этим.

Однако принятое решение вызывало у Меги и боль, и смущение. Шеба учила его быть честным и правдивым, и Мега гордился тем, что никогда еще не сказал ни слова лжи. Но инстинкт подсказывал ему, что в разговоре с Шебой лучше не упоминать, что не он, а Мата первой усомнилась в правдивости Старейшин и истинности их учения. И Мега не видел никакого выхода; так или иначе, ему придется либо прибегнуть к прямой лжи, либо обмануть Шебу, умолчав обо всех обстоятельствах, а ни того ни другого ему делать не хотелось. Где он должен остановиться? И сумеет ли он остановиться?

От размышлений Мегу отвлек пронзительный возмущенный писк, сменившийся гневными воплями. В дальнем углу уборной две сцепившиеся в драке самки едва балансировали на самом краю, и не успел Мега подумать, что же будет, как обе драчуньи медленно и неотвратимо накренились и, так и не выпустив друг друга, провалились в зловонную яму. Снизу донесся глухой всплеск, норки отчаянно забарахтались, а море нечистот лениво заколыхалось.

Мега почувствовал, как в животе у него все переворачивается. Вот каким будет их общий конец! Даже Массэм, беспомощно топтавшийся у края ямы вместе с остальными, выглядел по-настоящему потрясенным. Каждая норка знала, что самкам вполне по силам выбраться из ямы самостоятельно, но кто смог бы забыть ужас происшедшего, кто смог бы забыть их позор и свои собственные унижение и стыд, охватившие всех, кто видел, как, отплевываясь и кашляя, крепко зажмурив глаза и разбрасывая вокруг зловонные брызги, две самочки изо всех сил карабкаются наверх?

Мега неожиданно подумал, что такова будет жизнь всех его соплеменников, если только он не предпримет что-нибудь решительное, и, не заботясь больше о том, где его может прихватить, бросился на поиски Шебы.

Шеба, заметив озадаченное выражение на мордочке сына, торопливо подвинулась и дала ему место рядом с собой. Сейчас она с особенной силой ощущала владевшую им решимость.

— Я должен кое-что спросить у тебя, Шеба, — без предисловий заявил Мега. — Скажи, если лес, в который время от времени отправляется Горчица, и есть Счастливая Страна, то почему там нет ни одной норки?

— Отличный вопрос, Мега, — ответила Шеба, расцветая от удовольствия. Этого вопроса она ждала давно и надеялась его услышать. — Только расскажи мне сперва, что ты сам узнал и что понял.

— Практически ничего, мама,— буркнул Мега.— Я только подумал, может быть, никакой Счастливой Страны вовсе нет на свете?

— Тогда почему Старейшины твердят нам, будто она есть?

— Это несправедливо — спрашивать меня об этом! — с еще большей горечью воскликнул Мега. — Я ничего не могу объяснить. Просто мне кажется, что-то тут неправильно. Особенно насчет падающего неба. Ведь этого никак не проверишь, верно? Просто когда птицы пробрались в вольер, я… я почувствовал себя по-другому, как будто с меня сняли какую-то тяжесть, как будто я впервые живу настоящей жизнью, такой, как надо.

Он жалобно посмотрел на мать.

— Ты понимаешь, что я имею в виду? — с тревогой спросил Мега.

Шеба ласково улыбнулась в ответ:

— Понимаю, милый, отлично понимаю. У меня было точно такое же ощущение, пока я жила в клетке с твоим отцом. И именно его ты должен благодарить за то, что я сейчас тебе расскажу. Идем со мной.

Мега прошел за матерью к крошечному домику-укрытию, притулившемуся у задней стены последней, пустующей клетки, о котором он давно знал, но в котором ему еще ни разу не приходилось бывать вместе с матерью.

В домике никого не было.

— Твой отец, Соломон, многое повидал, Мега, — сказала Шеба, устраиваясь на подгнившей соломе и стараясь собраться с мыслями. — Многое узнал, о многом догадался и рассказал мне. И вот что главное: как бы ни распинались Старейшины, большинство людей, включая нашего Хранителя, вовсе не друзья нам, а враги.

— Так как же насчет Счастливой Страны, Шеба? — нахмурившись, перебил Мега.

— Никакой Счастливой Страны нет.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше? — спросил он, и Шеба впервые уловила в его голосе новые, властные нотки.

— Ты не спрашивал, — ответила она нерешительно, а взгляд ее так и светился нежностью.

— Можно я спрошу тебя еще кое о чем? Шеба кивнула.

— Во время Посвящения Габбла спрашивал нас, стал бы Хранитель заботиться о нас, если бы он был нашим врагом. «Что мы для него?» — вот как он сказал. Ведь Хранитель не питается норками. Если бы он был врагом, он, скорее, убил бы нас. Это так, мама?

— Никто, и я в том числе, не мог ответить на этот вопрос, пока я не повстречала твоего отца, — сказала Шеба. — Соломон долго дразнил меня, когда я его спрашивала, но наконец ему пришлось сказать правду. «Люди и убивают нас, — вот как он сказал. — Люди убивают норок ради их шкурок». — «Но не будет же Хранитель есть наши шкурки?!» — сказала я ему. Как видишь, я не так хорошо соображаю.

Она с любовью улыбнулась Меге, и он улыбнулся в ответ, хотя сказанное ею потрясло его.

— «Он и не собирается их есть, глупенькая,— ответил мне Соломон. — Шкурки нужны Хранителю для других людей — чтобы они носили их в холода». Ты понимаешь, Мега?

Мега понял ее почти мгновенно. Это были те самые человеческие сменные шкуры, которыми он так восхищался. Собственного меха у людей не было; так что же могло согреть их лучше, чем густой норочий мех?

— Есть одна сложность, Мега, — поспешила предупредить его Шеба.— Даже Соломон говорил мне, что это гипотеза, которая выглядит правдоподобно и все объясняет, но которой он — да и никто другой — не мог найти никаких доказательств. Но я поверила ему в ту же минуту, как услышала, поверила, сама не знаю почему.

— И я верю, — не раздумывая, отозвался Мега.

— Потом твой отец спросил меня: «Скажи, Хранитель время от времени забирает из вольера самых старших норок?», — продолжала Шеба. — «Да, — ответила я. — Старейшины говорят, что он отправляет их в Счастливую Страну».— «Возможно, Старейшины и сами в это верят, — сказал твой отец, — хотя я в этом сомневаюсь. В других колониях я тоже видел подобные привилегированные группы — только там они назывались Сеньорами, Правителями, Старшинами. Другое название, но суть та же. Впрочем, даже если здешние Старейшины не верят в Счастливую Страну, они никогда в этом не признаются, и я могу объяснить почему. Что будет, если все норки в колонии узнают, что в конце концов им суждено быть убитыми и освежеванными? Как жить этим несчастным, не имея никакой надежды на освобождение? Каждый день ждать своего последнего часа? Не лучше ли дать им что-то, о чем они могли бы мечтать и на что надеяться? Сказочка о Счастливой Стране тут очень подойдет. И больше всего эта выдумка устраивает Старейшин, потому что благодаря ей им легче всего сохранить то положение, которое они занимают».

— Значит, в Дурных Мыслях нет ничего… дурного? — спросил в конце концов Мега.

— Абсолютно ничего, — улыбнулась Шеба. — Кроме того, никакие они не дурные — это совершенно правильные мысли, мысли настоящей норки.

— Но как же быть с тем, что говорил тебе Со… папа? Габбла утверждал, что у нас нет никаких возможностей бежать, и, похоже их действительно нет.

— А вот самое поразительное из всего, что я узнала от твоего отца, — ласково проговорила она. — Придет день, когда мы окажемся на свободе.

Мега безмолвно таращился на нее. Мгновение назад у него в голове все кипело и бурлило от обилия потрясающих новостей, но сейчас он почувствовал, как его охватывает

удивительное спокойствие. Поднимаясь вверх по позвоночнику, оно разливалось по всему телу, принося с собой уверенность, которой он никогда прежде не испытывал.

— Я постараюсь припомнить слово в слово, что сказал мне твой отец. Я знаю, что для тебя это важно, — продолжала Шеба. — «Любопытные вещи случаются в наше время, — говорил он. — Впервые я услышал об этом в тот день, когда меня привезли на одну ферму исполнять мои обычные обязанности. Там бушевало форменное восстание. За день до того какие-то люди пробрались в сарай и открыли половину клеток. Они бы открыли их все, но снаружи раздался какой-то шум, и они в испуге бежали. Впоследствии до меня не раз доходили слухи о подобных происшествиях, и в конце концов у меня не осталось сомнений, что и среди людей у нас есть друзья. Не такие друзья, верить в которых вас заставляют Старейшины, а настоящие, готовые рисковать, чтобы освободить нас».— «Почему?» — спросила я его…

Шеба немного помолчала.

— Видишь ли, Мега, Соломон очень убедительно говорил, что Хранитель — наш враг. Я всегда подозревала, будто так оно и есть на самом деле, но мне ни разу не приходило в голову, что одни люди могут быть за нас, а другие — против. Но по словам Соломона, люди — слишком сложные существа и два разных человека даже могут неодинаково относиться к одной и той же проблеме. Сам Соломон усматривал подтверждение своим мыслям в том, как разозлился тамошний Хранитель, когда узнал, что другие люди выпустили его норок. Он наверняка попытался бы убить их, если бы ему представилась возможность. А они, в свою очередь, должно быть, сильно его боялись, если бежали при первом же подозрительном шуме. «Мне представляется, — сказал далее твой отец, — что вся загвоздка не в людях, которые могут открыть наши клетки, а в нас, норках. Норки зачастую не готовы принять свободу. Они просто не знают, что с ней делать. В тот раз лишь несколько норок ушли далеко, да и то по чистой случайности. Все остальные шныряли поблизости, и всех их вскорости переловили. Некоторые даже не осмелились переступить порог своей клетки, другие остановились у ворот сарая, а несколько норок сами вернулись к клеткам, когда наступило время кормления!» Твой отец очень смеялся, Мега!

Тут Шеба остановилась, заметив, как пристально глядит на нее Мега своими блестящими черными глазами. «Он уже знает, — с некоторым страхом подумала она. — Он уже знает!»

И она поспешила закончить свой рассказ:

— Вот что еще сказал мне твой отец, Мега: «Каждой колонии необходим сильный, авторитетный вожак. Не комитет, наподобие вашего Совета Старейшин, а лидер, способный не только убедить норок в реальности близкой свободы, но и возглавить успешный побег». Как ты, наверное, уже догадался, мой любимый сын, — ты и есть такой вожак. Вот почему ты всегда был не таким, как другие; ты единственный, кто способен справиться с этой нелегкой задачей. Вести за собой других — вот твоя судьба, Мега!

Мега медленно кивнул. Казалось, он всегда знал это. Отсюда и высокое положение, которое он занял среди молодых. И дело далеко не в силе и ловкости, вернее, не только в силе и ловкости. Все гораздо сложнее — настолько сложнее, что он даже не мог себе этого представить, да он и не старался. Как бы там ни было, он обязан принять на себя *всю* ответственность.

— Я верю всему, что ты рассказала мне, Шеба. Я верю, что я, Мега, единственный в своем роде. Я готов сделать все, что в моих силах, чтобы положить конец позорному владычеству Старейшин и нашего врага — человека. И я уверен, что я, Мега, поведу норок по дороге свободы!

— Я тоже верю, мой дорогой сын. Я всегда верила в тебя и твою необычную судьбу. Единственное, чего я не знаю, это дня, когда люди-освободители откроют наши клетки, но рано или поздно этот день обязательно придет.

Только теперь, когда она передала ему свою ношу, ей открылось, сколь тяжкое бремя она носила. Может быть, и она — точно так же, как Мега,— принадлежит к числу избранных, задумалась Шеба. Может быть, судьба предначертала ей быть его воспитательницей и вдохновительницей?

Мега смотрел на нее с любовью, потом потерся носом о ее нос, и она почувствовала, как сердце ее тает. Какими словами описать любовь, которую мать испытывает к своему сыну? Гордость, чувство до конца выполненного долга? Нет, не только. Была еще и боль от того, что он уходит, а ей приходится отпустить его от себя.

Глава 10. МОГУЧАЯ ТЫСЯЧЕНОЖКА

Делегация как раз пересекала Тропу и была на открытом месте, когда над верхушками деревьев возникла бесшумная крылатая тень Филина. Кролики застыли на месте словно парализованные, Травобой испуганно захныкал, и только Лопух, шедший первым, испытал нечто вроде облегчения, правда смешанного со страхом. Одно дело АА0;— разговаривать с Филином из безопасного подлеска у подножия бука, и совсем другое — видеть над собой заслонившие небо могучие крылья и острые, отливающие синевой крючковатые когти.

— Слушайте меня, кролики! Ваше время истекло! — прогудел с высоты Филин, крайне довольный своим драматическим появлением. Он специально ждал их здесь, чтобы посмеяться как следует. Только потом, увидев, что они все еще пребывают в ступоре, он понял, что, пожалуй, переборщил, и, совершив над ними еще один круг, уселся на росший между деревьями невысокий куст бузины.

Пока кролики приходили в себя, Лопух нервно суетился между ними.

— Я говорила, все будет как надо, — восторженно шепнула Лопуху Маргаритка. Погода стояла хорошая, и она настояла, чтобы и ее тоже взяли с собой. А внезапное появление хищника если и испугало ее, то лишь самую малость. К сожалению, остальные делегаты, которых Лопух поочередно представил Филину, выглядели глубоко несчастными, а Травобой и вовсе смотрел перед собой тупым, ничего не выражающим взглядом, словно никак не мог прийти в себя.

— Как ты знаешь, о могучий Филин, меня зовут Лопух, а это — Травобой, Лихнис, Переступень, Колокольчик, Вика, Лабазник и, конечно, моя любимая Маргаритка.

— Мы уже знакомы, — ответствовал Филин, который решил быть вежливым, раз уж он ввязался в это дело. Его сегодняшняя попытка тайком выбраться из дупла вновь была пресечена Юлой; она проснулась и окликнула его как раз тогда, когда он на цыпочках крался к выходу.

— Опять пошел целоваться со своими любимыми кроликами? — сварливо проговорила она, чуть приоткрыв глаза.

— А хоть бы и так? — резко бросил он в ответ. — Тебя это не касается!

— Это касается нас обоих! — проскрежетала Юла, встопорщив перья на макушке. — Это я буду сгорать со стыда, когда по всему лесу пройдет слух, что ты сошел с ума и пасешься вместе с кроликами на косогоре. Но ведь тебе, наверное, все равно, что будет со мной, так что до свидания, глупая курица! Уходишь — вот и уходи. По крайней мере, эти вонючие кролики не будут таскаться сюда каждый вечер.

Даже самому себе Филин не мог бы объяснить, почему ему вздумалось уступить кроличьим просьбам. Может быть, во всем был виноват врожденный охотничий инстинкт, который каждый вечер толкал его отправляться на поиски неизвестно чего; лишь увидев добычу, Филин узнавал, ради чего вылетел из дупла.

Но пока Филин преодолевал сравнительно небольшое расстояние, отделявшее его бук от Тропы, вчерашняя реплика Раки относительно «тщеславного дурака» несколько раз всплывала в его памяти, и он с угрозой подумал, что лучше бы кроличьи задумки оказались действительно стоящими. Для самих же кроликов лучше…

— Мы очень рады видеть тебя, о могучий Филин! Не правда ли, товарищи? — снова затянул свою песню Лопух.

— Конечно, мы очень рады! — послушно откликнулись остальные, однако хор их голосов прозвучал как-то неубедительно, а тут еще Филин из чистого озорства пошевелил когтем, и Травобой едва не повалился на землю кверху лапами. Сам Лопух тоже нервничал, но решил твердо стоять на своем, тем более что — как он недавно выяснил — в его характере тоже обнаружились присущие хищникам черты. Нет, разумеется, речь не шла об убийстве — так низко он ни за, что бы не опустился, — а об особом отношении к некоторым вопросам. Да что там, буквально позавчера, в эпизоде с желтой собакой, он проявил себя как хитрый и опасный зверь. Да и в его умении выследить возможность, а потом безжалостно схватить ее буквально на лету несомненно было что-то от хищника. Конечно, его внушительные размеры облегчили ему путь наверх, однако куда важнее была его способность мгновенно поворачивать любые обстоятельства в свою пользу. Как раз это он и собирался проделать.

Главная сложность, с которой Лопух столкнулся еще до того, как делегация вышла в путь (да и по дороге Травобой не переставал ворчать по этому поводу), заключалась в том, что на это же самое время было назначено собрание, посвященное обсуждению последствий вторжения желтой собаки. Теперь Лопух видел, как можно попытаться совместить одно с другим.

— Нам нужно обсудить очень многое, о могучий Филин! — сказал Лопух. — В ближайшее время должно начаться чрезвычайное заседание нашего Общества Сопричастных Попечителей, посвященное обсуждению человека и его желтой собаки. Может быть, ты пойдешь… полетишь с нами? Для тебя это была бы замечательная возможность увидеть все собственными глазами, — продолжал Лопух, заговорщически понизив голос. — Лучше всего, Филли, если ты прилетишь туда потихоньку — чтобы никто не знал о твоем присутствии. Дай я только отошлю остальных.

Филин неуверенно кивнул.

— Товарищи! — повернулся Лопух к продолжавшим трястись кроликам. — В своей неизречимой мудрости наш друг Филин любезно согласился отпустить вас, дабы вы не пропустили эту важную встречу. Со своей стороны позвольте порекомендовать вам отправиться в путь немедленно — тогда вы наверняка успеете к началу.

Кролики не заставили себя просить дважды. Возглавляемые Травобоем, мгновенно очнувшимся от транса, они запрыгали прочь с такой очевидной поспешностью, что Лопух невольно поморщился.

— Надеюсь, ты не сочтешь их невежами? — извинился он перед Филином, когда хвост последнего из его товарищей пропал в кустарнике. — К сожалению, будучи далеко от своих нор, они пока не могут не чувствовать себя неуверенно в твоем присутствии.

Маргаритка — единственная из всей делегации, кто предпочел участию в собрании общество своего уважаемого Предводителя, — только теперь ухватила нить разговора.

— Ты мог бы присутствовать на собрании никем не видимый, в то время как сам бы ты все видел и все слышал, — пискнула она. — Для тебя это пара пустяков, ведь именно так ты ведешь себя, когда охотишься.

Филин быстро взвесил в уме все возможности. Его слух был достаточно остер, чтобы услышать не только то, что кролики говорили, но и то, чего они *не* говорили. Маргаритка была совершенно права: последовав этому совету, он получал отличную возможность предварительно взглянуть на то, во что собирался ввязаться. Кроме того, Филину всегда нравилось действовать из засады.

— Хорошо, идемте, — сказал он и больше об этом не задумывался.

Лопух блаженно улыбнулся. Филин, сам того не подозревая, успешно прошел первое испытание, подтвердив свою заинтересованность и наличие изрядного количества здорового любопытства. Но самое главное, он показал себя существом, способным принимать решения без долгих раздумий и колебаний. Поглядим, что скажут молодые активисты-раскольники, когда испробуют на себе воздействие этого секретного оружия!

На время оставив замысловатый жаргон Сопричастных Попечителей, Лопух рискнул пошутить:

— Собрание состоится, как всегда, на Большой поляне. Будем рады видеть — вернее, *не видеть* — тебя там!

К его огромному разочарованию, Филин так и не улыбнулся в ответ.

В качестве наблюдательного пункта Филин выбрал удобную развилку в стволе древнего дуба, который рос в центре Большой поляны. Словно серое облако, Филин скользнул между ветвями и поудобнее устроился в своем укрытии.

Филин много слышал о собраниях Сопричастных Попечителей Леса, особенно при встречах с барсуком Борисом или с лисом Фредди.

— Скучища смертная! — презрительно фыркал Борис. — Эти трепачи просто сидят на травке и болтают, болтают, болтают без передышки. Регламент, процедура, пункты повестки, поправки, возражения — и так до тех пор, пока кто-нибудь не выдвинет

резолюцию, где записана вся чушь, о которой они болтали. Потом кролики голосуют и возвращаются по своим норам, воображая, что своей резолюцией они изменили лес и окружающие поля в придачу.

— Боюсь, Фил, все это — просто куриный помет! — с томным видом добавлял Фредди и зевал. — На твоем месте я бы и лапой о лапу не ударил. И на твоем тоже, Борис. К чему так горячиться? Береги лучше кровеносные сосуды: лопнет — не починишь.

Видя, как барсук шипит и плюется от отвращения, Филин готов был согласиться со своими друзьями, однако его несколько смущало то обстоятельство, что Борис сам увлекся движением Попечителей, о чем он и сообщил с очаровательной непосредственностью.

— Я сам себя ненавижу за это, Филли. Хотелось бы мне никогда о них не слышать, об этих трепачах, но это как чесотка — настолько раздражает, что уже не можешь об этом не думать. На этих собраниях постоянно разыгрывается какая-нибудь драма, и вот я уже не могу оторваться!

Как объяснял Борис, собрания Общества Сопричастных Попечителей всегда проходили у подножия Могучего дуба — огромного старого дерева, стоящего в середине Большой поляны. Могучий дуб считался самым замечательным деревом в лесу — на этом сходились и Попечители, и все остальные, — но дело было вовсе не в красоте кроны и изяществе ствола. Напротив, его ствол был шишковатым и бесформенным, узловатые сучья страшно искривлены и перепутаны, а в коре — в тех местах, где некогда росли сломанные ветром ветки, — зияли глубокие отверстия. В этом не было ничего удивительного: дуб стоял на открытом месте, и ему особенно доставалось от непогоды.

Но самое главное заключалось в том, что Могучий дуб был так стар, что никто уже не помнил его молодым деревцем. И вот уже на протяжении нескольких поколений птицы, звери и насекомые считали его символом своего родного леса.

Выглянув из-за неохватного ствола, Филин увидел кролика, взгромоздившегося на пень, оставшийся от второго такого же дуба, спиленного людьми в незапамятные времена. Он так и назывался — Пень. Фредди как-то рассказывал, что для Сопричастных Попечителей он считается чем-то вроде святыни и играет важную роль в их собраниях.

— Как только докладчик взгромоздится на этот деревянный обрубок, — пояснял он, — считай, пропало дело! Никто уже не может его прервать — таковы ихние правила. И результат этого плачевен, Филли! Ты бы слышал!

— Все дальше и дальше без остановки, — фыркал Борис.

Пока кролик на Пне скучным голосом втолковывал это правило еще раз, Филин оглядел собрание. Более пестрой компании ему еще не приходилось видеть. Здесь были не только кролики и другие мелкие зверюшки вроде полевок и лесных мышей, не только робкие пичужки, среди которых, как отметил Филин с неожиданной ненавистью, было несколько завирушек. Как ни странно, на поляне присутствовало огромное количество насекомых, чего он никак не ожидал. «Интересно, — подумал Филин, — что они все здесь делают?»

Вопрос довольно скоро разъяснился, поскольку сразу после того, как собрание было объявлено открытым, в воздух взметнулся настоящий лес усиков, антенн и челюстей-мандибул.

— Как насчет червей? — сердито кричала крольчиха с некрасивой длинной мордой. — Где представители Фронта Освобождения Червей? Они должны вести заседание!

— А пауки? «Паучья Взаимовыручка» требует перестать плести интриги и немедленно ликвидировать паутину дискриминации!

— Требую соблюдения протокола! — закричал Большая Задница. — Не забывайте — ваш товарищ на Пне!

Но хор возмущенных голосов звучал все громче и громче,

— «Сороконожье Дело» спрашивает — почему не сороконожки?

— Свободу слова «Могучей Тысяченожке»! Публика вышла из-под контроля, между различными

насекомыми фракциями разгорелись яростные споры. Тем временем кролик на Пне отказался от дальнейшей борьбы ввиду явного неравенства сил, и на освободившееся место немедленно вскочил Лопух. Он заорал во все горло, что заседание закрыто, но разбушевавшиеся фракционеры не обращали на него внимания до тех пор, пока, увлекшись спорами, не разбрелись сами собой. Когда последняя пара спорщиков, все еще оживленно обсуждавшая сравнительные достоинства «Заботы о Гусеницах» и Общественного Комитета по продлению жизни личинок комаров-долгоножек, исчезла вдали, к дубу подскакали Лопух и Маргаритка.

— Ну как, теперь ты видишь, в чем проблема? — воззвал Большая Задница, с надеждой глядя вверх.

Филин чувствовал, что у него голова кругом идет.

— Проблема? — ухнул он. — Ничего, кроме проблем, я не вижу.

— Это-то и есть главная трудность, — вздохнул Лопух. — Мне хотелось бы, чтобы ты в этой связи встретился с Дедушкой Длинноухом, который на самом деле является моим прадедушкой. Он хочет сделать тебе одно предложение. Как насчет завтра?

Филин понял, что сбываются его самые мрачные предположения, но он сам не оставил себе иного выхода. Он увяз в проблемах Сопричастных Попечителей по самую шею.

— Уж лучше бы он предложил что-то такое, чтобы справиться с этим безобразием, — отозвался он, мрачно глядя вниз.

— Обязательно! — пообещал Лопух. — Значит, завтра перед заходом солнца у входа в Большую нору.

— О могучий Филин, — пискнула Маргаритка, — пожалуйста, не переживай из-за того, что ты видел сегодня. Мы обещаем, что Дедушка Длинноух сумеет все толково объяснить и внести ясность в самые существенные вопросы.

— Да, уж пусть постарается,— хмыкнул Филин, с угрозой глядя на двух кроликов. Пока ни о какой ясности не могло быть и речи — туман сгустился до предела.

Глава 11. ОДИН…

— Мой милый сын, — сказала Шеба так нежно, как могла. — Я должна сообщить тебе одну очень грустную вещь: в конце концов меня заберут из вольера. У нас с тобой осталось очень мало времени, сынок.

— Какую чепуху ты иногда говоришь, мама! — воскликнул Мега, пораженный ужасом. — Даже если люди-освободители не успеют, все равно я спасу тебя, вот увидишь!

— Ты чудесный сын, Мега, — улыбнулась Шеба. — Но есть такие вещи, которые мы все должны просто принять. Ты не должен тосковать или волноваться обо мне, мой избранный. Я выполнила свою задачу и могу умереть спокойно.

— Не говори так, мама! Ведь не собираешься же ты спокойно стоять и ждать, пока они сделают это с тобой? Я помогу тебе сражаться. Вместе мы сумеем одолеть их, обещаю. Можно даже сделать еще лучше: я расскажу обо всем остальным, мы устроим революцию и спасем тебя!

— Нет,— твердо сказала Шеба.

Глядя на него, она испытывала прилив гордости. Меге было всего девять месяцев, но за это время он успел превратиться в великолепную молодую норку — сильную и гибкую, в самом расцвете юности. Мех его отрос и стал гуще, а голубоватый оттенок волосков стал еще более светлым, в то время как светло-коричневая шерстка остальных приобрела темный шоколадно-корич-невый цвет, так что Мега по-прежнему выделялся в толпе. Словом, физически он вполне созрел, но Шебу беспокоила его самоуверенная наивность вкупе с мужской гордостью молодого самца.

— Ты не должен никому ничего говорить! Ни при каких обстоятельствах,— строго сказала она.— В том числе и Мате. Надеюсь, она ни о чем таком не догадывается? — С этими словами она пристально взглянула на сына и получила в ответ прямой, дерзкий взгляд. — Я не спрашиваю тебя о том, что происходит между вами, но я хочу, чтобы ты не посвящал Мату в эту тайну. Знания Соломона предназначались для нас и только для нас — ни для кого больше. А теперь давай подумаем, с чего лучше всего начать…

Мега ничего не ответил. Он действительно подумывал поделиться с Матой открывшимся ему знанием и был рад, что не поддался соблазну. Кроме того, Мега все еще ощущал некоторую неловкость оттого, что обманул мать и не сказал ей, кто первый заметил противоречия между словами Горчицы и официальной доктриной Старейшин. В довершение всего, ему иногда казалось, что он на самом деле еще не так хорошо готов исполнить предначертания судьбы, как ему хотелось показать; первоначальный энтузиазм и прилив сил, который он ощутил в минуты, когда Шеба посвятила его в хранимую ею тайну, нисколько не уменьшились, однако практическая сторона вопроса оказалась гораздо сложнее, чем Мега посчитал сгоряча. Говоря откровенно, он не представлял себе, с чего следует начать и что делать потом. Он по-прежнему любил Шебу, но теперь кроме материнской ласки ему нужна была ее указующая лапа.

— Прости, если я чем-то расстроил тебя, мама, — проговорил он и потупился. — Но все равно… все равно я спасу тебя! Без тебя даже свобода не будет мне в радость.

Шеба ласково улыбнулась ему. Ее Мега вырос и стал большим и сильным, но он все еще оставался нежным и любящим мальчиком.

Однако, когда наступил решительный момент, Мега оказался бессилен. Хранитель явился в сарай днем, в неурочное время, когда большинство норок дремало в своих клетках, и не один, а с группой людей. У порога вошедшие сразу разделились и целенаправленно двинулись к клеткам. Один из них подошел к Шебе, которая была до странности спокойна.

— Пора, — только и сказала она, когда вокруг сердито завизжали и застрекотали встревоженные норки.

Мега словно зачарованный наблюдал за тем, как грубые руки достают из клеток отчаянно сопротивляющихся норок, когда все неожиданно заслонила фигура еще одного человека, который отпирал их с матерью клетку.

Как только сетчатая дверца распахнулась, Мега изловчился и вонзил зубы в протянутую человеческую руку, однако вместо горячей крови он почувствовал во рту какой-то грубый материал. И он не мог его прокусить, как ни старался! Чувствуя, как глаза застилают слезы разочарования и ярости, Мега повис на брезентовой рукавице всей своей тяжестью, но невидимая рука схватила его за шкирку и с такой, силой швырнула в глубь клетки, что он ударился головой о деревянную стенку и на мгновение потерял сознание. В следующую секунду Мега снова был на ногах, но дверца клетки уже закрывалась.

Обезумев от горя, он бросился к сетке и увидел, как Шебу засовывают в большой мешок.

— Готовься, Мега! Готовься, мой сын!..— услышал он ее приглушенный материей голос.

Потом шевелящийся мешок унесли.

С точки зрения чувств и опыта Мега чувствовал себя гораздо взрослее всех своих сверстников. Он все еще ощущал крепкую духовную связь с матерью, но оплакивал ее скорее как взрослый, а не как подросток. Благодаря стоицизму и хладнокровию Шебы Мега не ощущал горечи поражения оттого, что не смог спасти мать. Люди забрали не только Шебу, но и Массэма, Габблу, Атару, Мародера и всех остальных, принадлежащих к старшему поколению, и Мега задним числом понимал, что ни он, и никакая другая норка не смогли бы ничего с этим поделать.

«Старики обязательно должны уходить, — вспоминал он слова Шебы. — Как же иначе они освободят путь молодым?»

«Ты не должен делиться своим знанием ни с кем, — наказывала она. — Свое первое заявление ты должен сделать открыто, дерзко, перед всеми норками сразу. Самое подходящее время для этого — церемония приведения к присяге нового Совета Старейшин. Ты должен посеять семена мятежа и сомнения до того, как Старейшины возьмут всю власть в свои руки, и ждать, пока твои истинные последователи проявят себя».

По словам Шебы, церемония приведения к присяге новых Старейшин должна была быть хорошо знакома среднему поколению норок, которое, с исчезновением Массэма и компании, автоматически становилось старшим.

«Фактически выбор новых Старейшин определяется уже сложившейся иерархией, — пояснила она, — и я уже сейчас могу предсказать, что новым Вождем будет Рамсес. На первый взгляд он кажется довольно приятным, но недооценивать его опасно. Его панибратство и заискивание — всего лишь фасад. На самом деле Рамсес дальновиднее и умнее всех остальных. И все же даже он не будет ждать неприятностей, особенно если ты сумеешь удержать язык за зубами. Прямой вызов во время церемонии приведения к присяге — дело неслыханное, но если вообще пытаться смутить умы норок, то именно тогда, потому что потом будет поздно. Выбор будет сделан, и власть, которая всех устраивает, перейдет в лапы новых Старейшин».

Мега вспоминал эти слова Шебы, выбирая себе местечко в задних рядах, но так, чтобы оказаться подальше от Маты. В суматохе, последовавшей за неожиданной отправкой прежних Старейшин в Счастливую Страну, она несколько раз пыталась заговорить, но Мега всякий раз уклонялся. В конце концов он уселся рядом с Макси, который почтительно улыбнулся ему.

— Друзья норки! Великая удача выпала нашим сородичам, которых милостивый Хранитель забрал в Счастливую Страну! — начал Рамсес в своей фамильярной манере. — Вы уже наслышаны об этом замечательном месте от нашего друга собаки, так давайте же помолчим минутку и подумаем о том, как они весело играют в своем новом доме, не зная ни голода, ни забот.

Будущие Старейшины как по команде закрыли глаза и застыли, сложив лапы на животах. Оглядевшись по сторонам, Мега увидел, что многие норки последовали их примеру.

— Видели ли вы их? — вопросил наконец Рамсес, открывая глаза и окидывая собрание исполненным блаженства взглядом. — Я — видел. Что за прекрасное место, не правда ли? Как хорошо, как справедливо, что наши старшие товарищи попали туда раньше нас! Разумеется, — продолжил он чуть более деловым тоном, — способ, каким люди забирали от нас этих счастливчиков, мог показаться кое-кому из вас неподобающим и даже внушающим определенные опасения. Люди и вправду действовали несколько грубовато, но мы не должны

винить в этом нашего Хранителя. Откуда ему знать, хоть он нам и друг, что мы все понимаем и согласны отправиться в Счастливую Страну? И не просто согласны — каждый из нас только и мечтает об этом. Когда придет наш черед, мы добровольно покинем наши чудесные клетки, зная, что впереди нас ожидает высшее блаженство. Не так ли, друзья норки? Лично я просто не могу дождаться, когда же наконец Хранитель придет и за мной.

Рамсес замолчал и насторожился, поскольку ему послышалось недоверчивое фырканье, однако норки внимали ему в полном молчании, и он продолжил свою речь в соответствии с установившейся традицией.

— Если у кого-либо из присутствующих есть вопросы или сомнения относительно нашего права называться Старейшинами и нашей способности следить за порядком и гармонией в колонии, пусть он выйдет сюда сейчас и скажет обо всем открыто, а если не хватает духу — пусть молчит об этом в интересах большинства.

— Я хочу знать, куда унесли мою мать! — раздался крик из задних рядов.

Будущие Старейшины беспокойно завозились, переглядываясь. Этот голос они знали слишком хорошо.

— Ты сам хорошо это знаешь, юный Мега! Твоя мать отправилась в Счастливую Страну вместе с остальными, — ответил Рамсес и фальшиво ухмыльнулся, стараясь изобразить радость. — Мы как раз и собрались здесь для того, чтобы порадоваться за нашу Шебу.

Остальные будущие Старейшины утвердительно закивали.

— Вот и нет! Мою мать убили, и не ее одну! Хранитель забрал всех норок, чтобы убить их!

Собравшиеся беспокойно загудели.

— Заткнись ты, сопляк! — прошипел рядом с ним взрослый самец.

— Что значит — убить, ты, недоносок? — Прекрати говорить чушь!

Жарко вспыхнувшие гнев и возмущение старших норок немедленно обратились на Мегу. Как он осмелился на столь возмутительный поступок? Как он посмел

нарушить священную традицию? Где его уважение к Старейшинам и просто к старшим, не говоря уже об их общем благодетеле — человеке?

— Хранитель — лучший друг всех норок! — крикнул кто-то.

Прежде чем заговорить, Мега так отчаянно нервничал, что у него дрожали лапы, и он боялся, что Макси это заметит. Но теперь, когда роковые слова были произнесены, он чувствовал лишь облегчение и азартный восторг.

— Наш Хранитель вовсе не друг нам — он наш враг! — прокричал он в ответ. — Он знает, что мы, норки, дикие животные и должны жить свободной жизнью. Он держит нас в клетках, чтобы помешать нам бежать, а потом убивает, чтобы содрать с нас шкурки. Вот для чего мы здесь — чтобы обеспечивать людей сменными шкурами, которые они могли бы носить в холода.

— Да как ты смеешь, наглец!..— раздалось еще несколько возмущенных голосов, однако Рамсес и остальные Старейшины молчали. Очевидно, они хотели, чтобы собрание само исполнило их работу. Норки с ненавистью скалили зубы, шипели и плевались, но Мега не был этим удивлен. Шеба предупреждала его, и он был готов к столь бурному проявлению эмоций.

«Не только новые Старейшины присягают в верности официальной доктрине, — объясняла она. — Остальные норки, принадлежащие к тому же поколению, точно так же пойманы своим прошлым в капкан. („Что такое капкан?" — спросил Мега. „Это так говорится, когда тебе прищемит хвост или лапу", — пояснила Шеба.) И их нельзя в этом винить. Самые невежественные и глупые верят любой выдумке и гибнут. Норки поумнее иногда начинают сомневаться, но поверь мне, именно они больше других боятся правды. Ты будешь задавать вопросы, на которые они не могут и не хотят давать ответы, и они будут тебя за это ненавидеть. Единственные норки, которые еще способны мыслить свободно, — это твои ровесники, да и то до тех пор, пока Габбла или родители не сломят их дух».

Памятуя о ее словах, Мега предпочел не заходить слишком далеко и замолчал. Каким бы жалким ни казался его первый протест, результат был налицо: Макси не только не покинул его, а, напротив, встопорщил шерсть на хребте и время от времени издавал глухое рычание, присоединившись, таким образом, к вызову, который Мега бросил остальным. Он был готов сражаться с каждым, кто отважится напасть на Мегу, однако ничего страшного так и не произошло, и постепенно на игровой площадке восстановилось некое подобие порядка. Старейшины торопливо произнесли слова клятвы, и на этом собрание закончилось.

Кивнув Макси в знак благодарности за поддержку, Мега шагнул было в свою клетку, как тут же следом за ним ворвался Психо.

— Старейшины желают побеседовать с тобой один на один! — заикаясь от волнения, пропищал он.

Глава 12. ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ

Когда Филин прилетел на Малую поляну, несколько кроликов уже ждали его возле Большой норы. Их имена он забыл, как только Лопух представил своих товарищей; все кролики были для Филина на одно лицо, он только заметил, что их имена совпадали с названиями разных растений. Это, кстати, особенно веселило Бориса.

— Как это характерно! — орал он. — Назвать себя как какую-то травку-былинку, я бы даже сказал — *в честь* травки или былинки, а потом пойти и сожрать это растение без зазрения совести!

— Вот почему никого из них не зовут Белладонна Смертоносная! — поддакивал Фредди.

— Или Болиголов Крапчатый! — вставлял свое слово и Филин.

Тем не менее Коровья Петрушка, Бородавник, Вьюнок и другие показали себя исключительно вежливыми созданиями.

— Ты так могуч, — лопотали они и, с трудом преодолевая свою нервозность, застенчиво протягивали лапки, чтобы коснуться его блестящих, гладких перьев. И глядели они на Филина с таким обожанием, как собственная мать не глядела.

— Ты так силен, так красив…

Но Филин не очень-то этому верил. Лично он иногда считал свою внешность не более яркой, чем сумеречная охотничья пора. Однако кролики так успешно справлялись со своей задачей, что он невольно почувствовал Себя польщенным. Быть кому-то нужным, по их словам — «просто необходимым», было весьма приятно хотя бы по контрасту, даже если эти кто-то — всего-навсего кролики.

Появившийся словно из-под земли Лопух неожиданно вклинился в толпу славословящих длинноухих менестрелей и крикнул:

— Будь готов, Филли, сейчас выйдет Дедушка Длинноух!

Прежде чем Филин впервые услышал о существовании какого-то дедушки, он считал Большую Задницу главой всех кроликов — насколько эти животные вообще позволяли голове руководить своими поступками. Среди прочих Маргариток и Травостоев он, во всяком случае, выделялся: кроме задней части необыкновенных размеров Лопух обладал заметным белым пятном на лбу, всегда скакал чуть впереди остальных да и говорил он не в пример больше других. Словом, Лопух выглядел вполне «оторвитетным» кроликом, если о кролике вообще можно так выразиться. Однако сейчас из дыры в земле выполз еще один кролик, которого Филин никогда раньше не встречал, а если встретил бы, то наверняка бы запомнил. С первого взгляда было видно, что он очень, очень стар. Филин, только недавно увидевший свою третью весну, находился в самом расцвете сил, 1Сак, собственно, и Юла, Рака, Фредди и Борис. По законам леса, возраст был определяющим фактором, от Которого зависели сила, быстрота, ловкость, и Филин ЗДгажды даже объяснял Раке, как тяжела жизнь совсем старых и совсем молодых.

«Любопытно, не правда ли? — говорил он. — В детстве ты слаб и потому практически беззащитен. К старости звери слабеют и снова становятся легко уязвимыми. Это правило справедливо даже для нас, хищников. В общем, Старый Лес — что угодно, но только не райское местечко для стариков и не детские ясли, как ты считаешь?»

«Конечно нет, — соглашалась Рака. — Но ты, Фил, даже не представляешь, как тебе повезло, что ты родился хищником. Для нас, грачей, жизнь — это только работа, тяжелая работа от зари до зари. И каждую минуту каждый из нас — в отличие от тебя — может стать чьей-нибудь жертвой. Взять для примера тех же кроликов. Ты сам приложил когти к тому, чтобы несколько штук этих ушастых прожили на белом свете не слишком долго. Что касается полевок…»

Но кролик, который, ковыляя, приближался к нему, каким-то образом избежал преждевременной кончины и ухитрился дожить до преклонных годов. Филин в жизни не видел существ старше. Морда Дедушки Длинноуха покрылась морщинами, усы поседели, а мех на спине и боках поредел и стал светло-серым. Худое тело походило на мешок с костями, а движения были медленными и неуверенными, словно суставы его плохо сгибались. «Должно быть, его постоянно мучают боли», — подумал Филин, заметив рядом со стариком пухленькую молодую крольчиху, которая, по-видимому, исполняла при нем обязанности сиделки.

Кролики уселись почтительным кружком, и Филин протянул коготь, который Дедушка Длинноух пожал.

— Рад познакомиться, — сказал кролик-патриарх. — Прежде всего я хотел бы поблагодарить тебя за то, что ты взял на себя труд прилететь сюда. Это весьма любезно с твоей стороны, весьма…

Голос Дедушки Длинноуха был совсем негромким, но говорил он медленно, не торопясь, что выгодно отличало его от молодых, шустрых соплеменников, имевших обыкновение тараторить без умолку; впрочем, сейчас все они вели себя необычайно тихо. Филин тоже молчал — он попросту не знал, что сказать. Кролики

хвалили его почем зря, но никто еще не додумался назвать его любезным. То-то Юла удивится, когда он ей скажет! «Да знает ли она такое слово?» — с горечью подумал Филин.

. — Прошу простить, если наша встреча причиняет тебе неудобства,— продолжал тем временем древний кролик.— Будучи вегетарианцем, я являюсь убежденным противником насилия, в то время как для тебя это единственный образ жизни и другого ты не знаешь.

Он пронзительно глянул на Филина из-под седых бровей.

— Не сомневаюсь, что как хищник — какими бы добрыми ни были твои устремления — ты не можешь не считать нас, Сопричастных Попечителей Леса, болтунами…

Филин вздрогнул. Как мог какой-то кролик догадаться?.. Правда, Дедушка Длинноух использовал не совсем то слово — Борис называл их трепачами, а не болтунами, но суть от этого не менялась. Впрочем, Филин не собирался поднимать этот незначительный вопрос именно сейчас. «Бориса бы сюда»,— подумал он неожиданно. Барсук (на словах) был таким убежденным противником Сопричастных Попечителей, что просто не желал видеть никаких их достоинств, однако проницательность этого убеленного сединами патриарха была, пожалуй, способна заставить переменить ннение даже его.

— Критиковать нас довольно легко, — вздохнул старый кролик. — Привычный нам образ жизни может показаться кое-кому смешным, однако нас отличает и делает совершенно особенными именно осознание нами нашей сопричастности. Нам не все равно, что творится в лесу, хотя во многих отношениях это очень жестокое и страшное место — место, где — если выражаться высоким штилем — правят бал нескончаемое насилие и жестокая смерть, а отнюдь не мир и красота.

Филин едва сдержался, чтобы не заухать от волнения. О том же, только другими словами, спорили они с Юлой.

— Ты еще узнаешь, — сказал Дедушка Длинноух, приковывая его к месту взглядом своих слезящихся глазок, — что многие, очень многие считают, будто сильный всегда прав. Они убийцы, но они считают себя правящим классом. На самом же деле не мы, а они жестоко заблуждаются. Это они не в силах заставить себя признать, что все животные и птицы равны и что каждый из нас имеет одинаковое право на жизнь в этом лесу.

Старый кролик замолчал и поглядел на небо. Филин в смущении присоединился к нему и невольно залюбовался великолепными красками еще одного заката. На некоторое время оба погрузились каждый в свои собственные мысли. Филин всерьез подозревал, что взгляды на жизнь, которых придерживался этот старый пень, гораздо мудрее его собственных взглядов, что бы там ни лопотали Лопух и компания о его «взвешенности суждений». Но что мог иметь в виду Длинноух, когда говорил, что все существа в лесу равны? Как это возможно, если одни — например, филины — могучие хищники, в то время как другие — например, уховертки и личинки — относятся к низшим формам жизни? Ну и полевки, разумеется…

— Как может быть какая-то мышь быть равной мне? — выпалил он. — Да я каждый вечер съедаю их штук пять просто на завтрак!

Дедушка Длинноух тонко улыбнулся, и Филин впервые почувствовал, что он меряет лесную жизнь другой меркой — той самой, которую Филин бессознательно искал все это время. Некоторое время он чувствовал себя как на иголках, но, к его огромному разочарованию, Длинноух никак не отреагировал на его вызов.

— Как красиво, не правда ли? — сказал неожиданно Длинноух, продолжая рассматривать закатное небо; наверху оно все еще было голубым, как яичная скорлупа, но его бледно-розовый западный край уже налился малиново-алым. Ветер совсем улегся, и деревья стояли совершенно неподвижно. Невидимые птицы затянули свою вечернюю песню.

— С каждым днем я все больше и больше дорожу всем этим, — проговорил старый кролик. — Увы, мои глаза видят все хуже, и я не знаю, как долго мне еще придется наслаждаться этими величественными картинами.

Филин не придумал ничего лучше, кроме как пробормотать несколько сочувственных слов. В облике и манерах этого старого облезлого кролика таилась какая-то гипнотическая сила, которая заставляла прислушиваться к каждому сказанному им слову.

— Ты спрашиваешь, как мы все можем быть равными? — переспросил старый кролик, сочувственно глядя на Филина. — Тебе кажется, что ты много лучше своего завтрака? Друг мой, тебе предстоит еще многому научиться. Но сперва тебе придется разучиваться…

Филину стало неуютно. Почему он чувствует себя таким маленьким, таким глупым перед этой дряхлой развалиной? Нет, хорошо, что Бориса здесь нет. Его, наверное, хватил бы удар.

— Давай поговорим о чем-нибудь попроще, — неожиданно твердым голосом сказал Длинноух. — Например, о наших собраниях и заседаниях, которые ты и *вои друзья считают за обыкновенное гуано.

Филин даже подпрыгнул от неожиданности. «Гуано» — это было птичье слово. Да, под этой облезлой шкурой скрывался действительно незаурядный ум, и ему даже стало не по себе.

— Должен признать, в настоящий момент наши собрания действительно гуановые, — по-дружески доверительно присовокупил Длинноух. — Мало того, это гуано жидкое, сильно разведенное. Надеюсь, ты хотя бы в общих чертах знаком с нашими проблемами?

Филин кивнул, искренне надеясь, что его не заставят комментировать впечатления, которых он набрался недавно, сидя на своем наблюдательном пункте в развилке Дуба. Ему повезло — Дедушка Длинноух сипло закаш-Лйлся и избавил его от объяснений.

— Главная беда в том, что некоторые наши молодые собратья сбились с пути истинного. И хотя я не сторонник насилия, мне кажется, настал такой момент, когда нам придется проявить крайнюю твердость, чтобы решить эту проблему. К несчастью, как ты сам видишь, я слишком немощен и стар. В дни былые я, может быть… Невесело усмехнувшись, он посмотрел прямо в огромные глаза Филина, и оба поняли, что между ними установилось если не полное понимание, то, во всяком случае, взаимное уважение.

— Ты, Филин, совсем другое существо, — заявил старый кролик, — и поэтому я обращаюсь к тебе прямо: не согласишься ли ты помочь нам и принять на себя обязанности Постоянного Исполнительного Председателя со всеми вытекающими полномочиями? Работа эта чисто практическая, но если этот пост займет достаточно разумное существо, то оно сможет оказать неоценимые услуги не только нам, но и всему лесному сообществу.

Теперь голос Длинноуха звучал резко и властно, и Филин подумал, как он, должно быть, был силен в молодости.

— Даже если ты сочтешь возможным принять наше предложение, тебе вряд ли удастся ознакомиться со всеми хитросплетениями и тонкостями того, что ты делаешь. У меня также нет никаких сомнений, что в отдельные моменты твое терпение и терпимость могут подвергнуться серьезному испытанию, поскольку нельзя не признать, что с некоторыми из наших сородичей иметь дело гораздо труднее, чем, например, с Лопухом.— Длинноух снова улыбнулся загадочно.— Я не могу сказать тебе ничего конкретного, но я чую — нам грозит большая беда, которая в равной степени коснется всех, подвергнет наши принципы серьезнейшему из испытаний и поставит под сомнение истины, которые кажутся нам незыблемыми…

Длинноух замолчал, а когда снова заговорил, его голос звучал совсем тихо.

— Друг мой… — прошептал Длинноух. — Достаточно сказать, что из всех обитателей леса я выбрал тебя. Обещай мне принять это предложение. Меня это утешило бы…

Его глаза неожиданно остекленели, и он замолчал.

Пока молоденькая крольчиха старалась поддержать его, Филин подумал, что старик вряд ли сумеет сказать что-то еще, и это было совсем не плохо. Он и так узнал слишком много. Большая беда? Он — избранный?! Да о чем это они, в конце концов?!.

И все же, не понимая почему и не зная на что он решается, Филин внезапно услышал собственное бормотание: «Я согласен».

Потом он бросил взгляд на Лопуха, который удовлетворенно мигнул. Дедушка Длинноух тем временем слегка пришел в себя и посмотрел на него с такой благодарностью, что Филин понял: вряд ли он сможет забыть этот взгляд.

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя,— выдохнул Длинноух. — Очень любезно с твоей стороны. Мой правнук Лопух расскажет тебе все подробности. А теперь прощай… До следующей встречи.

Последним усилием он протянул лапу и несильно пожал протянутый коготь, а потом повернулся и, поддерживаемый крольчихой, полез в нору. Филин проводил взглядом его облезлый, мосластый зад, думая о том, что слова Длинноуха о следующей встрече звучат не слишком обнадеживающе.

Глава 13. ПРИСОЕДИНЯЙСЯ!

Старейшины сидели тесным полукругом; Рамсес занимал место в центре, и Мега встал прямо напротив него, вежливо кивнув остальным.

— Добро пожаловать, мой юный друг, — фамильярно приветствовал его новый Вождь. — Нам бы хотелось потолковать с тобой о тех удивительных вещах, о которых ты говорил на церемонии. Для начала ты должен рассказать нам, от кого ты набрался этой чепухи. Ви-ДИшь ли, Мега, по молодости лет ты можешь и не «Ценить вреда, который причинили колонии твои необдуманные речи, но ты наверняка понимаешь, что подобные высказывания бросают тень на твоих Старейшин и даже на самого Хранителя. Неужели

ты думаешь, что все мы способны просто стоять и смотреть, как нашего бывшего Вождя, великого Массэма, ведут на заклание? Или того же Габблу, который неустанно и плодотворно работал на наше общее благо? Да за кого ты нас принимаешь?!

Рамсес печально покачал своей крупной головой.

— Нет, мой юный друг, наш Хранитель забрал твою мать, чтобы отнести ее в Счастливую Страну, как в свое время он заберет и всех нас. Это величайшая награда для каждой норки.

Мега почувствовал, как знакомые слова охватывают его со всех сторон, умиротворяют, успокаивают. Так вот как работает их доктрина, понял он. Бесконечное повторение одного и того же оказывало на умы, желания и инстинкты норок такое же воздействие, как вода, которая капля за каплей — *кап! кап! кап!* — точит камень, незаметно придавая ему удобную для себя форму.

— Мы все очень уважаем твою мать Шебу, —<-продолжал Рамсес, пока остальные Старейшины согласно кивали, — но, не в упрек ей будь сказано, воображение у нее всегда было необузданное и чересчур богатое. Она… как бы это сказать повежливее… Ты, наверное, знаешь, что одно время она возглавляла так называемый кружок интеллектуалов? Это была немногочисленная группа норок, которые любили толковать о свободе или обмениваться выдуманными на досуге историями. Прежние Старейшины мирились с существованием этого кружка, видя в нем что-то вроде вполне безвредного клуба по интересам. Но не приходило ли тебе в голову, что твоя мать могла просто пересказывать эти выдумки, а ты принял их за правду?

Он сочувственно улыбнулся Меге.

— Я уверен, что это были остроумные и интересные рассказы, — никто никогда не мог упрекнуть твою мать в глупости. И тем не менее я настаиваю: все это были выдумки — от первого до последнего слова.

– Мега припал к земле, невольно принимая оборонительную позу. Шеба говорила ему, что о существовании кружка никто так и не пронюхал. Значит, Шеба знала далеко не все…

«Они станут говорить с тобой вежливо, они будут льстить тебе, упрашивать, потом начнут грозить, — предупреждала его Шеба. — Они попытаются испачкать мое имя грязью, попробуют запугать тебя и посеять в твоей душе семена сомнения. Они будут делать тебе заманчивые предложения и сулить власть, положение, привилегии, но ты не поддавайся, мой сын. Не дай им ни напугать, ни соблазнить себя».

Меньше всего Мега ожидал, что к нему здесь будут относиться столь покровительственно и с таким явным снисхождением. Его молодость еще не давала Рамсесу права обращаться с ним словно с новорожденным, а ведь он, похоже, даже не принимал Ме-гу всерьез. Очевидно, Старейшины рассчитывали легко справиться с ним или, на худой конец, договориться частным порядком.

Инстинкт не обманул Мегу. Его неожиданное выступление на церемонии инаугурации застало Старейшин врасплох, но сейчас они твердо рассчитывали так или иначе загладить инцидент и заставить этого желторотого выскочку молчать. У всех молодых норок в определенном возрасте появлялись Дурные Мысли, но со временем они все равно становились полезными членами общества. Пусть Мега отличался необычной расцветкой

шкурки, пусть он обладал выдержкой и умом — в конечном итоге что он такое? Всего лишь еще одна молодая норка. Сама система должна была смять его и нодчинить, как она всегда подчиняла себе инакомыслящих и бунтарей-одиночек.

— Почему бы тебе не жить спокойно — так, как живут все остальные? — почти ласково поинтересовался Рамсес. — И дело не только в том, что это твоя вбйзанность. Я мог бы говорить об этом довольно долго, но ограничусь лишь тем, что напомню: благодаря

милости Хранителя у нас есть удобные клетки и крыша над головой, которая защищает нас от непогоды; у нас вдоволь еды, просторная игровая площадка. За нами регулярно убирают, и если кто-то из нас заболеет, то его лечат. Чего еще может желать норка? — Рамсес покачал головой.— Почему бы тебе не принять нашу сторону, юный Мега? В конце концов, ты ничего от этого не потеряешь, скорее, наоборот. Я даже могу сообщить тебе одну вещь… Обычно это не полагается, особенно на такой ранней стадии, но нет правил без исключений. Обсудив обстоятельства и взвесив все «за» и «против», мы решили, что будет гораздо лучше, если ты, Мега, узнаешь: из всех своих сверстников ты единственный, кто непременно станет Старейшиной. Я не могу, разумеется, обещать этого твердо, но ты можешь даже стать верховным Вождем нашей колонии. Конечно, все это должно оставаться строго между нами. — Рамсес заговорщически улыбнулся. — Главное, ты видишь теперь свою перспективу, а она не так уж плоха. Зачем рисковать? Ведь тебе, в отличие от остальных, есть что терять.

Мега продолжал молчать, и Рамсес усилил нажим:

— Чем ты можешь подтвердить свои слова насчет шкурок, которые якобы нужны людям? У тебя есть доказательства? Конечно же нет! Ты и твоя мать — вы, наверное, вместе это придумали?

Рамсес нанес удар по самому слабому звену. Ше-ба предупреждала Мегу, что вряд ли Старейшины не обратят внимания на этот самый уязвимый пункт плана.

— Ты готов вызвать нездоровую сенсацию ради самой сенсации, — продолжал убеждать Мегу Рамсес. — Это не очень умно и может плохо кончиться.

Поскольку Мега продолжал молчать и только с вызовом разглядывал Старейшин, Рамсес попробовал зайти с другого конца:

— Послушай, Мега, даже если ты и прав насчет шкурок — заметь, я говорю «если» и ни в коем случае не утверждаю, что дело обстоит именно так, — то что ты предлагаешь? Устроить побег?

— Да,— сказал Мега. За все время это было его первое слово.

Рамсес и другие Старейшины громко захохотали. Да этот Мега и в самом деле глуп!

— Как именно? — все еще смеясь, уточнил Рамсес, и его коллеги поспешили принять участие в забаве:

— Перегрызть проволоку!

— Превратиться в людей!

— Отрастить крылья и улететь.

— Мы должны просто ждать, когда придут люди-освободители и откроют клетки, — перебил их Мега.

Это их по-настоящему потрясло.

— Какие такие люди-освободители? — недоверчиво переспросил Рамсес, неожиданно почувствовав легкую тревогу. Может быть, этот несговорчивый молодой зверек действительно что-то знает?

Мега вкратце пересказал им то, что когда-то давно Шеба узнала от Соломона, и Старейшины выслушали его в молчании. Для них это была невообразимая смесь небывальщины, очевидной ереси и надежды, они просто не знали, как на все это реагировать. Если освобождение из вольера действительно реально, то почему бы не подумать о нем? Во всяком случае, Счастливая Страна никуда от них не убежит.

Вопросы градом посыпались на Мегу — Старейшины желали знать все больше подробностей. Но когда Мега не смог привести ни одного доказательства, интерес Старейшин сразу остыл. Все это выглядело так наивно. Какие-то освободители, какой-то побег! Да вся их доктрина зиждилась на том, что побег из вольера невозможен!

Старейшины переглянулись, улыбнулись друг другу и… расслабились.

— Боюсь, никаких людей-освободителей не существует в природе, Мега, — вздохнул Рамсес и снова покачал головой, чтобы показать, как ему грустно и неприятно. — Можешь не сомневаться — мы все были бы рады в них поверить, однако боюсь, это всего лишь еще одна фантазия твоей матери. Так что вырастай скорее, мой юный друг, и ты поймешь, что здесь, в вольере,

жизнь не так уж плоха. И не забывай о своем будущем. Ты можешь стать Старейшиной, привилегированным членом нашего сообщества. Лучше корка хлеба в зубах, чем синица в небесах, как ты полагаешь?

Когда им стало очевидно, что Мега и не думает покоряться, Старейшины быстро посовещались.

— Совет Старейшин принял решение! — громко объявил Рамсес своим глубоким бархатистым голосом, каким он говорил на церемонии принятия присяги. — Поскольку ты, Мега, публично подверг сомнению нашу доктрину, то и отстаивать свое мнение ты должен публично. Мы, Старейшины, вызываем тебя на диспут; ты будешь защищать свою точку зрения, а мы — свою, а потом колония решит, кто прав. Ты, разумеется, имеешь право отказаться, но мы все равно объявим об этом, и ты попадешь в очень неловкое положение. Все могут разойтись.

Часть II

Глава 14. «МЕХ И ПЕРЬЯ»

Летя на встречу с Лопухом, Филин был настроен крайне решительно. В качестве места встречи он сам выбрал Карьер вблизи Водораздела, искренне надеясь, что здесь их никто не потревожит. Меньше всего ему хотелось, чтобы Юла или Рака — и тем более Фредди или Борис — слышали, как он просит кролика растолковать ему что и как. Позволив себе увлечься проблемами Сопричастных Попечителей, Филин старательно избегал своих старых приятелей. Юла прямо и недвусмысленно заявила ему, что не желает слышать ни слова о кроликах и единственное, чего она от него хочет, это чтобы он, наконец, починил гнездо. Откровенно говоря, Филин был ей даже благодарен, хотя приступать к ремонту не спешил. Разговор с Дедушкой Длинноухом помог ему отчасти прозреть, и теперь он чувствовал, что стоит на пороге чего-то совершенно нового, доселе неизвестного, однако ни объяснять, ни защищать это новое в словесных баталиях с супругой и прочими он был еще не готов.

Прилетев на место и не обнаружив там Большой Задницы, Филин выбрал подходящий обломок скалы и уселся на него. Каменоломня напоминала ему о давнем вторжении людей, которые рубили здесь камень и вывозили его по Тропе. В результате в лесу образовалась уродливая выбоина, напоминающая след лошадиного копыта. По всей площади были разбросаны бесформенные каменные глыбы; судя по всему, они так и лежали там, где их бросили расточительные люди. Дно было усыпано мелкими и острыми кремнистыми осколками, и поэтому на здешней почве не росло почти ничего, кроме нескольких серебристых карликовых берез.

В целом старая каменоломня производила жутковатое впечатление, и большинство лесных обитателей старались избегать ее. Что-то в ней пугало их, особенно в лунную ночь, когда черный провал зиял посреди леса, словно зловещая перекошенная пасть невидимого чудища, а стволы деревьев вокруг казались сверхъестественно белыми. Лопух, возможно, будет чувствовать себя здесь не слишком уверенно, однако в настоящих обстоятельствах Филин готов был воспользоваться любым, самым призрачным преимуществом.

— Привет, могучий Филин! — прокричал снизу запыхавшийся Лопух. — Прости, я немного задержался. С Уложением о Порядке неожиданно возникли проблемы, и мне пришлось срочно доводить его до ума. Из-за этого и собрание чересчур затянулось. Надеюсь, я не злоупотребил твоим терпением? Ты, наверное, уже давно ждешь меня?

— Достаточно давно, — отозвался Филин. — Кроме того, было бы совсем неплохо, если бы ты — просто для разнообразия — начал говорить на языке, который бы я понимал. В моем мире нет выражения «злоупотребил терпением». Ты опоздал — и точка!

— Еще раз покорнейше прошу меня извинить, — с раскаянием проговорил Лопух. — Большинство кроликов любит пышный слог, но я изо всех сил постараюсь выражаться предельно понятно.

— Вот и хорошо. А теперь расскажи мне предельно понятно, в чем там у вас дело? — строго сказал Филин.

Очень скоро он, однако, пожалел о своей просьбе. Ему оставалось только благословлять судьбу, что на этот раз перед ним был только один кролик, на котором он мог сосредоточить все свое внимание. Филин пока не разобрался, нравится ему Большая Задница или нет, но

он, по крайней мере, утвердился в своем первоначальном мнении: Лопух был прожженным политиканом. При создании Общества Сопричастных Попечителей Леса предполагалось, что кролики, отличающиеся сильными внутриплеменными связями и этикой, станут основным ядром, объединяющим всех остальных участников движения, однако Лопух сумел оттеснить других кроликов на вторые роли и сам стал основным связующим звеном между различными фракциями Общества. Как бы там ни было, от всех сложностей и путаницы, о которых толковал Лопух — и совсем не «предельно понятно», — голова у Филина пошла кругом.

— Главная проблема с собраниями, Филли, заключается в том, что мы обнаружили существенный изъян в системе голосования. Наши решения и резолюции всегда принимались на основе принципа «одно живое существо — один голос». И он работал очень хорошо, пока относился только к таким существам, как мы, кролики, то есть к животным, способным принять разумное решение. К несчастью, новое поколение молодых активистов-раскольников поставило все с ног на уши, — печально добавил Лопух.

Филин наконец почувствовал под собой более или менее твердую почву. Должно быть, под «активистами» Лопух имел в виду кроликов, которых Борис прозвал «пушистыми придурками». Это были молодые, но очень серьезные кролики, которые стали привлекать в Общество Сопричастных Попечителей разную лесную мелюзгу. Никто и никогда не считал, сколько видов и подвидов живых существ обитает в Старом Лесу, однако, по приблизительным прикидкам Филина, их было столько сот тысяч, что одно их перечисление заняло бы целую жизнь. Выиграть от этого никто не выиграл, поскольку нормальным животным, если только они не сумасшедшие, никогда бы не пришло в голову всерьез договариваться о чем-то с низшими формами жизни. В большинстве своем эти последние были крайне странными, если не сказать хуже, существами и обладали столь скромными запасами мозговых клеток, что говорить о полно-Ценном общении с ними было по меньшей мере смешно.

Иными словами, эта публика способна была заинтересовать птиц и насекомоядных животных разве что с гастрономической точки зрения.

«Какая чушь! — негодующе фыркал Борис на последнем заседании Общества Памяти Полевой Мыши. — „Слизняки-Великаны", „Лягушки за Эмансипацию", Общество Свободных Листоедов, „Власть Черных Жуков", „Вперед, Кузнечики!"… Я пытался запомнить все названия, насчитал три десятка и плюнул. — Он замолчал и принялся ожесточенно чесаться. — В последнее время мои блохи что-то совсем обнаглели», — пожаловался он.

«Несомненно, вследствие пропаганды Ассоциации Освобожденных Блох, — улыбнулся Фредди. — Должно быть, это особая фракция „Свободных Вшей"».

Филин запустил клюв в густой барсучий мех и без труда выловил нескольких паразитов.

«Щас я вас освобожу!» — пригрозил Борис и, опустив свою остроконечную морду, резко втянул воздух, проглотив придавленных блох разом.

Когда они кончили смеяться, прилетела Рака, которой не терпелось рассказать кому-нибудь последние новости о «Трупоедах за Свободу Слова» — соперниках «Могучих Личинок», которые, в свою очередь, блокировались с группировкой «Синие Мухи

Превыше Всего!». Все три организации вели ожесточенную тяжбу с «Местью Навозных Жуков» из-за соблюдения порядка очередности при принятии пищи.

— В общем и целом, — с усталой покорностью говорил тем временем Лопух, — молодые активисты разворошили осиное гнездо. Не только фигурально, но и буквально: именно с деятельностью объединения «За Возрождение Полосатых Ос!» связаны самые последние скандалы.

— Я сам слышал про это гуано! — перебил Филин. Лопух вздохнул. Он честно пытался объяснить своему

новому союзнику всю подкоготную, но, в отрыве от противоречивых политических тенденций и кипящих страстей кроличьей колонии, все сказанное представлялось бредом даже ему. Несмотря на это, Лопуху нравилось

чувствовать себя на острие событий. Одно то, что ради Общего Дела он пришел в этот мрачный Карьер, чтобы один на один поговорить со страшным хищником, делало его *выдающимся* кроликом.

Впрочем, Лопух был здесь не совсем один. Разумеется, он не сказал об этом своему грозному собеседнику, не Маргаритка настояла на том, чтобы пойти с ним, и теперь пряталась между камнями. Правда, Лопух понимал, что, если что-то вдруг пойдет не так, Маргаритка вряд ли сумеет реально помочь ему, однако ему было приятно думать о дополнительной паре мощных задних лап. К тому же по большому счету Лопух и не предполагал, что ему грозит реальная опасность. Он был не нз тех, кто безрассудно подвергает себя ненужному риску.

— Молодые кролики создали «Союз Радуги»,— сказал Лопух. — Это название они выбрали потому, что в хх организации должны объединиться существа самых разных мастей и расцветок. Когда мы разрабатывали систему голосования, никто не предвидел такого оборота. В двух словах: существа, которые поддерживают этих активистов, являются на собрания толпами и обес-яечивают им перевес в несколько тысяч голосов. Один только «Нерушимый Союз Свободных Муравейников» *чего* стоит! Разумеется, суть вопросов, которые обсуждаются на наших собраниях, оказывается гораздо выше же понимания, и это неудивительно, учитывая их малый рост, однако кролики-оппозиционеры продолжают настаивать на том, чтобы соблюдался фундаментальный принцип демократии: одно существо — один голос.

Филину захотелось перебить Лопуха, чтобы узнать, что такое «дремократия» и не имеет ли она отношения «заснувшим на заседании существам, однако ему не хотелось лишний раз обнаруживать свое невежество веред этим лопоухим всезнайкой. Лучше он потом спросит у ДД — если, конечно, тот к этому времени не «Колеет.

— К счастью, — серьезно продолжал Лопух, — внутри этого крыла происходят свои процессы, от него постоянно откалываются все новые и новые группировки.

К сожалению, я не могу назвать эту тенденцию позитивной, поскольку собрания превратились в арену борьбы между фракциями за влияние и власть.

Филин неуверенно переступил с лапы на лапу и чиркнул когтем по камню, но Лопух так увлекся повествованием, что не расслышал этого грозного звука.

— Взять хотя бы распрю между паразитами и их хозяевами. Свежий пример, и довольно наглядный. — Кролик улыбнулся с сознанием собственного превосходства. — Хозяева настаивают на том, что раз их блохи полностью от них зависят, то и голосовать они должны так же, как существо, на котором они паразитируют. Но «Паразитска Вольница» так не считает. Этот леворадикальный блок утверждает, что каждая блоха, каждая вошь, каждый клещ-кровопийца — это совершенно самостоятельное существо, обладающее всеми теми же правами, что и другие обитатели леса. В том числе и правом голосовать по своему собственному разумению. Это очень серьезная проблема, друг Филли.

Он хихикнул.

— Смешно, да? А между тем наши молодые активисты затронули проблему еще более значительную. Существуют, видишь ли, формы жизни, которые даже не осознают себя как индивидуумы. Они не имеют никакого представления о том, что означает местоимение «я», не говоря уже о том, что выражение «я голосую» не имеет для них смысла. Ну скажи, как может голосовать клубок червей для рыбалки? Разумеется, на собрании на это нельзя даже намекнуть, — сокрушенно вздохнул Лопух.— Не успеешь оглянуться, как Фронт Освобождения Червей возьмется за тебя всерьез.

Рассказ о «Паразитской Вольнице» вовсе не понравился Филину, однако последнее замечание кролика заставило его сдержанно улыбнуться. По крайней мере Большая Задница пытался острить, хотя и не очень удачно. Вместе с тем Филин даже не пытался притвориться, будто понимает, где тут голова, а где хвост.

— Мне казалось, вы считаете всех жителей леса равными, — прогудел он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно увереннее. — Что же плохого в том, если каждый будет голосовать так, как ему хочется?

— Равенство — это одно, — ответил Лопух таким тоном, словно Филин покусился на святыню. — А равноправие — другое. В реальном, а не в абстрактно существующем лесу некоторые существа должны быть более равными, чем другие, даже вопреки теории демократии.

Стараясь понять, что тут наговорил Лопух, Филин неожиданно представил себе, как все его блохи путем голосования решают, во сколько ему вылетать на охоту и когда возвращаться. Даже думать об этом было неприятно.

— Почему бы тебе не позабыть на время обо всех этих проблемах и не сказать мне прямо, чего вы от меня хотите? — жалобно сказал Филин, пытаясь вернуться на твердую почву.

Этот вопрос заставил Лопуха произвести стремительную переоценку ценностей. То, что он только что рассказал Филину, давало лишь самое общее представление о сложной политической паутине, которую плели Сопричастные Попечители. Ах, если бы ему только удалось заинтересовать хищника ее многочисленными тонкостями и нюансами, тогда он и воспринимал бы ее по-другому, однако Лопух только нащупывал правильный подход, который помог бы ему добиться хотя бы частичного взаимопонимания с могучей птицей. Возможно, Филин был совершенно прав и им стоит двигаться дальше, не заостряя внимания на частностях. Хищники, как уже давно подозревал Лопух, считали, что действия говорят сами за себя гораздо громче, чем слова. Что касается подробностей, то в них Филин разберется позднее.

— На следующем собрании я собираюсь представить тебя как Постоянного Исполнительного Председателя, — откликнулся Лопух самым деловым тоном. — После этого, действуя со всей решительностью и твердостью, ты должен будешь изменить сложившуюся ситуацию, изменить в нашу пользу. Я собираюсь протащить законопроект о голосовании по признаку «мех и перья». Если он будет принят, то правом голоса будут обладать

только существа, покрытые либо тем, либо другим. Никаких насекомых, никаких низших форм… Я не хочу, чтобы ты обвинял меня в элитизме и высокомерном пренебрежении нашими меньшими братьями, — быстро добавил Лопух. — В конце концов, принцип «меха и перьев» тоже несовершенен, в частности потому, что он оставляет за бортом нашего политического корабля жаб и лягушек, внесших неоценимый вклад в наше общее дело в качестве достойных представителей АРРЛ — это Ассоциация Рыб и другого Речного Люда, если ты не знаешь.

Филин не знал, что такое «элитизм»; что касалось Рыб и Речного Люда — тут все выглядело достаточно прозрачно. Просто, решил он, это еще одна дурацкая группировка в составе Сопричастных Попечителей — не хуже и не лучше, чем, например, «Древоточцы и Уховертки за Решительную Колонизацию Ильмов».

«Интересно, что замыслили сегодня трепачи из ДУРКИ? — проворчал бы в этом случае Борис. — Наверняка у них торжественный обед с участием фракции „Дрозды и Дятлы за Рациональное Питание"».

— Мы долго обсуждали возможность допустить к голосованию существа, которые не имеют ни меха, ни перьев, но обладают эндоскелетами,— продолжал тарахтеть Лопух. — Благодаря этой поправке жабы и лягушки получили бы право голоса, но можешь себе представить, сколько опасений было высказано в связи с тем, что благодаря этой же поправке голосовать смогут болотные черепахи и головастики. Как ни печально, нам пришлось отказаться от нашего плана.

Филин с некоторым удивлением наблюдал за беспрерывно лопочущим кроликом. Определенно, он был далеко не глуп, но Филин никак не мог взять в толк, как может существо, имеющее на плечах голову —• хоть и украшенную чрезмерно длинными ушами, — так волноваться из-за таких тривиальных пустяков.

— Самое важное — это протащить наш законопроект. И тут на сцене должен появиться ты! — заявил тем временем кролик и потер передние лапы с таким откровенным злорадством, что Филин невольно поежился.

Впрочем, он почувствовал себя значительно лучше, когда Лопух принялся растолковывать ему детали своего плана. Некоторые выражения — например, «существа равные и еще более равные», а также «дремокра-тия» и «вопреки основополагающим принципам»— по-прежнему ставили его в тупик, однако главная мысль была очевидна: решающую роль в предстоящих событиях должен был сыграть не хилый кролик, а могучий хищник.

Глава 15. ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

— Надеюсь, они не сумели одолеть тебя?

Мега аж подпрыгнул. Мата неслышно подкралась к нему как раз в тот момент, когда он глубоко задумался именно над этим вопросом. Пожалуй, Старейшинам не удалось его победить, однако Мега все равно оказался в трудном положении. И никакого выхода он не видел.

— Можешь все мне рассказать. Я же все равно узнаю…— негромко добавила Мата.

Мега и сам понимал, что не может избегать ее вечно. Не только она, но и вся колония вскоре узнает обо всем. Старейшины уже оповестили обитателей вольера о предстоящем диспуте, и теперь каждая клетка жила ожиданием этого события. И в исходе дискуссии сомневаться не приходилось — решение было просто написано на мордах норок старшего поколения.

Мата казалась ему самой загадочной норкой в колонии — а в некоторых отношениях она его просто пугала, — и Мега никак не мог понять, что заставляет его одновременно и тянуться к ней, и относиться с такой нас то роже н но стью.

— Ты хочешь вывести нас из клеток, правда? — вкрадчиво спросила Мата, и Мега подпрыгнул еще выше.

— С чего ты так решила?

— Иначе ты по-другому вел бы себя со Старейши-«ами,— улыбнулась Мата.— Ты переметнулся бы на их сторону.

Она говорила совсем не громко, но и без тени сомнения.

— Я — с тобой, Мега, и ты знаешь это, — продолжила она, улыбаясь ему чуть ли не с обожанием. — И мы всегда будем вместе, что бы ни случилось. Мы идеальная пара. Помнишь ту птицу?

Разумеется, он помнил. Но еще лучше он запомнил ощущение, которое появилось у него впоследствии,— ощущение, что Мата способна подчинить его себе и поработить. И, как всегда при мысли об этом, Мега ощетинился, чувствуя пробежавший по спине холодок.

— Я смогу помочь тебе, Мега, но только расскажи мне все. И сейчас.

— Старейшины сделали очень умный ход, — вслух рассуждала Мата, выслушав его. — Они не оставили тебе ни единого шанса. Старшие норки вообще не будут тебя слушать, да к тому же, что бы ты ни говорил, они всегда могут ответить, что небо, мол, упадет. И словами тут ничего не докажешь. Надо, чтобы кто-то выбрался из клетки, но кто на это пойдет?

Мега внимательно слушал. Мата уже удивила его, совершенно спокойно слушая, когда он рассказывал ей о Соломоне, о людях-освободителях и о своей роли «избранного» лидера, который поведет остальных к свободе. (Впрочем, на это последнее утверждение он не слишком напирал.) Он-то рассчитывал, что Мата будет вне себя от возбуждения и восторга, однако вместо этого она принялась анализировать положение, не задав ему ни единого дополнительного вопроса. Да и говорила Мата не как последователь, а как равный ему по положению и авторитету лидер.

— Надо отдать им должное, они очень хитры, эти старые, жирные самцы, — добавила Мата, словно все еще обращаясь к себе самой. — Но не хитрее самца, который действует заодно с умной самочкой. Пора показать им, что они напрасно не принимали нас, женщин, в расчет и держали на вторых ролях. — И чуть более громким голосом, что, видимо, означало} что она

закончила свои размышления вслух, объявила: — Но в этом конкретном случае придется обратиться именно к самцу!

— Что ты имеешь в виду? — Мега мгновенно насторожился. — Только я могу решать это.

— Это еще почему? — ощетинилась Мата.

— Потому что я особенный, избранный.

— Единственный избранный? — загадочно переспросила Мата. — Ты что, не слышал? Мы с тобой всегда будем вместе, что бы ни случилось.

Прежде чем Мега успел ответить, она выскочила из домика-укрытия и длинными прыжками помчалась через игровую площадку. В это время дня здесь почти никого не было, и Мега с удовлетворением отметил, что среди немногочисленных норок, которые праздно слонялись вокруг качелей и почерневших от времени остовов деревьев, не было ни одного из Старейшин. По всей видимости, они собрались в клетке Рамсеса, смакуя сценарий расправы над дерзким ослушником.

Мата возвращалась не одна. По пятам за ней трусливым скоком двигался Психо.

Память Меги в мгновение ока вернула его в те времена, когда Шеба указывала ему на этого недоноска как на будущего возможного союзника.

«Почему я должен водиться с этим жалким ублюдком? — недовольно спрашивал он ее. — Его никто не любит. Он и в самом деле ужасен, мама!»

«Я знаю, что ты думаешь, Мега,— терпеливо отвечала Шеба. — Ты считаешь, что он не твоего поля ягода, но ты все равно должен с ним играть и защищать его хотя бы немножко. Наступит день, когда ты поймешь, что все это делал не зря».

Мега подчинился воле матери с большой неохотой. Хотя он по-прежнему недолюбливал Психо, нельзя было не признать, что маленький недоносок обладает острым умом и еще более острым, прекрасно подвешенным языком, и по временам Мега находил его общество забавным. Психо, в свою очередь, не упускал случая выказать своему покровителю глубокую благодарность, в которой, правда, было что-то жалкое. Вскоре, однако, кто-то

пустил слух, что он подслушивает, о чем говорят между собой его сверстники, а потом наушничает. Прямых доказательств не было, но и простого подозрения оказалось вполне достаточно, чтобы молодежь перестала даже задирать и травить Психо, — его просто не замечали, превратив в настоящего изгоя. Таким образом, Мега получил формальный повод не слушаться Шебы и с готовностью присоединился к бойкоту.

— Что это ты затеяла? — прошипел Мега, как только Мата и Психо проскользнули в домик. Мата только зашипела в ответ и, выглянув из дверцы, внимательно оглядела

окрестности — убедиться, что не привлекла к себе ничьего внимания. Психо мелко дрожал, однако нашел в себе силы жалко улыбнуться Меге.

— Вот что, Мега,— заявила Мата, поворачиваясь к нему. — Расскажи Психо все, что мы с тобой знаем.

На мгновение Мега задумался, не уйти ли ему вовсе: Мата разговаривала с ним уже не как равный с равным — она пыталась указывать ему, как поступать.

— Ты ведь знаешь, что он шпионит для Старейшин? — спросил он, приподнимая трепещущую верх-нюю губу и обнажая зубы в знак крайнего презрения.

— Нет, нет, я не шпион! — вставил Психо своим писклявым голосом. —Честное слово! Я просто вел себя так, чтобы все думали, будто я действительно все вынюхиваю, а потом докладываю Массэму. Иначе они бы до сих пор меня кусали и колотили. На самом деле я всегда был на твоей стороне, Мега. Спроси Мату — она верит мне.

— Заткнись, недоносок! — коротко и властно перебил Мега. — Ну, что скажешь? — обратился он к Мате.

— Он говорит правду, Мега. Психо на нашей стороне, иначе я никогда не привела бы его сюда.

— Я же говорил! — торжествующе пискнул Психо и отпрянул, когда Мега, лязгнув зубами, сделал быстрое движение в его сторону.

— Ну, хватит! — резко сказала Мата. — Ты должен понять, Мега, понять и принять тот факт, что самых фанатичных и преданных сторонников ты можешь найти только на дне нашего общества. Все революции так

начинались — с обиженных, презираемых, самых недовольных и уродливых. Основная масса присоединяется к. революции позднее — когда она становится предприятием относительно безопасным. Перед тобой, Мега, стоит серьезная проблема, и Психо вполне по силам ее решить. Нравится он тебе или нет — это меня не волнует. Я сама его недолюбливаю, но он нам нужен. Это реальный факт, а все прочее не стоит внимания.

Мега уставился на нее в крайнем удивлении. Мата не только читала ему нравоучения, она обсуждала Психо так, словно он был неодушевленным предметом. Возможно, Психо был не слишком приятным типом, но все же он был норкой, а Меге на роду было написано вести за собой всех норок — и хороших, и плохих.

— Хочешь, я скажу тебе правду? — продолжала тем временем Мата, с презрением поглядывая в сторону Психо. — Боюсь только, что она не очень приятная. Что бы Психо ни утверждал сейчас, он *был* шпионом и соглядатаем Старейшин, но сейчас он на нашей стороне, потому что с нами его шансы на достойную жизнь предпочтительнее.

Психо испуганно и виновато стрельнул глазами в сторону, а Мега с трудом подавил дрожь. Больше всего остального ему не нравились в Психо именно глаза. Они были заметно светлее, чем черные как смоль бусинки остальных норок; к тому же им недоставало живого, яркого, как у пуговиц, блеска. Глаза Психо напоминали по цвету тусклую сталь; когда же на них падал свет, они подергивались туманной дымкой, и сквозь

эту муть было совершенно невозможно разглядеть, что у этого маленького ублюдка на уме.

Но это было еще не все. Психо обладал маленькой и чересчур костистой головкой; остроконечной, сильно задранной вверх мордочкой и крупными неровными зубами, которые бросались в глаза каждый раз, когда Психо улыбался, и производили впечатление неясной угрозы.

— Честное слово, Мега, я пришел помочь тебе! — умоляющим голосом пропищал Психо, подскакивая на месте. — У меня, видишь ли, есть одна идея, и я уверен,

что в твоем случае она сработает как надо. Дай мне только рассказать тебе о ней, и увидишь…

— Как много он знает? — спросил Мега у Маты.

— Не много, — холодно отозвалась та. — Но достаточно, чтобы обратиться ко мне с предложением.

— Вот как? — Мега пожал плечами и повернулся к Психо: — Ну, что там у тебя? Выкладывай!

Глаза Психо тускло блеснули.

— Хрень! — пропищал он и негромко хихикнул, по своему обыкновению — без видимой причины.

Мега раздраженно передернул кожей на спине и посмотрел на Мату расширенными от бешенства глазами. Хрень? Да что он хочет этим сказать?!

— Я имею в виду, что весь этот диспут — хреновина, и ты должен именно так к нему отнестись! — торопливо прибавил Психо и, захихикав еще громче, несколько раз подпрыгнул на месте. — Сначала ты дашь Старейшинам возможность изложить свою точку зрения. Потом, когда они кончат, ты должен встать и сказать как можно громче: «Все это хрень!» Понимаешь, как это тонко и умно?

— Нет, — искренне признался Мега.

Он любил забористые словечки, однако не видел, чем они ему могут помочь. Мата, должно быть, повредилась в уме, если рискнула связаться с этим придурком.

— А потом ты скажешь, что это даже не хрень, а полная хреновина! Это даже еще лучше, — добавил Психо.

— Почему же лучше? — озадаченно переспросил Мега.

— Потому что это еще более привязчиво, — хихикнул Психо.

— Ты лучше не раздражай меня, проклятый недомерок! — проворчал Мега, чувствуя, что не только зол, но и разочарован до глубины души. Идея Психо казалась ему совершенной… хреновиной.

— Выслушай же его!

Голос Маты напоминал щелчок бича, и Мега машинально повиновался.

— Валяй дальше,— вздохнул он.

— Помнишь, когда мы были совсем маленькими, я рассказывал тебе, как я обдумываю обходные пути? Я думаю во все стороны сразу, если можно так выразиться, а не как остальные норки, чьи мыслительные процессы движутся по кратчайшей прямой.

Мега едва не застонал в голос. В свое время он пытался постичь этот способ мышления, но увидел, что ничего путного у него не выходит. Впрочем, когда он поделился своей бедой с Шебой, она успокоила его.

«Именно поэтому я и хочу, чтобы ты держался с Психо по-дружески, — сказала она. — Уметь думать обо всем сразу и отыскивать обходной маневр — весьма полезно, но слишком трудно. Это не для тебя, сын мой, **так**что предоставь это Психо. Твоя задача — оставаться **самим**собой».

С тех пор Мега так и поступал.

— Давай взглянем на твою проблему под другим углом,— продолжал Психо.— Скажи откровенно: разве наши сверстники-норки — могучие интеллектуалы? Разве они способны сосредоточиться на какой-то важной проблеме? Разве они задумываются о чем-то серьезном?

Мега хорошо знал ответ на все эти вопросы. Молодые норки только и делали, что резвились на площадке и старались обратить любую проблему в шутку, чтобы ;хорошо посмеяться».

— Все наши сверстники — это сборище веселых горлопанов и озорников, верно? — продолжал Психо, не дожидаясь ответа. — Давай смотреть правде в глаза: их интересует только еда, проказы и бессмысленная жестокость, хотя в последнее время они недополучают даже этого. Взгляни, какую жизнь они влачат! — воскликнул Психо. — Она так скучна, что от нее облезть можно! Если не считать полнолуний, наши сверстники молчат и ведут себя тихо только потому, что им не приходит в голову что-то предпринять, а подтолкнуть их на правильный путь некому.

— Ну и как нам использовать твою «хреновину»? — с неохотой осведомился Мега.

— Мы постоянно слышим разговоры о восстании, Мега, — с готовностью пояснил Психо. — Но они никогда ничем не кончаются, потому что все это пустая болтовня изначально разочарованных и бессильных одиночек. Но что будет, если мы начнем с шутки и попробуем представить революцию как шикарное развлечение? Тогда серые массы будут с нами, не так ли? Диспут со Старейшинами — если допустить до настоящего диспута — ты обязательно проиграешь. Но если ты будешь на все их доказательства твердить только: «Хреновина это, господа хорошие!» — вот тогда ты с самого начала повернешь дело в свою пользу. Вместо навязшей в зубах доктрины норки получат развлечение, которого им так не хватает.

— Но «хреновина» это не ответ! — возразил Мега. — Это же просто глупое слово, которое ничего не означает.

— Разумеется, это ответ! — Психо захихикал как бешеный и запрыгал по гнилой соломенной подстилке. — И совсем даже не глупый — вот в чем дело! Меньше всего наши норки хотят слышать умные и скучные истины. А знаешь, что они хотят слышать?

— Что-то, над чем можно хорошо посмеяться! — медленно проговорил Мега.

«Может быть, — подумал он, — Психо действительно нашел неплохой выход».

Глава 16. ЗАШИКАЛИ!

Усевшись на нижнем суку Могучего дуба, Филин с нетерпением ожидал своего дебюта в роли Постоянного Исполнительного Председателя. После долгих размышлений он решил использовать свою устрашающую внешность, для того чтобы продемонстрировать собранию «твердость и неуклонную решимость», на чем так настаивал Дедушка Длинноух. Филин уже догадывался, что для этого необходимо лишь почаще топорщить перья, вращать глазами, громко клекотать и шипеть. Пробные

уловки действовали на лесных жителей безотказно — они пугались вплоть до полной потери способности двигаться.

Представление собранию нового Председателя прошло гладко. Кролики из «Союза Радуги» даже вежливо похлопали Лопуху. Но не успело собрание открыться по-настоящему, как Филин — несмотря на свои самые лучшие намерения — сел в лужу. Он терпеливо выслушал чушь, которую нес кролик Лютик, бывший спикером какой-то идиотской группировки с громким названием *Тля Начеку», но, когда на пень взгромоздилась бойкая полевка, Филин почувствовал, что ему все труднее и труднее сдерживаться. До этого момента ему казалось, что больше других его будут раздражать завирушки, и потому он оказался совершенно не готов к длинной обличительной речи, направленной против всех хищных птиц вообще и филинов в частности, которой разразилось это хлопотливое серое существо, выступавшее от имени группировки «Полевки Против Насилия». Его раздражение росло и росло по мере того, как мышь сыпала обвинениями в адрес хищников.

— …Злобные, жестокие, мстительные, грубые, бессердечные, кровожадные, хищные, преступные, свирепые, беспощадные твари, приверженные беспочвенному садизму, лишенные всех и всяческих чувств, свойственных нормальным диким существам, без устали злоумышляющие против нас, мышей и полевок, посвятившие все дни свои — а пуще всего ночи — истреблению мышиного рода.

Это было чудовищно — и несправедливо к тому же, — и Филин не выдержал. Соскочив со своего сучка, он круто спикировал вниз и схватил горластую докладчицу своими кривыми когтями. Подбросив полевку высоко вверх, он раскрыл клюв пошире и, поймав ее на лету, проглотил.

Как только пронзительный крик мышки замер словно обрезанный, потрясенное сборище на поляне затихло. –Алчный хищник подтвердил то, что говорилось о нем и «го породе! Он нарушил основное, обязательное для всех правило, благодаря которому собрания на Большой поляне были возможны! «Ни одно существо, — гласил Закон Номер Один, — не должно поедать другие существа, пока идет собрание». Протокол требовал изгнания нарушителя, но главная закавыка была в том, что в качестве Постоянного

Исполнительного Председателя именно Филин и должен был решать, какой следующий шаг должно предпринять собрание.

Филин тем временем продолжал стоять на Пне, чувствуя себя круглым идиотом. Он был крайне горд тем, как ловко и аккуратно поймал эту наглую мышь, и в то же время в душу его закрадывалось подозрение, что это не совсем те «решительность и твердость», которые могли быть одобрены Дедушкой Длинноухом. В своем рвении Филин переступил черту дозволенного, поэтому его нисколько бы не удивило, если бы кролики прогнали его прямо сейчас. Вместо этого Лопух махнул ему лапой, показывая, что он может вернуться на свой сук и вызвать следующего оратора.

Филин взмыл обратно на дуб и взмахнул широким крылом, приглашая на Пень завирушку. Вспорхнув на импровизированную трибуну, серая птичка зачирикала что-то от лица «Сороконожьего Дела».

Пока ее тоненький голосок разносился над поляной, Лопух и Филин старательно отводили глаза, боясь встретить взгляды потрясенных до глубины души кроликов из «Союза Радуги». Они сидели на траве, подняв в знак протеста передние лапы, и покорно слушали обстоятельный доклад завирушки о тонкостях работы подкомитета, решавшего, какой из множества ног сороконожки должны пользоваться для голосования.

На этот дурацкий вопрос в повестке дня Лопух обратил внимание Филина еще до заседания. Началось все с жалобы «Слизней за Прогресс», обвинивших сороконожек в том, что они якобы используют при голосовании все свои ноги, имея целью увеличить политическое влияние своей фракции. В результате появился специальный подкомитет, в задачу которого входила разработка подходящего способа голосования для слизней, которые, ввиду отсутствия ног и прочих конечностей, оказались ущемлены в правах. Филин заметил на

это, что у слизней, видать, и мозгов не богато, но Лопух строго упрекнул его за несдержанность, заметив, что подобные высказывания «политически ошибочны». Это выражение ученого кролика Филин отнес туда же, где уже хранились «дремократия», «элитизм» и «вопреки», как еще одну загадку, которую ему предстоит разрешить в будущем.

— Мы предлагаем, — пищала тем временем завирушка, — чтобы слизни сжимались в шар, в случае если они голосуют *contra* (это значит — «против»), и вытягивались во всю длину, если голосуют *pro* (то есть «за»). Заодно подкомитетом был разработан и метод голосования для виноградных улиток, которые могут выставлять один рог, когда голосуют «против» (то есть *contra),* и оба рога, когда выносят решение *pro,* то есть, попросту говоря, «за». Пребывание внутри раковины будет расцениваться как «воздержался»…

Пока завирушка раскланивалась под вежливые аплодисменты собравшихся, среди кроликов из «Союза Радуги» возникло стихийное массовое движение, причем по направлению к Пню. Собрание могло вот-вот выйти нз-под контроля, но Филин слегка приподнял когтистую лапу и остановил их на полпути, а вскочивший Лопух быстро процитировал какое-то путаное правило, согласно которому дебаты по поводу инцидента с ныне покойной полевкой противоречили регламенту заседания. Взгляды присутствующих немедленно обратились на Постоянного Исполнительного Председателя, который тут же открыл пошире свои огромные глаза, негромко зашипел и несколько раз кивнул головой в знак того, что поддерживает Большую Задницу. Этого хватило, чтобы

оппозиция быстренько присмирела, а Филин только теперь понял, какое потрясающее значение имел для поддержания порядка его непреднамеренный жест. Когда собрание более или менее вернулось в спокойное русло, он принялся экспериментировать и обнаружил, что каждое его движение приводит к тому, что докладчики нервно замолкают, а слушатели застывают на месте. В конце концов это ему наскучило, и он принялся рассеянно искаться в пуху под крылом. Лишь оторвавшись

от этого приятного занятия, Филин обнаружил, что его манипуляции повергли присутствующих в состояние, близкое к кататоническому ступору.

Однако простого его присутствия оказалось все-таки недостаточно, чтобы сдержать бурю возмущения, поднявшуюся, когда Лопух предложил свой принцип «меха и перьев». Правда, жабы и лягушки, которым было кулуарно обещано восстановление в правах после принятия поправки, почти не шумели, но зато пушистые придурки из «Союза Радуги» устроили настоящую демонстрацию протеста. Как впоследствии заметил Лопух, «Союз Радуги» в первый и последний раз сумел объединить составляющие его разнородные фракции. Божьи коровки на время оставили внутриплеменные разногласия по поводу сравнительных достоинств надкрыльев с двумя, семью и десятью пятнами; слизни и улитки позабыли о новом методе голосования и чертили слизью по траве яростные иероглифы гнева; колонны муравьев в полном боевом порядке маршировали вверх и вниз по стволам деревьев, а черви угрожающие корчились в листве.

Лопух, не обращая никакого внимания на эти проявления возмущения и недовольства, немедленно поставил свое предложение на голосование. Филин выждал, пока обновленная оппозиция снова обратит свои взгляды на него, и, выпучив страшные, черные, с оранжевым ободком глаза, встопорщил перья и зашипел пронзительно и жутко. Эффект вышел потрясающий: всякий шум на поляне мгновенно прекратился и собравшиеся оцепенели от страха.

Но только не сторонники Лопуха! Эти были заранее предупреждены и готовы действовать. По предложению Большой Задницы накануне вечером верные ему кролики собрались на потаенной лесной прогалине, и Филин раз за разом показывался им в своем самом устрашающем виде, понемногу приучая их справляться со своим страхом. И эта тренировка себя оправдала: теперь, когда в качестве Исполнительного Председателя Филин призвал голосовать за вынесенное предложение, сторонники Лопуха оказались единственными существами на поляне, еще способными двигаться. Сочтя выставленные ими лапы, Филин немедленно предложил голосовать «против», присовокупив к своим словам короткое, но довольно пронзительное и недвусмысленное шипение. Когда в ответ не шевельнулся ни один усик, не поднялась ни одна нога или челюсть-мандибула, он объявил, что количество проголосовавших «против» равняется нулю, и быстренько закруглился, сказав, ч"то предложение Лопуха принимается и что на этом заседание свою работу заканчивает.

Только теперь с разных концов поляны донеслись крики протеста, но было уже поздно. Существа без перьев или меха хоть и остались «равными среди равных», на чем так горячо настаивали их пушистые представители, были надолго, если не навсегда, исключены из числа участников законотворческого процесса.

Глава 17. ПОЙ ПЕСНЮ, ПОЙ…

Мега никак не мог закончить разговор с Психо. Было что-то мерзкое и в то же время болезненно-притягательное в его фамильярности и манере держаться так, словно они двое — давние и близкие друзья.

— Почему ты решил перейти на мою сторону? — снова и снова допытывался Мега, раздумывая про себя, как здорово Психо подходит прозвище Крысеныш. — И что это ты все время говоришь «мы» да «мы»? — продолжал наседать Мега. — Никаких «мы» здесь быть не может. Здесь есть только «я», потому что я — единоличный лидер, новый вожак всех норок. Мне, кстати, до сих пор непонятно, как это такой жалкий недоносок решился выбраться из-под крылышка Старейшин?

Задавая эти вопросы один за другим, Мега с вызовом поглядывал на Мату, словно говоря: «Только попробуй вмешаться!»

Но Мата спокойно молчала, в то время как Психо, ни капли не обидевшись, ответил ему со всей возможной искренностью:

— Все проще простого, Мега. При существующих порядках для меня в вольере просто нет места. Если кто-то из Старейшин и помогал мне, то чуть-чуть. Зато помнишь, как ты постоянно выручал меня в драках? Я не виноват, что родился таким, Мега, — всхлипывая от жалости к себе, продолжал Психо. — Тебе, конечно, этого не понять — вон ты какой здоровый да сильный. Но что было делать мне? Ты, наверное, никогда не задумывался, каково это — всегда быть в самом низу? Каково быть объектом постоянной травли, всеобщего презрения, грубых шуток этих веселых паршивцев? Только ты, Мега, способен изменить это положение. Когда я докажу, что умею быть полезным, и когда у тебя в лапах будет власть, ты дашь мне то, чего мне не хватает. Ты дашь мне влияние, авторитет и ощущение безопасности. И если уж разговор зашел об этом, я скажу: мы с тобой во многом схожи, Мега. Мы оба чужаки, которые гоняются за одним и тем же.

Мега почувствовал, как шерсть у него на хребте зашевелилась, но не стал возражать, потому что на любое его замечание Психо, несомненно, ответил бы еще более тонким наблюдением. В этом, возможно, и заключалась основная черта характера недомерка, которая делала его таким неприятным. Иными словами, Психо был слишком наблюдателен и умен, что он как раз и подтвердил, прибегнув к своему излюбленному способу выкручиваться из самых сложных ситуаций, который он называл «импровизацией».

— Мне не известно, какими сведениями ты располагаешь, Мега, но я не спрашиваю — я ведь и сам кое-что знаю. В любом случае я мог бы стать твоим мастером-импровизатором, который предлагает готовые решения. «Хреновина!» — вот идеальный ответ на любой вопрос Старейшин. При этом не имеет значения, насколько соответствует истине твой тезис об убийстве людьми норок ради их шкурок. Ни я и никто другой не обязаны в это верить, потому что в данном случае единственное, чего мы хотим достичь, это дать массам повод повеселиться. Ты только послушай… — И Психо

начал негромко напевать: — Хрень-хрень-хрень, хреновина, красная морковина! Хрень-хрень-хрень, хреновина, красная морковина! Одно очевидно,— добавил он со странной усмешечкой, — это — *не* хреновина, потому что, раз услышав эту дурацкую песенку, никто, и ты в том числе, уже не сможет выбросить ее из головы.

— Оставь мою голову в покое! Убирайся отсюда — и быстро! — зашипел Мега, не в силах– и далее сдерживать свое презрение. Ничего более низкопробного он не слышал никогда в жизни.

Психо бросил быстрый взгляд в сторону Маты и, дождавшись с ее стороны сдержанного кивка, выскочил из домика, даже не попрощавшись.

— Как ты посмела позвать его, даже не спросив меня? — Мега в ярости повернулся к Мате.

— По крайней мере, он честно предупредил, что перешел на твою сторону ради собственной шкуры, — парировала Мата. — Да и какая тебе разница, если он прав?

«Огромная разница», — с горечью подумал Мега. Он был избранным, лидером, глубоко и пламенно убежденным в справедливости своего дела. Мата не должна была дискредитировать его самого и его благородные цели, предлагая принять помощь от такого вульгарного циника, как Психо. Что он может знать о вере, о принципах, о священной миссии?

— Почему он называет остальных норок «массой»? Это просто унизительно; мне, во всяком случае, очевидно, что Психо ни во что их не ставит. Но самое главное — он ошибается. Норки не виноваты, что живут такой жалкой жизнью. Когда я избавлю их от пассивной покорности, они обязательно станут самими собой: гордыми, свирепыми, независимыми, воистину норками!

— Это ты ошибаешься, Мега, ты, а не он! — с горячностью возразила Мата. — Может быть, глубоко внутри мы действительно другие, но наш образ жизни Неумолимо превращает нас всех в серую массу — даже не в бурую, несмотря на цвет нашего меха, а именно в серую. Особенно это касается нас, самок. И к концу наших дней мы становимся именно такими, как рисует

нас Психо, — покорными, раболепными, полностью зависимыми от системы.

— Но почему он говорит, что все, кто живет здесь, придурки? — возмутился Мега. — Никакие они не придурки, они — норки!

— Но и не великие мыслители. Разве не так, Мега?

Мега дошел до крайней степени раздражения. Мата будто намеренно противоречила каждому его слову. Вместе с тем Мега осознавал, что никогда всерьез не задумывался, как привлечь норок на свою сторону. Пока рядом была Шеба, будущее представлялось ему ясным и понятным. При мысли, что именно ему выпала честь спасти своих соплеменников, Мега всегда ощущал прилив гордости и тепла, но он ни разу не задумался о средствах… Он и представить себе не мог, что будет вынужден использовать низкопробные приемчики вроде того, какой предложил ему Психо! Зачем это ему, если он обращается к самым высоким, а не к самым примитивным чувствам и инстинктам? Не совершит ли он роковой ошибки, последовав совету недомерка и свернув с прямой дороги в самом начале пути? Должен ли он пожертвовать светлыми идеалами ради сиюминутной выгоды?

Психо заставил Мегу взглянуть на предстоящую ему задачу под другим углом и — впервые! — подвергнуть критическому переосмыслению четкие установки Шебы.

Неужели его мать не предвидела, что смех может быть самым эффективным оружием? Наверное, все-таки нет, вынужден был в конце концов признать Мега, вспоминая, что Шеба всегда была предельно серьезна, точно какой-нибудь Старейшина. Мысль о том, чтобы превратить восстание в потеху, испугала бы и возмутила ее. Несмотря на это, Мега продолжал любить мать и порой чувствовал себя так, словно предает память Шебы, ибо все больше и больше склонялся в пользу выдумки с «хреновиной». Словцо казалось ему залихватским, удалым, могущественным, и Мега хорошо представлял себе,

какое впечатление оно произведет. Да и самому ему было трудно не улыбнуться при мысли о том, как уничтожающе точен был Психо в своей оценке официальной доктрины Старейшин, — вот уж действительно хреновина, иначе и не скажешь! А если «хреновина» так понравилась ему, вожаку, испытывающему к тому же недоверие к Психо, то что говорить о его сверстниках — они наверняка будут просто без ума' от этой новой забавы! Более того, Мега не мог не понимать, что этот дерзкий ход сбережет ему немало сил и времени, которые он потратил бы, пытаясь логически опровергнуть официальное учение Старейшин. Значит ли это, что Мата права? Может быть, его роль избранного как раз и заключалась в том, чтобы принимать соплеменников такими, какие они есть, со всеми их недостатками и заблуждениями, а вовсе не в том, чтобы навязывать им свои возвышенные идеалы и заумные взгляды?

Утром того дня, когда должен был состояться открытый диспут, Мега наконец решился, благо альтернативы у него не было. Он сделает так, как советовал ему маленький импровизатор. В конце концов, терять ему было нечего.

— Хрень-хрень-хрень, хреновина! — напевал он про себя, готовясь к решающему бою. — Красная морковина…

Мега вполуха слушал Рамсеса, который не торопясь и со вкусом излагал официальную доктрину. Вместо этого юный нонконформист сосредоточил свое внимание на молодых норках, составлявших примерно половину аудитории. Заметить их было просто, так как им довольно скоро наскучила монотонная проповедь Вождя и они принялись играть и возиться, в то время как родители сурово хмурились и время от времени награждали своих отпрысков увесистыми оплеухами. Но даже и многие старшие норки откровенно зевали, и Мега увидел в этом лишнее подтверждение теории Психо.

Тем не менее норки сразу сосредоточились, когда услышали финальное: «…и этот юнец имел наглость оспаривать правильность священной доктрины, являющейся краеугольным камнем нашего общественного устройства. Что ж, да будет так. Мега имеет право сомневаться, однако его сомнения должны быть обоснованы. Именно поэтому мы призвали его сюда, чтобы он попытался опровергнуть наше великое учение».

Чувствуя на себе взгляды всей колонии, Мега не торопясь встал со своего места и вразвалочку вышел вперед. Повернувшись лицом к собравшимся, он открыл пасть и, набрав в легкие побольше воздуха, громко сказал:

— Все это — хрень!

С этими словами он спокойно уселся и принялся вылизывать свой хвост.

Старейшины и старшие норки дружно ахнули.

— Ты… не мог бы ты повторить? — дрожащим голосом переспросил Рамсес, не в силах поверить своим ушам. Совет Старейшин потратил немало времени, пытаясь предвосхитить аргументы строптивца и подобрать самые весомые контрдоводы, однако такого заявления не ждал никто. Что это за ответ? И что он означает?!

Мега снова встал.

— Хрень! — повторил он уверенно.

— Это все, что ты имеешь нам сказать? — придушенным голосом уточнил Рамсес.

— Да. Ваша доктрина — полная хрень. Иначе и не скажешь.

Вот теперь Мега полностью завладел вниманием собравшихся. Старшее поколение было явно скандализовано, однако его сверстники, почуявшие новое развлечение, уже начали потихоньку хихикать.

— Ну-ка, тихо там! — прикрикнул Рамсес.

— Шш-ш-ш! — зашипели родители, сердито оборачиваясь на молодежь.

— Я желаю пересмотреть свое предыдущее заявление, — неожиданно заявил Мега. — Ваша доктрина не просто хрень — это настоящая хреновина, от первого до последнего слова.

Рамсес опомнился первым.

— Властью, данною нам как Правящему Совету, — обратился он к Меге, — приказываю тебе либо отвечать как положено, либо не отвечать вовсе!

Собравшиеся затихли. Мега тоже старался казаться спокойным, хотя сердце его отчаянно колотилось.

— Хрень-хрень-хрень, хреновина, красная морковина! — пропел он как можно беззаботнее и веселее. — Вся эта теория — просто хренота на постном масле!

Громкие смешки и заразительное хихиканье стали распространяться по толпе, словно круги по воде. Мега приободрился и запел еще громче:

— Хрень-хрень-хрень, хреновина!..

Все сработало как надо. Молодежь, не в силах сдерживать свое буйное веселье, в открытую принялась подталкивать друг друга под ребра.

— Ну-ка, тихо все!!! — во всю силу легких гаркнул Рамсес. — Это важное собрание, а не игра!

Это заставило шалунов присмиреть, но очень ненадолго. Мега увидел, что молодые норки продолжают втихомолку хихикать.

— Хрень-хрень-хрень, хреновина!.. — негромко завел он опять и увидел, как некоторые, самые отчаянные слушатели повторяют эти заветные слова, правда пока еще беззвучно.

— Я сказал — тихо, вы, непокорные нахалы!

— А я сказал — хреновина! — с вызовом закричал Мега. — Ну-ка, давайте все вместе! Хре-но-ви-на! Хре-но-ви-на!!

— Точно, хреновина! Хрень-хрень-хреновина! — раздался из задних рядов хриплый, немузыкальный вопль, и Мега узнал голос Макси.

Молодые норки завертели головами и заухмылялись во всю ширину пастей. Сознание того, что Мега, оказывается, не одинок, прибавило им уверенности. Вот похохочем, решили они. Кто бы мог подумать, что этот Мега — такой шутник? А старина Рамсес, глядите, вот-вот лопнет от злости! Ну и дела, ребята. Просто отличное развлечение!

— Хрень-хрень-хрень, хреновина!.. — пел Мега.

— Хрень-хрень-хрень, хреновина, полная хреновина! — дружно подхватили веселые молодые голоса. — Красная морковина!..

— Упорствуя в своей детской глупости, ты не оставляешь нам иного выхода! — прокричал Рамсес, стараясь перекрыть шум. — Диспут объявляется закрытым, наше решение вы услышите позже!

Но песенка о хреновине и красной морковине уже вырвалась на свободу, и сдержать ее нельзя было никакими силами. Молодежь разошлась по клеткам, распевая скабрезные слова на незамысловатый мотивчик, и Старейшин охватило предчувствие поражения. Им, норкам весьма серьезным и даже мрачным, нечего было противопоставить ребяческой бессмыслице, которая так веселила молодежь.

И вот, кипя от едва сдерживаемой ярости, Старейшины совершили фатальную ошибку. Вскоре после окончания скандального диспута они объявили, что песня о «так называемой хреновине» отныне считается запрещенной специальным Указом Совета Старейшин. В дополнение к этому ни одна норка не должна была более осквернять свои уста произнесением самого слова «хреновина» и однокоренных производных.

Однако довольно скоро Старейшины с ужасом обнаружили, что все, на что они опирались прежде: их драгоценная доктрина, легенда о падающем небе, положение о необходимости продолжения рода и тезис о том, что Хранитель является лучшим другом всех норок, — все это шатается и рушится у них на глазах, ибо молодое поколение с рвением предавалось новому занятию.

Когда Старейшины приближались к группкам молодых норок, которые, плотно прижавшись друг к другу, сидели где-нибудь в уголке и шушукались, до их слуха непременно долетали обрывки фраз:

— Почему нельзя петь, если мы хотим?

— Или говорить «хреновина», когда нам нравится?

— Разве это преступление?

— Указ Старейшин — это просто хреновина, вот что я вам скажу!

Нежелание повиноваться становилось все более откровенным, и Старейшины в бешенстве прислушивались к тому, как молодые норки все чаще называют их «вконец охреневшими хреноголовыми стариками». Обрывки песенки «Хрень-хреновина» доносились со всех концов игровой площадки, а самые нахальные открыто, на глазах у Старейшин, двигали губами так, словно произносили запретное слово, не производя, впрочем, ни звука.

Мега старался держаться тише воды, ниже травы. Происходящее больше не имело к нему отношения: молодое поколение само решило не отказываться от потехи из-за прихоти старых пердунов. Все больше и больше молодых подходило к нему с просьбой от их имени посодействовать отмене запрета на слово «хреновина». Тем временем Старейшины, внимательно следившие за развитием событий, не сомневались, что следующий шаг Меги — это только вопрос времени. Они уже почти признали, что сами себя загнали в ловушку, из которой нет выхода, и все их усилия могут привести только к одному: их вовсе перестанут слушать и навеки приклеят им ярлыки «старых зануд». Кроме того, даже сами Старейшины — как они неохотно признавались друг другу — не избежали всеобщего поветрия. Как они ни старались, никому не удалось выбросить из головы слова дурацкой припевки. В конце концов Совет решил,'что на карту поставлено почти все и отступать некуда.

Предложение было только одно, и сделал его Рамсес.

— Мы сумеем сломить его,— уверенно пообещал Рамсес. — Вот увидите, сам приползет.

Было созвано новое собрание норок, которому и зачитали удивительный приказ:

— «За еретические высказывания и проявленное неуважение к Совету Старейшин Мегу, сына Шебы и Соломона, подвергнуть остракизму. Отныне и до тех пор, пока отступник не совершит публичного покаяния, официально считать его *не-норкой* — существом, к которому запрещено обращаться и которому не разрешается заговаривать с кем-либо по собственному почину».

— Подвергнуть остракизму! — в благоговейном страхе перешептывались молодые. Они были знакомы со многими разновидностями наказаний, но «остракизм» — это было что-то новенькое.

Глава 18. ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ

Именно Филин был повинен в том, что Общество Памяти Полевой Мыши превратилось в неформальное объединение, на заседаниях которого главным образом пережевывались последние новости, касающиеся лесной жизни. В противоположность строго регламентированным заседаниям Общества Сопричастных Попечителей Леса, все здесь было организовано так, как больше всего нравилось плотоядным, — то есть почти никак. Если не считать обязательной принадлежности участников к хищникам или всеядным, то никаких правил формального членства в Обществе Памяти не существовало вовсе; кроме того, если в теории присутствие особей женского пола и допускалось, то на практике ОППМ давно превратилось в чисто мужской клуб. Благодаря столь свободному подходу на нерегулярных собраниях присутствовали только те, кто хотел, и поскольку все они проводились экспромтом, под влиянием момента, то посещаемость была минимальной. Чаще всего кворум состоял всего из трех главных членов — Филли, Фредди и Бориса. Прочие серьезные хищники, такие как ласки и серые горностаи, появлялись на собраниях лишь время от времени; изредка залетали на огонек пустельга или ястреб-перепелятник,

однако, когда дела Сопричастных Попечителей стали главной и единственной темой для обсуждения, они утратили интерес к заседаниям. Как и Юла, все они считали, что единственное предназначение травоядных вегетарианцев — служить пищей им, хищникам.

«Да вспомни сам, как эти кролики замирают, стоит им только увидеть тебя! — заявила как-то Филину одна проницательная ласка. — Они могли бы убежать — с их длинными ногами это ничего не стоит,— однако они сидят неподвижно и ждут, пока ты начнешь их есть. Эта пассивность свидетельствует только о том, что они лучше тебя знают: их единственное назначение в жизни — служить ходячим запасом мяса для нас, плотоядных».

Время от времени на заседаниях Общества Памяти Полевой Мыши появлялась речная выдра Оруэлла, которая делилась с лесными хищниками последними новостями из жизни земноводных и водоплавающих. Впрочем, выдра жила слишком далеко — много ниже по реке, — поэтому никто не считал ее полноправным членом лесного сообщества. Что касается пары канюков, обитавших в лесу у самого Водораздела, то они намеренно держались уединенно и избегали контактов с любыми обитателями Старого Леса.

Филин, которого просто распирало от желания поделиться новостями о триумфальном собрании Сопричастных Попечителей, на котором был одобрен принцип «меха и перьев» (как-никак он сыграл в этом не последнюю роль!), пригласил своих приятелей и единомышленников по пищевым пристрастиям на собрание Общества Памяти Полевой Мыши, в полной уверенности, что они будут поражены. И ему в самом деле было что рассказать! Хитрость Лопуха, скандал, инцидент со съеденной полевкой (о котором Борис, должно быть, уже проведал) — все это было действительно интересно, но самым главным оставалось мрачное пророчество старика ДД, предсказывавшего близкую и страшную опасность. Довольно скоро он, однако, заметил, что случайно оказавшаяся поблизости пара ласок удалилась по своим делам, Борис изобразил на своей полосатой морде обычную гримасу из серии «Не-знаю-и-знать-не-хочу», а Фредди принялся зевать во всю свою лисью пасть. Филин не знал, что в то время, как он отважился пойти на сближение с Сопричастными Попечителями, его приятели, напротив, решили навсегда порвать с движением кроликов и им подобных. Разумеется, Борис не совладал с любопытством и тихонечко приполз к Большой поляне, однако, увидев Филина, важно рассевшегося на суку, словно какое-нибудь чучело набитое, он раздраженно фыркнул и ушел, пропустив, таким образом, инцидент с полевкой. Несколько позднее Борис столкнулся в подседе с Фредди, и они оба пришли к заключению, что их общий друг Филин стал в последнее время совершенно невыносим. Разумеется, ни у того ни у Другого не было никакого желания выслушивать его

расцвеченный подробностями отчет о собрании каких-то ушастых придурков.

— Наши трепачи стали слишком глупыми, Фил-*ли*> — грубовато перебил Филина Борис. — Лично я не желаю больше иметь с ними никаких дел. Твое участие в их идиотской болтовне ничего не изменило — ни один из нас никогда не хотел быть чем-то большим, чем просто сторонним наблюдателем.

Увидев, что хохолок на голове Филина расстроенно опустился, Борис поспешил добавить:

— Мне очень жаль, Филли, но у меня в норе семья. Ты даже не представляешь, насколько сложной может стать семейная жизнь,

Борис успел обсудить новое увлечение Филина с Фредди — старинным приятелем; они когда-то жили в одной норе, пока лис не вырыл свою. Будучи созданиями сугубо земными, они легко пришли к заключению, что между ними много общего — гораздо больше, чем между каждым из них в отдельности и их крылатым другом, который на многое смотрит с высоты птичьего полета. Кроме этого, лиса и барсука связывало то, что оба считали свои обожаемые семьи средоточием всего на свете.

Они оба любили Филина и по-прежнему относились к нему как к своему другу, хотя и понимали, что он едва ли разделяет их взгляды на жизнь. Если они и могли в чем-то упрекнуть своего приятеля, то, скорее всего, в чрезмерной серьезности и в том, что он с легкостью позволил кроликам увлечь себя на неверный путь. Кроме этого, в характере Филина в последнее время появилась еще одна черта, которая, как им казалось, заслуживает того, чтобы немного ему попенять.

— Тебе, похоже, понравилось быть важной шишкой, Фил, — по-дружески упрекнул его Фредди.

— Ни в коем случае! — запротестовал Филин.— Вы же понимаете, что я участвую в этом вовсе не ради себя. Это касается всего леса в целом. Дело в том, что мне сообщили одну важную новость, которую должны знать все. В скором времени должно произойти что-то очень серьезное. На лес надвигается настоящая беда.

— Это кто тебе сказал, уж не кролики ли? — фыркнул Борис.

Филин вкратце пересказал друзьям мрачное пророчество Дедушки Длинноуха.

— Очень на них похоже, Филли, очень! — перебил Борис. — Разве ты не знал, что кролики постоянно ждут какой-то беды? И они отнюдь не умнеют с годами. Я никогда не видел этого старого маразматика, о котором ты рассказываешь, но пусть меня укусят за нос, если он не такой же трепач, как вся их порода. Ну-ка, Фредди, вспомни, сколько раз эти ушастые пожиратели травы предсказывали неприятности, которые должны были как минимум положить конец существованию леса как такового? — Борис раздраженно зафыркал и затряс полосатой головой. — Сколько раз мы слышали, что грядет величайший кризис?

— Да уж порядком, мягко говоря, — согласно кивнул лис.

— А чем обычно кончается их Светопреставление, то есть Лесопреставление? — продолжал Борис. — Да ничем, Филли, абсолютно ничем! Кролики просто забывают о своих мрачных предсказаниях и начинают трепать мякину по какому-то другому поводу, который, конечно же, «страшно важен, страшно опасен»! Нам, значит, снова грозит страшная беда? Ну что же, ничего иного этот старый дед и не мог тебе сказать, потому что у него давно не все дома.

Барсук был прав: Сопричастные Попечители постоянно предсказывали какую-то беду, однако на этот раз Филин был убежден, что все действительно очень серьезно. Вот только как объяснить его скептически настроенным друзьям, что Дедушка Длинноух — не то в силу возраста, не то в силу каких-то иных причин — находится на ином, недосягаемом для обычных зверей уровне, словно он читает послания сил, о которых все они имеют лишь самое смутное представление?

— А ты что скажешь? — в отчаянии обратился он х Фредди.

Фредди был слишком хорошо известен своей рассудительностью и скрытностью, стяжавшими ему славу

первого хитреца и проныры. Несмотря на это,. Филин продолжал питать к нему самые теплые чувства. Фредди умел быть совершенно очаровательным, особенно когда распушит свою лоснящуюся огненно-рыжую шкурку. Ума ему было не занимать, но Филин слишком хорошо знал, что Фредди никогда не позволяет себе ввязываться ни во что сомнительное. Даже членство в Обществе Памяти Полевой Мыши было для него лишь способом оставаться в курсе новейших событий, и не более того. Из всех обитателей леса лис, бесспорно, был самым осведомленным. Фредди слыл и отменным тактиком; постоянно выискивая лучший вариант из дюжины возможных, он не забывал держать нос по ветру и всегда держал два-три варианта про запас. Именно поэтому Филину иногда казалось, что он может доверять Фредди не больше, чем гнилому сучку.

— Я слышу их голоса как наяву…— зевая, отозвался Фредди.— Как они там выражаются, Бо? «С одной стороны, это может привести к гибели леса, каким мы его знаем…»

— «Ас другой стороны, нельзя выпустить из лап такую редкую возможность…» — подхватил Борис и заломил свои похожие на лопаты передние лапы, пародируя крайнюю степень отчаяния.

— Ну а если старый Длинноух прав? — вставил Филин. — Лично я почему-то чувствую, что все это очень и очень серьезно!

— А вот я ничего такого не слышал, — решительно отозвался Борис. — Возможно, правда, что это слишком сложно для меня, старина, — добавил он, все еще стараясь быть с приятелем помягче. — Мы, барсуки, ребята простые, и высокие материи нам недоступны.

— Наверняка грядущая катастрофа имеет отношение только к кроликам,— вставил и свое слово Фредди. — Допуская, конечно, что твой Дедушка Длинноух не ошибается и в лесу *действительно* что-то произойдет… Я ничуть не удивлюсь, если в ближайшее время кроликов поразит эпидемия миксоматоза. Я готов даже укусить себя за хвост, если это не так.

— Давай не будем усложнять, Филли, — мягко сказал Борис. — Может быть, нам даже лучше будет некоторое время не встречаться, раз ты так глубоко увлечен кроличьими делами.

Во всех остальных местах с Филином обошлись куда как решительней.

— Постоянный Исполнительный Хвастун! — приветствовала его Рака.

— Я хочу знать только одно — когда ты наконец починишь вот этот угол гнезда? — заявила ему Юла. — Твои блохастые кролики могут и подождать.

— Не будет этого, — с вызовом ответил Филин.

Он попросту не мог отделаться от впечатления, которое произвели на него речи Дедушки Длинноуха. Что ж, если всем остальным это безразлично, он готов был хоть землю рыть, лишь бы добраться до сути. В конце концов, что бы там ни говорили всякие горластые гра-чихи, он был единственным в лесу существом, обладающим основательностью,

оторвитетом, безграничной мудростью, взвешенностью суждений и — в качестве Исполнительного Председателя — реальной властью.

Глава 19. НОРКОМАКСИМУМ

Остракизм считался в колонии самой тяжелой карой, поскольку норки с детства в тесноте вольера привыкали к постоянному общению друг с другом. Рано или поздно бремя одиночества и стыда становилось настолько непереносимым, что жертвы приговора ломались и были готовы на все, лишь бы вернуться в привычный круг общения. Им приходилось долго и униженно каяться на глазах у всей колонии, прежде чем они получали официальное — «из снисхождения и милосердия» — разрешение вернуться в лоно семьи и друзей.

Меге, напротив, несколько дней молчания дались сравнительно легко. Отчасти причина этого крылась в том, что он привык быть в вольере чужаком, с которым другие норки всегда общались неохотно, но главным образом это был гнев на трусость и произвол Старейшин. Как они посмели запретить ему разговаривать с теми, с кем он хочет? Ну ничего, теперь он им покажет!

Шеба, заранее готовившая его к любым поворотам судьбы, тоже помогла ему, предсказав остракизм как один из возможных шагов, которые предпримут Старейшины. «Когда наступит критический момент, — говорила она, — для них это будет единственный способ заставить тебя молчать».

Теперь, оказавшись именно в таком положении, Мега с особенной остротой ощутил свою потерю. Вместе с тем, располагая неограниченным временем для размышлений, он неожиданно подумал, что исчезновение и вероятная гибель матери случились весьма своевременно. Конечно, нехорошо было думать таким образом, однако он не мог не понимать, что для того, чтобы стать самим собой, ему необходимо было освободиться от влияния Шебы. С тех пор как ее забрали, Меге удалось почти полностью отучиться смотреть на вещи ее глазами. Даже то, как Шеба обрушила на него переданные ей Соломоном знания, казалось ему теперь до невозможности мелодраматичным, однако и открывшаяся Меге романтическая наивность матери не помешала ему любить ее еще сильнее — и еще острее переживать горькую утрату.

«К тому времени, когда тебя подвергнут насильственной изоляции, — объясняла Шеба, — твоя идея об убийстве норок людьми ради их шкурок уже будет вовсю гулять по колонии, и с этим Старейшинам уже не справиться. Твоя сила, Мега, не в том, что ты провозвестник новых идей, твоя сила в том, что ты провозвестник истины, и — как всякая истина — она в конце концов восторжествует!»

Но в действительности все оказалось не так. Выдумка Психо насчет «хреновины» сильно исказила нарисованную Шебой идеалистическую картину. Поразмыслив на досуге, Мега довольно скоро пришел к заключению, что революция — это не просто правда, которую можно единожды изречь, после чего она сама пробьет себе

дорогу к победе. Точно так же не была она и чистой наукой со своими раз и навсегда утвержденными правилами и законами. Как верно заметила Мата, тут ничего нельзя было планировать заранее. В частности, вопреки предсказаниям Шебы, Старейшины предоставили ему самому возможность что-то делать со своей изреченной истиной.

Мата решила тайно встретиться с ним только после того, как тщательно проанализировала умонастроения жителей колонии. Поначалу, правда, она хотела открыто обратиться к Меге, однако скоро рассудила, что особого смысла в этом нет. Ее тоже подвергнут остракизму, и на этом дело и кончится. Была у нее надежда, правда высмеянная Психо, что молодые норки сами начнут заговаривать с Мегой, презрев запрет Старейшин. Молодым самочкам Мега казался вдвойне привлекательным благодаря романтическому ореолу мученика-изгнанника, однако и сверстники-самцы нередко приближались к нему, выражая таким образом свою солидарность и поддержку. И только теперь она поняла, что дальше этого никто из них не пойдет и что она слишком многого ждала от молодняка.

Психо, опьяненный успехом, предавался бесконечному самовосхвалению, изрекая одну глупость за другой.

«Старейшинам скоро придется провести открытые дебаты по поводу моей "Песни о хреновине",— легкомысленно заявлял он. — Она стала настолько популярной, что они неминуемо проиграют, и тогда мы без труда их спихнем. Как тебе моя идея?» — «Ты действительно считаешь, что Старейшины настолько глупы, что пойдут на это? — резко парировала Мата. — Действительно, молодежь любит твою хреновину, — добавляла она без улыбки, — но я не уверена, что кто-то захочет рисковать ради нее своей шкурой. И поскольку я уже решила побеседовать с Мегой, у меня есть для тебя новое задание. Я не хочу, чтобы меня видели с ним, поэтому ты должен организовать мне надежное прикрытие».

«Есть какие-нибудь конструктивные идеи?» — поинтересовался Психо, продолжая глупо ухмыляться.

«Да, есть, — жестко ответила Мата. — Ты должен учинить свалку, притвориться, будто ты вот-вот лишишься хвоста и самой жизни в придачу, и продержаться, сколько сможешь».

Психо с трудом сглотнул.

«Можешь сам выбрать себе противника, — продолжила Мата. — А нет — так мои подруги с удовольствием это устроят».

«Пожалуйста, не утруждайся, — торопливо проговорил Психо.— Я уж лучше сам…»

И теперь Мега не без удовольствия прислушивался к пронзительным воплям боли и шуму драки, доносившимся из противоположного угла игровой площадки.

— Я велела своим воительницам выступить на его стороне, — ухмыльнулась Мата. — Но все равно нельзя рассчитывать, что Психо продержится долго, поэтому давай покороче. Скажи честно и откровенно, готов ли ты сделать следующий шаг. Если ты согласен, то единственное, что от тебя потребуется, это постоянно оставаться на виду у норок, особенно у старших.

— Кажется, мне понадобится алиби, — немедленно понял Мега и сурово спросил: — Зачем?

— Не скажу,— твердо сказала Мата. — Абсолютно необходимо, чтобы ты не знал, в чем дело. К тому же я не намерена рисковать, встречаясь с тобой. В данных обстоятельствах я свободна действовать как мне больше нравится.

В глубине души Мега понимал, что его затянувшаяся изоляция только усиливает влияние двух его подчиненных, которые, в отличие от него, могли общаться с кем угодно. Впрочем, Мата подняла какой-то гораздо более существенный вопрос.

— Кто из нас должен быть сверху? — Мега намеренно воспользовался грубым мужским выражением и присовокупил двусмысленную ухмылку, надеясь вызвать ответную реакцию.

— Никто из нас не сверху и никто — снизу, — парировала Мата. — Мы равны. И то, о чем мы сейчас говорим, намного важнее обыкновенной случки.

Впервые они, хотя бы вскользь, упомянули о сексе, и Мега почувствовал неожиданное разочарование от того, как Мата равнодушно «закрыла тему».

Как бы там ни было, на данном этапе Мата была права: в этой ситуации у Меги не было выбора.

— Так ты даешь мне свое «добро»? — снова спросила она.

— Да, Мата, — неохотно согласился Мега. — Но только при условии, что ты не будешь делиться планами с нашим Крысенышем.

— Договорились. — Мата криво ухмыльнулась. — Впрочем, после этой потасовки Психо не будет годен НИ на что путное еще довольно долго.

Мега расхохотался. Пусть на минутку, но он снова почувствовал, что они с Матой все еще близкие друзья.

Макси вышел на свою ежедневную тренировку в подавленном настроении. Даже по прошествии стольких дней он не знал, что делать с песней о хреновине, продолжавшей звучать у него в ушах, и это безмерно раздражало его. Макси любил разбираться с проблемами, составляя в уме полный список всего, что было ему известно. После этого он выстраивал разнообразные факты и фактики по ранжиру и строем прогонял их перед своим мысленным взором, с каждым пунктом неуклонно приближаясь к логичному выводу или заключению, которое он искал, и только «хреновина с морковиной» не поддавалась этому скрупулезному анализу, ибо из-за нее мысли Макси сворачивали с накатанной колеи на зыбкую и топкую почву ассоциаций и смутных намеков, откуда им было труднее всего выбраться.

Все же Макси не оставлял своих попыток и для начала несколько раз отжался от пола на передних лапах. Когда Мега впервые пропел свою ахинею, верный Макси поддержал его, однако каждый раз, когда сверстники заговаривали об этом в его присутствии, ему приходилось разражаться своим мужественным лающим смехом, чтобы скрыть непонимание. Юмор всегда давал– ся Макси нелегко, из-за чего он постоянно — с самого раннего детства, насколько он помнил, — служил мишенью для более или менее остроумных шуток и розыгрышей. Пока он был рядом с Мегой на церемонии инаугурации, все было нормально. Его герой храбро отстаивал свои взгляды, и Макси несказанно гордился своей ролью защитника, но даже тогда он не совсем понял, что же все-таки Мега имеет в виду.

Отжавшись на передних лапах, Макси стал приседать на задних, что, впрочем, не мешало его размышлениям. Почему Мега вдруг запел какую-то глупую песню на таком важном

диспуте? Если он имел в виду что-то серьезное, то почему не сказать об этом прямо? Почему он опустился до глупой чепухи, вместо того чтобы повести со старыми пердунами аргументированный спор? Хочет он, в конце концов, всерьез взяться за Старейшин или как?

Когда указ об остракизме вступил в действие, Мега сам оттолкнул его, и Макси, всегда готовый услужить своему кумиру, легко уступил. И все же его не покидало ощущение, что им пренебрегли, его отвергли, и это чувство усилилось, когда Макси прознал, что подлинным автором выдумки с «хреновиной» является не кто иной, как Психо. Чем он провинился, что Мега предпочел ему этого ублюдка?

Вчера, кстати, Психо опять здорово досталось, вспомнил Макси, но еще тогда ему показались странными сразу два обстоятельства. Во-первых, этот задохлик первым затеял драку. Обычно Психо старался держаться как можно незаметнее, следовательно, это было сделано специально. Во-вторых, в самый разгар экзекуции, в которой Макси с радостью принял живейшее участие, Психо неожиданно был спасен целой шайкой свирепо огрызающихся самок, а с ними даже Макси не решался связываться без достаточно серьезного повода.

Покончив с приседаниями и отжиманиями, он вышел к самой сетке, чтобы начать бег. На сегодня он наметил себе четыре десятка кругов. Подобная задача была не под силу ни одной норке в колонии. Начал он, впрочем, с ровной трусцы, надеясь организовать свои мысли

и. выстроить их в логическом порядке. Больше всего его восхищало то, как песня о хреновине подействовала на молодое поколение норок. Она сделала их энергичными, сплотила. Макси твердо верил, что норки заслуживают гораздо большего, чем в состоянии была им предложить скучная жизнь в вольере. В последнее время ему все чаще казалось, что впереди как будто забрезжил свет. Сейчас, однако, все снова висело на волоске. Стоически перенося наказание, Мега добьется немногого — это было ясно. Неясно было другое: сумеет ли он предпринять что-то такое, что могло бы снова высечь искру, дать событиям новый толчок.

Преодолев первый поворот и выйдя на длинную прямую, Макси перешел на бег вприпрыжку и вскоре нагнал Мату, которая вот уже некоторое время кругами носилась по игровой площадке. Как только они поравнялись. Мата резко увеличила темп и сумела удержаться с ним до второго поворота.

Там Макси неохотно перешел на быструю рысь.

— У меня поручение от Меги! — неожиданно прошептала Мата уголком рта.

Макси от удивления подпрыгнул и сбился с шага. Только потом он понял, как хитро и дальновидно поступала Мата. Среди норок, разминавшихся на игровой площадке, не было никого из Старейшин. Они вообще никогда не упражнялись, и потому все как один страдали от избыточного веса; сам же он строго придерживался убеждения, что каждая норка, достойная своей порции мяса, обязана поддерживать форму вне зависимости от того, живет ли она в клетке или где-нибудь еще. В частности, Мата — при том что Макси вообще мало интересовался самками — нравилась ему как раз тем, что неизменно оставалась поджарой и быстрой. На всякий случай он скосил глаза и с удовольствием отметил, какая она гибкая и прыгучая.

Перехватив его взгляд, Мата ответила такой откровенной улыбкой, что Макси снова прибавил скорости, стараясь скрыть смущение.

Когда он снова побежал в нормальном темпе, Мата легко нагнала его вновь.

— Мега хочет, чтобы ты устранил Рамсеса, — шепнула она, почти не двигая губами.

Потрясенный Макси споткнулся во второй раз.

— Ты хочешь сказать — избавиться от него?

— Да.

— Как?

— Убить его, ты, идиот! Только ничего не напорти" и не попадись сам.

Теперь, когда Макси знал, что от него требуется, все его мысли пришли в порядок сами собой. В клетках всегда хватало жестокости, и это иногда приводило к серьезным ранениям, однако до смертоубийства дело не доходило.

Нравилась ли Макси эта затея? О да, конечно! Он был уверен, что это будет нечто более значительное, чем простая искра, которой он ждал от своего Вождя. Это будет настоящий гром среди ясного неба!

— Ты имеешь в виду первый толчок? — шепотом переспросил он.

— Конечно, Макси! — Мата ободряюще улыбнулась ему. — Ты-то знаешь, что у Меги на уме.

Макси вовсе не был уверен в том, что знает, однако он почувствовал, как его настроение стремительно улучшается. Мега снова нашел выход, и, что было еще важнее, он просил Макси стать его орудием!

Внезапно в голове Макси появилась одна тревожная мысль, и он тут же спросил:

— А какое отношение имеет ко всему этому Психо?

— Никакого, — успокоила его Мата и нахмурилась. — Ты думаешь, Мега глуп?

— Разумеется нет, — поспешно ответил Макси и наморщил нос. Все-таки он предпочел бы, чтобы Мега сам рассказал ему о своем желании, а не передавал через какую-то самку.

— Кроме того, все должно быть сделано так, чтобы на него не упало ни тени подозрения,— негромко, но твердо добавила Мата. — Именно поэтому он и выбрал тебя, Макси. Он знает, что может на тебя положиться. Мы оба рассчитываем на тебя, Макси. Ты ведь не подведешь нас, правда?

С этими словами она метнулась вперед и, игриво вильнув задом перед самым его носом, свернула в сторону, оставив его заканчивать тренировку в одиночестве. Надеясь, что у него в голове прояснится еще больше, Макси для ровного счета добавил к своим сорока кругам еще десять и принялся носиться по площадке, то набирая скорость, то снова

переходя на медленную рысь. Когда, отдуваясь и топорща влажную от пота шерсть, он остановился, все было решено.

Отыскав глазами Мату, он многозначительно ей кивнул, а потом, рискуя навлечь на себя ее гнев и подвергнуть опасности их общую тайну, повернулся в сторону Меги и кивнул ему. Ни Мега, ни Мата ему не ответили, но Макси это не удивило. Очевидно, все это было частью плана.

Глава 20. НА ОЩУПЬ СКВОЗЬ ТУМАН

Филин заставил Большую Задницу устроить встречу на Малой поляне и сумел настоять на том, что на этот раз их разговор с Дедушкой Длинноухом должен протекать строго один на один. Крайне недовольный Лопух сумел вырвать у него только одну уступку — чтобы на встрече присутствовала молоденькая крольчиха, сиделка ДД.

Когда Филин вылетел из дупла, в лесу было серо, уныло и неприютно. Такая погода держалась последние два дня, но его острый глаз хорошо различал первые признаки близкой весны. Сухие сережки на деревьях удлинились, сквозь подстилку прелых прошлогодних листьев пробилось несколько стрелок дикого лука, крошечные кустики подснежников, хорошо заметные на серовато-коричневом фоне, кивали головками, предвещая скорое тепло. И все же не было смысла обманывать Себя: жалко и пустынно выглядел лес, еще не до конца оправившийся после Великих Холодов. Филин даже подумал, что напрасно он все это затеял, да и старику ДЦ прогулка по холоду и сырости вряд ли могла принести

пользу. Скорее наоборот, такая погода только обострит его многочисленные хвори и боли.

В момент, когда, расправив крылья, Филин тормозил в воздухе, чтобы опуститься на подходящее бревно, он с неудовольствием заметил в зарослях падуба Лопуха, пытавшегося укрыться среди кривых стволов и каплющих холодной влагой веток. Должно быть, этот проныра с большой задницей заранее пробрался сюда в надежде подслушать не предназначавшийся для его развесистых ушей разговор. Филин, однако, счел за благо на данном этапе шум не поднимать, тем более что из норы уже появился Дедушка Длинноух. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что он почти висит на плече своей сиделки. Выглядел он гораздо хуже, чем в прошлый раз, и Филин подумал, что если бы он еще промедлил со встречей, то ДД понадобились бы носилки.

— Жуть какая погода! — окликнул он старика, кивком головы указывая на хмурящееся небо.

— Всего лишь одно из четырех времен года. — Кролик-патриарх нежно улыбнулся сиделке, которая помогла ему поудобнее устроиться на мокрой траве. — Нам всем стоит собраться с силами и пережить самое худшее, потому что за ночью всегда приходит рассвет. Если бы в жизни не было плохого, с чем бы мы могли сравнить все хорошее?

Филин уже ощущал на себе воздействие сверхъестественного обаяния, которое излучала эта древняя развалина; то же самое и он когда-то сказал перелетным птицам, восхищавшимся красотой Старого Леса. Правда, не в таких выражениях — ДД умел выражать важные мысли гораздо красивее, чем Филин, — но в общем и целом взгляды их, похоже, совпадали. Во всяком случае, ему хотелось считать, что он думает почти так же, как Дедушка Длинноух. Для Филина, однако, самая главная трудность по-прежнему

заключалась в том, что большая часть сказанного стариком ускользала от его понимания, прежде чем он успевал во всем разобраться, как выскальзывает из когтей пучок скользких кишок.

— Не могу не согласиться, — кивнул он. — Лично я считаю, что лес может быть многообразен, но не может быть некрасив.

— Конечно, конечно, — проговорил ДД, дружелюбно осклабив в улыбке остатки резцов. — Ты наверняка помнишь, в прошлый раз я обещал тебе объяснить, как я представляю себе равенство таких разных лесных жителей. Теперь мне почему-то кажется, что ты зашел в изучении этого вопроса гораздо дальше, чем я полагал вначале…

Филин еще никогда в жизни никуда не *ходил,* да и маршруты, которые пролагали в небе его могучие крылья, существенно отличались от извилистых, пересеченных коварными корнями лесных тропинок.

— Прости, я и забыл, ты ведь летаешь, — сказал кролик, и Филин подпрыгнул на бревне: ДД снова читал его мысли! — Я как-нибудь попрошу тебя рассказать мне, на что это может быть похоже. Меня всегда интересовало все новое…

Чувствуя, как его снова затягивает куда-то не туда, Филин предпринял отчаянную попытку повернуть разговор в нужное ему русло.

— Эта большая беда, которая грозит лесу,— это… миксоматоз? — выпалил он.

— Ты, наверное, поговорил со своими друзьями-хищниками? — без всякого раздражения уточнил Длинноух. — Нет, это не болезнь, хотя я, наверное, дорого бы дал за то, чтобы это был всего лишь миксоматоз. Разумеется, я ни в коем случае не желаю этакой напасти своим сородичам… Нет, опасность, приближение которой я чувствую — и с каждым днем все сильнее, — может положить конец существованию леса как такового. Во всяком случае, того леса, который мы знаем и любим сейчас, больше не будет, и коснется это, к сожалению, не одних кроликов, но и всех остальных. Всех без исключения, считая и тебя, мой добрый товарищ.

Услышав выражение «лес как таковой* — выражение, стократ осмеянное лисом и барсуком, — Филин значительно приободрился и даже почувствовал какую-то опору под когтями.

— Вы, кролики, всегда делаете самые мрачные предсказания, — процитировал он Бориса.

— Думаешь, услыхав вдали волчий вой, мы сразу готовимся умирать? — раздумчиво проговорил ДД и кивнул, отчего складки старческой кожи у него на шее заколыхались. — Ну что ж, отчасти ты прав: некоторые из моих собратьев бывают — как бы помягче выразиться? — слишком торопливы. — Он криво улыбнулся. — И я не отрицаю, что в прошлом они подняли не одну ложную тревогу. Но разве не правда, что рано или поздно волк все-таки приходит?

Филин почувствовал себя озадаченным. Он никогда не думал об этом аспекте проблемы. Ах, если бы ДД был с ним, когда Фредди и Борис сообща громили его аргументы!

— С твоей стороны было очень любезно еще раз навестить меня, — неожиданно быстро сказал старый кролик, перехватывая выпавшую из когтей Филина инициативу. — Мой

правнук Лопух рассказал мне, с каким блеском ты справился со своей ролью Постоянного Исполнительного Председателя на последнем собрании ОСПЛ. Я очень этим доволен, и мне радостно не только за Лопуха или за тебя, но и за всех нас. Лопух — правильный кролик, и намерения у него самые лучшие. — ДД усмехнулся и продолжил: — Боюсь, правда, что в последнее время он чрезмерно увлекся всякого рода митингами и собраниями, а между тем в сравнении с проблемой, о которой мы сейчас говорим, это такая мелочь, что о ней и упоминать-то не стоит. Кроме того, занимаясь организационными вопросами, можно легко утратить перспективу. И мне кажется, что ты мог бы оказать Лопуху неоценимую помощь и повернуть его деятельность в нужное русло. Повторяю, тот, кто за деревьями не видит леса, тот подвергает себя серьезной опасности!

Филин сразу заметил, что, произнося эту тираду, ДД явно старался говорить погромче. Быстро обернувшись к кустам, за которыми скрывался Лопух, он увидел в той стороне небольшой пенек, над которым, ясно видимое на фоне темной зелени падуба, торчало розовое ухо.

Оно дрожало от напряжения. «Ах ты старый хитрец, — подумал он, снова поворачиваясь к Дедушке Длинноуху, который еще больше вырос в его глазах. — Есть ли что-то такое, чего бы ты не знал?»

Решив подыграть старику, он тоже заговорил чуть громче, заговорщически подмигнув ДД.

— Боюсь, дорога еще предстоит долгая. В конце концов, он довольно молод… — Тут Филин подумал, что по годам Лопух навряд ли моложе его самого. — Впрочем, я готов сделать скидку на его неопытность.

Сделав паузу, чтобы перевести дух, Филин снова обернулся: ухо над пнем трепетало, словно лист на ветру.

— Кстати, я называю его Большой Задницей, — небрежно добавил он.— Ничего личного, конечно…

— Зато верно с точки зрения физических особенностей, — улыбнулся ДЦ. — Но, боюсь, политически ошибочно. Разумеется, будучи хищником, ты не чувствуешь себя связанным светскими условностями, которые могут привести к серьезным осложнениям в будущем.

Он негромко хихикнул, но Филин не отреагировал: выражение «политически ошибочно» снова сбило его с. панталыку.

— Кроме того, существуют Уложение о Порядке и Билль о Правах Существ, которые поглощают значительную часть энергии моего правнука, — продолжил ДД, снова повышая голос. — Я аплодирую его усилиям, но не могу не задаться вопросом: к чьей выгоде они направлены?

Филин не удержался и снова бросил взгляд через плечо. Розовое ухо никуда не исчезло и продолжало вибрировать.

— Ладно, хватит о нем, — сказал ДД, возвращаясь к своему обычному тону. — Боюсь, при такой погоде мне трудно будет оставаться снаружи достаточно долго.

Филин посмотрел на пушистую крольчиху, которая закатила свои влажно блестящие глазки, словно говоря, что в такую погоду ДД не следовало выходить из норы вовсе.

— С твоего позволения, я постараюсь как можно скорее ввести тебя в курс дела, — сказал тем временем

Дедушка Длинноух. — Опасаюсь, правда, что понять это будет нелегко. Многие кролики — и те не понимают всего до конца. Что касается твоих скептически настроенных друзей, считающих нас паникерами, трепачами, длинноухими дурачками…

Филин снова подпрыгнул, пораженный тем, как много знал Длинноух. Несмотря на это, он предпринял слабую попытку опровергнуть услышанное, но ДД остановил его движением своей высохшей лапки.

— Нет, нет, не тревожься, — мягко сказал он. — Они имеют право на свою точку зрения. Я сам, бывало, резал правду-матку в глаза, впрочем, тогда я был значительно моложе. Ведь эта сырая погода не повредит старику? — добавил он с улыбкой, обращаясь к молоденькой крольчихе.

Та хихикнула, заморгала длинными ресницами, а Филин неожиданно подумал: до каких пределов простираются ее обязанности сиделки? Пожалуй, решил он, дело не обходится одним режимом дня и занудными, как у Юлы, разговорами. Это открытие заставило его посмотреть на старика с новым уважением.

— Весна еще не проросла цветами, а время, обильное спелыми плодами, уже далеко позади, — уронил Дедушка Длинноух загадочную фразу, глядя на пелену мелкого холодного дождя, колышущуюся над поляной.— Боюсь, от тех времен нам остался только туман и никто из нас сегодня не увидит заката. Но все равно, даже в дожде есть своя красота и таинственность. Ты согласен?

Филин был вполне согласен. У него часто возникали подобные мысли, но ему не с кем было ими поделиться. Интересно, как бы он обсуждал таинственную красоту тумана с Борисом?

— Но я, кажется, повторяюсь, — сказал старый кролик и, подобравшись, посмотрел на Филина до странности пронзительным взглядом. — Сейчас я прошу тебя только об одном: выслушай меня как можно внимательнее и постарайся никогда этого не забывать…

И он начал свой доклад, останавливаясь только тогда, когда миловидная сиделка поднимала лапку, чтобы вытереть ему с бровей капли дождевой воды. Филин тем

временем изо всех сил старался не упустить сути, хотя с уст кролика то и дело срывались словечки типа «взаимозависимость», «Гея»*1* и «симбиотические связи», существенно осложнявшие понимание. Было, впрочем, видно, что ДД изо всех сил старается сделать свой доклад предельно понятным. Вооружившись прутиком, он трясущейся лапой чертил на земле какие-то неровные линии и кружочки, отдаленно похожие на яблоню с яблоками, но без листьев. Это, по его словам, должно было иллюстрировать многочисленные связи между самыми разными формами жизни.

— Видишь, друг мой, это называется «пищевой цепочкой», которая связывает нас всех в единое целое.

Филин видел перед собой только сложную паутину линий, при одном взгляде на которую любой уважающий себя паук сдох бы от зависти, но, по мере того как прутик в пораженной артритом конечности Дедушки Длинноуха добавлял к этому странному рисунку новые и новые детали, Филин понемногу начал разбираться в том, о чем рассказывал и во что просил его поверить кролик-патриарх. Все живые существа, обитающие в лесу, и в окрестных полях, и даже во всем мире, были, оказывается, связаны между собой крепкой взаимной зависимостью.

— Все дело в том, как удерживать эту схему в равновесии, — подчеркнул ДД. — А для этого все мы — я имею в виду каждый вид — должны в равной степени участвовать в происходящих в лесу процессах. Вот в каком смысле мы все равны. Как тут решить, кто важнее и кто играет более значительную роль в определении естественного хода событий? Представь себе бабочки-но крыло. Ты никогда не задумывался о том, к каким последствиям может привести лишний взмах такого крыла?..

Дедушка Длинноух неожиданно замолчал, а Филин так же неожиданно подумал о том, что вся эта ученая белиберда едва не заставила его позабыть о себе. Как

' Гея *(греч.)* — земля; в древнегреческой мифологии — *мать-Зем-ля», прародительница живых и обитель мертвых.

же, последствия взмаха крылом какого-то лесного мотылька! А каковы могут быть последствия не одного, а нескольких взмахов его собственных мощных крыльев? Множество полевок могли бы ответить на этот вопрос — кроме, разумеется, тех, которые уже никогда никому ничего не расскажут.

«Так что же, значит, все, что он выслушал,— гуано? Кроличьи катышки?» — снова и снова спрашивал себя Филин. Но странное влияние древнего кролика никуда не делось; даже если все им рассказанное действительно было гуаном, то гуаном очень любопытным и не лишенным оригинальности. Просто нужно немного поднапрячься и попробовать охватить разумом всю картину, решил Филин. В частности, загадка с «пищевыми цепочками», похоже, начала разъясняться. Как, бишь, говорил об этом ДД? Растения служат пищей травоядным, которых, в свою очередь, поедают хищники, в то время как всеядные питаются теми и другими, — и так от корней нарисованного ДД дерева до самой вершины, на которой оказался он, Филин, — самое хищное в лесу существо. Кстати, деревья, произрастая из семян, тоже тянулись вверх и старились только для того, чтобы упасть и сгнить, превратившись в питательный чернозем для следующих поколений деревьев, которые появлялись из их же семян, заполняя собой лес. И даже солнце высушивало влагу, которая поднималась вверх и, превратившись в тучи и облака, проливалась на землю благодатным дождем, питавшим собой реки — такие, например, как та, что текла вдоль опушки леса. Реки, в свою очередь, добегали до Большой Воды, о которой Филину когда-то рассказывали перелетные птицы. Там солнечные лучи снова превращали воду в облака, которые возвращались с ветром обратно на сушу, чтобы снова выпасть в виде осадков. Без солнца и дождей не смогли бы расти растения, которыми питаются травоядные, а не было бы травоядных, то и хищников бы не было, и даже не было бы всеядных, которым все равно, чем или кем питаться…

— Все растения и все животные играют исключительно важную роль, являясь составными частями уди-

вительно сложного и находящегося в постоянном движении целого, — подвел итог ДД и, с трудом удерживая в дрожащих лапах палочку, заключил нарисованную на земле схему-

паутину в круг. Было очевидно, что каждое движение дается ему огромным напряжением сил и воли, и крольчиха-сиделка покосилась на Филина с молчаливым упреком. — Все в лесу движется по одному и тому же замкнутому кругу. Видишь, друг мой, этот великий круговорот? Прах есмь и возвращаюсь в прах… Пыль в конце концов снова превращается в пыль. Боюсь, я не все сумел объяснить доступно, — задумчиво промолвил ДД. — Но это слишком длинная история, а времени у нас мало…

Тут Филин не мог не согласиться; он никогда не слышал ничего длиннее, да и ДД выглядел так, словно в любой момент готов был откинуть когти.

— Позволь мне вкратце повторить для тебя хотя бы основные положения, друг мой, — сказал Дедушка Длинноух. — Наш лес — это сообщество, где уживаются друг с другом миллионы самых разных форм жизни. Между ними существует определенное равновесие, которое поддерживается в замкнутой системе автоматически, то есть само собой. Так всегда было, и так всегда должно быть. Грядущая беда будет подобна могучему ветру, который может опасно расшатать это равновесие. Ничего более определенного я — увы! — сказать не могу. Я знаю только одно: это будет вторжение, подобного которому никто из нас никогда не переживал и которое с невиданной доселе яростью сметет все на своем пути. В этой связи, друг мой, я хотел бы обратиться к тебе с просьбой. Я слишком стар, и очень скоро меня здесь не будет. Все бремя ответственности падет на моего правнука Лопуха. Так обещай же мне помочь нам выстоять и сохранить все хорошее, что нам так дорого. Обещай оставаться нашей силой и опорой, мой дорогой, самый дорогой друг!

Хилое тело Дедушки Длинноуха вдруг содрогнулось от какого-то внезапного спазма, и голова его безвольно упала на плечо.

— Обещай мне!..— хрипел он, пока сиделка прилагала все усилия, чтобы помочь ему удержаться на

ногах. — Обещай мне, Фил! Я знаю, твое честное слово дорого стоит, и, если ты дашь мне его, я буду знать, что ты ни при каких обстоятельствах его не нарушишь…

Похоже было, что Дедушка Длинноух умирает прямо у него на глазах, и Филину страстно захотелось, чтобы этого не происходило как можно дольше. В растерянности он бросил взгляд вверх и увидел, как завеса тумана ненадолго поднялась, так что он смог рассмот^ реть мокрые деревья на дальнем конце поляны так отчетливо, словно они росли совсем рядом. Все это показалось ему знамением, в точности повторявшим то, что происходило в эти секунды у него в мозгу. Он прилетел на поляну с полной головой сомнений, посеянных там разговорами с Фредди и Борисом, и не сумел понять даже половины объяснений ДД. Но оказалось, что понимать не обязательно. Инстинктивно Филин принял все сказанное, потому что он уже давно любил лес, любил весь целиком, и то немногое, что он все-таки почерпнул из прочитанной ему лекции, лишь помогло ему точнее определить свое место и роль в жизни этого единого сообщества. Отныне, подумал Филин, каждый поступок будет видеться ему по-другому.

Что касалось последних слов ДД, то в них почти не было грубой лести, которой, как он начал с некоторых пор подозревать, были пропитаны панегирики Лопуха. («Кстати, тут ли еще Большая Задница?» — задумался Филин и обернулся. Лопух был не просто на месте — его стало значительно больше: над пеньком торчали уже два больших розовых уха.)

— Я обещаю, что буду помогать не только Лопуху, но и всему лесу, — медленно и торжественно проговорил он.

— Я знал…— чуть слышным шепотом отозвался Длинноух, с трудом улыбаясь.— Я знал, ты поймешь. Теперь мне можно умереть спокойно, потому что я не сомневаюсь: что бы ни случилось, ты будешь с нами. На всякий случай — прощай, мой пернатый друг…

Когда сиделка почти волоком потащила старика к норе, Филин неожиданно почувствовал, как у него закружилась голова. Он вдруг стал одной из центральных

фигур в чем-то совершенно грандиозном, чего он еще не понимал до конца. Тут ему в голову пришла другая мысль, и от досады он даже чиркнул когтями по бревну, на котором сидел. Гипнотическое воздействие старого мешка с костями оказалось таким сильным, что он начисто позабыл выяснить у ДД значения слов «дремократия» и «элитизм» — не говоря уже о крайне загадочных выражениях «вопреки» и «политически ошибочно».

Глава 21. ТВАРИ ЛИ ДРОЖАЩИЕ?..

О смерти Рамсеса стало известно только на рассвете, когда в его клетке начали собираться на Совет Старейшины. Мгновенно встал вопрос, кто расправился с Рамсесом. Был ли это кто-то из норок, или же что-то еще? Не успело, однако, начаться расследование, как вошел Хранитель с утренней порцией еды, и норки, боясь, как бы их не заподозрили в убийстве, торопливо разбежались по своим клеткам.

Судя по всему, Хранитель почувствовал, что дело неладно, в тот самый момент, когда он щелкнул своей штукой на стене и сарай залило ярким светом. Опустив на лол звякнувшие ведра, Хранитель быстро пошел по проходу, заглядывая в каждую клетку. Наконец он дошел до клетки Рамсеса и остановился как громом пораженный. В конце концов он открыл замок и, с осторожностью просунув внутрь руку, вытащил обмякший труп.

Норки с тревогой следили за тем, как Хранитель, постоянно оглядываясь, понес мертвого Вождя к выходу. Ненадолго он исчез из их поля зрения, но потом появился вновь, еще более бледный, чем обычно. При помощи какой-то палки он опустил дверцу в задней стенке опустевшей клетки Рамсеса, а потом небрежно Накидал еды в их кормушки. После этого человек снова прошелся туда-сюда по проходу, тщательно проверяя замки на каждой клетке, и ушел, причем долго возился <; большим замком на воротах сарая.

Придя в себя, норки выбрались из клеток и обнаружили своих Старейшин в крайнем смятении. Единственным, до чего они додумались, было срочное совещание, на котором все они с горькими упреками набросились на Психо. Почему он не предупредил их? — спрашивали Старейшины. Впрочем, в одном они были совершенно уверены — с Рамсесом расправился кто угодно, но только не сам Психо. Его трусость была общеизвестна; кроме того, никто не верил, что такое физически слабое существо способно нанести такое страшное увечье всевластному Вождю славной колонии. Нет, подозреваемым номер один был, конечно, Мега, но неожиданно двое Старейшин выдали ему железное алиби. Как они объяснили, Мега все время находился у них на глазах; в частности, всю прошлую ночь он спокойно лежал почти у самого порога их клетки. Старейшинам это показалось совершенно необычным, они даже собирались доложить об этом на Совете.

Не сомневаясь, что все это было подстроено нарочно, Старейшины немедленно обратили свое внимание на Мату, которую они считали подозреваемой номер два. И все же им было нелегко поверить, неужели самка может обладать достаточной свирепостью и силой, чтобы совершить такой отвратительный поступок. Третьим и последним подозреваемым

был Макси, однако никто из Старейшин не мог вразумительно сказать, как и когда он сговорился с Мегой.

Среди сторонников Меги появился убийца, который действует решительно и скрытно, и это отнюдь не придавало им уверенности. Как мрачно говорили друг другу Старейшины, одно дело — применять закон так и тогда, когда тебе удобно, и совсем другое — делать то же самое, зная, что за это с тобой могут расправиться.

Что до самого Меги, то он без особого труда свел концы с концами, хотя до этого момента он даже не задумывался об убийстве. Когда Мата просила его позаботиться об алиби, Мега решил предоставить событиям развиваться естественным путем. И вот теперь, когда случилось нечто страшное, он с удивлением обнаружил,

что не испытывает никаких особенных эмоций. Инстинкт подсказывал ему, что происшествие непременно сработает в его пользу, но память о Шебе омрачала это чувство. Она ни за что бы этого не одобрила. Сначала песня о хреновине, потом убийство… Ни Шеба, ни сам Мега никогда не думали о подобном исходе. Понадобился еще один женский ум, чтобы взять ситуацию за горло, и не только в переносном, но и в прямом смысле.

Высмотрев среди норок Мату, Мега прошел за ней до ее клетки.

— Зачем? — только и спросил он, пренебрегая своим остракизмом как не существующим более.

— Необходимо было продвинуться хотя бы еще на шаг вперед, Мега.

— Значит, это ты?..— поразился Мега.

— А ты как думаешь? — улыбнулась Мата. Мега чувствовал, чья была идея, но вместе с тем не сомневался, что, послушавшись его указаний, она ничего не сказала Психо.

— Макси?

Мата лукаво улыбнулась.

Значит, подумал Мега, у него появился еще один верный сторонник, и отнюдь не неожиданный. Он уже давно считал Макси своим сообщником, хотя еще ни разу не разговаривал с ним, называя вещи своими именами. Вместе с тем Мега от души радовался, что в этой головокружительной авантюре, задуманной и осуществленной изощренным женским умом, исполнителем оказался именно Макси: физически сильный, целеустремленный и — к счастью! — не привыкший рассуждать или задавать вопросы.

— Почему ты не посоветовалась со мной? — требовательно спросил он у Маты.

— В принципе консультация состоялась, — сказала Мата, глядя на него с искренним пониманием и приязнью. — Но вместе с тем я должна была сделать так, чтобы никто не подумал, что у тебя рыльце в пушку. И ты прекрасно это понимал. Я специально наблюдала за тем, как тщательно ты работаешь над своим алиби. Ты наш лидер, Мега, ты вожак, а не какой-нибудь

грязный интриган и убийца; именно таким тебя и должны представлять себе все норки.

Мега с подозрением уставился на нее:

— Значит, в случае чего все шишки достанутся Макси?

— Он не будет возражать, Мега. Макси гордится своей ролью,— уверенно сказала она.

Пересекши игровую площадку сердитыми прыжками, Мега приблизился к Макси.

— Давай присядем, — сказал он, награждая своего сторонника широкой дружеской улыбкой, в которой не было ни капли притворства.

— Как тебе моя работа, Вождь? — с беспокойством осведомился Макси.

— Ты отлично справился! — похвалил его Мега, постаравшись придать своему голосу как можно больше искренности и энтузиазма.— Просто превосходно! Я уже решил наградить тебя, когда… словом, когда будет возможность.

— Я очень тронут, мой Вождь! — торжественно заявил Макси. — Я готов служить тебе, как ты пожелаешь, и исполнить любое задание.

— Для начала держись ко мне поближе, — ответил Мега и увидел, как зрачки Макси угрожающе сузились: к ним вприпрыжку бежал Психо.

— Ты должен немедленно обратиться к массам! — пропищал он, потянув Мегу за переднюю лапу. — Старейшины скоро выйдут, и все ждут, кого назначат новым Вождем. Нельзя терять время!

Мега огляделся по сторонам и увидел множество направленных на себя взглядов. Он представил себе, как, должно быть, зловеще выглядит их маленькая группа, к которой тем временем присоединилась и Мата. Больше всего они были похожи на заговорщиков, затевающих что-то нехорошее или даже — в свете недавних событий — кровавое.

Так ли они с Шебой представляли обстановку перед его первой публичной речью?

— Что мне сказать им, Мата? — спросил он. Мата безразлично пожала плечами:

— Я свою часть работы сделала. Если ты — вожак, значит, ты должен выполнить свою.

Мега почувствовал себя в ловушке и мысленно выругался. Он вовсе не хотел спрашивать совета у Маты, это вырвалось само собой, как если бы он обращался к матери. И каким бы жестким ни показался ему в первые мгновения ответ Маты, он понимал, что она права. Это было его шоу, хотя в данном случае он просто реагировал на чрезвычайные обстоятельства, к которым не имел прямого отношения. Такая зависимость от подчиненных была ему не по душе, однако раз уж он спрашивает совета у Маты, то почему бы ему не спросить и Психо? Этот-то, по крайней мере, будет стараться вовсю.

Психо быстро нашел свое место в изменившейся обстановке. Теперь, когда на стороне Меги появился решительный и грозный убийца, он больше не колебался и поспешил внести свое предложение, чтобы хоть немного подстраховаться.

— Вот что нам нужно сделать, Мега, — без колебаний заявил он. — Во-первых, напомни им песню про хреновину. Потом мы смешаем Старейшин с грязью, а на третьем этапе

оглоушим массы тезисом о свободе. Случай с Рамсесом напугал их до безумия, поэтому надо дать им понять, что это не твоих зубов дело. Иными словами, нужно показать народу, что ты парень решительный и смелый, но вместе с тем умеешь быть довольно приятным и бояться тебя не нужно. В этой связи я бы попросил тебя несколько раз пошутить, и вообще, веди себя не слишком круто там, где это возможно.

Психо тараторил, уходя при этом все дальше и дальше от темы, и Мега почувствовал нарастающее раздражение. Это должна была быть его речь, и ему не хотелось, чтобы этот циничный мерзавец вкладывал ему в пасть свои собственные мысли и слова. Больше всего его возмутило стремление Психо придать особенное значение полумифическому заговору между Старейшинами и Хранителем.

— Отличная получается импровизация, верно? — хихикал тем временем недоносок. — Два плюс два равняется пяти.

Все, что говорил этот ублюдок, выглядело до странности убедительно. Разумеется, они с Психо совершенно разные натуры, но Мега не мог не признать, что их интуиция работала в одном и том же направлении. Более того: оба безгранично доверяли своей интуиции.

— Собери норок, — коротко велел он Макси, обратив внимание, как выражение свирепой преданности во взгляде его сторонника исчезает, по мере того как улыбка Психо становится все шире, превращаясь в гримасу наглой самоуверенности.

Макси без особого труда удалось собрать обитателей колонии в углу игровой площадки.

— На твоем месте я бы наплевал на остракизм и послушал, что скажет Мега, — шепотом говорил он каждому,' подразумевая, что если его не послушаются, то может произойти что-то страшное. И никому не пришло в голову спросить, что же именно. Все обитатели вольера были уверены, что с Рамсесом, тем или иным способом, расправился не кто иной, как Мега. Макси и не собирался этого оспаривать. У него была совсем другая задача: сделать так, чтобы никто и ничто не помешало Старейшинам совещаться как можно дольше. Старейшины, в свою очередь, не спешили выйти к народу, ибо им нечего было сказать.

Порядок, в котором заговорщики предстали перед норками, предложил Психо. Он должен был встать справа от Меги, Мата слева, а Макси — позади. Связь Меги и Маты была общеизвестна; причастность к их делам маленького недоноска — тоже, поскольку Психо не утерпел и рассказал многим, что именно он выдумал песню про хреновину. Таким образом, новым элементом был только Макси, однако его публичное появление в обществе Меги должно было, по замыслу Психо, яснее всяких слов говорить, кто убил Рамсеса.

— Все должно быть точно так же, как было у Старейшин во время инаугурации, — убеждал Психо. — Если кому-нибудь придет в голову возразить, ему при-

дется сделать это потом. Если же нет, то тебя автоматически сочтут новым Вождем.

Психо также вызвался открыть собрание; на этот раз он нервничал ничуть не меньше, чем его аудитория.

— Позвольте мне представить вам Мату, вашего нового вожака Мегу и силача Макси. Именно через него наш несчастный Рамсес передает вам свои извинения за свое

вынужденное отсутствие, — провозгласил он и хихикнул. Макси на заднем плане выпрямился и весь напрягся, пока подтекст сказанного потихоньку впитывался в умы слушателей. Никто не проронил ни слова.

Мега выдержал паузу и только потом, сделав Психо знак отступить в сторону, дружелюбно осклабился сородичам.

— Ну что, друзья мои, с чего начнем? — спросил он, искусно подражая фамильярным интонациям Рамсеса. — Боюсь, правда, тут возникает одна проблема. Мне, видите ли, не разрешается говорить, а вам — слушать; кроме того, всем нам запрещено произносить одно очень важное слово — какое, вы и сами не хуже меня знаете. Как же мы решим? Может, мне просто постоять перед вами молча и удалиться? Или вы все заткнете уши?

Тут Мега ухмыльнулся еще шире и заговорил своим нормальным голосом:

— Ну, братья-норки, давайте громко скажем, что мы на самом деле думаем обо всей этой чепухе. Что? Не слышу!

— Хрень! Хрень! Хреновина! — раздалось в ответ несколько неуверенных голосов.

Психо тут же занес этих норок в свою мысленную картотеку. Это были потенциальные сторонники, к которым впоследствии можно будет обращаться.

— Ну-ка еще раз!

На этот раз голоса звучали дружнее, к тому же их стало явно больше.

— Еще!!!

По мере того как хор голосов звучал все громче и Дружнее, все больше слушателей осознавали, как им нравится подобное времяпрепровождение. Многие чувствовали себя так, словно очутились в совершенно новом

мире, вдалеке от покровительственно-снисходительных речей Рамсеса и скучных нотаций других Старейшин.

— И что вы думаете об этом дурацком запрете? — изо всех сил крикнул Мега.

— Хрень-хрень-хрень, хреновина! — раздалось в ответ. — Красная морковина!

— А что вы думаете о самих Старейшинах?

— Хрень-хрень-хрень, хреновина! — грянули слушатели, подхваченные общим порывом и опьяненные сознанием полной безнаказанности.

В следующую секунду по толпе пронесся дружный вздох — примерно половина норок осознала, что они только что произнесли. У некоторых на мордах появилось виноватое выражение, и Психо постарался запомнить и их. За этими следовало приглядывать особо.

— Разумеется, все наши Старейшины — это хреновина! — прогремел Мега. — И кроме того, они уже стали нашим историческим прошлым — ну что ж, туда им и дорога.

Он нахмурился, а норки, вспомнив о покойном Рамсесе, хранили мертвое молчание.

— Мои норки! — воззвал Мега. — У меня есть сообщение чрезвычайной важности. Мне удалось узнать еще одну страшную тайну. Я уже рассказывал вам, что Хранитель убивает норок ради их драгоценных шкурок. Теперь вы должны узнать, что падающее небо — полная хреновина! Иными словами, мои дорогие норки, это просто сказка, которую сообща выдумали наши Старейшины и наш Хранитель. Это-то и есть самое страшное. Старейшины сговорились с человеком — вот почему им так хотелось, чтобы вы не огорчали его плохим поведением. Вот почему они строго преследовали вас за неподчинение и сделали такими бесхребетными и мягкотелыми. Именно за это они получали от Хранителя лучшие куски!

Слегка приподняв верхнюю губу, Мега оглядел аудиторию.

— Где же они теперь, эти норки, которые правили нами? В своей Счастливой Стране? — сказал он, снова подделываясь под интонации Рамсеса. — Может быть,

нам следует в память о них помолчать минуту и представить, как они резвятся в своей новой обители, не зная ни голода, ни хлопот?

Тут Мега на мгновение закрыл глаза. Ликование охватило его. Все сработало, все опять сработало! И, как и в прошлый раз, ключом к успеху был юмор; хочешь не хочешь, а идеям Психо следовало отдать должное.

— Ну как, вы видели их? — спросил он, открывая глаза и улыбаясь блаженной Рамсесовой улыбкой.— Я — нет! — прорычал он, резко меняя тон. — Потому что это — еще один миф, мои норки, еще один краеугольный камень мерзкого заговора, который сплели Старейшины. Никакой Счастливой Страны нет, но зато есть Старейшины, которые прячутся друг за друга, словно предатели. Да они и есть самые настоящие предатели, о мои норки!

С этими словами Мега повернулся к клетке, где все еще продолжалось совещание Старейшин.

— Почему они не выходят, чтобы сказать слово в свою защиту? — прокричал он, обвиняющим жестом указывая в ту сторону. — Чего они боятся?

Психо не вытерпел и довольно фыркнул. Последнее замечание Меги — учитывая, что труп Рамсеса едва успел остыть, — показалось ему довольно забавным. Мата, очевидно, подумала о том же, так как бросила на Мегу предостерегающий взгляд, но их Вождь, казалось, вовсе не заметил мрачной двусмысленности своего вопроса.

— Я скажу вам, чего они боятся! — прокричал он. — Они боятся нас и боятся истины! Настало время сурово осудить их заговор и низвергнуть их тиранию. Кто мы — норки или презренные мыши?

— Мы — норки! — прогремело в ответ. — Норки! Норки! Норки!

— Это правильно, — подтвердил Мега. — Мы норки, и очень скоро мы выйдем на свободу и пройдем по дорогам, где еще не ступала норочья лапа. Я, Мега, призову к нам на помощь людей-освободителей! Я, Мега, сломаю запоры и выпущу вас из клеток. Я, Мега, при-

шел, чтобы вернуть вам дикую и свободную жизнь! Ну, мои храбрые норки, покажите, кто со мной!

Как не без яда говорил впоследствии Психо, не все лапы поднялись одновременно, однако в конце концов несогласных больше не было.

Глава 22. ПРАВДА МАЛЕНЬКИМИ ПОРЦИЯМИ

Несмотря на обещание, данное Дедушке Длинноуху, Филин решил, что на данный момент с него хватит и кроликов, и их заумной болтовни. Вместе с тем, расставшись со старыми друзьями, Филин никак не мог решиться окончательно соединить свою судьбу с Сопричастными Попечителями. Только теперь, оказавшись в сомнении на распутье двух дорог, он понял, насколько приятно и легко ему было в обществе пусть не особенно близких, но все же во многом похожих на него существ. Одиночество с каждым днем становилось все тягостнее.

«Не интересуюсь»— таким был краткий ответ Раки, когда Филин поделился с нею последними откровениями старого кролика. Фредди и Борис вообще смотрели сквозь него; Юла продолжала дуться из-за непочинен-ного гнезда, но Филин был настроен еще решительнее, чем прежде, поскольку для него вопрос имел принципиальное значение. Тем временем несколько погожих солнечных деньков, когда воздух почти что прогрелся, напомнили ему, что за пора должна наступить в самое ближайшее время: и Юла, и он сам должны были поддаться голосу природы, которая твердила всем птицам и зверям: «Размножайтесь!» Хочешь не хочешь, надо было выполнять свои супружеские обязанности, тем более что у филинов браки заключались один раз и на всю жизнь.

Однако не думать о Сопричастных Попечителях оказалось гораздо труднее, чем он предполагал. Он стал настолько популярен, что и птицы, и самые разные земные существа, которыми он обычно пренебрегал, восторженно махали ему в знак приветствия. Теперь даже

презренные завирушки обращались к нему с непереносимой фамильярностью, от которой Филина буквально тошнило.

В конце концов Лопух все же перехватил инициативу из его когтей и взял за правило регулярно появляться под буком, чтобы вызвать его на разговор. Но гнев Юлы был таким сильным, что Филин скрепя сердце согласился еще раз встретиться с Лопухом в Карьере.

— Единственный кролик, с которым я согласен говорить, — это Дедушка Длинноух, — ровным голосом сообщил он запыхавшемуся Лопуху, как только тот прискакал в Карьер.

— К сожалению, Филли, в настоящее время это невозможно, — сокрушенно вздохнул Большая Задница и печально покачал головой. — Мой почтенный прадедушка все еще с нами, но он, увы, не достаточно compos mentis*1* , чтобы вести сколько-нибудь важные переговоры.

— Иными словами, ДД быстро угасает, — негромко прибавила верная Маргаритка, которая непрошеной явилась к месту встречи вместе с супругом.

Филин с подозрением уставился на обоих, хотя в данном случае у него почти не было оснований сомневаться в том, что сообщила ему эта парочка. Когда он в последний раз видел ДД, старый кролик фактически устранился от дел, предложив, чтобы его место занял Лопух. Кстати, мельком подумал Филин, многое ли пронырливый внучек сумел подслушать из его беседы с дедом? Во всяком случае, он искренне надеялся, что ссылка на размеры его задней части не миновала ушей кролика.

— Ладно, оставим это; давай лучше я расскажу тебе кое-какие хорошие новости. — Лопух ослепительно улыбнулся. — Благодаря тебе успех превзошел самые смелые мои ожидания. Молодые кролики заняты теперь тем, что выясняют, как это их так ловко обвели вокруг пальца. Или, точнее, вокруг когтя. Между прочим, тебе наверняка будет приятно узнать, что я

1 Compos mentis *(лат.)* — в здравом уме.

нашел способ немного приручить их, дав насекомым статус наблюдателей без голоса. К настоящему времени лесную мелюзгу вообще можно сбросить со счетов: большинство насекомых живет так недолго, что за прошедшие дни у них сменилось несколько поколений. И молодежь не знает о происшедшем ровным счетом ничего.

Лопух ухмыльнулся, обнажая свои выступающие резцы.

— Например, о «Поденках за Светлое Завтра» уже никто и не вспоминает, — снова хихикнул он. — По их меркам все это было целую эпоху назад, но, доложу я тебе, зрелище было еще то. Понимаешь, однажды они явились на заседание огромной тучей и протолкнули какую-то поправку просто за счет своего подавляющего численного преимущества. Но поскольку отпущенный им срок жизни составляет всего сутки, к вечеру все они были уже мертвы и не сумели явиться на следующее заседание, так что их поправка оказалась мертворожденной. Как бы там ни было, теперь с этим покончено. Кролики… То есть не только они, но и все здравомыслящие существа с… как бы это выразиться… с более высоким КУР — коэффициентом умственного развития — снова взяли управление в свои лапы.

— Значит, я вам больше не нужен, — сказал Филин утвердительным тоном и кивнул головой, чтобы подчеркнуть значение своего заявления.

— Напротив! — в испуге воскликнула Маргаритка. — Теперь мы нуждаемся в Председателе больше, чем когда-либо!

— В самом деле, Филли,— перебил подругу Лопух. — Без тебя нам не справиться. Недавно мы попытались провести собрание без Постоянного Исполнительного Председателя, и что у нас вышло? Полный и абсолютный хаос. Перед нами встает во весь рост очень непростая задача: Попечители должны обсудить и принять мое Уложение о Порядке в Лесу и Билль о Правах Существ. Мы очень рассчитываем, что ты поможешь нам успешно провести оба эти документа через рутину

обсуждения, с тем чтобы их можно было принять как можно скорее.

Когда Лопух произносил эти два помпезных названия, его голос аж задрожал от гордости и восторга, а Филин почувствовал, как у него упало сердце. Борис довольно часто поносил эти два чудовищных порождения жалкого кроличьего умишка, да и ДД отнесся к проекту правнука с нескрываемым пренебрежением. Согласно сведениям барсука, эти документы

уже вызвали ссоры и разногласия почище тех, что были спровоцированы раскольнической деятельностью молодых кроликов-активистов. Более того… Билль и Уложение, которые по идее должны были определить и закрепить за каждым обитателем леса его права и обязанности, сочинялись кроликами довольно долгое время. Из-за этого они превратились в объемистые труды, содержащие огромное количество длинных слов, которые звучали достаточно внушительно. Процесс законотворчества протекал мучительно, и в результате оба документа обросли не меньшим количеством невразумительных дополнительных пунктов, подпунктов, перекрестных ссылок, поправок и пояснительных сносок, которые лишь сильнее запутывали, и единственное, что можно было сказать по сути обоих документов, — это что они, несомненно, создавались с самыми лучшими намерениями.

«Нам от этого будет только хуже», — подвел итог Борис, с сердитым фырканьем глотая бывшего члена организации «Власть Черных Жуков».

Припомнив все это, Филин снова повернулся к Лопуху.

— Спасибо за доверие, — вежливо проухал он, — но я решил, что мне совсем не обязательно участвовать в этом и дальше. В конце концов, я исполнил то, о чем вы просили меня в начале.

— А как же твое обещание Дедушке Длинноуху?! — воскликнул потрясенный Лопух.

— А также твои авторитет и основательность, — пискнула Маргаритка.

Филин уже догадался, что такое этот самый «оторви-тет». Это была такая штука, которая вовсе не означа-

ла — как Филин неправильно понял вначале,— будто он должен отрывать головы излишне нервным полевкам. На деле это было всего-навсего сидеть с насупленным видом и притворяться серьезным и вдумчивым. Что же до «основательности», то это качество, как ему казалось, было лишь не такой уж редко встречающейся способностью притворяться, будто тебя и сотня кроликов с места не сдвинет и что именно вокруг тебя происходит все коловращение лесной жизни. Собственно говоря, все участники' собраний и заседаний только этим и занимались — разыгрывали друг перед другом убедительное представление, даже если за их ужимками и прыжками ничего не стояло. Филин уже давно подметил, что именно самые робкие и трусливые кролики первыми начинали блеять «Слушайте! Слушайте!» именно тогда, когда обсуждалась какая-нибудь малозначительная чепуха.

Нет, что бы там ни думала наивная милашка Маргаритка, дело было не в «основательности» и «оторви-тете». Просто Филин должен был заполнить собой образовавшийся вакуум власти и стать главным боссом ОСПЛ. И хотя собрания по-прежнему производили на него самое гнетущее впечатление, Филин не мог не признаться себе, что ему нравится быть начальником.

В конце концов, утомленный потоками слов, которые обрушил на него Лопух, Филин драматическим жестом поднял крылья в знак того, что сдается.

— Достаточно, — сказал он устало. — Ладно, Лопух, ты выиграл. Я остаюсь Председателем, но у меня будет два условия: во-первых, я должен еще раз встретиться с ДД, а во-вторых, как только твое Уложение и Билль о Правах будут приняты, я ухожу и пусть меня больше не трогают.

— Договорились! — быстро ответил Лопух, неожиданно становясь по-деловому немногословным и важным. — Увидимся на Малой поляне завтра перед закатом. Ну, пока…

И он, увлекая за собой Маргаритку, поскакал прочь с потрясающей скоростью. Филин вдруг почувствовал, что его провели, только вот как?

Между тем Лопух, скакавший вниз по склону, был весьма доволен собой. Возможно, Филин еще не понимал этого, однако он оказался на крючке, и Лопух вовсе не собирался отпускать его.

Маргаритка, изо всех сил старавшаяся не отстать, выглядела, однако, несколько смущенной.

— Почему ты ничего больше не сказал ему про Дедушку Длинноуха? — спросила она, задыхаясь.

— Потому что он не спрашивал, — отрезал Лопух, **а**про себя подумал: «Неужели она не в состоянии понять, что такое политическое маневрирование?» Шансов на то, что его прадед выйдет из состояния комы, не было никаких, однако ДД тем не менее еще рано было называть мертвым, что как нельзя лучше устраивало Лопуха.

— Но это же нечестно, Лоппи! — воскликнула шокированная Маргаритка.

— Но я не сказал ни слова лжи, разве не так? Просто это была не вся правда, а ее маленькая порция. В следующий раз Филин узнает больше.

Глава 23. ПРИЗНАНЫ МЕРТВЫМИ

Полная недееспособность Старейшин проявилась во время совещания. Когда снаружи донеслись обрывки запрещенной песни о хреновине, Старейшины поняли, что их судьба решена, но и тогда лишь молча переглядывались, с тревогой прислушиваясь к речи Меги.

Потом они стали наперебой оправдываться друг перед другом. Что они могут сделать? Как справиться с этим смутьяном? И тут же, несмотря на высокое положение, которое формально все еще оставалось при них, наперебой начали признаваться друг другу, что слова **Меги**вызвали в их душах какие-то смутные движения и помыслы.

Ни один из них, разумеется, никогда не упоминал об этом прежде, однако поразительные откровения **Меги,**услышанные Старейшинами в тот день, когда они

беседовали с ним один на один, делали свое разрушительное дело. Бывало, разоткровенничавшись, Старейшины вслух признавались, что, как они ни стараются, им не удается отделаться от навязчивой песенки о хреновине.

Существовали и дополнительные факторы, воздействие которых не мог бы предусмотреть самый изощренный ум. Взять хотя бы инцидент с птицами, столь несвоевременно залетевшими в вольер. Из-за них Посвящение не оказало на молодое поколение должного воздействия, и вот к чему это привело! В общем, решили Старейшины, их вины в том, что старому порядку пришел конец, нет.

Стоило послушать их сейчас, и можно было подумать, будто они всегда старались хорошо относиться к Меге. В конце концов, он так нежно говорил о своей матери, был так верен ее памяти, так спокойно и с достоинством переносил свой остракизм! И много чего еще было поставлено ему в заслугу. «Нет, этот Мега определенно настоящая норка!» — восклицали Старейшины, начисто позабыв, как совсем недавно тот же самый персонаж был их главной головной болью. То, что вся колония оказалась очарована его откровениями или его личным обаянием — или и тем и другим вместе, — едва ли можно было считать удивительным или неожиданным.

И все же убийца в лагере Меги не давал Старейшинам покоя. Если они попытаются защитить свое учение, то очень возможно, что горячий молодой лидер отправит их вслед за Рамсесом. Следовательно, им надо попытаться увлечь слушателей за собой в лабиринт оправданий и отговорок. Доктрину можно временно похоронить. Самое главное — придумать что-то такое, что могло бы спасти их собственные жизни.

Еще немного посовещавшись, Старейшины определили стратегию. Единственной их надеждой была полная капитуляция, после которой им оставалось только отдаться на милость нового Вождя. Если это поможет им сохранить жизнь, то в будущем они найдут способ отомстить.

По привычке они проголосовали за свой план, но это оказалось лишней формальностью. Резолюцию о спасении собственных шкур утвердили единогласно.

Мега отдыхал в своей клетке, когда вошедший Психо сообщил ему, что Старейшины просят его встретиться с ними частным образом.

— Скажи им, — распорядился Мега, — что я занят: у меня встреча с самим собой. Их я приму, когда закончу.

Психо поспешно выбежал вон, весьма довольный отсрочкой. Он вполне одобрял большую часть того, что новый лидер сообщил массам, но мессианский пыл Меги смутил Психо.

— Я им покажу, этим хреноголовым Старейшинам! — объявил он Психо сразу после окончания митинга. — Я им припомню, как они зазвали меня к себе в клетку для частного разговора! Тогда эти старые пердуны даже не приняли меня всерьез. Теперь настал их черед, к тому же Макси рвется проделать с ними то же самое, что и с Рамсесом. Он утверждает, что это единственный способ навсегда обезопасить себя от их происков. Макси даже вызвался самолично исполнить эту работенку.

Психо немедленно встревожился. Ну и еловая голова этот Макси!

— Нет, Мега, ни в коем случае! — воскликнул он. — Хватит с нас Рамсеса! Репутация палачей нам только повредит. А что скажет Хранитель, если обнаружит трупы? Он этого так не оставит, и мы все окажемся по уши в дерьме. Я уверен, Мега, Старейшины готовы сдаться. Прояви милосердие, великий Вождь! Пусть массы увидят, что ты — Мега Милостивый, Мега Справедливый, а не Мега Кровавый. Тогда они добровольно пойдут за тобой, куда скажешь.

Мега улыбнулся так загадочно, что Психо невольно замолчал.

— Я что-то не то говорю? — неуверенно спросил он.

— Нет-нет, все правильно, — успокоил его Мега. — Не беспокойся, я обещаю подумать над твоими словами. Просто я пока не вижу никаких импровизаций…

Пасть Меги разъехалась в широкой улыбке — он заставил-таки этого маломерка как следует пропотеть. Мега вовсе не собирался сообщать Психо, что многие его предложения он предвидел и нашел правильными — особенно в той части, которая касалась реакции Хранителя: тут Макси определенно чего-то недопонял. Что касается первого убийства, то вовсе не Мега распорядился устранить Рамсеса; больше того, он до сих пор не знал, додумался ли бы он до этого самостоятельно. Впрочем, надо признаться, Мега уже довольно далеко отошел от заветов Шебы и успех на первом этапе достался ему не благодаря матери, а благодаря советам соратников, которые действовали более грубыми, но и более эффективными методами.

Мега, однако, понимал, что он и дальше будет вынужден использовать подобные приемы. У него просто-напросто не было другого выхода. Теперь, когда Старейшины больше не мешали ему, главным препятствием на пути к свободе стал человек — враг, которого необходимо было одолеть. Что до низвергнутых Вождей, то Мега вовсе не стремился сводить с ними личные счеты; для него это был просто еще один вопрос, требующий профессионального и быстрого решения.

Новая мысль пришла к Меге словно бы ниоткуда — и привела его в прекрасное расположение духа. Он покажет своему импровизатору, что такое настоящая импровизация! Пусть только Психо услышит, что Мега скажет молодым норкам.

Когда Старейшины вошли в его клетку, робко остановившись у входа, Мега сразу увидел, насколько прав был Психо. Они были сломлены! Они смотрели в пол и, запинаясь, бормотали извинения и оправдания. Нет, они ни в чем не виноваты. Просто они следовали установленному до них порядку. Теперь они прозрели и готовы сделать все, чтобы исправить положение. Они

публично покаются. Они обещают никогда не восставать, если их простят. Они клянутся в меру сил помогать новому Вождю. Весь их богатый политический и организационный опыт к его услугам…

— Спасибо, не нужно, — перебил Мега, непосредственно переходя к условиям капитуляции. — Вы все публично признаетесь в сознательном обмане.

— Да, — с готовностью откликнулись Старейшины.

— После этого вы будете подвергнуты остракизму.

— Мы согласны.

Мега неожиданно почувствовал, что Старейшины надоели ему сильнее, чем ежедневные помои, которыми потчевал их Хранитель.

— Вы все правильно поняли, господа Старейшины, — быстро сказал он. — Самое главное — вас не убьют. Во всяком случае — сейчас. Но если хоть один из вас попытается что-то предпринять, страшная смерть ждет всех. Достаточно одному оступиться — и вас растерзают, разорвут на куски. Всех! Таким образом, судьба каждого из вас находится в лапах его же товарищей.

«Если уж это не помешает им действовать сообща и не заставит относиться друг к другу с подозрением, тогда ничто не поможет», — думал Мега, следя, как Старейшины мрачно переглядываются.

— Я распорядился собрать жителей колонии, — продолжил он. — Мы готовы выслушать ваше покаяние сейчас — пока вы не посовещались и не передумали.

Не сказав больше ни слова, Мега вышел, поручив Мате руководить церемонией публичного унижения Старейшин, — она сама его об этом просила. Макси, справившись с разочарованием, постигшим его, когда он узнал, что казни не будет, отвел душу, свирепо рыча на Старейшин, которых он вывел из клетки Меги и построил у торцевой стены игровой площадки. Низко опустив головы, они невнятно бормотали слова раскаяния, в то время как Мата представила целый список их преступлений. Все это происходило под аккомпанемент песни о хреновине, которую, перемежая ее насмешками и оскорблениями, хором исполняли молодые норки.

Мега снова появился на сцене в конце церемонии.

— Запомните, — обратился он к понурым, униженным Старейшинам. — Начиная с сегодняшнего дня вы официально считаетесь мертвыми, хотя физически вы, возможно, не пострадаете. И это так же окончательно, как и то, что случилось с Рамсесом.

Молодые норки отозвались на эту краткую, но энергичную речь бурей аплодисментов. Многим из них настоящая смерть — как в случае с Рамсесом — казалась удивительной; она опьяняла, но и пугала. Может ли каждый из них чувствовать себя в безопасности, если их новый лидер готов убивать с такой легкостью? Другое дело — статус официально мертвых. Это они могли понять, это звучало как хо-о-рошая, смачная шутка. Да и низвергнутых Старейшин можно будет помучить в свое удовольствие.

— До свиданья, старички, до свиданья! — в экстазе пели они. — Прощайте навсегда, Старейшины!

Мега терпеливо ждал, пока ликование наберет силу.

— Тихо! — крикнул он внезапно, заставив всех замолчать. — Есть еще одно, мои норки! Думал ли кто-нибудь из вас, куда мы пойдем, когда выберемся из этой опостылевшей тюрьмы?

Ответа не было. Сама надежда на свободу оказалась столь грандиозной и всеобъемлющей, что этот чисто практический аспект еще не дошел ни до кого из обитателей вольера, включая и ближайших сподвижников Меги. Один Психо яростно тряс своей заостренной головой, словно умоляя Вождя не произносить больше ни слова. Но Мега не обратил на него внимания. Что бы там ни сигнализировал коротышка, ему все привлекательнее казалось обернуть против бывших правителей колонии их же собственное учение.

Сделав паузу, Мега с удовлетворением смерил взглядом обреченных Старейшин.

— Вы, наверное, ждете, что вас спасет ваш обожаемый Хранитель? — с издевкой спросил он. — Что он придет и заберет вас в Счастливую Страну?

Не дожидаясь ответа, он повернулся к слушателям, ловившим каждое его слово.

— Ну что же, если эти негодяи когда-нибудь попадут туда, их ждет пренеприятный сюрприз! — прогремел он. — Они обнаружат, что мы добрались туда раньше них. Да, мои норки, именно туда я отведу вас, в то место, которое Старейшины называли Счастливой Страной. Это лес, чудесный лес, о котором рассказывала желтая собака. Я отведу вас в Горчицын лес, который отныне стал для нас Землей Обетованной.

Глава 24. СТАРЫЕ ДОБРЫЕ ДЕНЬКИ

На первом же неформальном информационном заседании Филин наслушался такого, что голова у него закружилась и пришлось долго летать над лесом, чтобы привести ее в порядок. Когда он давал свое согласие стать Постоянным Исполнительным Председателем, он имел в виду только самые большие и самые значительные собрания. Теперь ему приходилось участвовать в работе неисчислимых комиссий, подкомиссий, комитетов, комитетиков, дискуссионных групп, рабочих секций и семинаров по обмену идеями.

Параллельно происходили бесконечные неофициальные встречи, информационные брифинги и консультации — начиная с предварительных, на которых соперничающие фракции вырабатывали свою стратегию, и заканчивая аналитическими, где разбирались по косточкам причины возможных неудач и задержек. (Ожидать проволочек и неудач было в обычае Общества Сопричастных Попечителей, поэтому, когда они в конце концов случались, все испытывали мрачное удовлетворение.)

Проходили собрания тоже своеобразно. Стоящие на повестке дня вопросы горячо и с жаром обсуждали, и по ним принимали важные решения, однако впоследствии все они словно растворялись в небытии, и Филину никак не удавалось зацепить их хотя бы кончиком когтя. Вскоре Филин понял, что кролики привыкли работать так, как они питались — щипля траву

крошечными порциями, по стебельку, по былиночке. Очевидно, идея запустить зубы во что-то мясистое и сочное претила им как таковая. В конечном итоге Филин почувствовал себя крайне неуютно. Очарование ДД тоже со временем рассеялось, и Филин не видел смысла в кипучей деятельности, которую развили кролики. Но было уже поздно — он увяз в Попечительстве по кончики крыльев.

От самого названия "Сопричастные Попечители Леса" веяло чем-то типично кроличьим, неопределенным, пушистеньким. Насчет «Леса» все было более или менее ясно, хотя, насколько он помнил, существовала целая подкомиссия из нескольких рабочих групп, которые спорили о том, подразумеваются ли при этом прилегающие к Старому Лесу поля. Филин, впрочем, боялся даже думать на эту скользкую тему.

Больше всего озадачивало его прилагательное "Сопричастные". Чему сопричастные? Или, наоборот, кому? Ничему, насколько он мог заметить (постоянное состояние озабоченности и тревоги не в счет). И какой толк от этой — или любой другой — сопричастности? (Знать бы все-таки, что же это такое!)

Не лучше обстояло дело и с "Попечителями". Что опекают эти несчастные вегетарианцы? Или кого? Спросили ли они предварительного согласия опекаемых? Как они осуществляют свое попечительство с практической точки зрения?

От подобных вопросов голова Филина начинала потихонечку гудеть, и он попытался добыть ответы у Лопуха, но Большая Задница был слишком увлечен многочисленными митингами, где его участие было "жизненно необходимо" ("Ты понимаешь, Филли, что я хочу этим сказать?"), одновременно уклоняясь от просьб Филина о новой встрече с ДД под предлогом неважного состояния здоровья последнего.

В конце концов Филин почувствовал, что толку с него как с барсука молока, и решил попытать счастья с кротом Марком. Больше всего Филина привлекала его манера говорить, похожая на манеру ДД, и прозорливая мудрость, когда Марк подчеркнул двуличие Сопричастных Попечителей. Они частенько принимали в свои ряды существа, которые питались не только растениями, но и низшими формами жизни, Марк же не ел ничего, кроме червей. Хотя это делало крота безоговорочно плотоядным, его прием в члены ОСПЛ был встречен громом оваций со стороны партии, выступавшей за привлечение в ряды Сопричастных Попечителей *всеядных.* Лопух даже заявил, что после первого грандиозного успеха на этой стезе специальная рабочая группа начнет агитировать ежей, как только они пробудятся от спячки.

Заметив в траве цепочку свежих курганчиков, Филин слетел с ветки и уселся там, где, по его подсчетам, должна была появиться следующая кучка. Он угадал точно. Пожалуй, даже слишком точно, подумал Филин, когда земля под ним зашевелилась и из кучки влажных земляных комков высунулась голова Марка, тут же на мгновение исчезла в подземной галерее и появилась оттуда с червем во рту.

Еще одной удивительной чертой Марка был его бешеный метаболизм. Говоря нормальным языком, он постоянно должен был что-то есть. Он потерял сознание на первом же собрании, не дождавшись даже, пока докладчик закончит перечислять резолюции, принятые на предыдущем митинге. После этого случая — несмотря на отчаянное сопротивление Кувшинки, выступавшей от имени Фронта Освобождения Червей, — он настоял на медицинском освидетельствовании и с тех пор был единственным существом, которому разрешалось питаться во время собраний.

Глядя на Марка сверху вниз, Филин видел, чем именно он приглянулся Попечителям: широкие передние лапы-лопаты, черный, совсем низкий мех, похожий одновременно и на бархат, и на блестящую кожу, прелестный розовый носик, слезящиеся близорукие глазки, производящие впечатление беспомощности. Да он своими ушами слышал, как кролики говорят о кроте: «Он такой земной!»

— Я прилетел спросить тебя, что значит «сопричастные» и «попечители»,— сказал Филин.— Ни один из

кроликов, похоже, не имеет об этом ни малейшего представления.

Чувствуя прилив энергии, вызванный проглоченным червем, Марк с готовностью пустился в «разъяснения», как это называли кролики.

— С тех пор как я стал Сопричастным Попечителем, я прозрел и стал интересоваться не только собой, но и остальными, — отбарабанил он. — Это означает, что по отношению к своим vis-a-vis*1* я принимаю на себя роль попечителя — существа, неравнодушного и интересующегося их благосостоянием, если ты обоняешь, что я имею в виду.

— Насколько я вижу, ничего реального это не подразумевает.

— Ага! — воскликнул Марк, победоносно шевеля розовым носиком. — Общение, обоняешь ли, это и есть то главное, на чем все держится. Если ты ни с кем не общаешься, то как ты можешь ощущать свою со-при-частность?

— Но ты же не ощущаешь своей сопричастности, например, по отношению к червям.

— А вот и нет, — с негодованием отозвался Марк, отправляя в пасть еще одного червяка. — Как раз наоборот. В последнее время мое отношение к ним радикально изменилось, и я в полной мере ощущаю свою сопричастность к их трудной подземной жизни.

— Но ты все равно продолжаешь их есть, — неуверенно возразил Филин.

— Конечно, я не могу этого отрицать, однако одно дело — есть равнодушно и совсем Другое — питаться сопричастно, то есть не то чтобы с аппетитом, но с полным сознанием того, кого ты ешь и как. А теперь извини — я должен проверить, сколько червей нападало в мои тоннели.

Дедушка Длинноух предупреждал Филина, что его терпение — и терпимость — будут подвергнуты серьезному испытанию. Если допустить, что он живет в стране дураков, тогда во всем происходящем будет гораз-

*1*Vis-a-vis *(франц.)* — тот, кто находится напротив.

до больше смысла — или, вернее, меньше бессмыслицы, — если, конечно, все это не является бессмысленным само по себе. То, что в стране дураков происходят одни только глупости, казалось Филину совершенно естественным.

Однажды он решился на эксперимент. Он явился на одно из заседаний с большим опозданием, так что не заметить его было нельзя, а в качестве оправдания привел причину, которая лично ему казалась наименее веской: он, дескать, искал материал для починки гнезда. На самом деле Юла, исчерпав большую часть своих запасов желчи, в конце концов занялась ремонтом сама. Но к его огромному изумлению, к которому примешивалась изрядная доля отвращения, эта жалкая отговорка была сочтена вполне удовлетворительной, а один кролик, по имени Кукурузник, даже сочувственно вздохнул:

— Так трудно в наши дни достать то, что тебе нужно!

— Верно! — поддержал товарища Белоцветик. — В старое доброе время достаточно было только вылезти из норы, и вот тебе пожалуйста: тут же тебе растет сладкая сочная травка. Тогда нам не приходилось носиться по окрестностям, чтобы добыть себе какой-нибудь жалкий завтрак!

— Да, когда-то все было совсем по-другому, — загомонили сразу несколько кроликов, печально тряся головами. — Честно говоря, и лес уже не тот: теперь в нем так много народу, что нам, кроликам, буквально негде повернуться.

Услышав это, Филин застонал в голос. Даже если последнее утверждение было правдой, то кто виноват в этом больше, чем сами кролики, которые размножались как сумасшедшие?

— И все стали такие занятые! Ни у кого нет времени спокойно поболтать!

— Да, раньше все было лучше, включая погоду.

— Вы совершенно правы, любезный. Никогда не знаешь, то ли пойдет дождь, то ли выглянет солнышко.

— Или будет чересчур холодно, или слишком жарко.

— Да, славные были деньки! — вздохнули они хором.

В это время на поляне появился последний запыхавшийся член ОСПЛ, которого не хватало для кворума. Это была Жимолость — крольчиха, отличавшаяся «хорошо развитыми формами», как отзывались о ней Со-. причастные Попечители. Что касается Филина, он считал ее просто жирной.

— Прошу прощения, друзья, — выпалила она, тяжело дыша и тряся отвислыми щеками. — Примите мои самые глубокие извинения. Я, видите ли, как раз собиралась уходить, когда вспомнила, что должна сказать мужу что-то очень важное, о чем я совершенно забыла. Когда я вернулась обратно в нору, моего младшенького начало тошнить — наверное, он, как обычно, съел что-нибудь несвежее. Хотела бы я знать, сколько раз нужно повторять прописные истины, пока они их хорошенько усвоят?! Дело кончилось тем, что все крольчата начали плакать и мне пришлось их успокаивать. Потом, естественно, я стала убирать то, что было на полу… должна заметить, это было далеко не самое аппетитное зрелище. А запах!.. И разумеется, малыш сделал это посреди нашей парадной комнаты. Конечно, его вины тут нет, но я считаю, что он в первую очередь должен был смотреть, что ест! Словом, когда я закончила, произошло уже столько всего, что у меня в голове все перепуталось. Представляете, я вообразила себе, будто собрание назначено на Большой поляне! Я поскакала туда, но там, конечно, никого не было; даже некого было спросить, поскольку все вы были тут. Тогда я подумала и на всякий случай решила заглянуть сюда — вдруг вы здесь. И — видите? — я оказалась права! Как бы там ни было, — радостно заключила Жимолость, — все хорошо, что хорошо кончается, правда? И все же, если вас интересует мое мнение, я скажу: на сегодня с меня более чем достаточно!

— Бедняжка Жимолость! — запричитали остальные кролики, причем **в**голосах их звучали неподдельные тревога и сочувствие. Возможно, даже *сопричастность.*

— Не расстраивайся так!

— Мы ни капли не возражаем.

— Тяжело в наши дни быть многодетной матерью.

— То ли дело раньше!..

— Золотой век, золотые деньки…

— Увы, они никогда больше не вернутся. Я помню, мой дедушка рассказывал…

Собрание неуклонно превращалось в обмен слезливыми жалобами и бесплодными сетованиями на то, как весь лес катится по наклонной плоскости.

В результате Филин просидел на своем председательском сучке примерно полдня. К счастью, Филин, имевший удовольствие наблюдать Лопуха за работой, уже начал постигать искусство повернуть дело так, чтобы вынесенное решение непременно оказалось в твою пользу. Трюк был предельно простым, но требовал недюжинного гражданского мужества: кроликов можно было взять на измор, заставив их сидеть до победного (для тебя) конца, или по крайней мере до тех пор, пока количество твоих соперников не уменьшалось настолько, что ты мог быть уверен в победе твоей фракции. Только уловив этот момент, можно было смело переходить к голосованию.

Глава 25. ВПЕРЕД И ВВЕРХ

С самого дня захвата власти Психо твердил Меге, как важно им не испортить отношений с Хранителем.

— Может, он действительно наш враг, и норки должны знать об этом,— подчеркивал он,— но, пока мы не освободились, это мы зависим от него, а не наоборот. Чтобы массы не пострадали, нам необходимо заигрывать с ним, а тебе надо издать недвусмысленный приказ: «Не расстраивайте Хранителя!»

Норки послушно исполняли приказ Меги, и никто не смел предпринять ничего враждебного в отношении Хранителя, однако что толку? После неожиданной кончины Рамсеса дисциплина упала, и в этом разброде даже самые тупые норки видели: Хранитель что-то подозре-

вает. Несомненно, он заметил, как изменился статус его любимцев — бывших Старейшин. Молчаливые и вялые, они больше не бросались к решетке, чтобы первыми приветствовать его, а все усилия человека, пытавшегося разжечь в них прежнее подобострастие, ни к чему не привели.

Вскоре события стали развиваться стремительно, причем ситуация все ухудшалась. Выходы на игровую площадку большую часть времени оставались закрытыми, клетки никто не убирал, еду Хранитель грубо швырял прямо сквозь проволочную сетку. Уборная была в жутком состоянии, но Хранителя это, казалось, не беспокоило. В довершение всего он начал пропускать кормления, и норки сидели полуголодные.

Глядя на игровую площадку, Мега обратил внимание еще на одно обстоятельство, которое, возможно, насторожило Хранителя. Освободившийся от власти Старейшин молодняк творчески развил сорвавшееся с языка Психо неосторожное замечание насчет «веселых паршивцев», объединившись в новые хулиганствующие группировки. Подростки обоего пола развязно фланировали по площадке, задирали друг друга и пачкали где только могли. Их неухоженный вид, неаккуратность и постоянная агрессивность ужасали родителей, в то время как молодняк настаивал, что это просто новый стиль. Они этот стиль разрабатывали и пестовали с особым тщанием. Макси, будучи приверженцем аккуратности и чистоты, даже предлагал «начесать соплякам холку», однако Мегу неожиданно поддержала Мата, выступившая сторонницей самостоятельного развития молодежной субкультуры. Меге же очень нравилось, что его молодые последователи хотят утвердить собственную индивидуальность и проявить свое подлинное «я».

Но в это утро, слушая регулярный доклад о состоянии дел, он уловил в голосе Макси новую тревожную нотку. Его военный советник начинал хорошо, даже очень хорошо.

После того как предложение Макси о массовой казни Старейшин было отвергнуто, он скрупулезно и точно выполнял приказы своего Вождя, ни разу не усомнившись в них и не оспорив. После убий– ства Рамсеса все шуточки на его счет прекратились моментально, и Макси, обретя добавочную порцию уверенности, погрузился в задачу превращения норок в военную силу, с которой пришлось бы считаться. Он спал, ел и дышал с этой идеей, благо она была его собственной, и дело двигалось. В первое время Макси приносил исключительно оптимистические доклады, с энтузиазмом рассказывая, как проходит подготовка норок к жизни во «внешнем мире», однако вскоре Макси начал жаловаться, мол, молодняк становится все более неуправляемым. Последнее его сообщение оказалось наиболее мрачным.

— Осмелюсь доложить, мой Вождь, — жалобно сказал он, теребя усы, как всегда делал в затруднительных случаях, — норки перестают меня слушаться. До сегодняшнего дня это выражалось, главным образом, в вызывающем поведении, но боюсь, еще немного, и мы будем иметь дело с полновесным мятежом. Если не предпринять решительных мер, Мега, крышку с котла сорвет.

— Ты что, позабыл о своей обязанности сидеть на этой крышке? — резко перебил его Мега и тут же поймал себя на том, что впервые заговорил с Макси таким тоном. Это могло означать только одно — он тоже нервничал.

Пожалуй, не мешает посоветоваться с Психо.

— Пойми меня правильно, Мега, — твой призыв к свободе послужил нам прекрасным подспорьем в деле свержения власти Старейшин, — сказал Психо мрачно. Этот разговор с Вождем он предвидел, и нельзя сказать, чтобы он ждал его с нетерпением. — Конечно, моя песня о хреновине и штука с Рамсесом тоже сыграли свою роль, однако чаша весов склонилась на нашу сторону, потому что мы смогли предложить массам что-то новое. И твоя выдумка насчет свободы оказалась очень кстати. Это было умно, Мега; ведь свободы нет и никогда не будет. Но кого это волнует? Обещания дают только затем, чтобы их потом нарушать. Пока массы носятся с идеей освобождения, мы потихоньку правим, разве не

так? Если ты интересуешься моим мнением, то вот оно: дать массам новую игрушку, на которой они могли бы сосредоточить свою энергию.

Как и Макси, Психо сильно изменился после переворота. Он был весьма благодарен Меге, и его благодарность проявлялась в том, что он бродил среди норок, прислушивался, приглядывался и запоминал все разговоры, отмечал все подозрительные высказывания и порожденные завистью выражения недовольства и был в курсе всех подводных течений и скрытых тенденций. Психо казался вездесущим; никто из обитателей вольера и раньше не мог быть уверенным, что маленький негодяй не подслушивает их разговоры; теперь же, когда он перестал быть парией, не имеющим ни веса, ни влияния, даже сторонники Меги замолкали, лишь только замечали его поблизости. Тем не менее беспечные или слишком увлеченные спором всегда находились; к таким Психо умело подбирал ключик и выкачивал из них столько сведений, сколько было возможно. Полученную информацию либо передавал Вождю, либо запоминал, и в его безобразной остроконечной, как клин, головке хранилось уже несколько десятков досье, которые все пополнялись.

Но в последнее время и Психо все чаще сталкивался с фактами, не располагающими к спокойствию.

— Боюсь, Макси прав, — продолжал Психо, нервничая, ибо понимал, что его сообщение не может обрадовать Мегу. — Разумеется, большинство норок из старшего поколения продолжает тебя недолюбливать, но для нас это не новость. Важно другое: с каждым днем их недовольство растет. На данном этапе я не могу утверждать наверняка, но мне кажется, что вокруг Старейшин сплачиваются заговорщики.

Мега нахмурился. Заговор? Пожалуй, Макси будет рад об этом узнать. Военный советник давно жаловался, что ему не нравится, как эти извергнутые из общества *не-норки* молча бродят по игровой площадке. Они слишком на виду, говорил он.

Потом Мега отвлекся мыслью, насколько странен и противоестествен его союз с Психо. Особенно ему не

давал покоя разговор, который состоялся у него с Макси некоторое время назад.

«Ты считаешь, нельзя иметь дело с этим недоноском?* — напрямую спросил Мега.

«Нет, если ты так ставишь вопрос, босс, — ответил Макси, и было видно, что грубоватая откровенность Вождя смутила его. — Он нам чужой, если ты понимаешь, что я имею в виду».

«Может быть, ты и прав, Макси, но он нужен нам, он слишком умен. Впрочем, моя безопасность — в твоих лапах, именно тебе придется смотреть, чтобы Психо не нанес удара в спину».

«Насчет этого можешь не беспокоиться, босс», — пробасил Макси и улыбнулся, весьма довольный тем, что у него есть чем заняться.

— Но наше-то поколение по-прежнему на нашей стороне, разве не так? — прервал Мега затянувшуюся паузу.

— Боюсь, и здесь мне нечем тебя порадовать, — с еще большим трепетом ответил Меге специалист по импровизациям. — И это самое неприятное. Молодые говорят, что наша помойка развалилась слишком быстро, и хотят выбраться отсюда как можно скорее. Теперь же, сейчас! Мне это не нравится, Мега.

Психо собрал все свое мужество и продолжал:

— Они все время спрашивают, почему мы до сих пор не ушли в Горчицын лес. Ты же знаешь, какие они, Мега, — подавай им все сразу и немедленно. Я постоянно напоминаю им, что ты вроде как не называл конкретной даты освобождения, но в последнее время это мало помогает. Помнишь, я предупреждал тебя, что не надо упоминать про лес? Теперь ты видишь, это была не лучшая идея. Молодые норки все чаще спрашивают, когда Горчица снова придет повидать нас, а самые умные постоянно твердят, что мы вряд ли когда-нибудь попадем в ее лес, раз мы даже не знаем, где он находится.

Говоря это, Психо весь съежился — он знал, какое больное место задевает. Горчица уже давно не появлялась в сарае, и Мега изрядно волновался по этому поводу, хотя старался не показывать виду.

Увидев, что Мега продолжает хмуриться, Психо заговорил самым беззаботным тоном, на какой был способен в данных обстоятельствах:

— Хорошо, что молодые никогда не попадут в этот пресловутый лес, не правда ли? На свободе этот народ не сможет отличить свою голову от своего же хвоста! Я слышал, как один дурень на полном серьезе объяснял остальным, что свобода — это когда Хранитель будет подавать нам отборное мясо и рыбу по первому требованию. Так может говорить идиот, а не твой верный сторонник, Мега. Выдумки, но чем дальше — тем их больше. Кроме того, — добавил он с неискренним смешком, — мне казалось, что выдумки — это наше дело, наше, и ничье больше…

Со стороны игровой площадки доносились громкие вопли — голодные норки готовились учинить очередную потасовку.

— Кстати, Мега, — сказал Психо словно вдогонку к сказанному, — у меня есть новая идея, которой можно будет воспользоваться, пока мы не найдем более верного способа прибрать ситуацию к лапам. «Свобода — это образ мышления!» — как тебе этот лозунг? Выглядит свежо, объемно, но на самом деле это все та же старая песня о хреновине. Или другой вариант: «Свобода такова, какой ты ее видишь!» Но я не настаиваю. Свобода — отличная выдумка, просто отличная, но мы-то знаем правду? Эти люди-освободители, которые должны открыть наши клетки, — они ведь не придут сюда на самом деле? Если, конечно, допустить, что они вообще существуют.

Он покачал головой, делая вид, будто изумлен изобретательностью своего Вождя, но сразу замер, увидев, что тело Меги напряглось, а глаза засверкали. Прежде чем Психо успел сообразить, что за этим последует, он уже лежал на спине, придавленный передними лапами Меги. Его беззащитное горло оказалось в опасной близости от оскаленных клыков, свирепый взгляд черных глаз Меги впивался в его мутные зрачки.

— Никогда больше не говори ничего подобного, если дорожишь своей жизнью, крыса? — медленно, с расстановкой проговорил Мега.

Психо показалось, что Вождь стоял над ним целую вечность, прежде чем он наконец убрал лапы, грубо толкнув своего советника по импровизациям. Он еще пытался справиться с дрожью, когда Мега снова спросил: – — Есть другие предложения?

Мега смотрел на него тяжелым, словно каменным взглядом, и Психо опять затрепетал.

— Мы могли бы попробовать что-нибудь со Старейшинами,— робко предложил он.— Как насчет того, чтобы устроить что-то вроде суда? Обвиним их в преступлениях против колонии, разберем улики, признаем виновными, а потом казним. — Говоря это, Психо заметно приободрился. — Я уверен, Мега, массам это понравится, а нам обеспечит необходимую отсрочку. Только подумай — я могу быть прокурором, ты — судьей, а Макси может приводить в исполнение приговоры.

— Разве не ты, проклятый дурак, сказал, что если мы казним Старейшин, то навлечем на себя гнев Хранителя, — проговорил Вождь. — А в данный момент это нужно нам меньше всего.

— Может быть, Мега, — ответил Психо, нервно облизнувшись. — Но все-таки давай попробуем. Хранитель и так настроен крайне отрицательно; чуть лучше, чуть хуже — какая разница?

Мега не выдержал и взорвался.

— Вон с глаз моих! — завопил он. — Я больше не потерплю этих пораженческих разговоров!

Не помня себя от страха, Психо выбрался из клетки Вождя. Он был потрясен до глубины души. Ему всегда казалось, что затея Меги имеет одну цель: захватить власть в вольере и удерживать ее любой ценой. Для этого годились и расправа над Старейшинами, и сказка о свободе. Неужели Мега не понимает, что свобода — это та же «хреновина-морковина», а революция — не что иное, как развлечение? Неужели он всерьез верит в собственную выдумку о людях-освободителях и о счастливом лесе?

«Похоже, что верит» — к такому неутешительному выводу пришел Психо, облизывая помятые бока и ною-

щие ребра. Всегда найдется дурак, который поверит во что угодно.

Прихрамывая, Психо направился в свою клетку, но наткнулся на Макси, и тот проводил его свирепым, откровенно враждебным взглядом. «Вот и еще один новообращенный, которого придется опасаться», — с горечью подумал Психо. Разумеется, для Макси, с его слепой преданностью и врожденной глупостью, не верить в свободу было невозможно. Вот насчет Маты Психо не был до конца уверен. Сколько раз он касался этой щекотливой темы, но Мата неизменно переводила разговор на что-нибудь другое. Впрочем, к ней Психо относился с большой осторожностью. Нет, ему нужна была норка, которая умела бы мыслить столь же реалистично, как он, однако вероятность существования таковой была сравнима разве что с вероятностью появления людей-освободителей в ближайшие пять минут. Значит, ему и дальше придется сражаться в одиночестве. Если, конечно, он не решится снова перебежать к Старейшинам. Откровенно говоря, в последнее время эта мысль навещала Психо все чаще и чаще. Это было небезопасно, но, коль скоро шоу, которое поставил Ме-га, начинало выдыхаться, подобное решение в конце концов могло оказаться наилучшим.

— Ты обеспокоен, я правильно угадала? — спросила Мата, входя в клетку Меги, как обычно без предупреждения. — Тревожиться не о чем, Мега.

В последнее время ему никак не удавалось поговорить с ней серьезно: Мата была занята — готовила из самок свой собственный отряд «воительниц», как она их называла. Несмотря на отчаянное сопротивление Макси, она вывела этот отряд из его подчинения, и Мега, наблюдавший, как она водит их строем по игровой площадке, восхищался той свирепой и беспощадной гордостью, которую Мате удалось воспитать в своих подчиненных.

— Ты вспоминал Шебу, правда? — мягко спросила Мата.

Мега только вздохнул. Завтрашняя ночь была ночью полнолуния, и он собирался отпраздновать свое рождение, сидя в одиночестве в клетке и вспоминая мать, а заодно и перебирая прошлое в поисках какого-нибудь ключа к решению накопившихся проблем. Мега все так же не сомневался, что он — особенный, избранный и что люди-освободители обязательно придут. Главным его врагом в настоящий момент было время, и он надеялся на какой-нибудь знак, может быть даже еще на одно лунное затмение, которое подтвердило бы необычность его судьбы и подало новую надежду не столько ему, сколько всем остальным.

— Мне кажется, мы каким-то образом сбились с пути, — признался Мега. В Мате многое располагало к откровенности. Ее уверенность и неколебимое внутреннее спокойствие передавались ему без всяких слов.

— Шеба никогда не говорила мне, что все будет именно так, — негромко сказал он. — Взгляни на нас: мы прячемся по клеткам, тайком обсуждаем какие-то меры, нудно дипломатничаем на трибуне, и все для того, чтобы удержать колонию под контролем. Мы стали такими же, как Старейшины, даже хуже, потому что этот мерзавец Психо теперь не на их, а на нашей стороне. Что случилось с нашим задором, куда девалась благословенная искра спонтанности и буйство непредсказуемости? Я еще никому не говорил этого, Мата, но я помню, что говорил мне один из Старейшин на нашей приватной встрече сразу после «хренового» митинга. Он сказал: «Попомни мои слова, юноша, — толкнуть камень, чтобы он покатился, легко. Беда приходит, когда пытаешься его остановить». Тогда я не видел в этом особенного смысла, зато теперь вижу слишком ясно.

— Стабильность была главным козырем Старейшин, Мега, — мягко напомнила ему Мата. — Да и Макси с Психо слегка преувеличивают. Это самцы хотят всего сразу и сейчас же. С моими «воительницами» таких проблем нет. Они гораздо более трезво смотрят на вещи.

— Самцы ли, самки — какое это имеет значение? — уныло возразил Мега. — Они имеют право быть недовольными. И те и другие ждали слишком долго.

— Что такое долго? — парировала Мата. — Кто ты такой, чтобы решать это? Может быть, ты действительно прирожденный вожак, чье рождение было предопределено высшими силами, однако ты еще не управляешь всем и вся. Да, мы сами решили разрушить все вокруг нас, чтобы дать первый толчок, — и как быстро сдались Старейшины! Они отступили, потому что у них не было настоящей веры, — их интересовали только власть и положение у кормушки. Но у нас есть наша великая миссия, значит, мы не можем отступать. Только вперед, только вверх — все выше и выше… Мы не можем вернуться назад, даже если бы захотели. Не мучай себя. Нынешняя ситуация — это просто затишье перед бурей: сначала ничего не происходит, а потом происходит «все сразу и сейчас». Прорвемся — и скоро, это я тебе обещаю.

Глава 26. ВИДЕЛИ ОЧИ…

Филин прибыл на Малую поляну несколько раньше, чем намеревался. На поляне он застал лишь разгоряченных спорами участников подкомитета по перегною. От них Филин узнал, что местонахождение Лопуха неизвестно и ждать его здесь бессмысленно, поскольку многочисленные собрания, проходящие в разных местах почти одновременно, в последнее время часто заканчиваются позже, чем намечено, и поэтому никто не знает, когда Лопух освободится.

Филин недовольно заморгал. Он условился о встрече с Большой Задницей еще пару дней назад и не видел необходимости снова и снова подтверждать договоренность. Для него уговор всегда был уговором, и только в стане Сопричастных Попечителей, как он теперь с горечью думал, все было по-другому.

— Пожалуйста, останься, о могучий Филин! — обратились к нему заседатели. — Поверь, тебе будет интересно.

— *Сомневаюсь*,— буркнул Филин, собираясь лететь. Потом он подумал, что смысла в этом, пожалуй, **нет.**Все равно к закату солнца надо вернуться на Малую поляну, поэтому предпринимать что-то было уже поздно — если только не работать крыльями во всю мочь.

— Почему у вас никогда ничего не получается? — раздраженно проклекотал он.

Подкомитет — несколько кроликов и десятка два полевок и мышей — уставился на него рассыпными бусинами глаз.

— Ладно, не обращайте на меня внимания, — устало ответил Филин, устраиваясь поудобнее, чтобы послушать. Перспектива узнать что-то новое и важное несколько подбодрила его, однако то, что он услышал, потрясло его до глубины души.

Насколько он понял, в момент его появления подкомитет как раз обсуждал ночной шум. Лесные жители, ведущие дневной образ жизни, — в том числе, разумеется, завирушки — жаловались, как мешают им спать ночные шорохи. Ночным зверькам оставалось только защищаться, при этом они вполне резонно возражали, что иного выхода у них нет.

— Глаза! — восклицала лесная мышь, и ее товарки сочувственно кивали.— О, эти жуткие глаза!!! Из-за них мы не можем расслабиться ни на секунду.

Филин почувствовал себя заинтригованным. Прожив в Старом Лесу всю свою жизнь, он воспринимал как должное, что за тобой все время наблюдают. Находясь в лесу, ты кожей чувствовал чье-то незримое присутствие, даже если поблизости никого не было. До сих пор, однако, это считалось нормальным.

Но мышь, оказывается, сказала еще не все. Ведомый ее красноречием, Филин внезапно оказался в каком-то месте, которого он не узнавал. Он всегда считал Старый Лес довольно приятным местом (лично для него он был почти как спортивная площадка, где можно вволю порезвиться, не подвергаясь ни малейшей опасности), однако по словам мыши выходило, будто это не лес, а просто кошмар, наполненный глазами

настоящих и выдуманных врагов, которые только и ждут, чтобы схватить тебя зубами или когтями. Состояние постоянного напряжения вызывало у мелюзги настоящую паранойю, и, по мере того как болезнь прогрессировала, настоящие и выдуманные враги начинали мерещиться слабейшим уже повсюду. Весь их образ лшшьления оказывался подчинен только одному — как спасти свою серенькую шкурку, а самое примитивное выживание оказывалось высшим успехом для всего мышиного племени.

Филин попробовал представить себя на месте полевок, однако быстро отказался от своих попыток. В конце концов никакой враг — ни воображаемый, ни реальный — не подстерегал его в сумерках, чтобы бесшумно спикировать ему на спину и крепким клювом перебить позвоночник, но он понимал, что ни одно существо не в состоянии прожить всю жизнь в страхе и не свихнуться. Филин, во всяком случае, не смог бы — его нервы вряд ли выдержали бы подобное напряжение.

С чувством облегчения Филин увидел, как на поляну выскочил Лопух. Маргаритка, как всегда, держалась на два прыжка позади.

— Необходимо немедленно начинать собрание, — нетерпеливо бросил ему Лопух, пренебрегая элементарной вежливостью.— Времени слишком мало, а успеть надо многое.

Филин протестующе встопорщил перья. В последнее время Лопух был так увлечен организацией бесчисленных собраний и так раскомандовался, что Филин порой чувствовал себя ничтожнейшим исполнителем, в то время как он уже привык считать себя лицом, облеченным определенными полномочиями и властью.

— Не раньше, чем я побеседую с Дедушкой Длинноухом, — ледяным тоном отрезал он.

При этих его словах Маргаритка как-то неловко переступила с лапы на лапу, и Филин немедленно это заметил.

— Надеюсь, ДД все еще с нами? — быстро спросил он, заподозрив самое худшее.

— Не совсем… — медленно ответил Лопух и бросил на свою спутницу уничтожающий взгляд.

— Не совсем? — удивился Филин. — Что ты имеешь в виду?

Последовала продолжительная пауза.

— Видишь ли, Филли, — сказал наконец Лопух, глядя в землю, — я вынужден с прискорбием констатировать, что мой прадедушка приказал долго жить.

— Долго жить? Кому? — переспросил Филин.

— Умер, — пояснил Лопух.

— Когда?

Последовала еще более длинная пауза.

— Фактически несколько дней назад, — неохотно признался Лопух, старательно избегая взгляда Филина. — Мы хотели сказать тебе, но потом предпочли с этим повременить. Ты мог расстроиться.

— Понятно,— кивнул Филин, хотя на самом деле все было не так ясно, как ему хотелось. Разумеется, кролики были правы, полагая, что известие о кончине патриарха расстроит его. Кроме того, ему было искренне жаль старика. Но дело, скорее всего, было в другом. Просто Лопух, видя, какое отвращение питает Филин к бестолковой суете Сопричастных Попечителей, совершенно правильно предположил, будто только обещанная встреча с ДД может удержать его могущественного союзника от того, чтобы распрощаться с кроликами навсегда и заняться своими делами.

— Прошу тебя, не бросай нас сейчас! — взмолился Лопух с самым сокрушенным выражением на морде. — Мы почти у цели.

— Пожалуйста, не бросай! — пискнула Маргаритка. — Не сердись на Лоппи — он думал только об общем благе.

Грандиозное собрание по поводу принятия Уложения о Порядке и Билля о Правах должно было состояться в самое ближайшее время. Большая Задница был прав — они почти достигли цели.

— Хорошо, поверю тебе в последний раз, — неохотно сказал Филин, уверенный, что если он еще не сошел с ума, ежедневно общаясь с Сопричастными Попечите-

лями, то небольшое размягчение мозгов налицо. — Впрочем, кое-что я все-таки тебе скажу: твой прадедушка стоил десятка таких, как ты.

— Ты несправедлив, Филли! — воскликнула шокированная Маргаритка. — Никто из нас не идеален, знаешь ли! Ты судишь слишком строго. Лоппи и так старается изо всех сил…

— Не сомневаюсь, — сухо перебил ее Филин. — Вот только для кого?

Глава 27. ЗАГОГУЛИСТЫЙ УЧАСТОК

Стоило Горчице появиться на пороге сарая, как Мега тут же вскочил и насторожился. Желтая собака, разумеется, даже не догадывалась, с каким нетерпением ее тут ждали, особенно после того как Психо предпринял очередную «импровизацию», которая едва не закончилась самым плачевным образом. Крысеныш предложил побеседовать с Пуссли.

— По-моему, стоит попробовать допросить ее, Мега, — убеждал он Вождя. — Похоже, кошка знает гораздо больше, чем эта драная псина. Позволь мне побеседовать с ней! — умолял Психо, поблескивая своими мутными глазками.

— Хорошо, — неохотно согласился Мега. — Но будь предельно осторожен, Пуссли не на нашей стороне.

Когда Пуссли снова появилась в сарае, Мега сразу понял, что она что-то подозревает. Против обыкновения, кошка не стала распространяться о преимуществах кошачьего рода; вместо этого она принялась прохаживаться из стороны в сторону, настороженно принюхиваясь и прислушиваясь.

— Ну что, мои дорогие? — наконец снизошла она до общения. — Мне кажется, в вашем крошечном мирке что-то происходит. Я не ошиблась?

— Так, самую малость…— отозвался из-за сетки Психо, неубедительно улыбаясь своей крысиной улыбкой. — Откровенно говоря, Пуссли, нам здесь изрядно

надоело, — продолжал он надменно. — Пожалуй, нам пора сменить квартиры. За одним только дело стало — мы пока не решили, куда нам лучше отправиться. Может быть, у тебя, как у существа, хорошо знающего мир, есть какие-нибудь идеи на этот счет?

Он нервно хихикнул, словно давая понять, что на самом деле его слова — не более чем шутка, но Пуссли эта шутка, похоже, совсем не понравилась.

— Неужели вам не понятно, что вы никогда отсюда не выберетесь? — презрительно бросила она, недоверчиво щуря изумрудно-зеленые глаза. — В отличие от нас, кошек, вы не приспособлены к жизни на свободе. Вы неуклюжи и глупы, если называть вещи своими именами.

— Да нет, мы просто интересуемся, — пошел на попятный Психо, чувствуя, что с самого начала свернул не туда. — Чисто теоретически.

— Тогда вам нужно жить на навозной куче, — прошипела Пуссли. — И теоретически, и практически дерьму самое место среди дерьма.

Мега, заметив, в какое положение попал его мастер-импровизатор, шагнул вперед и свирепо зашевелил ушами, подавая Психо знак оборвать разговор.

— По зрелом размышлении, — прибавила Пуссли, принюхиваясь к идущим от переполненной уборной запахам, — мне кажется, вам не привыкать сидеть в навозе.

Меге еще никогда не приходилось прилагать столько усилий, чтобы совладать с гневом. Потом он посмотрел на кошку и увидел холод в ее глазах. Перед ним была настоящая хищница, выдержанная, спокойная, расчетливая и безжалостная. К тому же она из тех, кто любит поиграть со своими жертвами, прежде чем проглотить их целиком или по частям. Ни одна норка — норка с горячей красной кровью в жилах — не допустила бы себя до такого бесчестья!

— Оставь ее, Психо, — прошипел Мега. — Всех остальных тоже касается!..

К счастью, Пуссли вышла из сарая, не произнеся больше ни слова, а Мега поймал Психо и задал ему грандиозную трепку — самую свирепую в его (Мегиной)

жизни. После этого они снова посовещались и решили ждать появления Горчицы.

И вот она пришла. Мега приказал Макси и его норковоротам сдерживать возбужденный молодняк, а сам вместе с Матой выступил к решетке, чтобы приветствовать желтую собаку. После того как Психо потерпел фиаско, Мата настояла, чтобы расспрашивать Горчицу поручили именно ей.

— По-вашему, по-женски? — беззлобно ухмыльнулся Мега.

— Может, и так,— с ледяным спокойствием отозвалась Мата, меряя его взглядом. — Но не только. Ты, безусловно, Вождь, но это не означает, что тебе нужно делать все самому… и что у тебя это лучше получится. А может, ты хочешь, чтобы Горчицу расспросил Психо? Или Макси?

Мега уступил и теперь держался чуть сзади, прислушиваясь к тому, как хитро и осторожно Мата разыгрывает свою партию.

— Здравствуй, Горчичка, — приветствовала Мата собаку и тепло улыбнулась. — Как приятно пообщаться с другой самкой, не правда ли? Мы, женщины, должны держаться заодно.

— Пожалуй, — неуверенно согласилась Горчица.

Она знала, что, после того как Хозяин забрал старших норок, в вольере должны были произойти изменения. Такое случалось и раньше, однако ее продолжало беспокоить нечто неуловимое — такое, чего она никак не могла понять. Может быть, дело в том, что вместо толп, которые собирались у сетки послушать ее рассказы, теперь к ней вышли только две норки? Почему остальные держатся на почтительном расстоянии? С другой стороны, эта самка исключительно приветлива и дружелюбна и общаться с нею приятно.

Горчица неуверенно вильнула хвостом.

— Будь добра, выслушай внимательно мой вопрос и попытайся на него ответить, — сказала норка. — Живут ли в твоем чудесном лесу другие норки?

— Конечно нет, — сразу же ответила Горчица. — Я сделала по лесу немало миль, преследуя разных зве-

рюшек, и уж, наверное, наткнулась бы на норок, если бы они там были.

«Странный вопрос», — думала Горчица про себя. Правда, она не раз задумывалась о том же и в конце концов пришла к выводу, что ее замечательный лес не был бы таким замечательным, если бы кто-то выпустил туда норок. Нет, она предпочитала, чтобы этот беспокойный и опасный народец оставался взаперти, в своих надежных клетках.

— Я верю тебе, Горчичка, — успокаивающе заметила норка, понизив голос до заговорщического шепота. — А теперь, между нами, девочками, скажи, как ты туда попадаешь, в этот твой лес?

Итак, Мате удалось втянуть желтую собаку в разговор, и Мега не сомневался: та выложит все, что знает. Вопрос был в другом: много ли она знает и будет ли им польза от ее сведений.

Горчица между тем озадаченно чесала за ухом.

— Я не уверена, что на самом деле знаю, — призналась она наконец, и на морде у нее появилось смущенное выражение. — Понимаете, лес — это нечто особенное, и туда нельзя ходить часто. В любом случае, я еду туда в грохоталке. И мне не было нужды запоминать маршрут, потому что не я решаю, куда мы поедем. Мое дело просто сидеть внутри и наслаждаться поездкой. Ну и конечно не лаять слишком много…

Слюнявые брылы собаки раздвинулись в сентиментальной улыбке, и Мата удивилась, до какой же степени это жалкое существо зависит от человека! Делает ли она что-нибудь для себя и по своему почину?

— Да, тут еще одна проблема, — неожиданно спохватилась Горчица. — Видите ли, у меня в грохоталке есть специальное место с моим собственным одеялом, но, поскольку оно находится сзади, я могу смотреть только в заднее стекло. Поэтому я вижу только, откуда мы едем, но не вижу куда. Если вы понимаете, что я хочу сказать…

«Эта слюнявая сука только что подвела жалкий итог всей своей жалкой жизни», — неприязненно подумал Мега. От досады он даже скрипнул зубами, и Горчица,

моргнув, замолчала, но только для того, чтобы снова начать чесаться.

— Послушай, Горчичка, ты такая умная собачка! — льстиво проворковала Мата. — Подумай как следует: ты наверняка сможешь припомнить, как добраться до леса. Мне ужасно любопытно…

— Я попробую, — просияв от этой совсем человеческой похвалы, откликнулась Горчица. — Сразу за воротами фермы Хозяин сворачивает налево, доезжает до другого шоссе, а там поворачивает направо…— Тут она наморщила лоб, припоминая. — Потом он проезжает такой загогулйстый участок: дорога там петляет, а Хозяин ругается на другие грохоталки, которые едут навстречу. Затем он еще раз сворачивает направо и

переваливает через гору, там он останавливается, открывает заднюю дверцу, и я выпрыгиваю на-

Горчица взволнованно помахала хвостом.

— Это ведь еще не все, правда? — Голос Маты был мягким как шелк, но в нем звучала властная нотка, которую Горчица восприняла как команду.

— Ах, какая я глупая! Конечно, я совсем забыла… Потом мы идем через маленький горбатый мостик, пересекаем поле и попадаем в лес через ворота; они никогда не открываются, но в них сделана такая специальная калиточка из пяти железных прутьев, вот!.. Больше я ничего не знаю, честно!

Мата бросила взгляд на Мегу, и он незаметно кивнул.

— Спасибо, Горчичка! — отпустила она собаку. — Я же говорила, что мы, женщины, должны держаться заодно. Может быть, однажды мы придем поиграть с тобой в этом чудесном лесу, — прибавила она со странной улыбкой.

— Это было бы совсем неплохо, — неуверенно отозвалась Горчица и пошла к выходу, то и дело оглядываясь нерез плечо.

Совещание руководителей, происходившее в клетке Меги, было кратким.

— Что скажешь, Макси? — спросил Мега, после того как Мата перечислила им собачьи инструкции.

— Пожалуй, этого достаточно, — ответил военный советник, но как-то неуверенно. — Просто я не знаю, насколько мы можем довериться собаке. Кроме того, с точки зрения безопасности появление Горчицы было для нас серьезным испытанием. Мне едва удалось сдержать толпу. А насчет сегодняшней ночи я ничего не гарантирую.

Все стали прислушиваться к возбужденным голосам, доносящимся с игровой площадки. Эти звуки только еще раз подтверждали слова военного советника. Вчера Хранитель забыл покормить норок, и прошлая ночь ознаменовалась крупной потасовкой; ожидание полнолуния еще больше взвинтило обитателей вольера.

— Не слишком ли ты беспокоишься, Макси? — перебил Мега не терпящим возражений тоном. — А ты что скажешь, Психо? Или тоже заробел?

— Должен сказать, Мега, что я полностью согласен с Макси, — с обеспокоенным видом отозвался коротышка. — Пожалуйста, постарайся успокоить массы, когда будешь выступать сегодня вечером.

— Да ты никак боишься? — с насмешливым удивлением уточнил Мега.

— Не то чтобы боюсь… — уклончиво отозвался Психо, но его мутноватые глазки выдали его с головой. — Скажем так: меня томит нехорошее предчувствие…

— Пусть лучше оно тебя не томит, — коротко сказал Мега. — Что бы ни случилось, это коснется всех нас, поэтому каждый должен делать что может. Ясно?

— Да, Мега,— упавшим голосом ответил Психо.

Как только в сарае потемнело, Мега вышел на игровую площадку и поглядел в слуховое окно. Ночь была кристально-прозрачной, и первые звезды светили сквозь грязное стекло неправдоподобно ярко. На небосводе вот-вот должна была появиться полная луна, и в сарае заметно похолодало. Хранитель снова запаздывал с ужи-

ном, и норки были возбуждены сверх обычного. Когда же он наконец появился, то, заметив их состояние, положил в кормушки явно урезанную порцию, что, в свою очередь, разозлило норок еще больше. В вольере поднялся невообразимый гвалт, но Хранитель вышел, громко хлопнув дверью сарая.

Тем временем Мега чувствовал, как в глубине его души потихоньку просыпаются неистовые древние инстинкты, разбуженные полной луной, и он решил, что не станет больше слушать напуганного Психо. Нет, он пойдет вперед, поднимется над собственными отчаянием и неуверенностью и постарается подбодрить норок, нарисовав им будущее таким, каким оно представлялось ему.

— Мои норки! — крикнул он, когда на игровой площадке собралась порядочная толпа. — Я счастлив сообщить вам, что мы приблизились к нашей Земле Обетованной еще на один шаг. Горчица не только рассказала нам, как туда попасть, но и подтвердила, что лес кишмя кишит всякими тварями, на которых мы, свободные норки, сможем охотиться! Вас ожидает восхитительная реальность дикой жизни, наполненная убийствами. Вы будете впиваться в горла самых разных существ, ваши уши наполнятся криками боли и ужаса. Живая плоть будет корчиться под вами и трепетать, пока вы ищете яремную вену, чтобы вонзить в нее ваши острые зубы, и густая красная кровь будет бить фонтанами из перегрызенных артерий!

Густая красная кровь, мои норки, — вот высшее блаженство! Мы созданы для того, чтобы прильнуть к этим живительным источникам, чтобы пить из них и никогда не напиться! Представьте себе горячую кровь, мои норки! Вы будете лакать ее, будете захлебываться ею, вы сможете вываляться в ней целиком, с головы и до хвоста, вы сможете купаться в ней, бьющей фонтаном из перегрызенного горла! Все это ваше. И когда мы вырвемся на свободу, никто и ничто нас не остановит. Мы перестанем быть человеческими игрушками и станем самими собой — хищными, свободными, дикими норками.

Он сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух, и обежал взглядом десятки возбужденных морд и множество обращенных к нему блестящих глаз. Волна любви и радости неожиданно захлестнула Мегу с головой.

— Довольно хлебать помои, которыми нас кормят здесь, в вольере! — вскричал он. — Довольно жевать вываренные отбросы с человеческого стола! Хватит с нас хреновины! Нам нужна кровь, горячая красная кровь, и она у нас будет! Фонтаны крови, озера, моря!.. Мы будем разбивать черепа, чтобы высасывать мозг, мы будем убивать направо и налево, убивать кого хотим и когда хотим, потому что именно для этого мы созданы! Только тогда мы постигнем высшее наслаждение, мои храбрые норки! Только тогда мы познаем самую суть норочьего бытия. Что такое жизнь без крови? Просто существование!

— Дай, дай нам море крови! — в экстазе завопили норки.

— Обещаю вам — освобождение близко! — крикнул Мега.

— Но когда? — раздался из задних рядов одинокий голос.

Наступила зловещая тишина. Норки впервые увидели своего Вождя в растерянности; он явно не знал, что ответить.

Мега вспомнил отчаянные мольбы своего мастера-импровизатора: «Ради всего святого, Мега, только не говори о сроках! Не давай обещаний, исполнение которых от нас не зависит, иначе мы снова окажемся в безнадежном тупике!» Неожиданно Мегу охватила холодная ненависть. Кто здесь главный, он или этот недомерок?

— Вы хотите знать — когда? — крикнул он, отбрасывая всякую осторожность. — Радуйтесь, норки, наши освободители скоро будут здесь! Великий день не за горами! Это мои клятва и обещание, которое я даю вам: свобода близка!

Психо, позабыв о том, что стоит на виду у всей колонии, в отчаянии обхватил голову лапами и испустил громкий стон. Вот теперь Мега действительно пригово-

рил их всех. И исправить что-либо было уже поздно, потому что молодые норки уже затянули свой новый гимн, исполнявшийся на мотив оригинальной песни о хреновине:

— Мы и-дем! Мы и-дем! Мы идем-идем-идем!

При этом они раскачивались из стороны в сторону, поднимали вверх лапы и победоносно скалили ряды острых зубов.

— Мы и-дем! Мы и-дем!! Мы идем-идем-идем!!!..

— Да, мы идем! — закричал Мега во всю силу легких, с трудом перекрывая шум. — Победа близка, мои отважные норки! Я обещаю вам — мы скоро вырвемся отсюда!

Он не договорил, увидев, что норки вдруг замолчали и, разинув от изумления пасти, уставились на что-то у него за спиной. Мега резко повернулся и увидел, что дверь сарая открывается. Это был Хранитель, но изумило норок другое: в руке он держал маленькую клетку.

В клетке сидели две норки, которых обитатели вольера никогда прежде не видели.

Глава 28. ГЛАВНОЕ — ВЕЖЛИВО!

Возвращаясь на рассвете домой, Филин заметил на Большой поляне Жимолость, которая скакала куда-то по своим кроличьим делам. Тогда он решил пошутить. Бесшумно снизившись позади нее, Филин пронесся над самой головой крольчихи и затормозил, громко хлопая широкими крыльями.

— Привет! — жизнерадостно воскликнул он, камнем падая на траву прямо перед ней.

— Ах… — ахнула Жимолость и, попятившись, схватилась за сердце обеими лапами. — Как ты меня напугал! Я думала, не иначе как небо обрушилось.

— Тебе не повезло, это всего лишь я. — Филин ухмыльнулся. — Ладно, слушай меня: ты должна передать Лопуху, чтобы он немедленно отправлялся в Карьер. Знаешь, где это? Я буду ждать его там. Понятно?

— *Я постараюсь его найти*, — пробормотала Жимолость. — Но я вовсе не уверена, что у меня это получится, — Лоппи в последнее время очень занят, а у меня была поистине ужасная ночь! И все из-за детей. Сначала я никак не могла их уложить, потом один из малышей уговорил меня поиграть с ним, и, когда я сообразила, что к чему, вся орава снова была на ногах! Ты просто не представляешь себе, какими несносными могут быть крольчата в таком возрасте. У них уйма энергии, а один… Нет, словами этого не передать! И вообразить невозможно. Одно за другим, одно за другим, так что в результате я всю ночь не сомкнула глаз. Представляешь, я даже позабыла все, что должна была сделать сегодня! Вот например, я уже давно собиралась сходить к…

— А-а-арг-хх!

Филин издал свой самый устрашающий вопль, и Жимолость окаменела.

— Все, что от тебя требуется в данный момент, — проговорил Филин, произнося каждое слово медленно и отчетливо, словно обращаясь к умственно неполноценному обитателю лесного перегноя, — это найти Лопуха и сказать ему, что я жду его в каменоломне. Сейчас!

— Да, могучий Филин, — покорно пробормотала Жимолость и, не вступая в дальнейшие разговоры, боязливо поскакала прочь.

Но в Карьере его ждала только Маргаритка.

— Мне очень жаль, Филли,— пролепетала она,— но Лоппи пока не может подойти. Он…

— Знаю, знаю, — перебил Филин. — Наверняка он застрял на каком-нибудь заседании.

— Откуда ты знаешь? — простодушно удивилась Маргаритка.

Когда Филин позволил ей увлечь себя светской беседой, чтобы скоротать время до появления Большой Задницы, он заметил, что Маргаритка то и дело возвращается к одной теме: как это он может быть хищником и как ему, должно быть, нелегко живется.

— Я постоянно думаю, как неудачно вышло, что тебе приходится убивать, чтобы добыть себе пропитание, —

призналась она, с сожалением глядя на него. — Тебе не кажется, что это настоящий позор и для тебя, и для всех нас?

— Я ничего не могу поделать, коль скоро для того, чтобы остаться в живых, я должен питаться мясом, — проскрежетал Филин. — Ты же не хочешь предложить мне перейти на траву и желуди? Или ты добиваешься моей смерти?

— Конечно, я не хочу твоей смерти, — запротестовала Маргаритка, и голос ее прозвучал взволнованно. — Ты не должен так шутить! Разве могла я подумать о чем-нибудь подобном, особенно после всего, что ты для нас сделал? При этом я выражаю не только свое мнение, но и, смею надеяться, мнение всех Сопричастных Попечителей. Пожалуйста,

не пойми меня неправильно, я очень хорошо осознаю, ты ни капельки не виноват в том, что ради поддержания своей жизни вынужден питаться другими живыми существами, да еще проделывать это так… таким способом, который не всем нравится. Нет, я хотела всего лишь предложить… Не мог бы ты придумать что-нибудь, чтобы уменьшить страдания, которые ты причиняешь другим?

— У нас, хищников, полным-полно других дел, кроме охоты, — сухо перебил ее Филин. Неужели эта безвредная на вид крольчиха не понимает, что возможность безнаказанно критиковать его представилась ей исключительно благодаря непунктуальности ее супруга? — И позволю себе заметить, убиваем мы не для забавы и не из врожденной злобы…

Нет, мысленно поправился он, охотой, конечно, нельзя не наслаждаться. В ней есть и азарт, и восторг, и моральное удовлетворение от каждой удачи, и даже ощущение собственного могущества. И все же охота всегда оставалась не столько развлечением, сколько работой, а для хищников помельче она была работой опасной. Многие, очень многие погибали, столкнувшись с отчаянным сопротивлением жертвы. В конце концов, и от ошибок никто не застрахован. Можно неудачно приземлиться, можно врезаться во что-нибудь, можно подавиться, глотая добычу, можно подхватить заразную

болезнь… Словом, существовали десятки возможностей, И каждая могла оказаться для хищника гибельной.

Кроме того, добыча пищи требовала от хищника и немалых усилий. Она вовсе не была похожа на «охоту* за травами и другими растениями, которые никуда не убегали, а стояли на месте, покорно набирали сладкие соки и наращивали клетчатку в ожидании, пока кроликам захочется съесть их на обед. Обеды и завтраки хищников, как правило, двигались, делая все возможное, чтобы избежать клювов, когтей и зубов.

Может быть, его работа и не так утомительна и скучна, как, например, у Раки и других грачей, которые целыми днями хлопочут на пашне, выискивая в земле личинок и червячков, но все равно это труд, и от этого факта нельзя запросто отмахнуться. А ведь кое-какие разумные существа относились к труду совершенно однозначно — то есть стремились избежать его по мере возможности.

Кто-то из перелетных птиц рассказывал ему, будто в жарких странах живут существа, которые называются «львы». Семейная жизнь львов якобы устроена довольно своеобразно: охотой занимались исключительно самки, в то время как у самца только и забот, что присматривать за своим гаремом и время от времени издавать устрашающий рык.

Филин даже позавидовал этим так называемым львам. Вместо того чтобы носиться над лесом и прилегающими полями, добывая себе пропитание, он тоже предпочел бы сидеть в дупле, время от времени грозно покрикивая и вылетая из него только для того, чтобы полюбоваться закатом или размять крылья в упругих воздушных течениях.

Но как объяснить все это Маргаритке, обыкновенной крольчихе, кругозор которой лишь ненамного шире, чем у полевой мыши? К счастью, Филин вовремя вспомнил рассказ другой перелетной птицы — кажется, это была ласточка.

— Позволь мне рассказать тебе одну историю, — сказал он и увидел, как нежные глаза Маргаритки загорелись от удовольствия. — Она о звере, который на-

зывается «слон». Слон очень большой и живет далеко от нас — в жарких странах.

— Да позволено мне будет заметить, — пискнула Маргаритка, — что, несмотря на свои гигантские размеры, слон является вегетарианцем.

— Да, слон питается ветками и травой, — подтвердил .Филин и поспешно продолжил, не желая отвлекаться от темы: — Так вот, этот травоядный слон однажды пошел на прогулку и набрел на разлившийся ручей, посреди которого, на крошечном островке земли, сидело злое насекомое, которое называется «скорпион». Скорпион не умел плавать, а вода все прибывала…

— Прости, пожалуйста, — снова перебила его Маргаритка. — Почему в твоей истории рассказывается именно о слоне-мужчине? Может быть, ты не знаешь, что в настоящее время в лесу набирает силу движение против дискриминации по половому признаку и сексуальных стереотипов?

Филин замолчал и немного подумал. Потом, ухмыльнувшись про себя, решил, что если он изменит пол существ, о которых рассказывает, то история, пожалуй, только выиграет.

— Хорошо, — благосклонно кивнул он. — Это была слониха. Так вот, эта травоядная слониха, — повторил он, выделяя голосом каждое слово, — увидела, что скорпион, вернее самка скорпиона, скоро утонет. Тогда она шагнула в воду и предложила скорпионихе перенести ее на сухое место. Скорпиониха быстро вскарабкалась на спину слонихи, и та понесла ее туда, куда вода еще не дошла. Но как только они добрались до сухой земли, скорпиониха ужалила слониху. Яд был сильный, и несчастная сразу же упала на землю. Но прежде чем умереть, она успела спросить: «Почему ты так поступила?» А скорпиониха пожала плечами и ответила: «Иначе я не могу — мы, скорпионы, так устроены». Так и я, Маргаритка, не могу иначе: я филин и потому должен есть мышей и полевок.

Крольчиха уселась столбиком и озадаченно уставилась на него. Последовала долгая пауза, на протяжении которой Маргаритка сосредоточенно хмурилась.

; — Мне очень жаль, — промолвила она наконец, — но я не вижу в этом рассказе никакого смысла.

Никто не понимал эту историю сразу, услышав ее впервые. Впрочем, Филин чувствовал, что рассказ о слоне и скорпионе каким-то образом подтверждает его правоту, да и Маргаритка, излишне поспешно заговорив о другом, невольно заставила его укрепиться в своем мнении.

— Ты никогда не задумывался не о том, *что* ты делаешь, а о том, *как* ты это делаешь? — спросила она. — Мы, Сопричастные Попечители, свято верим, что все лесные жители в отношениях друг с другом должны быть если не добры, то, во всяком случае, вежливы и любезны. Скажи, тебе никогда не приходило в голову, какой огромный вклад в наше общее дело ты мог бы внести, если б был хоть чуточку полюбезнее со своими несчастными жертвами?

— Полюбезнее? — изумленно переспросил Филин. Если он и был жесток с полевками, то не сознательно. Он их просто ел.

Филин снова почувствовал себя неуверенно. О чем-то в этом роде толковал ему Марк.

Маргаритка тем временем снова наморщила лобик, и Филин невольно подумал, какой невинной и безобидной она выглядит. Крольчиха была настоящей душкой, н даже ее приступы отчаяния способны были внушить покровительственную нежность кому угодно. Любовь Маргаритки к ее более трезвому и расчетливому супругу тоже была очевидна, но какую же чушь она несла! Должно быть, она отменно хороша– в постели, если Лопух мирится с ее суждениями.

Тут Филин расхохотался, представив себе Большую Задницу, который, пыхтя, занимается с Маргариткой этим самым делом (вид сзади).

— Не понимаю, что тут смешного, — возмущенно сказала Маргаритка. — Во всяком случае, вежливое существо обязательно рассказало бы собеседнику, в чем дело.

— Ладно, считай, что у меня, как у всякого хищника, просто не хватает воспитания, — ответил Филин. — Поясни, как я могу вести себя полюбезнее.

— Как насчет того, чтобы хотя бы извиниться перед тем, кого ты собираешься убить? — осведомилась Маргаритка, вперившись в него ясным, ничем не замутненным взором. — Для начала можно представиться, а потом сделать *это* как можно быстрее и аккуратнее, чтобы не оставлять после себя неизвестно что…

Очевидно, это была свежая мысль, которая увлекла Маргаритку в другом направлении.

— Ты никогда не задумывался, как нам, вегетарианцам, неприятно и тяжело видеть тот мусор… то, что вы, хищники, оставляете после своей трапезы? Если хотя бы ты один оставлял поменьше объедков, это было бы очень полезно еще для одного нашего проекта, разработка которого сейчас идет в двух подкомитетах. Видишь ли, мы не только хотим сделать Старый Лес местом, где было бы приятно жить; мы хотим сделать так, чтобы он *выглядел* приятно. На наш взгляд, состояние лесной подстилки в некоторых районах оставляет желать лучшего, поэтому мы решили организовать группы добровольцев, которые бы на общественных началах занимались уборкой самых грязных мест. Почему бы тебе, кстати, не присоединиться к одной из таких санитарных команд? Твоя помощь могла бы оказаться поистине бесценной; мы со своей стороны были бы крайне тебе признательны, не говоря уже о том, что непривычные физические упражнения полезны для здоровья.

— А Лопух тоже будет участвовать? — прозорливо спросил Филин.

— Конечно, Лоппи очень хотелось бы возглавить одну из групп добровольцев, — с подкупающей откровенностью отозвалась Маргаритка, — но боюсь, он вряд ли сумеет выкроить на это время. Его Лесное Уложение вот-вот будет поставлено на всеобщее голосование, и он слишком занят урегулированием разнообразных вопросов с подкомитетами.

— Я так и думал, — кивнул Филин, весьма довольный тем, что наконец-то попал в яблочко. — А я слишком занят ловлей мышей, — объявил он и без всяких прощаний и предупреждений легко взмыл в воздух.

— Послушай, — донесся снизу тоненький голосок Маргаритки, — вовсе незачем быть таким грубым!

— Старина Лоппи наверняка застрял на одном из траурных митингов, — насмешливо крикнул он сверху и, развернувшись в воздухе, понесся к дальнему краю долины, быстро работая крыльями.

Глава 29. НОВЫЕ РУБЕЖИ

Мега первым осознал, что Хранитель явился сюда не из-за них; очевидно, по ту сторону сетки тоже происходили какие-то изменения. Во-первых, человек не стал щелкать своей штукой, чтобы зажечь свет под потолком; он держал в руке что-то вроде лунного луча, которым и освещал себе дорогу. Кроме того, он постоянно оглядывался через плечо, словно опасаясь нападения сзади. «Нервничает! — догадался Мега.— Нервничает почти так же сильно, как и мы».

Потом Мега посмотрел на Мату, и его сердце подпрыгнуло, когда он увидел, как ее губы произнесли: ;Вперед и выше!» Мега был убежден, что все происходящее, в том числе и клетка с двумя незнакомыми норками, непременно имеет отношение к людям-освободителям. Возможно, они напали на какую-нибудь другую колонию норбк и эти двое зверьков были оттуда.

Хранитель подошел к клетке, которая когда-то принадлежала Рамсесу, он отпер решетчатую дверцу, пересадил новоприбывших внутрь и поднял заслонку, отделявшую клетку Рамсеса от игровой площадки. Пока он возился с главным замком, Макси сверлил норок взглядом, приказывая соблюдать тишину. Наконец шаги людей затихли в отдалении.

Мата первой остановилась у входа в Рамсесову клетку, не давая новичкам выбраться наружу и не пуская внутрь старожилов. Только после этого к ней подошел Мега. Он старался двигаться как можно небрежнее, хотя в глубине души был благодарен Мате за ее сообразительность и быстроту. Наверное, ему слишком сильно

хотелось, чтобы новоприбывшие норки оказались тем самым знаком свыше, которого он так ждал, и поэтому оттягивал момент, когда он узнает правду.

Неистовствующая толпа норок расступилась перед ним. Мега заглянул в клетку. Новички поглядывали на него приветливо.

— Заходи! — весело крикнул один из них и сделал лапой приглашающий жест. — С твоего позволения мы представимся: я — М-Первый, а это М-Второй, мой брат-близнец и личный секретарь. Мы очень рады. Заявляю это сразу же, потому что — я уверен — мы обязательно подружимся. Правда, Второй?

— Я абсолютно в этом уверен, — кивнул Второй. — Я уже предвижу продуктивное сотрудничество на всех уровнях и…

— Возможно, мы сумеем изобрести что-нибудь грандиозное!

— Бесспорно! Это будет глобальный проект. Кстати, как тебя зовут?

И оба синхронно улыбнулись Меге.

— Кем бы вы ни были и откуда бы ни попали к нам — перестаньте тарахтеть! — строго приказал Мега, пытаясь скрыть свое удивление.

С этими словами он развернулся и выскочил наружу, где Макси и его накачанные норковороты с трудом сдерживали возбужденную толпу. Кивком головы Мега подозвал к себе Психо и Мату.

— Эта парочка кажется мне довольно странной, — шепнул он своим соратникам. — Помогите мне допросить их, прежде чем мы позволим им общаться с остальными.

— Массам это не понравится, — обеспокоенно вставил Психо. — Они хотят поговорить с новичками сейчас же!

— Ничего, придется им это проглотить, — резко ответил Мега. — Когда они наконец поймут, что не могут получить все сразу?

— Никогда, — буркнул Психо себе под нос.

— Ты что-то сказал? — переспросил Мега.

— Нет, Мега, я просто думал вслух.

. — Смотри!..— с угрозой проговорил Вождь. Впрочем, несмотря на все свои усилия, он казался таким же взбудораженным, как и остальные. Интересно, что это с ними со всеми такое?

— Никого не пропускать, Макси! — приказал тем временем Мега и, не обращая внимания на разочарованный стон толпы, снова юркнул в клетку, сделав Психо и Мате знак следовать за собой.

— Привет, ребята! — поздоровались с ними М-Пер-вый и М-Второй. — Похоже, у нас теперь будет настоящая компания! Вы, верно, местные руководители? Лидеры общественных институтов? Позвольте выразить вам нашу сердечную благодарность за внимание, которое вы к нам проявляете. А теперь давайте перейдем к делу. Для начала мы хотели бы рассказать вам о себе…

— Слушайте меня! — прорычал Мега, как только сумел вклиниться в поток болтовни. — Скажите, когда люди-освободители напали на вашу колонию?

— Колонию? — удивился М-Первый, поворачиваясь к брату. — Что такое колония, Второй?

— Я как раз хотел спросить у тебя, — небрежно-развязно ответил его близнец. — Впрочем, возможно, именно в колонии мы сейчас находимся. Одно можно сказать с уверенностью — это не лаборатория.

Настал черед Меги задавать вопросы.

— Что такое рабола… лаборатория? — спросил он, яростно раздувая ноздри. Что-то в этой парочке задело его за живое.

— Как бы тебе объяснить… В общем, лаборатория совсем не похожа на этот ваш сарай, — ответил Первый, принюхиваясь к запахам, доносящимся из переполненной уборной.— Я бы сказал, что она, гм-м… относится к постройкам несколько более современного типа. Со всеми вытекающими благами цивилизации. То есть *не* вытекающими. Никуда и никогда.

— В общем, местечко классом повыше, — поддержал М-Второй, с отвращением морща нос.

— Но что это все-таки такое?! — вскричал Мега, выйдя из себя.

Мата и Психо обменялись встревоженными взглядами: применительно к сложившейся ситуации их Вождь действовал не лучшим образом.

— Позволь мне поговорить с ними, Мега, — осторожно вмешалась Мата и повернулась к обиженно молчащим братьям. — Меня зовут Мата, — представилась она.— Это Мега, наш Вождь. А это Психо. Вы абсолютно правы — мы действительно руководим здешней колонией.

Это формальное представление, казалось, успокоило новичков.

— Нас зовут М-Первый и М-Второй, и мы — близнецы, — повторил Первый. О родстве он мог бы и не упоминать — эти двое были так похожи друг на друга, что сказать, кто есть кто, было практически невозможно. — Как я собирался сказать, когда меня так бесцеремонно прервали, — присовокупил он, — мы долго жили в лаборатории, где занимались в высшей степени серьезными изысканиями наравне с людьми.

При этом он улыбнулся Меге с чувством собственного превосходства, в то время как его брат смотрел на вошедшую троицу с некоторым отчуждением во взгляде.

— Это было очень сложное исследование, так что вы, живя в этом своем сарае, вряд ли поймете хоть слово, если я возьмусь объяснять, — продолжал Первый высокомерно. — Мы, видите ли, были частью специального проекта, цель которого состояла в исследовании возможностей головного мозга норок. Эксперименты проводились на протяжении нескольких месяцев в условиях жесткой конкуренции со стороны других животных и даже птиц. Надеюсь, нет нужды особо упоминать, что, будучи норками, мы неизменно решали все поставленные перед нами задачи с блеском.

Три морды по-прежнему сохраняли непроницаемое выражение, и Второй подхватил эстафету.

— Вам достаточно знать результаты эксперимента в целом. Мы, М-Первый и М-Второй, наделены незаурядным интеллектом, — отбарабанил он. — Только не подумайте, будто мы это сами определили. Так сказали люди. Тесты, которые они проводили, показали, что мы

заметно превосходим все остальные виды живых существ по КУР — коэффициенту умственного развития. Иными словами — и мы ничуть не против того, чтобы и вы это знали, — мы умны, и не просто умны, а чрезвычайно умны. В этой связи представляется маловероятным, чтобы мы, при всем нашем уважении к вам лично, остались в этом второсортном вольере надолго. Мега громко зашипел, но под взглядом Маты сразу опомнился и затих.

— Как это интересно! — воскликнула она с воодушевлением. — Вы должны обязательно рассказать мне обо всем, прежде чем покинете нас. Кстати, первое, что мне хотелось бы узнать, это почему вы оказались здесь, если вы такие умные?

— Честно говоря, мы сами точно не знаем, — ответил М-Первый, обнаруживая первую трещину в блестящем фасаде своего заносчивого всезнайства. — Наша программа была почти закончена, когда по лаборатории поползли слухи о каких-то неприятностях с курящими собаками*1* . В конце концов мы все оттуда переехали: вы ведь знаете людей — если они что-то решают, то все происходит очень быстро. В общем-то, во многих отношениях они выдающиеся существа, вы не находите?

Он со свистом втянул сквозь зубы воздух и затряс головой в знак восхищения.

— Потрясающие животные! — подхватил Второй. — Видите ли, в наши обязанности входило изучать людей, пока они изучают нас, и должен сказать, для обеих сторон это общение оказалось в высшей степени плодотворным. Мы оба — мой брат и я — почти полюбили их. А сколько нового мы за это время узнали! Не станем утверждать, будто мы выяснили все, что только возможно, однако нам удалось открыть нечто весьма любопытное. Да, любопытное! Я думаю, мы можем с полным на то основанием считать, что изучили людей, так сказать, вдоль и поперек. Впрочем, самая важная

1 М-Первый буквально пересказывает услышанное от людей. Но выражение «курящая собака» (smoking dog) в английском языке означает также «бездельник» (тот, кто злоупотребляет перекурами).

вещь, которая имеет к вам непосредственное отношение, это то, что в своих исследованиях мы вплотную подошли к области, изучать которую мы хотели бы в тесном сотрудничестве с вами.

Право голоса перешло к другому брату — М-Перво-му. Или это был М-Второй?

— Мы уверены, что вам это понравится, — ухмыльнулся он, словно уже охваченный благородной исследовательской лихорадкой. — Для начала мы должны наметить рубежи и определить отправную точку. Потом я возглавлю групповую дискуссию, чтобы спланировать кампанию. И все же давайте для начала хотя бы приблизительно выясним: где мы? Скажите, вы все живете в этих клетках?

— Ну-ка заткнись! — грозно рявкнул Мега и топнул по полу лапой.

Хватит с него этой хреновины, решил он. Слушая потоки беззастенчивой саморекламы, Мега не мог не понять: эти двое действительно умны; но их наглость переходила всякие границы. Кроме того, они были слишком гладкие, слишком упитанные, а их слегка серебристый мех так мягко мерцал и переливался, что по сравнению с ними даже мех Маты казался грубым и тусклым. Определенно, эта парочка питалась чем-то получше их каждодневных помоев. И они явно считали себя очень важными персонами, с какими никто из их собеседников еще никогда не сталкивался: учеными норками. «Лихие ребята!» — несомненно, именно так они оценивали впечатление, которое произвели на слушателей их эффектная внешность и манеры, но Мега уже решил, что «скользкие» было бы гораздо точнее. Они слишком напоминали Психо, но были еще хуже — если, конечно, такое возможно. Во всяком случае, братья казались гораздо более умными и еще более болтливыми. А как ловко они управлялись с длинными словами!

Между тем близнецы растерянно пожали плечами и обиженно переглянулись. В чем их ошибка? Почему клиент так расстроен? В конце концов, они говорили достаточно прямо и откровенно. Должно быть, это временное недоразумение произошло только из-за того, что

обитатели колонии не привыкли к норкетингу, то есть к маркетингу в интересах норок. Скорее всего, так и есть, если единственным местом, которое они знают, является их собственный сарай. Следовательно, первым делом их необходимо просветить, познакомить с главенствующими концепциями и основными показателями, вокруг которых вращается наука о рынке, а там дело пойдет само собой.

М-Первый нахмурился, давая знак близнецу помолчать.

— Может быть, вы просто не поспеваете за нами, джентльмены и леди? — сочувственно осведомился он. — Может быть, вы сами хотите подкинуть нам пару вопросов? Не беспокойтесь, мы в состоянии с ходу ответить на девяносто девять процентов вопросов, которые обычно задают в подобных случаях.

Мега действительно хотел кое-что подкинуть этим скользким парням, но только не вопросы. Оглянувшись, он увидел, что мутные глазки Психо заблестели от восторга. Перехватив взгляд Вождя, Психо мотнул своей остроконечной головой, приглашая Мегу выйти и поговорить без свидетелей.

Идея показалась Меге совсем неплохой. Это был именно тот случай, когда только Психо способен был объяснить ему, что, собственно, происходит.

— Ну? — требовательно спросил Мега, как только он, Психо и Мата протолкались сквозь толпу и уединились в его клетке. Мату он не звал, но она пришла непрошеной. — Что скажешь? Только в двух словах, не больше…

Его мастер-импровизатор был немногословен, когда видел Вождя настроенным столь решительно.

— Хорошие новости, — отозвался он незамедлительно, использовав ровно два слова.

— Мата?

— Тебе везет, Мега. Долгожданные перемены приходят как по заказу, — проговорила она. — И каждая предвещает еще большие изменения.

Мега уставился на нее, чувствуя себя разочарованным. Мата часто говорила загадками, ничего не объясняя. Мега был уверен, что так или иначе им удастся использовать этот экстравагантный дуэт, который так неожиданно свалился им на головы. Но — увы! — вовсе не для того, чтобы бежать; это он почувствовал сразу и со всей определенностью. Их нельзя было назвать здоровяками, и, судя по всему, они вряд ли знали, как вырваться из клетки при помощи хитрости. И все же их норкетинг — или как там это называется — мог оказаться весьма полезным в других условиях и при других обстоятельствах. И при этом самое главное — Первый и Второй вряд ли представляли опасность лично для Меги и для его власти. Скорее наоборот — они были бы рады служить ему верой и правдой.

— Что нам с ними делать? — спросил он у Психо.

Мастер-импровизатор ответил не сразу; он явно пытался разобраться в своих собственных мыслях и чувствах. С одной стороны, новички принадлежали к норкам того типа, о котором Психо отчаянно тосковал. Как и он, Первый и Второй не полагались на грубую силу, а старались думать головой. Стоит ему только освоиться с их заумным языком, и он сможет выйти на совершенно новый уровень. Вместе они сумеют напридумывать такого, что ему и не снилось! С другой стороны, Психо не мог не видеть, что со своей ученостью и колоссальным запасом бесценных сведений Первый и Второй могли легко затмить его и отодвинуть на второй план.

— Мы можем использовать их, Мега, — ответил наконец Психо, с осторожностью выбирая слова. — Но не сейчас. Сейчас еще рано. Главная опасность, как мне представляется, состоит в том, что они пытаются выносить суждения на основе самых первых, поверхностных впечатлений, хотя, надо отдать им должное, учатся они действительно быстро. В первую очередь мы должны, фигурально выражаясь, дать им по башке, то есть сбить с них спесь. Со временем они адаптируются, и тогда с ними можно будет иметь дело.

Мега улыбнулся. Он и сам так думал, и Психо только подтвердил его собственные мысли.

— Каким же способом мы сможем на время вывести их из игры? — спросил он.

. — Можно подвергнуть их остракизму, — тут же предложил Психо, хитро ухмыляясь. — Впрочем, можно просто запретить им общаться со всеми норками, кроме меня. Таким образом, я узнаю, что у них на уме, и сразу доложу тебе.

Мега пристально посмотрел ему прямо в глаза; ухмылка Психо погасла, и мастер-импровизатор затрепетал. Несомненно, Мега почуял, что в предложении визиря таится угроза его короне.

— Это устроило бы тебя как нельзя лучше, не так ли? — спросил Мега с жесткой улыбкой — Ну что ж, тебе повезло: меня это тоже устраивает. Короче, Психо, они твои. Пока…— сказал Мега, и его улыбка стала чуть более дружелюбной. — Как только у тебя сформируется какое-то определенное мнение, немедленно доложи мне. А сейчас давайте покажем их остальным.

Глава 30. ТУДА!

Как только за стенами сарая захрустела под чьими-то шагами прихваченная морозцем трава, Мега мгновенно сел и насторожил уши. Сегодняшняя ночь выдалась не из легких. Сначала он произнес перед норками речь, в которой обещал скорое освобождение, потом Хранитель запустил в вольер двух новичков, а под конец в пыльном стекле слухового окна появилась такая полная и яркая луна, что колония совершенно обезумела. И только теперь, в самый темный предрассветный час, колония наконец успокоилась и норки, утомленные физически и опустошенные эмоционально, разбрелись по своим клеткам.

Один лишь Мега не спал. Он долго вспоминал мать и даже мысленно разговаривал с нею, однако все это время он слышал, как шкуру его покалывают тоненькие иголочки предчувствия. Когда снаружи донесся этот легкий шум, Мега инстинктивно понял, что момент, о котором он столько мечтал, наконец настал. И дело было совсем не в том, что час был поздний, а шаги — незнакомые; Мега все равно ничего не знал о повадках и обычаях освободителей. Просто он *знал:* это они, — и логика была тут ни при чем.

Поэтому он только молча поблагодарил Шебу, ласково упрекнув ее за то, что ждать пришлось так долго.

Кто-то возился с замком на воротах сарая; потом послышались приглушенные человеческие голоса и серия тупых ударов. Наконец что-то звякнуло, створки ворот распахнулись, и в полумраке возникли две человеческие фигуры.

Мега застыл неподвижно, припомнив известную ему со слов Шебы историю о необычайной пугливости освободителей. Другие норки наверняка уже поняли, что это не их ненавистный Хранитель, но многие ли догадались, что перед ними долгожданные освободители? Стоит кому-то зашуметь, и люди убегут.

Яркий-луч света неожиданно прорезал темноту. Он скользнул по клеткам, и Мега на мгновение ослеп. Разбуженные норки заметались по клеткам, и черепичная крыша сарая отозвалась на топот их маленьких лапок неожиданно гулким и зловещим эхом. Между тем люди крадучись двинулись по проходу, и уверенность Меги возросла. Все чувства Меги обострились — даже на расстоянии он слышал сдерживаемое дыхание освободителей. Каждое их осторожное движение буквально кричало о том, что они знают: они ни в коем случае не должны быть в этом месте и в этот час!

Провожая глазами две тени, Мега припомнил неясный намек Маты. Неужели она догадалась, что появление двух новичков и есть тот знак, которого он ждал? Скорее всего, люди-освободители явились сюда по следу лабораторных норок, так что одно событие совершенно недвусмысленно предвещало второе.

— Ты была права, Мата! — прошипел он, повернувшись к стене, разделявшей их клетки.

— И ты был прав, Мега, — раздалось в ответ. Тут Мега услышал какой-то резкий звук и, изогнув

шею, прижался головой к проволочной сетке, стараясь

увидеть дальний конец прохода. Так и есть! Человек, возившийся возле первой клетки, отступил, и передняя сетчатая стенка свесилась почти до пола.

Мега почувствовал огромное облегчение и восторг. Последняя преграда готова была вот-вот исчезнуть. Обещанная свобода была совсем рядом — стоило только чуть-чуть подождать! На всякий случай он сел в самой середине своей клетки, чтобы должным образом приветствовать человека-освободителя.

Так, дрожа от волнения и восторга, он ждал, пока один из людей не добрался до его клетки и не начал возиться с проволокой. Мега воспользовался этой возможностью, чтобы получше его рассмотреть. Он ожидал увидеть воплощение красоты и благородства, однако лицо, которое Мега видел перед собой, мало чем отличалось от лица Хранителя. Разве что оно было до половины покрыто шерстью, но такое лицевое украшение норки видели и у других людей, изредка заходивших в сарай.

Принюхавшись, он обнаружил, что от освободителя пахнет так же скверно, как и от остальных людей. Человеческий запах всегда казался норкам отвратительным, но от этого воняло с особенной силой, так как, несмотря на холод, он обильно потел от волнения и от страха.

Но самым странным ему показалось, что освободитель совсем на него не смотрит. Наоборот, орудуя каким-то блестящим инструментом, который перекусывал проволоку как солому, он старательно отводил глаза, стреляя взглядом по сторонам.

«Нет, так не пойдет,— подумал Мега. — Должны же мы обменяться взглядами хотя бы в знак взаимного уважения?» И он сосредоточил свой взгляд на самой макушке склоненной перед ним головы, отчаянно желая, чтобы человек поднял глаза. Прошло всего несколько секунд, и, к своему смятению, Мега вдруг почувствовал, что от освободителя распространяются флюиды страха. Но чего боится человек? Ведь не его же?!

Справившись с растерянностью, Мега снова сосредоточился на человеке. И увидел, как его голова медленно. словно под воздействием его взгляда, приподнимается! Еще мгновение — и их глаза встретились, причем у Меги создалось впечатление, будто это он не дает человеку снова опустить голову или отвернуться.

Пристально глядя освободителю в глаза, Мега вспомнил, каково им было встречаться со взглядом Хранителя. Несмотря ни на что, норки пасовали перед ним и всегда уступали. Но сейчас все было по-другому. Он напряг свою волю и заглянул поглубже в душу человека. И понял, кто здесь норка, а кто — добыча. Он, Мега, был подлинным хозяином положения. Он, Мега, диктовал человеку. Он понимал человека, а тот не знал и не понимал его.

Наслаждаясь своей властью, Мега продолжал удерживать взгляд человека еще несколько секунд, потом улыбнулся — медленно, неторопливо, как настоящий хищник. «Ты — просто инструмент,— словно говорил он. — Отмычка, моя отмычка. Ты не знаешь, что делаешь, и не понимаешь почему. Это я призвал тебя сюда, это мое дело — понимать и принимать решения. Спасибо тебе, ничтожество. Спасибо за то, что ты пришел выпустить на свободу тех, кого не знаешь и не понимаешь, потому что, если бы ты знал, кто мы такие — *что мы такое,* — ты бы и близко не подошел к нашим клеткам».

Наконец Мега отпустил свою жертву. Он добился, чего хотел, — утвердил свое превосходство. Теперь он точно знал, какое место отведено норкам во внешнем мире. Нет ничего удивительного, что люди держали их за решеткой, — ведь даже освободители их боялись.

Наконец последний гвоздь со скрипом вылез из деревянной стойки каркаса, перекушенная проволока упала, и освободитель шагнул к следующей клетке, продолжая смотреть в пол. Мега больше не обращал на него внимания. Он мог наконец видеть окружающее целым, не рассеченным на квадраты ржавой проволокой, которая постоянно маячила у него перед глазами с тех самых пор, как открылись его слепые глаза. Ощущение было непередаваемое, удивительное. Можно было подумать, что со всего вокруг упала какая-то волшебная пелена.

Мега был уверен, что теперь он сможет яснее увидеть даже морды, которые прежде лишь мерещились ему в древесных рисунках на стенах.

Он дождался, пока освободитель добрался до конца ряда клеток и, то и дело цепляясь ногами за сетку, которая в беспорядке валялась в проходе, прокрался к дверям. Здесь к нему присоединился второй, и оба шагнули на порог. На мгновение задержавшись в дверях, они выключили свои лунные лучи, слегка помахали рукой на прощание и растворились в темноте.

Сквозь открытые ворота в сарай ворвался порыв холодного ветра. Он унес куда-то запахи выгребной ямы и улетел прочь, и в сарае установилась неестественная тишина. Казалось, само время остановилось.

Как и остальные норки, Мега застыл на пороге своей клетки. Следующий момент должен был стать для него моментом истины. Согласно доктрине Старейшин, если только кто-нибудь осмелится выйти из клетки и коснуться лапами поверхности грубого стола, на котором они были установлены, именно в это самое мгновение должно было рухнуть небо. Покуда никто из норок не переступил порог: все они сидели у порогов своих клеток, не решаясь сделать последний шаг.

Зачарованную тишину нарушил лихорадочный шепот норок, раздавшийся сразу со всех сторон. Кто-то утверждал, что все это — коварная ловушка, остальные вторили, согласно повизгивая. Эти голоса заставили Мегу прийти в себя. Он должен действовать, пока вирус нерешительности и страха не поразил всю колонию!

Превозмогая себя, Мега сделал крошечный шажок и снова остановился. Умом он понимал: ничто не препятствует ему двигаться дальше, но в душе все еще не верил, что решетки больше нет. Что, если невидимая граница не пропустит его? Что, если он так и не сумеет найти в себе сил сломить укоренившуюся привычку?

Потом Мега вспомнил последние слова матери, которые доносились до него из шевелящегося холщового

мешка в руках Хранителя: «Будь готов, мой сын! Будь готов!*

«Я готов! — мысленно ответил ей Мега, стараясь справиться с непривычной робостью. — И всегда был готов*. Слишком долго он хранил верность наказам матери, чтобы подвести ее сейчас.

Медленно переставляя непослушные лапы и волоча брюхо по земле, Мега подошел к самому краю — туда, где раньше проходила проволочная граница.

— Хрень-хрень-хрень, хреновина! — громко запел он. — Хранитель — это хреновина!

Он был вознагражден робким хихиканьем, донесшимся до него из ближайших клеток. Между тем атмосфера в сарае сгустилась до предела: каждый знал, что следующий же маленький шажок Меги будет огромным шагом вперед для всех.

Как только его передние лапы коснулись твердой поверхности стола, он ненадолго замер, чтобы принюхаться, но потом припомнил совет Психо — выглядеть как можно беспечнее, словно он просто прогуливается.

Остальные норки, с напряженным вниманием следившие за Мегой из своих клеток, затаили дыхание. Даже нервное хихиканье прекратилось. Их лидер излучал небывалую уверенность, словно все падающие небеса в мире ни капли его не волнуют. На самом деле сердце у Меги билось в ожидании сокрушительного удара, как у пойманной птицы.

«Берегись! — подсказывал ему разум. — Берегись переступать порог клетки!»

Мега ступил на стол задними лапами и с осторожностью огляделся. Вокруг по-прежнему была тишина. Небеса никуда не падали, и все — абсолютно все — выглядело как обычно.

Ничего подозрительного. Самая страшная угроза Старейшин так и не сбылась. Люди-освободители исчезли, словно их никогда и не было, и только зияющие клетки и бессильно повисшая проволока доказывали, что это был не сон. Дверь сарая тоже стояла открытой, чего раньше никогда не случалось.

Потом Мега увидел, как из своей клетки выбирается Мата. Он с облегчением улыбнулся ей, но Мата лишь вскользь посмотрела на него и повернулась спиной с таким видом, словно это она все устроила. Чтобы скрыть смущение, Мега с самым небрежным видом махнул лапой и сделал оскорбительный жест в сторону жилища Хранителя. Это движение считалось в колонии таким вульгарным, что норки снова захихикали. Успех воодушевил его, и следующее телодвижение было еще грубее. Ничего особенно смешного в этом, конечно, не было, однако ему удалось хотя бы отчасти снять напряжение, которое никак не отпускало норок.

Никаких особенных препятствий своим планам Мега не видел, но и терять время не следовало.

— Макси! Ко мне! — громко прокричал он.

Подготовкой норок к этому решающему моменту занимался в основном Макси. Правда, он при всем желании не мог создать для тренировок условия, которые хотя бы приблизительно имитировали реальную свободу. Как он часто жаловался Меге, главная трудность заключалась в том, что не все молодые норки верили в «эту затею с побегом» и потому многие воспринимали тренировки просто как новую игру. Только теперь, когда по приказу Меги Макси скомандовал «Выходи!», должно было выясниться, насколько он преуспел.

Некоторые норки подчинились приказу мгновенно. Без вопросов или возражений, они, словно загипнотизированные, шагнули через порог своих клеток и оказались на столе. Только тут до них дошло, что, собственно, произошло. Большая же часть норок скорчилась в самых дальних и темных углах клеток. Эти не отзывались и не реагировали даже тогда, когда Макси выкрикивал свою команду буквально им на ухо.

Отчаявшись, Макси бросился к Меге:

— Они не хотят выходить, босс. Прикажи, и мои норковороты выволокут их за хвосты.

Мегу новость нисколько не удивила. Он с самого начала знал, что за ним последуют далеко не все норки.

Эпизод с Психо, когда мастер-импровизатор прошелся насчет «ловкой выдумки со свободой», наглядно продемонстрировал, что даже ближайшие сподвижники не до конца разделяли его взгляды.

Впрочем, Мега заранее решил, что подвергнутых остракизму Старейшин он оставит в вольере, и даже если, кто-то из презренных «бывших» попытается покинуть свою клетку, он прикажет Макси затолкать их обратно. Не особенно нужны были ему и норки старшего поколения. Он хотел видеть в своей стае только активных, дерзких норок с горячей кровью в жилах, готовых на все ради свободы и приключений, а вовсе не зануд, неспособных принять решение и осуществить его.

— Скажи им: сейчас или никогда, — велел он Макси. — Если же не тронутся с места, оставь их в покое. Все это не относится к двум новеньким. Любыми средствами заставь их идти с нами.

Потом он глянул туда, где Мата собирала на столе своих «воительниц», и кивнул ей. Оба спрыгнули на пол одновременно, увлекая своим примером остальных. Большинство норок, не разобравшись, последовали за предводителями, заодно столкнув вниз и тех, кто растерялся или замешкался на краю. Многие тут же запутались в лежащей на полу проволоке. Другие, среди которых оказалось несколько «воительниц», остались наверху, не решаясь сделать решающий шаг через край.

— Прыгайте, мои норки! Прыгайте! — зашипел на них Мега.

Мата повторила его призыв, а Макси, вскарабкавшись по свисающей сетке обратно на стол, принялся носиться вдоль клеток и, подталкивая замешкавшихся, выкрикивал свой ультиматум: «Сейчас или никогда!»

Еще несколько норок спрыгнули на пол, но остальные так и остались наверху — кто забившись в угол клетки, кто балансируя на краю стола.

Пока Мега и Мата, задрав головы, смотрели, что творится наверху, молодые норки успели выпутаться из сетки и, напрочь позабыв тренировки, которые проводил с ними Макси, принялись исследовать новую обстанов-

ку, возбужденно вереща и выкрикивая хором: «Мы идем! Мы идем!» Стройный план побега трещал по всем швам. Макси тяжело плюхнулся на пол.

— Построиться! — крикнул он так громко, как только осмелился, и махнул лапой своим низколобым норковоротам, приказывая помочь делу несколькими укусами.

Колонна оказалась намного короче, чем Мега рассчитывал. Впрочем, решил он, больше и не нужно. Встав во главе строя, он бросил последний злобный взгляд наверх — туда, где на краю стола, как на галерее, еще виднелись те, кто не захотел или побоялся прыгнуть.

— Предатели! — прошипел он и решительно зашагал к воротам. Мата последовала за ним, а-за вожаками потянулись и остальные.

Большинство из них, однако, еще не до конца осознали случившееся и двигались точно во сне, слепо повинуясь командам, которыми сыпал Макси. Многие замешкались у дверей сарая, словно вспомнив предсказанный Старейшинами конец света, однако напиравшие сзади товарищи и несколько удачных тычков со стороны норковоротов помогли им справиться с нерешительностью и преодолеть последний порог.

Их настроение переменилось самым удивительным образом, когда, задрав морды, норки увидели ничем не замутненное ночное небо во всей его звездной красе. И не только небо, с которым они были худо-бедно знакомы по тому крошечному кусочку, который виднелся в пыльном стекле слухового окна. Полная луна все еще плыла по небосводу, заливая окрестности неярким серебристым светом, а лежащий на траве иней сверкал и переливался под ее холодными лучами. Дружный вздох пронесся по рядам норок и унесся вверх вместе с паром их дыхания, и они мгновенно позабыли о своих бывших товарищах, оставшихся в развороченном вольере.

— Как красиво, Мега! — воскликнула Мата.

— Удивительно! — согласился Мега, у которого при виде окружающих просторов слегка перехватило дыхание. Здесь, на открытой местности, вне замкнутого пространства вольера, он чувствовал себя совсем малень-

ким. — Смотри, сколько неба, Мата! Я и не знал, что его может быть так много!

Обещая норкам свободу, Мега даже не подозревал, что за порогом клеток их встретит такое великолепие. Ничего подобного ни он и никто из его товарищей никогда не видел. Все, что окружало их совсем недавно, исчезло. Не было ни стен сарая, ни крыши над головой, ни вечно маячащей перед глазами мелкоячеистой ржавой сетки. Даже земля под их лапами казалась по-особому твердой, во всяком случае, пол в вольере был совсем другим. И неудивительно, ведь они стояли на краю мира — нового мира, который будет принадлежать им…

Мега первым почувствовал, как еще раз изменилось настроение норок. Вместо душевного подъема и энтузиазма пришел страх. Новый мир не только восхищал — он еще и пугал, пугал своей огромностью и загадочностью.

Это откровение пришло столь неожиданно, что несколько норок не выдержали и с писком бросились обратно в сарай — в свое хорошо знакомое и привычное убежище. К счастью, Макси предусмотрел такую возможность и поставил в арьергарде самых злобных и свирепых норковоротов. Беглецы, увидев, что дорогу им преграждают два ощетинившихся силача, замешкались и, неуверенно потоптавшись на месте, словно овды, бросились обратно, надеясь обрести спокойствие и душевное равновесие среди товарищей.

Мега и Мата стояли рядом. Норки-«воительницы» Маты смешались с остальными с молчаливого согласия предводительницы, а сама она выбрала себе место рядом с Вождем. В эти минуты между ними установилась почти родственная близость. Оба вместе и каждый по отдельности, они были совершенно уверены, что этот широкий мир и есть настоящий дом норок. Созданный для того, чтобы они им правили, он не страшил ни Мату, ни Мегу. Условности и ограничения, которыми была полна жизнь в клетках, отпали все разом, словно слезающая со змеи кожа, и они, онемев от восторга и гордости, победоносно переглянулись

— Вперед и выше! — воскликнула Мата, улыбаясь.

Мега тепло улыбнулся в ответ. Потом его внимание переключилось на Макси, и он с облегчением увидел, что его военный советник не утратил контроля ни над собой, ни над ситуацией и продолжает следовать разработанному плану.

«После того как мы вырвемся из клеток, — подчеркивал он, — необходимо постоянно двигаться. Останавливаться нельзя. Если мы дадим массам время задуматься, их воображение может разыграться и нарисовать им такое, что они поддадутся панике и разбегутся».

Макси был прав. Закатив глаза или зажмурившись, чтобы хотя бы таким способом оградить себя от пугающей реальности, норки сбились в кучу, толкаясь и повизгивая, словно слепые щенки, отыскивающие в густой шерсти сосцы матери. Лишь Макси и его

свирепая гвардия носились вокруг и, щедро раздавая затрещины и покусывая выставленные зады, шипели:

— Эй, здесь вам не тут! Вы что, пришли любоваться природой?! Быстро построиться! Мы выступаем*г* выступаем!

В соответствии с «Планом А», который Макси тщательно продумал и обосновал, следующей их задачей было незаметно выбраться с территории фермы. При этом особое внимание следовало уделить тому, чтобы стая держалась вместе.

Никто из них, проведших в заточении всю свою жизнь, не был, да и не мог быть ни физически, ни морально готов к тому, чтобы выйти в новый для себя мир. Именно поэтому Психо постоянно твердил, что всем им необходимо держаться группой. Когда — *если,* как втайне думал мастер-импровизатор, — норки окажутся за пределами клеток, групповое сознание поможет им освоиться с непривычной обстановкой лучше и быстрее, чем что-либо еще. Какой бы неповторимой индивидуальностью ни считала себя каждая норка, ни одна из них не привыкла к самостоятельному, независимому мышлению. И если падающее небо Старейшин оказалось полной хреновиной, то трудности и опасности внешнего

мира были более чем реальны. Даже для норок, великих всепобеждающих норок, единственным способом справиться с ними было держаться друг друга.

«Кстати, где Психо?» — неожиданно подумал Мега, оглядываясь по сторонам. В конце концов он заметил его в самом безопасном месте — в центре толпы.

— Эй, что ты там делаешь? — прошипел он, машинально отметив, как странно, словно чужой, звучит на открытом воздухе его голос.

— Я это… ничего. Со мной все в порядке,— раздался в ответ дрожащий голосок. — Во всяком случае, я так думаю…

Мега не удержался и прыснул. И это называется «все в порядке»… Насколько он помнил, он еще ни разу не видел Психо — и никакую другую норку — таким ошеломленным. По крайней мере, этот случай научит маленького негодяя, как не верить своему Вождю!

Но на злорадство времени не оставалось. Оставив Мату и Макси наблюдать за порядком, Мега крадучись побежал на рекогносцировку. Прежде чем пересечь двор, необходимо было убедиться, что ничьи глаза их не увидят.

Но стоило только Меге выглянуть из-за угла, как в ход событий вмешался новый, не предусмотренный «Планом А» фактор. Через двор, развратно виляя задом, неторопливо трусила Пуссли.

— Убей! Убей! Убей! — в один голос завопили все инстинкты Меги.

Часть III

Глава 31. СИМ УХВОСТОВЕРЯЕТСЯ…

Из пасти кошки свисало обмякшее тельце мыши. Должно быть, Пуссли охотилась **в** амбаре и потому не заметила ни людей-освободителей, ни событий в сарае. Теперь она не торопясь возвращалась в дом.

Хрен с ним, с «Планом А»! Разве можно упустить такую замечательную возможность отведать свежей крови — первой крови на свободе! — и заодно свести старые счеты с заклятым врагом? Нет, они обязательно должны дать Пуссли понять, что она жила в мире, который по праву принадлежит норкам, и. что больше она здесь жить не будет.

Макси призвал своего Вождя к осторожности.

— Нужно придерживаться плана, босс, — шепнул он, приглаживая встопорщенные усы. — Если напасть сейчас, это может привести к нежелательным осложнениям. К счастью, остальные еще не видели Пуссли, и, если мы ничего им не скажем, все еще может кончиться благополучно.

— Но неожиданность на нашей стороне! — воскликнул Мега, потрясенный словами своего военного советника. — Даже ветер дует в нашу сторону. Кроме того, при нашем численном преимуществе ее не спасут и девяносто девять жизней!

Макси свирепо дернул себя за усы. Он очень хорошо знал, почему, несмотря на свою незаурядную физическую силу, он ни разу не попытался бросить вызов Меге. Если бы он победил, то сам бы стал вождем и ему пришлось бы самостоятельно решать десятки неразрешимых задач. Нет, всем другим возможностям Макси определенно предпочитал то место, которое занимал сейчас. Пусть босс присматривает за ситуацией в целом и определяет стратегию, он же займется тактическими и организационными вопросами. «План А», который Макси разрабатывал с великим тщанием и любовью, как раз и предусматривал все, что можно было предусмотреть, ибо больше всего Макси боялся спонтанно возникающих непредвиденных ситуаций, вынуждающих на мгновенные решения. А от предложения Меги и веяло именно этим — нестабильностью и спонтанностью.

— «Планом А» предусматривается, что на втором этапе побега нам надлежит покинуть территорию фермы как можно тише и незаметнее, — процитировал Макси, приходя в еще большее волнение,— Я не сомневаюсь, мы одолеем Пуссли, но подумай о шуме и общей тревоге.

— Разумеется, это будет громкое дело. — Мега недобро усмехнулся и облизнулся в предвкушении. — Славное и громкое дело.

Пуссли остановилась посреди двора и принялась играть с мышью. Положив ее на землю, она делала вид, будто не замечает робких попыток жертвы спастись, но, как только несчастное создание чуть-чуть удалялось, Пуссли подбрасывала его в воздух ударом когтистой лапы и, поймав на лету, снова укладывала на землю. С точки зрения Меги, кошка была особенно уязвима именно сейчас, ибо она оставалась на одном месте, во-первых, и была увлечена игрой, во-вторых.

Макси еще пытался возражать, но Мега не стал его слушать.

— Пусть приготовятся, — приказал он. — И побыстрее.

Макси прокрался вдоль стены сарая в обратном направлении, и вскоре оттуда донеслись восторженные повизгивания.

Мега ждал, едва не приплясывая от волнения, пока остальные норки не присоединились к нему и не остановились чуть сзади.

— Все готовы, босс! — шепотом доложил Макси.

— Вперед! — крикнул Мега и первым выскочил из-за угла. Норки, словно маленькие шоколадно-коричне-вые молнии, метнулись следом за ним.

Пуссли увидела их почти сразу, но, выбирая, бежать ли ей в дом или обратно в амбар, замешкалась, и это мгновение стало для нее роковым. Решив в конце концов АА0;в пользу амбара, кошка вильнула хвостом и ринулась туда. Стая преследовала ее буквально по пятам.

Увы, в спешке Пуссли не рассчитала, что выпиленное в двери отверстие слишком узко. Ее задняя часть и великолепный рыжий хвост с черными полосками все еще торчали снаружи, когда норки вскочили на деревянную приступку перед дверью и окружили лаз. Десятки острых как иглы зубов одновременно впились в кожу Пуссли. Началась зловещая игра «кто кого перетянет».

— Не поддается, Мега! — крикнул, отдуваясь, Макси. — Наверное, она зацепилась за что-то когтями. Мы не можем вытащить ее оттуда.

Глядя на мельтешащих вокруг кошачьего зада норок, Мега подумал, что организованные усилия могли бы дать лучший результат. С другой стороны, если Пуссли надежно уцепилась за что-то внутри, то они скорее разорвут ее напополам, чем вытащат наружу. Кроме того, кошачий мех стал скользким от норочьей слюны, и Пуссли могла в любой момент вырваться и испортить всю забаву. Теоретически стая могла последовать за ней сквозь лаз и прикончить в амбаре, однако времени на это у них не было. Пуссли орала во весь голос; ее вой способен был поднять мертвого из могилы, и Мега совсем не удивился, когда на втором этаже в доме Хранителя зажегся свет.

На какую-то долю секунды Мега даже пожалел, что поддался внезапному импульсу. Если они проиграют эту первую схватку, моральный дух норок будет подорван, да и Хранитель вот-вот мог выскочить из дома. Но уже в следующее мгновение решимость вернулась к нему.

Оттолкнув пару особенно рьяных норок, он смерил взглядом обслюнявленный хвост Пуссли. Рядом с ним словно из-под земли появилась Мата. Припав к земле, она скалила зубы и свирепо урчала. Их взгляды встретились. Так уже было когда-то, в прошлой жизни, — удивительно, каким далеким казалось это событие! — когда .они вместе рвали на части залетевшую в вольер птицу.

Мата кивнула ему, давая знак начинать. Мега напружинил мускулы, прыгнул и вонзил зубы в основание отчаянно мечущегося хвоста. Пасть его мгновенно наполнилась длинной жесткой шерстью, и Мега ожесточенно сплюнул, но в ту же секунду Мата свирепо куснула в то же самое место. Так они трудились по очереди, вырывая клочья шерсти и обнажая беззащитную бледно-розовую кожу. Вот уже первые капли крови брызнули из-под зубов, а Мега все кусал и кусал, остервенело рвал неподатливую кошачью шкуру, не обращая внимания ни на ноющие челюсти, ни на отчаянные рывки

жертвы. Наконец под зубами Меги что-то хрустнуло. Он с силой тряхнул головой, вырывая большой кусок мяса, и увидел, как Мата в свою очередь вложила все силы в последний, решающий укус, и теперь уже все услышали тошнотворный сухой хруст.

Тем временем Макси удалось организовать норок, и они, уцепившись зубами за хвост Пуссли, тянули и дергали его по команде своего командира. Вот он махнул лапой, норки рванули, что-то затрещало, и хвост оторвался. В то же самое мгновение окровавленный кошачий зад исчез в отверстие лаза, а норки повалились друг на друга, выпустив из зубов хвост, который несколько раз конвульсивно дернулся и затих. Из амбара донесся душераздирающий мяв, и Мега и Мата победно улыбнулись друг другу.

В следующую секунду над крыльцом вспыхнул фонарь в решетчатой сетке.

— Пуссли! Кисонька! Что с тобой? Мы идем, уже идем! — раздался истошный женский крик.

Пуссли орала на такой высокой и пронзительной ноте, что у Меги заныли зубы. Мрачное предсказание

Максн, опасавшегося, что нападение на кошку не позволит им осуществить второй этап «Плана А» полностью оправдывалось. Оставалось одно — спешить.

Мега схватил кошачий хвост в зубы.

— Вперед, за мной, мои храбрые норки! — придушенно прокричал он, отчего хвост задергался у него во рту, словно живой, и первым помчался к воротам фермы. За спиной его раздавались запыхавшиеся, все еще возбужденные голоса, но вся стая без колебаний последовала за своим вожаком. В следующее мгновение на крыльцо выскочил их бывший Хранитель. Он натягивал куртку и, к счастью, не заметил норок. Опрометью перебежав через двор, Хранитель попытался открыть дверь амбара.

Мега прибавил ходу и, проскользнув под воротами фермы, выскочил на шоссе. Там, следуя полученным от Горчицы указаниям, он повернул налево. Концы хвоста мели шершавую и твердую поверхность дороги.

Здесь его догнала Мата и побежала рядом, держась всего в полушаге позади. Остальные инстинктивно выстроились клином.

Окрыленный успехом, Мега посмотрел сначала на Мату, потом бросил взгляд через плечо. Эти оскаленные пасти, эти возбужденно блестящие глаза принадлежали норкам, его норкам, настоящим норкам, которые любили свободу и готовы были ради нее рисковать жизнью. И, как и было предсказано, он, Мега, вел их в Землю Обетованную. Впереди лежало пустынное шоссе, а над головами мерцали только звезды и медленно плыла в вышине луна.

Весь мир отныне принадлежал им.

Позабыв строгие инструкции Макси, Мега испустил громкий радостный клич. Услышав его, норки остановились и, сломав строй, бросились обниматься. Некоторые подпрыгивали высоко в воздух или молотили перед собой передними лапами. Мега тоже повернулся к Мате, и они крепко обнялись. Их челюсти сомкнулись вокруг кошачьего хвоста и губы слегка соприкоснулись, когда оба повалились на дорогу, в восторге тряся

головами. Ощущая прижавшееся к нему упругое тело Маты, Мега подумал, что теперь их отношения стали еще более определенными: он, законный Вождь норок, признавал

ее своей Королевой. Однако стоило ему перехватить взгляд Маты, который, казалось, стремился пронзить его насквозь, как он понял, что это *она* примеряет на себя *его* мантию!

Неожиданно Мата оттолкнула его и высвободилась. И сразу кончилось очарование.

— Займись этим с Психо! — крикнула Мата, отступая на шаг назад. В ее черных глазах плясали веселые огоньки.

— Только для тебя, и ни для кого другого! — крикнул в ответ Мега и, выронив изо рта кошачий хвост, бросился к коротышке.

Подбежав незаметно сзади, Мега оторвал его от земли и сжал с такой силой, что у бедняги захрустели кости. Психо завизжал — наполовину от страха, наполовину от восторга, а остальные норки скакали вокруг, вереща как полоумные.

Глава 32. ВЕЖЛИВОЕ ПРОЩАНИЕ

«Полевки! — мысленно напевал Филин, бесшумно скользя над вершинами деревьев. — Полевки-полевочки, у-лю-лю, траля-ля…»

Несмотря на это, он чувствовал себя глубоко обеспокоенным. С некоторых пор он решил держаться подальше от Лопуха, Маргаритки и прочих травоядных Попечителей, однако свое обещание Филин исполнил только наполовину. Физически — да: физически он не встречался с ними, но дух Сопричастных Попечителей по-прежнему пребывал с ним. На данный момент он все чаще тревожился из-за слов Маргаритки, которая очень хотела, чтобы он был «любезен» со своими жертвами. С тех пор как Филин имел неосторожность выслушать ее увещевания, он начал совершать глупые ошибки, что называется, на пустом месте. И самое страшное — во время охоты тоже. Умение убивать, которым он так гордился, подводило Филина все чаще и чаще, и в конце концов дело дошло до того, что нескольким предпола-

гаемым жертвам удалось избегнуть его когтей. Правда, он пока не голодал, однако эта необъяснимая неловкость раздражала Филина все сильнее.

Филин знал, в чем тут беда. Еще в детстве, когда он, неуклюже растопырив когти, падал с ветки на свою первую живую добычу, его отец не уставал повторять, как необходимо, для того чтобы быть удачливым охотником, жить исключительно настоящим моментом.

«Думай только о том, что делаешь, сынок, AA0;— втолковывал ему старый филин. — Только так ты сумеешь высвободить все свои силы для решения насущной задачи. Но если хотя бы часть твоей головы будет в эти мгновения занята прошлым или будущим, ты не сумеешь сосредоточиться как следует. Нужно научиться выбрасывать из головы все лишнее. Так поступают все взрослые филины, так поступаю и я. И если бы ты, сынок, попытался остановить меня в броске, я бы, наверное, даже не узнал тебя».

Маргаритка смутила его разум. Из-за нее он потерял способность концентрироваться на предстоящей задаче. Нет, разумеется, ей не удалось пробудить в нем чувство вины, однако теперь он все чаще задумывался там, где раньше действовал инстинктивно.

Единственным выходом из создавшегося положения было попробовать стать «милым и любезным» и посмотреть, что из этого получится. Даже если ему удастся не думать об этой кроличьей чепухе, этого будет более чем достаточно.

Полная луна стояла высоко, но ее свет нисколько ему не помогал; своим острым ночным зрением Филин мог различить самомалейшие движения даже в кромешном мраке. Скорее наоборот — луна была его противником, поскольку каждая лесная тварь могла разглядеть в небе крылатый силуэт хищника.

Филин дважды взмахнул крыльями и вспомнил любимый стишок отца:

В лунную ночь Мышь поесть не прочь. Если ночь темна — Для филина она.

И все же Филин любил кувыркаться в лунных лучах, хотя, строго говоря, свет луны лишал его одного из преимуществ. Но сегодня полный, круглый диск ночного светила был виден так ясно, что он без труда рассмотрел на нем лица и фигуры, которые они с отцом любили воображать себе каждый раз, когда луна вставала над лесом во всем своем великолепии. Да и лес внизу преображался самым волшебным образом, одеваясь в черное и все оттенки серого — вплоть до белого, когда серебристые лучи касались ветвей и заливали светом поляны.

В ожидании, когда луна зайдет и он сможет часа три нормально поохотиться, Филин думал о полевках, на которых он мог бесшумно пикировать и стремительно бросаться, и благодарил судьбу за то, что их существует такое великое множество. Полевки-береговушки, короткохвостые полевки, лесные, луговые… Всех их Филин знал и ценил, а ведь были еще мыши — полевые, лесные, амбарные, зерновки… И все это были дары волшебного и удивительного леса, который он любил всем сердцем, пока Сопричастные Попечители не увлекли его мысли на иную стезю.

Филин слегка повернул голову и снова заметил на берегу какую-то возню. Никаких сомнений — невинная полевка пробирается на легоньких лапках вдоль топкого берега, направляясь к раскидистой ольхе. Он мог не торопиться — жертва не видела и не ощущала его присутствия, да и сам Филин был не настолько голоден, чтобы броситься и убить. С другой стороны, лишняя полевка не могла повредить его пищеварению. Кроме того, ее неожиданное появление было весьма кстати: Филин задумал эксперимент, который помог бы ему разобраться, есть ли зерно здравого смысла в увещеваниях Маргаритки или это очередные кроличьи какашки. Почему бы не проверить это сейчас?

Приняв решение, Филин камнем полетел вниз, но у самой земли затормозил, широко раскинув крылья. В следующий момент, вместо того чтобы схватить полевку своими изогнутыми когтями, он в облаке брызг опустился перед ней на мокрую от росы траву.

— Добрый вечер, — сказал Филин, складывая крылья и глядя сверху вниз на неподвижное серое существо. — Надеюсь, вы простите мне мое драматическое и в высшей степени неожиданное появление. Да, я знаю, мы не представлены. Позвольте мне в этой связи назвать свое имя: меня зовут Филин. Очень рад с вами познакомиться…

Полевка словно окаменела. Она не произносила ни звука и не шевелилась — только смотрела на него своими глазами-бусинками.

«Десять очков в мою пользу»,— с удовлетворением подумал Филин. Среди Сопричастных Попечителей считалось в высшей степени невежливым не отвечать на приветствие.

— Так вот, уважаемая Мышь, — с вашего позволения я буду называть вас так — должен с прискорбием сообщить, что в самое ближайшее время я буду вынужден съесть вас, — продолжал Филин, чувствуя необычайный прилив красноречия и одновременно внутренне смеясь над той чушью, которую произносил. — Я, однако, решил воспользоваться представившейся мне возможностью, чтобы уверить вас в том, что я не имею ничего против вас лично. Просто, будучи плотоядным и, более того, хищником, я не вижу иного выхода…

В качестве утешения я могу лишь пообещать, что убью вас со всем возможным милосердием, то есть быстро. Я, видите ли, весьма опытен в таких делах, поэтому вы можете положиться на мои слова. Уверяю вас, что вы не почувствуете ровным счетом ничего.

И последнее: прежде чем прикончить вас, я хотел бы спросить: нет ли у вас какого-нибудь последнего желания? Я с удовольствием бы его удовлетворил. Может быть, вы хотите желудь? Или какую-нибудь ягоду? Не стесняйтесь — все, что хотите…

Полевка продолжала упрямо молчать.

— Как насчет последнего слова? — подсказал Филин. — Не хотите ли передать привет своим обожаемым крошкам? Или послание вашему любящему супругу? А может, вам хотелось бы чего-то более возвышенного? К примеру, какое-нибудь изречение, мудрость которого

пребудет в веках, напоминая нам о вашей безвременной и трагической кончине?

Мышь продолжала таращиться на него бусинками глаз. Потом налетевший порыв ветра взъерошил ее мягкую серую шерстку, и мышь неожиданно повалилась набок.

Филин удивился. Сделав шаг вперед, он осторожно тронул полевку кончиком когтя. Жертва не шевельнулась. Очевидно, она умерла от страха в тот самый момент, когда он так внезапно спустился с небес прямо перед нею. Все это время он обращался к трупу.

Филину стало стыдно своей жестокой игры, и одновременно он снова рассердился на Маргаритку. Ее предложение было даже не смешным, оно было циничным и омерзительным, и он был зол на себя: зачем он вообще слушал глупую крольчиху?

Наклонившись, он сильно ударил полевку в основание черепа, чтобы убедиться, что она, уж точно, отмучилась, и только потом начал разрывать ее клювом, не торопясь поедая мясо и внутренности. Одновременно он думал, что если действовать, как предлагала Маргаритка, означало быть «милым и вежливым*, то лучше он будет коварным и грубым. Нет, хоть он и дал слово Дедушке Длинноуху, с него довольно! Гораздо приятнее быть нормальным хищником, который не обязан быть милым со своей жертвой. Может быть, в качестве компенсации за непочиненное гнездо он даже пригласит Юлу полетать над лесом. В конце концов, брачный сезон был не за горами, и мысль об обществе Юлы — особенно по сравнению со всеми лесными маргаритками — показалась Филину необычайно привлекательной.

Но накануне вечером Лопух упросил-таки его в последний раз появиться а должности Исполнительного Председателя. Наконец-то было назначено самое главное и самое большое за всю историю ОСПЛ собрание, на котором должны были быть приняты Лесное Уложение и Билль о Правах Существ.

Весь вечер Филин наблюдал, как Лопух и его сторонники лихорадочно прочесывают лес, чтобы еще

раз убедиться, что все лесные жители обязательно придут. Даже презренные насекомые получили официальное приглашение, и Филин решил хотя бы ради себя самого появиться на Большой поляне. В любом елучае он зашел слишком далеко, чтобы остановиться сейчас, да и слово «честь» все еще многое для него значило.

Покончив с «вежливостью» и обретя ясность духа, Филин взмыл в воздух. Он был уверен, что отныне у него не будет никаких трудностей в общении со своими «несчастными жертвами». Покидая болотистый берег, он, однако, не сумел отказать себе в маленькой мести и разбросал несъедобные останки полевки на самом виду. По крайней мере, их командам мусорщиков будет чем заняться.

Глава 33. ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Стая вприпрыжку двигалась по пустынному шоссе. Восторг, вызванный расправой с Пуссли, и эйфория импровизированного праздника уже улетучились. Слишком много событий произошло за последние несколько часов. Само шоссе тоже не способствовало успокоению. Его незнакомый, резкий и свежий запах раздражал обоняние норок, привыкших к неизменному набору затхлых ароматов грязного сарая, а шершавая поверхность быстро стерла до крови мягкие подушечки их лап, привыкших ступать по деревянным полам клеток. Правда, теперь Мега мог не опасаться, что стая разбежится. Напротив, норки так тесно жались друг к другу, чтобы почувствовать тепло своих товарищей, что едва не падали в толчее. Многие запыхались с непривычки и тяжело дышали, Мега даже рискнул снизить темп. Может быть, норки и были рождены, чтобы править миром, но сейчас, глядя на них, никто бы так не подумал.

Позади них шоссе неожиданно осветилось ярким светом. Следом донесся рев приближающейся грохо-

талки, и Макси скомандовал норкам укрыться в кювете. Меге показалось, что он узнаёт этот звук. Несомненно, это именно она ворчала во дворе, когда они еще сидели в клетках. Высунувшись из канавы, Мега посмотрел вслед удаляющейся грохоталке; он готов был поклясться, что узнал напряженное лицо хозяйки Пуссли и печальную морду Горчицы, глядевшей в заднее стекло. Судя по всему, несчастную кошку везли на лечение. Только вряд ли им удастся много чего для нее сделать. Мега ухмыльнулся и поправил во рту мокрый мех. Он уже решил, что оранжево-черный хвост останется в стае навсегда.

В конце концов даже Мега понял, что пора довериться своим чувствам и признать — они заблудились. Норки уже дважды поворачивали, в точности следуя указаниям Горчицы, однако так и не добрались до загогулистого участка, где хозяин желтой псины ругался на встречные грохоталки. Вместо этого шоссе пошло вверх, о чем Горчица не упоминала, а вместо леса, где, по расчетам Меги, они должны были вскоре оказаться, перед ними открылась безжизненная болотистая пустошь.

Мега посмотрел на Мату и Макси и, заручившись их мрачным согласием, повернул назад, чтобы посоветоваться с Психо. До сих пор этот втируша был совершенно бесполезен и весь путь по шоссе проделал молча, хотя это и было на него непохоже. Почему-то он старался привлекать к себе как можно меньше внимания.

— Ты в порядке? — строго спросил Мега, отводя Психо в сторонку. Впрочем, ответ был написан на костлявой морде: мастер-импровизатор был до смерти напуган происходящим.

— Мне уже лучше, — проговорил Психо извиняющимся тоном, который выдавал его с головой. — Честно говоря, я не сразу поверил, что все это взаправду, поэтому мне потребовалось время, чтобы прийти в себя. Скоро все будет в полном порядке, обещаю…

— Будет лучше, если ты возьмешь себя в лапы сейчас, трус, — прошипел Мега и добавил шепотом: — Мы заблудились.

Психо уже давно чувствовал, что они идут не туда. Когда же Мега поставил его перед фактом, это оказалось достаточной встряской, чтобы его мозги снова начали работать.

— Почему бы не скомандовать привал, Мега? — горячо зашептал он. — Посидим, подумаем — может, что и подвернется…

Когда Мега скомандовал остановку, норки с самым жалким видом повалились на землю под развесистыми кустами утесника совсем рядом с дорогой. Руководство собралось на совет чуть поодаль — на небольшой кочке, покрытой жесткой травой. Некоторое время Мега раздумывал, стоит ли пригласить на заседание новичков из лаборатории, и наконец решил, что не стоит. Правда, Первый и Второй без колебаний покинули свою клетку и, казалось, были весьма довольны приключением. Высказанные ими мысли и предложения могли оказаться крайне полезными, но Мега чего-то побаивался. Их ученость до сих пор вызывала в нем подозрения. Пусть и без злого умысла, Первый и Второй могли предложить что-нибудь безрассудное, а в обертке мудреных словес даже Психо мог своевременно не распознать опасность. Словом, в данной ситуации самым разумным было положиться на мнение советников, которых он более или менее изучил.

— Единственный способ выпутаться из этого клубка — это пойти назад, — без обиняков заявил он.— Но мы не можем себе этого позволить хотя бы потому, что это сильнейшим образом подорвет дух норок. Да и Хранитель наверняка отправится на поиски, как только рассветет. Кроме того, когда настанет утро, на шоссе появятся грохоталки. Следовательно, нам необходимо держаться как можно дальше от человеческой дороги. В нашем положении остается только один выход — двинуться через пустошь, однако, откровенно говоря, мне очень этого не хочется. Шоссе — наш единственный ориентир. Какие будут предложения?

Макси поднял лапу, но его коротенькая речь только добавила мрачности.

— Осмелюсь доложить, мой Вождь, из этого все равно ничего не выйдет. Норки настолько устали, что просто не способны идти куда-либо. Сейчас они укрылись в кустах, но если снова поднять их, то некоторые вскоре упадут. В этой связи позволю себе напомнить старинную мудрость, которая гласит: армия идет с такой скоростью, с какой идет слабейший солдат.

«Верно», — подумал Мега, благодарно глядя на своего военного советника. Он уже простил Макси чрезмерную осторожность, проявленную им перед нападением на Пуссли. Во многих отношениях Макси был прав тогда, да и сейчас он все понимал верно: оказавшись в чужом мире, норки ни на миг не должны были забывать, как сильно они зависят друг от друга.

— Спасибо за напоминание, Макси, — кивнул Мега. — Но мы не можем позволить себе оставаться здесь. Что, мы так и будем целую вечность прятаться под кустами?

Но ирония Меги пропала втуне. Его военный советник был слишком огорчен неожиданным поворотом событий и только постоянно приглаживал свои встопорщенные усы.

— Если хочешь, Вождь, я мог бы приказать им замаскироваться, — сказал он жалобно.

Мега только фыркнул и повернулся к Психо. Тот, судя по глазам, уже просто нервничал; парализовавший его мыслительные способности ужас почти полностью прошел.

— У меня есть идея, Мега, — пискнул он. — Последнее место, где люди будут искать нас, это, несомненно, шоссе. Они наверняка считают, что мы уже ушли от него довольно далеко.

— Верно, — проворчал Мега. Его мастер-импровизатор оправился настолько, что заговорил характерным наставительным тоном. Как правило, он прибегал к нему как раз в тех случаях, когда собирался представить на рассмотрение Вождя свои самые лучшие предложения.

— Но существует другое место, еще лучше! — сказал Психо, заискивающе улыбаясь. — Это место не на шоссе, а *под* шоссе!

Других предложений не было, и вся стая забилась в дренажную трубу под полотном дороги.

В дренажной трубе было ужасно: тесное пространство подавляло, сырость мешала дышать, от скопившегося на дне разнообразного человеческого мусора мерзко воняло, а грубая каменная поверхность продолжала ранить стертые до крови лапы. Потом к усталости добавились муки голода. «Где наш завтрак?» — хныкали норки, вспоминая о счастливых денечках в вольере, где их кормили не только обильно, но и регулярно.

Макси и его норковоротам пришлось встать на страже у обоих концов трубы, чтобы не дать норкам самостоятельно отправиться на поиски пищи. При этом настроение стаи отнюдь не улучшилось, когда Психо, как всегда зашедший непозволительно далеко в своих импровизациях, громко объявил, что поблизости все равно нет никакой пищи, ради которой стоило бы вылезать из такого замечательного укрытия. Правда, приверженность истине и откровенность в суждениях никогда не были характерны для хитрого коротышки, однако на этот раз его слова тут же получили неожиданное подтверждение в виде темной тучи, которая приползла откуда-то перед самым рассветом и закрыла небо, словно плотное покрывало. Температура воздуха упала почти до нуля, и дневная живность не спешила подняться на поверхность земли, предпочитая пересидеть холодное утро в своих глубоких норах и подземных ходах. Даже славный полосатый трофей, заботливо убранный подальше от тоненькой струйки воды, пробиравшейся по трубе между наносами дурно пахнущего ила, больше не воодушевлял норок.

С самого утра грохоталки проносились над их головами с завидной регулярностью. Их шум и постоянная вибрация трубы мешали Меге сосредоточиться и тщательно спланировать следующий шаг; кроме того, густой

туман, мешавший осмотреться и заглушавший практически все сколько-нибудь отдаленные и тихие звуки, не давал возможности действовать.

Иными словами — если воспользоваться метким выражением Макси, — их побег начинал терять инерцию. Даже если бы Мега отважился вывести норок из трубы (А куда потом?), то в тумане они неминуемо потерялись бы, что означало конец «Плана А». Отчаявшиеся и павшие духом норки могли окончательно утратить веру в себя и все предприятие и попытаться вернуться к желтобрюхим предателям, променяв таким образом свободу на миску помоев и «комфорт» знакомого вольера. Мега не мог этого допустить, как не мог и обвинять своих соплеменников в том, что они испытывают такое глубокое разочарование. Он и сам был в не слишком большом восторге.

Примерно около полудня Макси доложил, что туман, кажется, поднимается.

Мега встрепенулся. Рискуя быть замеченным из случайной грохоталки, он выбрался наружу и, приказав Макси и Мате следовать за собой, вскарабкался на ближайший пригорок. Его высота оказалась вполне достаточной, чтобы рассмотреть окружающий пейзаж, и Мега почувствовал, как его сердце снова переполняется восторгом. Они трое стояли словно на самой вершине мира, стояли словно истинные хозяева всего, что было доступно их взглядам. Двигаясь по ночному шоссе, они видели только далекие огни, и теперь представшая их глазам обширная панорама поразила Мегу величием и красотой. Она простиралась во всех направлениях и только в самой дальней дали терялась в серо-голубой дымке. Повсюду, насколько хватало глаз, манили новыми возможностями невиданные прежде предметы и объекты: человеческие жилища, голубоватые вены ручьев, серые ленты дорог, черные силуэты птиц в небе. Все это принадлежало им — стоило только протянуть лапу.

Когда туман почти совсем рассеялся, Мега разглядел вдали ферму, которую они покинули ночью, и, проследив их долгий ночной маршрут по шоссе, даже ахнул — таким простым оказалось решение загадки.

— Глупая сука путает лево и право! — воскликнул он. Макси, явно довольный тем, что нашелся кто-то еще

более тупой, чем он, заорал во все горло:

— Правильно, босс! Абсолютно верно! Нам с самого начала нужно было сделать поправку на то, что Горчица глупа как бревно, — добавил он, словно извиняясь за свою несдержанность, и тут же поспешил внести предложение по существу: — Мне кажется, босс, наше положение вовсе не такое скверное, как мы считали. Взгляни сюда…

Он показал лапой, куда смотреть, и Мега увидел вдали лес, до странности похожий на тот, о котором рассказывала Горчица. Тогда он снова обратился к сетке дорог и, делая необходимые поправки на ошибки собаки, которая, точно, перепутала левую лапу с правой, очень быстро убедился, что все совпадает. Это и впрямь был тот самый лес, который они искали. Шоссе, на которое они по ошибке свернули, довольно круто изгибалось в нужном им направлении, благодаря чему норки все-таки приблизились к своей цели, хотя и не с той стороны. Чтобы добраться до леса, им достаточно было только пересечь пустошь, спуститься по склону холма, пересечь пару неглубоких лощин и перевалить через невысокую холмистую гряду.

— Хорошо, Макси, ты первым увидел его. Но тот ли это лес?

— Боюсь, я не смогу ответить со всей определенностью, босс, — ответил Макси, приглаживая свои усы. — Вместе с тем это определенно лес, который может существенно улучшить наше теперешнее положение. Кроме того, до него не так уж далеко.

— Мы выступаем, как только стемнеет, — распорядился Мега. — Спланируй пока маршрут.

— Будет сделано, босс,— рявкнул Макси, весьма довольный тем, что жизнь снова стала простой и понятной и можно выполнять приказы, не думая об ответственности.

Но только они спустились с пригорка, чтобы вернуться к трубе, как, к своему ужасу, наткнулись на норку, которая запуталась в вереске.

— Что вы себе позволяете, бесстыжие ублюдки?! — завопил Макси вне себя от ярости. — Ну-ка, живо на место!

С этими словами он бросился к трубе, где его нор-ковороты с трудом сдерживали толпу возбужденных норок, пытающихся выбраться из своей каменной темницы.

П.сихо, уже удостоившийся свирепого взгляда Макси, затрепетал, увидев приближающихся Мегу и Мату.

— Я ничего не мог сделать, — жалобно забормотал он, и в его глазках промелькнул страх. — Как только вы ушли, они сказали, что с них хватит свободы и они уходят. Это настоящая неприятность, Мега! Некоторые еще верят нам, но большинство хочет «домой», как они выразились. Кое-кто даже утверждал, будто сумеет сам позаботиться о себе.

«Трусы», — подумал Мега, но сдержался. Он не мог обвинять норок. Не их вина, что они не видели в жизни ничего, кроме своих клеток. Но, коль скоро недовольство приняло такие откровенные формы, оставаться в трубе было опасно. Скоро они снова восстанут, и тогда нельзя поручиться за последствия. И в каком-то смысле норки будут правы — не век же им сидеть в этой вонючей дыре под шоссе!

Макси не ошибался, когда говорил, что норкам необходимо побольше двигаться, чтобы поменьше думать, и Мега счел возможным выступить в поход немедленно. При дневном свете это было рискованно, но, оставаясь на месте, он мог потерять больше.

Выступив вперед, Мега коротко сообщил о принятом решении. Его голос, отраженный каменными сводами трубы, прозвучал странно, да и стая, похоже, не слишком воспрянула духом.

— А когда дадут есть? — раздался чей-то негодующий голос.

— Да, где наша еда?! — подхватили остальные. — Где наш обед, а заодно и завтрак?

— Скоро вы получите все и даже больше! — встрял Психо. — Верьте своему великому Вождю!

Он собирался сказать что-то еще, но перехватил свирепый взгляд Меги и осекся. «Пожалуй, — подумал

про себя Психо, — в данном случае лидер прав: сколько не тверди „мясо", в пустых желудках урчать не перестанет». Он и сам едва не терял сознание от голода, который был еще острее от избытка свежего воздуха и непривычной физической нагрузки.

— Построиться! — прокричал Макси, и норки подчинились, правда без особого энтузиазма. Настроение у всех было пасмурным, однако они покорно запрыгали ло мокрой траве все дальше и дальше от шоссе.

На краю пустоши Макси собрал норок компактной группой, чтобы Мега мог обратиться к ним с речью. Настоял на этом Психо, который считал, что Мега «просто обязан» что-нибудь сказать.

— Заставь их снова почувствовать себя коллективом,— уговаривал он.— Постарайся говорить решительнее и ради всего святого — будь краток. Пока массы в таком настроении, вести их куда-либо бессмысленно. Предлагаю держаться такой линии: Горчица вступила в сговор с Хранителем, чтобы дезориентировать нас.

— Дез… что? — заинтересовался Мега.

— Отправить не в ту сторону, — пояснил Психо. — Лучше начать с хороших новостей… Да, именно так и следует поступить: дескать, ты сумел раскрыть коварный замысел Хранителя и его паршивой суки, которые плели козни и интриги против свободолюбивых норок, и выпутался из тенет дезинформации одной силой своего гения. Закончить следует парочкой громких фраз типа «сомкнем ряды» или «возобновим наше триумфальное шествие». Это заставит их заткнуться.

— На мой взгляд, звучит не слишком убедительно, — без воодушевления сказал Мега. — Почему я не могу просто показать им лес?

— Нет, Мега, они слишком пере возбудятся, а это может нам только повредить! — замахал лапами Психо. — Вдруг это опять окажется не то место?

Все-таки Психо нельзя было отказать в сообразительности, и Мега неохотно согласился. В конце концов, еще Шеба говорила ему, что нет смысла окружать себя советниками, если не собираешься слушать, что они говорят.

— Благородные норки! У меня есть для вас важное известие! — так начал свою речь Мега. — В нем, однако, нет ничего удивительного, потому что все мы слишком хорошо помним коварство и хитрость нашего Хранителя, который столько времени притворялся нашим другом. Того самого Хранителя, от жестокого ига которого я вас освободил…

Он сделал паузу, надеясь услышать хотя бы жидкие аплодисменты. Когда не раздалось ни одного хлопка, Мега продолжил с еще большим пылом:

— В своей черной душе Хранитель лелеял зловещие замыслы, направленные против нас, норок. К счастью, мне удалось своевременно разоблачить его происки и сделать все возможное, чтобы сорвать коварные планы человека. Позвольте мне рассказать вам, как он и его подлая подручная собака по кличке Горчица вступили в преступный сговор с намерением сбить нас с пути…

Пока он говорил, тучи вдали чуть-чуть разошлись и сквозь них проглянул луч солнца — такой прямой и яркий, что казалось, будто это волшебный мост, соединяющий небо и

землю. Это невиданное явление природы сразу же завладело вниманием норок, и Мега, заметив, что его никто не слушает, оборвал себя на полуслове и повернулся туда, куда были устремлены все взгляды.

Луч солнца упал на тот самый лес, который — к добру ли, к худу ли — они определили местом своего назначения.

Психо опомнился первым.

— Видите знак?! — завопил он во все горло, мгновенно позабыв о своих собственных аргументах в пользу того, чтобы не показывать норкам цель их похода ввиду возможных осложнений. — Смотрите! Вот он, знак, который подает нам Мега, наш великий Вождь!

Вскочив на камень рядом с Мегой, он взволнованно указал лапой на горящие бледным золотом солнечные лучи.

— Этот знак показывает нам, где .находится наша Земля Обетованная — тот самый легендарный лес, где всех нас ожидают счастье и море крови!

Слова Психо возымели свое действие. Самые доверчивые или больше других отчаявшиеся норки отозвались слабыми приветственными возгласами, однако Меге этого было вполне достаточно. Он решил не продолжать свою речь, поскольку это все равно ничего бы не дало. Вместо этого он отступил в сторону, позволив Психо распинаться насчет «удивительного знамения*, которое так вовремя пришло к ним на помощь. Совершенно случайно он заметил, что новички — М-Первый и М-Второй — счастливо улыбаются и с одобрением кивают головой.

— Следуйте за мной, братья норки! — продолжал пищать Психо, для пущей убедительности подскакивая на месте. — За мной — туда, где сияет это прекраснейшее знамение, которое дал нам наш великий Вожак Мега!

Последовало короткое замешательство. Все норки повернулись к Меге, и он довольно убедительно зажмурился и кивнул головой. Хитро улыбнувшись Вождю, Психо повернулся и помчался вперед через вересковую пустошь, однако почти одновременно с этим золотой солнечный столб начал бледнеть и вскоре исчез совершенно — так же быстро, как и появился. Горизонт снова стал угрюмым, серым и непривлекательным. Мега с трудом продирался сквозь спутанные стебли травы и вереск, обдававшие его тучами брызг, отчего его шубка намокла и потяжелела, и мрачно думал о том, насколько близок был кризис. М-Первый и М-Второй могли сколько угодно аплодировать выдуманной Психо хреновине насчет «знамения Меги», но лично он не верил, что это радикальное средство. Просто еще одна отсрочка. Никакие выдумки этого хренового Психо не спасут ни его, ни остальных вожаков, если они опять что-то напутали.

Глава 34. ПОГОНЯ ЗА ДРУГИМИ

Сидя на суку Могучего дуба, Филин подавил зевок. «Последний раз»,— думал он. Внизу собралась уже целая толпа Сопричастных Попечителей. Она тихонько

бурлила, но Филин с удовольствием отметил, что чувствует себя совершенно спокойно. Он наконец-то понял — или, как выразились бы сами Сопричастные Попечители, «решительно осознал», — почему все эти разговоры так ни к чему и не приводили. Дело

было в одном важном качестве, которое, как он установил, наличествовало у него, но которого отчаянно не хватало кроликам и прочим. Это был здравый смысл — обыкновенный здравый смысл, который Филин с некоторых пор ставил гораздо выше «оторвитета», «основательности», «взвешенности суждений» и прочего гуана, с которым так носились проклятые кролики.

Еще раз поздравив себя с прозрением, Филин с трудом справился с соблазном слететь вниз и дать Лопуху хорошенького пинка в зад. В данный конкретный момент этот обширный зад странным образом подергивался, в то время как его обладатель с самым серьезным видом кивал очередному оратору — крохотному зяблику с удивительно пронзительным для его размеров голосом. Слова типа «взаимообразный», «консенсус», «справедливый» почти не оказывали никакого воздействия на Филина, который лениво размышлял о том, насколько мозги зяблика пропорциональны его тщедушному тельцу. Между тем голова его сама собой клонилась на грудь, а глаза закрывались, закрывались…

— …И разумеется, мы не могли не принять во внимание естественные чувства и устремления всех живых существ, адекватно отразив, таким образом, все возможные и допустимые точки зрения, — заходился трелью зяблик. — В этой связи я и обращаюсь к вам с просьбой: Товарищи! Не решайте второпях! Если какой-то пункт вызовет ваши сомнения, лучше передать его для дальнейшего рассмотрения в согласительно-консультативную комиссию. Позвольте мне, в соответствии со сложившейся практикой, предложить немедленно создать такую комиссию, которая, будучи наделена соответствующими полномочиями, смогла бы решать спорные вопросы ко взаимному удовлетворению сторон.

Услышав сквозь дрему это предложение, Филин мгновенно очнулся. Одолевавший зяблика словесный понос

(именно этим словом лучше всего выражалась суть и его речи, и его предложения тоже) был встречен дружными аплодисментами собравшихся, а со стороны Лопуха — еще более оживленными движениями хвоста. В качестве следующего оратора Большая Задница вызвал завирушку, и Филин перехватил его презрительную улыбку, несомненно адресованную серенькой пичуге, которая вспорхнула на Пень, трепеща хрупкими 'Крыльями.

— Уважаемые Сопричастные Попечители! Меньше всего мне хотелось бы подвергнуть сомнению своевременность сегодняшнего собрания, — пропищала завирушка вне всякой связи с предыдущим оратором. — Вместе с тем, выступая от имени сообщества завирушек, я чувствую себя обязанной обратить ваше внимание на содержание подпункта «б» параграфа восемнадцатого Лесного Уложения, которое, по нашему глубокому убеждению, противоречит подпункту «е» предпоследнего параграфа Билля о Правах. Говоря простым языком, противоречие между ними заключается в том…

Филин снова закрыл глаза. Собрание по вопросу о принятии Лесного Уложения о Порядке и Билля о Правах Существ началось вскоре после полудня, а сейчас день уже склонялся к вечеру, однако страсти продолжали кипеть. После морозной ясной ночи — ночи полнолуния — небо снова закрылось облаками. Воздух стал сырым и влажным, а облака разразились мелким холодным дождем, который сеялся и сеялся, смазывая яркие краски и стекая крупными каплями с обнаженных ветвей Могучего дуба. Под их монотонный стук, служивший фоном жалобному чириканью завирушки, Филин стал размышлять, как удачно все складывается лично для него. «Еще немного потерпеть,— думал он,— и я ^больше никогда не услышу ни про Уложение о Правах, ни про Лесной Билль…»

Старания Лопуха не пропали даром, вынужден был признать он. Такого кворума Филин не помнил. Огромная поляна вокруг Могучего дуба была битком набита самыми разными созданиями, в том числе и насекомыми всех форм и размеров. Похоже, здесь собрались травоядные не только со всего леса, но и с прилегающих

полей тоже. За всю свою жизнь Филин ни разу не видел столько кроликов сразу, а уж присутствующих полевок ему могло бы хватить месяцев на десять усиленного питания.

Завирушка на Пне продолжала что-то чирикать, и Филин решил на прощание продемонстрировать собранию пару трюков из своего богатого арсенала, хотя по большому счету ради такого пропащего дела, как несоответствие пункта «б» параграфу «д», особенно стараться не стоило. Зная, что это последнее выступление перед голосованием, он распушил перья и принялся зловеще поглядывать на серенького оратора. Под его стальным взглядом завирушка стала беспокойно переступать с лапки ни лапку и в конце концов закруглилась, причем Филину показалось, что упомянутое противоречие так и осталось неустраненным. Слетевшую к своим завирушку встретили робкие выражения сочувствия, а некоторые пичуги даже отважились посмотреть на Председателя с осуждением.

Это было уже чересчур, и Филин, совершенно неожиданно для себя, ответил: пригнулся, захлопал крыльями, словно собираясь взлететь, и испустил зловещее шипение. Завирушки в панике сорвались с места и, трепеща крылышками, заметались над поляной с тревожным писком, а остальные слушатели нервно вздрогнули.

Лопух, как раз привставший, чтобы взгромоздить на Пень свою большую задницу, застыл на полушаге и, задрав голову, с ужасом посмотрел на Филина.

— Прошу прощения, меня кто-то укусил, — беззаботно отозвался Филин и повторил шутку Фредди: — Ассоциация Освобожденных Блох снова с нами!

Напряженное молчание длилось до тех пор, пока встревоженные завирушки не успокоились и не опустились на землю. Только когда они вернулись на свои места, Лопух снова двинулся к Пню. Судя по всему, он решил оставить инцидент без последствий. Да и что ему было мелкое нарушение протокола? Близился момент, который он — и все остальные тоже — будут помнить всю жизнь. Анархия уступит место здра-

вому смыслу и порядку, и их Старый Лес превратится в образец, модель общественного устройства, которая в будущем, несомненно, распространится по всему миру. Разумеется, он собирался воспользоваться этим и в своих личных интересах. Почему бы, собственно, и нет? Без него официальное признание Лесного Уложения и Билля о Правах было бы невозможно, и Лопух вовсе не возражал против того, чтобы всем и каждому стало известно, кто их главный вдохновитель и великий сеятель добра. Впереди ждала бессмертная слава, и ему оставалось сделать совсем маленький шажок, чтобы заставить все эти лапы и крылья взметнуться в единодушном одобрении.

Лопух не торопясь вскарабкался на Пень и откашлялся.

— Дорогие коллеги и единомышленники, уважаемые Сопричастные Попечители Леса! — начал он. — Сегодняшнее собрание, безусловно, является самым выдающимся событием за всю славную историю нашего Старого Леса. Это конечный пункт нашей неустанной борьбы за равные права для всех, и мы как никогда близки к тому, чтобы вкусить плоды нашего бескорыстного и естественного стремления к высшей справедливости. Отныне

ничья лапа не поднимется против слабого, ничей клюв и ничьи хищные зубы не будут угрожать мирной жизни травоядных, а позорное правило «сильный всегда прав* перестанет выполняться как в нашем лесу, так и в прилегающих к нему полях.

Почему? — спросите вы. Что ж, вместо ответа позвольте мне напомнить вам начало нашего замечательного Билля о Правах: «Мы считаем неоспоримым и самоочевидным, что все существа созданы равными и что все они от рождения наделены неотторжимыми правами, главными из которых являются права на жизнь и свободу. Неотъемлемым правом каждого, несомненно, является также погоня за счастьем в той форме, в которой…»

Слова «за счастьем…» Лопух успел произнести, но следующих уже никто не услышал. Его голос был заглушён пронзительным воплем «…за другими!» Это Рака,

которая незаметно для Филина устроилась в ветвях Могучего дуба прямо над его головой, сочла необходимым вставить свое слово.

Ее замечание было настолько уместным, что Филин не выдержал и расхохотался. Рака с признательностью каркнула, а Лопух онемел от ярости.

Крот Марк мгновенно воспользовался паузой.

— Перед тем как его грубо прервали, товарищ Лопух говорил о том, что Уложение и Билль о Правах предписывают всем нам относиться друг к другу с уважением и вниманием, — сказал он, уставив свои невидящие глазки в том направлении, откуда, как ему казалось, донесся голос Раки. — И это уважение не зависит от того, насколько ваш предполагаемый собеседник туп или глуп.

В ответ на этот необдуманный выпад раздались громкие вопли протеста.

— Нельзя говорить «тупой» или «глупый»! — кричали кроту. — Нужно говорить «умственно неполноценный»!

Филин только вздохнул. Он-то надеялся, что с этим гуаном они разделались, когда лишили насекомых права голоса.

— Вот я и говорю — насколько ваш собеседник умственно неполноценен, — быстро поправился Марк и, проглотив подвернувшегося ему червя, поспешил вернуться к существу вопроса: — Лесное Уложение гласит, что все мы равны, потому что мы одинаково важны для леса. Это значит, что нам всем необходимо быть взаимно вежливыми и внимательными, коль скоро каждый из нас является частью одного целого, если вы обоняете, что я имею в виду…

«Прах меня побери»,— подумал Марк, чувствуя, что мысль ускользает. Такое с ним случалось довольно часто — стоило ему открыть рот, как он терял нить разговора.

Он проглотил еще одного червяка.

— Ну вот, теперь, надеюсь, вам понятно? — пропищал он. — Вот об этом и трактуется в Уложении, и вам, тупарям, пора бы уже это понять!

Тем временем Лопух, приплясывая на Пне, отчаянно сигнализировал Филину, чтобы тот восстановил порядок.

Филин устало заухал: это был единственный способ урезонить крота, который ничего не видел и потому не реагировал на выпущенные когти и разинутый клюв.

При звуках его голоса аудитория послушно затихла. Только Рака, весьма довольная своей выходкой, сорвалась с ветки и, шумно хлопая крыльями, взяла курс на Грачевник.

— Прощайте, трепачи несчастные! — донесся издалека ее голос.

— Не будем обращать внимания на эту упрямую глупую птицу, — сказал Лопух, стараясь справиться со своими чувствами.

Разумеется, Филин допустил серьезный промах, позволив какой-то ощипанной вороне прервать такое важное собрание подобным вызывающим образом, однако он решил переговорить с ним потом.

— Дорогие Попечители! — снова начал он. — Мы с вами являемся свидетелями переломного момента в истории леса…

По судорожным движениям Лопушьего хвоста Филин уже понял, что Большая Задница намерен задвинуть самую длинную речь в своей жизни. Какими бы нелепыми ни казались ему Уложение и Билль о Правах, он не мог обвинять в этом лично Лопуха. К тому же этот кошмар совсем не мешал ему подремывать. Вполуха прислушиваясь, как Лопух себя нахваливает, Филин закрыл глаза и вернулся к вечному вопросу: нравится ли ему Большая Задница или нет? Уж за одно-то он, точно, не мог поблагодарить кролика — за то, что тот ввел его в политику. Допустим, общаясь с Лопухом, он вник в общекроличьи заботы и испытывал даже в некотором роде восхищение, особенно когда слушал Дедушку Длинноуха. Вместе с тем, не наблюдая никаких признаков предсказанной ДЦ «большой беды», Филин склонялся к мнению, что Сопричастные Попечители живут в каком-то идеальном, выдуманном ими самими лесу, и неуклюжие статьи Уложения и Билля о Правах лишний

раз подтверждали это. «Кстати, — задумался Филин, — почему кролики решили принять сразу два документа? Неужели им не хватило ума объединить их в один и тем сберечь всем остальным уйму времени? Начать с того, что по каждому из них придется голосовать отдельно!»

Как бы там ни было, дни Общества Сопричастных Попечителей Леса были сочтены. (При мысли о том, как ловко он воспользовался их собственной логикой, предварительно вывернув ее наизнанку, Филин довольно улыбнулся.) В самом деле, если Уложение и Билль о Правах решали все лесные проблемы — или, по крайней мере, те из них, которые считались предметом заботы Сопричастных Попечителей, — то и само Общество становилось ненужным. А если все в лесу станут милы и предупредительны друг с другом, то даже его «оторви-тет» никому не понадобится, а должность Исполнительного Председателя станет просто архитектурным излишеством…

Филин почувствовал, что у него не хватает ни сил, ни желания и дальше распутывать этот клубок. Лопух внизу безостановочно тарахтел, давая ему возможность как следует выспаться перед решающим голосованием… что ж, спасибо ему хотя бы за это.

И, свесив голову на грудь, Филин задремал.

Лесные жители мужественно сидели под мелким моросящим дождем, лишь время от времени поднимая лапу, чтобы смахнуть со лба или бровей капли воды. Лопух говорил так долго, что восхищенное внимание, вызванное его первыми словами, давно сменилось сонным оцепенением. Филин на суку Могучего дуба просто спал, как спали и рассевшиеся вокруг него роскошные фазаны, которых посланники Лопуха собрали в окрестных полях для кворума. И удивительного в этом ничего не было, поскольку эти во всех остальных отношениях достойные птицы были широко известны своей потрясающей глупостью и неспособностью сосредоточиться на чем-то хотя бы на несколько минут.

Даже кролики, которых собралось на Большой поляне видимо-невидимо, в конце концов начали нетерпеливо шаркать лапами, гадая, когда наконец Лопух закончит, если, конечно, он вообще намерен это сделать. Наименее стойкие из слушателей уже начали расползаться под осуждающими взглядами остальных, и самым первым из них был крот Марк, у которого вышел весь запас червей, так что, строго говоря, у него не было иного выхода.

Как только этот слепой оппортунист исчез в одном из своих подземных ходов, щегол, все это время на цыпочках кравшийся к ближайшему кустику, оттолкнулся от земли и прыгнул в воздух. Быстро-быстро работая крыльями, он взмыл над поляной и вдруг увидел показавшуюся из-за деревьев стаю норок. Машинально щегол испустил самый громкий в своей жизни тревожный крик. Но было слишком поздно. Никто не успел даже сдвинуться с места, а гибкие и быстрые как молнии шоколадно-коричневые хищники уже оказались в самой гуще Сопричастных Попечителей. Казалось, они просто свалились с неба. Оскаленные бледно-розовые пасти и обезумевшие от жажды крови глаза были повсюду, куда ни повернись. Атака была такой яростной и организованной, что лесные жители на мгновение оцепенели от страха, и эта секундная растерянность стоила жизни многим и многим.

Но как только незнакомые хищники принялись рвать свои беспомощные жертвы на части, на смену шоку пришла паника. Поляна огласилась жалобным воем, воплями отчаяния и криками боли. Пронзительный писк мечущихся в ужасе существ смешивался с булькающими предсмертными хрипами. Кровь из разорванных артерий десятками упругих блестящих фонтанов ударила в небо, почерневшее от сотен птиц, разом поднявшихся в воздух.

Лопух, разумеется, сознавал и что погода стоит не самая комфортная, и что его речь слишком затянулась, однако чем дольше он говорил, тем больше вспоминалось ему новых и новых аспектов, которые обязательно надо было хотя бы упомянуть, чтобы дать слушателям

наиболее наглядное представление о содержании любезных его кроличьему сердцу Уложения и Билля о Правах. Увлекшись этой задачей — а может быть, просто загипнотизированный чарующей мелодией собственного голоса, — Лопух отреагировал на вторжение чужаков одним из самых последних. Почуяв наконец неладное, он обернулся и увидел совсем близко крупного и, несомненно, плотоядного зверя неизвестной ему породы. Агрессор свирепо зарычал, прыгнул, и Лопуха обдало острым запахом хищника. В следующее мгновение он ощутил резкий толчок и кубарем покатился с Пня. Упав на землю, Лопух ощутил острую боль в плече, из которого острые зубы вырвали порядочный кусок мяса. Чувствуя, как по его шерсти стекает горячая кровь, Лопух нетвердо поднялся. Напавшее на него существо отдаленно напоминало ласку, но

было гораздо крупнее, и мех его имел голубовато-коричневый оттенок. Но самым страшным было выражение неприкрытой ненависти, которое ясно читалось не только на оскаленной морде, но и в каждом стоящем дыбом волоске на загривке.

К счастью, свирепый охотник тоже не устоял и повалился набок. Шипя и плюясь от ярости, он отчаянно перебирал лапами по скользкой траве, спеша встать и повторить свой смертоносный прыжок. Лопух понял, что это его единственный шанс. Сама смерть глядела на него сверкающими черными глазами.

Повинуясь инстинкту, кролик повернулся к врагу задом и резко выстрелил обеими задними лапами сразу. Удар пришелся по твердому — Лопух услышал резкий звук и почувствовал в лапах неприятную дрожь. Должно быть, ему посчастливилось попасть нападавшему на него зверю, как бы он ни назывался, прямо по голове, отчего хищник очутился в легком нокдауне. Впрочем, Лопух не собирался оборачиваться, чтобы посмотреть, какое действие возымел его контрвыпад. Позабыв об Уложении и Билле о Правах, он задал отчаянного стрекача, возглавив таким образом паническое бегство Сопричастных Попечителей.

Сзади его настигал запах смерти и свежепролитой крови.

Глава 35. БОЛЬШАЯ БОЙНЯ НА БОЛЬШОЙ ПОЛЯНЕ

Мега едва мог поверить своим глазам, когда увидел на лесной поляне огромную толпу лесных жителей. Это было настоящее пиршество, достойная трапеза для свободных охотников свободного мира. Вот оно, долгожданное море крови, и как раз вовремя!

Путешествие норок за солнечным лучом, так удачно разрекламированным Психо, но — увы! — так скоро погасшим, на редкость не заладилось. Открытое пространство нервировало норок, а продираться сквозь вереск и прыгать через кочки оказалось настолько трудно, что клинообразный боевой порядок довольно быстро нарушился и большую часть пути норки проделали, вытянувшись длинной живой змеей.

— Единственное, что еще способно заставить их идти вперед, — это страх, — говорил военный советник. — Позволь мне заняться этим, босс. Пусть лучше боятся меня, чем неизвестности.

— Думаю, ты прав, — ответил ему Мега, чувствуя себя подавленным. «Пинки и укусы — замечательный способ загнать норок в светлое будущее», — с горечью думал он.

Макси взялся за дело с жаром; Мега только подивился, откуда у него силы.

— Ну, вы, кошачье отродье! — покрикивал он на мокрых, спотыкающихся норок.— Раз уж назвались норками — будьте ими до конца! Все равно вам нельзя вернуться в клетки, даже если бы вы и захотели. Там вас ждет Хранитель. Уж он вспомнит, как вы обошлись с его любимой кошечкой. Вы лишитесь не только хвостов, но и своих драгоценных шкур.

После такого обращения стая еще больше упала духом, и Макси немедленно это заметил.

— Там, внизу, ваше прошлое, — продолжил он, махнув лапой в сторону долины. — Но наш Вождь никого неволить не станет. В нашем великом предприятии нам не нужны нахлебники и трусы. Кто хочет вернуться, пусть сделает шаг вперед!

Стая замерла на месте. Никто не сказал ни слова, и никто не вышел вперед; только норковороты встали по сторонам колонны. В конце концов Мега безмолвно занял свое место впереди, и шествие продолжилось.

Идти было совсем не так далеко, однако их путешествие, казалось, продолжается вечность. Беглецы не приободрились даже тогда, когда отряд достиг леса. Пасмурное небо начинало понемногу темнеть, и странная апатия охватила норок. Движения их замедлились, и Мега, мрачно глядевший из-под лапы на своих товарищей, понял, как все они смертельно устали. В общем и целом норки были сейчас не опаснее новорожденных щенков, и Мега неожиданно почувствовал новый прилив ненависти к Хранителю. Как посмели люди лишить их всего, что принадлежало норкам по праву рождения?! Как посмели унизить их?! Кто дал им право поступать так с гордым и диким народом?

Увиденное вознаградило его за все сразу. Благодаря Горчице, перепутавшей все на свете, стая подошла к лесу не со стороны долины, а со стороны холмов, откуда лес был виден как на ладони. Да, безусловно, это то самое место: вдали виднелось шоссе, отделенное от леса длинным заболоченным полем, берега реки соединял горбатый мостик, а где-то рядом с ним были ворота с калиткой, правда, их было не видно за деревьями.

Но что за зрелище открылось им на поляне! И какой последовал выброс адреналина!

Мега ожидал встретить в лесу настороженную тишину, потому что, пока стая спускалась по голым склонам холмов и пересекала плодородные поля, он чувствовал, что это места обитаемые, хотя поблизости они никого не видели. Очевидно, жители полей попрятались. Но в лесу все обернулось по-другому. По каким-то непонятным причинам все лесные жители, вместо того чтобы сидеть по норам, собрались на огромной поляне под большим деревом. Похоже, они даже не чувствовали опасности.

Увидев странное сборище, Мега приказал Макси убрать норок с гребня холма, где их легко можно бы-

ло заметить на фоне неба, а сам попытался разгадать причины поразительного поведения лесных жителей. Можно было подумать, что, узнав о приближении стаи, они нарочно собрались здесь, словно предлагая себя в качестве пищи.

Судя по всему, на поляне шло собрание. Но что это мог быть за вопрос, если ради него лесные жители подвергали свои жизни такой опасности?

Впрочем, раздумывать да гадать не имело смысла. Самым главным и самым заманчивым (просто слюнки текли!) был результат.

Разумеется, эта атака была еще одним отступлением от «Плана А», согласно которому по прибытии в лес норки должны были первым делом найти достаточно безопасное место и устроить там базовый лагерь. Однако — как и в случае с Пуссли — возможность была слишком хороша, чтобы ею вот так запросто пренебречь. Кроме того, Мега изначально верил, что любая норка только тогда достойна называться норкой, когда она умеет действовать исходя из быстро меняющейся обстановки.

— Будем атаковать, — без обиняков заявил он Макси, с удовольствием отметив, что его военный советник не стал возражать, а предпочел сразу же решить вопросы практического свойства. По его мнению, мелкий дождь и несильный встречный ветерок должны были помешать жертвам уловить запах хищников.

— Не забывай,— предупредил Мега,— в любом случае мы должны всех держать под контролем. Не дай им разбежаться. Набег — удар — мгновенно исчезаем! Бац! Хлоп! Снова собираемся. Понятно?

— Так точно, босс! — хищно сверкая глазами, отвечал Макси. Решение Вождя было ему весьма по душе. Видимо, Макси рассчитывал получить от нападения на лесных жителей не меньше удовольствия, чем от расправы с Рамсесом.

Операция «Встречный Ураган», как сообщил он стае, должна быть молниеносным рейдом. Именно этому — налетел, схватил, исчез — Макси учил норок во время изнурительных тренировок в вольере.

— Партизанская тактика, — понимающе кивали в ответ норки, возбужденно переглядываясь.

— Зарубите себе на носу, — говорил Макси, — каждый должен выбрать себе жертву по зубам и атаковать только ее. Ваш великий Вождь Мега требует от вас только одного: жирная длинноухая тварь, которая сидит на пне и произносит речь, принадлежит ему, и только ему. Ясно? Не смейте трогать этого зверя!

Из-за шороха дождя, да еще на таком значительном расстоянии, Мега, конечно, не мог расслышать ни слова из того, что говорило ушастое существо, однако по некоторым признакам он догадался, что это, должно быть, местный предводитель. По его телодвижениям и жестам Мега сразу понял: он проповедует своим подданным какую-то напыщенную хреновину. Перед его мысленным взором всплыли образы Старейшин, и Мега ощутил ненависть к презренной лесной твари. Нет, он обязательно расправится с этой жирной задницей. А с какой силой будет хлестать из этой туши горячая кровь!..

Мысль о хорошем укусе была так сладостна, что, когда Мега прятал под кустиком кошачий хвост, с черно-рыжего меха буквально стекала слюна.

Хищники ринулись вниз по склону, их усталости и подавленного настроения как не бывало. Сам Мега ощущал себя буквально всемогущим. Он мчался сквозь кустарники во главе стаи, и встречный ветер первым затянул победную песнь, посвистывая у него в ушах. Вот последние деревья остались позади, и Мега выскочил на поляну. Напрягая мускулы в последнем рывке, он ускорил свой бег, чтобы приблизиться к жертве на расстояние броска. Подобравшись, Мега с силой оттолкнулся от земли задними лапами и взмыл в воздух, намереваясь с ходу перекусить добыче горло, но в самый последний момент поскользнулся на мокрой траве. В результате, так и не добравшись до шейной артерии кролика, он ударил его в плечо и, вырвав зубами изрядный кусок шкуры с мясом, оказался на земле по дру-

гую сторону пня. Его противник тоже кубарем покатился вниз.

На свою беду Мега приземлился довольно неловко. Упав на бок, он забарахтался среди скользкой травы, в то время как его более счастливый противник удачно приземлился на все четыре лапы. Пока Мега пытался встать, предполагаемая жертва обнаружила

удивительную быстроту реакции: выбросив назад свои мощные задние лапы, кролик так сильно огрел Мегу по голове, что у того из глаз посыпались искры. Когда он смог встать, гигантская задница кролика в последний раз мелькнула в кустах и пропала.

В голове все еще гудело после мощного нокаутирующего удара. О преследовании не могло быть и речи. Во-первых, кролик гораздо лучше него знал местность, а во-вторых, он наверняка имел на примете несколько удобных укрытий.

Мега потряс головой, чтобы разогнать плавающий перед глазами туман. Застигнутые врасплох лесные жители в панике метались вокруг, но перед Мегой уже стояла задача посложнее, чем преследование ничего не соображающих от ужаса кроликов и мышей. Охваченные азартом преследования норки позабыли строгий наказ Макси нанести удар и снова собраться компактной группой. Правда, половина стаи все еще металась по поляне, терзая разнообразные трупы, зато остальные исчезли и, судя по доносящимся из чащи звукам яростной погони, продолжали углубляться в лес.

В первое мгновение Мега ощутил жестокое разочарование. Эти идиоты опять подвели его. Но уже в следующую секунду он понял, что готов понять и простить их. Кто мог бы обвинить хищников в том, что они потеряли головы от запаха и вида свежей крови, которая заливала поляну? А что говорить о гордости и уверенности в своих силах, вернувшихся к норкам после успешной охоты?!

Совсем рядом самка, цица от радости, обрывала крылья какой-то пичуге. Чуть поодаль, бешено блестя глазами, катались в луже крови двое самцов. Некоторые теребили откушенные головы жертв, пытаясь добраться

до мозга, а одна норка, держа за хвост похожее на мышь придушенное существо, с достойной восхищения изобретательностью колотила его головой о камень. Еще двое самцов, проявив подлинную товарищескую взаимовыручку, раздирали челюсти какого-то мохнатого серого зверька с пушистым хвостом, стараясь добраться до лакомого языка. Судя по зияющей в черепе дыре, мозгов в этой голове уже не было. По всей поляне разносилось возбужденное стрекотание норок, прерываемое треском и хрустом костей, а из зарослей раздавалось сердитое тявканье Макси, пытавшегося восстановить порядок.

Подавив свою зависть к тем, кто в отличие от него сумел прикончить выбранную жертву, и надеясь, что в суматохе никто не заметил его промаха, Мега ринулся в кусты, чтобы помочь Макси собрать норок. За первым же стволом он едва не врезался еще в одного кролика, который сидел там, оцепенев от ужаса. Не раздумывая, Мега прыгнул на новую жертву, без промаха поразив ее в шею чуть выше плеча. Почувствовав, как пасть его наполняется кровью, Мега разжал челюсти, чтобы полюбоваться бьющим прямо вверх алым гейзером.

О, как вкусна была эта густая сладковатая жидкость! Каким горячим оказалось трепещущее, дымящееся мясо, скрывавшееся под эластичной и прочной шкурой, которую он содрал, не попортив тушку! Мега отхватывал зубами такие большие куски, что несколько раз едва не подавился, но остановиться не мог. Кровь текла по подбородку, капала на манишку, но он продолжал методично двигать немеющими от усилий челюстями, перемалывая мясные волоконца, мышцы и сухожилия и превращая их в комки сочного фарша. Несколько раз эти комки застревали у него в горле, и тогда Мега отрыгивал, переводил дух и новым глотком отправлял мясо в путешествие по пищеводу. При этом он не чувствовал никакой тяжести в желудке; Мега словно заряжался чистой

энергией, которая мгновенно растекалась горячей волной по жилам и мускулам, и вскоре он ощутил во всем теле приятное покалывание.

— Йох-хо! — вскричал Мега, в восторге хватая голову кролика и вонзая зубы в глазное яблоко. Зубы

Меги наткнулись на твердое, и он с удовольствием услышал хруст ломаемой кости. В следующее мгновение его язык был уже внутри; словно змея, он проник в череп и задвигался там, будто ложкой черпая восхитительную субстанцию мозга, и Мега глотал дымящееся лакомство, давясь, булькая и пуская пузыри.

О, этот молниеносный, стремительный налет! Мега видел кровь, обонял кровь, купался в ней, захлебывался и тонул. Весь мир вокруг стал красным. Красный мир для него, красный мир для всех норок! Отныне и навсегда.

Когда первоначальная эйфория немного улеглась, Мега устроился поудобнее и продолжил утолять свой все еще острый голод уже не спеша, наслаждаясь вкусом каждого куска, который он вырывал из все еще теплой тушки.

Только ближе к ночи вконец охрипшему Макси, воспринявшему неорганизованность подчиненных как личное оскорбление, удалось наконец собрать всю стаю. Самых глупых норок, просто-напросто потерявших власть над собственными чувствами, удалось легко обнаружить в ближайших кустах, где они метались от одного свежего трупа к другому, не в состоянии даже выбрать, с чего начать пиршество. Но были и другие — те, кого азарт погони увлек за пределы леса, на прилегающие поля. Не в силах отыскать обратную дорогу, они растерялись и принялись плутать. Последних, самых упорных охотников едва удалось выследить. Эти терпеливо сидели возле глубоких нор и логовищ, куда в последний момент скрылись их потенциальные жертвы. Впрочем, вся эта беготня обернулась неожиданным преимуществом: по мере того как заблудившиеся норки — сами или с помощью разосланных Макси поисковых партий — возвращались к стае, принесенная ими информация складывалась в общую картину и помогала вожакам составить примерный план окрестностей. Все сообщения неопровержимо свидетельствовали, что Гор-чица хоть и путала левую сторону с правой, однако

в описании леса ничуть не погрешила против истины. Это действительно было чудесное, удивительное место, еще больше выигравшее в глазах норок, с тех пор как они приняли участие в настоящей погоне и попробовали на вкус свежую кровь. Стоило ли говорить, что от их усталости и отчаяния не осталось и следа?

— Твой авторитет значительно возрос, — докладывал Меге весьма довольный Психо. Он все еще был под впечатлением своего собственного успеха. Ему удалось свернуть шею какой-то маленькой птичке, которая замешкалась и не успела взлететь вовремя. При воспоминании об этом пасть на острой мордочке то и дело разъезжалась в идиотской улыбке.

— Твой рейтинг популярности взлетел на небывалую высоту! — восклицал мастер-импровизатор, закатывая глазки под лоб. — Массы уже больше не ворчат, что ты завел их на вересковую пустошь. Теперь в их глазах ты героический Вождь, который исполнил свое обещание и привел своих подданных в Землю Обетованную.

— Да, это так, — скованно отозвался Мега. От улыбки Психо у него кровь стыла в жилах. «Неужели, — недоумевал он, — Крысеныш никогда не перестает анализировать?» Следующее замечание маленького недоноска заставило его поморщиться.

— Жаль, что тебе не повезло с самого начала,— сказал Психо, хитро улыбаясь. — Ну ничего, все мы, бывает, ошибаемся.

«Этот пащенок еще и снисходительность проявляет!» — подумал Мега. Меньше всего ему хотелось, чтобы именно Психо был свидетелем его неудачи, и вот на тебе!..

— Не беспокойся, Мега, я сохраню наш маленький секрет! — Психо ухмыльнулся и заговорщически подмигнул Вождю.

Мега с трудом подавил порыв схватить негодяя за горло и лишить его жалкой жизни. Умение совладать с личными чувствами ради общего дела было одним из новых аспектов лидерства, которые Мега только недавно начал для себя открывать, и, надо сказать, не все они ему нравились. Кроме того, сегодня надо было отдать

Психо должное: во время беспримерного перехода ему, слабосильному, несомненно, пришлось много тяжелее других.

Именно поэтому, когда Мата предложила ему вместе вернуться за спрятанным наверху хвостом, Мега оставил Психо присматривать за стаей вместе с Макси. Он может себе позволить быть щедрым и великодушным, размышлял Мега, прыгая рядом с Матой через кусты и прислушиваясь к легким шорохам и потрескиваниям: это разнообразная живность торопилась убраться с дороги.

— Мы хорошо поработали, — заметила Мата, пока Мега вытаскивал из-под куста спрятанный хвост. — Ты и я… вместе.

«Пожалуй, это действительно так», — подумал Мега. Каждый из них с легкостью мог бы критиковать другого за промахи и ошибки, но никакого смысла в этом не было. И если теперь Мата настаивала, что успех является наполовину ее заслугой, Мега не был склонен возражать. Она старалась изо всех сил, норки оказались в лесу, а все остальное не имело никакого значения.

— Мы с тобой — пара, не так ли? — негромко спросил он.

Плечом к плечу вышли они на поляну. Там их встретили приветственные возгласы и возбужденное стрекотание собратьев — каждый хвалился личными успехами и числом перекушенных глоток и разбитых черепов. Макси вышагивал вокруг пня, с гордостью улыбаясь.

Зрелище трофея в зубах Вождя вызвало новый взрыв энтузиазма.

— Ме-га! Ме-га! Ме-га! — скандировала стая в экстазе, бросаясь навстречу Вождю.

Глава 36. НОВЫЙ ДОМ

— Я могу только повторить, что безопасности не бывает слишком много, — заявил Макси. — Если люди обнаружат нас здесь, мы можем распрощаться со своими шкурами.

— Да, Макси, конечно,— отозвался Мега ровным голосом. — Но есть и другие аспекты, которые нельзя не учитывать.

Макси уже не в первый раз удивлял его своей осторожностью и предусмотрительностью, но теперь его одержимость вопросами безопасности начинала смахивать на паранойю. Хуже всего было то, что его непонятное упрямство сразу же остановило обсуждение вопроса о местоположении нового лагеря.

Теперь, когда норки благополучно прибыли в лес, Мега счел возможным допустить на совет лабораторных новичков, М-Первого и М-Второго. И они уже высказали свое мнение: если массам нравятся окрестности в целом, хотя они еще плохо здесь ориентируются, постоянный лагерь явился бы тем самым стабилизирующим элементом, который позволил бы каждой норке как можно быстрее освоиться с незнакомым местом и адаптироваться к изменившимся условиям.

— Норкам необходимо такое же ощущение безопасности, какое они испытывали в клетках, но только без клеток. Следовательно, необходимо подобрать такой альтернативный вариант, который устроил бы всех. Норки должны гордиться своим новым жилищем. Только тогда они будут счастливы назвать лес своим домом, — заявили Первый и Второй в самом начале дискуссии, когда ничто еще не предвещало грядущих осложнений.

Выбирать можно было только из двух возможных вариантов. Первый вариант, или «База номер один», как по-военному называл это место Макси, представлял собой глубокую выемку у подножия водораздельных холмов чуть в сторону от того места, где норки вошли в лес. Крутые обрывистые стены и ровное дно ямы заставляли предположить, что когда-то давно ее вырубили в земле люди. С другой стороны, заброшенность выработки указывала, что люди давно здесь не появлялись и вряд ли появятся в ближайшее время. Именно это место особенно приглянулось Макси, и он настаивал, что лучше Первой базы им все равно не найти.

— Как вы не понимаете, это же господствующая высота,— объяснял он.— Увидеть нас здесь практиче– ски невозможно, зато мы сможем держать под наблюдением всю прилегающую территорию. Нужно быть готовым к любым неожиданностям; таково мое мнение, и я буду на нем настаивать.

«Справедливо», — подумал Мега, внимательно следя за Макси, который поскакал вверх по склону, наглядно демонстрируя, насколько легко будет стае в случае опасности подняться на гребень и исчезнуть. Своим предложением Макси, несомненно, заработал очко, если не два.

— Если установить здесь наши посты, — прокричал сверху Макси, ясно видимый на фоне неба, — то мы сможем держать под наблюдением всю местность, включая и самое опасное для нас направление — на ферму, откуда мы пришли.

Мега легко взбежал на гребень. Обзор действительно был великолепным, однако Мега всерьез задумывался, насколько им вообще стоит опасаться людей. Прежде чем руководство собралось на совещание, Мата поделилась с ним своим личным мнением.

— Я нутром чувствую, — заявила она, — что если не было погони по горячим следам, то ее и не будет. Допустим, нас тут случайно обнаружат — ну и что? Даже наш бывший угнетатель после всего, что случилось, вряд ли захочет нашего возвращения. Другие люди

наверняка предоставят нас самим себе. Единственным исключением может оказаться тот, на чьей территории мы поселились, однако он, скорее всего, не интересуется, кто и как тут живет. До сих пор все подтверждало слова Горчицы о том, как здесь безлюдно, и я уверена, Мега, люди не станут на нас охотиться.

— Знаешь, Мата, там, на ферме, я не только выдержал взгляд освободителя, но и заставил его отвести глаза, — поделился он своей тайной.

— Я тоже переглядела человека, — ответила Мата и заговорщически улыбнулась ему.

— Значит, мы поступаем правильно, когда не боимся их? — уточнил Мега. — И можем рассчитывать, что люди будут бояться *нас?*

— Да,— кивнула Мата.— Я думаю, что да. Даже если они обнаружат нас здесь, они, скорее всего, предпочтут не обращать на нас внимания.

В конце концов Мега согласился с ней и начал думать так же. Именно поэтому он считал возможным выбрать то, что им больше нравится, а именно Плато, или «Базу номер два», как лишенный воображения Макси назвал небольшую площадку между лесом и рекой. Относительно ровный и почти горизонтальный участок склона заканчивался обрывом. Река образовывала здесь глубокую запруду, прежде чем влиться в довольно узкую горловину. Правда, по противоположному берегу проходило шоссе, но Плато было надежно закрыто высокой отвесной скалой.

Мега точно знал, что именно здесь хотела бы поселиться стая. Все дело было в реке. По пути сюда, на Большом болоте, как Первый и Второй, вызвавшиеся составить официальную историю освобождения, окрестили торфяную пустошь, норкам пришлось преодолеть несколько ручьев, и каждый раз вынужденное купание заметно прибавляло им бодрости. Норки явно наслаждались возможностью прыгнуть с берега в воду, поднять тучу брызг или даже окунуться с головой, чтобы потом выбраться на берег, отряхивая с лоснящегося меха сверкающие капли. Здесь у них под боком оказались уже не какие-то там ручьи, а целая река, да и запруда была словно специально создана для купания — настолько она была широка и глубока. Даже Мега не сумел отказать себе в удовольствии и барахтался в ледяной воде вместе со всеми.

Но сейчас пятеро руководителей стояли на обрыве, глядя вниз, в темные глубины вод, и Макси, горячась, перечислял многочисленные недостатки этого места:

— Устраивать колонию так близко от шоссе, пусть оно даже на противоположном берегу, означает самим напрашиваться на неприятности. Кроме того, Плато расположено довольно низко по склону; следовательно, мы рискуем подвергнуться неожиданной атаке сверху, и нам даже некуда будет скрыться.

— Напротив, это место довольно хорошо защищено! — вмешался Психо. — Да, шоссе действительно близко, но нас закрывает скала, и хотя мы мало что видим, но и сами остаемся практически невидимы.

Макси, возмущенный тем, что Психо подвергает сомнению его компетентность в вопросах безопасности, немедленно вскипел. Психо не заметил тревожных признаков и чуть было не зашел слишком далеко.

— Можно подумать, ты боишься людей! — бросил он надменно.

Мега вынужден был вмешаться, чтобы спасти мастера-импровизатора от немедленного увечья.

Макси немедленно воспроизвел свои старые аргументы.

— Первая база гораздо больше, мой Вождь, — сказал он. — Правда, после сарая и Плато может показаться просторным, однако его реальные размеры недостаточны. Взгляни на эти крутые откосы — здесь совершенно некуда расширяться, и я предвижу большие сложности, когда появится новое поколение норок. Нет, будущее, несомненно, за «Базой номер один».

Но Вторая база обладала таким преимуществом, против которого даже Макси не сумел ничего возразить. Огромный ясень, который когда-то рос на самом краю Плато, обрушился в воду и застрял, все еще цепляясь корнями за берег. Теперь его ствол представлял собой удобную горку, по которой можно было скатываться прямо в воду. Многие норки с удовольствием проделывали это по нескольку раз. С точки зрения игр и развлечений упавшее дерево было настоящей находкой.

— Первая база — голая и сухая, Мега. Даже Макси не может гарантировать, что массы не восстанут, если мы попытаемся заставить их жить там, — настаивал Психо.— И бесполезно было бы втолковывать им, что там безопаснее, даже если бы это было действительно так. Я уверен, они проголосуют ногами именно за тот вариант, который им больше по душе, и будут проводить здесь больше времени, чем там.

И все же стоило немалых усилий преодолеть последнюю попытку Макси настоять на компромиссном реше-

нии: стая-де должна обосноваться на Первой базе и переехать на Плато позднее.

— Мы не можем постоянно думать о безопасности, — объяснял Мега. — Стая пришла в лес для того, чтобы жить на свободе, наслаждаться ею, а ты предлагаешь норкам жить в постоянном страхе.

—— Надеюсь, Вождь, это не означает, что я должен пренебречь своими обязанностями? — мрачно ответствовал Макси. — Лично мне кажется вполне разумным за свободу платить бдительностью и еще раз бдительностью.

— Твоя бдительность — это бесконечные разговоры о неприятностях, и они на кого угодно страх наведут! — нетерпеливо бросил Мега. — Что будет с нашей свободой, если мы будем постоянно оберегать себя от опасностей, которые, может, вовсе нам не угрожают?

— Ну хорошо, — сдался наконец Макси. — Только потом не говори, будто я тебя не предупреждал.

— Не переживай, — ответил ему Мега, неожиданно почувствовав страшную усталость. Макси продолжал разочаровывать его, хотя он уже решил, что в изменившихся условиях он обязан быть к своим соратникам снисходительнее. — Как бы там ни было, — прибавил он, стараясь подбодрить своего военного советника, — это не означает, что ты можешь больше не заниматься своей любимой работой.

Вожаки вернулись на Большую поляну и застали норок любующимися кучей трупов, в которую был воткнут их полосатый талисман. Мега легко вскочил на Пень и встал на задние лапы.

— Мы переезжаем на Плато, — объявил он под радостные крики собравшихся. — Но есть проблема. Кто хочет мне помочь?

— Мы все, все хотим!

— Вот и отлично. — Мега свирепо улыбнулся в усы. — Дело в том, что здесь, в лесу, обитает немало существ, которые считают, будто это их дом, а не наш. Должны ли мы объяснить им их ошибку?

— Конечно! Давай покажем им, кто в лесу хозяин! — дружно завопили норки.

— А теперь внимательно послушайте, что вам скажет Макси…

Макси просиял, когда Мега поручил ему возглавить атаку на Плато. Он рассчитывал повторить вчерашнюю резню, но его надеждам не суждено было сбыться. Многие норки были слишком возбуждены, чтобы подчиняться дисциплине, которой он требовал. В результате движение стаи сопровождалось таким громким треском, шорохом и оживленным стрекотанием, что военачальник только морщился и в отчаянии зажимал уши.

— Ничего не выйдет, мой Вождь, — пожаловался он Меге. — Можно подумать, они напрочь забыли все, чему я их учил.

— Сейчас с этим все равно ничего не поделаешь, — раздраженно откликнулся Мега, снова теряя терпение. — В конце концов, ты имеешь дело не с автоматами.

Производимый стаей шум нарушил сонную тишину ночи, поэтому не было ничего удивительного в том, что, когда на рассвете авангард норок выскочил на Плато, оно оказалось покинуто.

— Это вы виноваты! Надо было исполнять приказания! — в ярости вопил Макси, но его никто не слушал.

Позабыв о первоначальном разочаровании, норки рассыпались по площадке, с энтузиазмом исследуя покинутые норы, все еще хранящие сладкий запах кроликов. Разумеется, если бы они подкрались к Плато неслышно и, захватив врасплох его лопоухих обитателей, заодно бы и позавтракали, было бы еще лучше, однако кролики оставили после себя такие замечательные, словно на заказ выкопанные обиталища, что норки пришли в настоящий восторг и даже позабыли о еде.

— Они были здесь совсем недавно! — крикнул Меге кто-то из самцов. — Подстилочки еще теплые!

— Значит, нам не потребуется отопление, — пошутил Мега, и все зашлись от смеха. — Ну а теперь — кто первым съедет в воду?

Норки наперегонки устремились к поваленному ясеню, и темная вода запруды забурлила и закипела, когда

они стали друг за дружкой прыгать туда с веток. Вскоре на обрыве остался только Макси, неподвижный, словно вырезанный из дерева. Мега, который только что вынырнул из глубины в окружении стайки веселых пузырьков, крикнул ему:

— Эй, все еще хочешь на Первую базу? Макси свирепо оскалился.

— Оставь его,— посоветовала Мата.— Ты все равно не заставишь его радоваться жизни вместе со всеми.

С этими словами она ударила лапкой по поверхности воды, и взлетевшие веером брызги попали прямо в морду Меге.

— Ну, ты!..— рассмеялся Мега, бросаясь в погоню.

Глава 37. ЛАСКИ КОНЧИЛИСЬ

— Нам безразлично, что об этом говорят. Самое главное: они — не мы! — с вызовом пропищала ласка. — И не горностаи, — добавила она под одобрительные кивки сородичей. — Мы хотели бы также подчеркнуть, что их появление в лесу является для нас еще большей неожиданностью, чем для всех остальных.

Борис взял на себя инициативу возобновить заседания Общества Памяти Полевой Мыши исключительно для того, чтобы выяснить, кто такие эти страшные пришельцы, и за это Филин был весьма ему благодарен. Сразу после бойни на Большой поляне он почувствовал настоятельную необходимость обсудить происшедшее со своими собратьями-хищниками, а не с бесполезными кроликами. Именно барсук решил, что Общество должно для начала подвергнуть допросу ласок и горностаев. На них первых пало подозрение, как на единственных обитателей леса, кто мог иметь какое-то отношение к непрошеным гостям. Впрочем, это племя мелких лесных хищников в любом случае было самым удобным козлом отпущения: ласок и горностаев одинаково недолюбливали в лесу и за их любезные, приторно-вкрадчивые

манеры, и за мерзкую привычку высасывать птичьи яйца в отсутствие хозяев.

— Но они похожи на вас и на горностаев, — возразил Филин, обвиняюще глядя на узкие, остроконечные рыльца, бегающие глазки и встопорщенные усы.

— Для невежды и ворона на грача похожа, — отбрила его ласка. — Но ведь мы не считаем вороной, например, Раку? Может быть, вы просто тупые? — насмешливо закончила она.

Филин и Борис сделали все, чтобы не дать воли гневу. Обоим было нелегко держать себя в лапах, общаясь с этими хитрыми злыднями.

— Или слепые вдобавок? — пропищала ласка, и кровяное давление Бориса разом подскочило еще на пару делений. — Разве вы не видите, что они совсем другой масти?

Горностаи, которые только что перелиняли и щеголяли в новеньких летних шубках, дружно закивали.

— Неужели вы настолько ненаблюдательны, что не видите, насколько они крупнее? — презрительно добавила ласка, и Борис свирепо затряс своей полосатой головой. Вольно или невольно, ласка задела его за живое: зрение у барсука было скверное, так что он вряд ли представлял, как выглядят захватчики, и единственное, что он мог сказать по поводу их особых примет, это как от них воняет. Филин, который видел агрессоров более или менее ясно, поддержал предложение барсука допросить мелких хищников в надежде вытащить из них хоть какие-то полезные сведения.

— Кто же они в таком случае? — сурово спросил он.

Ласка быстро-быстро заморгала.

— Мы подозреваем, что это наши дальние и печально известные родственники, которые обычно живут довольно далеко отсюда, — неуверенно призналась она. — Но до нас дошли слухи, будто живущие в этих краях люди содержат их в клетках, как цыплят.

— Тебе не приходилось слышать ничего такого? — спросил Филин у Фредди, признанного специалиста по куриному вопросу.

— Нет. — Фредди покачал головой. — А где это?

— Ты, наверное, такой же глупый, как и твои друзья, — оскалилась ласка. — Разве я не сказала, что это был только слух? Мы не стали расследовать его, потому что нас это не интересовало.

Последовало долгое молчание.

—. Если ты, мерзкая тварь, немедленно не расскажешь нам все, что знаешь, я лично переломаю тебе все кости! — неожиданно взвился Борис. — Одну за другой, так и знай!

Ласка сразу утратила всю свою наглость.

— Постарайся не понять нас превратно, — проговорила она, почти не двигая губами, — но мы признаем: это наши дальние родственники, члены огромного семейства *Mustelidae.* Впрочем, на этом всякое сходство между нами заканчивается.

— Как они называются?

— Норки.

— Норки?

— Да, мерзкие, злобные, свирепые сукины дети.

— Еще более мерзкие, чем вы?

— Намного.

— Более свирепые?

— Намного.

— Более агрессивные?

— Гораздо.

— Есть у них какие-нибудь достоинства?

— Никаких. Это законченные негодяи.

Борис почесал в затылке, подняв тучу пыли. Он никак не мог придумать, что бы еще спросить, и потому повернулся к Филину.

— Расскажи нам, что ты видел, — попросил он.

Филин спал, когда неизвестные существа ворвались на Большую поляну. Он проснулся от криков и был так удивлен, что едва не свалился со своего сука вниз. Инстинктивно он взлетел, хотя разум, включившийся мгновением позже, и подсказывал ему, что и на своем председательском месте наверху он был бы в безопас-

ности. Тем не менее Филин остался в воздухе. Описывая **над**поляной круги, он с профессиональным интересом наблюдал, как пришельцы ловят мечущихся в панике Сопричастных Попечителей.

— Я никогда не видел, чтобы звери так себя вели,— объяснил он.— Они, несомненно, представляют из себя одну стаю, однако на поляне каждый из них действовал вполне самостоятельно и с большим успехом. В результате под Дубом начался настоящий хаос. Если воспользоваться выражением Фредди, то Сопричастные Попечители метались, словно обезглавленные цыплята.

Лис облизнулся.

— И что в них было такого особенного?

Это был не простой вопрос. Прежде чем ответить, Филин хорошенько подумал, подбирая слова.

— Ну, — не спеша начал он, — во-первых, я сразу понял: передо мной настоящие, свирепые хищники. Они очень быстро движутся, они предельно сосредоточены на своей жертве да и зубами своими пользуются весьма умело. Но больше всего меня поразило, гм-м… рвение, с которым они расправлялись с добычей. Всем нам случалось убивать, но эти так называемые норки действуют с особой, бескомпромиссной, какой-то дикой жестокостью. Свирепо, если можно так выразиться…

Филин порылся в памяти, но так и не нашел подходящего слова.

— Они почти не мешкали и не колебались… Никакой игры я, во всяком случае, не заметил. Одним прыжком на горло, разорвать артерию — и дальше…

Ловя на себе ничего не выражающие взгляды слушателей, Филин подумал, что он сам еще не осмыслил увиденное до конца.

— Мое описание вполне приложимо к любому нормальному хищнику и ничего особенного в нем нет, — признал он. — Но это еще не все. Больше всего меня озадачили

дальнейшие действия этих так называемых норок. Они продолжают убивать, но я не знаю почему. Насколько я понял, им больше всего нравится размозжить жертве череп, чтобы высосать

мозги. Разумеется, некоторые другие части они тоже едят, но в большинстве случаев они оставляют трупы почти нетронутыми. Можно подумать, убийство интересует норок гораздо больше, чем возможность насытиться.

— Совершенно справедливо! — гордо вставила ласка.

— Что ты имеешь в виду? — подозрительно переспросил Борис, и ласка сразу поскучнела.

— Ничего особенного,— пробормотала она.— Это либо понимаешь, либо нет. Единственное, что я могу сказать по этому поводу, это то, что так же поступаем мы, ласки и горностаи. Именно поэтому мы должны уйти.

— Вы не должны! — воскликнул потрясенный Филин.— Вы не можете!..

— Вот увидишь, — пообещала ласка.

— Но ты же сама сказала, что норки — ваши дальние родственники. Вы что, не разговаривали с ними?

— Никакого разговора все равно не получится, — мрачно откликнулась ласка. — Насколько нам известно, троих наших уже нет в живых, и это только те, о ком мы знаем наверняка. И поскольку мы естественные соперники норок в борьбе за пищевые ресурсы, именно за нас они возьмутся в первую очередь.

Признание ласки потрясло Филина. Значит, понял он, от неожиданно свалившегося на лес агрессора страдают не только Сопричастные кролики и прочие травоядные, но и хищники.

— Ты хочешь сказать, вы добровольно отдаете норкам принадлежащую вам территорию, не говоря уже о месте в лесной иерархии, и все это — без драки? — переспросил он.

— Именно так, — ответила ласка, не колеблясь ни секунды.

— Но норки, в конце концов, такие же хищники, как и мы, — не сдавался Филин.

— Такие же, как мы, вот как? — невесело усмехнулась ласка. — Ты скоро сам увидишь, как все здесь изменится. И если вы не такие глупые, какими кажетесь,

вы все последуете нашему примеру и уберетесь из этого леса, пока не поздно.

Ласки и горностаи, мягко говоря, не пользовались популярностью, и многие обитатели леса были бы рады их уходу вне зависимости от причины. Однако по взгляду, брошенному на него Ракой, Филин понял, что мудрая грачиха думает так же, как и он: пусть ласки и горностаи хитры и изворотливы, пусть у них премерзкие повадки, но никто никогда не считал их трусами. Должно быть, положение на самом деле очень серьезное, если даже им не хватило храбрости остаться.

— Нужно обсудить это,— сказал Филин, обращаясь к остальным, когда последний представитель семейства *Mustelidae,* даже не обернувшись, исчез между деревьями.

— Не можем же мы просто смотреть, как они хозяйничают в нашем лесу! — воскликнул Филин.

— А они *действительно* так плохи? — лаконично поинтересовался Фредди. — Что до меня, то я никогда не верил ни одному слову, сказанному лаской или горностаем. Какая нам разница: норки или не норки? Мы-то с ними поладим, будь спок. Кстати, ты не задумывался о том, что в лесу есть живые существа, которым появление этих агрессивных убийц приносит только пользу?

— Кого ты имеешь в виду? — подозрительно осведомился Филин.

— Только падалыциков, таких, например, как вороны, и прочих жучков и червячков, которые питаются мертвечиной. Разве они жалуются? — спросил Фредди, с самым невинным видом глядя вверх. — А как обрадуются синие мухи! При таком количестве гниющих останков им будет куда откладывать яички — тысячи, сотни тысяч яичек.

— Ты намекаешь, что раз у некоторых видов имеются свои собственные причины жаловаться на жизнь, значит, на остальных им наплевать? — едко осведомился Филин.

— Ты, Фил, не хуже меня знаешь, что именно так устроен лес, — парировал Фредди и улыбнулся. — В цепочке обязательно находится кто-то, кто кормится на несчастье других.

Филин нахмурился. Дедушка Длинноух как-то говорил ему, будто все они являются частью одного целого, но тогда у него сложилось впечатление, что это, скорее, хорошо, чем плохо.

— Я знаю одно такое существо, которое кормится гораздо лучше других, — неожиданно подала голос Рака, уставившись на Лиса круглым черным глазом.

В ответ Фредди только насмешливо приподнял верхнюю губу.

— Фредди прав, — поспешил на помощь лису Борис. — Твоя беда, Филли, состоит в том, что ты еще не совсем очухался после своего общения с трепачами-вегетарианцами. Наш лес — свободный лес, в котором разные живые существа живут каждый по своим собственным правилам. Кто осмелится критиковать их за это?

— С тобой-то, по крайней мере, все будет в порядке,— сердито возразил Филин.— Ты достаточно крупный зверь, чтобы позаботиться о себе. А как насчет тех, кто не в состоянии этого сделать?

— Не могут — значит, не могут, — небрежно ответил барсук. — Так устроен мир, Филли.

— И как им быть? — уточнил Филин.

— Приспосабливаться, Филли. Адаптироваться к новым условиям.

— Как поступают самые умные из нас, — снова вставила Рака, косясь на лиса.

— Может быть, Рака, — отозвался Фредди, загадочно улыбаясь. — Может быть…

Примерно то же самое Филин услышал, как только вернулся в гнездо.

— Ты что, забыл, что нам нужно насиживать яйцо? — сердито проскрежетала Юла, увидев его на пороге дупла. — Пора бы поумнеть и заняться собственной жизнью вместо того, чтобы пытаться жить чужой!

— Но ведь именно об этом и говорил Дедушка Длинноух! — в отчаянии вскричал Филин. —' Это я и пытаюсь все время вам втолковать: жизнь каждого зависит от жизни других постольку, поскольку мы все одинаково участвуем в жизни леса! Неужели ты не в состоянии этого увидеть?!

— Зато я в состоянии увидеть, что ты пытаешься быть большим кроликом, чем сами кролики! — завопила в ответ Юла. — Чего я *не* вижу, так это моего ужина, а я в нем крайне нуждаюсь! Мне нужна еда, а не этот бесконечный треп!

— Ласки и горностаи ушли, — сказал он, предвкушая, как эта новость потрясет ее, но Юле все было как с гуся вода. Вернее — с гусыни.

— Вот и хорошо, — отрезала она. — Мне, во всяком случае, всегда было глубоко на них плевать. Жаль, твои возлюбленные кролики не последовали их примеру. А теперь ответь мне наконец: где еда?

Филин послушно вылетел из дупла и отправился на охоту. Что бы он ни думал о своей супруге, мысль об отцовстве и о крошечном своем подобии, которое развивалось внутри яйца, была ему приятна.

Пролетая над Плато, он заметил, что там, несмотря на поздний час, царит оживление. Собственно говоря, с тех пор как в лес прибыли захватчики, оно здесь почти никогда не стихало. Было очевидно, что с тишиной и покоем, которыми еще недавно наслаждались хищники и нехищники, покончено. Чувствительным ушам Филина поднятый норками шум казался оглушительным, и этот звук можно было расслышать даже издалека.

«Интересно, — подумал он, — что сказал бы ДД по поводу предсказанной „большой беды" теперь, когда она наконец пришла?»

– Чтобы понять все значение происшедшей в лесу катастрофы, ему самому необходимо было поговорить с Лопухом. Разумеется, Большая Задница ни при каких условиях не мог считаться полноценной заменой Дедушке Длинноуху, но что-то он наверняка знал, и это могло оказаться не совсем бесполезным.

«Если, конечно, он все еще с нами и если я сумею его разыскать», — подумал Филин. С тех пор как в лесу появились норки, свободно разгуливающие по подлеску кролики встречались не чаще, чем зубы у сороки.

Глава 38. ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ ЛЕС

Никто не удивился, когда М-Первый и М-Вто-рой стали главными вдохновителями и организаторами церемонии в честь благополучного прибытия стаи в лес.

— Необходимо основываться на концепции, которой все норки впоследствии могли бы пользоваться к своему и всеобщему благу, Вождь, — объяснял М-Первый, приплясывая вокруг Меги, вышедшего ранним вечером на прогулку. — Иными словами, необходимо

выдумать что-то такое, что бы еще больше консолидировало стаю. Нам нужна концепция, которая воплотила бы в себе самую суть норковости.

— У нас уже есть такая концепция. Она называется «Море крови!», если вы забыли,— проворчал Мега. Больше всего в этой парочке его раздражало отсутствие всяких представлений о том, что такое частная жизнь. Неужели он уже не может прогуляться по своим владениям без того, чтобы эти назойливые проныры не оказались рядом?

— Это же два слова, Вождь, а нам нужно одно! — легкомысленно отозвался Первый, забегая вместе с братом вперед. Обогнав Мегу, они встали, загораживая ему проход.

Когда Мега остановился, Второй приподнял голову и пристально посмотрел на него.

— Если серьезно, Вождь, то «море крови» — это то, что стая *делает.* Наша же специальность состоит в том, чтобы, оставив в стороне прозаическое «что», заниматься эзотерическим «почему». Чтобы закрепить завоевание леса официально, мы рекомендуем провести церемонию именования, однако для этого нам нужно выбрать со-

всем особенное имя, выражающее не «чтойность», а «по-чемуйность», то есть причинную сущность.

— Единственное, что меня интересует в смысле причин, это почему я не могу отличить вас одного от другого, — проворчал Мега, одновременно пытаясь найти рациональное зерно в их ученой фразеологии. Первый и Второй между тем сновали по тропе, то исчезая среди удлиняющихся теней, то опять появляясь, и он подумал, что именно из-за постоянно сбивавшей его с толку схожести этих скользких парней ему никак не удавалось ни поймать их на слове, ни положить на лопатки в споре.

— Почему бы тебе не рассматривать нас как одно целое, великий Вождь? — в один голос пропищали Первый и Второй. — Ты мог бы называть нас Отделом норкетинга. В конце концов, мы здесь именно за этим: мы должны сделать так, чтобы твое появление на рынке вызвало максимальную положительную реакцию.

Мега поморщился. Эта новая для норок концепция «рынка» не нравилась ему так же сильно, как и «серые массы» Психо. Только сегодня утром парочка устроила вокруг него страшную суету — норкетинговую, как они это представили. Не без труда Мега выяснил, чего они добивались на самом деле. Оказывается, М-Первый и М-Второй всего лишь рекомендовали ему зачесывать шерсть на макушке вверх, чтобы казаться выше и внушительнее. Вместе с тем Мега должен был постоянно держать уши торчком, что, по их мнению, должно было производить впечатление настороженности и агрессивности.

— В наши дни, для того чтобы хорошо исполнить свою роль, необходимо прежде всего *выглядеть,* как тот персонаж, на чье место ты претендуешь, — наперебой утверждали они. — Чтобы быть великим вождем, нужно прежде всего выглядеть круто!

Мега, улучив минутку, когда они не смотрели, уединился и попробовал последовать их рекомендациям, глядясь в какую-то лужу. Он был весьма доволен результатом, однако, вернувшись на Плато, разнес обоих в пух и прах.

— Моя работа — быть лидером, то есть вести норок за собой, а не тратить время на выдумки каких-то жалких мехостилистов-визажистов! — прогремел он.— Прочь с глаз моих, оба!

Теперь он снова повторил это свое сердитое требование, и Первый со Вторым удалились, храня на мордах обиженное выражение. Мега же продолжил свой одинокий дозор. Он шел и шел, пока не наткнулся на Макси, возвращавшегося с проверки караулов.

— Разреши доложить, Вождь: все на месте, всё в порядке! — проорал Макси, и с вершины ближайшего дерева слетели вспугнутые им лесные голуби. — А я только что закусил черным дроздом, если тебе это любопытно.

Мега уже заметил прилипшие к морде и груди Макси окровавленные перышки — следы недавней трапезы — и подумал, что внешний вид его военного советника с каждым днем становится все хуже. Возможно, решил он, ему следует для начала натравить на Макси Отдел норкетинга.

— Отличная работа, — небрежно сказал Мега. — А теперь скажи, что ты думаешь по поводу празднества?

Военный советник медленно пошел рядом с Вождем. На его поднятой вверх морде появилось недовольное и презрительное выражение.

— По-моему, это просто помешательство, Мега! — пролаял он. — Во всяком случае я не вижу в этом никакой необходимости. У рядовых и без того достаточно поводов для радости. Меньше всего мне хотелось бы разбаловать норок — тогда придется нянчиться с ними день и ночь.

— И все-таки один праздник не причинит никакого вреда, тебе не кажется? — с легким упреком заметил Мега. — По-моему, норки заслужили награду.

— Н-ну… пожалуй. Да, мой Вождь,— неохотно согласился Макси. — И все-таки я считаю, что рядовые должны знать свое место. Пусть, как и прежде, они занимаются лишь самыми простыми, обыденными делами, потому что иначе кто знает, какие странные идеи могут прийти им в головы.

Мега задумчиво покосился на напряженно выпрямившегося Макси. Лично он по-прежнему относился довольно скептически к «почемуйности» и прочей норкетинго-вой хреновине, но перспектива праздника казалась заманчивой даже ему.

— По-тво"ему, — уточнил Мега, — жизнь — это только кровь, и никаких зрелищ?

«Да что же с ним случилось, с нашим Вождем? — с беспокойством подумал Макси. — Сначала он не соглашается предпринять адекватные меры безопасности, а теперь собирается устроить праздник для рядовых!»

— В конце концов, мой Вождь, что еще может быть в жизни, кроме этого? — спросил он озадаченно.

— Кое-что может, Макси, — вздохнул Мега, видя, что дальше обсуждать этот вопрос с военным советником не имеет смысла.

— Я хочу назвать это место Свободный Лес, — твердо заявил Мега М-Первому и М-Второму. — Я обещал норкам свободу и лес — я это исполнил.

— Мне очень жаль, но мы вынуждены возразить, о великий Вождь,— сказал на это М-Первый, причем в его голосе не было ни тени сожаления. — Это замечательное название, но оно плохо соответствует нашей основополагающей концепции. Несомненно, наше славное завоевание свободы должно быть отражено в названии, однако проведенные нами норкетинговые исследования показали совершенно однозначно, что в первую очередь оно должно отражать то особое качество норок, благодаря которому свобода стала возможной. То есть мы опять возвращаемся к «почемуйности». В этой связи я рад известить тебя, Вождь, что избранная нами концепция предлагает простое и логичное решение, которое заключается…

Казалось, что внезапный переход из лаборатории в вольер, а оттуда в лес, переход, который должен был выбить братьев из колеи, не оказал на них совершенно никакого воздействия. Во всяком случае, оба со всей серьезностью отдавались тому, что они называли «глу-

бинными норкетинговыми исследованиями». Земляные стены норы, доставшейся Первому и Второму по наследству от какого-то несчастного кролика, были сплошь исчерчены графиками, таблицами и диаграммами вперемежку с грубыми изображениями лесных существ. Судя по всему, именно они и были источниками цифр, которыми М-Первый и М-Второй засыпали Мегу при каждом удобном случае. От цифр у Меги голова шла кругом. Уже на второй их фразе он переставал понимать, что братья имеют в виду. Да и какой смысл козырять цифрами, когда дела говорят сами за себя, говорят гораздо громче и убедительнее? В конце концов Мега пришел к выводу, что у этих двоих просто-напросто нет души. Он не удивился бы, если бы М-Первый и М-Второй признались, что никогда не пробовали свежей горячей крови.

Но на этот раз Мега готов был признать, что они, похоже, нащупали нечто достаточно важное. Лично он никогда*1* не противопоставлял причинную сущность но-рочьего бытия сопутствующей ей «чтойности», как они выражались.

Может быть, настала пора окончательно в этом разобраться?

— Почему норки — норки, Мата?

— Почему звезды — звезды, Мега?

— Просто они звезды, вот и все.

— Вот именно.

С тех пор как норки пришли в этот лес, Мата была исключительно немногословна, но Мега не терял надежды, что когда-нибудь она разговорится. Так почему бы не сейчас, когда оба они, с удобством расположившись на мягкой подстилке в своей просторной норе, угощались аппетитно похрустывающими жужелицами? Ах, если бы только она перестала говорить загадками…

— Отдел норкетинга намерен устроить большой праздник,— вскользь заметил он.

— Я знаю, — кивнула Мата. — Я выслушала их предложения и нахожу, что им следует и дальше дей– ствовать в русле своей концепции. На мой взгляд, они нашли довольно удачный ответ на вопрос, почему норки — норки.

Мега хрустнул очередным жуком и выплюнул несъедобные надкрылья.

— Что-что ты сделала? — переспросил он.

Мата в свою очередь выплюнула лапки и панцирь съеденной жужелицы.

— Почему бы тебе не перестать переживать по этому поводу и не предоставить мне во всем разобраться? — холодно спросила она. — В конце концов, мне эти вопросы гораздо ближе, чем тебе. Нужно быть самкой, чтобы понимать причинную сущность норочьего бытия полностью.

— Или мехостилистом, — не без горечи отозвался Мега. Нет, он не позволит ей подменять себя. Эти решения должен был принимать он, и только он.

— Как бы там ни было, все это просто разговоры, — прибавил он. — А жизнь — это не то, что ты говоришь, а то, что ты делаешь.

— Я знаю, Мега. Однако называть вещи своими именами, хотя бы время от времени, никогда не мешает. Для начала тебе необходимо как следует разобраться в себе самом. Позволь мне кое-что объяснить тебе…

Когда Мата закончила анализировать его собственные спутанные мысли, придав им некоторое подобие порядка, Мега был уже наполовину убежден. Отдел норкетинга действительно был не совсем бесполезен. Моря крови по-прежнему составляли главную сущность и цель норочьего бытия, но теперь к ним прибавилось кое-что другое.

На Плато имелось свое собственное подобие Могучего дуба, росшего на Большой поляне. Это был молодой бук с искривленным стволом. Некогда он рос в тени поверженного ясеня, и только теперь, когда ничто не загораживало ему дневной свет, бук гордо развернул свои ветви навстречу солнцу и свободе. Меге это казалось глубоко символичным. Других приметных мест на

Плато не было, и само собой получилось, что собрания стали назначать на площадке у дерева. Правда, Психо уверял норок, что теперь, на свободе, собраний будет совсем мало и проводиться они будут редко, только в случае крайней необходимости. Что касалось Макси, то он с самого начала прозвал место вокруг Кривого бука «плацпарадом».

Праздничная церемония началась с того, что Мега и Мата уселись под деревом, положив между собой черно-оранжевый хвост Пуссли. Одно время Мега боялся, что их трофей-талисман начнет гнить и разлагаться, однако хвост высох и мумифицировался, приобретя необыкновенную твердость. Вечер выдался совсем тихий, а небо было закрыто черными тучами, что вполне соответствовало влажной и теплой погоде, установившейся в последнее время. Перспектива дождя тоже никого не пугала — в последнее время все норки так полюбили капающую с небес воду, что даже не представляли, как они могли жить без нее раньше.

— Ну, мои отважные норки, что вы думаете обо всем этом? — прогремел Мега.

— Отлично!

— Превосходно!

— Блестяще!

— Ме-га! Ме-га! Нор-ка! Нор-ка! Ме-га — нор-ка! Ме-га — нор-ка! — принялись бешено скандировать норки, с нетерпением ожидавшие сегодняшней церемонии.

Мега широко улыбнулся, но сразу же стал серьезным.

— Мне не хотелось бы омрачать ваше радостное настроение, возвращая вас назад, к прошлому, и все же давайте вспомним все предыдущие поколения норок, которые томились в клетках и гибли, так и не узнав, что такое свобода. Их бескорыстная жертва не была напрасной! Давайте же почтим их память минутой молчания.

Мега выдержал паузу, которая показалась ему уместной.

— То были Темные Века, — продолжил он негромким голосом. — Дни правления бесхребетных Старей-

шин, дни безропотного поклонения их доктрине и покорности системе…

Мега сделал еще одну небольшую паузу, а потом возвысил голос:

— Но сегодня мы хороним это мрачное прошлое, мы празднуем наше настоящее! Здесь, в этом чудесном лесу, мы можем развивать в себе те качества, которые всегда отличали нас, норок, ставили нас в особое положение по отношению к другим, низшим существам. Мы пришли сюда, и здесь мы будем править!

Вождь скромно дождался, пока буря аплодисментов затихнет сама собой.

— Я привел вас сюда, мои храбрые норки, — сказал он, — но ваш славный успех — это не только моя заслуга. Мы должны благодарить судьбу за то, что у нас всех есть такое качество, которое позволило нам победить там, где все остальные неминуемо потерпели бы поражение. Помните, как вначале нас едва не сбил с пути коварный замысел нашего заклятого врага Горчицы, вступившей в сговор с Хранителем? Помните вы ночь, проведенную в трубе? — негромко спросил Мега. — Помните марш через болото? Помните ноющие мускулы и кровоточащие лапы? Помните, как ваш гордый дух едва не был сломлен?

Теперь некоторые из норок выглядели явно смущенными.

— Все это было наше детство, детство свободной стаи. Теперь оно в прошлом, мои норки, а прошлое я официально объявляю не имеющим никакого отношения к нам сегодняшним!

Виноватое выражение на мордах норок сменилось облегчением, и Мега сразу это заметил. Этот ход подсказал ему Психо, который утверждал, что многие из членов стаи все еще переживают, будет ли иметь последствия учиненный ими в трубе мятеж.

Он обежал глазами собрание.

— И все же наш замечательный успех — завоевание нового мира, который отныне принадлежит нам полностью и безраздельно,— стал возможен благодаря наличию в нас качества, которое связывает нас воеди-

но и позволило нам добиться столь грандиозной победы. Это качество называется предприимчивостью. Позвольте мне напомнить ёэм, мои норки, что это такое. Это дерзость, это инициатива, это смелость, сообразительность и — превыше всего — способность и готовность рисковать. Вот что такое предприимчивость. Выйдя, из клеток, где вам все подавали на блюдечке, каждый из вас проявил себя существом в высшей степени предприимчивым. Именно поэтому мы и победили, победили все вместе и каждый в отдельности. А победителям, как вам уже известно, всегда достаются все самые лучшие куски!

Он шагнул к кошачьему хвосту, и норки придвинулись ближе, сомкнувшись вокруг еще более тесным кружком.

— Помните Пуссли?

Норки откликнулись громким утвердительным ревом.

— Она дорого заплатила за свою наглость! — выкрикнул Мега, откинув голову. — Так пусть же теперь весь лес видит, что будет с теми, кто посмеет вставать на нашем пути! — воскликнул он во всю силу легких.

По сигналу Макси двое норковоротов принялись тянуть канат, сплетенный из гибких стеблей плюща и перекинутый через одну из ветвей Кривого бука. Кошачий хвост вздрогнул, оторвался от травы и начал подниматься вверх неравномерными рывками. Наконец он повис высоко над землей, слегка раскачиваемый вечерним ветром.

— Пусть каждый, кто увидит этот хвост, трепещет перед силой могучих норок! — торжественно провозгласил Мега. — Здесь, под нашей эмблемой, я нарекаю этот лес Предприимчивым Лесом. Пусть это название напоминает всем остальным существам о нашей великой инициативе и смелости, которые *ухвостоверяются сим хвостом]*

Эта последняя фраза, выдуманная Отделом норкетин-га, казалась ему глупой и дешевой, но Первый и Второй все-таки уговорили его непременно вставить ее в свою приветственную речь, уверяя, что для масс ни одна шутка не бывает слишком плоской.

И они оказались правы. Норки корчились от смеха. Сим ухвостоверяется!.. Их Вождь — отменный шутник!

Раскрасневшись от сознания собственного успеха, оба специалиста по рынку дружно выступили вперед. Еще утром М-Первый и М-Второй обучили норок новой песне, которую они сочинили специально для этого случая и которая так всем понравилась, что Отделу норке-тинга пришлось потратить немало сил, чтобы они не распевали ее раньше времени.

Правь, Норкомафия! Правь лесами! — дружно грянула стая.

Всех здешних тварей Сожрем мы сами!

Правь, Норкомафия, Морями крови! Лесные твари Пищат от боли!

Правь, Норкомафия, С утра до ночи! Всех диких тварей Пугать не прочь мы!

Правь, Норкомафия, Холмы и горы! Вас не укроют Все ваши норы!

Правда, вторая строка последнего куплета выглядела как-то неуклюже, однако придумать что-нибудь получше им никак не удавалось. «Сочинение песен только вспомогательное средство завоевания рынка, — утешали они друг друга, — да и норки в своей массе не настолько просвещенные существа, чтобы заметить легкие шероховатости текста».

Так оно и оказалось.

— Предприимчивый Лес принадлежит вам вместе со всем, что в нем находится! — завопил Мега. — Он ваш по праву! Вы его завоевали! Он ваш просто потому, что

вы — это вы, потому что вы — норки, в жилах которых течет красная кровь свободного народа! Так берите его, мои отважные братья и сестры! Берите и пользуйтесь им так, как вам больше нравится!

Раздувшись от гордости, Мега покосился на Мату, в то время как толпа снова принялась скандировать:

— Ме-га! Нор-ка! Ме-га! Нор-ка! Он — норка! Мега — норка!

Какие великолепные звери! Как лоснятся и переливаются их шубки, как блестят черные настороженные глаза, какие у них сильные мускулы, какие умные мордочки, какие острые зубы! Кто осмелится оспаривать их естественное превосходство над любыми живыми существами? Их позорное прошлое отныне навеки похоронено, а будущее обещает быть блестящим. Даже в заточении норки не утратили своего свободолюбивого духа, не забыли, что должны жить в свободном мире. И как бы ни называли этот лес его коренные обитатели, отныне он был зоной свободного предпринимательства норок. И он, Мега, только что установил это официально.

После купания, завершавшего торжественную церемонию, Мега наконец остался наедине с Матой. Он лежал на спине, любуясь вечерним небом, и чувствовал, как волна глубокого удовлетворения накрывает его. Что могло быть лучше ощущения, будто все вокруг принадлежит тебе? Что могло быть лучше, чем лежать, глядя на звезды, рядом с верной подругой и чувствовать себя законным вождем большой и счастливой стаи?

Он придвинулся к Мате и слегка пощекотал ее, лениво и вместе с тем чувственно. Мега был не единственным, кто ощутил носящиеся в воздухе флюиды и волнение в крови. Еще накануне побега самцы начали поглядывать на самочек в предчувствии брачного сезона, и в лесу столкновения и драки между ними стали особенно ожесточенными. Устанавливалась новая, жениховская иерархия.

Мега тоже чувствовал, как в нем пробуждается древний инстинкт. Весна действовала и на него, но не на Мату, которая с каждым днем становилась все более замкнутой.

— Если ты хочешь спросить меня кое о чем, Мега, — спокойно сказала Мата, отодвигаясь от него подальше, — то ответ будет отрицательным.

Это заставило Мегу сесть. До сих пор он считал само собой разумеющимся, что, как только настанет срок, именно Мата станет его супругой.

— Дело не в том, что я не люблю тебя, — ласково, но твердо продолжала она. — Люблю, но не в этом смысле. Просто я не собираюсь заводить детей ни от тебя и ни от кого другого.

— Поче… Что ты хочешь сказать? — спросил ошарашенный Мега. — А как же моя династия? Продолжение рода?

— Я же сказала — нет! Я не хочу оказаться в женском гетто среди всех этих неуклюжих мамаш с их огромными животами и набухшими сосками.

— Но это же совершенно естественно! — неуверенно возразил Мега.

— О, я знаю! Так же естественно, как и предшествующее, — с горечью отозвалась она. — Жаль, здесь нет моего отца — он бы рассказал тебе, что *он* считал естественным. Этот подонок домогался меня, еще когда я была крошкой, и в конце концов насиловал. И не один раз — это повторялось снова и снова… С тех пор я чувствую себя так, словно какая-то часть меня умерла. Конечно, я пыталась забыть, на так и не смогла. И я не выдержу, если ты — или кто-нибудь другой — снова сделает все это со мной. Только не жалей меня, Мега. Я рассказываю тебе все это только для того, чтобы ты знал — дело не в тебе, а во мне.

Слушая Мату, Мега сразу припомнил странную возню, доносившуюся из соседней клетки: сердитые вопли Мародера, всхлипы и жалобные стоны Маты, смешивающиеся с плачем ее матери, тупые удары и пронзительный визг. Как же все это отличалось от того, что Шеба рассказывала ему о своих отношениях с Соломоном! Судя по ее словам, это была не безрадостная случка, а настоящее романтическое увлечение, **в**котором соединились в гармонии чудо, наслаждение и страсть.

— Это было давно, Мата, — терпеливо сказал он. — Неужели ты не можешь преодолеть это в себе?

— Ах, если бы я могла, — печально ответила она. — Но боюсь, это невозможно. Эта рана останется со мной на всю жизнь. Мы — хорошие партнеры и друзья, Мега, и этим все сказано. И мне хотелось бы сохранить наши отношения в таком виде, в каком они существуют сейчас. Пожалуйста, прояви уважение ко мне и сдержи себя. Поверь, я отплачу тебе за это сторицей. Суметь сохранить чистоту наших отношений — вот лучшее из испытаний! В самом деле, Мега, если бы я могла допустить до себя мужчину, это был бы ты и только ты. Я просто не могу — в этом все дело. Честное слово, Мега, ничего личного…

«В том-то и беда, — мрачно подумал Мега. — Ничего личного…»

— Почему бы тебе не попробовать другую самку, Мега? — предложила тем временем Мата. — Или всех по очереди? Это твое право — право Вождя. Разумеется, ты не можешь помешать другим самцам обладать ими после тебя, но зато все дети в колонии будут в какой-то степени твоими.

— Там посмотрим,— устало и покорно отозвался Мега.

Глава 39. ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Лопух выглядел так ужасно, что Филин сразу понял: случилась новая беда. После бойни на Большой поляне кроличий лидер ушел в подполье, постоянно кочуя из одной глубокой норы в другую. Филину потребовалось четырежды посылать сигналы по сети ОСПЛ, прежде чем ему удалось договориться о встрече с главным кроликом.

. Для встречи Филин выбрал небольшую группу деревьев на вершине некрутого холма в некотором отдалении от леса. Норки заглядывали сюда исключительно редко. К тому же в центре рощи было углубление, которое, как рассеянно подумал Филин в самый первый раз, когда он только его обнаружил, прекрасно подходило для секретных встреч. На случай, если какой-нибудь норке взбредет в голову все-таки наведаться сюда, Филин заранее отыскал самый удобный сук, с которого хорошо просматривались серовато-коричневые поля, отделяющие холм от опушки Старого Леса.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец кролик показался вдали. Он был один. Нервно оглядываясь по сторонам и петляя, Лопух скакал через поле.

Когда кролик приблизился, Филин ничего не сказал, ожидая, что Лопух заговорит первым.

— Маргаритка погибла-, — надломленным голосом произнес Лопух. — Норки поймали ее и стали пытать. И я ничего не сделал, чтобы помочь ей. Это самое ужасное… Я как сейчас слышу ее крик… Но что я мог сделать!? — жалобно закончил он.

— Ничего, — негромко отозвался Филин. — И не ты один. Мало кто из нас **в**состоянии что-либо предпринять.

«А тех, кто *хочет* действовать, еще меньше», — мрачно подумал он, вспоминая последнее заседание Общества Памяти Полевой Мыши.

Из глаз Лопуха покатились слезы. Он выглядел осунувшимся и похудевшим; даже его знаменитая задница, казалось, стала намного меньше, а рана на плече все еще не зажила. За то недолгое время, что они не виделись, Лопух ощутимо состарился, и его усилившееся сходство с ДД испугало Филина.

— Лесное Уложение и Билль о Правах Существ! — всхлипнул Лопух. — Они должны были сделать наш мир совсем иным, превратить его в королевство любви и согласия, где нет места таким существам, как норки. И вот как раз в тот момент, когда я собирался ввести их официально, все рухнуло, все погибло, и моя возлюбленная Маргаритка — тоже.

Кролик жалобно поглядел на Филина со дна ложбинки.

— Все наши усилия, все наши труды — ее и мои — все насмарку! А ведь мы жили и работали только ради этого. Где же на свете справедливость?! — воскликнул он надтреснутым голосом и сжал голову лапами.

Разумеется, Филин не мог не сочувствовать кролику, потерявшему подругу, но вместе с тем хорошо понимал, что крольчиху не вернешь, и не видел смысла вот так погрязать в эмоциях. Впрочем, ему хватило такта не сказать все это вслух.

— А когда ты спасся с Большой поляны? — напомнил он Лопуху, который в отчаянии заламывал лапы. — Разве это не справедливость? И как быть со справедливостью естественного — той самой, о которой вы все время толковали?

— В норках нет ничего естественного, — сухо отрезал Лопух, и в его глазах вспыхнула ненависть.— Они — самые противоестественные существа из всех, с кем я только сталкивался в своей жизни!

— А мне кажется, что они — как и все мы — просто стараются быть самими собой,— заметил Филин.

— Проклятыми хищниками — ты хочешь сказать! — с горечью выпалил Лопух. — Вот кем они стараются быть! Никто из травоядных не посмел бы проявить столь откровенное пренебрежение к правам других живых существ, в особенности к основному их праву — праву на существование. Неужели ты не видишь, как меняется наш лес?

— Вряд ли дело обстоит так плохо,— запротестовал Филин. — В конце концов, нас осталось довольно много…

— Ты имеешь в виду — много хищников, — быстро возразил Лопух. — Но мы, кролики, уже потеряли десятки своих товарищей. Маргаритка, Травобой, Черничка…— Он назвал еще дюжины две имен.— Ты сам видел, как ушли ласки и горностаи. Да и кому, как не тебе, лучше других знакомы звуки, сопровождающие внезапную смерть: мягкий удар, сдавленный писк, предсмертный хрип, а потом — тишина, страшная тишина…

Слышен лишь шорох листьев, по которым волоком тащат обмякшее тело, да чавканье и хруст костей. Никто уже не может чувствовать себя в лесу в безопасности. Эти норки едят все, что движется, включая древесных блох, уховерток, жуков, червей, личинок, муравьев, клопов, даже слизней!

Это действительно удивило Филина. Никто из его знакомых не ел слизней.

— Разумеется, все зависит от степени умственного развития,— прибавил кролик, и в его голосе Филину почудилась тень прежней самоуверенности. — Для насекомых это просто какая-то непонятная и таинственная беготня, ибо их уровень понимания был и остается гораздо ниже уровня земли, но существа более интеллигентные, наделенные, в частности, способностью к сопереживанию, не могут не ощущать, как сильно изменились условия жизни. И дело здесь не столько в знании, сколько — увы! — в незнании. Никто не может предсказать, когда эти безжалостные убийцы нанесут удар и как. Будет ли это одиночная норка, или маленькая группа убийц, или вся стая. Самое страшное, что они постоянно где-то рядом и убивают любое живое существо, которому не посчастливится оказаться у них на дороге. И знаешь, Филли, некоторые существа, вот хотя бы мыши, уже голодают, потому что боятся подыматься на поверхность и кормиться? У остальных нервы на пределе, и любой непонятный или просто внезапный шум приводит к сердечному приступу. Нет, наверное, тебе трудно будет представить себе, насколько тяжела стала жизнь для нас — для тех, кто-ходит по земле и питается ее дарами. Вообрази на минуту, что у тебя нет крыльев,— как бы ты тогда себя чувствовал?

Это замечание заставило Филина вернуться в далекое детство, в те времена, когда отец учил его летать. В один из своих первых полетов он потерял скорость, врезался в ветку и — впервые в жизни — не сумел выровняться. В результате он вниз головой свалился на землю, очень сильно ударился и на несколько мгновений вовсе потерял ориентировку. Придя в себя, он обнаружил, что судорожно скребет когтями по мокрой траве,

пытаясь нащупать что-нибудь твердое, чтобы можно было оттолкнуться. Но раскисшая после недавнего сильного дождя почва была такая скользкая и податливая, совсем не похожая на твердую древесную кору, которую маленький Филли привык чувствовать под когтями,— и он растерялся и ощутил себя в высшей степени неуютно.

Бешено работая крыльями, он все-таки сумел принять вертикальное положение, но сразу обнаружил, что отец исчез. Тут он почувствовал себя еще более неуверенно. Лес перестал быть тем лесом, на который он уже привык смотреть с высоты птичьего полета. Теперь лес смотрел свысока на маленького, перепачканного в грязи филиненка и что-то неодобрительно шептал. Деревья и кусты стали вдруг неправдоподобно огромными; мерно раскачиваясь под порывами ветра, они обступили его со всех сторон; на мгновение ему показалось, они вот-вот упадут и раздавят его, и тогда он испугался. Лишившись привычного существования в трех измерениях, Филин чувствовал себя уязвимым и беззащитным. К страху примешивалось тошнотворное ощущение ловушки. «А вдруг я не сумею оторваться от земли и взлететь?» — в панике подумал он тогда.

Но этот жуткий момент прошел, и Филин, неуклюже оттолкнувшись от земли, все-таки взлетел. Почти сразу из-за деревьев показался крылатый силуэт отца, и он испытал такое облегчение, какого не испытывал ни раньше, ни потом.

— Видел бы ты себя со стороны! — расхохотался отец. — Ну-ка, присядем вот на эту ветку, и ты расскажешь мне все, что ты чувствовал.

— Это было ужасно, па, — сказал Филин, не видя в своем приключении ничего смешного. — Я привык ощущать себя свободным, но там, на земле, я был как будто связан… Ну, ты понимаешь? Как будто я запутался в траве, как будто мои лапы проросли корнями в землю, и я испугался, что уже никогда не смогу летать…

Дрожа, он потряс головой, которая все еще негромко гудела после сильного удара.

— Неужели все земные существа постоянно чувствуют нечто подобное? — полюбопытствовал он. — И если да, то как они выносят такое?

— Не спрашивай меня, сынок, — улыбнувшись, ответил отец. — Каждый из нас однажды испытывал нечто подобное. Именно поэтому я и оставил тебя одного — чтобы ты прочувствовал это сам, и как можно глубже. Зато теперь ты понимаешь, как тебе повезло, что ты родился птицей, да к тому же принадлежишь к славной породе филинов. Ведь нам никогда не приходится задумываться о том, как летать. А теперь — за мной, я дам тебе еще один урок.

Это оказалось новое упражнение, самое сложное из Всех, и заключалось оно в том, чтобы коснуться на лету заранее выбранного листа. Его отец несся сквозь верхушки деревьев, показывая настоящий головокружительный слалом, и юный Филли старался не отставать, но, как только у него начинало что-то получаться, отец сразу усложнял упражнение. Напрягая свои ноющие, еще не совсем окрепшие крылья, Филин мчался следом за отцом, стараясь не потерять из виду его верткую бесшумную тень, которая поворачивала из стороны в сторону, тормозила, круто пикировала вниз, набирала высоту, ускорялась, замедляла ход, замирала на месте, ныряла в темноту между деревьями, успевая каждый раз, при каждой смене стиля полета, коснуться кончиком крыла какого-нибудь хорошо заметного листика. Филин уже ненавидел этот покрытый блестящими перьями хвост, который вертелся у него перед самым носом, но, когда он отставал и лишь трепещущие на кончиках ветвей листья отмечали путь отца сквозь плотно переплетенные кроны деревьев, ему становилось еще хуже. А отец вдруг возникал из пустоты позади него.

«Коснись листа! Стряхни с него росу!» — кричал он, понукая сына лететь быстрее.

И каждый раз, когда Филин жаловался на трудности безжалостной тренировки, отец смотрел на него с любовью, но без тени сочувствия во взгляде.

«Это моя работа, — говорил он. — Я должен научить тебя балансировать на самом острие — только так ты

никогда не окажешься на земле. Для тебя, сынок, не существует никакого „посередине". Край, Филли, ты всегда должен стремиться к самому краю. Только никогда не переходи за…»

Оказаться на земле — это было самое худшее, и Филин крепко усвоил эту науку. А если к тому же на тебя .каждую минуту может броситься норка…

— Ты меня слушаешь, Филли? Филин очнулся.

— По крайней мере, мы, птицы, можем чувствовать себя в безопасности, — глубокомысленно заметил он.

— Вообще говоря, да, — нехотя согласился Лопух. — Но и они отнюдь не благоденствуют. Ты хищник, Филли, поэтому ты не знаешь, как много времени требуется нам, травоядным, чтобы набрать нужное количество калорий. Многие птицы вынуждены кормиться на земле по многу часов. Кроме того, норки довольно ловко карабкаются по деревьям, поэтому те, кто ночует просто на ветках, страдают от недосыпания — они устали постоянно быть настороже. Многие птицы отложили яйца, но кто скажет, сколько из них уцелеет? На реке дела тоже обстоят не лучшим образом. По сообщениям АРРЛ, норки научились так ловко плавать, что без труда хватают форель и всякую рыбную мелочь. Похоже, чем дольше они здесь живут, тем лучше начинают охотиться. Большая и Малая поляны заброшены, а Тропа… Ты ведь знаешь, что это всегда было самое приятное место для прогулок, но теперь ее называют не иначе как «Аллея убийц».

Филин молчал. На такой длинный и удручающий перечень бед и несчастий он не рассчитывал.

— Но мы, лесные жители, тоже не какие-нибудь глупые или сумасшедшие,— сказал он наконец.— Наша история насчитывает сотни, тысячи сезонов. В конце концов, общая численность живых существ всегда поддерживалась за счет пришельцев со стороны. Разве теперь не так?

— Так было,— мрачно откликнулся Большая Задница. — Действительно, раньше, когда какое-нибудь живое существо погибало, на освободившуюся территорию

приходил со стороны кто-то новый. Но теперь число желающих переселиться в наш лес пошло на убыль.

— А что собираются предпринять остальные? — уточнил Филин. — Уходить?

— Куда? — Лопух горестно покачал головой.— Норки контролируют такую большую территорию, что самым маленьким существам трудно уйти за ее пределы. Но даже если они доберутся, скажем, до какого-нибудь другого леса, тамошние жители — при всем сочувствии к нашей беде — вряд ли согласятся перебираться еще дальше или терпеть нас на своей земле. Ведь каждый из них владеет участком, который способен прокормить

только его и его семью — не больше. Вряд ли существует такой лес, где стали бы терпеть лишних едоков.

— Ласки и горностаи ушли и не вернулись, — заметил Филин. — Значит, их переселение прошло успешно.

— Я как раз хотел расспросить тебя об этом,— слегка оживился Лопух. — Почему они ушли? Лично мне они всегда казались даже чересчур ловкими и чересчур сообразительными. Чем так страшны для них эти норки? Стоит ли из-за них так легко бросать свои охотничьи угодья?

— Они сказали, что, с какой стороны ни посмотри, норки — это абсолютные сукины дети, — отозвался Филин.

— И ничего более конкретного? — настаивал Лопух. — Как насчет «убийства ради убийства»?

— Нет, — сказал Филин удивленно.

— Разве ты не понимаешь, что именно это они и делают? — спросил Лопух. — И если они останутся здесь, лесу придет конец? Вообрази, каково это будет, если ты и твои друзья-хищники решите убивать столько живых существ, сколько сумеете, вне зависимости от ваших, гм-м… пищевых потребностей? Вот, например, сколько полевок ты мог бы уничтожить за ночь?

«Целую прорву», — подумал Филин, хотя ничего подобного он не позволял себе с самого детства, когда он убивал больше для тренировки, чем для еды.

— Если я правильно понимаю…— проговорил он негромко, словно беседуя сам с собой.— Если я правильно понимаю, то, в отличие от нас, лесных хищников, норки не знают, когда остановиться. Ты это имел в виду?

Еще не договорив, он понял, что Лопух имел в виду что-то еще — какую-то особенность норок, за которую он, Филин, пока только пытался зацепиться хотя бы кончиком когтя.

— Они злобные, хищные, хитрые, словом — блестящие охотники,— недоумевая, продолжал он.— Но я надеялся, что лес в состоянии это выдержать. По-твоему, ласки и горностаи ушли, потому что знали: норки будут убивать, убивать, убивать? Но до каких пор? Пока в лесу никого не останется?

Кролик мрачно кивнул, и Филин почувствовал, как обрывки его разговоров с ДД становятся на свои места и обретают вполне конкретный и довольно зловещий смысл. Экологический баланс, взаимозависимость видов, пищевые цепочки…

— Но послушай, Лоппи, — воскликнул он, — никто не может вести себя подобным образом, не рискуя погубить лес!

— Вот именно,— откликнулся Большая Задница, печально глядя в землю.

Глава 40. СОСТЯЗАНИЕ В ДОМОВОДСТВЕ

— Это зяблик, Мега. Номер второй в списке охотничьих предпочтений.

Мега уставился на сидевшую на ветке крохотную пичугу. Психо указал на другое дерево:

— А это — большая синица, номер третий в списке. Мега откровенно зевнул, и Психо ощутил легкое

разочарование. Он весьма гордился своей идеей составить список охотничьих предпочтений норок и от души надеялся, что Вождь разделит с ним его энтузиазм.

— Откуда ты все это узнал? — лениво спросил Мега. — Я имею в виду названия птиц и все такое…

— Большую часть названий нам сообщила крольчиха, которую поймали Макси и его ребята,— с готовностью пояснил мастер-импровизатор. — Когда мы применили к ней допрос третьей степени, она рассказала нам все, что знала.

— Не сомневаюсь. Что еще она рассказала? — ворчливо осведомился он.

— Кое-что мне удалось узнать, — сверкнул глазами Психо. — Помнишь того кролика с огромной задницей, который ускользнул от тебя в самый первый раз?

Мега в ответ только оскалился. Крысеныш явно испытывал его терпение — и свое собственное счастье, — напоминая ему о неудаче.

— Он был главой какого-то комитета, наподобие наших Старейшин. И точно так же, как они, этот комитет по большей части переливал из пустого в порожнее. В этом мы вполне можем доверять крольчихе, — прибавил он с мерзкой улыбочкой. — Она была супругой этого длинноухого.

Мега улыбнулся. Такой поворот дел он способен был оценить.

— Что за комитет? — полюбопытствовал он.

— Он назывался Обществом Сопричастных Попечителей Леса и состоял в основном из кроликов. Естественно, они никогда не одобряли нормальных хищников, не говоря уже о нас. Когда мы прибыли в лес, у них как раз шло одно из заседаний.

— Ну что же, больше никаких заседаний не будет, — подвел итог Мега. — Кто же является подлинным вожаком лесных жителей? — спросил он.

— Это птица, Мега. Большущий филин, которого зовут Филли. Ты наверняка его видел.

Мега сразу же вспомнил птицу с огромными черными глазами и страшными изогнутыми когтями, которая время от времени пролетала над Плато, в открытую наблюдая за норками.

— Но что он возглавляет, если этот твой комитет состоит из одних кроликов?

— Я сам пока не очень хорошо разобрался, Мега. Каким-то образом он с ними связан, хотя я никак не возьму в толк, в чем тут суть. Как мне показалось, ты хотел знать, с какой оппозицией мы можем столкнуться. Вот я и попытался оценить силы противника.

— Никакого противника у нас нет и быть не может,— сердито перебил Мега.

— Да, великий Вождь, — смиренно ответил Психо, стараясь скрыть свой скептицизм. Считать себя слишком умным значило впадать в заблуждение, последствия которого могли оказаться роковыми. Предпринятое им исследование леса и его обитателей уже обогатило Психо новыми знаниями и помогло увидеть здешнюю жизнь такой, какой не видела ее ни одна норка. А ведь он пока находился лишь в самом начале пути.

— Как тебе нравится наше новое место, а, Мата? Великолепное и удивительное, не так ли? Но Мегу это почему-то не интересует.

Психо все еще считал Мату самой большой загадкой, и не он один. Больше всего его беспокоила ее привычка держать свои мысли при себе. Но если уж она находила нужным высказаться, ее слова свидетельствовали о немалой проницательности. Кроме того, Мата всегда оказывалась на месте, когда это было необходимо, и, хотя она старалась держаться в тени, не считаться с ее молчаливым присутствием было попросту невозможно. В результате Психо постоянно гадал, какими мыслями и соображениями она делится — *если* делится — с Мегой и какое влияние она оказывает на его образ мыслей.

— Почему ты повсюду суешь свой нос, Психо? — спокойно спросила Мата.

— Потому что боюсь пропустить что-нибудь полезное для себя, — ухмыльнулся Психо (и оба знали, что это всего лишь наполовину шутка). — А если серьезно… Взгляни только на это многообразие жизни и как все взаимосвязано… Откуда только что берется?

Психо и Мата неторопливо прогуливались по широкой просеке в лесу, которая, уже знал Психо, у лесных жителей — у «деревяшек», как прозвали их норки, имея в виду непроходимую тупость аборигенов, — называлась Тропой. Надо сказать, манера, в какой норки, с их дремучим невежеством, пытались рассуждать об окружающем, то веселила мастера-импровизатора, то вызывала в нем глубокое отвращение.

— Представляешь, Мата, мне приходится постоянно объяснять массам, что большинство здешних обитателей, включая их любимое блюдо — кроликов, относятся к травоядным и едят траву, а не мясо. Какой-то идиот даже сказал: «Так вот почему их прозвали деревяшками! Потому что они едят дерево!», и все остальные так и покатились, держась лапами за животы. Разве это не печально?

— Почему это их должно интересовать? — спросила Мата, неожиданно бросаясь в сторону и хватая какого-то крупного жука, который неуклюже полз через тропинку. — Какой вкусный! — заметила она, хрустнув панцирем.

— Они все вкусные, — отозвался Психо, слегка обидевшись, что Мата не предложила ему куснуть. — Массы должны интересоваться тем, что происходит вокруг,— заметил он, пытаясь вернуться к главной теме разговора. — Хотя бы ради самих себя. Слишком многие уже пережили немало неприятных минут. Например, когда пытались полакомиться некоторыми насекомыми. Так вот… вместо того чтобы использовать

накопленные другими знания, им приходится познавать окружающее методом проб и ошибок, а это далеко не безопасный путь. Им приходится испытывать на себе самые разные яды и жгучие жидкости, страдать от жал, челюстей, когтей и шипов, знакомиться с защитной окраской и мимикрией, ломать зубы о раковины. А когда эти придурки наткнулись на ежа!

— Ну об этом я знаю побольше тебя! — заметила Мата. Ей самой пришлось вытаскивать зазубренные иглы из окровавленных лап и чувствительных носов излишне предприимчивых норок.

— И ведь им так и не удалось развернуть эту колючую тварь! — гнул свое Психо. — Не кажется ли тебе, что это глупая и непростительная самонадеянность — не давать себе труда поработать мозгами?

— Почему бы им не быть самонадеянными, Психо? — нетерпеливо бросила ему Мата. — Или ты не разделяешь их уверенности, что мы, норки, превосходим всех остальных обитателей леса в силе и ловкости?

— Не знаю… Вполне возможно, это действительно так. Но разве не кажется тебе, что перед огромным многообразием жизни норки… как бы это сказать? Пасуют, что ли… — Впервые в жизни Психо не был уверен, правильное ли он выбрал слово. — Все эти мыши, полевки, землеройки, кролики, странные твари, которые живут по берегам реки, — все они совершенно разные и удивительные. Взять хотя бы ужей. Ты знаешь, что обнаружили норки? Что если есть их с головы, то они все еще живы, когда доходишь до хвоста. Они получают особое удовольствие, когда, пожирая это живое, скользкое, извивающееся тело, чувствуют, как из него уходит жизнь. А черви? Ведь перекуси червя пополам, и из одного живого существа получится два новых! Я не говорю уже о птицах, Мата. Это же песня! Представь для начала, каково это — родиться не обычным способом, а вылупиться из яйца!..

Группа норок вылетела из подлеска на открытое место. Всей толпой они преследовали крошечную пичугу с перебитым крылом, которая то вспархивала, то снова ковыляла по траве. Пересекши Тропу, норки с треском вломились в кусты на противоположной стороне, и их азартные вопли и улюлюканье затихли вдали.

— Они ведут себя так неуклюже, так грубо, — вздохнул Психо. — Можно подумать, они никогда не слышали об осторожности, скрывании, засадах? О других способах охоты, которые требуют смекалки и умения бесшумно скользить по траве?

Мата остановилась и, перевернув камень, обнаружила там несколько сороконожек, которые считались деликатесом. Когда Психо увидел, как она опустила

морду к земле, чтобы проглотить насекомых, он почувствовал беспричинное раздражение. «Как она это делает?» — удивлялся он. Сам Психо до сих пор не нашел ничего съедобного, а Мата… Его раздражение еще усилилось, когда она откинула в сторону толстую ветку и под ней обнаружилось целое семейство упитанных слизней.

— Кстати, о смекалке, — заметила Мата, хитро улыбаясь– — Разве ты еще не открыл для себя, что не только охота, но и собирательство способны обеспечить тебя превосходным завтраком? Просто нужно знать, где искать. Должно быть, ты еще не овладел этим искусством.

Она проглотила последнего слизняка и облизнулась.

— Почему ты отказываешь остальным в праве самим отыскать свой путь в жизни? Почему ты присвоил себе привилегию судить их? И почему ты считаешь недоумками всех, кроме себя? Впрочем, мне нужно возвращаться,— объявила она.— Отдел норкетинга просил меня быть главным судьей в соревновании на лучшую нору. Догоняй!

Когда стая оккупировала Плато, брошенные кроликами норы обеспечили ей готовые жилища. Мега захватил самую лучшую нору, которую его подданные ворчливо именовали «дворцом»: в ней было целых четыре комнаты, одну из которых он предоставил Мате. Психо занял соседнюю нору, состоящую из трех комнат, — он хотел быть поближе к Вождю, — в то время как М-Пер-вый и М-Второй выбрали логово довольно далеко от центра колонии, но зато с просторным центральным залом, который они превратили в «Штаб норкетинговых исследований». Макси и его норковороты тоже обосновались на окраине поселка — в длинной подземной галерее со множеством входов и выходов, которую военный советник гордо именовал казармой.

К счастью, некогда обитавшая на Плато популяция кроликов была достаточно многочисленной, чтобы обес-

печить всех норок жильем. Поначалу им все же было тесновато, но выход нашелся быстро: норки стали прорывать дополнительные ходы и устраивать логовища в мягкой земле выходящего к реке обрыва.

И тут Отдел норкетинга предложил идею, которая позволила задействовать градостроительные способности норок в полную силу. «Там, на ферме, — объясняли они Меге с самым серьезным видом, — все норки жили в одинаковых клетках, поэтому они привыкли мыслить категориями коммунального общежития. Понятие собственного дома было для них пустым звуком. Как известно, норы, в которых они живут здесь, тоже не очень-то отличаются одна от другой. К счастью, проведенные нами исследования показали, что, если нам удастся организовать и провести кампанию по внедрению в массы понятия собственности, подданные начнут рассматривать свои норы в качестве своей личной территории. И если внушить норкам, что состояние и внешний вид их жилищ лучше всего говорят о них как об индивидуальностях, вот тогда они заинтересуются!»

Мега был лишь слегка заинтригован этими не до конца понятными умопостроениями, зато Мата одобрительно и благосклонно кивала. Выдумка сработала: движение под девизом «Сделай сам», где каждый изо всех сил старался улучшить доставшуюся ему нору, приобрело невиданный размах.

Рылись новые ходы, переоборудовались и расширялись комнаты, прокапывались целые подземные галереи, а в последнее время норки увлеклись строительством крылечек и беседок из отгрызенных веток. Среди самок возникло соревнование — чья нора лучше отделана. Вначале было очень модно украшать стены звездчатыми цветами терна, но в последнее время это поветрие было вытеснено новой модой на «интерьер в розовых тонах» из боярышника; полы же покрывались коврами из голубых подснежников-пролесок, в которые вплетались нежно-белые лесные анемоны.

Только норы Меги и.Психо отличались простой и по-спартански суровой обстановкой. Обходя чужие жи-

лица вместе с Матой, Психо болезненно морщился, косясь на резко контрастирующие цвета и бьющие в глаза архитектурные излишества, которыми бахвалились бесконечно гордые домовладельцы. Тем не менее, повинуясь требованиям ретивых хозяек, он, хоть и неохотно, все же вытирал лапы перед тем, как войти в чей-нибудь дом.

— Тебя не тошнит от всего этого, Мата? — шепнул он, опасливо поглядывая на не слишком удачный подвесной потолок, украшенный к тому же кричаще-яркими листьями и колючими ветками боярки. Потолок угрожающе провис и грозил обвалиться им на головы в любую минуту.

Судя по ее мрачному молчанию, Мата считала вопросы вкуса и безвкусицы столь же индивидуальными, как и многое другое. Не рискуя и дальше испытывать ее терпение, Психо сослался на неотложные дела и направился к реке посмотреть, что там происходит.

Стараниями Отдела норкетинга в колонии появились и процветали десятки разновидностей спортивных игр, и самой популярной стал *желудьбол.* Состязания в этом виде спорта приняли такой размах, что выше по склону пришлось разметить специальную площадку, дабы состязающиеся не наносили ущерб колонии. Система выявления чемпионов была запутанной донельзя, и разобраться в ней — и то с большим трудом — могли только непосредственно сами игроки.

И все же самым любимым видом досуга норок оставался водный аттракцион, или Водорама. Норки очень быстро приспособили ствол упавшего ясеня для того, чтобы съезжать по нему на глубину; две толстые ветки, уходившие в воду несколько круче, чем главный ствол, предназначались для любителей прокатиться с ветерком, а сук, торчащий почти вертикально вверх, представлял собой идеальную прыжковую вышку. Теперь сооружалась «норзанка» — сложный аттракцион, в котором, прежде чем упасть в воду, участники должны были раскачаться на качелях и несколько раз подпрыгнуть на упругих тонких ветвях, плотно переплетенных между собой.

Макси как раз покрикивал на группу норок, которые трудились над устройством качелей из подобранного в поле куска шпагата.

Заметив Психо, он перестал орать.

— Пришел посмотреть, как работают настоящие мужчины? — поддразнил он. — Смотри не замочи лапы!

Психо не обратил на него внимания. Если он и был единственной норкой, которой не нравилось купание, что ж, — это никого не касалось.

— Как насчет настоящей работы, а? Просто для разнообразия… — продолжал Макси. — Или ты умеешь работать только сидя на своей заднице?

Психо продолжал молчать. Их отношения с Макси значительно ухудшились с тех пор, как мастер-импровизатор однажды заметил, что заниматься физическим трудом — удел тех идиотов, которые не умеют думать. И слушать — неожиданно понял он.

— Тихо! — заорал Психо с такой непривычной властностью в голосе, что Макси от неожиданности застыл на месте.

— Горчица! Горчица! — звал в отдалении человеческий голос.

Глава 41. ГОРЧИЦА НА СВЕЖУЮ РАНУ

До этого момента убежденность Маты, будто норки безразличны людям вообще, оправдывалась. Но Мата с самого начала знала, что один вполне конкретный человек в сопровождении своей желтой собаки в конце концов появится в их лесу.

Макси, перед которым была поставлена задача подготовить норок к этому — и к любому другому — вторжению, показал каждому его убежище и проинструктировал, как надлежит вести себя по сигналу тревоги. По едкому замечанию Психо, регулярные тренировки, которые проводил с обитателями колонии Макси, очень напоминали обыкновенные прятки. Отношений между военным советником и мастером-импровизатором этот

выпад, естественно, не улучшил, тем более что Психо был абсолютно прав: норки полюбили учебные тревоги и с удовольствием скрывались в подземных ходах и убежищах, как только Макси подавал свой сигнал. Тренировки не пропали даром: норки мгновенно рассыпались по Плато, позабыв и о строительстве, и о состязании на звание «норы образцового содержания», и укрылись в заранее подготовленных щелях и убежищах. К тому времени, когда безмозглая собака взбежала по склону, на Плато не осталось ни одной норки, кроме Маты, которая заранее предупредила всех, что с Горчицей она разберется сама.

— Значит, вы все-таки нашли это место! — еще издалека пролаяла Горчица, радостно виляя хвостом.

Без норок ей было скучно, и она искренне надеялась когда-нибудь встретить их в лесу. Горчица безбожно проспала появление на ферме посторонних и побег норок и, чувствуя себя виноватой, рвалась исправить свою ошибку. Идя по следу стаи, она даже добежала до шоссе, но Хозяин без церемоний загнал ее обратно в дом. С тех пор Горчица держалась тише воды, ниже травы, пока не обнаружила, что Хозяин вовсе не так расстроен, как можно было ожидать. Во дворе появилась новенькая грохоталка, которая пахла так замечательно и свежо! Что касалось норок, то, вместо того чтобы привезти новых взамен бежавших, Хозяин куда-то отправил оставшихся, разобрал клетки, а сарай наполнил пахучим перегноем, в котором он теперь выращивал грибы. Это слегка расстроило Горчицу. С грибами ведь не особенно поболтаешь.

Конечно, зрелище печального, бесхвостого создания, которое грустно бродило по ферме, время от времени жалобно мяуча, Горчицу почти не трогало. Пус-сли все время дразнила норок и сама была виновата в том, что случилось с ее задней частью. Пожалуй, она еще легко отделалась — дело могло обернуться значительно хуже.

Себя же Горчица считала настоящим другом норок, и поэтому, когда, оказавшись в лесу, она вдруг заметила под деревом вежливую самку, с которой разговаривала

в последний раз, она бросилась прямо к ней с намерением поиграть.

Горчица весело мчалась к одинокой фигуре, воображая, как норка сейчас обратится в бегство, а она — в шутку, разумеется,— погонится за нею, и таким образом обе получат удовольствие от догонялок. Слишком поздно собака сообразила, что норка не собирается никуда бежать. Когда же она с трудом затормозила перед ней, то вместо благодарности

получила жестокий удар по носу. Взвизгнув от боли, Горчица опустилась на зад и подняла переднюю лапу, чтобы потереть рану… и услышала зловещее шипение норки:

— Проваливай отсюда, трусливая шавка! Проваливай и никогда больше не возвращайся.

К этому времени крик Хозяина: «Горчица! Где тебя черти носят, глупое животное?!» — раздавался уже в опасной близости, и норка с угрозой припала к земле.

— Ты видела, что случилось с Пуссли? — прорычала она. — Только посмей сказать хоть слово ей или кому-нибудь еще, что видела нас здесь, и то же самое будет с тобой!

Горчица машинально поджала хвост, ибо ей почудилось, будто острые зубы уже вонзаются в его основание. В испуге попятившись, она наткнулась задом на что-то твердое. Горчица подскочила от ужаса, обернулась и' — о ужас! — прямо перед ней раскачивался странно знакомый оранжево-черный предмет, от которого исходило непередаваемое зловоние. Когда поселившиеся на нем синие мухи взлетели зудящей тучей, Горчица потеряла контроль над собой. По задним лапам ее потекла горячая жидкость, и бедняга, взвыв от страха, бросилась прочь.

Поначалу норкам казалось, что во всем лесу не найдется ни одного существа, кого им следует по-настоящему бояться, хотя со временем они научились относиться с почтением к огромному косолапому барсуку, который с легкостью разбрасывал их своими мощными передними лапами, стоило им оказаться у него на пути.

Невероятно трудно оказалось изловить некоторых птиц; так, например, попытки поймать одетого в блестящие перья зимородка превратились в настоящую многосерийную эпопею. С другими хищниками норки даже не старались установить отношения. С самого начала они разорвали на клочки пару-тройку ласок и горностаев — своих кузенов из рода *Mustelidae,* после чего незадачливые родственники поспешно покинули лес. Существовали еще хищные птицы, в том числе достаточно крупные, чтобы, вступив в единоборство с одиночной норкой, нанести ей как минимум серьезную рану, но их никто не принимал всерьез, после того как Отдел норкетинга создал свою модель пищевой пирамиды, однозначно показавшую, что норки — как вместе, так и по отдельности — являются самыми опасными хищниками в лесу.

Но в реке неожиданно появилась выдра, и положение сразу изменилось.

На самом-то деле выдру пригласил Филин. После беседы с Лопухом, при полном отсутствии конструктивных предложений, он принялся изо всех сил размышлять о том, какое существо способно было бы нанести норкам ответный удар. Тут он и вспомнил о выдре Оруэлле, которая жила вниз по реке.

Оруэлла встретила его достаточно дружелюбно. Лесной телеграф уже донес до нее слухи о безжалостных убийцах, опустошавших Старый Лес. Выдра точно знала, что норки устроили свою главную базу в непосредственной близости от скалы, на которой она оставила свою пахучую метку, отмечая границы своего вытянутого вдоль берегов охотничьего участка. С лесом ее ничто не связывало, и порой выдра не наведывалась туда месяцами. Впрочем, Филина Оруэлла уважала, и, хотя лесные проблемы, о которых он толковал, вскоре ей наскучили, она очень точно уловила его намек: норки хоть и находятся формально за пределами ее охотничьей территории, однако в последнее время все чаще спускаются вниз по течению, вторгаясь на ее участок.

— Почему бы тебе не преподать им урок? — спросил на прощание Филин, и Оруэлла в конце концов решила по крайней мере выяснить, с чем ей предстоит

бороться. За исключением людей, выдра не боялась никого и ничего. Конечно, норок много, а она одна, но зато она крупнее и сильнее. Да и кто сможет потягаться с выдрой в воде и в особенности под водой? Пока она остается в реке, ей ничто не грозит. И все же Оруэлла не собиралась развязывать истребительную войну. Гораздо больше ее устраивало вооруженное противостояние, когда обе стороны, узнав силу друг друга, начинают уважать границы чужих охотничьих участков.

Впоследствии, оглядываясь на происшедшее, никто из вожаков стаи так и не принял на себя ответственность за случившееся. Никто никогда не приказывал часовым, выставленным у теснины, атаковать противника. Как раз наоборот, согласно строгим инструкциям Макси, при первых признаках опасности дозорные обязаны были покинуть свои посты и со всех лап мчаться в поселок и предупредить норок. После этого — в зависимости от обстоятельств — специальный отряд нор-коворотов мог быть отправлен навстречу противнику, чтобы уничтожить его, обратить в бегство или хотя бы замедлить его продвижение. Однако часовые, убежденные в естественном превосходстве норок над любым противником, решили сами заняться нарушителем. Хотели ли они просто отогнать Оруэллу или жаждали славы победителей выдры, так и осталось неизвестным. Единственная достоверная информация об инциденте поступила от единственного оставшегося в живых часового, который, жестоко искусанный, сумел дотащиться до Плато и скончался, успев произнести всего несколько слов. По этим обрывочным сведениям да по следам, оставшимся на месте происшествия, и удалось кое-как составить общую картину.

Трое дозорных вошли в воду с явными намерениями первыми атаковать выдру. Убедившись, что переговоров не будет, Оруэлла решила преподать самоуверенным наглецам тот самый урок, о котором ее просил Филин. Нырнув, она скрылась с их глаз, чтобы, стремительно и грозно поднявшись из мрачных глубин, нанести удар.

Ей без особого труда удалось утянуть под воду двух часовых и утопить, запутав их в скрытых под водой ветвях упавшего ясеня. Третий, почувствовав опасность, ринулся к берегу, но, прежде чем он сумел выбраться на твердую землю, выдра настигла его и нанесла несколько жестоких укусов, которые в конечном итоге оказались смертельными. Благоразумно отказавшись от преследования своей жертвы по твердой земле, выдра развернулась и уплыла туда, откуда появилась. Это и успел сообщить умирающий.

Мрачный Макси немедленно отправил нескольких норок в воду — доставать со дна трупы. Разглядывая широко разинутые пасти, из которых выливалась вода, и оскаленные в последнем грозном вызове зубы, Макси грустно думал, какими маленькими и безобидными выглядят его собратья в смерти.

Между тем стая взывала о мести, а самые ретивые уже составляли карательный отряд, который должен был отправиться вниз по течению и разделаться с этой «обнаглевшей водяной крысой».

К счастью для большинства из них, Мега вовремя запретил карательную экспедицию.

— Я не уверен, сможем ли мы справиться с этим существом, даже если мы его нагоним, — шепнул Вождю Макси, все еще потрясенный тем, что его хваленая система

безопасности не сработала. — Новые убитые — это как раз то, чего нам сейчас не хватает!..

Когда норки немного успокоились, руководство сделало кое-какие расплывчатые обещания, после чего дело было официально закрыто, не раньше, впрочем, чем Макси настоял на том, чтобы удвоить посты.

— Должен заметить, мой Вождь, — прибавил он, — что сегодняшней трагедии не случилось бы, если бы мы поселились на Первой базе. И Горчица бы тоже не нашла нас там.

— Спасибо за напоминание, Макси, — ровным голосом откликнулся Мега.

— Я предупреждал, — не преминул вставить и Пси-хо, — как опасно считать, будто мы не встретим здесь никакого сопротивления.

— И тебе, дорогой, спасибо, — отозвался Мега, на этот раз громко скрипнув зубами. Он очень старался не показать этого, но был глубоко потрясен появлением существа еще более опасного и смертоносного, чем сами норки, — люди, естественно, были не в счет. Да и приход желтой собаки не мог не пробудить в норках старце, полузабытые воспоминания. Среди норок уже начали циркулировать самые невероятные, самые дикие слухи, и это было тревожным симптомом. Правда, Психо настаивал, что они видели Горчицу в последний раз и гарантией тому испытанный ею двойной шок — от враждебного приема и от вида кошачьего хвоста в облаке синих мух. Однако Меге это казалось слабым утешением, особенно после того, как Мата неожиданно оставила свою обычную сдержанность и отпустила замечание, от которого волосы на хребте Вождя непроизвольно поднялись дыбом.

— Я заметила, Мега,— холодно заявила она,— что беды вереницами ходят.

— А тебе, Мата, самое большое спасибо, — только и сказал на это Мега.

Глава 42. ИСТРЕБЛЕНИЕ УШАСТЫХ

В конце концов Мега решил примириться с непонятными цифрами, которыми атаковал его Отдел норкетин-га. И в первые дни их «лесные прогнозы», «графики доступности пищевых ресурсов» и «экспоненциальные кривые прироста белковой массы» звучали достаточно оптимистично, особенно после того, как Мега разрешил им включить в свои исследования окрестные поля и луга, которые стая все равно считала своими и частенько посещала. Когда же кривые и графики неожиданно поползли вниз, а прогнозы стали более мрачными, Мега не придал этому значения, особенно после того, как Психо ядовито заметил, что с помощью одних и тех же статистических данных можно с одинаковым успехом доказать противоположные по смыслу утверждения.

Небольшое улучшение отчетности наблюдалось в период, когда колония вступила в свой непродолжительный брачный сезон. Последовав совету Маты, Мега все же опубликовал декрет, во исполнение которого все самки должны были побывать у него в норе. Там он обработал их одну за другой, и, хотя все они проявляли большой энтузиазм, одни понравились Меге больше, чем другие. Но по большому счету это был чисто механический процесс.

Но брачный сезон остался позади, и Мега, так же как и все остальные норки, стал все чаще и чаще сталкиваться с неприятными фактами и тенденциями, несомненно имеющими отношение к исследованию рынка. Последние статистические выкладки оказались в высшей степени неутешительными, и, пока М-Первый и М-Второй в две глотки сыпали цифрами, Мега злобно смотрел на них и думал, что они как будто радуются, изрекая свои мрачные пророчества.

— Проще говоря, — заключил Первый, — усилиями норок численность лесных жителей сокращается с беспрецедентной быстротой. В этой связи Отдел нор-кетинга настоятельно рекомендует провести немедленную разработку и внедрение новой, жестко структурированной пищевой программы, которая обеспечивала бы стабильное самовоспроизводство органических ресурсов.

Он сел, ожидая неизбежной бури.

Несмотря на внешнее спокойствие и уверенные манеры, М-Первый и М-Второй страшно нервничали. Основная философия, которой руководствовались норки **в**своей повседневной жизни, определяла лес как свободный рынок, то есть как самое подходящее пространство для предприимчивости и инициативы каждого, и Отдел норкетинга прекрасно понимал: только самые серьезные доводы способны заставить руководство пойти на ограничение охотничьей активности стаи. Покуситься на это означало совершить святотатство, и все же М-Первый и М-Второй решили не поступаться принципами норкетинга, каковы бы ни были последствия.

Как и следовало ожидать, у Меги отвисла челюсть.

— По-вашему, я должен запретить моим парням делать то, что им больше всего нравится? — прорычал он, презрительно оттопырив губу.

— Не совсем, о великий Вождь, — ответил М-Пер-вый, внимательно рассматривая нахмуренный лоб Меги и боясь встретиться с ним взглядом. — Но законы рынка неумолимы, и даже великий Вождь — такой, как ты, — должен учитывать их действие. Боюсь, в свете существующей ситуации у нас нет другого выхода, кроме как ввести необходимые ограничения.

— Ничего особенно серьезного, никаких радикальных шагов, — пискнул М-Второй.

Увидев злобный прищур Вождя, он запнулся и беспомощно посмотрел на брата. Как они и боялись, их выступление с самого начала вызвало крайне негативную реакцию. С другой стороны, раз они все равно на проигрышном пути, то терять им нечего. Почему бы не попытаться довести дело до конца?

— Позволь, о Вождь, я еще раз просуммирую сказанное. Все наши перспективные охотничьи прогнозы однозначно показывают, что рынок жертв продолжает испытывать постоянное напряжение, которое неуклонно растет. Следовательно, кризис может разразиться в любой момент, — твердо сказал М-Первый, хотя и чувствовал, на каком тоненьком волоске висит его жизнь. — Уже сейчас опасность поголовного истребления некоторых видов живых существ стала удручающе реальной. В то же самое время продолжает сокращаться и общее количество пищевых ресурсов. Не позднее чем через три месяца численность обитателей леса достигнет критического нижнего предела, за которым всякое самовоспроизводство станет невозможным.

— Ты хочешь сказать, что если мои норки будут продолжать вести себя как настоящие норки, то через три месяца им некого будет убивать? — проворчал Мега, и его глаза превратились в совершенные щелки.

— Не все так мрачно, Вождь, — поспешил успокоить его М-Первый. — Чтобы предотвратить катастрофу, главное — взяться всем вместе и *в свое время.*

Мега подозрительно покосился на их окаменевшие, напряженные фигуры. Почему они употребили именно это словосочетание? Так когда-то говорила Шеба, когда обещала ему свободу убийств и моря крови и когда о добровольном самоограничении не было никакой речи.

— Ты должен выслушать их, Мега, — шепнула ему Мата. — Я чувствую, они правы.

Не обращая на нее внимания, Мега демонстративно повернулся к Психо.

— Ну, а ты что скажешь? — насмешливо осведомился он. — Тоже будешь пугать голодом?

— Проблемы с охотой действительно существуют, Мега, — дрожа, подтвердил мастер-импровизатор. — Норки постоянно совершенствуют свое мастерство, и это позволило им в значительной степени истребить наиболее доступную дичь. — Он заискивающе кашлянул.— Ничего удивительного…

— Процесс действительно имеет место, мой Вождь, — подал голос и Макси. — В качестве первой меры, которая могла бы частично затормозить его, можно принять поощрение дальних экспедиций, в том числе и в поля. Ты бы слышал, как норки уже сейчас хвастают друг перед другом, кто прошел больший путь в поисках добычи!

Психо нервно облизнулся. Он был искренне благодарен Макси за то, что военный советник ненадолго отвлек внимание Меги от его скромной персоны. То, что он собирался сказать, могло Меге очень и очень не понравиться, и если гнев Вождя обрушится исключительно на него…

— Кстати, Мега, это тоже тревожный симптом, — осторожно сказал он. — Норкам приходится искать пищу, тогда как совсем недавно охотиться можно было буквально в двух шагах от Плато. Но это еще не самое страшное. Массы устали просто считать трупы. Разумеется, ничто по-прежнему не сравнится с фонтаном свежей крови, но ощущение новизны в значительной степени утрачено. Норки пресытились…

— Ну-ка, поконкретнее! — прорычал Мега.

— Хорошо, возьмем, к примеру, малиновку,— неохотно продолжал Психо. — Норки всегда были неравнодушны к этой чудесной певичке с красной грудкой и дружелюбным характером. Разумеется, моря крови из нее не нацедишь, но все-таки малиновка всегда считалась неплохой добычей. В своем списке охотничьих предпочтений я отвел этим птицам четвертое место, однако уже сейчас сообщение о том, что кто-то добыл малиновку, вызывает в лучшем случае лишь вежливые зевки. «Ради этого не стоило даже выходить из норы» — вот как говорят норки.

Отдел норкетинга, получив неожиданную поддержку, наперебой закивал.

— Как насчет разбивания черепов? — спросил Мега.

— Они это тоже делали, и не раз,— подтвердил Психо с самым несчастным видом.

— Боюсь, о великий Вождь, — вставил М-Первый, решившийся наконец рискнуть всем, — что с точки зрения ресурсосбережения первоначальные установки на моря крови и горы разбитых черепов сработали слишком успешно.

Его подобострастный смешок застрял у него в горле, когда Мега спросил страшным голосом:

— Значит, не будет больше крови? Не будет больше истинных норок?

— Ну что ты, Вождь! — забормотал как безумный Психо.— Что ты!.. Речь вовсе не идет об отказе от всего, чего мы достигли! Да мы ничего такого и не предлагаем…— Он поперхнулся и продолжал, лихорадочно поблескивая глазами: — Что, если нам попробовать организовать массы? Что, если заинтересовать их в истреблении какого-нибудь определенного вида живых существ — наиболее трудного в добыче, естественно. Таким образом мы найдем норкам достойное занятие и заодно сэкономим остальные ресурсы. Ведь если норки будут сильно уставать, гоняясь за какой-нибудь редкой птицей, у них не будет хватать сил, чтобы убивать всех остальных без разбора.

Мега заметил, как просиял Отдел норкетинга, и почувствовал глубочайшее отвращение ко всем сразу.

— Мы здесь не для того, чтобы изобретать всякую хреновину! — закричал он. — Мы обещали норкам свободу убивать, кого они захотят и когда захотят!

— Нет, Мега, — перебил Психо, в волнении позабыв о своей всегдашней осторожной сдержанности. — Мы обещали им только свободу. Ты не должен забывать, что на самом деле массам нужна свобода *от* чего-либо, а не свобода *для* чего-либо. Между тем вся красота мира заключена как раз в том, что мы сами определяем, каким ему быть. Только мы, лидеры, способны изменить мир, как мы того пожелаем, — вот почему настоящей свободой обладаем только мы, а не серые массы.

— Да, Вождь, свобода — это всего лишь состояние ума! — М-Первый даже подпрыгнул, в такое волнение он пришел. — Если ты считаешь себя свободным, значит, ты свободен. Если нет, значит, нет. Это тоже концепция, Вождь, — прибавил он с многозначительным смешком. — А ты знаешь, что делает концепцию жизнеспособной…

— Можешь засунуть свою концепцию себе под хвост, — медленно и с расстановкой проговорил Мега. — Ты и твой брат — просто мешки с дерьмом. То же самое относится к тебе, Психо. Постыдился бы!

С этими словами Мега повернулся и вышел из норы.

— Право же, не было никакой нужды переходить на личности, — печально заметил М-Первый, глядя ему вслед.

Из затемненного угла неожиданно раздался негромкий голос Маты.

— Ну-ка, расскажите мне обо всем этом поподробнее, — попросила она.

По предложению Маты они перенесли дальнейшее обсуждение на открытый воздух. Собственно говоря, им оставалось только решить, какое животное, которое трудно поймать, они выберут в качестве врага номер один. Предложений было немного: мощные и сильные канюки; серая цапля из камышей, которая еще ни разу

не позволила им схватить себя за длинные ноги; наглый зимородок, продолжавший успешно увертываться от норочьих зубов, и живущий в дупле старого бука филин. Под конец речь зашла о летучих мышах. Эти костлявые твари с кожистыми перепончатыми крыльями были поистине безобразны. Обитали они совсем неподалеку от Плато, в пещере. Днем летучие мыши спали там, прицепившись к потолку, что делало их совершенно недоступными, зато вечером и ночью воздух над Плато наполнялся их тоненькими сигналами. Увы, поймать такую тварь на лету тоже не было никакой возможности, ибо ее беспорядочный и стремительный полет направлялся сверхчувствительным ультразвуковым локатором.

— Рядовые, может, еще месяцев десять не поймают ни одной, — горячился Макси. — Да и кому нужна летучая мышь? — закончил он, неуклюже пытаясь пошутить. — Это скорее холодная закуска, чем горячее блюдо!

— Я как-то попробовал жабу, — вставил М-Пер-вый,— Ножки были еще ничего, но остальное!..

Беднягу даже передернуло от отвращения.

— Летучая мышь хоть и называется мышью, однако на вкус она наверняка столь же отвратительна! Неудивительно, что в рейтинге гастрономической популярности этот вид занимает последнее место, хотя никто их не пробовал.

— Единственное существо, которому я присвоил нулевой индекс в списке охотничьих пристрастий,— поправил его Психо.

Кто-то сгоряча предложил выбрать врагом белок, которые, как утверждали местные остряки, всегда были крепким орешком, но все-таки недостаточно крепким. Мартовские зайцы представлялись гораздо более перспективными: Плато до сих пор гудело от рассказов о том, как один такой заяц спасся от погони, неожиданно развернувшись и перепрыгнув через преследователей, — вот только март уже прошел. Предлагали и ежей, которых норки так и не научились разворачивать, однако все это было не то. Слишком

деликатной и тонкой была задача: найти такие живые существа, которых можно было бы убивать часто, но не слишком часто; с трудом, но не слишком большим; и чтобы они не могли, в свою очередь, убивать норок, как, например, выдра…

— Кстати, — заметил Макси, — нужно подобрать таких животных, которых было бы не так легко истребить всех до единого. Я думаю, мы все понимаем, что, если это произойдет, вся наша затея теряет смысл.

— Верно, — согласился М-Второй. — Следовательно, нам нужны существа, которые быстро размножаются. Если мы взглянем на проблему с этой точки зрения…

— Кролики! — внезапно выкрикнул Психо своим пронзительным голоском. Решение вспыхнуло у него в голове неожиданно — словно солнце поднялось над горизонтом в

сотню раз быстрее обычного. — Кролики! — быстро повторил он. — Это то, что нам нужно! Мы начнем кампанию по истреблению ушастых!

Несколько мгновений он лихорадочно обдумывал свою идею. Психо еще никогда не импровизировал так удачно и так своевременно. Он изо всех сил напрягал свой маленький мозг, чтобы охватить идею целиком, но не успевал, ибо как от брошенного в воду камня разбегаются по воде бесконечные круги, так и его гениальная догадка обрастала все большим количеством подробностей, которые сулили совершенно необозримые, грандиозные перспективы.

С огромным трудом Психо заставил себя соображать быстрее и увидел побочную линию своей новорожденной теории, обещавшую ей практически вечное существование. Сияющие горизонты ослепили его, волна восторга захлестнула с головой, остроконечная мордочка мучительно исказилась и задралась вверх, пока он пытался выкарабкаться из этого бурлящего котла соблазнительных возможностей и блестящих вариантов. Последнее умственное усилие едва не оказалось для него роковым. Психо даже показалось, что у него из ушей пошел дым. Он физически ощущал, как клетки его мозга плавятся и текут.

Остальные с удивлением и страхом следили за тем, как его черты застыли в пароксизме экстаза. Тщедушное тельце корчилось и тряслось, шерсть встала дыбом, а сердце отчаянно колотилось. Невозможно! Гениально! Блестяще! Нет, он больше не выдержит, подумал Психо, чувствуя, как его бедные мозги в отчаянной спешке завершают последние штрихи, делая представившуюся ему картину совершенной в своем изяществе и красоте…

В этот момент все вокруг почернело.

Психо открыл глаза и увидел склонившиеся над ним озабоченные морды. «Где я?» — подумал он и тут же вспомнил свою замечательную импровизацию. Выждав несколько мгновений, Психо позволил себе улыбнуться торжествующей, победоносной улыбкой — такой широкой, что она едва поместилась на его хрящеватой остроконечной мордочке. «Вверх ногами — вот как это называется», — подумал он. Изящный вариант, который позволяет решить все проблемы. Не самая трудная добыча — напротив, одна из самых легких. Не самая редкая тварь — напротив, одна из самых распространенных. Не самый неприятный зверь — напротив, один из самых популярных! М-Первый и М-Второй могут откусить себе хвосты!

— Это фантастично! — выдохнул он, задрожав от нового приступа восторга. — Фан-та-сти-чно! У меня и раньше были удачные импровизации, но это такая выдумка, такая!.. Ты просто не поверишь, Мата!

Мега пребывал в замешательстве. Он чувствовал себя неловко из-за своего неожиданного ухода и неко^-торое время назад присоединился к заседанию вожаков; тут все еще возбужденный мастер-импровизатор огорошил его своим странным сообщением.

— В своем списке охотничьих предпочтений норок я дал кроликам индекс десять,— тараторил Психо.— Они достаточно велики, к тому же кроликов нелегко догнать благодаря их мощным задним лапам. Зато из каждого кролика получается обильный фонтан крови, да и мозг у них большой, так что его приятно высасывать. Словом, как тебе, наверное, известно, массы любят

кроликов. Но самое главное, что устраивает нас больше всего, это их многочисленность и плодовитость! — продолжал он, старательно избегая упоминания о промахе Вождя в день появления норок в лесу. — Не успеем мы уничтожить одно поколение, как на смену ему уже приходит новое, еще более многочисленное, и не только в лесу, но и в его окрестностях — в полях и на склонах холмов. Что нам необходимо сделать, Мега, это объявить кроликов Врагами Общества Номер Один! — воскликнул он, едва не обмочившись от восторга. — Мы скажем массам, что кролики собираются захватить не только наш лес, но и весь мир. А потом… потом мы дадим стае невыполнимое задание — уничтожить всех кроликов, всех, до последнего длинноухого остолопа. Это настоящая импровизация, Мега, — заставить норок поверить, будто они находятся в состоянии постоянной борьбы за свой лес, этакого непрекращающегося крестового похода ради спасения мира от лопоухой опасности. «Хороший кролик — мертвый кролик», «Видишь кролика — убей его!», «Очистим наш лес от куцехвостой мрази!» Эти лозунги, если их правильно подать, помогут нам найти норкам занятие на очень длительный срок. А тем временем другие обитатели леса смогут беспрепятственно размножаться, и — глядь! — мы снова сможем охотиться на кого хотим.

Обдумывая все это, Мега невольно содрогнулся.

— Но ведь это неправда, что кролики стремятся к мировому господству! — возразил он.

— Кто ты такой, чтобы утверждать: «Правда здесь, а там ее нет»? — резко оборвала Мата.

«Я — Вождь!» — собирался ответить Мега, но вспомнил, как Психо и Первый со Вторым говорили насчет свободы. Может быть, пронеслась в голове у Меги тревожная мысль, он тоже не обладает монополией на истину? Но даже думать об этом ему было страшно — ведь он всегда так гордился тем, что видит и понимает больше Других.

— Всеобщей, универсальной истины не существует, — заметила Мата, сочувственно улыбаясь. — Есть истина — и есть истина. Но, будучи Вождем, первое, что ты должен сделать, — это признать, что М-Первый и М-Второй абсолютно правы. Это не просто, но необходимо. Ведь и ты, и я — мы оба знаем, добычи становится с каждым днем все меньше и меньше. Вторым твоим шагом должно быть осознание необходимости предпринять какие-то шаги, чтобы исправить положение. .Какая разница, как оправдать «кампанию по истреблению ушастых», если она сама по себе отвечает интересам нашей главной истины?

Мега ответил не сразу. Слова Маты слишком напоминали головоломку. Но единственной альтернативой предложению Психо, которую он видел, было переселение. Вот только куда? У них на примете не было никакого другого леса и, как подозревал Мега, уже никогда не будет. Да и что может заставить норок вот так запросто бросить свой Предприимчивый Лес, уютное и обжитое Плато, полюбившиеся аттракционы Водорамы? Если просто взять и потребовать от них такой жертвы, дело запросто может кончиться восстанием.

— И все-таки, Мата, в этом есть что-то такое… неправильное, — слабо возразил он.

— Я знаю,— ответила она, явно стараясь его утешить. — Просто так не бывает, чтобы все всегда было правильно.

Глава 43. ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Мега угрюмо шагал по Плато, вырывавшийся из его пасти парок сердито кудрявился, поднимаясь вверх, и все встречные старались свернуть, чтобы не столкнуться с Вождем нос к носу. Вскоре норки обнаружили, что плохое настроение посетило в это утро не только их главного лидера. Сначала Макси свирепо рявкал на них во время церемониального утреннего прохождения под полосатым талисманом, потом Отдел норкетинга забросал их странными, смущавшими душу вопросами, а под конец из своей норы выполз Психо, который выглядел просто зловеще, — у всех, кто не-

нароком встречался с ним взглядом, шерсть на хребте вставала дыбом.

Вскоре по Плато поползли слухи. Дело, несомненно, было в молодой самочке, которая загадочно пропала два дня назад.

Никто не видел и не слышал, как накануне вечером другая самка ворвалась прямо в нору Макси и сообщила, что наткнулась в полях на мертвое тело пропавшей. Макси гарантировал ей сходную участь, если она скажет кому-нибудь хоть слово, и немедленно разбудил Мегу. Вместе, уже глубокой ночью, они тайком отправились на место происшествия. Пропавшая самочка попала в установленные людьми силки в самой гуще колючей живой изгороди. Ее отчаянные попытки освободиться не дали никакого результата; напротив, с каждым рывком проволочная петля затягивалась сильнее, и в конце концов норка задушила сама себя.

— Дня два или около того мы еще сможем это скрывать, но информация обязательно просочится, мой Вождь, — проговорил Макси. — Думаю, самым разумным было бы объявить норкам о происшествии сегодня же.

И вот теперь, когда вожаки стаи собрались в его норе, Мега задал им только один вопрос:

— Что мы скажем норкам? Лидеры смотрели в пол.

— На кого люди поставили эти силки? — неожиданно спросил Психо. — Кого они хотели поймать?

— Конечно, какого-нибудь кролика, — проворчал Мега.

— Возможно, нам удастся использовать этот случай для наших целей, — отозвался Психо.

— Что ты хочешь сказать? — насторожился Мега.

— Все очень просто, Вождь, — с энтузиазмом воскликнул великий импровизатор, оседлав своего любимого конька. — Почему бы не объявить массам, что это кролики убили нашу сестру, и не организовать паломничество к месту ее гибели?

— В жизни не слышал ничего более бесчестного и позорного! — взорвался Макси, не в силах сдерживать себя. — Это же нечистоплотная игра!

— Не пойми меня неправильно, мой Вождь, — обратился он к Меге, и в его голосе прозвучала искренняя озабоченность. — Я обеими лапами голосую за истребление кроликов, больше того: я уже закончил все приготовления и готов начать в любой момент. Однако я категорически против того, чтобы использовать как предлог трагическую гибель

нашей сестры. Здесь нет никакой логики. Рядовые не так глупы, они ни за что не поверят в эту хреновину, попомни мои слова!

— Логика здесь есть, Мега, — с возмутительной наглостью настаивал Психо. — Если бы в лесу не водились кролики, разве стали бы люди ставить на них силки? Кто же ответствен за гибель норки, как не они? Кроме того, ты сам прекрасно знаешь — стоит хорошенько завести массы, и они теряют и рассудительность, и здравый смысл.

«Если они вообще обладают этими качествами», — мысленно добавил он.

— Меня такое объяснение не устраивает, — отрезал Макси. — Я все равно не согласен.

Мега не мешал им спорить. Он был не в силах выбрать между врожденной честностью и политической мудростью. В конечном итоге это он санкционировал бесконечную истребительную войну с кроликами и, как и все остальные, до какой-то степени поверил в ее необходимость и неизбежность. С другой стороны, Мега чувствовал себя так, словно это решение и было первым шагом к пропасти, что бы там ни твердила Мата о «разных истинах» и прочем. И все же расчетливый и холодный цинизм Психо переходил всякие границы, даже те, к которым, как надеялся Мега, они никогда не приблизятся. Теперь он видел, что любую так называемую истину можно без особого напряжения преобразовать в нечто убедительное для норок. Негибкий ум Макси не мог перескочить через эту пропасть, но Мега знал, что нужно сделать, чтобы идея паломничества к месту гибели их сестры сработала. Это был личный вызов его талантам и способностям, не больше и не меньше, но Мега был уверен в успехе.

— Это была одна из моих «воительниц», — негромко вставила Мата. — Так или иначе, но нам придется объяснять, что с ней случилось. Почему бы не использовать ее смерть в общих интересах и не начать кампанию по истреблению кроликов? Ты Вождь и должен в первую очередь думать о своем народе, — напомнила Мата.— Твоя главная задача — запустить это шоу.

— Но какой ценой, Мата? — спросил Мега в отчаянии.

— Любой ценой, Мега.

Как ни бушевала, как ни гремела река, врываясь в узкую горловину, начинавшуюся сразу за Плато, ее голос почти не был слышен за ревом ветра, который с легкостью раскачивал самые толстые деревья и безжалостно трепал кошачий хвост, болтавшийся из стороны в сторону на самодельном канате. Непогода никак не хотела улечься, и собравшиеся под Кривым буком норки вынуждены были напрягать слух, чтобы расслышать, что говорит им Мега.

— Мои норки! — прокричал он. — Вы все знаете, зачем я привел вас в этот чудесный лес — чтобы здесь вы сделались свободными. Но это еще не все. Будучи великим народом, мы должны исполнить свою историческую миссию. Мы должны спасти не только этот лес, но и весь мир! Мы, ваши вожди, узнали о существовании свирепого и безжалостного врага, победить которого наш долг и наше предназначение.

В толпе произошло легкое замешательство, потом стая расступилась и в проходе показались два взмыленных норковорота, которые волокли за собой мертвого кролика. Бросив тушку к ногам Меги, они отступили в сторону* и Вождь наклонился, чтобы как следует ее обнюхать. Между тем в толпе раздались первые смешки. Какого бы нового

врага ни назвал им Мега, — а они уже были готовы к тому, что очередной противник будет пострашнее выдры, — это вряд ли могли быть трусливые длинноухие кролики!

— Как видите, это всего лишь кролик, — прокричал Мега, словно прочитав их мысли, как когда-то делал глашатай Старейшин Габбла. — Хороший кролик, потому что это — мертвый кролик! Но его многочисленные друзья и родственники еще живы и потому — опасны! Почему, мои норки? Потому, что они размножаются. Они постоянно размножаются, они только и делают, что размножаются! И они никогда не перестанут это делать!

Хихиканье в толпе прекратилось. Норки с пониманием переглядывались и кивали друг другу. Плодовитость ушастого племени изумляла даже их.

— Вам известно, что лесные жители видят в нас свирепых захватчиков, которые уничтожают все живое,— продолжал их лидер.— Но кто говорит об этом больше других? Все те же кролики! И в то же самое время эти лукавые создания планируют ни больше ни меньше, как уничтожить лес, который мы знаем.

Вот теперь норки были озадачены. Как могут эти глупые создания уничтожить что-либо, кроме травы? Или, может быть, их предводитель… того… спятил?

— Под этой дурашливой личиной скрывается всепобеждающее стремление к завоеванию. Кролики выглядят робкими и глупыми, но это только военная хитрость, которая почти удалась. Они почти заставили нас поверить в свою безвредность! На самом деле все это время кролики делали все, чтобы завоевать мир благодаря своему численному превосходству. И нам, норкам, самой судьбой назначено нанести презренным кроликам сокрушительный удар и спасти лес… нет, целый мир от нашествия орд кроликов!

Под деревом установилась потрясенная тишина. Даже ветер как будто стих. Воспользовавшись паузой, Мега уступил трибуну М-Первому и М-Второму, которые обрушили на аудиторию ворох статистических данных, «научно» подтверждавших теорию о том, что если позволить кроликам беспрепятственно плодиться и размножаться, то они не только погубят всю растительность, но и вытеснят все остальные виды живых существ. Слушая их, норки начали потихоньку ворчать, выражая этим свое согласие. Может быть, далеко не все понимали, что такое «геометрическая прогрессия» и «научно обоснованный факт», зато они очень быстро разобрались, в чем тут суть.

— Дорогие норки!..— Это был уже Психо, явно наслаждавшийся моментом. — С самого начала мы впали в заблуждение, вполне, впрочем, простительное, полагая, что нашими главными врагами являются самые свирепые и сильные обитатели леса. А тем временем эти робкие на вид существа скрытно осуществляли свои зловещие планы, словно черви, разъедающие изнутри спелый плод. Взгляните на их норы — на те самые, в которых вы сейчас живете. Это же настоящие произведения искусства! Разве могли глупые, неумелые существа прорыть такие замечательные, так хитро спланированные подземные убежища? Нет, нет и еще раз нет! Эти норы — часть их далеко идущего плана. Кролики — это черви-паразиты в плодородном чреве земли, старающиеся разорвать цепь жизни, которая поддерживает нас всех!

— Да, мои норки, кролики — это настоящие паразиты! — подхватил Мега, снова занимая центральное место. — Кролики — это грязь, мусор, отбросы! Они загрязняют и убивают землю, хотя сами на ней же живут. Это они разносят заразные болезни, о которых нам

пока приходилось только слышать. Моровое поветрие способно полностью уничтожить целый вид живых существ, но только не самих кроликов…

Ветер, завывавший над Плато, относил часть его слов в сторону, но стая слушала своего Вождя как зачарованная. Непогода всегда заставляла норок чувствовать себя бодрее, заводила их, и Психо со злобным удовлетворением заметил, что кое-кто уже теребит труп кролика.

Норковороты выступили вперед и осторожно оттеснили от остывающей тушки самых ретивых кролененавистников. Мега, в свою очередь, жестом призвал стаю к спокойствию и вниманию.

— Необходимо держать себя в лапах, — сказал он с ноткой печали в голосе. — Мы открыли этот подлый заговор, но кролики уже успели нанести нам первый жестокий удар. Нам предстоит совершить одно печальное путешествие, которое позволит вам окончательно удостовериться в том, кто наши злейшие враги. Больше того — наши убийцы. Не честные, отважные хищники, как мы с вами, а холодные, расчетливые, подлые убийцы. Убийцы норок.

Норки в ужасе переглянулись.

На свободе норки одичали, их глазки-бусины заблестели ярче, а дух укрепился. Каждая из них стала совершенной во всех отношениях машиной для охоты и убийств, и в то же время на открытом всем ветрам пространстве полей, под бескрайним высоким небом, по которому табунами неслись мятежные серые тучи, они снова почувствовали себя стаей, единым целым. Норки невольно прижимались друг к дружке теплыми боками, стремясь лишний раз убедиться в товарищеской поддержке и победить неизбежный страх перед тем, что им предстояло увидеть.

Вот и живая изгородь. Мега ненадолго остановился с наветренной стороны, чтобы еще раз обратиться к стае.

— Даже я, ваш Вождь, не сумел предотвратить трагедии, которая произошла здесь, — сказал он. — И за это я покорнейше прошу меня простить.

Норки обменялись недоуменными взглядами. Не в характере Меги было просить прощения.

— Прежде чем это душераздирающее зрелище предстанет перед вашими глазами, узнайте, во всем виноваты наши новые враги — кролики, — прокричал Мега. — Это преступление на их совести. Они знали, где установлена ловушка, которую люди сделали, чтобы ловить их самих. И вот: они заманили туда нашу несчастную сестру, а сами стояли вокруг и смотрели, как она уми-

рает в страшных мучениях. Это ли не доказательство их хитрости и злонамеренности? Это ли не свидетельство опасности, которую они представляют не только для всего мира, но и для нас, норок? Мужайтесь, мои норки, и скорбите вместе со мной!

Не сказав больше ни слова, Мега быстро повел стаю вдоль живой изгороди туда, где посреди утоптанной тропы, между двумя узловатыми стволами боярышника, лежала мертвая норка. В том, что это кроличья тропа, никто не сомневался. Стальная проволочная петля глубоко врезалась в горло норки, язык вывалился из пасти, а мертвые,

остановившиеся глаза вылезли из орбит. Засохшая кровь на подушечках лап и взрытая земля свидетельствовали о том, какими продолжительными и ужасными были ее предсмертные муки.

Увиденное повергло норок в шок. Одна за другой, они медленно проходили мимо страшного места, многие останавливались и подолгу молчали. Воображая себе мучения, которые перенесла несчастная, норки болезненно морщились и скалили зубы.

— Что может быть хуже такой смерти? — спросил Мега. — Кролики поступили жестоко, трусливо, бесчестно. Это позор — использовать человека, чтобы он убивал в твоих интересах, но таковы кролики. Эта смерть взывает об отмщении! Так пусть гибель нашей сестры не будет напрасной! Давайте сделаем все, чтобы сорвать коварные замыслы кроликов, пока они не прикончили еще кого-нибудь из нас!

Никто ни на мгновение не усомнился в логике про-исхвдящего. И никто не заметил, как мастер-импровизатор исчез.

Ведя колонну норок обратно на Плато, Мега жалел, что не сказал «нет» еще одной импровизации, которую задумал и взялся осуществить Психо. Сначала он было рявкнул на него, но в конце концов сдался, доведенный до крайности изматывающей настырностью своего мастера-импровизатора. Одной импровизацией больше, одной меньше — никакой роли не

играло. Обращаясь к стае на Плато, он сам был возбужден своим красноречием, однако, когда снова увидел погибшую, его охватила глубокая печаль. В эти минуты ему больше всего хотелось не иметь никакого отношения к этому трагическому происшествию. Очевидно, его угнетенное состояние настолько бросалось в глаза, что Психо даже прочел ему коротенькую лекцию, или, вернее сказать, нотацию, о том, как опасно лидеру поддаваться тем же чувствам и эмоциям, которые владеют его подданными.

Но разве в душе у каждой истинной норки не должен бушевать настоящий огонь, заставляющий ее делить со своими собратьями все радости и горевать вместе с ними? И это вовсе не значило быть мягкотелым — это значило быть по-настоящему заботливым, небезразличным, любящим, в конце концов.

Тут Мега представил, как в эти самые минуты Кры-сеныш, поспевший на Плато раньше стаи, зловеще хихикая, осуществляет свою «завершающую ударную импровизацию», и ему стало совсем скверно. Но остановить Психо все равно было уже нельзя, и Меге не оставалось ничего другого, кроме как исполнить свою роль до конца. Он вел норок так медленно, как только осмеливался, стараясь дать Психо как можно больше времени на подготовку. Впрочем, медленный, похоронный шаг вполне соответствовал мрачному настроению стаи.

Когда стая подошла совсем близко к Плато, навстречу выскочил взмыленный Психо.

— Скорее! Беда! — крикнул он еще издалека. — Смотрите, что сделали эти паршивые кролики!

Дрожащей от напряжения лапой он указывал на кошачий хвост, который раскачивался на веревке под ветвями Кривого бука.

О ужас! Их гордый символ больше не был безупречно прямым; кто-то согнул его дугой так, что он отдаленно напоминал пару безвольно повисших кроличьих ушей.

— Смотрите! — снова взвизгнул Психо. — Подлые кролики специально выбрали удобный момент, чтобы в наше отсутствие надругаться над святыней!

В самом деле, сегодня норки впервые оставили свою базу без охраны.

Тем временем Психо подбежал к Буку и вцепился зубами в сплетенный из плюща канат. Хвост упал на землю и, поскольку теперь он был изогнут дугой, неуклюже покатился по траве, кувыркаясь под напором яростного ветра. Остановился он на том самом месте, где совсем недавно лежал труп кролика, и норки дружно ахнули. Тело исчезло!

Психо подбежал к поверженному символу и стал его обнюхивать, а норки тревожно застрекотали. Что-то неслыханное творилось на Плато. А Психо уже поднял свою крысиную морду к нахмурившимся небесам и воскликнул самым страшным голосом, на какой был способен:

— Кролики! Я чую кроликов. Они везде, везде!

— Я тоже чую! И я! И я! — начали выкрикивать другие норки, носясь кругами вокруг дерева.

Психо мог торжествовать. Каждая норка, которая остановилась бы хоть на секунду, несомненно, сообразила бы, что порывистый сильный ветер должен отнести прочь даже резкий запах лисицы, но, пока Психо продолжал твердить свои заклинания, никто из них не мог даже сосредоточиться. Как удалось кроликам так незаметно подкрасться к их жилищам? Где они теперь? Что они предпримут в следующую минуту?

Психо выжидал, совершенно уверенный в успехе.

— Вон один из них! Там, смотрите!..— неожиданно крикнул он, указывая на мечущиеся под напором ветра кусты. Норки всей толпой ринулись туда.

— Вон еще один! Я видел, точно! — начали раздаваться крики.

За каждым кустом им виделись ушастые тени и горящие злобой глаза.

— Внимание, норки! — раздался мощный голос Мак-си, на мгновение заглушивший шум. — Добровольцы, желающие уничтожать кроликов, — ко мне! Кто хочет отправиться с карательной экспедицией?

— Мы все хотим! — раздался в ответ дружный свирепый вопль.

Глава 44. МИР НАШЕМУ ЛЕСУ

Хотя весна в Старом Лесу всегда была самым замечательным временем года, Филину казалось, будто в этот раз она особенно красива. Сначала, как бывало всегда, распустились пронзительно-белые цветы терна, предвещавшие последние заморозки, и эти заморозки наступили, но быстро прошли. Зима сдалась окончательно, но уходила она под трубный вой ветров и шелест проливных дождей, смывающих в реку скопившийся за

зиму мусор, и буровато-желтая мутная вода уносила его неведомо куда. Когда кончились дожди и кусты боярышника покрылись нежно-розовыми цветами, из пропитанной влагой земли дружно полезли весенние травы и цветы, а на деревьях лопнули почки. Все обитатели леса были уверены, что нежная зелень молодых листьев никогда еще не была такой призрачно-прозрачной, цветы диких яблонь такими розовыми, чашечки первоцвета такими изящными и пышными, а подснежники-пролески никогда еще не покрывали землю таким густым голубым ковром — местами он отливал прямо-таки индиговой синевой.

Ничего удивительного, что из всех времен года лесные жители больше всего любили именно весну. Несчастья и лишения Больших Холодов остались позади и напрочь забыты; земля и воздух хорошо прогрелись, а пришедшие в движение жизненные соки побуждали животных, птиц и насекомых срочно строить дома и обзаводиться потомством.

Однако в эту весну угрюмая тень страха и исходившей от норок угрозы омрачала настроение. Даже весенний запев скворцов и жаворонков звучал как-то неуверенно, приглушенно, словно исполнители отдавали последний долг своим многочисленным сородичам, которым уже никогда не вить гнезд, не перепархивать беззаботно с ветки на ветку и не будить лес утренним щебетом. Птицы, да и звери тоже,— все чувствовали, что праздновать особенно нечего.

А Большие Холода в этом году выдались особенно суровыми. Морозам сопутствовал пронизывающий ветер. Он свистел и стонал среди голых ветвей, а выпавший снег не только заглушил звуки обычной лесной жизни, но и укрыл землю плотным белым покрывалом, которое продержалось больше полумесяца, и все это время лесные обитатели жили впроголодь. Те, кто привык искать пищу в земле, напрасно скреб лапами твердую как камень почву, в то время как существа, питающиеся семенами и растениями, забирались все дальше и дальше в поля в отчаянной надежде выкопать из-под снега пучок прошлогодней жесткой травы. Эти дальние походы были тем более опасны, что на открытой местности изголодавшиеся птицы и грызуны становились легкой добычей хищников, которые тоже не процветали. Словом, это был один из тех нелегких периодов, когда смерть от холода или от голода оставалась каждодневной реальностью. Но не успели лесные жители, сумевшие уцелеть в этих нелегких условиях, вздохнуть свободно, как в лес прибыли норки, превратив их жизнь в ночной — или дневной, в зависимости от того, какого образа жизни придерживалось то или иное живое существо,— кошмар.

— Я намерен созвать самое представительное собрание, какое только удастся, — с вызовом заявил Большая Задница, потирая передней лапой белое пятно на лбу.

— Зачем? Чего ты хочешь добиться? — проклекотал Филин раздраженно.

Он знал, что неугомонные лесные трепачи продолжают тайком устраивать небольшие собрания и митинги, но все это были неофициальные мероприятия, проводившиеся к тому же в глубоком подполье. В глубине души он считал это единственным положительным следствием вторжения норок.

— О том, чтобы чего-нибудь добиться, нет и речи! — с горячностью возразил ему кролик. — И никаких личных целей я тоже не преследую,— добавил он на всякий случай, заметив в глазах Филина сомне-

ние. — Неужели ты не понимаешь, что мы не имеем права просто так взять и отказаться от наших демократических завоеваний? От сложившейся процедурной практики и

устоявшегося протокола? Ведь если мы прекратим проводить собрания, это будет означать, что мы запуганы норками, что мы сдаемся! Или у тебя есть лучшие предложения?

— Всякое собрание, — счел необходимым указать Филин, — сопряжено с огромным риском. Где ты предлагаешь его устроить?

— А хотя бы и здесь… — Лопух с одобрением оглядел рощицу на холме. — Ты выбрал прекрасное место, Филли. Этот холм достаточно далеко от леса, а деревья, и особенно яма, скроют нас всех от постороннего глаза. Гляди, здесь даже Пень есть!

Он с довольным видом указал на расщепленный ствол упавшего дерева, валявшийся посреди ямы, и Филин почувствовал себя польщенным.

— Ты, наверное, захочешь, чтобы я снова стал Исполнительным Председателем? — скромно спросил он. Впрочем, не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы угадать ответ.

— Конечно! — воодушевился Лопух. — Даже больше того: я хотел бы, чтобы ты уговорил прийти твоих знакомых хищников, всех насекомоядных и всеядных тоже. Им пора понять, что опасность грозит нам всем.

— Я сам так думаю, — согласился Филин, гадая, скольких ему удастся уговорить.

Потом Лопух как-то осунулся и обмяк, и Филин подумал, что он, наверное, ужасно устал. Кролик выглядел еще более грустным и старым, чем в прошлый раз. Как будто вся ответственность за судьбу леса лежала персонально на нем.

— Не переживай ты так, — по-дружески грубовато сказал Филин. — Что-нибудь обязательно подвернется.

— Может быть, — согласился Лопух. — Но я лично в этом сомневаюсь.

С этими словами он развернулся и, поморщившись от боли в плече, тяжело поскакал прочь.

Филин проводил его взглядом и подумал, что ему ничего не остается, кроме как согласиться с Большой Задницей. Никакого выхода он не видел.

— По крайней мере это начало, Рака! — умоляющим голосом сказал Филин.

— Скорее конец, — с отвращением каркнула Рака. — Где это видано, чтобы от кроликов была какая-нибудь польза?

Филин только вздохнул. Ответить на этот вопрос было нелегко.

— Как бы там ни было, кроме собрания Сопричастных Попечителей, лесу не на что рассчитывать. К тому же, согласись, чем больше не-Попечителей явится на это заседание, тем больше шансов, что из этого что-нибудь выйдет.

— Выйдет что? — раздраженно переспросила Рака.

— Я пока не знаю,— вынужден был признать Филин.

По правде говоря, Филину уже надоели безрезультатные попытки убедить знакомых хищников в необходимости совместных действий. Совсем недавно он навестил Оруэллу, но разговор с выдрой только усугубил его отчаяние.

— Лично для меня этой проблемы больше не существует, — без обиняков заявила выдра. — Я держусь подальше от них, а они стараются не попадаться на моем пути. Боюсь, что вам, лесным жителям, придется тонуть или выплывать самим, без меня.

После этого удручающего разговора Филин решил попробовать другие аргументы. Хищники, решил он, даже не принимая участия в собрании Сопричастных Попечителей как таковом, должны были прийти, чтобы обеспечить охрану рощи на случай, если норки нападут. Однако даже такое предложение не вызвало никакого энтузиазма у тех, к кому он обращался.

— Я прекрасно понимаю, что кое-кто достаточно иронично относится ко мне, — пожаловался Филин Раке. — Наверное, это справедливо. Но пойми, мне уда-

лось понять то, чего они пока не уразумели. Увы, мои друзья-хищники превратились в замшелых эгоистов.

— На твоем месте я бы не волновалась, — ухмыльнулась Рака, — не такие уж они замшелые, просто ты когда-то им досадил, и теперь они платят тебе той же монетой. Но не сомневайся, на собрание они придут. Я, во всяком случае, обязательно буду там.

Едва Филин опустился на ветку ильма, которой предстояло сегодня послужить в качестве нового насеста для Постоянного Исполнительного Председателя, он сразу увидел, что Рака была права. Все его старые приятели по Обществу Памяти Полевой Мыши были налицо. Устроившийся по своему обыкновению на галерке Борис громко и возмущенно фыркал, в подлеске мелькал рыжий мех неуловимого Фредди, и даже канюки, наотрез отказавшиеся спуститься с небес на землю, исполнили свое обещание и парили высоко в небе, наблюдая за окрестностями. Их крылатые тени время от времени стремительно скользили по поляне, нервируя многочисленных полевок, мышей и землероек, так и норовивших укрыться под листиком или зарыться в землю.

Сопричастные Попечители явно соскучились по полноценным собраниям и митингам. Филин, утвердившийся на своей председательской ветке, даже испугался, как бы существовавшие в прошлом фракции не воспользовались случаем, чтобы снова сцепиться из-за пустяков. К счастью, в новой обстановке все разговоры о «Слизнях за Прогресс», «Правящем Большинстве Муравьиных Куч» потеряли свое значение. Даже Кувшинка воздерживалась от выступлений в пользу Фронта Освобождения Червей, и Филин с горечью подумал, что впервые, когда у этих несчастных трепачей появилась серьезная тема для обсуждения, они сидят как воды в рот набравши.

Но он ошибся. После нескольких плаксивых жалоб и публичного ломания лап по поводу поразившего лес несчастья на импровизированный Пень вспорхнула серая завирушка.

—— Я предлагаю направить норкам петицию! — проверещала она тоненько.

Услышав это, Филин едва не застонал в голос. В прошлом петиции принимали буквально на каждом собрании. Сопричастные Попечители протестовали против того, возражали

против сего, требовали что-то запретить и выражали свою озабоченность в связи с тем-то и тем-то. Все эти пламенные воззвания и призывы, как правило, благополучно игнорировались теми, кому они были адресованы. Та же судьба была уготована и любимым детищам Лопуха — Уложению и Биллю о Правах, которые, как недавно открылось, были формально приняты на крошечном собрании, где присутствовало всего несколько кроликов.

— Преступления, совершенные норками в лесу, слишком многочисленны, чтобы их перечислять, — продолжала вещать завирушка. — Они нарушили все мыслимые морально-этические нормы и законы, которых придерживаемся и за которые последовательно выступаем мы, Сопричастные Попечители. И все же, будучи птицами в высшей степени приверженными здравому смыслу и принципам доброй воли, мы уверены: стоит только разъяснить норкам наши взгляды, как чувство порядочности заставит их либо признать свои ошибки и изменить свое поведение, либо навсегда покинуть наш лес. Мы, завирушки, организовали рабочую группу по подготовке текста обращения к норкам. Отдавая себе отчет в том, что ситуация требует проявить твердость, мы тем не менее предлагаем быть с норками предельно любезными; по нашему глубокому убеждению, это не может повредить проводимому нами политическому курсу.

«Что бы это могло означать? — подумал озадаченный Филин. — Если завирушки намерены быть любезными с норками, то они вынуждены будут позволить им остаться. Может, у них это называется „проявить твердость"?..» Он едва не расхохотался в голос, когда попытался вообразить себе завирушку *в гневе.* Судя по всему, Борис на другом конце площадки подумал примерно о том же, вот только смешная сторона всего сказанного до него, как обычно, не дошла. Барсук свирепо тряс своей полосатой головой, что, насколько было известно Филину, предвещало взрыв.

Завирушка, проникшись сознанием собственной значимости, несколько раз пискнула, прочищая горло.

— В качестве исходного наша рабочая группа предлагает следующий текст: «Мы, птицы, звери, АРРЛ (Ассоциация Рыб и другого Речного Люда) и МПС (Мириады Прочих Существ) Старого Леса, составляющие Общество Сопричастных Попечителей, не можем дальше мириться с многократными нарушениями принятых нами Лесного Уложения о Порядке и Билля о Правах Существ и требуем, чтобы вы, норки, либо полностью прекратили свою разрушительную, не совместимую с духом и буквой упомянутых документов деятельность, либо немедленно переселились в другую местность, так как ваше присутствие в нашем Старом Лесу подрывает основные устои нашего общества, дестабилизирует его и отрицательно сказывается на общей экологической ситуации».

Некоторое время собрание молча переваривало эту словесную кашу. В тишине презрительное фырканье барсука прозвучало особенно громко и оскорбительно.

— Мы, трепачи пустоголовые, не можем мириться с тем, что вы нас жрете, и предлагаем вам либо проваливать из нашего обожаемого леса, либо превратиться в глупых кроликов и носиться по лесу с собрания на собрание,— провозгласил он тоненьким баском, явно пародируя писк завирушки, а потом повернулся к собранию массивным задом и заковылял прочь.

— Петиция, это, конечно, очень хорошо,— громко сказал Филин, не в силах больше молчать. — Но я позволю себе задать один простой вопрос: кто возьмется ее доставить?

Наконец-то их проняло, торжествуя, подумал он, увидев, как Сопричастные Попечители прячут глаза, с беспокойством переступая с лапы на лапу. Но его радость оказалась недолговечной.

— Я, — просто сказал Лопух, и клюв Филина сам собой открылся. В следующее мгновение кролик разразился продолжительной и страстной речью, в которой много и красиво говорил о торжестве здравого смысла,

в Филин, решив, что это самая длинная записка самоубийцы в истории, сдался без возражений.

Остальные Сопричастные Попечители слушали своего лидера в благоговейном молчании. Шум поднялся только тогда, когда на Пне Лопуха сменил белый голубь.

— Я тоже полечу и понесу в клюве оливковую ветвь, — проворковал он.

— *Какую* ветвь?! — взволнованно крикнула Рака из гущи грачиной стаи, рассевшейся над самой головой Филина. Поначалу она очень гордилась тем, что ей удалось убедить своих знакомых прийти на собрание, однако, как она и боялась, кроличья дурость все-таки выплыла на поверхность. Нет, никогда больше она не поддастся на уговоры своего старого дружка Филина…

— Оливковую, — спокойно повторил голубь.

— Но в нашем лесу не растут оливы, глупая ты птица!

Голубь с невинным видом скосил на нее глаз.

— Молодой побег орешника, веточка дуба, ясеня, платана — все годится. Никакого особенного значения это не имеет, — безмятежно сказал он. — Главное, что веточка в моем клюве представляет собой универсальный символ мира. При его появлении все убийства тут же прекращаются, и на земле торжествуют мир и гармония.

Завирушки стайкой ринулись на трибуну, чтобы поддержать это дурацкое заявление, и Рака почувствовала, что с нее хватит.

— И как, по-вашему, восторжествует мир? — задала она риторический вопрос. — Нет, нет, не говорите мне. Я сама вам расскажу. Ты, значит, полетишь на Плато с веточкой в клюве, а норки, лишь только завидят тебя, сразу поймут, что до сего момента они жили совершенно неправильно. Послушай, птица, — продолжала она насмешливо,— может, тебе еще поворковать для эффекта? Кур-кур, мерзкие норки! Будьте хорошими, мерзкие норки. Кур-кур! Уходите-ка поскорей, мерзкие норки!..

Она так удачно подражала мягкому голубиному воркованию, что многие не удержались и прыснули.

— «О ужас! — скажут мерзкие норки. — Какими мы были нехорошими! Взгляните только на эту зеленую ветку в клюве чудесной белой птицы! Этот универсальный символ указывает нам, что где-то мы оступились. Как нам стыдно! Мы действительно вели себя мерзко и теперь должны поскорее убраться отсюда, чтобы все лесные зверюшки жили мирно и счастливо. Прощайте, милые лесные жители. Просим у вас прощения за

причиненное беспокойство. Не поминайте лихом!» Я ничего не пропустила? — строго спросила Рака под восторженное хихиканье других грачей.

— Возможно, — невозмутимо отозвался голубь, у которого не встопорщилось ни одно из его сверкающих белых перьев. — Боюсь, правда, что мы, голуби, не очень много знаем о самом символе. Наша миссия состоит в том, чтобы служить гонцами, доставляющими его в нужное место.

— Ну ладно, гонец, расскажи-ка нам, как действует твой символ?

— Он взывает к светлым сторонам характера норок, — с готовностью отозвался голубь. — А что?

— Неужели никто из вас еще не понял, что у норок *нет* светлых сторон характера? — прокаркала Рака, словно не веря своим ушам. — Неужели вы еще не усвоили, что единственным языком, который они понимают, является язык силы? Убей или умри — это им ближе и понятнее.

Филин не мог не признать, что Рака права, однако даже его тронула хрупкая красота этого изящного, снежно-белого существа. Контраст между голубем и угольно-черной крикливой Ракой был разителен. «Неужели, — подумал Филин, — Рака не понимает, что перед ней просто тупой самодовольный блондин, которого не стоит принимать всерьез? Отчего она так разгорячилась?»

Он повернул голову, чтобы призвать ее к порядку, но увидел, что в этом нет нужды. Рака в ярости только сдавленно хрипела, широко разевая черный блестящий клюв.

— Какой у нас следующий вопрос на повестке? — властно проухал Филин, отворачиваясь.

Других вопросов не было.

— Собрание объявляется закрытым! — гаркнул Филин, взлетая. У него было только одно утешение: на его памяти это оказалось самое короткое собрание Сопричастных Попечителей.

Глава 45. БЕГИ, КРОЛИК, БЕГИ…

— Охотничьи команды готовы, мой Вождь. Ты должен сделать выбор.

— Хорошо, сейчас я выйду.

Прежде чем покинуть нору, Мега тщательно зачесал наверх мех на макушке; он бессознательно проделывал это с тех пор, как Отдел норкетинга рекомендовал ему агрессивный стиль. Его сомнения относительно правомерности кампании по истреблению кроликов улеглись, когда он увидел, какой замечательный эффект она дала едва ли не с первых дней. Усилиями Макси сфера жизненных интересов норок теперь охватывала не только лес, но простиралась далеко за его пределы. Буквально вчера вечером Отдел норкетинга с гордостью ознакомил его со своим последним докладом.

— Наша идея работает превосходно, о великий Вождь, — уверенно провозгласили они. — Сейчас пока трудно сказать, насколько восстановился рынок прочих живых существ, однако наши статистические исследования неопровержимо показывают, что в последнее время их добыча осуществляется исключительно с пищевыми целями. Вот, взгляни сюда!

Они забегали вдоль стен большой залы, на которых были нацарапаны многочисленные таблицы и графики. Статистические кривые решительно указывали вверх, и это вселяло надежду.

— Мы можем с уверенностью заявить, — продолжали М-Первый и М-Второй, —г лесной рынок миновал критическую стадию. Пищевая доступность по некото-

рым видам живых существ выросла уже на пять процентов и продолжает повышаться.

Мега решил не расстраивать их и не говорить, что ему не нужны графики и цифры там, где он чует нутром. И им, и ему и так было ясно, что кампания, направленная на массовое истребление кроликов, и была тем самым убийством ради убийства, которое так нравилось норкам и давало выход их разрушительной энергии. Горы черепов тонули в морях крови, и массы ликовали в предвкушении каждого нового опустошительного рейда.

Мега почувствовал кровожадное возбуждение норок, едва только поднялся из норы под радостные крики охотников. Выбор, который призывал его сделать Макси, был непосредственно связан с разработанной военным советником схемой, состоявшей из серии рекогносцировочных мероприятий, как правило завершавшихся «Красным Штормом» :— налетом отряда норок на кроличий садок. Система прижилась и быстро стала одним из краеугольных камней, на которых зиждилось общественное устройство колонии. Макси разбил стаю на несколько отрядов, которые денно и нощно рыскали по лесу и окрестностям, разведывая, где самые большие и аппетитные кроличьи садки. Меге оставалось только, выслушав, как норки обсуждают между собой сравнительные достоинства того или иного объекта для нападения, формально объявить, какой садок должен быть подвергнут разорению в ближайшее время. На самом деле Макси всегда заранее информировал вождя о том, какая из колоний выглядит перспективнее.

Некоторое время Меге еще казалось, что от кампании по истреблению кроликов попахивает каким-то безумием. Но чем дольше длилась кампания, тем легче становилось Mefe воспринимать ее оправдания, которые с поистине дьявольской ловкостью находил Психо. В конце концов сам Мега начал верить в необходимость истребления кроликов. И это устраивало его гораздо больше, чем постоянно сомневаться в истинности базовой теории и справедливости побуждений, вызвавших ее к жизни.

На площадке перед его норой отчаянно спорили норки, а Психо по обыкновению сновал между ними и что-то вынюхивал. Немного послушав, Мега взмахнул лапой, призывая собрание к вниманию, а потом вынес вердикт, который некоторое время назад Макси преподнес ему как самый разумный:

— Сегодня победила команда «Гладиаторов», разведавшая местоположение кроличьей колонии с кодовым обозначением «Садок Б».

Победители разразились радостными криками, проигравшие разочарованно застонали, а выступивший вперед Макси начал подробный инструктаж перед налетом.

Ритуальная церемония, предшествовавшая очередной бойне, традиционно происходила на площадке под оранжево-черным хвостом, который снова висел привязанный к ветке Кривого бука веревкой из плюща. Возвращению символа на его законное место предшествовал ожесточенный спор о том, стоит ли его выпрямлять или оставить как есть. Психо, довольный успехом своего коварного замысла, настаивал на том, чтобы оставить хвост согнутым — чтобы он служил широким массам постоянным напоминанием о пережитом позоре, но Макси немедленно пришел в ярость.

— Хвост — наш священный символ, и я настаиваю, чтобы к нему относились с должным почтением, — горячо доказывал он Меге. — Ты не должен был позволять Психо использовать его даже на общее благо.

Мега разрешил спор самым простым способом: подняв хвост с земли, он молча выпрямил его и отдал норковоротам Макси, которые с завидной сноровкой повесили его на прежнее место. Отныне о перенесенном позоре и о коварстве их новых врагов должен был напоминать муляж, изображающий гигантского кролика, сидевшего столбиком почти под черно-полосатым стягом. Создавался он усилиями «воительниц», которыми для разнообразия руководил Макси: каркас из веток обмазали глиной и обтянули шкурами жертв. Особенно впечатляющими вышли мрачно мерцающие глаза из подобранных на берегу реки полупрозрачных красновато-

желтых галек, а страшные когти и зловещие резцы были выточены из падуба.

Согласно традиции, выигравшие в конкурсе «Гладиаторы» должны были исполнить вокруг этого тотемиче-ского изображения воинственный танец, распевая песню, которой Отдел норкетинга гордился не меньше, чем гимном «Правь, Норкомафия!..», хотя, на взгляд Психо, ее текст был не совсем серьезным:

Беги, серый кролик, беги же скорее, Чтоб мерзкие норки тебя здесь не съели. Ты о спасенье мечтать не моги. Беги, жирный кролик, беги же, беги!..

Постепенно разгорячаясь, отдельные норки начинали выбегать из круга и, подскочив к гигантскому чучелу, били его лапами и свирепо рычали. Остальные скандировали: «Убей кролика, убей, убей, убей!* — до тех пор, пока Мега не давал сигнал, после которого стая срывалась с места и мчалась к обреченному кроличьему садку. Каждый раз это было довольно продолжительное путешествие, поскольку Мега запретил уничтожать ушастых в самом лесу.

Чем длиннее становились вечера, тем большее удовольствие получали норки от своих кровавых налетов. С наступлением тепла кролики не только начали активнее размножаться, но и стремились проводить как можно больше времени на свежем воздухе, греясь в лучах солнца и питаясь молодыми побегами или сочной травкой, которая буквально таяла на языке. В конце долгого весеннего дня было так приятно попрыгать вместе с крольчатами, поиграть в веселые игры, полюбоваться пейзажем, одевшимся зеленой дымкой, или просто мирно попастись на солнечном склоне. Разумеется, кролики знали о расправах, которые чинили норки, и все же теплым ласковым вечерком они не могли справиться с искушением и не подняться на поверхность, понадеявшись на авось, или, говоря по-научному, на статистическую вероятность.

В этот вечер не было никакого ветра, и стае удалось незаметно приблизиться к «Садку Б*, когда Мега подал

заранее обговоренный сигнал, дважды мяукнув. «Гладиаторы» сразу же бросились вперед, чтобы блокировать все входы и выходы и отрезать от нор самых медлительных или неосторожно удалившихся в сторону кроликов. Главная потеха начиналась, когда часть стаи спускалась в норы и принималась носиться по подземным галереям и переходам, убивая всех на своем пути. Остававшиеся наверху тоже не сидели без дела, отлавливая тех кроликов, которые выскакивали на поверхность в надежде спастись. Больше всего им нравилось играть с жертвой, когда, окружив какого-нибудь кролика, они не замыкали кольца, оставляя в нем соблазнительный проход. Обезумевший от страха ушастый стремглав бросался туда, но ряды норок смыкались перед самым его носом, после чего кролик, как правило, сдавался и садился на землю парализованный ужасом. Тогда стая хватала его и деловито разрывала на части.

Но настоящая бойня происходила, конечно, под землей. Макси, наблюдавший за ходом операции с поверхности, лишь удовлетворенно щурился, прислушиваясь к отчаянному визгу, жалобным стонам и тупым ударам, доносящимся из-под земли. По мере того как эти жуткие звуки становились все тише, из подземных ходов появлялось все больше и больше окровавленных норочьих морд, и погром заканчивался.

— Тащите их сюда! — командовал тогда Макси, и норки снова исчезали в кроличьих квартирах, чтобы собрать трупы и, вытащив на поверхность, уложить на земле по размеру — от самых матерых, откормленных взрослых до крошечных новорожденных крольчат. Останки разорванных на клочки кроликов сваливали в отдельные кучи, каждая из которых по весу и размерам примерно соответствовала одному целому существу.

К этому времени уже становилось темно, и тогда наступал заключительный этап операции — соревнование «Кто больше съест». Норки выстраивались в шеренгу напротив мрачной вереницы трупов.

— По местам! Приготовились! Начали! — командовал Макси, и норки бросались вперед, чтобы начать свою жуткую трапезу.

Военный советник ходил вдоль рядов и присматривал за тем, чтобы никто не ел траву, пытаясь вызвать рвоту,— эту уловку совсем недавно публично заклеймил и запретил Мега. А все дело было в том, что, несмотря на всю важность командного соревнования в разведке кроличьих садков (или «рассадников*, как выразился в одной из своих речей Мега), еще большее значение придавалось параллельному индивидуальному чемпионату — кто съест больше крольчатины за один присест. И норки изо всех сил набивали животы теплым, парным мясом, стараясь побить последний рекорд, равнявшийся одному целому кролику и двум задним ногам.

Когда, рыгая и испуская ветры, обожравшаяся стая вразвалочку брела обратно на Плато, Мега вздыхал с облегчением, уверенный, что некоторое время норки будут спокойны и благодушны. Уровень агрессивности внутри сообщества снова опустится, а когда он снова начнет подниматься, Макси опять вышлет свои разведывательные отряды.

Как он и предвидел, массы были очень недовольны его запретом на охоту в лесу, и норковоротам пришлось изрядно потрудиться, чтобы заставить их уважать приказ Вождя. Зато кролики вели себя замечательно. Они плодились не только в лесу, но и в старых колониях, которые однажды уже были разорены. Их подземные города были столь запутаны и сложны, что стая неизбежно пропускала некоторые ответвления и закоулки этих темных лабиринтов, и отдельным кроликам удавалось уцелеть, затаившись в отдаленных пещерах. Даже после самой кровавой и методичной бойни разведывательные

отряды время от времени приносили сообщения, что садок, числившийся среди разгромленных, снова заселен оравой длинноухих, которые успели не только уютно устроиться на старом месте, но и воспроизвести себе подобных. М-Первый и М-Второй время от времени выступали перед Мегой и норками с новейшим «научным доказательством» нарастания кроличьей угрозы, однако никакой особенной нужды в этом не было. Получив первоначальную

установку, норки отнеслись к задаче творчески и с энтузиазмом.

Вернувшись на Плато, стая приступала к последнему действу ночной драмы. Это была еще одна импровизация Психо. В садке обычно убивали не всех кроликов. Некоторых захватывали в плен и гнали на Плато, чтобы предать ритуальному «суду», являвшему собой зловещую пародию на справедливость, какой ее видели кролики в дни Сопричастных Попечителей.

Показательные процессы проводились под Кривым буком. Психо напяливал белый парик, сделанный из хвостов предыдущих жертв, и исполнял роль поочередно то судьи, то прокурора. Дюжина норок составляла жюри присяжных. Злосчастных пленников обвиняли в десятках самых разных преступлений, которые только был способен изобрести изощренный ум Психо,— начиная с «преступного поедания беззащитной травы» или «владения вызывающего вида хвостом неприличного белого цвета» и заканчивая «оскорбляющим общественную нравственность» отращиванием кроличьих зубов, развесистых ушей или жирной задницы (а нередко и того, и другого, и третьего сразу). Правда, Психо пришлось приложить немалые усилия, чтобы отучить присяжных кричать «Виновен!» еще до начала суда, но, когда это было достигнуто, пародия стала как нельзя больше похожа на оригинал.

Как только сегодняшних пленников выстроили на площадке, Психо поднялся и проговорил:

— Вы, пятеро жителей кроличьего «Садка Б», обвиняетесь в том, что являетесь кроликами и придерживаетесь присущего этим отвратительным существам образа жизни. Как свидетельствуют полученные обвинением улики, все вы развили в себе соответствующий образ мыслей, который и толкнул вас на заранее обдуманные злонамеренные действия, выразившиеся в преступном поедании травы, что противоречит закону об охране зеленых насаждений.

— Вызовите пострадавших! — крикнул кто-то. Психо наклонился и, сорвав пучок травы, положил

ее перед собой. Потом он принялся с самым бесстраст-

ным видом допрашивать траву, сам же отвечая на свои вопросы противным писклявым голоском, что вызвало среди норок настоящую бурю злобного веселья.

— Это было ужасно, Ваша честь! Мы росли себе на поляне, никого не трогали и ничего не подозревали, когда без всякой видимой причины подверглись неспровоцированному нападению. Взгляните на их зубы, Ваша честь! У моих коллег не было ни единого шанса противостоять…

Психо не договорил, переходя к любимой роли судьи.

— Уважаемые присяжные! — торжественно пробасил он. — Возможно, вы думаете, что перед вами на скамье подсудимых сидят добрые, безвредные существа, всегда поступавшие порядочно. С другой стороны, как вы уже могли убедиться, все пятеро — просто куски дерьма. Третьего не дано, так что решение этого вопроса целиком зависит от вас. Исполните же свой долг!

— Виновны! — заорал кто-то в толпе, на него зашикали.

— Требую тишины! Иначе я прикажу очистить зал, — властно крикнул Психо, вызвав новый взрыв хохота. — С моей стороны, — продолжал он, раздуваясь от важности, — достаточно будет сказать, что представленные обвинением доказательства не оставляют никаких сомнений в том, каким должен быть приговор. Как явствует из материалов процесса, эти пятеро опасных и хитрых преступников, чья личная порочность столь глубока, что, несмотря на свою богатую практику, я не припоминаю ничего подобного, вступили в преступный сговор с целью совершить упомянутое противозаконное деяние. И все же окончательное решение остается за вами, уважаемые присяжные заседатели.

Вердикт, как и всегда в таких случаях, был вынесен немедленно, и Психо огласил его, стащив с головы белый парик и надев черную шапочку, сделанную из бархатистой шкурки какого-то полуслепого зверька, которого они застали за рытьем норы и приволокли на Плато. Психо хорошо помнил допрос этого существа, которое сразу призналось, что его зовут Марк. Но Психо

так и не сумел понять ни слова из того, что выболтало черное существо, так что в конце концов он вынужден был приговорить его к смерти (по обвинению в подкопе), так и не узнав ничего нового.

Вообще говоря, он изобрел множество способов наказания виновных и применял их в зависимости от собственного каприза. Самым популярным был, конечно, «поцелуй в задницу», когда все норки по очереди садились на морды кроликов и, прижимаясь своими интимными частями к их чувствительным носам, мочились или выпускали из кишечника зловонные газы. Не столь популярными, но зато гораздо более полезными (и это признавали все) были «общественные работы». В этом случае пленных кроликов заставляли ухаживать за Плато, равномерно подгрызая разросшуюся траву.

Но сегодня Психо собирался разочаровать норок. Они очень любили, когда вечерний налет заканчивался казнью (правда, ею же неизбежно заканчивались любые наказания, в том числе и «общественные работы»). Тогда одна половина стаи устанавливала ведущий к краю обрыва живой коридор и под свист и улюлюканье прогоняла кроликов сквозь строй, награждая их пинками и укусами. В конце концов несчастные падали в воду, и там вторая группа норок либо топила их, либо разрывала на клочки. В последнее время, однако, Психо увлекся так называемыми психологическими экспериментами над животными, которые он проводил в строгом уединении своей спартанской берлоги. Движимый любопытством, он ставил эксперимент за экспериментом, но пока что сумел добиться практического подтверждения лишь для самых элементарных постулатов своей новой теории. Например, Психо сумел доказать, что кролик не сможет скакать, если перебить ему задние лапы, и не сможет видеть, если вырвать ему глаза. Особые надежды он возлагал на новые, более сложные программы, которые он надеялся осуществить в ближайшем будущем. Для этого ему и была нужна вся пятерка.

— Вы все признаны виновными, и, по моему глубокому убеждению, совершенно справедливо, — прогово-

рил он торжественно и сверкнул мутными глазками. — Поэтому я приговариваю вас к оставлению под стражей с целью проведения научных опытов.

Он замолчал на несколько мгновений, пережидая бурю возмущения.

— Всех, кроме тебя, — быстро закончил он, указывая на. самого крупного кролика из пятерки.

Разочарованный рев мгновенно перешел в восторженный крик, и норки бросились устанавливать живой коридор. По сигналу Психо несколько норковоротов окружили четверых кроликов и погнали их к казармам, где Макси оборудовал тюрьму.

Глава 46. ВЫЖИВАНИЕ ДОСТОЙНЕЙШИХ

— Разумеется, я не воспринял это настолько серьезно, но потрясен я был не меньше Раки, — сказал Филин Лопуху. — Надеюсь, ты не хуже меня понимаешь, что вся эта затея с оливковой веткой — просто жидкое гуано.

— Я не стал бы употреблять именно эту терминологию, но…— Лопух тяжело вздохнул.— Вынужден признать, ты прав.

— Следовательно, от голубя никакой пользы не будет? — переспросил Филин, весьма довольный тем, что Большая Задница так быстро с ним согласился.

— Нет, не будет. Во всяком случае — в практическом смысле, который тебе понятнее и ближе, — ответил Лопух. — Но все равно ветвь **в**клюве птицы будет играть важную роль, символизируя все, во что верим мы, Сопричастные Попечители…

— Петиция завирушек — такое же гуано, верно? — полуутвердительным тоном осведомился Исполнительный Председатель.

— Меня тоже слегка беспокоят некоторые их формулировки, — безмятежно отозвался кролик. — Но это легко исправить. Петиция должна подготовить почву для того, чтобы урезонить норок.

— Так пусть завирушки сами слетают на Плато и попробуют сами удобрить почву своим гуаном! — взорвался Филин не в силах и дальше сдерживать свой гнев. — Зачем ты вызвался на верную смерть?! Если бы ты был так же глуп, как и остальные, тогда мы бы сейчас с тобой не разговаривали, но ведь нет же!.. Так почему бы тебе не послать вместо себя какого-нибудь благонамеренного дурака? Хотя бы ту же Кувшинку…— ввернул Филин, которому эта крупная крольчиха с еще большей, чем у Лопуха, задницей внушала стойкое отвращение. Кроме того, ее бесстыдно-феминистские амбиции нередко подливали масла в огонь самых ожесточенных внутрипопечительских споров. Не раз он замечал, как она проталкивается вперед, чтобы подвергнуть истерической критике любое, самое мало-мальски позитивное предложение; вдобавок Кувшинка была непревзойденной мастерицей делать громогласные заявления, которые выглядели довольно убедительно на первый взгляд, но при ближайшем рассмотрении оказывались пустышками. Во всяком случае, Филину ни разу не удалось отыскать в них ни крупицы смысла.

Между тем Лопух посмотрел на него, как на какого-нибудь несмышленого крольчонка.

— Я вовсе не уверен, что Кувшинка с радостью согласится исполнить это поручение, — заметил он, сдержанно улыбаясь их с Филином милой шутке. — Но я просто обязан вести себя так, чтобы мое бренное тело находилось там же, где звучат мои слова.

— Но после этого у тебя не останется никакого тела! — вскричал пораженный Филин. — Ты просто погибнешь, вот и все!

— Пусть, если это неизбежно.

Под этими словами скрывался какой-то невысказанный подтекст, о котором Филин частично догадывался. Любимая супруга Лопуха погибла, его мечты и надежды лежали в руинах. Бесконечные собрания, умелое лоббирование, тайное планирование, ловкое лавирование и хитроумные махинации — все это ни к чему не привело, все оказалось зря. С появлением норок Уложение о Порядке и Билль о Правах потеряли вся-

кий смысл, сделались ненужными, а Старый Лес, вместо того чтобы сделать еще один шаг к просвещенному обществу, оказался отброшен назад, в самые темные времена.

Последней каплей, несомненно, послужило отношение к кроликам со стороны других обитателей леса, изменившееся сразу после того, как норки сделали длинноухих основой своей диеты. Среди различных живых существ, дружно и с облегчением вздохнувших, когда норки начали так явно отдавать предпочтение кроликам, пошли разговоры, что кролики, дескать, приносят несчастье, потому что на них лежит проклятие. Если бы не кролики, считали они, норки никогда бы не пришли в лес, а самые горячие головы даже предлагали изгнать длинноухих. С чего они решили, будто норки тоже уйдут, было абсолютно непонятно, но, так или иначе, кролики оказались между двух огней. И Лопух уже не мог этого вынести.

С тех пор как он себя помнил, он остро ощущал существование двух разных сторон своей личности. Начать хотя бы с того, что Лопух никогда не был любимцем своего собственного прадедушки. Это благо выпало его более мягкому и уступчивому брату, который вскоре погиб, унесенный ястребом-перепелятником. После этого ДД несколько потеплел к нему, но Лопух был уже достаточно взрослым и чувствовал — прадед считает его слишком пронырливым, слишком любящим жизненные блага.

Лопух сам слышал, как ДД однажды сказал его отцу: «Твой сын слишком уж честолюбив». Это было обидно. С тех пор он чего только не предпринимал, стараясь заслужить одобрение патриарха. По мере того как заботы Общества Сопричастных Попечителей требовали от него все большего участия и сил, Лопух все чаще обращался к старому кролику за советом. В частности, он постоянно расспрашивал ДД о грядущей «большой беде», но Дедушка Длинноух никогда не пускался в подробности, каждый раз отделываясь туманными уверениями: мол, в предстоящих событиях ему, Лопуху, предстоит сыграть важную роль.

У Лопуха складывалось впечатление, будто ДД намеренно скрывает от него какую-то важную, может быть даже важнейшую, сторону жизни. И чем успешнее проходили организованные им собрания, тем сильнее было тоскливое чувство: да, он выбрал в жизни не ту дорогу — она уводила его прочь от высшего знания. Подслушанные им обрывки разговора между ДД и Филином лишний раз подтвердили его догадки. Старый кролик не

изменил своего мнения о нем. Ну и подслушанное прозвище — Большая Задница — отнюдь не улучшило его состояния духа.

Но теперь многое изменилось. Терять ему было нечего — он и так потерял все. Зато теперь Лопух знал, какой поступок снискал бы ему уважение ДД, будь он жив. Он исполнит задуманное и тем самым продемонстрирует свое уважение ко всему тому, о чем мечтал и во что верил старый кролик — и о чем до сих пор сам Лопух только болтал.

Филин потратил почти половину ночи, пытаясь отговорить Лопуха от его безумной затеи, пока у него не закружилась голова. В конце концов Лопух первым прервал разговор, сказав, что ему нужно немного поспать, и Филин, выложившийся до конца, неохотно согласился.

— Позволь мне в последний раз попытаться подвести некоторый итог, — сказал кролик, прежде чем попрощаться. — Может быть, тебе нелегко понять это, оттого что ты хищник, но мы, Сопричастные Попечители, не верим, что в природе могут существовать живые существа, неспособные прислушаться к голосу здравого смысла. Взять хотя бы тебя… Ты обычно насмехался над нами и нашими идеями, а теперь потратил полночи, пытаясь отговорить меня.

Тут Филин вспомнил, как он проголодался. Несомненно, Лопух использовал свой старый прием и взял его измором, ибо, пока они разговаривали, кролик время от времени принимался глодать какую-то траву.

— Но ты не можешь не признать, что Рака была права. В норках нет ничего светлого и доброго, к чему бы мы могли апеллировать! — в очередной раз воскликнул он. — Они просто не станут тебя слушать.

Лопух пристально посмотрел Филину прямо в глаза. Этот принципиальный спор только усиливал их взаимные приязнь и уважение, хотя и не устранял разделяющей их пропасти.

— Добро есть в душе у каждого живого существа, хотя внешне они могут казаться неисправимыми и порочными, — проговорил он торжественным голосом. — Все, за что мы выступаем, вытекает из этого основополагающего принципа, и мой долг состоит в том, чтобы попытаться воплотить его в жизнь. Уверяю тебя, мой друг, любые страдания индивидуума — ничто по сравнению с тем добром, которое может за сим воспоследовать.

— Единственное, что может за этим воспоследовать, это твоя скорая и страшная смерть, — с горечью заметил на это Филин. Он безмерно устал от этой проповеди. Правда, в речи Лопуха изредка проскальзывали интонации и выражения его мудрого прадеда, но пропадали среди противоречий и путаницы. — Знаешь что? — сказал он негромко. — По-моему, ты спятил.

— А мне, — отозвался кролик таким мрачным голосом, какого Филин никогда у него не слышал, — мне, напротив, кажется, что я был безумен всю свою жизнь и только теперь излечился. Не сочти за оскорбление, но я вижу вещи так ясно, как никогда не будешь видеть их ты…

— Все разумные существа заботятся в первую очередь о том, как остаться в живых, — отрезал Филин.

— Лучше жить норкой, чем подохнуть кроликом, так, что ли? — с грустью отозвался Лопух. — Когда-нибудь, Филли, ты узнаешь, жизнь гораздо сложнее, чем представляется вам, хищникам. Как бы вы ни старались, тот, кто нападает, неизбежно проигрывает. Выигрывает тот, кто способен страдать и терпеть.

— Сделай милость, не включай меня в эту категорию. Страдание и терпение — это философия жертвы, — сказал на прощание Филин, широко распахнув крылья.

Он взлетел, не прибавив больше ни слова, и тут же спикировал вниз, заметив пробирающуюся среди травы

полевку. Его смертельный бросок был, как обычно, точен и быстр. Проглатывая добычу целиком, он вспомнил, как точно таким же образом проглотил спикера организации «Полевки Против Насилия». Тогда он и Лопух были заодно, но теперь их дорожки разошлись, *w* Филин чувствовал себя разочарованным и рассерженным. Он не хотел бы давать волю этим чувствам. В конце концов, Большая Задница был прав, когда говорил, что это его собственная жизнь и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению.

Вместе с тем он не мог не восхищаться позицией кролика. Как это прекрасно — обладать ясным видением цели, которая делает тебя выше банальности и суеты каждодневного существования! Да, Лопух сильно изменился: он приобрел достоинство и благородство, которым Филин — он только сейчас понял это — завидовал, тем более что достоинство в его понимании никогда не ассоциировалось с такими суетливыми и бестолковыми существами, как кролики.

Впрочем, он никогда не считал Большую Задницу *нормальным* кроликом.

Глава 47. РОКОВОЕ ПОСЛАНИЕ

В конце концов Психо решил оставить свои попытки заинтересовать Мегу информацией об Обществе Сопричастных Попечителей Леса и об их делах. Когда бы он ни заводил об этом речь, Вождь довольно грубо обрывал его.

— Все они просто компания хреноголовых импотентов! — сердито говорил Мега.

Единственным, кого заинтересовали его сведения, была Мата. Отдел норкетинга с головой ушел в свою статистику, а Макси, на дух не переносивший Психо, в последнее время и не скрывал своей враждебности.

Несмотря на это, Психо продолжал собирать информацию, Допрашивая неприметную полевую мышь, он узнал о большом собрании в роще на холме. Осо-

бенно его порадовал замысел «деревяшек» насчет петиции. Наконец-то, подумал Психо, он напал на золотую жилу.

Вне себя от радости он поспешил к Меге, но, как и следовало ожидать, вместо благодарности наткнулся на его раздраженное бурчание насчет «компании импотентов».

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не тратил мое время и не лез ко мне со своими Хренопричастными Попечителями? — рявкнул он. — Твое дело информировать меня о том, что говорят и думают норки, а не те придурки, на которых мы охотимся! Кампанией

по истреблению кроликов руководит Макси, а он не потерпит, чтобы ты мешал ему. Я в последний раз повторяю: не лезь ко мне с этой чепухой. Ты понял?..

Психо спокойно уселся у выхода из норы. Грозные тирады Вождя он пропустил мимо ушей. Когда Мега выговорился, он начал осуществлять свой план мщения.

— Как скажешь, Мега, — как можно небрежнее бросил он. — Но, поскольку я все равно здесь, может, тебе будет любопытно узнать, что Попечители собираются сами навестить нас.

— Навестить нас? — недоверчиво переспросил Мега. — Зачем?

— Они хотят вручить нам петицию.

— Какую такую петицию? — сердито поинтересовался Мега.

— Петицию насчет нас, — сказал Психо, широко ухмыляясь. — Я думаю, они собираются сообщить нам, какие мы мерзкие и нехорошие, совершенно испоганили их лес и в этой связи должны убираться отсюда куда подальше.

Он выдержал долгую паузу. Мега громко пыхтел, размышляя.

— Да, кстати, чуть не забыл,— улыбнулся Психо, делая вид, будто действительно только что вспомнил какую-то любопытную мелочь. — У меня есть основания полагать, что петицию на Плато доставит главный кролик собственной персоной. Тот самый, которого ты упустил в первый день.

— Что ты сказал?! — проревел Мега, вскакивая. — А я-то держал тебя за умного! Почему ты не сообщил мне это с самого начала?

«Потому что я и вправду умен и мне нравится водить за нос тех, кто сильнее меня», — подумал Психо и, масляно улыбаясь, стал смотреть, как Мега в ярости мечется по норе. Он сознательно разбередил еще не зажившую рану. Вождь все еще страдал от того, что «жирный ушастый негодяй» избег его зубов.

— Что они говорят? — частенько спрашивал он у своего мастера-импровизатора, имея в виду норок и свою позорную неудачу.

— Мне не хотелось бы расстраивать тебя, мой Вождь, — со злобным удовлетворением отвечал в таких случаях Психо, — но боюсь, кое-кто все еще сомневается. Они говорят: если бы ты был настоящим могущественным Вождем, разве бы ты упустил этого кролика?

— Непочтительные ублюдки! — взрывался Мега.

После бойни на Большой поляне Макси издал строгий приказ ни под каким видом не трогать кролика с большой задницей и белым пятном на лбу, который отныне считался личным врагом Вождя. Однако проклятый кролик как сквозь землю провалился (в каком-то смысле так оно и было). Отчасти, правда, ему удалось укрепить свою репутацию показательным убийством белки, совершенным на глазах у обмирающей от восторга стаи. Мега ловко перепрыгивал за ней с ветки на ветку, пока запаниковавшая жертва не совершила роковой ошибки и не свалилась прямо ему в зубы, чем он не замедлил воспользоваться, растерзав ее еще до того, как оба свалились на землю, но сам Мега все

равно не мог успокоиться. И Психо лучше других знал, что кролик с белым пятном все еще был для Вождя неоконченным делом, которое не давало ему покоя.

— Значит, он явится сюда? — вслух размышлял Мега. — Ну и молодец ты, Психо, что сумел это разнюхать. Честное слово, молодец! Я прослежу, чтобы ты получал как можно больше кроликов для экспериментов, — пообещал он.

Психо только улыбнулся, помня, что Вождь считает его увлечение бесполезным.

— Пусть это пока останется между нами, — предупредил Мега. — Если этот жирный ушастый негодяй сам решил повидаться со мной, что ж… Я устрою ему теплую встречу.

— Конечно, Мега.— Психо льстиво улыбнулся.— Надеюсь, на этот раз ты не промахнешься.

Он осекся, увидев, что Вождь близок к апоплексическому удару, и поспешил покинуть нору Меги.

Приказав, чтобы его не беспокоили, Мега уединился в своей спальне. Черты его исказила злобная ухмылка. Ни сама петиция, ни ее содержание, ни тем более мотивы, которые побудили лесных жителей пойти на такой странный шаг, его не интересовали. Волновало Мегу другое: завтра он выдернет эту проклятую занозу и забудет о ней навсегда. Он сведет счеты с кроликом и одновременно вернет норок к тому эпизоду, с которого начиналась вся кроличья эпопея, — с согнутого ГТсихо кошачьего хвоста.

«Я тебе покажу, что такое импровизация, крыса!» —-мысленно пообещал он и захихикал от удовольствия.

— Большой кролик движется сюда, Вождь.

Мега мгновенно вскочил и, оттолкнув Психо, ринулся к краю Плато, где уже начали собираться возбужденные норки. Как и предсказывал мастер-импровизатор, кролик с большой задницей и белым пятном на лбу действительно поднимался по склону, явно пренебрегая опасностью. Но что за белая птица летит прямо у него над головой? И еще одна, парящая гораздо выше? Впрочем, в этой последней Мега узнал Филина.

Норки были поражены безрассудной отвагой кролика: тот шел навстречу смерти, даже не пытаясь как-то замаскировать свое приближение. Еще никто из «деревяшек» не смел подойти так близко к логовищам самых опасных лесных хищников.

— Это что, шутка? — спрашивали норки друг у друга и растерянно переглядывались.

— Вот идет наш завтрак! — крикнул какой-то весельчак.

— И летит обед! — подхватил еще кто-то, имея в виду голубя.

Из казармы прибежал запыхавшийся Макси и присоединился к гомонящей толпе.

— Ничего не понимаю, Мега,— признался он, по обыкновению терзая свои встопорщенные усы. — Может быть, это ловушка? А может, кролик взбесился?.. Как бы там ни было, позволь моим ребятам разобраться с ним.

Хотя Мега и был предупрежден, он весь дрожал от возбуждения. Вдоль хребта забегали мурашки, а шерсть на загривке встала дыбом. Было что-то сверхъестественное и странное в том, что личный враг Вождя сам явился к Плато, ну а Вождь жалел только об одном — почему он не позволял Психо поподробнее рассказать ему о том, как и о чем они думают, эти деревяшки. А вдруг они все-таки знают что-то такое, до чего норки еще не додумались?

— Осади их назад, Макси! — приказал Мега. — И прикажи спустить хвост пониже. Я сам с ним разберусь.

Для своего последнего путешествия — а в том, что оно будет для него последним, сомневаться не приходилось — Лопух выбрал утро. После разговора с Филином он вернулся в свою заброшенную нору, чтобы побыть одному. Спать Лопух не мог, и большую часть времени он тихонько разговаривал со своим покойным прадедом и оплакивал погибшую подругу. С тех пор как норки захватили Маргаритку, он ушел в глубокое подполье, перебираясь из одного кроличьего садка в другой и неизменно опережая хищников на один шаг.

И вот он снова здесь, в своей осиротевшей норе, где они были так счастливы вдвоем. Но Маргаритки не было рядом, а без нее Лопух чувствовал себя таким одиноким, словно вдруг очутился на дне глубокого, гулкого колодца, в котором обитают лишь эхо давних слов да тени воспоминаний.

Мысли о Дедушке Длинноухе странным образом помогли ему укрепить свой дух. Решение лично доставить

петицию Лопух принял совершенно бескорыстно, не надеясь даже завоевать какое-нибудь политическое преимущество; это поначалу его даже удивило. Но, вспоминая эпизод за эпизодом всю свою предыдущую жизнь, он убедился, что никакой ошибки здесь нет. Именно политическое мышление увело его слишком далеко от основополагающих истин, которые Лопух всегда считал прописными и потому не заслуживающими внимания, хотя это были единственные и последние истины, которые имели значение; теперь он это понял и вернулся на путь, которым с самого начала шел ДД.

Множество мелочей, которые он считал важными, вдруг потеряли свое значение, и Лопух даже удивился, как мало его занимает вопрос о том, кто займет его место. С его острым политическим чутьем предугадать это было нетрудно; он был почти уверен, что новым Предводителем Сопричастных Попечителей станет Кувшинка. Ну что ж, пусть, подумал Лопух, хотя он всегда считал эту крольчиху самой одиозной фигурой в политической обойме леса. Его, во всяком случае, это больше не касалось.

Он приготовился сам платить по своим счетам, и рядом с этим все воспоминания о спорах и нелегких конфликтных заседаниях, все мысли о личной выгоде и славе оставили его, вытесненные безмятежным, почти сверхъестественным спокойствием. И не потому, что ему нечего было терять. Просто он сумел подвести верный итог своей жизни и стать постоянной величиной в сложном уравнении жизни и смерти. Ощущая неумолимое приближение рассвета, Лопух понял, что оказался в совершенно исключительном положении: как бы ни повернулась теперь его судьба, он выигрывал — выигрывал вопреки всему.

Чувствуя себя совершенно спокойным и готовым к предстоящему, Лопух выскочил из норы, чтобы приветствовать немногочисленную группу взволнованных Сопричастных

Попечителей, которые пришли проводить его. Филин, явившийся, чтобы предложить Лопуху полететь с ним для поддержки, был весьма доволен, увидев среди Сопричастных Попечителей и Раку.

Но как только Лопух поскакал прочь (глупый белый голубь беспечно порхал у него над самой головой), обнаружилось, что Рака отнюдь не намерена присоединить свой голос к остальному хору, неуверенно желавшему кролику счастливого пути.

— Рок! Рок! Вы оба обречены! — каркала она, кружась над обоими делегатами, пока Филин не набрал высоту и не спикировал прямо на ее, чтобы отогнать ее прочь или хотя бы заставить замолчать. В последовавшей за этим тишине он сделал над прогалиной небольшой круг и, поглядев вниз, увидел, что остальные Сопричастные Попечители угрюмо расходятся.

Филин был неприятно поражен тем, с какой готовностью товарищи Лопуха по Обществу Сопричастных Попечителей в последний раз пожелали своему предводителю всего хорошего. Никто из них не захотел рискнуть собой просто для того, чтобы морально поддержать того, кто так много сделал для леса — или, по крайней мере, хотел сделать. Опасения наземных существ были вполне понятны, но птицы-то могли чувствовать себя в полной безопасности до тех пор, пока оставались в воздухе. Именно поэтому Филин до последнего надеялся, вдруг кто нибудь из них — к примеру, те же завирушки, от которых исходила идея с петицией,— полетит вместе с кроликом. И, только слушая их неуклюжие отговорки, он наконец понял: у них с самого начала не было намерения участвовать в этой затее. По их мнению, они и так сделали все, что могли.

Между тем Лопух продолжал скакать вперед, не ускоряя, но и не замедляя темпа и „любуясь на бегу красотой леса. Даже боль в укушенном плече волшебным образом улеглась. Ничто больше его не беспокоило, ни физически, ни душевно. Все окружающее — звуки, запахи, картины — воспринималось с особенной остротой, и кролик почувствовал, как его захлестывает настоящее половодье любви к родному лесу, где он вырос и знал каждый сучок, каждую тропинку, каждую малую зверюшку. Он уже знал, что покидает этот лес навсегда, чтобы переселиться в свой собственный мир — мир спокойствия и тишины, которую никто никогда не смо-

жет нарушить, но это его не тревожило. Больше не тревожило.

Достигнув того места, откуда начинался подъем на Плато, Лопух неожиданно испытал острый приступ… нет, не страха, а, скорее, волнения. Присев на траву, он решил слегка перевести дух, прежде чем начать карабкаться вверх. На пути сюда Лопух вовсе не думал об опасности, инстинктивно чувствуя, что ему в любом случае позволят дойти до места. Тогда он попытается произнести текст петиции, которую он слегка подправил и переиначил.

Он нисколько не обольщался и не позволял себе питать какие-либо надежды относительно возможной реакции хищников. Вместе с тем в глубине души он все еще лелеял слабенькую надежду, что, если бы между ним и вождем норок завязался диалог, он постарался бы выжать максимум преимуществ из этой крошечной возможности. В этом случае высокие идеалы, в которые свято верили Сопричастные Попечители, были бы на его стороне.

Добравшись до края Плато, Лопух огляделся и, определив направление, с осторожностью поскакал к одинокому дереву, стараясь не глядеть на установленное под ним жуткое

чучело гигантского кролика и сражаясь с природным инстинктом самосохранения, который вдруг дал о себе знать с неожиданной силой. Перед собой он видел толпу норок и стоявшего чуть в стороне предводителя — того самого, который напал на него во время памятного собрания на Большой поляне. Норочий лидер сразу же двинулся Лопуху навстречу, держа в пасти оранжево-черный хвост, который, как было известно всем, принадлежал в прошлом какому-то несчастному существу, жившему за пределами леса.

Когда Мега был уже так близко, что Лопух почувствовал резкий запах хищника, он остановился и приветственно поднял лапу.

— Я пришел сюда от лица всех обитателей леса, чтобы поговорить с вами, — начал он. Больше он ничего не успел сказать.

Вождь норок, быстрый как молния, в два прыжка оказался на спине Лопуха. Держа оранжево-черный хвост за концы, он накинул его на шею кролика и сильно потянул. Сопротивляться Лопух даже не пытался. Голова Лопуха запрокинулась так далеко назад, что уголком глаза он увидел свирепо оскаленную морду норки с прижатыми ушами и злобно сверкающими глазами.

— Давно я тебя жду, сволочь! — прошипела норка. — Подыхай же!

Все органы чувств отказали Лопуху разом. Дневной свет перед глазами померк, он задыхался.

— Прощаю тебя, ибо не ведаешь, что творишь, — с трудом прохрипел он.

Наблюдавшие за расправой норки радостно завыли, когда налившиеся кровью глаза кролика полезли из орбит, а язык вывалился изо рта. Раздался громкий, сухой треск, и тело жертвы обмякло. Их Вождь отступил в сторону, гордо помахивая кошачьим хвостом и показывая, как сильно он согнулся. Потом Мега бросил хвост на землю и прыгал на нем до тех пор, пока он не распрямился снова.

Все это время белый голубь порхал над площадкой, держа в клюве зеленую веточку. Как заметил Филин, в отсутствие олив он выбрал серебристый дуб. Очевидно, голубю показалось, что теперь, когда Лопух пал, настал самый подходящий момент для его появления на сцене. Громко воркуя, он слетел на Плато.

Все дальнейшее случилось так быстро, что Филин едва не пропустил момент. Главарь норок схватил кошачий хвост за конец, широко размахнулся и одним могучим ударом снес голубиную голову. Из разорванных артерий хлынула на белоснежные перья кровь, голова покатилась по траве, а обезглавленное тело сделало два неверных шага и упало. Норочий лидер не торопясь подошел к голове голубя и с интересом наклонился над ней. Потом, взяв ее в зубы, он проглотил ее целиком и под одобрительный рев стаи подобрал дубовую веточку, подошел с ней к обрыву и швырнул универсальный символ мира в воду. Потом улыбнулся своим и исчез в норе.

Стая под Кривым буком дружно грянула:

Правь, Норкомафия! Правь лесами!

Тем временем две крупные норки поднимали на веревке оранжево-черный хвост.

Всех здешних тварей Сожрем мы сами!

Прислушиваясь к звукам гимна, Мега у себя в норе сдержанно улыбался, весьма довольный эффектом, который произвели его хорошо рассчитанные действия и жесты. Но что-то раздражало его, мешая насладиться победой. Откровенно говоря, в глубине души он до конца не верил, что кролик появится, а когда это все-таки произошло, в его облике и поведении было что-то настолько странное, почти сверхъестественное, что первый порыв был расправиться с ним как можно скорее, чтобы не дать сказать ни слова. Так и вышло, и, если бы не его последние слова, которые Мега все-таки расслышал, все сейчас было бы в порядке. «Прощаю тебя, ибо не ведаешь, что творишь*, — сказал кролик. Это Мега-то не ведает?! Как посмел какой-то кролик сказать такое, и кому? За что он собирается его прощать? За то, что Мега — норка? Или за то, что он — хищник? Ну уж он ему показал прощение!..

Мега был уверен, что сыграл убедительно и все сработает как надо. Его враг не успел упомянуть ни о какой петиции, о которой мямлил этот болван Психо. О том, что привело толстозадого самоубийцу на Плато, норки тоже вряд ли станут задумываться: кролик же, что с него возьмешь? Вместо этого они будут восхищаться тем, как расправился их Вождь с этим лопоухим придурком.

От входа в нору донесся какой-то шорох, и внутрь скользнула Мата.

— Странно, правда? — небрежно заметила она. — Психо, конечно, предупредил тебя, что они явятся сюда сегодня?

— Про кролика — да, но про голубя он не сказал ни слова, — неохотно признал Мега. — Но это все равно странно, тут ты права. Кстати, ты что-нибудь понимаешь?

— Не все, Мега. Но я слушала Психо гораздо внимательнее, чем ты. Он сумел разузнать немало интересного. По его словам, в лесу обитает великое множество самых разных живых существ, и они различаются, в частности, своими взглядами на жизнь — и на смерть тоже. Я теперь готова признать, что не существует абсолюта, которому все существа были бы в равной степени привержены. Мы идем своим путем, а другие твари — своим. Кто может сказать, кто прав, а кто — нет? То же самое и с истиной, Мега: для тебя, как и для каждого из нас, истина — это то, что ты считаешь истинным.

— Ну, то, что считал истинным этот дурацкий кролик, нисколько ему не помогло, — раздраженно заметил Мега. — А здорово я с ним разделался?

— С твоей точки зрения — и с точки зрения всех норок, — ты поступил абсолютно правильно, — согласилась Мата. — Что до кролика, то я не знаю, помогло или не помогло… Все зависит от того, какую цель он преследовал.

— Никакую, — коротко бросил Мега, решив не передавать Мате последние слова жертвы. — В отличие от норок, кролики не способны ставить перед собой ясную цель, и добиваться ее они тоже не могут.

— Ой ли, Мега? — переспросила Мата, задумчиво глядя на него. — Ты действительно считаешь, будто этот кролик — учитывая, как он действовал и как себя вел, — не ставил перед собой никакой особенной цели, которая помогла ему одолеть даже страх перед норками? Может быть, ты думаешь, что он попал на Плато чисто случайно или по недомыслию? А ты? Ты ставил перед собой ясную цель или инстинктивно действовал по

обстоятельствам? Тебе, Мега, это наверняка не приходило в голову, но, возможно, это не они, а мы идем неведомо куда, не зная толком, чего хотим.

— И не придет. — В голосе Меги был вызов. — Как и все нормальные звери, обладающие крупицей здравого смысла, я просто…

— Что «просто»?

— Просто живу, Мата, — резко сказал Мега. — Разве не для этого мы здесь?

— Мне, во всяком случае, казалось — мы здесь для того, чтобы быть свободными.

— Совершенно верно. И свободу каждая из норок получила. Скажешь, не так?

— Так, — с нажимом сказала Мата. Ее хвост распушился, и это служило недвусмысленным признаком того,.что она не на шутку рассержена. — А не приходило ли тебе в голову, Вождь, что большинству норок свобода нужна была вовсе не для того, чтобы *делать* что-либо? Они пошли за тобой, потому что нуждались в свободе *от,* а не в свободе *для.* Они хотели быть свободными от грязных клеток, от переполненной уборной, от помоев, которыми пичкал нас Хранитель, и от многого другого. Они знали только то, чего они *не хотят* делать. На то, каково это — жить снаружи, им было в высшей степени плевать. Но вот они оказались во внешнем мире, и что же?.. Только не говори мне, Мега, будто они ясно представляют себе, кто они такие и куда идут. Насколько я вижу, норки вообще никуда не идут. Они просто шныряют туда и сюда, бездумно и бессмысленно убивая на своем пути все и вся.

— Но они же норки! — выкрикнул Мега вне себя от ярости. — Что в этом плохого?

— А кролики — кролики, Мега! — крикнула в ответ Мата, встопорщив усы и приблизив к нему свою мордочку.

Мега не собирался и дальше терпеть всю эту чушь. Едва сдерживаясь, он пулей выскочил из норы и чуть было не столкнулся с Макси.

— Скидывать их сейчас, мой Вождь? — спросил он.

— Подождите меня, — крикнул в ответ Мега и, вспрыгнув на ствол ясеня, ловко съехал в воду, где уже плескались другие норки.

Когда труп кролика, кувыркаясь, полетел с обрыва, Мега изловчился и первым схватил его зубами. Рядом с ним оказался ухмыляющийся Макси. Отфыркиваясь, Мега предложил:

— Потягаемся?

Вместо ответа Макси с готовностью ухватил кролика за лапу, и они начали тянуть изо всех сил. Остальные

норки плавали поблизости, подбадривая обоих громкими криками, и Мега почувствовал, как раздражение отпускает его, уступая место нарастающему восторгу и кипучему веселью. «О счастье быть норкой, которая только что проснулась, но уже убила врага и теперь беззаботно резвится в чистой речной воде! Вот что такое настоящая жизнь,—

думал Мега.— Жизнь — это действие, а не бесконечные размышления о том, кто куда идет и с какой целью».

Когда норки внизу затянули свою мрачную песню, Филин понял, что это конец. Пока их главарь душил Лопуха, он рискнул опуститься совсем низко, и его острый слух уловил последние слова кролика, которые оказались намного короче, чем Филин мог предполагать. Теперь, подумал он, никто никогда не узнает, что изменил Лопух в петиции завирушек. Впрочем, кому какая разница?

С этой мыслью Филин набрал высоту и, сделав последний круг над Плато, повернул к дому.

Юла только что проснулась.

— Ну, что там с твоим ушастым другом? — спросила она, зевая.

— Они его убили, — коротко ответил Филин.

— А голубь? — осведомилась его супруга, обнаруживая поразительную осведомленность в лесных делах.

— И его тоже.

— Говорила я тебе! — с торжеством воскликнула Юла.— Поделом обоим! Может быть, хоть теперь ты перестанешь возиться с кроличьими какашками и займешься делом.

Она завозилась в гнезде, разминая затекшие лапы.

— Но это так печально, Юла,— попытался объяснить Филин. — Главарь норок не дал им сказать ни одного слова.

— Значит, у него побольше мозгов, чем у тебя, — сварливо отозвалась Юла. — Сколько раз я тебе говорила, что эта болтовня ни к чему хорошему не приведет? Давай смотреть правде в глаза: каждый из нас мог бы

кончить так же, как этот кролик, будь мы в таком же маразме. Впрочем, можешь оплакивать его, сколько твоей душе угодно, но только без меня. Я не желаю больше слышать ни слова на эту тему. Никогда! А сейчас мне надо лететь.

Она небрежно клюнула его в щеку и улетела, оставив Филина в самом подавленном настроении.

«Могла быть и почутче»,— размышлял он. Затея с петицией, закончившаяся настоящей катастрофой, пробудила в его душе настоящую бурю чувств и мыслей, которыми ему хотелось с кем-то поделиться. Но Юла улетела, и Филин, чувствуя под собой теплую округлость яйца, утешался тем, что скоро он снова станет отцом. Возможно, Юла была права, находя, что он слишком увлекся чужими делами, однако, вспоминая трагическую гибель кролика, Филин переживал ее с прежней остротой.

С самого начала он решил, что его вины в случившемся нет. Лопух сам выбрал свою участь, и Филин сделал все, чтобы отговорить его. Он готовился сказать Юле, что нужно уважать каждое существо, у которого хватает мужества, чтобы умереть за свои

убеждения, умереть действительно ужасной смертью. При этом не имеет значения, право это существо или заблуждается. То же самое относилось и к голубю, хотя он, скорее всего, был просто глуп.

«Прощаю тебя, ибо не ведаешь, что творишь», — мысленно повторил он. Это заявление казалось Филину странным, поскольку главарь норок, судя по всему, прекрасно знал, что он делает и зачем. С другой стороны, — и Филин понял это совсем недавно — кролик действовал целенаправленно, сознательно, со смыслом, и в этом он превосходил своего врага. Лопух был главным действующим лицом, он создавал обстоятельства, а норочий вожак только реагировал на них.

Что-то с шорохом упало на подстилку рядом с ним, и Филин с удивлением увидел, что в задумчивости он уронил слезу. «Вот ведь, — подумал он, — размяк на старости лет! Либо размяк, либо слишком устал, чтобы контролировать себя».

Потом Филин подумал о том, как ему быть дальше. Он выполнил данное ДД обещание. Кто, как не он, председательствовал на собраниях ОСПЛ? Кто помогал Лопуху протащить поправку насчет «меха и перьев*, кто пытался помешать опасной затее с петицией, а когда ничего не вышло, был с кроликом до конца? Что еще он может сделать?

Теперь, когда с кроликами, по-видимому, было покончено, у Филина наконец-то появилась возможность тщательно обдумать многие неотложные проблемы, которые подспудно его беспокоили. Например, проблему людей. В прежние времена человека не видели месяцами, однако в последние три-четыре дня самые разные люди все чаще переходили Горбатый мост, расхаживали по Долгому полю и даже заходили за Калитку. С собой они приносили странные устройства на тонких блестящих треногах и длинные полосатые шесты, которые они втыкали в землю в самых неожиданных местах. На шесты они навешивали яркие оранжевые и желтые ленты, и они трещали и щелкали на ветру, постоянно напоминая о себе.

Филин даже хотел обсудить это странное явление с Лопухом, но кролик был слишком занят подготовкой к собранию, а теперь его… не стало.

Ему, правда, удалось обменяться мнениями с барсуком, но Борис совсем испортил ему настроение.

— Какой смысл нам разговаривать, если ты все еще якшаешься с этими трепачами, — ворчливо сказал Борис. — Но скажу тебе прямо, я чую беду. Впрочем, Фредди знает лучше. Спроси у него.

Филин попытался разыскать лиса, но тот как будто специально избегал его, а все остальные, кого бы Филин ни спрашивал, ничего не могли сказать. «Тот же случай, что и с норками,— грустно думал Филин.— „Не-знаю-и-знать-не-хочу" — вот как они ко всему этому относятся. Каждый делает вид, будто его это не касается, словно все мы живем не в одном лесу».

Пугающая мысль вдруг пришла ему в голову. Что, если не появление норок, а вторжение людей и есть та самая беда, которую предсказывал Дедушка Длинноух?

Если это действительно так, то по сравнению с ними норки покажутся лесным жителям безвредными, словно мотыльки-поденки. Люди способны были сделать с лесным ландшафтом — и с любым ландшафтом вообще — все что угодно.

Потом мысли Филина переключились на согретое теплом его тела яйцо. Он и Юла несли ответственность за новое существо, которое скоро из него вылупится. Они были обязаны не только выкормить его, но и научить жить в лесу. Что он скажет своему сыну или дочери? Что жизнь, когда-то простая и счастливая, стала трудной и опасной? Что будущее больше не кажется солнечным и прекрасным, а напоминает, скорее, собравшиеся на горизонте черные штормовые тучи? Или наоборот — что ничего страшного не происходит и только поглупевший на старости лет папочка, вообразив, будто жизнь становится все более сложной и многотрудной, сам рубит сук, на котором сидит?

Часть IV

Глава 48. ПАДЕНИЕ МОГУЧИХ

Держись от людей подальше, чего бы это ни стоило!

Его отец постоянно твердил это правило, с тех пор как Филин себя помнил. Тому же самому родители учили Юлу, Бориса, Фредди, Раку и всех, кого Филин знал. Нет хищников страшнее людей — на этом сходились все. Они столь хитры, что ни одно дикое живое существо не может надеяться когда-нибудь узнать все их уловки и трюки и познакомиться со всем арсеналом устрашающего оружия, которым умело пользуется человек. Ни одно существо никогда не должно соблазняться разнообразными диковинками, которыми владеют люди, ибо какими бы привлекательными ни кажутся их угощения и устройства, все они созданы для того, чтобы убивать, лишать свободы, подчинять остальные существа человеческой воле.

Вскоре после того, как Филин научился прилично летать, отец взял его с собой в поля, чтобы, так сказать, наглядно проиллюстрировать все то, что он рассказывал о людях.

«Взгляни на этих животных, — сказал он, указывая на пережевывающих жвачку коров и гурты пасущихся овец. — Люди превратили их в безмозглых скотов. Они добровольно остаются за заборами и проволочными изгородями, а за это люди дают им еду.

Гляди лучше, сынок: эти звери потеряли свободу и не могут больше бродить где захочется».

С этими словами старый филин указал на неестественно правильные очертания пастбища.

«Кому-то это безбедное существование может показаться привлекательным, — мрачно добавил он. — Этим животным ничего не надо делать — только открывать рты, жевать и тучнеть. На самом деле люди отняли у них жизнь, да так ловко, что те даже этого не заметили. Любое живое существо в лесу скорее согласилось бы голодать, чем позволило людям до такой степени распоряжаться собой и своей судьбой».

«Однако взаимоотношения между людьми и животными нельзя изображать только черным и белым цветом, это тебе не сорочьи перья», — продолжал объяснять старый филин.

«Некоторые птицы, — говорил он, — часто заигрывают с опасностью, которая идет от людей. Крикливые чайки стаями собираются здесь в непогоду и, кажется, совершенно не боятся людей. Так же ведут себя перелетные птицы, когда они появляются в этих краях

летом. Впрочем, птицы умеют летать и потому могут чувствовать себя в относительной безопасности по сравнению с существами, которые привязаны к земле. Но для тебя, филина, закон неумолим: держись от людей подальше, чего бы это ни стоило, иначе рано или поздно они до тебя доберутся».

Потом они полетели поглядеть на пролегшую вдоль настоящей реки твердую реку, по которой ездили людские грохоталки.

«Это называется шоссе, — строго сказал старый филин. — Держись подальше и от него. Ты наверняка слышал, как матери наземных животных велят своим детям никогда не играть здесь. Смотри, и ты поймешь почему».

Усевшись на дереве возле дороги, они дождались, пока не показалась одна из грохоталок. Она неслась с такой скоростью, что Филину показалось, будто вся долина затряслась и задрожала. Как и большинство человеческих творений, грохоталка отличалась неесте–ственно прямыми, угловатыми очертаниями и была такого кричаще-яркого цвета, что Филин невольно зажмурился, когда лучи вечернего солнца попали ему в глаза, отразившись от блестящей поверхности. Потом они подождали еще, и в сгустившейся мгле Филин снова был ослеплен — на этот раз ослепительным светом фонарей, установленных на грохоталке. Отчаянно моргая слезящимися, ничего не видящими глазами, он почувствовал, как в его душе нарождается ужас. Ни одна птица — даже быстрокрылый сокол-сапсан — не умела летать с такой головокружительной скоростью.

Впоследствии отец показал ему железные коробки, которые с ревом плыли высоко в небе, оставляя за собой белый, как облако, лед. Ни одна птица не могла бы подняться так высоко.

«Мы уверены, что это тоже люди, — сказал отец Филину. — Слишком уж прямо летят эти штуки, чтобы быть живыми. Наверняка это специальные летающие грохоталки или, вернее сказать, гуделки. И нечего удивляться — люди, кажется, запрограммированы, чтобы покорять и править. Но ты, сын, должен всегда помнить о том, как тебе повезло. Ты родился в Старом Лесу, куда, неизвестно почему, люди не заходят, если не считать одного и того же человека с его желтой собакой.

Но это совершенно не значит, что ты можешь забыть основное правило. Ну-ка, повтори его!»

«Держись от людей подальше, чего бы это ни стоило, — послушно повторил Филин. — Иначе рано или поздно они до тебя доберутся».

О том же самом твердили Филину все его инстинкты. Чем дальше он улетал от леса, исследуя прилегающие к нему поля, тем чаще он сталкивался с людьми и всегда чувствовал одно и то же: стоит ему только обнаружить свое присутствие, и это кончится для него плохо. Даже без строгого отцовского внушения Филин знал бы, что ему любой ценой следует держаться от людей как можно дальше. И большинство обитателей леса придерживались в отношении людей того же незыблемого правила, вложенного в них самой природой.

К тому времени, когда ясным и теплым утром возле Горбатого моста остановилась длинная грохоталка, шестое чувство уже подсказало большинству обитателей леса, что их спокойной жизни пришел конец. За полмесяца, что прошли со дня гибели Лопуха и провала затеи с петицией, в лес приходило все больше и больше людей. Когда же со

спины длинной грохоталки сгрузили желтую грохоталку поменьше, тревожная весть мигом разнеслась по всему лесу. Пара лесных голубей, осмелившаяся подлететь поближе, чтобы как следует рассмотреть чудище, в панике метнулась обратно под деревья, чтобы рассказать всем, что эта желтая штука совсем не такая, какие ездят по шоссе. И, с опаской глядя на новую грохоталку из-под кустов и из крон самых густых деревьев, лесные жители почувствовали, как их сердца сжимаются от нарастающего страха и дурных предчувствий. Желтая грохоталка кашлянула несколько раз, изрыгнула клуб жирного черного дыма и с ворчанием ожила. Но только когда она тронулась с места, лесные существа поняли, что имели в виду голуби. У грохоталки были необычные длинные ноги, которые при движении пронзительно взвизгивали, напоминая голоса норок. Грохоталка без труда перевалила через Горбатый мостик и покатилась по Долгому полю, а следом за ней двинулась другая, обычная грохоталка, в которой сидели несколько человек с блестящими белыми головами.

У Калитки люди вылезли из своего экипажа и с шутками и смехом приблизились к воротам, которые оставались надежно заперты на протяжении десятков лет и зим и густо заросли ежевикой. В предыдущие разы люди входили в лес через Калитку, но сейчас они дружно навалились на створки ворот и под жалобный скрип ржавых петель распахнули их настежь.

Желтая грохоталка заворчала, зачадила и двинулась по Тропе.

— Она нас съест! — в панике пищали мыши.

— Послушайте, как сердито ревет это чудовище!

— Это ужас, ужас!

— Мы все погибнем!

— Глядите, как эта штука взрывает землю! Она хочет выкопать всех, кто от нее спрятался!

Паника была всеобщей и всеобъемлющей. Ни одно существо не могло отделаться от ощущения, будто желтое чудовище явилось в лес персонально за ним, хотя разум подсказывал, что планы грохоталки носят гораздо более общий и зловещий характер. Для подавляющего большинства лесных обитателей желтая штука была самым большим существом, которое они когда-либо видели. Насекомым, которые, сидя на былинках и цветах, с ужасом взирали на нее с высоты всего лишь нескольких дюймов от земли, грохоталка казалась выше самых высоких деревьев. Ее длинные блестящие ноги, так сильно отличавшиеся от мягко шуршащих ног нормальных грохоталок, терзали почву, словно острые хищные когти, оставляя позади двойной непрерывный след, состоящий из вывороченной травы и взрытой земли. Еще более страшным казался широкий сверкающий нож в передней части грохоталки. Не притормаживая и не замедляя хода, грохоталка-копалка срезала молодую поросль, ломала средней толщины деревца и выворачивала из земли древние пни. Она была такой тяжелой, что попадавшиеся на ее пути насекомые смешивались со спрессованной землей, а черви в подземных норах, не имея возможности спастись, гибли сотнями, заживо погребенные обрушившимися сводами своих тоннелей.

— Грохоталка убивает! — закричали лесные жители. — Она и до нас доберется!

Впрочем, после нескольких отчаянных минут здравый смысл возобладал. Наиболее сообразительные увидели, что в отличие от норок, которые стремились убить и сожрать все, до чего могли дотянуться, копалка, похоже, преследует совсем другие цели. Уничтожая растительность на Тропе, она выравнивала и выглаживала ее, спрямляя повороты и засыпая канавки. Еще немного, и новая страшная мысль поразила многие умы: копалка превращала Тропу в шоссе!

Тем временем копалка попятилась и, заревев еще громче, принялась сгребать срезанные деревца и кустарники в огромную кучу. На оставленный ею расчищенный

участок ринулись люди с белыми головами. В руках у них были какие-то штуки, которые издавали такое громкое жужжание, что у каждого, кто его слышал, заныли зубы. В новом приступе страха животные наблюдали за тем, как вращающиеся зубы жужжалок режут ветки и поваленные стволы с такой легкостью, с какой гусеницы разгрызают листья.

Атака на лес, которой все так боялись, началась.

Столкнувшись с новым кризисом, равного которому они еще не знали, лесные жители потянулись на Большую поляну, к Могучему дубу. Филин, оставив Юлу насиживать яйцо, полетел туда же и застал Кувшинку уже на Пне.

— Где ты был? — сердито закричала она, увидев, что Филин опустился на свой председательский сучок. — Неужели тебе не ясно, как нам необходимо скорее провести собрание?

— Раз необходимо, так проводи! — ухмыльнулся он и сердито встопорщил перья, прислушиваясь, как Кувшинка уговаривает Сопричастных Попечителей соблюдать спокойствие и не терять оптимизма и присутствия духа.

Договорить ей так и не удалось. На Большую поляну то и дело прибывали стайки встревоженных птиц, которые сообщали, что желтая копалка движется по Тропе прямо сюда.

— Она преследует нас! — завопили испуганные Попечители.

— Мы были правы! Эта штука хочет до нас добраться!

— Она всех нас съест!

Тревога быстро переросла в панику, так что в конце концов сама Кувшинка, позабыв об ответственности, ринулась вслед за остальными на поиски подходящего укрытия.

Тем временем копалка медленно, но неостановимо поднималась по Тропе, выравнивая все на своем пути, пока с победоносным ревом не вырвалась из спутанного подлеска. Ее лязгающие ноги были обвиты вырванными с корнем плетьми ежевики. Сделав круг по опустевшей

поляне, желтая копалка остановилась под Могучим дубом. Оглушительно взревев и выпустив в воздух плотный клуб сизого дыма, она неожиданно уснула, и в наступившей тишине лесные жители услышали, как потрескивает и пощелкивает ее желтое тело, над которым дрожал нагретый воздух.

Со спины копалки слез человек. Потянувшись, он приветствовал своих товарищей с белыми блестящими головами, которые, оживленно переговариваясь, шли следом. Один из белоголовых со смехом поднял с земли дохлого кролика, который умер от страха, и, сделав ртом жевательные движения, отшвырнул тельце в кусты. Потом люди уселись под Могучим дубом — точь-в-точь как Сопричастные Попечители, — а один из них, к вящему ужасу обитателей леса, взгромоздился на Пень. Достав из блестящих свертков еду, люди принялись питаться, запивая съеденное жидкостью из металлических банок, которые они вскрывали с шипящим хлопком. Покончив с трапезой, они вставили в свои рты какие-то белые палочки. Пораженные новым приступом страха, лесные обитатели, словно зачарованные, смотрели, как люди подожгли эти палочки крошечными огоньками. Запах дыма поплыл над поляной, щекоча чувствительные ноздри мышей и кроликов и подстегивая природные инстинкты, побуждавшие их броситься наутек. Многие так и поступили, но остальные, в ком любопытство пересилило страх, остались дрожать в своих укрытиях, наблюдая за тем, что еще сделают эти странные люди.

Потом люди снова разбудили копалку, та чихнула и выпустила струю черного дыма, разом прикончив сотни и сотни умственно неполноценных насекомых, которые опустились на нее, чтобы познакомиться с чудищем поближе. Потом она поползла по Тропе в обратном направлении, срезая новые и новые кусты и расширяя дорогу, которую она уже проделала. Когда ее рев затих, белоголовые запустили свои страшные жужжалки и обступили со всех сторон Могучий дуб, указывая вверх на его толстые ветки и рисуя на стволе белые крестики, Потом, без всякого предупреждения, они атаковали дерево сразу с двух сторон. Лес-

ные обитатели затряслись еще пуще, увидев, как врезаются в кору острые зубы и как летит во все стороны мелкая щепа. Воздух наполнился страшным треском и гулом, желтые опилки так и сыпались на траву, собираясь у подножия ствола похожими на муравейники желтыми коническими кучками.

Люди расширили узкий пропил в коре, превратив его в зияющую рану, а потом перешли на противоположную сторону дуба, чтобы снова терзать его неподатливую древесину железными зубьями жужжалок. Теперь они действовали не так быстро и с большей осторожностью. Воспользовавшись этим, многие зверюшки перебежали на ту же сторону, чтобы лучше видеть, и этим спасли себе жизнь, ибо, как только они отыскали себе новые наблюдательные пункты и, надежно укрывшись за ветвями, выглянули оттуда, они увидели, что Могучий дуб накренился.

— Он падает! — дружно ахнули десятки голосов.

— Не может быть!

— Это невероятно.

Могучий дуб был не только местом встреч Сопричастных Попечителей и другого лесного народа. Это было самое старое, самое гордое и самое большое дерево в лесу. Дуб рос здесь несколько сотен лет; он всегда был здесь, и отцы рассказывали о нем своим детям, а им самим рассказывали о Могучем дубе их собственные отцы и деды. В этом качестве он символизировал собой преемственность поколений и единство леса, которое удерживало вместе все живые существа, и больше чем что-либо иное воплощал в себе все, во что верили обитатели леса. Не могли же люди просто прийти в лес и уничтожить его?..

Или могли?!

Потрясенные лесные жители затаили дыхание. Могучий дуб падал, громко шелестя листьями. На мгновение он застыл в воздухе, словно в последнем титаническом усилии обретя утраченное равновесие, а потом стал валиться все быстрее и быстрее. От удара о землю крону подбросило, потом упругие ветви не выдержали и подломились. Массивный комель подлетел

вверх, опустился, и наконец поверженный великан замер неподвижно.

— О, нет! — исторгся из множества грудей еле слышный вздох.

Люди снова зажгли свои белые палочки и подошли к дереву, чтобы полюбоваться на дело своих рук. Обменявшись несколькими словами, они подняли на плечи жужжалки и пошли прочь по изуродованной Тропе, смеясь и переговариваясь громче, чем когда-либо за весь сегодняшний страшный день.

Когда они укатили в своей грохоталке, лесные жители начали робко выползать из укрытий и собираться вокруг своего бывшего тотема. Катастрофа была столь ужасна, что никто — не исключая и Сопричастных Попечителей — не мог вымолвить ни слова. Кувшинка выглядела ошарашенной едва ли не больше всех; присев на траву, она тупо смотрела прямо перед собой и время от времени издавала жалобный, хнычущий звук. Остальные потерянно подходили к упавшему стволу и рассаживались вдоль него маленькими группами, встревожен-но принюхиваясь к зловеще-резкому запаху свежеспиленного дерева.

Благоговейное молчание нарушалось лишь –стуком тяжелых капель — это стекал на землю вытекавший из комля сок. Филину даже показалось, что он расслышал негромкий голос листвы, которая, лишившись притока поступавших из земли жизненных соков, зашелестела чуть слышно и жалобно.

Пустота образовалась в их душах и сердцах. Что-то ушло из них навсегда, и каждый знал, что эту пустоту уже ничем не заполнишь. Поверженный Дуб тоже был своего рода символом, но он не внушал ничего, кроме ужаса. Даже сейчас он представлялся гигантским. Его ветви накрыли половину Большой поляны и торчали так высоко вверх, что оставались по-прежнему недоступными наземным существам; толщина ствола все так же поражала, и все-таки люди уничтожили его, и не просто свалили, а свалили за считанные мгновения, без особенных усилий.

— Ну что ж, лично я сумею без него обойтись,— первым нарушил траурную тишину Борис. Голос барсука

прозвучал с вызовом, хотя по инерции он все еще продолжал трясти своей полосатой головой. — По крайней мере, — заключил он, — наши лесные трепачи заткнутся хотя бы на время, пока не подберут для своих сборищ новую поляну.

— Неужели для тебя не существует ничего святого? –г– очнулась от своего транса Кувшинка. — Как ты не понимаешь, что эта трагедия в одинаковой степени затрагивает всех, кто живет в лесу?

«Кто-кто, а Борис понимает это получше некоторых», — подумал Филин, распознав за нарочитой грубостью барсука подсознательное стремление как-то примириться с печальным событием. Он уже собирался вмешаться, когда Юла, на время оставив их драгоценное яйцо без призора, опустилась рядом с ним на ветку ясеня.

— Если бы ты видел это сверху! — негромко произнесла она.— В листве зияет такой глубокий шрам, словно у нашего леса вырвали сердце.

Филин уже подумал об этом. Именно птицам предстояло каждый день убеждаться в том, что их лес уже не тот, каким он был еще сегодня утром.

— Я, пожалуй, полечу назад, — решительно сказала Юла, возвращая Филина к действительности.

— Юла права! — протрубил снизу Борис. — Не можем же мы торчать здесь весь вечер и всю ночь.

— Люди, похоже, пометили нашу территорию, — негромко сказала Рака.

— Как норки, — ответил Филин, неожиданно вспоминая о бойне на Большой поляне.

Глава 49. В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Когда на следующее утро люди снова появились в лесу, все его обитатели не могли сдержать дрожи. Исключение составляли разве что лесные блохи. Подталкиваемые своим неуемным любопытством, они заползли в блестящие металлические штуки, из которых люди

пили накануне. Внутри оставалось по нескольку капель человеческого напитка, но блохам вполне хватило этого скромного количества, чтобы ненадолго впасть в буйное веселье. После этого они отключились, и наутро — когда лесные жители все еще дрожали от страха — блохи просто не могли думать ни о чем, кроме ужасной головной боли.

Самым тревожным и пугающим казалось то, что люди явно действовали в соответствии с каким-то планом, суть которого никто не мог постичь. Одно только было более или менее очевидным: люди явно избрали своей основной базой Большую поляну. Каждый вечер, когда суета стихала, обитатели леса тайком пробирались сюда и осматривали выросшие на поляне противоестественные прямолинейные и прямоугольные постройки и сложенные возле них мешки и коробки, откуда доносились незнакомые, тревожащие запахи.

Общество Сопричастных Попечителей впало в состояние боязливой нерешительности и ничего не предпринимало. В конце концов Кувшинка выступила на второпях созванном собрании и, оправдывая свое бездействие, объявила, что в данной ситуации предпочтительней всего тактика выжидания.

— Люди могут уйти так же неожиданно, как и появились, — с дурацким апломбом вещала она. — Никто ведь не может предвидеть будущее, верно? Мы тем временем должны набраться терпения и вести себя сдержанно.

Слушая ее разглагольствования, Филин чувствовал небывалое раздражение. Даже Маргаритка не была столь наивной.

— Почему бы не послать людям петицию? — предложил он, не выдержав. — Или у вас кончились белые голуби?

Кувшинка агрессивно покосилась на него.

— Вот беда с вами, хищниками, и в особенности с самцами, — вечно вы пытаетесь что-то *сделать,* когда сделать ничего нельзя. Кстати, — прибавила она с такой великолепной небрежностью, что Филин аж заскрежетал клювом от бессильного бешенства — настолько это

было *некстати,* — может быть, вы заметили, что люди, которые портят наш лес, — исключительно самцы? Мне кажется, это о многом говорит, не так ли?

— Это говорит только о том, что самки, особенно такие, как ты, даже среди людей считаются неполноценными существами,— едко парировал Филин.

Какими бы ни были цели и побудительные мотивы людей, лесное сообщество разрушалось на глазах. Все существа, включая Юлу и — подумать только! — Раку, ушли в себя и в свои дела, словно боясь узнать что-то такое, что могло бы смутить их покой. Норочья угроза, которая никуда не исчезала, все-таки исходила от таких же диких существ, как и они сами. Но всепобеждающим людям лесные жители, охваченные ощущением беспомощности, готовы были сдаться без борьбы. Даже Филин не мог не признать, что в глубине души он, как и все остальные, не имеет никакого особенного желания что-то предпринимать, чтобы предотвратить новую трагедию. И вместе с тем что-то, возможно даже его давние беседы с Дедушкой Длинноухом, не давало ему покоя, заставляя тщательно обдумывать и анализировать ситуацию.

Для начала он решил порасспросить Бориса.

— Если бы только знать, что они задумали! — сказал он барсуку. — Тогда мы по крайней мере лучше представляли бы себе свое нынешнее положение. — И добавил почти умоляюще: — Не может быть, чтобы ты не хотел в этом разобраться.

— Очень даже может, — ответил ему непреклонно Борис. — Я знаю то, что знаю, и это все, что мне хочется знать.

Этот ответ не слишком удивил Филина. Он достаточно хорошо знал Бо и мог предвидеть, что барсук, меньше всего на свете любивший перемены, будет закрывать глаза на происходящее дольше и упрямее остальных.

— Вообще-то я имею представление о том, что затеяли двуногие, — неожиданно проворчал Борис. — Фредди рассказывал мне, но не могу сказать, чтобы я был ему чрезвычайно за это признателен. Так что спроси лучше его.

Филин не разговаривал с лисом с тех пор, как в лесу появились люди. По лесу циркулировали упорные слухи, будто лис поддерживает контакт с норками, и большинство лесных жителей стали обходить его стороной.

Филин долго раздумывал, стоит ли разыскивать Фредди, чтобы поговорить с ним по душам, но лис решил проблему за него, появившись под буком Филина вскоре после того, как люди разошлись на ночь. Примерно в этот же час когда-то приходили к буку Лопух и компания.

Юла отреагировала на появление лиса почти так же резко, как она реагировала на кроликов.

— Рыжий прохвост что-то замышляет, — с подозрением пробормотала она, выглядывая из дупла с таким видом, словно собиралась раскрыть тайные замыслы лиса при помощи одного лишь зрения. — Неужели ты до сих пор не понял, как опасно ему доверять?

— У меня просто-напросто нет выхода, — коротко ответил Филин. — Он должен рассказать мне, что происходит в лесу.

— Он расскажет тебе только то, что выгодно ему, — парировала Юла. — Ну да пусть это падет на твою же голову.

С этими словами она слегка клюнула его в щеку и запрыгнула обратно в гнездо.

— Будь осторожен, мне бы не хотелось тебя потерять, — добавила она неожиданно.

Филин, польщенный и тронутый этим замечанием, слетел вниз. Он не помнил, когда в последний раз Юла говорила ему что-то подобное. Может быть, она тоже в конце концов поняла, насколько необходимо что-то предпринять, пусть даже рискованное и небезопасное? Или ее образ мыслей изменился с рождением птенца, голенького, беспомощного существа, которое негромко попискивало в заново отремонтированном углу гнезда?

— Я все понял, как только увидел, как люди прикрепляют на мосту белый квадрат, — небрежно заметил Фредди.

— Когда это было? — спросил Филин.

— Пару недель назад или около того. — Лис зевнул.

— Я его не видел.

— Ничего удивительного. Он до сих пор там, но он слишком мал, и его трудно заметить. Это человеческая штука, а лесные жители, как известно, стараются держаться подальше от всего незнакомого. Даже если бы кто-нибудь и заметил этот квадрат, то вряд ли понял бы, что он означает. В нем, откровенно говоря, ничего особенного нет.

— Не хочешь ли ты сказать, что *ты* это понимаешь? — с легкой насмешкой уточнил Филин.

— Я не уверен, будто все понял правильно, — с неожиданной серьезностью отозвался лис. — Но я интересовался, спрашивал, сопоставлял. Многие лисы видели такие штуки. Они говорят, это особый знак, который люди имеют обыкновение устанавливать на территории, которую считают своей. После этого они либо строят на этом месте свои логовища, либо прокладывают твердую дорогу.

— И что они собираются предпринять в нашем случае? — уточнил Филин, приготовившись к самому худшему.

— Я не уверен, но боюсь, что первое, — пожал плечами Фредди. — В конце концов, если нам и норкам нравится жить в лесу, то почему людям не может нравиться то же самое?

Как он может относиться к этому так легкомысленно, удивился Филин. С другой стороны, из всех лесных жителей Фредди был, пожалуй, единственным, кто ясно представлял

истинный характер происходящего и не строил никаких иллюзий насчет будущего. Теперь понятно, почему барсук затыкает уши, закрывает глаза и стремится забиться как можно глубже в нору, лишь бы не слышать тревожных новостей. В конце концов, его логово совсем недалеко от Большой поляны, и что будет с ним и его семьей, если в лесу поселятся люди? Несомненно, именно из этого материала были сотканы самые страшные барсучьи кошмары, которые и сделали его таким раздражительным.

— Я предполагаю, — важно сказал лис, — что люди намерены осваивать территорию, которую они оградили лентами. Пока, впрочем, они сосредоточили все свои усилия на освоении леса. Похоже, они всерьез намерены прибрать его к рукам, Фил.

Филин почувствовал легкую дурноту, которая, впрочем, быстро прошла.

— Как ты думаешь, долго нам еще осталось?

— До того как люди поселятся здесь по-настоящему, пройдет, пожалуй, несколько месяцев, но работы будут с каждым днем расширяться, так что лесу, считай, конец.

«Как можно так спокойно констатировать такие ужасные вещи? Неужели ему все равно?»

— Почему ты не сказал об этом раньше? — сердито спросил он.

— Почему?.. — Фредди опять передернул плечами. — А почему, собственно, я должен делиться с кем-то моими маленькими секретами? Мы, лисы, не придерживаемся в отношении людей принципа «держись подальше». Напротив, в последнее время мы начинаем думать, что чем ближе к людям — тем лучше. О преимуществах такого соседства можно говорить много и долго, но если хочешь знать… Словом, от людей можно многое получить, если знаешь, как правильно к ним подойти.

— Но как же насчет охоты? Ты говорил, она существует специально для того, чтобы убивать лис! — выпалил Филин, использовав свой испытанный аргумент. Что бы там ни говорил Фредди, он вряд ли захотел бы жить рядом с людьми, пока существуют охотники и собаки.

— Нам все чаще и чаще приходится слышать, будто в больших поселках, где много-много человеческих логовищ, люди совсем другие, — спокойно отозвался Фредди, не собираясь, по всей видимости, возобновлять старый спор. — Тебе нелегко будет в это поверить, но они, похоже, только радуются нашему появлению. Можно подумать, будто люди разделились на два совершенно разных вида.

Он немного помолчал, и Филину показалось, что старый друг вот-вот поделится с ним чем-то сокровенным, но Фредди, видимо, передумал, так как ничего не сказал.

— Уж так они будут рады видеть тебя и твое племя вблизи своих порогов, а особенно вблизи своих курятников! — желчно заметил Филин.

Фредди только ухмыльнулся в ответ.

— В больших человеческих колониях нет курятни-*K0Bi* — сказал он. — Там… Да и что плохого в том, если мы будем держаться наших друзей? — спросил он с неожиданным напором. — Ведь большинство людей совсем неплохо к нам относятся, что бы ни утверждали ты и все остальные!

— Совсем как норки, да? — не удержался Филин. — Ты наверняка знаешь, Фредди, какие слухи циркулируют в лесу. Почему бы тебе не признаться заодно и в этом?

— Мы несколько раз беседовали, только и всего, — ощетинился лис, но на морде его появилось хитрое выражение. — Что в этом плохого?

«Все плохо, — подумал Филин. — Абсолютно все». Впрочем, он сдержался и не стал произносить этого вслух.

— Что думают норки о человеческом вторжении? — спросил он. — Они не собираются перебраться отсюда куда-нибудь подальше?

— Они бы мне не сказали,— беззаботно откликнулся лис.— Мы не настолько близко контачим. Но если ты, по чистой случайности, задумал предпринять что-то, чтобы остановить людей, спрашивай не меня — спроси лучше у них. Норки — единственные существа в этом лесу, у которых может появиться плодотворная идея.

— Почему это? — подозрительно осведомился Филин.

— Они когда-то жили с людьми и знают их лучше нашего, — пояснил Фредди. — И если они сумели перехитрить человека и бежать, то почему бы им снова не оказаться умнее?

Филин невольно насторожился. Как справедливо заметила Юла, эта встреча с лисом была слишком своевременной, чтобы быть действительно случайной. Фредди явно пытался подвести его к чему-то. Как бы там ни было, разговор зашел о проблеме, которую Филин подсознательно обдумывал, но которую он пока не мог четко сформулировать. В самом деле, перед своим поспешным уходом ласки и горностаи упоминали о том, откуда, по их мнению, взялись в лесу норки, и не верить им у Филина не было никаких оснований.

— Почему бы не сэкономить время и не выяснить это между нами двоими? — спросил он напрямик.

— Ты же знаешь, это не мой стиль, — обезоруживающе улыбнулся лис.

Последовала долгая пауза. Филин чувствовал себя разочарованным, но вместе с тем — впервые за долгое время — в душе его затеплилась слабая надежда.

— Ну давай, Фредди, выкладывай, — сказал он наконец.

— Ладно, Фил… Я принес тебе послание от Меги, вождя норок, — медленно проговорил лис. — Он хочет, чтобы ты пришел к нему для обсуждения плана, который они придумали.

Несколько мгновений Филин тупо смотрел на него, и только потом способность соображать снова вернулась к нему. Ну конечно же!.. Каждый раз, когда между враждующими сторонами возникала потребность в общении, Фредди был тут как тут, предлагая свои услуги и тем и другим.

— Нам придется либо оставить лес людям, либо встретиться с норками, Борис, — объяснял Филин. — Неужели ты не понимаешь, что в сложившейся ситуации мы нуждаемся в них больше, чем они в нас?

Половина вечера прошла в уговорах, прежде чем Борис вообще согласился поговорить с Филином, да и то при условии, что его привычный распорядок не будет нарушен.

«Я убью этого двуличного прохвоста как только увижу!» — такова была его первая реакция, когда Филин открыл ему, что Фредди тесно общался с норками.

— Я не думаю, чтобы они могли предложить нам что-то ценное, — проворчал Борис, разрывая лапами заросшую травой кочку в надежде обнаружить под ней несколько жирных червей или жуков. — Сколько раз я должен повторять тебе, Филли, — от норок нам никакого добра не будет!

— Я это знаю, Борис, — повторил Филин примерно в сорок пятый раз. — Но если не они, то кто же?

— Значит, ты говоришь, канюки согласились пойти с тобой? — продолжал барсук. Голос Бориса звучал невнятно, поскольку пасть его вдруг оказалась набита извивающимися розовыми тельцами.

— Совершенно верно, — уже точно в сорок пятый раз повторил Филин. Откровенно говоря, он сам был в немалой степени удивлен и обрадован готовностью канюков лететь с ним к норкам. Их присутствие придало бы делегации немалый вес, а заодно убедило бы захватчиков в том, что они не имеют никакого отношения к травоядным Попечителям.

— И никто из трепачей не участвует? — громко чавкая, уточнил Борис.

— Нет, Бо, я тебе клянусь. Никто из них даже не знает об этом.

«Был бы жив Лопух!» — подумал про себя Филин. Ему страшно было представить, как Кувшинка выйдет к норкам и примется отчитывать их за плохое поведение! Нет, решил он, если этой встрече вообще суждено состояться, то она должна происходить только между хищниками. И участие Бориса придаст делегации в глазах норок особый вес.

— Ты должен обязательно пойти, Бо! — взмолился он.— Тебе наверняка будет интересно послушать, что предлагают норки, а потом с твоей помощью мы попытаемся извлечь из этого хоть что-нибудь полезное.

— Что бы они ни сказали, я не соглашусь ни с одним их словом! — проворчал Борис. — Заявляю это сразу. И не рассчитывай, не буду я с ними любезничать.

— Не волнуйся, переговоры будем вести мы с Ракой, — поспешно уверил его Филин, потихоньку с облегчением вздыхая. Он потратил на Бориса уйму времени, но дело того стоило. Главарь норок имел в виду встречу один на один, но Филин чувствовал, что барсук и канюки обеспечат ему кое-какие гарантии личной неприкосновенности.

— От тебя требуется только одно — выглядеть свирепым и мрачным, — повторил он. — Ты же знаешь, как норки тебя уважают!

— Попробовали бы они только меня не уважать! — фыркнул барсук, набивая пасть червями, которых он извлек из-под замшелого камня. — Я не был бы барсуком, если бы позволял всякой мелочи вроде них лезть в мои дела!

Раку, как и Бориса, потребовалось уговаривать. Зато она сообщила кое-какие детали, о которых не удосужился упомянуть Фредди.

— Я не понимаю, почему бы норкам не переселиться отсюда, — пожаловался ей Филин. — Я лично так бы и поступил, если бы не испытывал в отношении Старого Леса кое-какие чувства… ты понимаешь, о чем я говорю.

— Ты — одинокая птица, Фил. Я не имею в виду Юлу, конечно, — каркнула Рака. — Принимать решения, когда решаешь только за себя, просто. Другое дело — в группе. Приходится учитывать десятки самых разных обстоятельств и точек зрения. Именно поэтому у нас в Грачевнике всегда шумно. Со стороны это выглядит как птичий базар, но именно так и решается большинство проблем в коллективе. Возможно, ты также упустил из виду еще одно обстоятельство. У норок — как и у большинства из нас — вот-вот появятся дети. Кстати, как твой цыпленочек?

— Спасибо, хорошо. Между прочим, это самочка. Мы назвали ее Блинки, — ответил Филин, невольно вспоминая о том, как появление потомства заставило его глядеть в будущее с большей неуверенностью.

Ракина оценка положения на Плато оказалась гораздо более точной, чем она сама предполагала. Когда человеческая копалка впервые появилась в лесу, норки запаниковали, решив, что это Хранитель хочет расправиться с ними.

— Он приехал за нами! — кричали одни.

— .Горчица выдала нас! — вопили другие.

— Хранитель снова посадит нас в клетки! — причитали третьи.

— С нами покончено! — таково было всеобщее мнение.

Мата первой отреагировала на новую ситуацию. Выскочив из норы, она приказала Макси отрядить нескольких норковоротов, чтобы восстановить порядок, и сама бросилась в толпу, рыча и щелкая зубами. Им удалось согнать напуганных норок на площадку под Буком, и Мега свирепо рявкнул на них, призывая взять себя в лапы. Вскоре вернулись разведчики, которые сообщили, что люди остановились на Большой поляне. Это известие окончательно успокоило толпу.

Мега был давно готов к сегодняшней ситуации. С самого начала одной из главных причин, по которой они остановились в этом лесу, было отсутствие в нем их ненавистных врагов, однако участившиеся в последние несколько дней визиты людей ясно указывали, чего им следует ожидать в ближайшее время. В подобном случае норочья теория рекомендовала переселение на новое место как самое простое и надежное средство решения проблемы, но в настоящее время стая просто не могла тронуться с насиженного места. Реальный мир вторгся в стройные теоретические построения, не оставив от них камня на камне.

Примерно две недели назад в колонии произошли первые роды — первые роды на свободе,— вызвавшие всеобщее ликование. Правда, восторги несколько поутихли, когда выяснилось, что роды были преждевременными и из всего помета выжил только один щенок, слабый и больной, которого назвали Минимус. Однако вскоре после этого

ощенились еще четыре самки, причем каждая принесла в помете от трех до шести крепких и

здоровых щенков, а остальные, за исключением, естественно, Маты, должны были разрешиться от бремени в самое ближайшее время. Таким образом, о переселении на новое место не могло быть и речи.

— Почему бы нам не попытаться организовать еде-ревяшек», мой Вождь? — предложил Макси.— Я знаю, большинство из них просто жалкие трусы, однако даже среди них можно набрать достаточно экземпляров, годных для создания боеспособной армии. Если бы мне поручили заняться их подготовкой, я бы быстро привел их в нужный вид, и тогда люди даже не догадались бы, кто их атакует на самом деле.

Но никто, к сожалению, так и не смог предложить ничего конкретного относительно того, как им добиться от лесных жителей согласия сотрудничать. Казалось, совещание на этом и закончится, но тут неожиданно вступил М-Первый.

— Мы все-таки можем использовать «деревяшек», о великий Вождь! — воскликнул он, дрожа от восторга и волнения. — Видишь ли, мы со Вторым подготовили одно предложение, и лесные жители могут помочь нам реализовать его. Эта штука тебе точно понравится! Мы не сомневаемся, что, как только мы все расскажем, ты сразу поймешь, насколько это свежо и оригинально. А теперь станьте-ка в сторонке, чтобы М-Второй мог познакомить вас с нашим планом. История норкетинга еще не знала ничего подобного!

Глава 50. КРОВЬ И КОСТИ

Для визита на Плато они выбрали раннее утро. Всю ночь Филин проигрывал в уме сценарии предстоящих переговоров, причем все они основывались на посылке, что норки отнесутся к ним с должным уважением — как к собратьям-хищникам, а не как к кроликам, которых они продолжали методично и безжалостно истреблять. И вот теперь, когда раздавшийся из кустов крик: «Стой, кто идет?» — остановил Бо-

риса на полпути к вершине Плато, Рака спустилась вниз, чтобы — как и было договорено заранее — объясниться с дозорными.

— Мы пришли, чтобы встретиться с вашим вождем, — прокричала она, чувствуя себя несколько неловко оттого, что ей приходится разговаривать с пустотой: как она ни старалась, ее острый взгляд не мог различить в гуще колючих кустарников ни одной норки, которой мог бы принадлежать этот голос.

— Чтобы пройти, вы должны сказать пароль, — отозвался голос из куста боярышника.

— Мы живем в лесу и поэтому не можем знать вашего пароля,— каркнула она.

— Значит, вы не можете пройти, — заключил голос уверенно.

Рака виртуозно выругалась. Ее подозрение, что норки в своей массе — существа довольно тупые, подтверждалось.

— Мы пришли встретиться с вашим вождем, — повторила она, указывая крылом на Филина, Бориса и канюков.

Куст боярышника не отвечал.

— Я не собираюсь вечно торчать на этом дурацком откосе, — подал голос Борис. — Если эти проклятые норки…

Филин состроил предостерегающую мину. Они заранее договорились вести себя как можно сдержаннее при первом контакте с противником.

— Стойте на месте или умрете! — крикнули из куста.

В следующее мгновение какая-то норка выскочила из укрытия и стремглав бросилась вверх. Как только она достигла Плато, из-за его края высунулась особенно свирепая норочья морда с торчащими во все стороны усами.

— Внимание, вы, там! — пролаяла норка. — Наш великий Вождь Мега позволил вам пройти. Несмотря на это, из соображений безопасности каждый из вас все равно должен сказать пароль. Чтобы вы знали, наш сегодняшний пароль — «кровь и кости». Ясно?

— Ясно, — проухал с высоты Филин и, бормоча пароль, понесся к земле, чтобы приземлиться на Плато первым. Он видел, как Борис, не проронив ни слова, миновал свирепого усача, и с облегчением вздохнул, когда барсука беспрепятственно пропустили. По крайней мере, теперь он знал, что их группа прибудет к месту переговоров в полном составе. Как-то оно повернется дальше…

Это была их первая возможность рассмотреть норо-чью главную базу вблизи. Филина особенно интересовал предмет, при помощи которого Мега задушил Лопуха. Судя по всему, норки придавали ему особенное значение. Он уже шагнул в этом направлении, когда усатый остановил его.

— Это не про таких, как ты, — прорычал он. — Оставайтесь на месте и ожидайте нашего Вождя.

Глядя, как быстро движутся норки и как жадно принюхиваются, Филин оценил, какой это действительно опасный противник. На всякий случай он пригнул голову к земле и предостерегающе зашипел, чтобы норки поняли, что имеют дело с такими же хищниками, как и они сами. Канюки, поняв его замысел, полуприкрыли глаза мигательными перепонками и глядели из-под них угрожающе.

Неожиданно усатый прокричал какую-то команду, и все остальные почтительно расступились, когда в круг вступил сам Вождь.

— Меня зовут Мега, — просто сказал он. — Я рад, что вы пришли.

Мега был не намного крупнее большинства своих сородичей, но независимое достоинство, с которым он держался, сразу бросалось в глаза и свидетельствовало о его авторитете и глубокой уверенности в себе. Вглядываясь в его глаза, такие же черные и немигающие, как и у него, Филин заметил в них странную искру, которая заставила его внутренне похолодеть. Холодное и жестокое безумие почудилось ему в этих бездонных глазах, и он вспомнил, как голова голубя по крутой дуге взлетает над землей, в то время как обезглавленное тело еще делает шаги.

С огромным трудом Филин справился с собой, запретив себе даже думать о подобных вещах.

— Я — Филин, — ответил он и поочередно представил Раку, Бориса и канюков. — Прежде чем мы начнем,— добавил он,— я хотел бы предупредить, что вообще-то мы не одобряем собраний. Вместе с тем мы признаем, что бывают ситуации, когда обмен мнениями необходим.

— Не могу не согласиться. — Главарь норок криво улыбнулся. — В последнее время появилось довольно много тем для обсуждения. Почему бы нам не позабыть о наших различиях' и не поболтать? Это ведь никому не повредит, верно?

Последние слова Меги заставили рассмеяться малыша с остроконечной хрящеватой мордой, который неожиданно появился рядом с вождем. Смех у него был пренеприятный, и Филин невзлюбил тварь с первого взгляда. Как ни странно, это только укрепило его во мнении, что между ним и вождем норок много общего и что оба они осознают это. Мега, в свою очередь, проникся к Филину теплыми чувствами за его практический, сугубо земной подход к проблеме. То, что Филин привел с собой барсука, внушавшего норкам почти мистический ужас, и свирепых канюков, говорило о мудрости лесного предводителя, хотя иногда Меге казалось, что автором идеи могла быть шумливая черная птица, которую Филин представил как Раку. Со слов Психо, Мега уже знал о породе грачей, которые очень умело организуют свое совместное жилье и работу на полях.

— Как вам, должно быть, известно, люди представляют для нас такую же проблему, как и для вас, — без обиняков обратился Мега к Филину. — Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы выслушали, какой у нас появился план. Возможно, с его помощью мы сумеем избавиться от людей.

— После чего вы, надо думать, тоже свалите отсюда, — неожиданно вставил Борис.

Филин поморщился, а Мега с любопытством повернулся к этому огромному серо-черному зверю с широкой

полосатой головой, о котором его подданные говорили не иначе как вполголоса.

— Я не имел этого в виду,— неожиданно мягко возразил он.

— А зря, между прочим! — презрительно фыркнул барсук. — Я — зверь простой и сюда пришел не для того, чтобы ходить вокруг да около. Поэтому я скажу откровенно: мы не какие-нибудь лопоухие трепачи, которые с ума сходят из-за всякой хреновины вроде петиций и прочего! Мы — хищники, которые всегда правили этим лесом, и мы по горло сыты тем, как вы разрушаете его. Сюда мы пришли только из-за людей. Они, конечно, тоже подонки, как и вы, да только по сравнению с ними все норки — просто цыплячий корм!

Услышав такое заявление, норки вокруг заворчали, а у многих шерсть на загривке встала дыбом. Никто никогда не называл норок цыплячьим кормом! И подонками тоже! Борис заворчал и чиркнул по земле огромной лапой, вооруженной мощными когтями. В земле образовалась глубокая канава, но Мега сделал легкий небрежный жест, который означал, что оскорбление надлежит оставить без последствий. В конце концов, барсук лишь высказал мнение подавляющего большинства лесных жителей. Вряд ли даже самые тупые из норок всерьез считали, что в лесу их горячо любят и ценят.

Но Борис еще не закончил.

— Это вам, норкам, а не людям необходимо задать хорошенькую трепку! — проревел он, делая шаг по направлению к наглецу-тяжеловесу, который требовал, чтобы они сказали пароль, и остановился, только когда между кончиком его носа и встопорщенными усами противника осталось всего несколько вершков. Оба напряглись и стояли неподвижно, и канюки в тревоге распахнули свои огромные крылья.

Филин, чувствуя, что переговоры развиваются не совсем так, как он рассчитывал, кивнул Меге в знак того, что пора объединенными усилиями разрядить ситуацию, и почувствовал даже нечто вроде благодар-

ности, когда главарь норок понял намек и начал действовать.

— Хватит, Макси! — резко сказал он, вставая рядом с Борисом. Под его взглядом усач попятился.

— Пожалуй, будет лучше, если мы обсудим существующее положение наедине, — предложил Мега, поворачиваясь к Филину и Раке. — Почему бы нам не пройти ко мне в нору?

Филин заколебался. На открытом месте он чувствовал бы себя гораздо увереннее. Сумеет ли он сохранить самообладание в замкнутом пространстве подземелья и не выпустит ли из когтей инициативы? Вместе с тем предложение вождя норок позволяло избежать не связанных с делом помех. Да и не хотелось Филину терять достоинство перед лицом врага. Логика подсказывала ему, что если бы норки действительно хотели на них напасть, то, имея такое превосходство в численности, они с равным успехом могли проделать это как в норе, так и на открытом воздухе. Если и Рака согласится пойти с ним, он не будет так страдать от клаустрофобии.

Филин согласился, однако на его условие насчет Раки вождь норок ответил, что в таком случае он хотел бы, чтобы с норочьей стороны на переговорах присутствовал также Психо — тот самый, с неприятной заостренной мордой. Филин не возражал.

— Вы ведь не собираетесь уединиться в какой-то помойной яме с этими двумя кусками дерьма? — недоверчиво проворчал Борис, когда услышал новости. Может быть, они и были с Филли друзьями, но этого он уже не мог вынести спокойно.

Филин отвел его в сторонку и доверительно попросил побыть на страже вместе с канюками, пока он с Ракой спустится вниз.

— Это очень важно, — умоляющим тоном прибавил он. — Никогда не знаешь, чего ожидать от этих норок, а ты так силен, так бесстрашен!

Барсук, непривычный к такой грубой и прямой лести, быстро сдался, и Филин с Ракой протиснулись в подземный ход.

Глава 51. ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЫНОК!

В логове вождя норок оказалось почти пусто; неровный пол был едва прикрыт сухой травой, а низкий потолок заставил Филина испытать несильный приступ клаустрофобии, с

которым он благополучно совладал, напомнив себе, что его собственное дупло в стволе старого бука было гораздо менее просторным.

Рака страдала не столько от тесноты, сколько от темноты подземелья; как она ни напрягала зрение — все равно не могла рассмотреть ничего, кроме неясных теней. К счастью, и Филин, и обе норки прекрасно ориентировались в темноте, и на Раку никто не наступил. Все четверо понимали, насколько хрупким было установившееся между ними доверие, а ведь именно по этому мосту им предстояло сделать еще несколько шагов навстречу друг другу. К тому же все они, включая и Раку, были хищниками, то есть существами, склонными добиваться своего решительными действиями и силой, поэтому им было особенно трудно направить свои помыслы в русло сотрудничества. Но поскольку это было необходимо, каждый попробовал взглянуть на проблему с точки зрения противной стороны, и тогда все четверо начали лучше понимать затруднительное положение, в котором они оказались.

Между тем на межличностном уровне Филин неожиданно обнаружил, что вождь норок обладает определенной притягательностью и даже способен вызвать уважение и симпатию. Несмотря на его жуткие глаза, в которых продолжала тлеть жестокая искорка, Мега казался достаточно откровенным и прямолинейным. С ним было легко разговаривать, а его приверженность здравому смыслу и степень открытости были даже больше, чем можно было ожидать в данной ситуации. Филин даже начал питать слабую надежду, что из их похода к норкам в конце концов может выйти что-нибудь путное.

Рака была совершенно права, и норки в любом случае вынуждены были оставаться в лесу из-за новорожден-

ных малышей. Только сегодня утром разродились еще две самки, принесшие полноценный, здоровый помет. Отвечая на вопрос Филина, он подтвердил, да, норки действительно бежали с фермы, где люди держали их в клетках.

— Мега — могучий Вождь, который освободил нас! –г– пискнул остромордый Психо, сверкнув своими странными, словно больными глазами.

Филин критически оглядел его с головы и до хвоста. Возможно, честность и откровенность Меги тоже имели свои пределы, но этот его советник был, несомненно, скользкий и чрезвычайно хитрый тип. Он был гораздо больше похож на крысу, чем на норку, — словом, субъект в высшей степени ненадежный и опасный. Вместе с тем Мега наверняка позвал его с собой неспроста. Должно быть, Психо был достаточно умен — это объяснение пришло Филину в голову первым, и, похоже, оно соответствовало действительности, однако он сразу подумал, что мозги маленького мерзавца, скорее всего, устроены так же, как у Фредди. Бросив взгляд в сторону своей спутницы, он сразу понял, что о том же подумала и Рака.

Будто читая мысли гостей, вождь снова взял нить разговора в свои лапы, а его советник на время заткнулся. Да, признал Мега, норки знают довольно много о людях и об их повадках. Должно быть, почтенному Филину будет интересно узнать, что они даже изучали людей — до известных пределов, конечно. Потом Мега рассказал, как желтая собака навела их на мысль о лесе и почему она больше здесь не появляется, а также раскрыл тайну черно-оранжевого талисмана. Когда Филин спросил об увеличенном чучеле кролика под деревом, Мега рассказал об объявленной норками войне длинноухим. Потом уже Мега начал задавать вопросы об устройстве жизни в лесу, причем Рака по

большей части отмалчивалась, да и Филину приходилось тщательно выбирать слова, чтобы не сказать лишнего.

Когда к расспросам присоединился Психо, Филин незаметно для себя открыл гораздо больше, чем он рассчи-

тывал, однако в конце концов Филин решил не придавать этому значения. Похоже, норкам и так было известно о лесе многое, если не все. Большинство вопросов, на которые ему приходилось отвечать подробно и обстоятельно, касались того, что именно делают люди в лесу. Эту информацию Филин был только рад сообщить, ибо надеялся, что она каким-то образом им поможет.

Но когда он сам попытался расспросить Психо о том, какие мотивы, по мнению норок, движут людьми, Мега неожиданно вмешался.

— Это слишком долго объяснять, и, боюсь, для вас это может оказаться слишком сложно, — сказал он. — Поэтому я прошу просто поверить нам на слово. Люди не похожи ни на одно из известных живых существ. Ими движет один главный побудительный мотив, которому они чрезвычайно привержены и который они именуют прогрессом. Грубо говоря, люди никогда не бывают довольны тем, как обстоят дела на настоящий момент. Чем оборачивается их стремление к прогрессу, вы, надо полагать, видели.

— Ты хочешь сказать, будто нам придется принять на веру все, что вы сообщите нам о людях. Я правильно понял?

— Совершенно верно, — ни капли не смутившись, подтвердил главарь норок. — Вам придется положиться на то, что мы сообщим вам. Ну и еще на свои собственные познания.

— Почему? — требовательно осведомился Филин.

— В моей стае есть двое специалистов по этому вопросу. Во всяком случае, они довольно долгое время жили в тесном контакте с людьми. Мои эксперты утверждают, что знают способ победить человека в его собственной игре, играя по его правилам. Они составили план и клянутся, что все сработает как надо, хотя, если быть откровенным до конца, я сам не вполне в этом уверен. Как бы там ни было, никакого другого выхода у нас все равно нет. Я собираюсь на время одолжить вам обоих экспертов. Эти двое утверждают, что, объединив усилия норок и лесных жителей, мы сможем натравить одну группу людей на другую и заставить

одних выгнать из леса других. Я вовсе не хочу сказать, что отчетливо представляю себе все подробности их плана, однако почему бы вам самим не побеседовать с ними. Тогда вы сможете составить свое собственное мнение.

Произнеся эту длинную речь, Мега услал куда-то Психо, который вскоре вернулся в сопровождении двух энергичных упитанных норок. Сияя улыбками, они протянули Филину передние лапы.

— Это М-Первый и М-Второй — близнецы, известные у нас под общим названием Отдел норкетинга, — пояснил вождь.

— Рады знакомству, — хором сказали братья, самодовольно ухмыляясь.

Филин почувствовал легкое отвращение. У этих двоих было гораздо больше общего с крысоподобным Психо, от которого у него мурашки бегали по коже, чем с их вождем. При этом у Филина возникло странное ощущение, что Мега в какой-то степени разделяет его инстинктивное отвращение к этой парочке.

— Наш Отдел норкетинга укомплектован в высшей степени квалифицированными специалистами, которые, так сказать, держат лапу на пульсе происходящих в мире людей событий, — туманно пояснил Мега, с неприязнью покосившись на своих экспертов.

— Мы решили применить к вашей ситуации современную науку норкетинга, — хором пропищали братья. — Потому что мы категорически утверждаем: налицо типично рыночная проблема.

— Что такое рынок? — перебил Филин. — И заодно, что такое норкетинг?

М-Первый и М-Второй синхронно прикоснулись лапами к носам.

— Хороший вопрос, — сказал один (был ли это Первый?) почти радостно.

— Мне кажется, у почтенного Филина имеются задатки потенциального клиента! — подхватил Второй и хихикнул.

— Что такое клиент? — спросил Филин почти сердито.

Отдел норкетинга пустился в объяснения. Братья настолько походили друг на друга своим гладким мехом, одинаковыми белыми манишками и блестящими бусинками глаз, что половину времени Филин ломал голову, пытаясь отгадать, кто же из них Первый, а кто Второй. В то же время он пытался как-то ухватить суть того, что ему говорилось, изредка перебивая их, чтобы выяснить значение нового, неизвестного термина. Рака тоже пребывала в растерянности.

— Почему бы вам просто не предоставить дело специалистам? — спросил в конце концов один из братьев. — И не беспокойтесь. Когда мы начнем работу вам тоже найдется дело. И вообще, без вашего активного участия наш план обречен. Партнерство жизненно необходимо!

Филин, уже успевший убедиться, что норкетинг так же непонятен и перегружен наукообразным жаргоном, как и заседания Сопричастных Попечителей, поспешил вернуться к главной теме дня — сотрудничеству между норками и лесными жителями.

— Как вы это видите? — спросил он.

— Волноваться совершенно не о чем! — заверили его М-Первый и М-Второй.— Никакого риска, никаких осложнений нет и не предвидится — ни сейчас, ни в будущем. И никакого насилия — это мы вам твердо обещаем.

В данном случае Филин был склонен поверить им, ибо Отдел норкетинга, время от времени ловивший на себе сумрачные взгляды вождя, вздрагивал совсем не по-норочьи.

— Вам, лесным жителям, придется лишь напрячь мозги, — продолжали убеждать братья. — Ведь это довольно просто, не так ли?

«Отнюдь», — подумал Филин, прекрасно знавший, насколько ограничены возможности некоторых мозгов.

— В любом случае это только предложение, — вмешался Мега. — Как утверждает Отдел норкетинга, без вашего участия мы не можем осуществить этот план. С другой стороны, повторяю, никто ничего не теряет.

Рака бросила на Филина предостерегающий взгляд, и он понял, что сегодня они все равно не смогут принять окончательное решение. Им необходимо было посоветоваться между собой — точь-в-точь как Сопричастным Попечителям, — и нора вождя норок была не самым подходящим местом для этого. Филин даже потянулся в предвкушении того, как он выберется из тесного подземелья и снова увидит небо. Разговор с норками вымотал его едва ли не сильнее, чем памятная беседа с Дедушкой Длинноухом.

Воспоминание о старом кролике помогло Филину достойно завершить встречу.

— Я рад, что мы встретились и поговорили, — вежливо сказал он Меге. — Я обещаю вам, что мы обсудим это предложение и известим вас о результате.

— Я тоже получил удовольствие от встречи, — любезно ответил главарь норок.

Выбравшись на поверхность земли, чтобы отозвать канюков, паривших над Плато, Филин увидел угрюмо нахмурившегося Бориса. Пасмурное выражение на полосатой морде барсука превратилось в свирепый оскал, когда он увидел появившуюся следом группу улыбающихся норок.

— Один из твоих друзей, верно? — уточнил Второй, протягивая лапу.

— Я в этом больше не уверен, — нелюбезно откликнулся Борис.

Протянутая лапа опустилась, потом снова поднялась и была предложена спустившимся на Плато канюкам, но те не обратили на нее никакого внимания.

— Я уверен, вскоре мы узнаем друг друга лучше, — заметил М-Первый с нервным смешком.

— Говори за себя и за своих новых друзей, — фыркнул Борис мрачно, покосившись на Раку и Филина.

— Мы с вами еще свяжемся, — торопливо пообещал Филин.

Уступив настояниям Кувшинки, Филин согласился созвать официальное собрание Сопричастных Попечите-

лей, чтобы обсудить предложение норок. Если Отделу норкетинга необходимо сотрудничество всех лесных жителей, то свое согласие должны были дать не только хищники, но и Сопричастные Попечители. Филин в конце концов согласился, но поставил условием, чтобы Рака взяла все объяснения на себя.

Чего он не ожидал, так это того, что Рака поставит вопрос так жестко и бескомпромиссно, да еще явно получая от этого удовольствие.

— Норки подтвердили наши самые худшие опасения, — без обиняков объявила она замершему в напряженном ожидании зверью. — Люди явно собираются поселиться здесь. Никаких оснований сомневаться в их намерениях нет, поэтому приходится поддержать затею норок с рынком, как они его называют. Не спрашивайте меня, что это значит, — я даже не буду пытаться вам объяснить. Мы с Филином сами этого не понимаем, а норки уверяют, будто нам это просто недоступно, поскольку мы совсем не знаем людей. Как они сказали, у нас нет иного выхода: мы должны поверить им на слово.

Филин слегка поморщился. Рака была абсолютно права, но она преподнесла проблему в такой манере, в какой он никогда бы не осмелился разговаривать с собранием. В результате слушатели выглядели еще более напуганными, чем вначале, да и реакцию Кувшинки предвидеть было несложно.

— Поверить норкам! — выкрикнула длинномордая крольчиха. — Доверить им наш лес!

— Ты, конечно, предпочла бы положиться на людей? — с отвращением переспросила Рака.

— Ну, не совсем… — Кувшинка замялась, чувствуя, что угодила в ловушку. — Но по-вашему выходит, будто цель оправдывает средства, а это совсем не так!

— Что ты предлагаешь? — осведомилась Рака, не давая Кувшинке опомниться и пустить в ход все свои трескучие и пустые слова.

Филин с изумлением увидел, как кое-кто из присутствующих утвердительно кивает.

— Я считаю, будет гораздо лучше, если мы не станем ничего предпринимать… — затянула крольчиха свою ста-

рую песню, беспомощно оглядываясь по сторонам в поисках поддержки, но Сопричастные Попечители только отводили взгляды.

— Как и всегда! — пискнула какая-то дерзкая мышь. — Да вы никогда ничего не делали — только говорили!

— Вот именно! — поддержал ее бесстрашный королек. — Что касается меня, то я боюсь норок больше смерти, но какая у нас альтернатива, если люди пугают нас еще больше? Норки, по крайней мере, способны на решительные действия. Почему бы Кувшинке не предложить что-нибудь свое, только действенное, вместо того чтобы с ходу отметать любые конструктивные предложения?

Нестройный хор голосов загудел, как показалось Филину, одобрительно.

— Почему вы так со мной говорите?! — с укоризной выкрикнула Кувшинка. — Неужели вы утратили всякое уважение к своим собственным лидерам? Ну ладно, поскольку вы настаиваете, я внесу конструктивное предложение. Давайте создадим подкомитет, чтобы он тщательно исследовал проблему и сообщил нам свои выводы.

— Через сколько месяцев? — агрессивно пропищала какая-то землеройка.

— Чего тут исследовать? — раздался еще чей-то голос.

Филин, поглядев на Раку и поняв, что ее терпение вот-вот лопнет, поспешил воспользоваться возможностью, которую, сама того не желая, предоставила ему крольчиха.

— Я считаю, что идея насчет подкомитета просто превосходна, — с энтузиазмом обратился он к задумавшейся Кувшинке. — В далекой перспективе он непременно сослужит нам хорошую службу, и, поскольку ты прекрасно разбираешься в таких делах, я хотел бы поручить его создание именно тебе. Мы рассмотрим его выводы, как только они будут готовы. А пока, поскольку времени у нас мало, я предлагаю опробовать вариант, разработанный Отделом норкетинга.

Кувшинка подняла свою вытянутую морду и посмотрела на него с нескрываемым отвращением, кажется даже с угрозой, и Филин невольно пожалел, что Лопуха больше нет с ними. Кто-кто, а Большая Задница знал толк в подобных штучках. Наверное, он бы даже гордился Филином как своим учеником.

— Правильно! Лучше не придумаешь! — загалдели собравшиеся, в восторге кивая друг другу (кто чем мог). Дело явно шло к тому, что Филин и его единомышленники добьются-таки своего, а тут еще переменившийся ветер донес до рощицы запах гари, и на головы Сопричастных Попечителей посыпались пепел и зола, как бы напоминая, что дело не терпит отлагательства.

— А ты, Кувшинка? — как можно вежливее осведомился он.

Дрожа от ярости, крольчиха медленно подняла лапу.

*1*Coup de grace *(франц.)* — буквально: удар милосердия. Нанести coup de grace — добить раненого.

Глава 52. БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО

Как только Филин вернулся на Плато и сообщил Меге о принятом решении, Отдел норкетинга поспешил организовать на Малой поляне свой филиал. Филин полетел в лес, чтобы уговорить как можно больше лесных жителей собраться на поляне и дать норкам возможность задавать свои вопросы.

— Какое ваше любимое время суток?

— Какую пищу вы предпочитаете?

— Как вы проводите свободное время?

— Как вы оцениваете свое место в лесном сообществе?

— Каким существом, кроме самого себя, вы больше всего восхищаетесь?

— Если бы вы могли стать любым живым существом, кем бы вы захотели быть?

Никто из лесных жителей не видел в этих вопросах ни капли смысла, однако все они изо всех сил старались помочь Первому и Второму, отвечая порой излишне путанно и многословно. Норки прилежно записывали все ответы на кусках коры, что вызвало у

Кувшинки самые страшные подозрения. Когда всеобщий интерес к предлагаемым спасителям леса немного улегся, она и ее «когорта несгибаемых» сумели даже взять некоторый реванш и теперь предпринимали отчаянные попытки закрепить его, засыпая Первого и Второго своими вопросами:

— Что вы собираетесь делать со всеми этими сведениями? Откуда нам знать, что вы не используете их против нас? Отдаете ли вы себе отчет, что большинство ваших вопросов носят сугубо интимный характер и потому представляют собой неприкрытое вмешательство в частную жизнь? Что такое «норкетинг»? Не кажется ли вам, что вы обязаны все нам объяснить?

«Нет, не кажется!»— дружно подумали М-Первый и М-Второй, которые заранее договорились, как строить общение с «деревяшками», и заранее приготовили несколько ответов, которые могли помочь им справиться с проблемой.

— С вашего позволения, — вежливо сказал М-Пер-вый, — я хотел бы начать с ответа на ваш последний вопрос. — Норкетингом называется искусство выявления норками главенствующего товара, максимально ориентированного на наличный потребительский спрос, и последующее его представление в наиболее привлекательном для покупателя виде, — отбарабанил он без запинки.

— А что такое товар? — спросила заинтригованная Кувшинка.

— В вашем случае товаром является лес.

— Понимаю,— неуверенно откликнулась крольчиха. — А покупатели? — тут же спросила она, изо всех сил наморщив лоб.

— Я поясню! — подскочил Второй, улыбаясь про себя тому, как легко им удалось обвести эту дуру вокруг куста. — Покупателями, или клиентами, называются потребители товаров или услуг, которые мы выбрасываем на рынок, после того как определим их ассортимент в соответствии с имеющимся спросом.

— Что такое «определить ассортимент»? — не сдавалась Кувшинка.

— Под определением ассортимента подразумевается техническая процедура, позволяющая сузить и структурировать перечень доступных товаров с учетом категорий наличествующего спроса и разнообразия потребительских групп,— четко отрапортовал М-Второй.

До Кувшинки наконец дошло, что ей встретился достойный противник.

— Большое спасибо, — сказала она с таким видом, словно ей стали ясны основополагающие принципы, которые позволяют догадаться об остальном. — Думаю, ваших ответов более чем достаточно, чтобы удовлетворить наше естественное любопытство в полном объеме. Не так ли? — повернулась она к своим сторонникам.

Сторонники недоуменно переглянулись. Пауза грозила затянуться, но тут один молодой голубь решил, что он наконец добрался до сути.

— Лес — это товар, — проворковал он.

— Лес — товар, — глубокомысленно закивали и остальные, обретя в этой магической фразе неожиданное спасение.

М-Первый и М-Второй благосклонно улыбнулись сначала друг другу, потом лесным жителям. «Деревяшки» оказались еще более слабым противником, чем они считали вначале.

— Совершенно верно. Лес — это товар, да еще какой — первый сорт! — поддакнули они. — Это все, что вам необходимо знать.

Но Кувшинка на этом не успокоилась. Она попыталась организовать широкомасштабную кампанию под

лозунгом отказа от сотрудничества, однако у нее не нашлось последователей. Борис, канюки и другие твердолобые и прежде ее ни во что не ставили, однако и остальные лесные жители начали осознавать себя как личность. Пара откормленных норок, с которыми они впервые встретились без всякого урона для себя, не внушала им непреодолимого ужаса. Норки оказались на редкость вежливыми, и с ними было приятно общаться. Правда, вопросы, которые они задавали, не казались от этого менее странными, однако каждый, кто побывал в филиале Отдела норкетинга, чувствовал себя чуточку значительнее — как и любой, чье мнение не просто кого-то интересует, но и записывается самым тщательным образом. И многие сходились на том, что бывшие руководители Общества Сопричастных Попечителей до этого не додумались.

Больше всего М-Первый и М-Второй сожалели о том, что попали в эту колонию слишком поздно — уже после того, как были сформированы основные традиции стаи. Это объективное обстоятельство помешало им внедрить в сознание норок все те принципы, на которых зиждился всякий успешный бизнес, но они утешали себя надеждой исправить это упущение и попробовать себя с «деревяшками*, перестроив их общество по своему разумению. Именно с этого они и начали, когда свежим ранним утром лесные жители собрались по их просьбе на Малой поляне.

— Леди, джентльмены и гермафродиты! — начал М-Первый. — Перед тем как начать нашу рыночную кампанию, мы должны прежде всего кратко резюмировать, чего мы хотим достичь. Ну, кто скажет — чего?

Слушатели никак не отреагировали.

— Кратенько, а?

Несколько кроликов неуверенно заерзали на мокрой от росы траве.

— Ну, цель? Какова наша цель?

— Избавиться сначала от людей, а потом и от вас! — Это Рака решила высказать свою точку зрения,

поскольку остальные продолжали молчать. Филин с угрозой покосился на нее. Ведь предупреждал он, что, будучи творческими работниками, М-Первый и М-Вто-рой весьма чувствительны к оскорблениям. В ответ Рака состроила ему гримасу, но, к счастью, не стала развивать свою мысль дальше.

— Попробую вам помочь, — выступил вперед М-Вто-рой. — Скажите, какова наша миссия?

— Да перестань ты, — громко прошипел брат. — Тебе придется сказать это самому.

— Никто не знает? — продолжал Второй, уже поняв, что М-Первый прав. — Так вот, наша миссия состоит в том, чтобы спасти этот лес. Какие есть вопросы?

Вопросов не было.

— А что необходимо, чтобы выполнить главную задачу нашей миссии? — вставил М-Первый и сам же ответил на собственный вопрос: — Нам необходимо УЛП.

Тишина была такая, что у норок заложило уши.

— Я уверен, что вы как раз собирались спросить об этом,— с энтузиазмом продолжал Первый.— Наше УЛП, леди, джентльмены и гермафродиты, это товар, который спасет лес.

Эта фраза показалась слушателям смутно знакомой, и во многих глазах появились проблески интереса.

— В современном лесу слова убеждения звучат гораздо громче, чем звуки битвы, — улыбнулся Второй, — поэтому нам необходимо завоевать умы и сердца людей. Они не только должны спасти нас — они должны сделать это с любовью и благоговением. Понятно?

Ответом ему послужило несколько неуверенных кивков.

Второй лихорадочно потер лапы.

— Ну ладно… Соловья баснями не кормят, так что давайте, как говорится, переходить к мясным блюдам…

Эти слова заставили кроликов вздрогнуть, в то время как остальные лесные жители в смущении таращились на норок.

— Что такое УЛП? — спросила в конце концов Рака.

— Наше УЛП, — бойко проговорил М-Первый, — это Уникальное Лесное Предложение, то есть такая вещь, которая имеется в нашем лесу, которой нет у конкурентов и которая, таким образом, делает лес выдающимся — не таким, как все остальные старые лесонасаждения. — Он довольно улыбнулся. — Нам необходимо добиться, чтобы наше Предложение было единственным в своем роде, достаточно привлекательным и даже — не побоюсь этого слова — лучезарным!

Он ткнул лапой в воздух, как бы подчеркивая этим все значение сказанного.

— Вот именно — лучезарным! — подхватил М-Вто-рой.— Это должно быть что-то такое, что лучилось бы радостью, взрывалось жизнью; это должно быть что-то прекрасное, удивительное, небывалое! Что-то незабываемое и соблазнительное, перед чем невозможно устоять!

Лесные жители слегка оживились.

— Может быть, подойдет прелесть сменяющихся времен года? — робко предложила лесная мышь.

— Неплохо! Еще предложения?

— Чередование света и тени, отбрасываемой бегущими по небу облаками? — пискнула дрожащая от страха полевка.

— Хорошо! Еще?

— Зарево близкого рассвета! — ухнул Филин со своей ветки. Он тоже хотел внести свой вклад.

— Золотые краски осени! — прочирикал зяблик.

— Гигантские деревья в их безмолвном величии,— предложила сорока.

Потом ответы посыпались как град.

— Покой тенистых полян…

— Стремительный взлет жаворонка…

— Узоры, оставленные плугом на осенних полях, — каркнула Рака, не желая оставаться в стороне.

Крики постепенно смолкли, когда норки раздраженно загукали. Стоило им только выпустить из лап инициативу, как эти лесные идиоты сразу же свернули куда-то не туда.

— Все это скучно и обыкновенно, — заявили они. — Люди видели эти вещи, наверное, сто раз!

— Мы видели это тысячу раз, однако нам это не кажется ни обыкновенным, ни скучным. Это прекрасно и удивительно! — сердито закричали лесные жители, но их энтузиазм пропал втуне.

— С точки зрения норкетинга,— строго сообщил им М-Первый, — все это не имеет никакого значения.

Он печально посмотрел на собравшихся и наткнулся на их беспомощные взгляды.

— Может быть, попробовать настоящий, массированный мозговой штурм? — предложил М-Второй.

Его брат только закатил глаза, но возражать не стал.

— Дело в том, — пояснил М-Второй, — что люди обладают редкой неспособностью концентрироваться на чем-нибудь одном. Чтобы завладеть их вниманием на сколько-нибудь продолжительный срок, их интерес необходимо постоянно подогревать. Из этого следует, что наше УЛП должно быть не только новым, еще невиданным, но и, как уже

говорилось выше, лучезарным, живым, постоянно меняющимся. В противном случае нам вряд ли удастся заинтересовать потребителя в достаточной степени. Увы, самая главная трудность состоит в том, что, создавая норкетинговую модель леса, мы не заметили в нем ничего примечательного. Мы, однако, составили список интересующих нас пунктов на случай, если что-то избегло нашего внимания. Скажите, нет ли среди вас камышовых жаб?

— Нет, только обычные, — проквакали из толпы.

— Водятся ли в вашем лесу красные белки?

— Только серые, — пискнул кто-то. — Мы прогнали этих рыжих нахалок лет десять назад.

— Есть ли здесь черные коршуны?

— Конечно нет,— отозвались канюки.

— А дрофы есть?

— Нет.

— Может быть, кедровки?

— Нет.

— А сибирские клесты?

— Что вы себе позволяете! — возмутились канюки, которым послышалось «глисты».

— Короткопалые жаворонки? Краснохвостые ласточки? Голубощекие осоеды? Еловые овсянки?

Дальше в списке были такие названия, которых никто никогда не слышал.

— Кто же здесь живет? — в отчаянии выкрикнул М-Первый.

— .Полки полевок! — раздался пронзительный крик.

— Дивизии землероек! — донесся еще более громкий клич.

— Тысячи червей!

— Вереницы гусениц!

— Миллионы мотыльков!

— Миллиарды пчел!

— Армады муравьев!

— Эскадроны кузнечиков!

— Эскадрильи скворцов!

— Тучи завирушек!

— Армии синиц!

— Все это не годится! — завопил М-Первый, перекрывая многоголосый гомон. — Этого добра везде навалом! Разве могут быть синицы нашими УЛП? Или завирушки?

Филин, которому уже начинало казаться, что нор-кетинг — это худшая разновидность собраний Сопричастных Попечителей, немедленно вмешался — отчасти для того, чтобы восстановить порядок, но главным образом, чтобы внести свое предложение, которым он, по собственному убеждению, имел все основания гордиться.

— Жители леса! — гулко проухал он, мгновенно заставив замолчать самых отъявленных скандалистов. — Мы с вами всегда считали себя обычными существами, живущими в самом обыкновенном лесу. Неужели в этом есть что-то постыдное?

— Ничего! — раздался в ответ единодушный вопль. — Мы счастливы быть самими собой.

Филин повернулся к норкам с победоносной улыбкой.

— Почему бы не считать главным достоинством леса тот факт, что он нормален во всех отношениях? — предложил он.

На мгновение М-Первый и М-Второй даже поверили, будто эта важная птица умнее их. То, что сказал Филин, ни разу не пришло им в голову. Нормальные, неиспорченные леса встречались все реже и реже, и это существенно повышало их рыночную ценность. Таким образом, заурядность тоже могла быть фактором, определяющим уникальность Предложения. С точки зрения норкетинга это, безусловно, был прорыв!

Однако их волнение быстро улеглось. Может быть, в лесу, на фоне всеобщей серости и тупости, Филин действительно выделяется своей мудростью, решили они, но эта блестящая идея, скорее всего, пришла ему в голову чисто случайно. Разумеется, в некоторые моменты они тоже склонны были доверять инстинктивным озарениям, однако норкетинг был в первую очередь наукой, а преуспеть в науке можно было, только неуклонно следуя ее строгим законам и правилам.

— Ни у кого из них нет ни одной стоящей идеи, — шепнул Первый брату. — Пожалуй, стоит объявить перерыв.

Оставив Филина присматривать за тем, чтобы «деревяшки» не разбежались, норки удалились в кусты.

— Тяжелехонько будет их раскачать, — вздохнул М-Первый, вытирая лапкой пот.

— Да, — согласился его брат. — Но мы ведь с самого начала знали, что это будет нелегко.

— Да, знали. Просто, глядя на них, порой не верю своим глазам. Взять хотя бы этих жукоглазых, остроносых… как их там? Забыл!

— А жабы? Те, что постоянно рыгают где-то в задних рядах? Омерзительно!

Они синхронно затрясли головами, удивляясь тому, какие странные создания иногда встречаются в дикой природе.

Второй, который всегда считался более спокойным из братьев, уже давно заметил, что глаз Первого начал подергиваться, — верный признак стрессового состояния. Эффективный норкетинг был слишком тонким искусством и требовал полной самоотдачи и величайшего напряжения сил. Даже в идеальной ситуа-

ции обеим сторонам приходилось проникать все глубже и глубже в подсознание и психологию друг друга, чтобы в конце концов спровоцировать озарение. Если же клиент оказывался безнадежен, весь проект подвергался опасности.

— Во всем этом дурацком лесу нет ничего стоящего, — мрачно заметил Первый, меланхолично жуя жука-щитоносца, который неосторожно подполз к нему слишком близко. — Другого выхода нет, братец, УЛП придется импортировать.

— Ты прав, — вздохнул Второй. — Ну что, пойдем объявим им новости?

Кувшинка возмущенно фыркнула и вскочила на ноги.

— Вы хотите сказать, что мы должны найти какое-нибудь постороннее существо, привести его в наш лес, а потом притвориться, как будто оно всегда здесь жило? — спросила она озадаченно.

— Вы совершенно правильно ухватили основную мысль, — любезно отозвался М-Первый. — Как я только что объяснил, все вы слишком заурядны, чтобы представлять собой какую-то ценность.

— Но это же будет попросту нечестно! — воскликнула крольчиха.

М-Первый возвел очи горе. Сейчас эта дура с жирной задницей заведет речь про свое хреновое Лесное Уложение, за которым, несомненно, воспоследует пространная ссылка на проклятый Билль о Правах.

Он не ошибся.

— Известно вам это или нет, — развивала свою мысль Кувшинка, — но все мы являемся приверженцами принципа равенства. Это означает, что каждое существо ни в чем не уступает другому. Если мы пригласим в наш лес кого-то, кого мы сами же назовем «лучшим» и «особенным», это будет нарушением нашего основополагающего принципа. Мы настаиваем, чтобы наше обращение к людям было исключительно правдивым.

Правый глаз Первого задергался так, что это, наверное, было видно всем.

— Ах вы хотите правды?! — заорал он. — Тогда почему бы вам, таким честным и правдивым, не сказать людям, что все вы — просто кучка самовлюбленных трепачей, которых хоть завтра можно уничтожить всех до единого, и никто от этого не пострадает? Больше того, никто этого просто-напросто не заметит! Ни для кого, за исключением разве вас самих, нет никакой разницы, существуете вы или нет; клянусь моим хвостом, это тоже чистая правда! Всех вас, вплоть до последнего жучка, не жалко выловить, отравить ядом, уничтожить, потому что таких, как вы, — миллионы и миллионы, и все — одинаково скучны и непримечательны. Вот вам правда, подавитесь!

Теперь уже не только Кувшинка, но и остальные лесные жители едва не взвыли от огорчения. Как они ошибались, думая, будто норки не такие уж плохие! Теперь, когда М-Первый и М-Второй сбросили личину вежливости и благожелательности, открылся их подлинный характер, скрывавшийся за масляными улыбочками и шуточками.

М-Второй тоже был потрясен. Какого бы невысокого мнения ты ни был о клиенте, этого ни в коем случае нельзя было показывать, чтобы не разрушить взаимное доверие, на котором строилась наука норкетинга.

— Уходим! — шепнул он брату.

— На сегодня все, друзья! — громко объявил он и, обхватив Первого за талию, быстро потащил его прочь с поляны.

У Первого подергивались уже оба глаза.

— Резюмирую, братишка. Кратенько…— хихикнул он. — Наше дело — швах!

Глава 53. КЛЮВАСТАЯ БЕРТА

Утром следующего дня М-Первый открыл собрание, будучи настроен самым решительным образом. Незадолго до начала Филин объяснил ему, что волноваться совершенно незачем.

«Все жители леса кровно заинтересованы в проекте и готовы вам помогать,— сказал он.— Просто они не совсем хорошо понимают, чего вы от них хотите. Кроме того, — добавил Филин, обводя крылом поляну, которая все еще была усыпана многочисленными трупиками насекомых, — у многих лесных жителей не так много мозгов, чтобы их можно было использовать для штурма чего бы то ни было. Вчерашнего оказалось для них более чем достаточно; они просто перегрелись и… скончались. Я уверен, что сегодня дело пойдет на лад, — присовокупил Филин после минутного молчания, решив, что толика лести нисколько не повредит. — Да еще под руководством таких выдающихся гениев норкетинга, как вы двое».

Да, они действительно были гениальными творческими натурами, с торжеством подумал М-Первый, устанавливая на Малой поляне большой кусок коры, закрытый пока занавеской из листьев платана. Выдержав хорошо рассчитанную паузу и убедившись, что ему удалось завладеть вниманием аудитории, он драматическим движением отдернул занавеску.

На куске коры было нарисовано человеческое лицо. Не обычное лицо, а искаженное каким-то сильным, всепобеждающим чувством. Разглядывая это чудовище, лесные жители дружно ахнули. У человека был совершенно безумный вид, который придавали ему выпученные глаза на толстых стеблях — такие большие, что лягушки и жабы недоверчиво заквакали в траве.

— Это — совершенно уникальный вид человеческих существ, известный под названием «щелкуны» из-за звуков, которые они производят,— пояснил М-Первый, весьма довольный эффектом. — Таких людей еще называют «зелеными», но, поскольку цвет их кожи, как правило, совершенно нормален, мы, пожалуй, откажемся от этого неофициального наименования, которое не является корректным с научной точки зрения.

Так вот, в силу некоторых дефектов умственного развития, щелкуны развили в себе маниакальную страсть к птицам, которых они любят наблюдать. Но, уважаемые леди, джентльмены и гермафродиты, щелкунов интересуют не

всякие птицы. Им нужны особенные птицы — редкие и желательно яркие. Годятся все виды пернатых, которые находятся на грани вымирания, но редкость является определяющим фактором. Так что давайте поднапряжем наши бедные головки и подумаем хорошенько, что у нас есть в этом смысле.

— Голубой Боб,— немедленно крикнул какой-то щегол.

— Да, да, Голубой Боб, — прокричали остальные существа.

Птицу, которую они сами же назвали этим странным именем, никто из них никогда прежде не видел, пока одним ясным летним днем она вдруг не появилась в лесу. Всеобщее внимание она привлекла благодаря светло-голубому оперению. Пришелец был мал, но толст. Судя по всему, он сбился с пути и заблудился. Никто не знал, откуда Голубой Боб был родом и какие у него планы, а расспросить его никто не успел. Несколько дней кряду он только и делал, что траурно чирикал — никто так и не понял о чем, — худел на глазах и в конце концов свалился с ветки и сломал себе шею.

— Что такое голубой боб? — осведомился М-Вто-рой, искренне озадаченный.

Несколько лесных воробьев присоединились к щеглу, стараясь описать неизвестную птицу как можно подробнее. Второй долго слушал, разинув рот, пока наконец догадка не осенила его.

— Да это же волнистый попугайчик! — гаркнул он. — Люди все о них знают, так что никакая это не редкость!

— Зато это редкость для нас! — хором ответили лесные жители. — Мы никогда не видели попугайчиков — ни до, ни после.

Оба брата заскрежетали зубами от ярости — железная логика «деревяшек» их уже достала.

— Спокойнее! — воскликнул Второй, заметив, что у Первого снова задергался глаз. Теперь он попробовал обратиться к «деревяшкам» так, словно они были детьми. — Это все замечательно, — просюсюкал он, —

но мы с вами сейчас придумаем кое-что получше. Попугайчики ведь глупенькие! Давайте найдем умненькую птичку, ладно? Ну, кто знает редкую, красивенькую, умненькую птичку?

— Беркут! — крикнул один их канюков. Канюки так гордились своим предложением, что один

из них. даже добавил, ловко подделываясь под «норке-тинговый» лексикон:

— Мы уверены, что зрительно-декоративный потенциал беркутов, который вы называете лучезарностью, очень высок, что как нельзя лучше соответствует нашим задачам.

Ко всеобщему удивлению, М-Первого и М-Второго неожиданно поразил приступ какого-то подозрительного кашля. На самом деле причина была довольно проста. Если даже канюки были слишком крупными и свирепыми, чтобы оказаться в списке охотничьих предпочтений норок, то появление огромного крылатого убийцы, способного запросто схватить в когти — страшно подумать! — целую норку и подняться с ней в воздух, определенно положило бы конец их безраздельному господству в лесу. Нет, Мега их за это не похвалит!

М-Второй опомнился первым.

— Очень хорошее предложение! — воскликнул он. — Канюки заслуживают вашей похвалы!..

Раздались громкие аплодисменты. Наконец Второй поднял лапку, призывая собрание к тишине.

— Боюсь, однако, что тут возникает одна проблема, которую они проглядели, — сказал он. — Ну, кто может сказать мне, в чем тут закавыка?

Лесные жители озадаченно переглянулись.

— Беркут, — объяснил Второй, — бесспорно, великолепная кандидатура, отвечающая многим нашим требованиям, но как, скажите на милость, нам привлечь одного из них в наш лес? Или чем?

Канюки уставились на него злобными желтыми глазами. Они действительно не подумали об этой проблеме. Беркуты, как им было хорошо известно, отличались не только свирепостью, но и дурным нравом, так что если сами канюки едва ли могли считаться душой общества, то беркуты были склонны к общению в еще меньшей степени. Они селились на вершинах недоступных скал и старались держаться от людей как можно дальше. Трудно было предположить, что кто-нибудь из этих гордых птиц добровольно согласится оставить суровые горные кручи и переселиться в какой-то жалкий лес на равнине без достаточно сильного стимула.

Пристыженные канюки замолчали, и Отдел норке-тинга продолжил охоту за неуловимым УЛП.

Собрание шло своим чередом, когда самка черного дрозда, по имени Берта, неожиданно вспомнила, что рассказывала ей подруга из соседней долины. Как это она не подумала об этом раньше? Вот и доверяй себе после этого, с такой-то рассеянностью!

По словам подруги, сказочное существо посетило их долину предыдущим летом. Это была птица небывалой, блистательной красоты, и к тому же — самец. Его оперение было таким ярким, что, когда подруга Берты впервые увидела, как он гордо и величественно вышагивает по траве, она решила, будто все это ей привиделось, и опомнилась только тогда, когда незнакомец увлек ее за куст и принялся исступленно топтать. И, вне себя от восторга, она уступила ему.

Альфонс — этот летучий Адонис — оставался в долине достаточно долгое время, чтобы успеть обслужить большую часть ее женского населения. В конце концов он все же отбыл на родину, пригласив всех своих подруг прилетать в гости на уик-энд, но для большинства это был слишком далекий путь, так что, несмотря на любовный восторг, зажженный

Альфонсом во множестве пернатых грудей, никто так и не решился на это отчаянное путешествие.

«Нам всем, старым курицам, надо было бы собраться и слетать к нему,— резюмировала безутешная подруга, смахивая с глаз выступившие слезы. — Из этого вышло бы незабываемое приключение! Я никогда еще не встречала самца, который был бы так хорош в кустах!»

Берта тайком прокралась за куст боярышника и взлетела, оставив собрание на поляне. Ей нужно было срочно перекинуться с подругой парой слов…

Берте повезло: подруга не только подтвердила все сказанное, но и сообщила, куда надо лететь, чтобы отыскать Альфонса, который, как выяснилось, принадлежал к породе редких золотых иволг.

«Попробуй, может, тебе повезет,— напутствовала Берту подруга.— Как бы я хотела улететь с тобой…»

С этим Берта и вернулась на Малую поляну. Протолкавшись вперед, она стала ждать, пока шум немного уляжется.

Судя по их взъерошенный шерсти, норки уже дошли до точки и находились на грани нервного срыва. Пока Второй вытирал листочком влажную от испарины шерсть на лбу, его брат не оставил камня на камне от последнего дурацкого предложения, сделанного завирушкой.

— Ну на кой ляд нам сдалась эта серая мухоловка?! — орал он. — Она же се-ра-я, неужели непонятно?! Да за одну завирушку дают десяток мухоловок — настолько это заурядная и глупая птица! Вы хоть сами на себя посмотрите! Вас, завирушек, здесь сотня, если не больше, но никто не может предложить ничего такого, о чем бы стоило говорить! Вы бесполезны, бесполезны, бесполезны!!!

Последние слова он прокричал, крепко зажмурившись и притоптывая по земле задней лапой. Завирушка с несчастным видом спрятала голову под крыло, а ее подруги тактично отвернулись.

— Если никто из вас не предложит ничего толкового, мы просидим здесь до рассвета! — пригрозил Первый, с укором глядя на Филина.

Филин уже перебрал в уме всех своих близких и дальних родственников, пока наконец не остановился на полярной сове. С точки зрения редкости они, несомненно, намного опережали серых мухоловок и были довольно красивы, однако, после того как норки презри-

тельно отклонили предложение канюков, Филин решил не рисковать своей репутацией и не *соваться,* тем более что не знал толком, где этих полярных сов искать. Это был тот самый момент, которого дожидалась Берта.

— Мне кажется, я жнаю, что вам нужно, — прошепелявила она. — Ешть такая порода птиц, которая на-жывается жолотая иволга. И я слушайно жнаю, где живет одна такая… Его зовут Альфонш!

В толпе раздались смешки. Клювастая Берта была, пожалуй, последним существом, от которого лесные жители ожидали сколько-нибудь ценного предложения. Скорей уж горлица выступит с какой-нибудь романтической чепухой, но уж никак не эта неряшливая самка черного дрозда с ее кривым клювом, давно не чищенными тусклыми перьями и невнятной речью!

М-Первый, казалось, тоже был не очень уверен в том, что это стоящая идея, но потом подумал, что если золотые иволги в самом деле так красивы, то попытаться стоило. Между тем дрозды-самцы начали вслух высказывать свои сомнения.

— Как ты убедишь его вернуться? — хрипло кричали они. — Споешь для него?

— У меня ешть швой шпошоб! — таинственно улыбнулась Берта, чем вызвала среди сородичей-самцов настоящий взрыв веселья.

Норки тоже заметили, как дрозды переглядываются и, подмигивая друг другу, открывают и закрывают свои желтые клювы. «Что бы это значило?» — нахмурились братья, чувствуя, что шутка, которой они не понимали, умаляет их достоинство и подрывает авторитет.

Но предложение Берты получило мощную поддержку, причем с самой неожиданной стороны. В дни расцвета Общества Сопричастных Попечителей самки дроздов регулярно протестовали против диктата самцов и неограниченного мужского шовинизма, и теперь старые противоречия снова всплыли на поверхность. Кроме того, Попечители всегда считали, что Берта, с ее врожденной шепелявостью, и так обижена судьбой и потому заслуживает особой поддержки с их стороны.

— Почему это Берта не может предложить ничего ценного?! — возмутились самки. — Как это характерно для ограниченного мужского ума — сбрасывать со счетов все, что бы мы ни предлагали! Уж не боитесь, ли вы, что Альфонс затмит вас золотом своего оперения и станет желанным гостем в каждом гнезде?!

М-Первый и М-Второй прислушивались к разгорающемуся скандалу с отчаянием во взорах. Все, кто поддерживал эту странную черную птицу, в основном хотели утереть клюв мужской половине сообщества дроздов. Суть проблемы и достоинства упомянутого Альфонса интересовали их лишь постольку-поскольку. Тем не менее у обоих братьев появилось ощущение, что в предложении Берты что-то есть. Даже если ей не по силам самой отправиться за этой золотой иволгой, она по крайней мере знает, где ее искать. Одновременно М-Первый и М-Второй чувствовали, что их изыскания зашли в тупик, и оба были близки к отчаянию. Если им не удастся отыскать подходящий товар для своего Уникального Предложения, то на Плато их ожидает серьезная трепка.

— Почему бы нет?..— шепнул М-Второй.

— Потому что она полная дура, — также шепотом ответил Первый, когда в их обмен мнениями неожиданно вмешалась Рака.

— Я полечу с Бертой за Альфонсом! — каркнула она громко.

Это решило дело, особенно после того, как Филин и другие уравновешенные самцы поддержали Берту. И хотя несколько дроздов все-таки сочли нужным воздержаться,

решение было принято почти единогласно. Против проголосовали только канюки, все еще мечтавшие о появлении в лесу грозного беркута.

Возвращаясь на Плато, М-Первый и М-Второй утешали друг друга тем, что им по крайней мере есть о чем доложить Вождю. Раку и Берту они отправили на поиски Альфонса немедленно, не дожидаясь, пока Мега одобрит их план. Теперь на протяжении некоторого времени им предстояло нервно грызть когти и ворочаться без сна, ожидая возвращения делегации. Впрочем,

они не собирались сидеть сложа лапы. Они уже решили, что, если «деревяшки» по чистой случайности предложат что-нибудь лучшее, от услуг золотой иволги всегда можно будет отказаться.

— Все-таки шансов на успех прискорбно мало, — пожаловался Первый, прижимая лапой продолжавший дергаться глаз.

— Ну, сказать наверняка никогда нельзя, вдруг что-нибудь еще подвернется! — подбодрил его брат и рассмеялся деланным смехом, который, однако, не в силах был скрыть его тревоги.

Берта, на взгляд Раки, оказалась именно такой, как ее охарактеризовали участники собрания: тупой, ограниченной и совершенно безмозглой птицей.

— Развеш?!. — то и дело восклицала она, пока они летели вдоль бесконечной колонны блестящих грохота-лок, двигающихся по большому шоссе. — Развеш это не чудешно летать так вышоко?! Взгляни на это, Рака! Развеш это не удивительно?

Рака была вынуждена признать, что это действительно удивительно, как и многое из того, что они уже увидели. Раньше ей казалось, что полеты с родной стаей, которая в поисках пищи неустанно обшаривала ближние и дальние поля, подготовили ее к восприятию самых невероятных вещей, однако теперь она понимала, что глубоко заблуждалась. Похоже, люди сумели превратить большой мир в огромный муравейник, в котором ни на минуту не прекращалась какая-то непонятная суета. Куда бы Рака ни посмотрела, повсюду ее взгляд натыкался либо на самих людей, либо на их постройки и грохоталки. От поднимаемого ими шума не было спасения даже на большой высоте, и в результате у Раки сильнейшим образом разболелась голова.

Другое дело — Берта. Эта старая кошелка была просто в восторге. Еще бы, ведь она вырвалась из ограниченного мира Старого Леса, освободилась от его замшелых традиций и установлений, избавилась от постоянных насмешек самцов и угнетающей рассудок скуки

птичьих собраний, на которых самки делились сплетнями месячной давности, и летела теперь навстречу головокружительным приключениям.

— Развеш это не чудешно?! — радостно восклицала она. — Развеш это не замечательно? Развеш такое увидишь в нашем лешу? У меня прошто нет шлов!

— Заткнись ты, наконец! — прикрикнула на нее Рака, но все было бесполезно. Берта жила в своем собственном мире.

Несмотря на ее надоедливые н откровенно глупые восторги, первый день путешествия был на редкость успешным, и путешественницы достигли Большой Воды, которую Альфонс считал самым большим препятствием. Обе летели довольно высоко и могли разглядеть землю по другую сторону, но Рака решила на всякий случай остановиться на ночлег, а завтра утром, со свежими силами, лететь дальше. Ни разу в жизни она еще не залетала так далеко, и с непривычки ее усталые крылья ныли и болели так, словно вот-вот отвалятся.

Прежде чем устроиться на ночь на ветвях гигантского платана, обе напились из ручья и только потом вспорхнули в свое укрытие. Рака забилась в развилку ствола, Берта решила заночевать на суку чуть ниже.

Темнота сгущалась, Берта продолжала без умолку болтать, только ее «Развеш?!.» сменились не менее эмоциональными «А помнишь?..». Рака отделывалась односложными ответами, а сама думала о своем. Теперь она понимала, что вызвалась лететь на поиски золотой иволги, не подумав, поддавшись настроению минуты и позволив увлечь себя дурацкому благородному порыву. Что же, недоумевала Рака, заставило ее поверить, будто такая общипанная ворона, как Берта, способна увлечь своей персоной какое-либо существо — в особенности столь прекрасное, каким, по ее утверждениям, был этот легендарный Альфонс? Да он же просто расхохочется им в лицо! Что еще хуже, Берта наверняка надоест кому угодно через минуту после начала разговора. Что тогда делать ей, Раке? Хватать золотого красавца за загривок и силком тащить с лес?

В отчаянии Рака огляделась. Ночь стояла темная, безлунная, и она невольно подумала, что для такой драгоценности, как Берта, непроглядный ночной мрак — оправа вполне подходящая. «Ладно, — подумала Рака, — если будет совсем плохо, придется прикрыть ей голову листиком. Пока же необходимо потихоньку выведать, что у этой идиотки на уме».

— Ты, наверное, ждешь не дождешься, когда вы встретитесь, верно? — перебила она восторженное бормотание Берты.

— Развеш это не прекрашно? — послышался снизу приветливый голосок.

Рака высунула голову из своего укрытия и поглядела вниз, но даже в темноте Берта оставалась все такой же: тусклой, неряшливой, безнадежно провинциальной.

— Ты только не обижайся, Берта, — продолжала Рака, решив, что сгустившаяся ночь способствует доверительной, откровенной беседе. — Я вовсе не хочу сказать, что ты некрасива или непривлекательна как женщина. Просто мне очень хочется знать, *как* ты убедишь своего Альфонса полететь с нами? У тебя есть какой-нибудь план?

— Я шобираюсь шоблазнить его, — хихикнула внизу Берта.

Рака почувствовала, что ее терпению вот-вот придет конец.

— Не смеши меня! — воскликнула она. — Ты только посмотри на себя: ты же не птица, а мешок старых перьев! У Альфонса и без тебя есть из кого выбирать. Что в тебе такого особенного? Почему ты уверена, что он бросит свой гарем и последует за тобой неизвестно куда? Как ты собираешься его соблазнить?

Она снова взглянула вниз, и ей показалось, что Берта улыбается в темноте.

— Разве ты не в курше, Рака? — раздался с ветки платана голосок Берты, в котором звучала непоколебимая уверенность. — А клюв на што? Я лучше всех в лешу умею работать клювом.

Рака была потрясена. «Так вот в чем тут дело, — подумала она. — В изогнутом клюве Берты!»

Глава 54. roi du bois

На следующее утро Рака проснулась в смущении. Непривычная обстановка и отсутствие удобного гнезда помешали ей выспаться как следует, к тому же воздух, которым она дышала, был необычайно соленым, и к рассвету Рака почувствовала сильную жажду. Близкая Большая Вода беспокоила ее своим довольно громким шумом, похожим на тот, который производит ураган, несущийся сквозь лес и раскачивающий кроны деревьев, хотя никакого ветра она не ощущала. Не давали ей уснуть и мысли о том, о чем вчера упомянула Берта. Живя в шумном и беспокойном Грачевнике, Рака старалась избегать обычных для самок развлечений, состоявших главным образом из постоянного группового секса и обмена партнерами. Подобная неразборчивость в связях казалась Раке извращенной. Не то чтобы она была вовсе против секса, нет, просто она предпочитала традиционные его формы.

Когда они полетели через Большую Воду, открывшаяся им картина привлекла все внимание Берты, да и Рака тоже не могла оторвать глаз от этой огромной, постоянно волнующейся равнины.

Но даже здесь они замечали следы человеческой деятельности. Внизу, прямо под ними, медленно плыли огромные коробки, оставлявшие на серовато-синей гладкой поверхности морщинистые усы волн с белыми пенистыми барашками. «Есть ли где-нибудь в мире такая поверхность, на которой люди не оставили бы своих следов?!»— с ужасом подумала Рака.

Берта, похоже, нисколько не задумывалась о таких серьезных вещах, так как до Раки то и дело долетали ее восторженные восклицания.

— Развеш это не ждорово? — кричала она, снова затянув свою излюбленную песню. — Погляди на эту штуку, Рака! Развеш это не колошально?

Оставленные Альфонсом указания, да еще полученные через подругу Берты, были весьма расплывчатыми, но, к счастью, те места были хорошо известны стрижам. Они подробно рассказали, в какую сторону необходимо лететь, и заодно немного успокоили Раку, сообщив, что однажды они тоже видели золотую иволгу. По их словам, эти птицы действительно выглядели потрясающе.

Как только Большая Вода осталась позади, Рака тотчас начала ориентироваться по шоссе и большим человеческим поселкам, разыскивая один, поистине чудовищный по размерам, о котором Альфонс сказал, что пропустить его просто невозможно.

— Развеш это не ждорово? Какой ишполинский по-шелок! — выкрикнула Берта, пока они, задыхаясь от заполнившего воздух едкого дыма, летели над ним. Рака только недоумевала — как могут люди жить в такой тесноте? На ее взгляд, их было здесь гораздо

больше, чем грачей в Грачевнике, так что им, наверное, приходилось сидеть друг у друга на головах.

Сразу после того, как они пересекли Большую Воду, Рака выбрала самое большое шоссе и полетела вдоль него в том направлении, где в полдень останавливается солнце. Что они будут делать, когда долетят до места, Рака не знала. Не хотелось ей и полагаться на сомнительное во всех отношениях искусство обольщения, которого Берте, похоже, было вполне достаточно, чтобы ни о чем не волноваться. «Спасибо,— думала Рака,— что хотя бы не мне».

Рака поняла, что они почти у цели, как только завидела вдали изогнутый в форме серпа лес. Все остальные наземные приметы тоже указывали, что это именно их пункт назначения. Единственное, чего не знали ни Берта, ни Рака, это как им найти в лесу самого Альфонса.

«Просто спроси Альфонса, — сказал он Бертиной подруге при прощании.— Там меня все знают».

Путешественницы выбрали себе место для отдыха в развесистой кроне большого бука. Не успели они прийти в себя, как на ближайшую веточку опустилась крошечная пичуга, похожая на завирушку.

— Привет,— сказала Рака.— Мы — друзья Альфонса, прилетели к нему из-за Большой Воды.

Пичуга нервно покосилась в их сторону и упорхнула. Она не сказала ни слова в ответ, и Раке оставалось только гадать, поняли их или нет. Впрочем, они так устали, что им было все равно. Поудобнее устроившись в ветвях, обе посланницы задремали.

Разбудил их негромкий шорох крыльев, и на поляну вылетел тот, кого они искали. Поначалу Рака разочарованно подумала, что Альфонс ничего особенного из себя не представляет, но тут лучи полуденного солнца упали на его перья, и обе путешественницы ахнули. Альфонс был действительно великолепен! Подруга Берты нисколько не преувеличила: золотая иволга на солнечной поляне на самом деле напоминала скорее видение, чем создание из плоти и крови.

По размерам Альфонс был не больше черного дрозда, но на этом сходство и заканчивалось. Оперение его отличалось невиданной красотой: головка, хвост и концы крыльев были черные, а все остальное тело переливалось всеми оттенками желтого — от ярко-лимонного до оранжево-золотого. Раке вспомнилось удивительное растение с непривычным запахом, которое люди сажали в своих полях и которое придавало пчелиному меду такой изысканный вкус. А может, его оперение больше походило цветом на кукурузу, когда она только-только начинает поспевать? Или то была желтизна лютиков и купальниц на Долгом поле?.. Рака была готова перечислять без конца. Что и говорить, она была поражена и восхищена.

Бросив же взгляд на Берту, Рака встревожилась — вдруг ее клювастая подруга отдаст концы, но потом поняла, что Берта просто потеряла голову! И это не было игрой — она была покорена сразу и окончательно.

Когда ему сообщили о паре птиц, прилетевших повидать его откуда-то издалека, Альфонс сначала впал в панику. После чудесного возвращения из-за Большой

Рака представила себя и Берту и объяснила, откуда они прибыли, но это нисколько не облегчило Альфонсу задачу.

— Ты должен помнить мою подругу, — настаивала *merlette* по имени Берта.— Она такая крашивенькая!

На самом деле он не припоминал ни Берту, ни ее подругу. Для него это был всего лишь еще один лес, еще одна мимолетная связь, еще одна подруга на час.

Берта игриво зашаркала лапкой по траве.

— Для нашала, Альфонш, я долшна шкажать тебе, што вше твои штарые дружья ждут не дождутша,

1 Meriette *(франц.)* — самка дрозда, дроздиха.

*2*Corbeau *(франц.)* — ворона.

*3*Ah, oui *(франц.)* — ах, да.

*4*Мои petit chou *(франц.)* — душенька.

5 Bois *(франц.)* — лес.

когда ты вернешша к ним, — лукаво ответила она. — Пожалуйшта, возвращайша шкорее, они тебя ждут. — Она хитро улыбнулась. — Ошень жаль, што ты, Аль-фонш, так и не побывал у наш в Штаром Лешу. У меня ешть одна ошобенная штучка, и я хотела покажать ее тебе…

Наклонив головку, Берта дважды провела клювом по траве, и Альфонс задышал чаще.

— *Speciale?1* — уточнил он и приподнялся на выпрямленных ногах, одновременно наклоняя голову вперед, чтобы коснуться клювом ее клюва. При этом хвосты обоих синхронно задвигались вверх и вниз и из стороны в сторону.

— Ты мне расскажешь, душечка?

— Ешли бы мы могли где-нибудь уединитьша, я бы не рашшкажала, а покажала ее тебе.

Рака терпеть не могла подглядывать за интимными сценами. В любом случае последним, что ей хотелось бы видеть, было происходившее за ближайшим кустом, куда Берта повлекла распаленного петушка, однако она не могла не слышать доносящихся из листвы громких сладострастных стонов. Рака как раз подумала, что еще никогда не оказывалась в такой двусмысленной ситуации и что все это становится, в конце концов, неприличным, когда стоны и пыхтение участились, завершившись высоким воплем восторга, в котором голоса Берты и Альфонса слились воедино. Последовавшая за сим долгая пауза была нарушена громким треском, и из кустов, ломая ветки и пошатываясь, вывалился совершенно очумелый Альфонс.

Как он выглядел! Его яркие желтые перья были в полном беспорядке и торчали в разные стороны, а клюв был раззявлен в блаженной улыбке. Следом за ним, на ходу поправляя перышки и изображая святую невинность, из куста выпорхнула Берта.

— О-ля-ля! — воскликнул Альфонс и с размаху сел в траву. Лучи солнца снова упали на него, и оперение Альфонса вспыхнуло золотом.

Speciale *(франц.)* — особенная.

— О-ля-ля!..— потрясенно повторил он. Возможно, он действительно мог похвастать богатым опытом в любовных похождениях, но никогда у него не было такой партнерши, как Берта. Она была превыше всяких похвал. *Magnifique!1*

Нетвердо ступая по траве и трепеща в воздухе полуприподнятыми крыльями, он пронесся мимо Раки, едва заметив ее. Зато Берта задержалась рядом и заговорщически прищелкнула своим изогнутым клювом. Вместе они наблюдали вихляющую прискочку своей потенциальной жертвы, и Рака вынуждена была признать, что, хотя специальность Берты и не из самых почетных, ей, похоже, удалось добиться цели с первого раза.

— Зачем мне лететь ваш *bois,* если здесь есть все, что нужно настоящий мужчина? — возразил Альфонс.

Он вернулся на рассвете, чтобы Берта еще раз обслужила его в кустах. После сеанса настал черед Раки, которая обратилась к восторженному петушку с прямым предложением насчет Старого Леса.

— Мы предлагаем очень выгодное дело! — подчеркнула она. — Там тебя никто никогда не тронет. Ты будешь царем всех птиц! Больше того, я могу гарантировать тебе самые разнообразные удовольствия — стри-жих, голубок, скворчих, даже фазаних, если тебе захочется чего-нибудь особенного. Все, что угодно! Представь себе — ты и самка канюка, вдвоем, в мягкой траве на поляне!..

Альфонс неожиданно встревожился, и Ра*sa поняла, что перестаралась. Она как-то вдруг очень хорошо вообразила себе гневное возмущение самки канюка и ярость ее супруга, бешено щелкающего хищно изогнутым клювом. С другой стороны, они с Филином заранее договорились, что обещать она может все, что угодно. Главное — заманить Альфонса в Старый Лес, а детали сделки можно уточнить потом.

Magnifique! *(франц.)* — Великолепно!

— Короче, весь лес будет принадлежать тебе, старина! — радушно объявила она. — Хочешь поразвле-каться с синицами? Пожалуйста! У нас есть самые разные породы — большие, Черноголовки, длиннохвостые, хохлатые, лазоревки, гаички. А может, что-нибудь особенное — скажем, самочку соловья?

Заметив в глазах Альфонса новый огонь, Рака поспешила закрепить успех.

Сверкнув лимонно-желтой шейкой, Альфонс наклонил голову и поправил перышко на крыле. Не король — император!

Во изменение утвержденного плана Рака решила упомянуть о вторжении людей.

— Ты хотел бы прославиться, Альфонс? — небрежно спросила она и сразу же убедилась, что решение было правильным.

— Я и так знаменит,— бросил Альфонс, раздувая горлышко. — В моем *bois* все и так знают, кто я такой!

— Конечно, конечно, — поспешила успокоить его Рака. — Нет, я имею в виду настоящую славу. У нас ты имеешь возможность стать живой легендой. Тебя будут чтить вечно, и не только в твоем собственном лесу, но и во всей истории лесов.

— Как это? — с подозрением осведомился Альфонс. Рака быстро рассказала, избегая, впрочем, всякого

упоминания о норках, как в лес вторглись люди и как Альфонс был избран единственной птицей, которая способна спасти лес. Пока она говорила, Альфонс с удовольствием вспоминал, как во время путешествия за Большую Воду его внешность восхищала людей. Завидев его жел-

*1*Roi du Bois *(франц.)* — Король Леса.

*2*Empereur *(франц.)* — Император.

тое оперение, они принимались возбужденно показывать вверх, а одна группа преследовала его почти целый день, изрядно при этом напугав. Но они и не пробовали стрелять в него из громких палок, а только глядели на него через какие-то приборы с единственным большим глазом посередине, которые жужжали и щелкали.

Было и еще одно обстоятельство, которое Альфонс не собирался открывать гостьям. В последнее время его все больше и больше беспокоило оперение, которое начинало понемногу седеть, Из-за этого его многочисленные подружки, которых он, бывало, обрабатывал и группами, и поодиночке, все чаще и чаще предпочитали ему, полному сил мужчине в расцвете лет, юнцов, только-только достигших половой зрелости. И Альфонс чувствовал, что недалеко то время, когда какой-нибудь нахальный петушок бросит ему вызов. Может быть, ему даже удастся победить первого претендента, но в конце концов он окажется побежденным. Ему не оставалось ничего иного, кроме*к*ак примириться с этой невеселой перспективой или своевременно покинуть *bois.* Лететь же ему было совершенно некуда, кроме разве что этого Старого Леса, который так кстати ему подвернулся. Там

*1*Cause celebre *(франц.)* — буквально: известная причина. Юридический термин, означающий, что зашита в судебном процессе доказывает не отсутствие преступления, а его обусловленность причинами общего характера.

*2*Etoile *(франц.)* — звезда.

*3*Pas ordinaire *(франц.)* — незаурядно.

он станет императором, и, следовательно, ему уже не будет никакой нужды полагаться на свое убывающее обаяние — а в том, что его неотразимая красота с каждым днем увядает, он убеждался каждый раз, когда глядел на свое отражение в пруду.

Правда, погода за Большой Водой не всегда была хорошей, да и пища — небогатый ассортимент орехов, семян и ягод — оставалась ниже всякой критики, однако Альфонс рассчитывал, что обещанные ему рабыни-завирушки постараются сгладить эти неудобства. Он сможет получать все самое лучшее, не пошевелив и крылом. И разумеется,

долгие часы с Бертой, и не только с ней, но и со многими другими сверх того. То есть эти многие будут не «сверх», а «под», подумал Альфонс, улыбаясь себе и своему остроумию.

Словом, отказаться было гораздо труднее, чем согласиться.

— Воя*1* ,— чирикнул Альфонс, неожиданно решившись. — Может быть, я и прилететь к вам. Но сначала мой должен побывать там…

Он взмахнул своим желтым крылом, подзывая Берту, которая дипломатично дожидалась окончания переговоров вне пределов слышимости.

— Тебе нравиться мой маленькая шутка? — обернулся он к Раке.

Тем временем Берта отвела Альфонса за куст и, наклонив головку, с готовностью принялась за работу.

Когда Альфонс выпорхнул из куста и, бормоча блаженное «О-ля-ля!», уселся на траву, Рака отозвала Берту в сторонку и шепнула:

— Нам пора закругляться.

— Куй, пока клюв не оштыл! — ухмыльнулась Берта.

Рака, потрясенная ее цинизмом, только сверкнула глазами.

Альфонсу пришлось долго прощаться со стаей поклонниц, собравшихся проводить его в дальний путь. В своей речи он рассказал им почти все о своей великой миссии

*1*Bon *(франц.)* — хорошо.

Обратный путь, хотя и прерывался частыми посадками для очередной «особенной штучки», не был омрачен никакими трудностями. Новый дружок Берты настолько завладел ее вниманием, что она даже ни разу не выкрикнула свое знаменитое «Развеш!..», и Рака не могла не заметить, как близко друг к другу летели золотая и черная птица. Они постоянно кружились, кувыркались, менялись местами, и их оперение так играло на солнце, что со стороны могло показаться, будто по небу несется гигантская черно-желтая оса. Рака была уверена, что Берта по брови втрескалась в это самовлюбленное желтое ничтожество. Но был ли Альфонс, посвятивший всю свою жизнь безответственному флирту, способен на такие высокие и светлые чувства? Откровенно говоря, Раке было приятно видеть радость Берты, хотя она и понимала, насколько это увлечение чревато всякого рода осложнениями. Кроме того, у нее было нехорошее предчувствие, что для Берты все это кончится самым печальным образом. Да, она добродушная и приветливая, пусть и не слишком умна*я1*но в любом случае — не пара Альфонсу.

Отогнав эти мрачные мысли, Рака сосредоточилась на том, чтобы благополучно добраться домой, где она могла бы переложить ответственность за Альфонса на плечи Первого и Второго. Пусть они объясняют этому сексуально озабоченному типу, для чего его доставили в Старый Лес на самом деле.

Vieux Bois *(франц.)* — Старый Лес.

Глава 55. НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО…

Берту и Раку встречали на Малой поляне как полагается встречать героев. Пока они отсутствовали, в лесу появилось еще больше людей, а очередная попытка моз-

гового штурма закончилась бурей взаимных обвинений, после чего М-Первый и М-Второй удалились на Плато в самом мрачном настроении и больше не показывались. Таким образом, Альфонс был последней и единственной надеждой Старого Леса.

Филина, который, как обычно, дремал днем, разбудила взволнованная белка. Прежде чем опуститься рядом с Ракой, он специально сделал над поляной круг и убедился, что золотая иволга действительно производит впечатление.

— Хорош, не правда ли, Фил? — гордо спросила Рака. — Впрочем, за отличную работу ты должен благодарить не меня, а Берту.

Рака не решилась посвятить Филина в подробности «работы», в которой преуспела вторая посланница, но не предупредить его она не могла. Подтолкнув его плечом, она указала клювом на Берту, которая сидела на ветке, с обожанием глядя на Альфонса, и шепнула:

— Взгляни на нее, Фил! Она влюбилась в него! «Вот гуано! — подумал Филин. — Только этого нам

и не хватало!»

— Ты должен приветствовать его,— шепнула Рака. — Имей в виду: мне пришлось пообещать ему, что он будет нашим императором Альфонсом Первым. И что все жители леса присягнут ему на верность.

Идея насчет императора пришла Раке в голову под влиянием момента, и теперь она отчаянно волновалась. Филин мог встревожиться, не угрожает ли золотая иволга его влиянию и авторитету. К ее огромному облегчению, Филин только улыбнулся с довольным видом.

— Да я сам готов лизать ему пятки. Лишь бы только от этого был прок, — прошептал он в ответ.

— Он еще ничего не знает о норках, — крикнула ему через плечо Рака, пока они пробирались сквозь толпу.

— Я прослежу, чтобы он подольше о них не узнал, — откликнулся Филин. — Добро пожаловать в Старый Лес, император! — приветствовал он устроившуюся на ветке желтую птичку. — Для нас это большая честь!

— Это Филин, наш старейшина,— пояснила Рака. — Видишь, как я и обещала, он только рад признать тебя императором всея Старого Леса. Он хочет сообщить тебе об одном обстоятельстве, которое…

На поляне произошло смятение. Это М-Первый и М-Второй, разозленные тем, что им ничего не сообщили, прибежали с Плато и теперь прорывались вперед, расталкивая кроликов и мышей. Альфонс бросил на них только один взгляд. В следующее мгновение

он был уже в воздухе, и косые лучи вечернего солнца полыхнули на его оперении червонным золотом. На фоне темно-зеленой листвы это было особенно красиво, и лесные жители дружно ахнули от восхищения. Норки, не удержавшись, присоединились ко всеобщему ликованию. Их раздражение сняло как рукой.

— Какая лучезарная красота! — воскликнул М-Первый.

— Он сияет, словно радуга! — подхватил М-Второй.

— От него невозможно оторвать глаз! — еще громче завопил Первый.

И, обнявшись, братья закружились по поляне в танце, то и дело взвизгивая от радости. Лесные жители ждали возвращения своих посланниц с нетерпением, но по сравнению с тревогой, которую испытывали М-Первый и М-Второй, это было ничто. Мега ясно дал им понять, что его терпение тоже имеет конец и что конец этот близок, так что теперь Отдел норкетинга имел все основания ликовать.

Ко всеобщему веселью не присоединился только один Альфонс. Он сидел на верхушке самого высокого бука и отнюдь не собирался спускаться вниз. Вместо этого он объявил, что отправляется прямо домой.

Берта взлетела к нему, чтобы рассеять тревогу любимого. Как впоследствии заметила Рака, взлетела, «держа в клюве собственное сердце».

*1*Ces animaux *(франц.)* — эти животные.

*2*Us sont *(франц.)* — они суть.

— Альфонш, дорогой! — пыталась утешить его Берта, вне себя от того, как ее любимый напуган и расстроен. — Ждеш вше по-другому! Они на нашей шторо-не! Норки — наши дружья, которые помогают нам шра-жатьша ш людьми.

Но Альфонс не желал утешаться.

Но решающим для него фактором оказалась все-таки Берта. Альфонс уже видел и обещанную ему самку соловья, и многих других курочек, которые откровенно давали понять, что в определенном смысле они вполне доступны для императора, однако это нисколько его не взволновало, так что поначалу он не на шутку испугался. Что, если, подумал Альфонс, пребывание в этой странной стране скверно действует на его либидо? Вот ужас-то!..

Но потом он вспомнил, что в прошлый вояж по здешним местам у него не возникало никаких проблем с либидо. Кроме того, Альфонс мгновенно воспламенялся каждый раз, когда его взгляд падал на Берту. Волны желания захлестывали его с головой, но и это было еще не все. Стоило *ей* посмотреть на него, как Альфонс мгновенно забывал, кто он, где он и что он.

*1*Amis *(франц.)* — друзья.

*2*Facile *(франц.)* — легко.

3 Vraiment *(франц.)* — в самом деле.

Берта больше не казалась ему неряшливой, старомодной и неуклюжей, как при их первой встрече. Ее невзрачная внешность перестала существовать для него, заслоненная непревзойденной внутренней красотой и совершенством, а по тому, как нежно и ласково она говорила с ним, Альфонс догадался, что и Берта любит его. Как это не похоже на этих ведьм в его родном *bois,* которые слетались к нему по первому зову, лебезили и заискивали, чтобы потом за его спиной перемывать ему перья! Нет, пожалуй, впервые в его жизни ему нужен кто-то один, подумал Альфонс, и это открытие заставило его вздрогнуть. Он и в самом деле хотел все время быть с Бертой. И ему было что предложить своей избраннице.

Чувствуя в груди непривычное волнение, Альфонс заглянул в ее черные глаза.

— О Альфонш! — восторженно пискнула Берта. — Конечно, шоглашуш!

Филин даже утомился, летая взад и вперед, вернее, вверх и вниз. Оказавшись на вершине дерева, он ограничивался тем, что яростно кивал, подтверждая все, что нашептывали новоиспеченному императору Рака и Берта, а слетая вниз, организовывал новые и новые эскадрильи лесных пичуг, которые должны были принести присягу Альфонсу Первому. Одновременно ему приходилось следить, чтобы все собравшиеся на поляне звери кланялись императору с подобающим почтением.

С огромным трудом ему удалось ликвидировать неизбежный скандал, когда на Малой поляне появился рассерженный Борис. Громко фыркая, он пожелал узнать, из-за чего разгорелся сыр-бор.

' Ma chere Берта, топ amour! *(франц.)* — Моя дорогая Берта, любовь моя!

*2*A tout jamais? *(франц.)* — Навсегда?

— Из-за Альфонса,— пояснил Филин.— Он так боится норок, что ни за что не слетит вниз.

— Я его понимаю, — хрюкнул Борис, повернув свою полосатую голову к двум близнецам. — Слушай, а почему бы мне не дать одному из них хорошего пинка? Тогда это желтое чучело сразу увидит, что норок бояться нечего.

— Мне очень жаль, Бо, — неохотно проговорил Филин,— но я вынужден сказать «нет*.

— Не понимаю я тебя, Филли! — громко возмутился барсук. — Неужели тебе не ясно, что сотрудничество с этими двумя шустрыми придурками ничем хорошим не кончится? Рано или поздно неприятностей все равно не миновать. Почему бы нам не покончить с этим сейчас?

— Нет, — еще тверже повторил Филин. — И пожалуйста, постарайся ничего не испортить. Мы должны попробовать их план. Кстати, нам бы очень помогло, если бы ты принес присягу на верность.

— Кому? Этому желтому петуху?! — возмутился Борис.

— Это император.

— Это он-то император?! Ты, должно быть, шутишь! — рявкнул Борис, брызгая слюной. — Я не собираюсь кланяться какой-то паршивой иволге только потому, что она отрастила себе желтые перья, или потому, что она — как там у вас говорится? — является Уникальной Вымирающей Редкостью!

— Эй вы! — заорал он во все горло. — Как вам не стыдно кланяться какой-то вороне в павлиньих перьях? Неужто у вас не осталось ни капли гордости?!

К счастью, Фредди, канюков и некоторых других ключевых фигур сегодня на поляне не было, но зато была Кувшинка, которая нашептывала своим сторонникам что-то насчет навязанной завирушкам рабской зависимости. Если Сопричастные Попечители объединятся с Борисом, понял Филин, ситуация может выйти из-под контроля.

Но вот барсук обернулся, и Филин с облегчением увидел, как все, на кого падал его сердитый взгляд, опускают глаза. Все обойдется, понял он.

— Прости, Бо, — сказал Филин искренне.

— Хватит с меня этой чепухи, — взъярился барсук. — С этого момента на меня можешь больше не рассчитывать.

Филин проводил взглядом его обширный зад, удаляющийся в сторону ближайших кустов, и тихонько вздохнул.

Он повернулся и сразу же наткнулся на ораву полевых мышей с выпученными глазками, котррые опоздали и только что прибыли на поляну.

— Император сидит на вершине вон того дерева, —• показал Филин. — Идите туда, вам покажут, что надо делать.

В настоящее время под буком изъяснялись в любви и преданности императору сотни две землероек, и Филин взлетел на вершину. К счастью, Альфонс не обратил внимания на инцидент с барсуком и выглядел заметно бодрее. Сидевшая рядом с императором Берта так и сияла от гордости.

— Позволь представить тебя *labelief* Берте, новой императрице Старого Леса, — церемонно обратилась к Филину Рака и отвернулась, чтобы царственная парочка не заметила ее закаченных глаз.

Филин сделал над собой усилие и сдержал улыбку. Старая общипанная Берта — императрица! Или, вернее, императриша.

— Мои наилучшие пожелания, император! — подыграл он.— Вы действительно счастливец!

Альфонс жеманно улыбнулся.

— *Belle* императрица, я восхищен, — добавил Филин, поворачиваясь к Берте и кланяясь. Ответом ему была благосклонная улыбка.

— Император Альфонс Первый только что соблаговолил изложить мне условия, на которых он согласен принять наш лес под свое милостивое управление, — сообщила Рака.

1 La belle *(франц.)* — прекрасная.

*2*Oui *(франц.)* — да.

зволения сказать, норки должны принести мне присягу, как и остальные лесные жители. Только тогда я поверю, что они — как это вы выразились? — на нашей стороне.

Рака, встав за спиной императора, яростно кивала ему головой, и Филин не посмел спорить.

— Будет исполнено, мой император, — сказал он спокойно и, повернувшись, слетел вниз, чтобы ввести Первого и Второго в курс событий.

— Что случилось с этой глупой птицей? — сквозь зубы процедил М-Первый, не переставая, впрочем, идиотски улыбаться в направлении вершины бука. — Неужели он не видит, что мы и так достаточно дружелюбны?

— Он видит, — не без удовольствия подтвердил Филин. — Но ему хочется, чтобы вы доказали это. Он останется, только если вы поклонитесь ему и поклянетесь ему в верности. Его зовут император Альфонс Первый, — пояснил Филин негромко.

М-Первый и М-Второй с ужасом посмотрели сначала на Филина, потом на вершину бука, потом снова на него. Филин с беспомощным видом пожал плечами.

— Я отказываюсь! — взорвался Первый, со злобой глядя вверх. — Кем он себя считает, этот попугай?

— Этот попугай считает себя императором Альфонсом Первым, — холодно объяснил Филин. — И мы тут ни при чем. Помните, как вы объясняли нам, почему мы не сумеем уговорить беркута? Мы приняли ваше замечание к сведению, поэтому, когда он потребовал, чтобы его сделали владыкой всего леса, у Берты и Раки не было другого выхода. Они обещали ему все!

Норки продолжали колебаться. Филин счел необходимым объяснить их положение как можно доходчивее:

— До сегодняшнего дня Альфонс Первый ничего не знал о вас и, как видите, очень расстроился, обнаружив вас в своем лесу. Должен сказать прямо: если он улетит обратно, я лично прослежу за тем, чтобы ваш вождь знал, кто в этом виноват.

— Ты не можешь!..— ахнул М-Первый.

— Еще как могу,— успокоил его Филин. Обсуждать, собственно говоря, было нечего. Мега

уже дал обоим понять, что никаких отговорок принимать в расчет не собирается. Пока он говорил, Психо пристально рассматривал их своими мутными глазками, и братья поняли, что и с этой стороны пощады ждать не приходится.

— Ладно, твоя взяла, — вздохнул Первый. — Мы принесем ему присягу, но только наедине, чтобы никто больше этого не видел.

В качестве места, где Отдел норкетинга должен принести присягу монарху, Филин выбрал Карьер, предварительно отправив туда Раку с поручением проследить, чтобы там никого не было. «Во. всяком случае — на виду*, — добавил он с многозначительной улыбкой. Потом он сам отправился туда, чтобы лично все проверить.

Когда в Карьере появились норки, Филин показал им дерево, которое он выбрал, а сам полетел за Альфонсом. Оставшись одни, М-Первый и М-Второй принялись озираться, чувствуя себя крайне неловко. Они подозревали — и не без оснований, — что со всех сторон за ними наблюдают десятки злорадных или просто любопытных глаз, и гадали, что хуже: иметь в качестве наблюдателей «деревяшек» или своих же сородичей?

Но ни в ближних, ни в дальних кустах они так и не сумели заметить ничего подозрительного, когда вернувшийся Филин с почтением указал императору на приготовленную для него ветку.

Альфонс устроился поудобнее и усадил Берту рядом с собой.

— Мы же просили — никаких посторонних! — немедленно запротестовал М-Первый.

Альфонс сердито посмотрел на него.

Premierement *(франц.)* — прежде всего; во-первых.

Филин и не подумал вмешаться. Норки заскрипели зубами и, слегка оскалившись, что, по всей видимости, должно было означать любезную улыбку, чуть присели на задних лапах.

— *Plusbast1*

Норки присели чуть ниже.

— Вы что, совсем не слышать меня? *Encoreplusbas\2* Первый и Второй опустились так низко, что их круглые животики коснулись острых камней.

— *Bon!Maintenant** клянитесь в верность! — скомандовал Альфонс.

— Мы, М-Первый и М-Второй, покорно признаем своего императора Альфонса Первого, полновластного владыку Старого Леса и всея окрестностей…— с несчастным видом пробормотали норки.

Император Альфонс Первый с негодованием топнул по ветке лапкой:

— Вы забыли *mabelle* императрицу!

Норки с мольбой уставились на Филина. Тот ответил им непроницаемым взглядом.

— Мы, М-Первый и М-Второй, покорно признаем своего императора Альфонса Первого с *labelle* императрицей Бертой полновластными владыками Старого Леса и всея его окрестностей…

— Я вас не слышать! — прокричал с ветки Альфонс и наклонил свою черную головку. — *Plusfort!4*

К этому времени братьям уже казалось, будто все кусты вокруг сотрясаются от сдерживаемого хохота. Чуть-чуть возвысив голоса, они повторили слова клятвы в третий раз.

— *Bon,* — кивнул Альфонс, с легким пренебрежением разглядывая скорчившиеся внизу фигурки. — Моя принимать вашу присягу и признавать вас своими верными слугами. Вы — идтить!

Филин удивленно заморгал обоими глазами. Неужели этот расфуфыренный индюк действительно считает

*1*Plus bas! *(франц.)* — Ниже!

2 Encore plus bas! *(франц.)* — Еще ниже!

3 Bon! Maintenant *(франц.)* — Хорошо! Теперь…

*4*Plus fort! *(франц.)* — Громче! себя императором? Берта, которая знала о норках гораздо больше, чем ее венценосный супруг, выглядела так, словно готова была упасть в обморок.

Альфонс, оказывается, еще не закончил.

«Если бы взглядом можно было убить!..» — подумал Филин, глядя, как М-Первый и М-Второй неуклюже пятятся, волоча животы по камням. Наконец они достигли кустов и исчезли из виду.

— Чего не сделаешь, чтобы клиент был доволен! — восклицал М-Первый по дороге к Плато. — Скажи по чести, Второй, ты когда-нибудь раньше сталкивался с таким ничтожеством?

— Вся беда в том, что он совершенно серьезен, — отвечал ему брат. — Он, должно быть, считает себя еще умнее Психо!

Но, даже кланяясь Альфонсу, они не переставали восхищаться про себя его декоративно-зрелищным потенциалом, или лучезарностью. Их доклад Меге обещал, во всяком случае, быть таким же ярким, как оперение нового УЛП.

— Звезды всегда довольно темпераментны и капризны, — утешил брата М-Второй и тут же высказал мысль, которая подсознательно точила обоих: — А если эта деревяшка в перьях потребует, чтобы Мега тоже принес ему свою присягу?

— Даже не думай об этом! — поспешно отозвался Первый. — Мы расскажем Меге, как Альфонс испугался, когда увидел нас, и убедим его, что он вообще не должен показываться ему на глаза, чтобы бедная птичка не сдохла от страха. Как думаешь, выйдет из этого что-нибудь?

*1*Presence *(франц.)* — присутствие.

*2*Derriere *(франц.)* — зад.

— Не знаю…— неуверенно отозвался Второй.

Но и он вскоре приободрился. Завтра они возьмут этого императора за бока, и все «деревяшки» их поддержат. Кто станет носиться с ним, если он не способен спасти лес от людей? В этом случае он может убираться обратно в свой *bois,* никто не заплачет!

— Если раньше мы не избавим его от трудностей дальнего путешествия… — многозначительно заметил М-Первый.

— Номер первый в рейтинге гастрономической популярности?! — подмигнул Второй.

— Точно! — облизнулся его брат.

Хотя Отдел норкетинга и состоял из творческих работников, но и они тоже любили горячую кровь.

Глава 56. ПОЛУЧИЛОСЬ!

На следующий день, когда М-Первый и М-Второй появились на Малой поляне, Альфонс был уже здесь.

Завирушки растерянно попискивали.

Вчера вечером близнецы удостоились похвалы своего Вождя и пребывали в отличном расположении духа. Все их требования были исполнены, и можно было начинать операцию. Макси издал строжайший приказ всем нор-

*1*Non! *(франц.)* — Нет!

*2*Нет! Я уже говорил, что для первого завтрака мне всегда необходимы улитки и лягушачьи ножки!

*3*Bonjour *(франц.)* — здравствуйте.

кам ни под каким видом не беспокоить золотую иволгу и по возможности не показываться ей на глаза, не говоря уже об охоте. Даже Мега согласился держаться от императора подальше.

— Мы пришли, Ваше Императорское Величество, для того, чтобы помочь вам ступить на путь, который приведет вас к вечной славе и сделает императора Альфонса Первого звездой первой величины на политическом небосклоне столетия! — напыщенно сказал Первый.— Позвольте нам, вашим недостойным слугам, представить на ваш суд программу действий, разработанную исключительно для того, чтобы сделать вашу красоту и славу общеизвестными.

С этими словами он достал из-за спины кусок коры, на котором они с братом нацарапали примерный маршрут показательных полетов Его Величества. Планируя его. Отдел норкетинга исходил из двух главных предпосылок. С самого начала братья твердо решили, что людей, которые соберутся поглазеть на это желтое чучело, необходимо удерживать как можно дальше от Плато. Вместе с тем было бы неплохо сделать так, чтобы и Альфонс не летал за реку: во-первых, это было довольно рискованно, а во-вторых, вода представляла собой естественную преграду для толп беснующихся поклонников.

Маршрут пролегал вдоль края Долгого поля и сворачивал к старой ольхе с редкой листвой, которая одиноко торчала среди зарослей тростника на берегу реки.

— Это дерево, — пояснил Первый, — будет, если можно так выразиться, главным остановочным пунктом Вашего Ослепительного Величества. Мы покорнейше просим вас остановиться там и немного попозировать для человеческих щелкающих машинок, с которыми вы, несомненно, уже знакомы..

Альфонс высокомерно кивнул.

— Далее мы просим Вашу Желтость пролететь вдоль реки, как показано на плане, и, повернув над воротами в лес, подняться вверх по Тропе, завершив таким образом ваш показательный полет.

Альфонс, из-за спины которого любопытно выглядывали завирушки, с интересом поглядел на чертеж.

— Пожалуй, я соглашусь, — прогнусавил он. — Но при одном условии. Я хочу, чтобы со мной летать *mabelle* Берта.

— Мы не допустим, чтобы этот старый мешок перьев все нам испортил, — отрезал М-Первый, на мгновение позабыв о том, что разговаривает с императором.

М-Первый и М-Второй с умоляющим видом повернулись к Филину.

— Я не уверен, будет ли это мудро, император, — медленно проговорил Филин. Он не имел ничего лично против Берты, однако она действительно могла помешать. — С вашего позволения, сир, и при всем моем уважении к *labelle* императрице, я вынужден напомнить, что люди соберутся там, чтобы любоваться именно вами, а не ею.

Альфонс топнул лапкой:

— Я есть император! Это означает, что либо будет так, как я сказать, либо я улетать обратно — и немедленно!

Филин почувствовал, как в глубине его души шевельнулось что-то похожее на уважение. Ему очень нравилось слушать, как золотая иволга навязывает свою волю хищным норкам.

— Будьте поосторожнее, — громко шепнул он братьям. — Иначе он заставит вас еще раз поклясться ему в верности, но уже публично!

Собравшиеся на поляне лесные жители громко захихикали. М-Первый и М-Второй были совершенно правы, когда подозревали, что кусты вокруг Карьера кишат наблюдателями. С тех пор прошло совсем немного времени, но весь лес уже успел полюбить выразитель-

Нет Берты — нет спектакля *(франц.)*.

ную пантомиму под названием «Норки присягают на верность».

— Хорошо, Ваше Уникальное Величество, — сказал М-Первый растерянно, но и с легкой угрозой в голосе. — *Labelle* императрица может лететь с вами. В конце концов, она действительно прекрасна. Будет очень жаль, если щелкуны так ее и не увидят.

Альфонс с торжествующим видом повернулся к Берте. Перехватив ее ответную улыбку, Филин почувствовал, как сердце его упало, — столько в ней было обожания и любви.

Первые попытки Альфонса привлечь к своей персоне внимание людей оказались вовсе не такими успешными, как рассчитывал Отдел норкетинга. Альфонс и его императрица тщетно кружили по обозначенному маршруту и часами торчали на ольхе — грохоталки проносились по шоссе, как и всегда, и ни одна из них не остановилась. В конце концов император вернулся на Малую поляну и под хихиканье недоброжелателей мрачно объявил:

— *Iesuisfatigue!1*

Император действительно выглядел утомленным. От его лучезарной живости не осталось и следа, яркое оперение как-то потускнело, а тут, как назло, целую неделю не проглядывало солнце, которое одно могло заставить играть его былое великолепие. Когда Альфонс уведомил норок, что прекращает показательные полеты на неопределенный срок, братья даже не стали с ним спорить. Предвидя очередную выволочку, близнецы лишь горько сожалели о том, что поспешили со своим оптимистичным прогнозом и пообещали Вождю успех чуть ли не в первый день показательных полетов.

— Это не наша вина! — хнычущими голосами объясняли они некоторое время спустя. — Это погода виновата. Люди заперты в своих грохоталках и не видят ничего вокруг.

*1*Je suis fatigue! *(франц.)* — Я устал!

— Пусть тогда этот ваш Альфонс летает прямо перед ними, — без тени сочувствия пролаял в ответ Мега.

— Это слишком рискованно, Вождь! — воскликнул М-Первый. — Не то чтобы мы очень волновались из-за этого желтого чучела, просто мы пока не можем позволить себе потерять его. Нужно остановить грохоталки каким-нибудь другим способом — это наша единственная надежда.

Мега презрительно фыркнул и велел позвать Мак-си и Психо. Когда те явились, он кратко обрисовал ситуацию.

— У Психо есть десятка два пленных кроликов для экспериментов, — доложил Макси, которому очень хотелось принять хоть какое-то участие в происходящем. — Мои норковороты могли бы вывести их к шоссе и уложить одного за другим поперек полотна. В этом случае грохоталка должна либо переехать их, либо остановиться. Лично я считаю, что грохоталка, скорее, остановится, и таким образом мы достигнем своей цели, но если даже нет — беда невелика: кроликов вокруг полно, так что, если грохоталка раскатает пару-тройку, словно древесный лист, никакого урона это нам не нанесет.

Мега смерил Отдел норкетинга уничтожающим взглядом.

— Отличное предложение! — поздравил он Макси, который тут же раздулся от гордости. — Что скажешь, Психо?

Его мастер-импровизатор как раз сегодня планировал произвести массовый эксперимент по изучению пределов плавучести большой группы кроликов, но ему уже было ясно, что придется уступить.

— Я согласен с предложением Макси, только… может быть, нам стоит предложить участвующим в этом эксперименте кроликам свободу? Тогда они, возможно, лягут на шоссе добровольно. Конечно, потом мы их все равно переловим…— Тут Психо мерзко захихикал.— Переловим и предадим суду за нарушение правил дорожного движения, выразившееся в злонамеренном выходе на проезжую часть шоссе.

Взгляд Вождя выражал одновременно и восхищение, и отвращение. От идей Психо веяло жутью. Интересно, откуда он их набрался? Судилища, которые устраивал мастер-импровизатор, весьма развлекали норок, но Мега никогда в них не участвовал. Неужели гадкий недомерок никогда не задумывался о том, чем отличается честь от бесчестия? Однако если не отвлекаться на детали, то последнее предложение Психо *было вполне разумным*, и Мега одобрил его коротким кивком.

— Надо, наверное, поставить «деревяшек» в известность! — заволновался М-Первый.

— Как хочешь, — ровным голосом отозвался Мега. — Я^ бы этого не делал. Не забывайте только, что если ваш желтый попугай не выполнит поставленной перед ним задачи, то поперек шоссе лягут уже не кролики, а вы двое!

Кроликов перевели через Горбатый мост, выгнали на шоссе и уложили в линию поперек обеих полос. Конвой норковоротов спрятался за обрывистым речным берегом.

Чтобы заставить замолчать потрясенных Сопричастных Попечителей, Филину, который чувствовал себя несколько виноватым, пришлось долго шипеть, щелкать клювом и топорщить перья. Добившись наконец своей цели, он незамедлительно вылетел на Плато.

При виде пленных кроликов он испытал настоящее потрясение. Это грубое и циничное использование живых существ было вызовом всему лесному сообществу.

По дороге он увидел внизу Первого и Второго, которые отчаянно махали ему лапами, и спустился на землю.

— Нам очень жаль, Филли, — затараторили они, не дав ему сказать ни слова. — Мега велел нам любой ценой остановить хоть бы одну грохоталку, иначе он снимет с нас шкуры!

— Зато мы договорились, что в случае удачи кроликов отпустят на свободу,— добавил М-Второй.

— А если ничего не получится? — строго спросил Филин.

Но норки его не слушали.

— У нас нет времени на разговоры! — напомнил Филину М-Первый. — Грохоталка может появиться каждую минуту. Если Альфонс не будет на дереве, кроликов все равно придется отпустить.

Первый был прав, и Филин решил отложить выяснение отношений с Мегой на потом. Он понесся обратно на Малую поляну и обнаружил, что Кувшинка не теряла времени даром. Альфонс сидел на кусте и, закатив глаза, самозабвенно призывал лесных жителей проявить солидарность с жертвенными кроликами.

Завирушки робко попискивали, выражая свое одобрение.

— Почему ты постоянно лезешь не в свое дело? — строго спросил Филин у самодовольной крольчихи, которая с удовлетворением взирала на дело своих лап.

Кувшинка как раз собиралась ответить, когда подоспели норки. Позабыв о своем намерении вести себя почтительно, они подскочили к кусту, на котором восседал Альфонс. Прежде чем император успел повторить свою декларацию солидарности, М-Первый подскочил вверх и схватил за крыло *labelle* императрицу. Перехватив ее зубами за горло, он издал низкое, грозное урчание, чем наконец привлек внимание императора, который был настолько увлечен речью, что ничего не заметил.

— Если хочешь, чтобы твоя императрица осталась в живых, готовься вылететь немедленно! — прострекотал М-Второй.

— *Vousetesfous!2* — ахнул император.

Берта испуганно пискнула, но это было уже излишним — Альфонс сдался. Его царственное самомнение

Pauvres iapins *(франц.)* — бедные кролики. Vous 6tes fous! *(франц.)* — Вы с ума сошли!

2 Vous

и вызывающая самоуверенность исчезли, и на мгновение он стал тем, чем был на самом деле, — еще одной птицей средних размеров, которая боялась норок точно так же, как и все остальные.

Но в следующую секунду Альфонс уже оправился.

— Грохоталка идет! — крикнул щегол, сидевший на вершине бука.

Закрыв глаза, кролики уже прощались с жизнью, когда грохоталка в последний момент со скрежетом остановилась. Кроликам было уже настолько все равно, что они не пошевелились даже тогда, когда нависшее над ними сверкающее железное чудовище яростно и грозно затрубило. Как ни странно, вместо того чтобы двинуться дальше и положить конец их мучениям, грохоталка осталась стоять на месте, а вскоре позади нее затормозила еще одна.

Прячась за пучком травы, М-Первый и М-Второй напряженно следили за двумя человеческими существами, которые выбрались из грохоталок и, подойдя к неподвижным кроликам, стали задумчиво наподдавать их ногами.

— Альфонс, пошел! — громко скомандовал М-Первый.

Альфонс, громко хлопая крыльями, выпорхнул из леса, и тут — впервые за прошедшую неделю — облака разошлись и между ними проглянуло солнце. Лучи его коснулись оперения Альфонса, и над Долгим полем как будто сверкнула ослепительная золотая молния. Позабыв всякую осторожность, Альфонс пронесся над ольхой и, ослепленный солнцем и согретый его ласковым теплом, пересек реку.

— *Courage, monbrave!2* — прокричал он, кувыркаясь в воздухе над самыми головами людей, отчего его

*1*Seulement pour toi *(франц.)* — только ради тебя.

*2*Courage, mon brave! *(франц.)* — Смелей, любезный!

перья заиграли всеми оттенками желтого и золотого. Люди, наблюдавшие за ним с разинутыми ртами, разразились громкими восхищенными криками, и Альфонс лег на крыло, чтобы пройтись над ними на бреющем полете, развернув свои великолепные крылья во всю ширину. Только после этого он опомнился и, свечой взмыв, в небо, ринулся через реку к своей безопасной ольхе. С размаху плюхнувшись на ее вершину, он с замиранием сердца стал ждать реакции.

Один из людей подбежал к самому берегу реки и, приплясывая от волнения, указывал пальцем прямо на него, второй скрылся в своей грохоталке. В следующее мгновение он снова появился на шоссе, прижимая что-то к лицу, и Альфонс тихонько ахнул от радости и облегчения. Щелкун! В этом не было никакого сомнения. У человека были точно такие же сумасшедшие гляделки на толстых стеблях, какие нарисовали на куске коры норки. Берта была спасена!

Чувствуя, как сердце его переполняется радостью, Альфонс приподнялся на цыпочках и развернул крылья, чтобы продемонстрировать наблюдателям всего себя. Странные сдвоенные глаза щелкуна неотрывно следили за ним, и Альфонс понял, что не ошибся. Он сделал это! Берта спасена, лес спасен!

Филин, затаив дыхание, следил из листвы за полетом золотой иволги. Отдел норкетинга тоже был взволнован. Глядя на их морды, Филин заметил, как часто дергается веко у М-Первого; этот тик еще усилился, когда Альфонс, пренебрегши данными ему инструкциями, перелетел реку, но, как только из грохоталок появились щелкуны, неожиданно пропал совсем.

— Получилось! — заорал М-Первый, и оба брата крепко обнялись. Лесные жители радостно завопили. Их крики стали громче, когда Альфонс приземлился на Малой поляне, но император искал взглядом только Берту, которую М-Первый уже успел отпустить.

Берта бросилась навстречу Альфонсу, и весь ее вид яснее всяких слов говорил, что она ни на мгновение в нем не усомнилась. Даже норки подскочили к императору и принялись хлопать его по спине лапами.

— Получилось! — выкрикивали оба, а М-Первый схватил кусок коры, на котором был начертан показательный маршрут, и поставил жирную галочку.

— В десяточку! — проорал он, в то время как Альфонс впервые повел себя со скромным достоинством, отвечая на похвалы и поздравления сдержанными кивками.

Глава 57. ЩЕЛКУНЫ И БЕЛОГОЛОВЫЕ

После первого успеха Альфонса уже не нужно было понукать, как не нужно было использовать кроликов, чтобы останавливать грохоталки. Пленники в конце концов пришли в себя и, пока люди глазели на золотую иволгу, скрылись за самыми дальними

холмами, и лесные жители снова закричали от радости, видя, что Макси и его норковороты, спрятавшиеся за обрывом, не смеют даже пошевелиться, чтобы не привлечь к себе внимание людей, которые вышли из нескольких грохоталок и собрались на обрыве.

М-Первый и М-Второй, к которым вернулось почтение к особам королевской крови, смиренно уговаривали Альфонса никогда больше не подвергать свою драгоценную жизнь опасности. Альфонс, похоже, только рад был с ними согласиться. Что касалось инцидента с Бертой, то обе стороны старались о нем не упоминать.

— Скоро новости о появлении золотой иволги достигнут матерых щелкунов, — со счастливым видом объявил М-Первый. — Это значит, что мы переходим к части второй нашего генерального плана, которая, согласно прогнозам, характеризуется значительным увеличением численности заинтересованных потребителей.

Он был прав, и это подтвердилось раньше, чем ожидалось. Когда на следующее утро облака исчезли, а из-за горизонта встало румяное, теплое солнце, речной берег и часть шоссе были уже забиты самыми разными гро-хоталками. Хорошая, ясная погода продержалась до са-

мого вечера, и лесные жители почувствовали, что природа окончательно решила быть к ним благосклонной. Словно в качестве компенсации за все остальные несчастья, поздняя весна и начало лета были лучшими из всех, какие они помнили, а многие и вовсе склонны были считать их близкими к совершенству. Дни тем временем становились все длиннее, а ночи — короче, и Филин с легкой печалью вспоминал, что до Солнцеворота осталось совсем немного. С другой стороны, это обстоятельство было лишь еще одной причиной радоваться каждому погожему деньку, пока в лес не пришли сушь, жара и духота.

Пока же никакой жары не было и в помине, и каждый день начинался с румяного, свежего утра и звонких песен жаворонков, которые взмывали в безупречные голубые небеса, стремясь поделиться со всем миром своей немудреной и чистой радостью, а заканчивался золотисто-розовым закатом, в то время как в промежутке голубое небо покрывалось высокими белыми облачками, которые скользили по нему в своей безмятежности, время от времени разражаясь непродолжительным теплым дождем.

Лес откликнулся на эту заботу усиленным ростом листвы. Когда ее кружевное покрывало сомкнулось так плотно, что солнечный свет перестал достигать земли, лесные цветы уже отсеялись и в рост пошли травы и многолетние, покрывшие своей густой зеленью все прогалины и поляны. Мясистые стрельчатые побеги, уверенно и мощно приподнимавшие землю и прошлогоднюю листву в самом начале весны, развернулись в мощные зонтичные, сражающиеся друг с другом за место под солнцем, и по ним наперегонки карабкались разнообразные вьюнки. Их рост стал более размеренным, ничуть не напоминая неистовую ярость, с какой они стремились опередить друг друга ранней весной и утвердить свое право на жизнь. Многолетние растения, казалось, и вовсе благодушествовали, с одинаковым наслаждением впитывая попеременно то влагу, то солнечные лучи, и сам лес умиротворенно дремал, бесконечно довольный тем, что и на этот раз ему удалось самовоспроизвестись

в качестве единосущной гармонии самых разных растительных организмов, каждый из которых получил свое право и возможность подняться из земли и созреть. И этот единственно справедливый порядок был записан где-то в зеленом сердце леса, которое работало без перебоев с незапамятных времен.

Он был красив, этот лес, особенно в самой глубине, где царил мягкий зеленоватый полумрак и где танцующие на кончиках ветвей листья то пропускали вниз яркие лучи, то снова подставляли ему свои глянцевитые спины, отчего лесная подстилка становилась пятнистой, словно усыпанной золотыми солнечными яблоками. А сразу после дождя, когда последние крупные капли еще не успевали скатиться с отмытых листьев, проглянувшее солнце превращало их в сверкающие жемчуга и драгоценные алмазы, и тогда по темным аллеям и по мокрым стволам прыгали бесчисленные отблески крошечных радуг, а над влажной травой поднимался пар.

И конечно, и лес, и окрестные поля беспрерывно гудели, жужжали, шуршали и попискивали, вскипая новой жизнью, для которой это было самое благодатное время. Большинство молодых птиц, еще недавно голенькие, крикливые, вечно голодные комочки, превратились в точные, правда пока еще уменьшенные, копии своих родителей и успели покинуть гнезда, а остальные были уже готовы к этому.

К огромному сожалению Филина, его дочь Блинки покинула родное дупло раньше, чем он успел узнать ее. Впрочем, Юла теперь держала себя совсем иначе, и ее доброжелательность немало удивляла его.

«Среди всего прочего,— говорила она ему,— существуют и очень важные вещи, которыми некому заняться, кроме тебя. Поверь мне, Филли, я сумею воспитать и подготовить Блинки как надо. Придет время, и ты свое наверстаешь».

Внизу, на земле и под землей, тоже давно появились голые детеныши, которые успели вырасти, отрастить шерсть и уже делали первые, пока еще неверные шаги на пути к своей собственной, самостоятельной жизни.

Утомленные родители получили наконец долгожданную возможность расслабиться и нагулять немного жира. Для них это была единственная пора, когда они могли сосредоточиться на самих себе и поправить здоровье, подорванное тяжелой зимой и родами.

Летние гости Старого Леса тоже успели устроиться и чувствовали себя неплохо. Веселые ласточки носились над рекой, где тяжело плескались форели и лососи, пришедшие сюда, чтобы в пресной воде избавиться от замучивших их паразитов. Впрочем, надолго они не задержались. Привольная и сытая морская жизнь дала им столько энергии, что рыбы без труда одолели течение и ушли нереститься в верховья еще до того, как норки пронюхали об их существовании.

Повсюду роились многочисленные, только что вылупившиеся насекомые, стремящиеся не упустить ни одного мгновения из того краткого срока, что был отпущен им природой. Чудовищного вида личинки выползали из своих укрытий под камнями или глубоко под землей, чтобы в считанные часы превратиться в неправдоподобно ярких, отливающих металлом стрекоз. Взломанные куколки, валявшиеся повсюду, отмечали места, где появились на свет многоцветные бабочки, которые теперь весело порхали над полянами и трепетали крыльями возле благоухающих на все лады цветов. Божьи коровки, мотыльки, пчелы, мушки и жуки всех форм, цветов и размеров наполняли воздух басовитым гудением, копошились в траве или безостановочно толклись в воздухе, напоминая о бурных деньках, когда на попечительских собраниях «Москитная Атака» и *Синие Мухи Превыше Всего» еще имели право решающего голоса.

Изобилие насекомых, которые вгрызались в листву, точили дерево и прокладывали ходы в земле, обеспечивало хлеб насущный для существ покрупнее, хотя не всегда эта связь была односторонней. Крупные млекопитающие и птицы отчаянно чертыхались, вычесывая из меха или добывая из-под перьев кровососущих паразитов, начиная от блох и кончая клещами, однако по большому счету никто особенно не возражал. Это

была прекрасная пора, когда каждый обитатель леса чувствовал себя наилучшим образом, был сыт, пребывал в самом приятном расположении духа и — пожалуй, это было самое важное — располагал свободным временем, которое он мог употребить на то, чтобы возродить в себе погасшую было надежду, что, несмотря на норок, лес будет существовать вечно, как он существовал всегда.

Впрочем, не все было безупречно. Раннее утреннее солнце было достаточно теплым, чтобы быстро и эффективно изгнать последние следы самого холодного предрассветного часа, но, поднявшись в зенит, оно начинало обжигать. Мало кто из лесных обитателей радовался возможности подставить себя прямым лучам полуденного светила, а для подавляющего большинства оно становилось почти что врагом, и они стремились укрыться в спасительной тени. Правду сказать, для многих это был просто вопрос приятного времяпрепровождения: каждый хотел предаваться ничегонеделанью с максимумом удобств. Только земноводным и некоторым насекомым, которым иссушающий зной грозил смертью — не больше и не меньше, — приходилось туго. Твердые, высушенные трупики червей и улиток, заплативших за рассеянность и легкомыслие по самому высокому счету, служили грозным предостережением тем, кто избег этой печальной участи.

Но к вечеру жара спадала, и все, кто благополучно пережил прошедший день, наслаждались теплыми, бархатными вечерами, окрашенными в прозрачные краски подступающих сумерек, близость которых неизменно возвещал легкий бриз, появлявшийся неизвестно откуда, как только тени начинали удлиняться, а листва — приобретать чуть более темный оттенок. Потом приходили сумерки, и к тому моменту, когда гасли последние сполохи закатного великолепия и на все еще светлое небо высыпали первые звезды, ветерок затихал совершенно, и до следующего рассвета ночь хранила уютное тепло прошедшего дня.

В целом установившаяся погода располагала к оптимизму, и Филин с новой силой поверил, что все

как-нибудь образуется, все решится наилучшим образом. Не может же быть, чтобы такой мощный, целостный организм, как лес, в одночасье утратил способность к сопротивлению и погиб, покоренный чуждой ему сторонней силой. Должно быть, те же самые чувства двигали Альфонсом и Бертой, которые однажды утром вылетели приветствовать своих подданных так, словно привыкли к этому с самого рождения.

Волна восторга прокатилась по лесу, когда счастливая пара поднялась высоко в небо, кувыркаясь и петляя точь-в-точь как на пути из Альфонсова *bois.* Время от времени двое влюбленных, тяжело дыша от радости и удовольствия, возвращались на Малую поляну, чтобы угоститься лакомствами, собранными трудолюбивыми завирушками. Лесные жители не уставали петь им хвалу, и повадка Альфонса стала еще более горделивой. Любовь императора и Берты была очевидной, а радость, которую они испытывали от общества друг друга, — такой светлой и глубокой, что многие птицы позабыли о своей ревности. Не в силах сдержать своих чувств, они тоже поднимались в воздух и тучами носились над вершинами деревьев, не переставая кричать от переполнявшего их восторга.

Между тем толпа возбужденно жестикулирующих щелкунов на берегу становилась все больше, а их машинки жужжали и щелкали не переставая.

Несколько омрачало всеобщее веселье только одно обстоятельство: люди, уничтожающие лес, вышли на работу как обычно. Желтая копалка, с ревом устремившаяся в лес, поначалу встревожила Альфонса, особенно когда Отдел норкетинга настоятельно рекомендовал ему любой ценой держаться от нее подальше, однако император довольно скоро позабыл об опасности, и норки с ужасом увидели, что он затевает очередное сумасбродство.

— Я только что заметить, как хорошо сочетается эта желтая штука с цвет мое оперение, — объявил он во время очередного завтрака. — Мне кажется, она здесь специально для того, чтобы служить мне, как это называется… троном, вот!

— Вряд ли, Ваше Выдающееся Величество, — легкомысленно усомнился М-Первый.

Это было ошибкой.

— Как ты сметь противоречить своему императору? — немедленно взвился Альфонс.— Разве ты не понимать, что мы с Бертой стали настолько знамениты, что люди послать сюда эту великолепную желтую копалку специально для того, чтобы я на ней сидел?! Гляди: вон ехать еще одна такая штука — для *mabelle* императрица!

М-Первый и М-Второй поглядели на шоссе и с ужасом увидели, что Альфонс прав. У Горбатого мостика как раз остановилась длинная грохоталка, на спине которой устроилась еще одна желтая копалка. Но белоголовых, которые пытались сгрузить ее, окружили прибежавшие с берега щелкуны. Две группы людей столкнулись возле грохоталки, возбужденно размахивая руками .-и-что-то крича. Желтая копалка вдруг зарычала и, выпустив клуб черного дыма, вырвалась из людского кольца. Ее блестящие ноги грозно закрутились, желтое чудовище двинулось через мост — к Долгому полю. Щелкуны, потрясая кулаками, бросились в погоню.

— Налицо столкновение! — завопил М-Первый. — Переходим к третьей стадии!

Неожиданно, прежде чем они успели остановить его, Альфонс взлетел и понесся прочь из леса. У норок перехватило дыхание, когда они увидели, как император опускается прямо на крышу желтой копалки. Щелкуны отчаянно замахали руками, стараясь отпугнуть его. К счастью, Альфонсу хватило ума изменить свое решение, и он остался в воздухе, кружа в солнечных лучах прямо над головами людей. Это сразу изменило положение. К немалому удовольствию норок, группа щелкунов преследовала желтую копалку до самой Большой поляны; там они принялись хватать работавших белоголовых за руки, то и дело указывая вверх.

Но самые главные события начались после того, как один из белоголовых указал на Альфонса пальцем и издал звук, Похожий на тот, который производит «бабах». Двое щелкунов с яростью оттолкнули его, а еще

несколько легли на землю перед копалкой точно так же, как кролики на шоссе, остановив таким образом ее дальнейшее продвижение. После этого люди завопили еще громче, замахали руками еще быстрее, и в конце концов все — и щелкуны, и белоголовые — дружно пошли из леса прочь. У моста белоголовые забрались в свои грохоталки и укатили.

Лесные жители умоляли норок объяснить им, что все это значит, но те важно надулись и не желали отвечать.

— Боюсь, вам с вашими крошечными деревянными мозгами все равно не по силам понять все значение и важность того, что мы только что видели, — покровительственно проговорил М-Первый.

Но лесные жители не отставали, и М-Второй в конце концов сжалился над ними, согласившись ответить на один вопрос.

— Стал ли Альфонс достаточно знаменит, чтобы спасти лес? — спросил Филин от лица всех собравшихся.

— Можно сказать и так, — осклабился М-Второй. — Альфонс сделал полдела. В самое ближайшее время мы ожидаем наступления решительного перелома. Главное, пусть продолжает показательные полеты!

«Ну с этим проблем не будет, — подумал Филин. — Скорее, напротив, трудно будет заставить императора *не* летать. Судя по всему, в его жизни это было самое счастливое время».

Глава 58. УЯ-Я-Я-У!..

— Ну как идут дела? — проворчал Мега.

— Отлично! — М-Первый уверенно улыбнулся. — Отношения между белоголовыми и щелкунами становятся все более напряженными. Все работает, и работает как надо!

— В самом деле? — саркастически хмыкнул Мега.— А мне почему-то кажется, что ничего не работает.

Массы начинают волноваться, и результат нужен мне как можно скорее.

Братья, не сдержавшись, дружно вздохнули.

— Вы что-то сказали? — нахмурился Мега.

— Нет, нет, о великий Вождь, — поспешно отозвался М-Первый.

— Ну что ж, очень жаль. Постарайтесь, чтобы сегодня вечером у вас было что сказать, иначе плохо вам придется, — буркнул Мега и пошел прочь.

— В каком-то смысле Мега прав, — заметил М-Второй, когда оба шагали уже знакомой тропой на Малую поляну. — Столько времени прошло… Пора бы уже появиться каким-то результатам.

— \А это чем тебе не результат? — небрежно спросил Первый, останавливаясь и глядя сквозь открывшийся между деревьев прогал на долину за рекой.

М-Второй проследил за его взглядом и присвистнул. На берегу остановилась длинная черная блестящая гро-хоталка, и из нее выбрался человек в черной сменной шкуре. Он

важно прошествовал к обрыву, где его тотчас окружили щелкуны. Они почтительно кланялись и указывали на Альфонсову ольху.

Отдел норкетинга поспешил в свой филиал на Малой поляне.

— На берегу появился ОВЧП! — закричал М-Первый, приплясывая от нетерпения. — Скорее, Ваше Прекрасное Величество, летите скорее к ольхе!

Альфонс, наслаждавшийся полюбившимся ему массажем клюва в исполнении завирушек, высокомерно смерил близнецов взглядом.

— Что есть ОВЧП? — спросил он и ленивым жестом приказал завирушкам продолжать.

— Очень Важная Человеческая Персона, Ваше Расчудесное Величество, — выпалил М-Первый. — Матерый щелкунище! Человек, который может спасти лес. Пожалуйста, Ваше Непревзойденное Величество, Ваша Божественная Прелесть, спешите! Полетайте перед ним как вы умеете!

Он готов был на колени встать, лишь бы это желтое чучело не подвело их в решающий момент.

Альфонс жестом отослал завирушек, расправил свои крылья и критически их осмотрел.

— *Bon,* — сказал он величественно. — Мы с Бертой уже давно ждем этого Очень Важного Человека. Вам, должно быть, интересно узнать, что для этого случая мы приготовить одну специальную штучку. Летим, *macherieK*

К огромному облегчению Отдела норкетинга, любящая пара, не тратя времени, взвилась в воздух и понеслась прямо к ольхе. Поначалу норкам казалось, что Альфонс и Берта собираются, как обычно, совершить в воздухе несколько отработанных пируэтов, но они ошиблись.

Альфонс и Берта приземлились на ольху и запели.

В качестве бесспорного владыки леса и его окрестностей Альфонс никогда не присоединялся ни к утреннему радостному щебету своих подданных, ни к их торжественному вечернему многоголосью. Для прочих птиц это был способ подтвердить свои права на свой участок, а ему это, естественно, было ни к чему. Зато теперь из его приоткрытого клюва полилась громкая гармоничная мелодия, к которой тотчас присоединилась Берта. Это был настоящий гимн любви в исполнении дуэта двух любящих сердец, при первых звуках которого щелкуны бросились к своим грохоталкам, чтобы заглушить их, а Очень Важная Персона замерла, словно загипнотизированная этими нежными и радостными переливами. Жители леса, зачарованные пением своего императора, тоже затихли, внимая его чудесному голосу, и даже река, с веселым журчанием преодолевавшая каменистые перекаты, казалось, примолкла, чтобы не мешать этой волшебной песне лететь над долиной. Как впоследствии утверждал соловей, едва не охрипший от зависти, установилась такая тишина, что можно было расслышать, как падает с дерева увядший лист.

*1*Ma cherie *(франц.)* — милая.

Но наконец Альфонс и Берта закончили свою песнь громкой заливистой трелью и, слегка кивнув своим зачарованным слушателям, снялись с ветки и полетели обратно в лес. Люди на берегу провожали их бурными аплодисментами.

Вечером следующего дня все было кончено. На шоссе перед мостом остановилась еще одна длинная черная гро-хоталка, из нее вышли два мрачных человеческих существа, одетые в сменные шкуры серого цвета, очень подходившие к выражению их лиц. Не теряя времени, они перешли мост и зашагали через Долгое поле к Калитке.

— Пятый этап! — взвизгнул М-Первый.

— Цыплят по осени считают,— крикнул в ответ М-Второй. — Но ты прав — выглядит это неплохо.

Двое людей остановились возле Калитки и прилепили к верхней перекладине небольшой белый квадрат. После этого они пошли дальше по изуродованной Тропе, с трудом перепрыгивая через небольшие лужи и далеко обходя участки, залитые сплошной жидкой грязью. Добравшись до Большой поляны, они быстро раздали маленькие белые квадратики каждому из работающих людей, а один прилепили даже на желтую копалку. Один из белоголовых попытался их остановить, и люди о чем-то заспорили, после чего двое в сером вернулись по Тропе туда, откуда пришли. Как только они появились из леса, собравшиеся у моста щелкуны разразились радостными криками, а двое сели в свою черную грохо-талку и укатили.

Тем временем люди, которые остались в лесу, прекратили работу. Они заглушили обе желтые копалки и собрались тесной группой, вертя в руках белые квадратики и негромко переговариваясь. В конце концов — с видимой неохотой — они собрали свои инструменты и тоже зашагали по Тропе к выходу из леса. Когда они переходили мост, щелкуны окружили их и стали приплясывать вокруг, громко вопя.

Прислушиваясь к сердитым человеческим голосам, несущимся с Долгого поля, М-Первый и М-Второй были вне себя от радости. Белоголовые и щелкуны явно угрожали друг другу!

Неожиданно двое людей в самом центре толпы замахали кулаками, нанося друг другу удары, и гневные крики стали громче. Остальные сначала собрались в кружок вокруг дерущихся, потом толпа заколыхалась, и драка приобрела всеобщий характер. Люди молотили друг друга кулаками, и лесные жители вскрикивали от востцрга каждый раз, когда кто-нибудь из них падал на землю, сбитый могучим ударом.

Некоторое время спустя на шоссе появилась еще одна грохоталка, но она не грохотала, а издавала громкий воющий звук. На крыше ее мигал яркий синий огонь. Она со скрежетом затормозила возле дерущихся, и из нее выскочили еще три человека в черном.

— Это «уя-я-я-у»! — хором крикнули.норки и заплясали на месте. — Мы вызвали «уя-я-я-у»! Шестой этап кампании достигнут! Как планировалось! Ура!!! Представление окончено! Мы сделали это!

— Что? Что вы сделали? — забеспокоились лесные жители.

— Спасли лес, вот что! — проорал в ответ М-Пер-вый. — Разве вы не видите? Из-за этого люди и передрались!

— Но почему? — недоуменно допытывались лесные жители.

— Потому, вы, идиоты! Щелкуны получили доступ к своему товару! — объяснил М-Первый, выписывая замысловатые коленца. — Теперь они никому его не отдадут! Эти белые квадратики — вы их видели? Теперь лес официально признан уникальным!

Лесные жители недоверчиво переглядывались. Может быть, М-Первый спятил? Неужели он всерьез рассчитывает, что они поверят, будто такая мелочь, как эти маленькие беленькие квадратики, спасли их всех? Ничего особенного пока не произошло. Правда, люди у моста подрались между собой, ну так что с того? Самцы всех видов, бывает, дерутся друг с другом. Кроме того, схватка еще продолжалась, и сказать, кто одержит верх — щелкуны или белоголовые, — пока было нельзя.

Неожиданно один фазан, изо всех сил размышлявший над тем, что бы это значило, крикнул во все горло:

— Лес — это товар!

— Правильно! — хором подхватили остальные. — Лес — это товар! Товар — первый сорт! Ого!

Знакомые слова утешили их, хотя смысл их по-прежнему оставался в тумане.

М-Первый и М-Второй тем временем подбежали к Альфонсу, который, совершив свой триумфальный вылет, скромно держался в тени, наслаждаясь заботой отряда завирушек.

— Можешь проваливать! — крикнули ему норки. . Альфонс с недоумением воззрился на них.

— Ты сделал свое дело, Ничтожное Величество! — проорал М-Второй. — Лети, празднуй свой успех, самодовольная, тщеславная, глупая канарейка! Ваша Жел-тость, тьфу! Простофиля ты, и больше никто!

Он расхохотался и повернулся к Берте:

— И ты тоже, Тупоголовое Величество, гнутоклювая уродина, старая неряха! Проваливай, пока цела!

У Альфонса отвисла челюсть. Рабыни-завирушки тоже застыли, вылупив глаза и разинув клювы.

— Давайте, глупые птицы! — издевательски добавил М-Второй и захихикал как ненормальный, взявшись за бока. — Глотайте, да не подавитесь! Можете меня убить за оскорбление императора!

С этими словами он повалился на спину и задрыгал в воздухе всеми четырьмя лапами.

Альфонс и Берта сидели на ветке все так же неподвижно. Они явно не понимали, что происходит, и настроение норок внезапно изменилось.

— Летите отсюда, оба! Кыш, ублюдки! — прорычали М-Первый и М-Второй, подбегая к дереву.

В полной растерянности Альфонс и Берта взмыли в воздух и неуверенно полетели к шоссе, на котором остановилось еще несколько грохоталок, на разные голоса завывавших свое «уя-я-я-у!». Выскочившие из них люди в одинаковой одежде с блестящими пуговицами пытались прекратить драку.

Когда над рекой снова появились золотая иволга и дрозд, белоголовые, «пуговицы» и щелкуны перестали тузить друг друга и, задрав головы, принялись глазеть.

Кто-то показывал на них пальцами и что-то кричал. Поняв, что от них требуется, Альфонс и Берта совершили несколько головоломных пируэтов прямо над толпой и были вознаграждены еще более громкими воплями восторга. Закончив представление, они подлетели к ольхе и, торжествующе улыбаясь, уселись там на виду у восхищенных поклонников.

Поздним вечером, когда последние из щелкунов уехали, несколько самых отважных лесных жителей подкрались к Калитке. Никто пока не делал никаких обнадеживающих заявлений, но все каким-то образом чувствовали, что положение изменилось к лучшему, и многие пребывали в состоянии, близком к эйфории.

Небо сверкало мириадами звезд, молодой полумесяц заливал Долгое поле своим водянистым светом, и разведчики без особого труда сумели рассмотреть прилепленный к воротам белый квадрат. Он был испещрен какими-то черными значками. Несколько мышей тут же взобрались по столбу, чтобы понюхать его, а одна отважная полевка даже попробовала отклеившийся уголок на вкус, однако лесным жителям так и не удалось отыскать ни одного ключа к загадке, которую представлял для них этот тонкий белый квадратик. Как мог этот предмет, хоть и странный, но явно не таящий в себе никаких особенных сил, так быстро сломить сопротивление белоголовых и спасти от них лес?

Так бы они и гадали, если бы Кувшинка, вокруг которой собралось несколько кроликов из числа Сопричастных Попечителей, не заявила, что знает правильный ответ.

— Это не что иное, как петиция! — самоуверенно провозгласила она, улыбаясь своей глупой улыбкой и качая головой, как бы удивляясь невежеству остальных. — Видите, надо было с самого начала слушать нас, Сопричастных Попечителей! Мы всегда придерживались мнения, что правильно составленная петиция — это единственно верный способ для решения самых запутанных проблем.

— Если хотите знать мое мнение, то все это просто треп! — шумно профыркал Борис, которого, впрочем,

никто не спрашивал. — Что, кувшинное рыло, примеряешь шкуру покойного предшественника? — с яростью обрушился он на Кувшинку. — Хорошо, глупое животное, попробуй побыть на его месте, только не забывай: именно *норки* сказали, что людей остановила так называемая петиция!

Это было правдой. Все, кто слышал высказывание Бориса, сразу поняли это и заметно помрачнели, и Филин, знавший много такого, чего не знали другие, решил промолчать. Меньше всего ему хотелось затевать спор с Борисом. Фредди уже однажды сказал ему, что прилепленный к мосту белый листок — «бумага», вот как это называлось — означал начало работ. Почему аналогичный листок на воротах означает их прекращение, Филин не понимал, однако, на его взгляд, это только подтверждало, что бумага обладает каким-то сверхъестественным могуществом, которое очень хорошо действует на людей. Но дело

было явно не в бумаге; Филин серьезно подозревал, что М-Пер-вый и М-Второй были абсолютно правы — Альфонс спас лес.

Прошло совсем немного времени, и соображения Филина подтвердились. С каждым днем толпа щелкунов на берегу все увеличивалась, в то время как белоголовые вовсе перестали приходить в лес. Некоторое время их никто не тревожил, потом на шоссе снова появилась колонна грохоталок. Свернув на Тропу, она выгрузила на Большой поляне небольшую группу людей, которые разбудили спавшие там две желтые копалки. Поначалу это напугало лесных жителей, однако, вместо того чтобы продолжить свою разрушительную работу, копалки с позором отступили по Тропе. На кабине головной машины все еще белел волшебный квадратик.

Весь остаток дня грохоталки то уезжали, то появлялись вновь, увозя с Большой поляны инструменты и материалы белоголовых. Уже в сумерках последняя из машин с урчанием выехала из леса; сидевшие в ней люди тщательно заперли ворота, погрузились внутрь и уехали.

— Вот оно! — гордо объявил М-Первый, готовясь вернуться на Плато, чтобы доложить Меге о полном и окончательном успехе. — Вряд ли мы когда-нибудь их увидим. Во всяком случае до тех пор, пока ты будешь продолжать свои полеты, бояться нечего, — строго добавил он, поворачиваясь к Альфонсу.

*1*Mais certainement *(франц.)* — ну конечно.

Глава 59. МОЛОДЕЖЬ — ВСЕГДА МОЛОДЕЖЬ

Душная истома позднего лета целиком овладела лесом. Утра по-прежнему были ясными и свежими, однако к полудню небо раскалялось так, что казалось сероватым, испускающим жгучий, ослепительный свет, и каждый, кому случалось взглянуть наверх, невольно щурил глаза, спасаясь от этого белого марева, повисшего над самыми верхушками деревьев. Такая погода — жаркие дни и душные ночи — держалась вот уже почти месяц, и в лесу стало сухо и неуютно. Редкие, короткие дожди положения не спасали: лесу необходим был хороший ливень, но грозовые тучи обходили его стороной. Выпадавшая по утрам роса была такой скудной, что ее не хватало даже для того, чтобы напоить самых крошечных козявок.

Все живые существа ждали и надеялись на дождь. Растения, выросшие на неблагодатной, каменистой почве Карьера, побурели от жары и стали сухими и ломкими; деревья с их глубокими и мощными корнями и выросшие под защитой раскидистых крон кусты еще кое-как держались, но из-за недостатка влаги их листья стали особенно плотными и кожистыми. Днем даже в самой глубине леса нередко можно было увидеть дерево с печально поникшей листвой, а земля была

усеяна уже опавшими листочками и сухими веточками, которые предательски шуршали и хрустели под лапками самой осторожной мыши. Кое-где земля настолько пересохла, что на ее поверхности появились трещины, в которые время от времени проваливались невнимательные насекомые.

Особенно сильно пострадали Большая поляна и Тропа. Сразу после ухода людей по всей ее длине стояли невысыхающие лужи, полные мутной, мертвой воды; теперь вода ушла, испарилась, а взрытая людьми и копалками глинистая земля, из которой местами торчали почерневшие, размозженные Ветки, стала твердой как камень.

Ручей, некогда пересекавший лес, иссяк, превратившись в редкую цепочку ям, заполненных подсыхающим илом, поверхность которого была испещрена следами самых разных существ, тщетно искавших здесь воду. Сырые, поросшие мхом низины высохли совершенно, а растения, привыкшие к обилию влаги, погибли. Вода сохранилась только в реке, но уровень ее сильно упал; она застаивалась и начинала дурно пахнуть; тина и водоросли колыхались у берегов сплошной слизистой массой.

Чем жарче становилось, тем сильнее пахло в воздухе горькой полынью и цветами бузины, и от этого атмосфера в лесу казалась особенно удушливой. Последние розовые колокольчики наперстянок висели на высоких безлистных стеблях, почти не шевелясь, и никакое, даже самое легкое дуновение не тревожило жесткую, высохшую траву Долгого поля.

Изнуряющая жара поглощала столько жизненных сил, что на протяжении всего дня животные и птицы почти не покидали своих гнезд и подземных нор, отправляясь за пропитанием только с наступлением темноты, а ведь это был сезон шиповника. Лесные жители всегда любили этот кусочек лета, но сейчас они, похоже, думали только о том, чтобы он поскорее кончился. Многие из них страдали по-настоящему; особенно доставалось роющим животным, которым приходилось подолгу царапать и скрести твердую, неподатливую землю, да и

насекомые, служившие им лишен, зарывались все глубже и глубже — туда, где были спасительная прохлада и влага.

В этой унылой борьбе за существование проходили дни за днями, и, хотя до Больших Холодов было еще далеко, многие замечали, как вечера становятся короче, а ночи — длиннее.

Неудивительно, что лесные жители постоянно чувствовали себя усталыми и часто раздражались без всякого повода. Впрочем, повод на самом деле был. Всеобщее беспокойство вызывала двуединая проблема, связанная одновременно с норками и с Альфонсом. Первые после ухода людей сразу развили бурную деятельность, хотя все рассчитывали, что они будут вести себя потише. Альфонс же просто-напросто вообразил о себе невесть что. Он важничал, всячески выставлял себя напоказ, ибо ему казалось, будто именно так ведут себя императоры. Однако чем большего почтения он требовал, тем ниже падала его популярность. Разных пород самцы-соперники, которых с самого начала терзала черная зависть, очень быстро решили, что сыты монархией по горло. Разлитию у них желчи способствовало и то, что их курочки по-прежнему теряли голову, стоило им только заметить вдалеке яркое золотисто-желтое оперение.

Когда самцы начинали ворчать, что это, мол, переходит всякие границы, самки тотчас бросались на защиту золотого красавца. «Почему, — вопрошали они, — вы не можете быть такими же сексуальными и галантными?» В обычных условиях самцы уже давно собрались бы большой стаей и изгнали из леса удачливого соперника, но Отдел норкетинга продолжал при каждом удобном и неудобном случае подчеркивать, что Альфонса надлежит ублажать. В результате самцам приходилось не только сдерживать

свои чувства, но и всячески обхаживать императора, потакая каждому его желанию и капризу.

После нескольких беззаботных недель, когда Альфонс и Берта вылетали к реке ради собственного удовольствия и без всяких понуканий, император начал

уставать от однообразной и скучной рутины. Его любовь к Берте была, как и прежде, крепка, да и жаркая погода ему не мешала, ибо к похожему климату Альфонс привык в своем *bois,* однако демонстрационные полеты стали для него докучливой обязанностью. В результате Альфонс стал непоследователен, раздражителен и непредсказуем. Он начал сам выставлять условия, то заявляя, что полетит только тогда, когда солнце светит достаточно ярко; то требуя длительного перерыва на сиесту, причем остальным живым существам воспрещалось шуметь, чтобы не мешать его отдыху; то вовсе отказываясь от полета, потому что, мол, на берегу собралась не достаточно большая толпа щелкунов.

Поначалу М-Первый и М-Второй старались заставить его исполнять свои обязанности уговорами и лестью. «Как может Ваше Превосходное Величество разочаровывать толпы своих поклонников, скрывая от них свою непревзойденную красоту? — заявляли братья. — Да если они не будут ежедневно видеть Вашу Благородную Желтость •— живое воплощение своих сладких снов и отраду сердца, — то просто не смогут жить спокойно!»

Однако лесть скоро перестала действовать, и норки заговорили с ним более суровым тоном.

В конце концов, заявили они императору, показательные полеты — это обязанность, которую он должен исполнять вне зависимости от того, нравится это ему или нет. Только от него зависит, вернутся ли в лес желтые человеческие копалки или нет.

Но когда Альфонса перестали пронимать высокие слова о чести и долге, М-Первый и М-Второй напрямик заявили императору, что, если они не сумеют убедить его, тогда они его заставят. После консультации с Мак-си был составлен график дежурств, согласно которому вместе с Альфонсом все время находилась какая-нибудь норка, которая не давала ему слишком разоряться и, рыча и скаля зубы, заставляла королевскую чету соблюдать полетное расписание в полном объеме.

Под таким нажимом Альфонс, хоть и неохотно, но все-таки вернулся к исполнению своих императорских

обязанностей, но он успел примелькаться людям, и количество щелкунов, собиравшихся на берегу реки, чтобы полюбоваться полетом золотой иволги, резко сократилось. Все чаще выпадали дни, когда первый щелкун занимал наблюдательный пост напротив ольхи не раньше полудня, а однажды к реке вообще никто не пришел, и возмущению Альфонса не было предела, когда конвойный из норок заставил его давать представление перед пустым залом.

— Пик миновал, — заметил как-то М-Первый, глядя на график посещаемости смотровой площадки напротив ольхи, который все больше напоминал гору в разрезе.

— Да, — печально согласился М-Второй. — Популярность императора стремительно падает. Он стал всего лишь еще одной птицей.

Самой одиозной птицей, как сказали бы лесные жители, если бы Отдел норкетинга пожелал узнать их мнение.

Между тем попытки Первого и Второго держать на должной высоте и самого Альфонса, и интерес к нему (первое в буквальном, а второе — в переносном смысле) осложнялись назревшим на Плато кризисом. Лето не самое лучшее время для норок, — жара их не щадила. Большую часть времени они отсиживались под землей или плескались в обмелевшей запруде, — все были сверх меры раздражены, озлоблены и проявляли свое недовольство по поводу и без повода. Любые трения между соседями грозили перерасти в шумную драку, а то и в настоящее восстание.

Но главную проблему представляло собой молодое поколение. Хотя все искренне радовались тому, как растет и крепнет колония, многие поняли, что резкое увеличение численности — а молодых зверей было теперь едва ли не вдвое больше, чем родителей,— еще неизвестно к чему приведет.

Прошло совсем немного времени, и норки с запоздалым сожалением вспомнили, как Макси предлагал поселиться в просторном Карьере. Норки постоянно конфликтовали из-за жизненного пространства, в котором

каждая семья нуждалась тем острее, чем больше в ней было щенков, успевших к тому же превратиться из сосунков-несмышленышей в неуправляемых и свирепых подростков. Возникло было намерение расширить колонию за счет площадки для желудьбола, располагавшейся выше по склону, однако Первый и Второй сумели убедить Мегу, что так проблему не решить. Разросшейся стае, утверждали они, будет тесно не только на Плато, но и в лесу. Во всяком случае, все их расчеты касательно рационирования и гастрономического прогнозирования однозначно показывали: без расширения охотничьих угодий норкам не прокормиться.

Отдел норкетинга предложил так называемый «Проект Х», суть которого заключалась в том, чтобы Мега выступил с несколькими речами и попытался убедить молодняк найти свой собственный лес, где они могли бы жить так же привольно, как жили их родители в Старом Лесу, и добровольно переселиться туда. Однако молодые норки считали лес, Плато и комплекс водных аттракционов Водорамы своими по праву рождения. Это были по-настоящему свободные и дикие звери, они не знали ни решеток, ни вольеров, ни строгого порядка, ни жизни взаперти, и у них не было воспоминаний, которые и тяготили старшее поколение, и объединяли его. Вдохнув запах свободы с первым глотком воздуха, молодые норки считали само собой разумеющимся, что Старый Лес — их собственность.

Понимая природу назревающего конфликта, Мега никак не мог решить, какую позицию ему занять. С самого начала их свободной жизни в лесу, с первых успехов он хотел только одного: чтобы колония вечно расширялась и крепла. Но бесконтрольное развитие колонии способно было стать причиной крушения всех его надежд.

— Необходимо созвать совещание руководства, — сообщил он Макси. — Я хочу, чтобы совещание было строго секретным. Подумай, где нам лучше устроиться.

— Может быть, в Карьере, мой Вождь? — предложил военный советник, с облегчением улыбаясь. Его вера в способности Меги была безграничной. За все

это время она ни разу не поколебалась, и теперь Мак-си с удовольствием увидел, что у Вождя сохранилось достаточно мужества, чтобы поднять вопрос, о котором все остальные знали, но предпочитали малодушно помалкивать.

Сидя на жестких, нагретых солнцем камнях старой каменоломни, М-Первый и М-Второй мрачно поглядывали на рябину, под которой собрались вожаки стаи. Именно под ней они испытали самое сильное унижение в своей жизни. Насколько им было известно, на Плато никто пока не знал о том, как они принесли присягу верности этому желтому ничтожеству, которое величало себя императором, однако всякое напоминание об инциденте заставляло их мрачнеть. Примерно такое же воздействие оказывал на них и Психо, который как раз взял слово.

— Необходимо смотреть правде в глаза: «Проект Х» провалился, — заявил он, не скрывая злобного удовлетворения. — Между тем молодняк строит планы, направленные на то, чтобы изгнать нас из леса. Разумеется, Мега, все их затеи пока на детском уровне, — добавил он с подобострастным смешком. — Ничего серьезного, с чем ты не мог бы справиться одним движением лапы. Тем не менее это тревожная тенденция, так что, боюсь, нам предстоит решить, на каких условиях произойдет раздел имущества — на наших или на ихних.

— На наших, — отрезал Мега.

— Уничтожить морально, а то и физически! — протявкал Макси, нещадно терзая свои встопорщенные усы. — Тогда у нас не будет больше проблем. Они не только грубы и непочтительны, мой Вождь, — продолжил он почти жалобно. — У меня складывается впечатление, что они готовы нарушить правила просто из любви к искусству. В отличие от нас и нашего поколения… Похоже, они вовсе не верят в кроличью угрозу. В общем, эти маленькие ублюдки убивают все, что шевелится, даже лесных кроликов, а это уже является

наглым нарушением твоего приказа. А несколько раз я видел, как они совершают неприличные жесты в направлении нашего священного символа! — Сам он не забывал салютовать кошачьему хвосту дважды в день — вечером и утром.

— Это очень скверно, Макси, — посочувствовал Мега, хотя самого его надругательство над священным символом странным образом не тронуло. С тех пор как он позволил Психо использовать полосатый фетиш, чтобы начать кампанию по истреблению ушастых, он в значительной степени охладел к хвосту. Это была реликвия давней эпохи, о которой даже он уже начал забывать. Неужели же молодые норки, которых ничто не связывало ни с хвостом, ни с тем, что он собой символизировал, будут относиться к нему с благоговением?

— Что вы можете сказать? — обратился он к Отделу норкетинга.

— Ситуация сложная, Мега, — отозвался М-Пер-вый, тщетно пытаясь взять искренний и сердечный тон. — Графики пищевой доступности по самым разным видам живых существ показывают, что в ближайшем будущем нас ожидает самый жестокий дефицит, за которым последует крушение рынка. Впрочем, мы не спешили бы хоронить «Проект Х»; несколько блестящих речей о достоинствах новых, неисследованных лесов, о славе первопроходцев, о героике нового фронтира*1* могли бы в конечном итоге сослужить нам добрую службу. Пока же мы предлагаем нечто совершенно новое и, как нам кажется,

любопытное. Это — «Хартия Молодых Норок». Мы гарантируем молодым норкам все возможные права, какие только можно придумать.

*1*Фронтир — понятие, обозначающее эпоху освоения земель Дикого Запада США (от *англ.* frontier — граница между освоенными и неосвоенными поселенцами землями).

Мега содрогнулся. Должно быть, успех Уникального Лесного Предложения совсем вскружил голову этим выходцам из лаборатории. Кажется, они собрались здесь, чтобы решить, как обуздать молодняк, а не как дать ему еще большие привилегии.

— Благодаря Хартии молодые норки смогут увидеть свое место в обществе под другим углом, — вставил М-Первый, предприняв отчаянную попытку объясниться. — В настоящее время основной козырь молодняка — это то, что руководство якобы не принимает в расчет их желаний и устремлений. Но как только появится «Хартия Молодых Норок», они сразу почувствуют, что они не обойдены, что от них тоже кое-что зависит. Неплохая идея, верно? Настоящий прорыв — мы оба так считаем.

— Н-да, довольно интересное предложение, — с прохладцей заметил Мега.

Близнецы сразу поникли, а Мега повернулся к Пси-хо, который наблюдал за обменом мнениями с плохо скрытым злорадством.

— Расскажи-ка мне, какие заговоры плетет молодняк, — потребовал он.

— Ну, если ты хочешь знать подробно… Ходили разговоры, будто тебя, дескать, пора свергнуть. Разумеется, ни у кого из молодых не хватит духа вызвать тебя на поединок, — быстро добавил он. — Кое-кто хотел бы выставить тебя в смешном свете и подорвать твой авторитет. Например, подсунуть тебе какую-то траву — они про нее узнали от одного пленного кролика. От нее якобы вылезает вся шерсть.

Глядя на Психо, Мега подумал, что в его манере держаться появилась какая-то странная суетливость. Можно ли полагаться на его донесения? Не попытаться ли лучше разузнать кое-что самому? С другой стороны, почему Психо — да и другие тоже — никак не поймут, что младшему поколению всегда было свойственно бунтовать против старших, против установленных ими порядков и даже посягать на авторитет вождей. Им бы гордиться, что молодые норки обладают такой энергией и неукротимым духом, а не уничтожать их морально и физически, как предлагал Макси. Да и эта затея с «Хартией Молодых Норок»… Впрочем, не мешало бы повнимательнее к ней присмотреться.

— Проблема только намечается, Мега, — сказала неожиданно Мата, хотя ее никто не спрашивал. — Фак-

тически нам необходимо внимательно приглядывать только за одним — за Минимусом. Он у них главный зачинщик.

Психо, с любопытством прислушивавшийся, важно кивнул, и Мега вдруг подумал, насколько он и упомянутый Минимус похожи между собой. Оба родились маленькими, болезненными и хилыми, оба оказались наделены изобретательностью и хитростью. Впрочем, Минимус, в отличие от мастера-импровизатора, держался приветливо и дружелюбно.

— В каждом поколении обязательно должен быть смутьян, причем не обязательно явный, — рассудительно подсказала Мата, словно прочтя мысли Меги. Эти слова заставили Психо поморщиться.

«Интересно, он действительно выглядит виноватым или мне это показалось?»— спросил себя Мега и неожиданно для самого себя задал Мате вопрос, который при других обстоятельствах предпочел бы задать наедине:

— А каков твой прогноз?

— Маленькие норки с каждым днем становятся старше, а маленькие зубки — острее, — спокойно ответила она.

Мега состроил недовольную гримасу. Ну что толку от ее загадок? С тех пор как в колонии появились новорожденные, Мега начал подозревать, что Мата хитростью лишила его удовольствия и почетной обязанности быть настоящим отцом, хотя теоретически он и считался отцом всего молодого поколения. Жалела ли она о своем решении — не становиться матерью,— Мега не знал. Несколько раз он ловил ее тоскливый взгляд, направленный на какую-нибудь счастливую мать, кормящую своих малышей. То же самое выражение появлялось на ее мордочке и позже — когда она наблюдала, как щенки гоняются за бабочками, насекомыми, за сухими листьями или просто за чем-нибудь движущимся, хотя бы это была их собственная тень. Да разве могла она не чувствовать то же, что чувствовал и он при виде этих подвижных, излучающих энергию существ, которые умели так радоваться жизни?

Совещание отделалось половинчатыми, временными решениями, и никто даже не попытался отыскать корень проблемы. Впрочем, Мега, возможно, тоже не сумел бы этого сделать. Пожалуй, ему — и всем — необходимо подумать еще. Вот что он сделает — устроит себе небольшую передышку и пройдется до Плато один, без пары низколобых норковоротов-телохранителей, и поразмыслит над всем этим как следует.

Глава 60. ЗАКЛАНИЕ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

Легким шагом Мега двигался по лесной тропинке, петлявшей между деревьями.

— Правь, Норкомафия! Правь лесами! — довольным голосом пропел он, раздавив зубами выползшего на тропинку фиолетового жука и выплюнув хитиновую шелуху. Как он и рассчитывал, подавленное настроение оставило его, как только он покинул Карьер. В душной неподвижности воздуха он уловил первые признаки еще далекой грозы. Это только обрадовало его. Хороший дождь — это как раз то, что нужно лесу и норкам. Только он мог принести с собой желанную прохладу и рассеять скопившееся в атмосфере напряжение.

Но как только Мега приблизился к Плато, инстинктивное чувство опасности пронзило его насквозь, и добродушное настроение сразу куда-то исчезло. Что-то было не так. Дикий чеснок забивал все остальные запахи, так что ничего особенного его чуткий нос не уловил. Только прислушавшись как следует, Мега понял причину беспокойства. Ни с самого Плато, ни со стороны Водорамы не доносилось ни звука, если не считать редких

птичьих криков. Можно было думать, что Плато вовсе покинуто норками, но ведь этого не могло быть!..

Мега припал к земле и осторожно пополз вверх по склону. У куста боярышника он приподнял голову, ожидая строгого окрика дозорного. Макси настоял на том, чтобы из соображений безопасности даже он, Вождь, называл пароль, проходя через посты, однако никто не окликал его. Наконец Мега заглянул за куст и увидел, что на посту никого нет.

Колокола тревоги били уже вовсю. Самовольно оставить пост считалось тягчайшим преступлением, и за всю историю существования колонии ничего подобного никогда не случалось.

Достигнув края обрыва, он не решился беззаботно запрыгнуть на него, как раньше. Осторожно приподняв голову, Мега сразу убедился, что его подозрения не беспочвенны. Нигде не было видно ни одной норки. Огромное чучело кролика, как всегда, скалило свои острые зубы, с ветки бука неподвижно свисал кошачий хвост, но то, что было разбросано под ним, заставило Мегу вздрогнуть от ярости: по зеленой траве были разбросаны яркие золотисто-желтые перья. Даже издалека Мега различил два крыла, выпотрошенную тушку и одну лапку, которая почему-то стояла вертикально, судорожно вцепившись в траву, хотя и ничего не поддерживала. Чуть ближе валялась отгрызенная голова золотой иволги. Потухший глаз смотрел прямо сквозь Мегу, а отверстие в макушке яснее ясного показывало, что мозги высосаны.

Что произошло? Почему? Ни один из сценариев, о которых докладывал Психо, не подразумевал ничего в этом роде. Как могли эти молодые идиоты поступить столь эгоистично и недальновидно? Неужели они не знали, что убивают единственное в лесу существо, которое защищало их всех от людей с их копалками и жужжалками?

А они вовсе не так глупы, понял Мега. Им хватило ума проделать это, пока никого из вождей не было на Плато. Он сам велел Макси сделать так, чтобы никто не знал, где состоится их секретное совещание, — вот почему никто не прибежал к ним и не предупредил. Пожалуй даже, это было не просто умно, а *слишком* умно! Должно быть, один из его соратников проговорился, и проговорился в самый последний момент, иначе кто-нибудь из информаторов Психо успел бы предупредить своего шефа. Но кто мог проговориться? И кто сумел организовать убийство Альфонса в такие сжатые сроки? Скорее всего, заговорщики все-таки действовали по заранее разработанному плану, но если так, то где была агентура мастера-импровизатора?

Мега обернулся. Его соратников пока не было видно. Он был один на открытом месте, но его никто не атаковал. Если бы молодняк собирался предпринять что-то в этом роде, на него бы уже давно напали…

В кустах раздался треск переломившейся сухой веточки, за ним послышалось сдавленное фырканье, и Мега резким движением вскинул голову. Значит, вот где они прячутся, эти подонки? Вот какова их храбрость — сначала за его спиной они нападают на беззащитную птицу, а потом прячутся в кусты! Ну раз так — он разберется с ними здесь и сейчас!

Мигом позабыв все то хорошее, что он так недавно думал о молодежи, Мега поднял к небу морду и залаял.

— Я знаю, вы там! — крикнул он, оскалив зубы. — И если вы настоящие норки, вы выйдете и будете драться! А нет — навеки останетесь презренными трусами!

В кустах что-то зашуршало, но ответа не было.

— Ну, выходите же, желтобрюхие трусы! — еще раз крикнул он. — Я, Мега, вызываю вас!

Шуршание стало громче, но никто не вышел.

— Ну тогда я сам приду за вашими головами! — рявкнул Мега и, распушив хвост и встопорщив шерсть на загривке, бочком двинулся вперед на прямых напряженных лапах.

Кусты затряслись, заходили ходуном, словно живые, и Мега услышал стремительно удаляющиеся прыжки и треск ломаемых ветвей.

Он даже не стал преследовать их. Обратившись в бегство, заговорщики заставили Мегу презирать их еще сильнее. Если они не выдадут себя тем, что не вернутся в колонию, размышлял Мега, постепенно успокаиваясь, тогда придется поручить Психо выяснить через свои источники, кто это был. Правда, от Психо теперь можно ожидать любой импровизации… Кто-то где-то его предал — вот в чем дело!

Но Мега не мог позволить себе гадать о будущем — надо было срочно заняться настоящим. Первым делом, решил он, необходимо уничтожить останки убитой иволги. Убрав их с глаз долой, Мега рассчитывал добиться того, чтобы инцидент не задержался в коллективной памяти колонии и не тяготел над ее сознанием.

Мега подбежал к краю Плато и заглянул вниз. Остальное начальство успело одолеть только половину подъема — Макси, отдуваясь, карабкался первым, за ним — М-Первый и М-Второй, замыкал шествие Психо. Маты нигде не было видно.

— С тобой все в порядке, Вождь?! — взволнованно крикнул Макси, заметив на фоне неба голову Меги. — А где мои часовые?

— Со мной все в порядке! — громко ответил Мега. Его вид был столь ужасен, что все четверо застыли

как статуи.

— Система безопасности не сработала? — донесся снизу встревоженный басок Макси.

Когда четверка оказалась наверху, он не позволил им долго ахать и охать.

— Что да как — разберемся потом, — проворчал Мега, пока его соратники, раскрыв рты, глазели на ковер из желтых перьев. Как и следовало ожидать, наиболее сильный шок испытали М-Первый и М-Второй — у Первого задергались оба глаза, а Второй замер, неестественно выпрямившись.

— Собрать все это в одну кучу! Все, до последнего перышка, до последней пушинки! — приказал Мега.

Сам он стал торопливо пожирать тушку золотой иволги. Казалось, от него исходят волны холодной ярости и угрозы, и у всех четверых по спинам забегали мурашки. Избегая смотреть на Вождя, они стремительно рассыпались по Плато.

Когда перья были сложены в кучу, Мега велел своим помощникам перенести их выше по склону, где была глубокая расселина. Пока Макси заталкивал перья в яму и засыпал землей, остальные разделили Плато на четыре части, чтобы в последний раз убедиться, что нигде не осталось никаких следов.

Они ничего не пропустили, за исключением одного блестящего, золотисто-желтого с черным кончиком махового пера, которое Мега втайне от всех спрятал в своей норе.

Глава 61. КРУШЕНИЕ НА КАМНЯХ БЫТИЯ

Слухи о смерти Альфонса распространились по лесу с удивительной быстротой, и Филин, которого довольно бесцеремонно разбудил один из сородичей Берты, полетел прямо на Плато. Какое гуано опять замыслили эти норки?

Глазам его предстало любопытное зрелище. На Плато не было ни одной норки, если не считать вожаков стаи, которые сновали во всех направлениях, выискивая в траве желтые перья, несомненно принадлежавшие покойному императору. Судя по всему, несчастный Альфонс был не просто убит, но разорван на клочки. При виде кучки желтого пуха, испачканного красным, Филин почувствовал дурноту, но еще хуже ему стало, когда он увидел, как Мега, скорчившись в траве, торопливо рвет зубами окровавленные останки злосчастной золотой иволги.

На Малой поляне он застал безутешную Берту.

— Почему? — горько рыдая, повторяла она, не слушая утешений Раки.

Вокруг стояли мрачные лесные жители.

Оставив вдовствующую императрицу на попечение Раки, Филин поманил в сторонку потрясенных рабынь-завирушек и допросил их так вежливо, как только сумел, однако сведения, которые ему удалось из них вытянуть, никак не складывались в логическую картину. По словам завирушек, норка, сопровождавшая Альфонса, как раз ушла на обеденный перерыв («обеденный» они произнесли с дрожью в голосе), когда под деревом появилась другая, совсем молодая норка, которую они раньше не видели. Лестью и уговорами ей удалось убедить Альфонса, что присутствие Его Величества необходимо на

Плато. Норочий главарь Мега якобы хотел не только лично встретиться с императором, но и вручить ему специальную награду за особые заслуги перед лесом. Завирушкам, ввиду их несомненной умственной неполноценности, эта инициатива весьма понравилась, да и посланец Меги — даже на вид слабенький и довольно хилый по сравнению с другими норками — показался им не особенно опасным. Они даже решили, что эта молодая норка не годится ни на что другое, кроме как бегать с поручениями. Кроме того, Альфонс в последнее время обращался с завирушками как с какой-нибудь самой грязной грязью, и они прекрасно понимали причину — он не получал от своего шоу прежнего удовольствия. По их мнению, похвалы и награды от Вождя норок должны были не только подбодрить

Альфонса, но и напомнить ему о его выдающейся роли в истории леса, и завирушки втайне надеялись, что в этом случае их жизнь станет полегче.

Альфонс разговаривал с посланцем норок в своей обычной надменной манере, но по всему было видно, как он польщен.

«Пожалуй Наши Величества соблаговолить удостоить вас этой чести: мы с императрицей вылетать незамедлительно».

Но Берта отказалась лететь — она-де слишком устала. Она прекрасно знала, что норки рассматривают ее как никому не нужное приложение к Его Желтости и боялась осложнить положение. Тогда Альфонс подтвердил посланцу норок, что в любом случае скоро прибудет, а сам принялся успокаивать Берту и даже послал завирушек за какими-нибудь ягодами для подкрепления сил. В конце концов он все же вылетел один, но не раньше, чем завирушки привели в порядок его перья.

Больше его никто не видел.

— Это вшо иж-жа меня! — всхлипывала Берта. — Ешли бы я только полетела ш ним!.. Я могла бы пожертвовать шобой ради него, а теперь мой Альфонш мертв, мертв, мертв!..

Филин и Рака беспомощно глядели, как она бьется головой об землю.

— Я лечу обратно на Плато, — шепнул Филин Раке. Холодная ярость переполняла его. До сих пор у него

не было оснований сомневаться в данном Мегрй торжественном обещании, что норки не тронут Альфонса ни при каких обстоятельствах. Даже сейчас Филин надеялся найти какое-то рациональное объяснение случившемуся.

Однако, когда он оказался в непосредственной близости от Плато, его гнев и недоумение стали еще больше. Окровавленные останки золотой иволги исчезли, словно Альфонс никогда не существовал в природе, — нигде не было видно ни одного желтого перышка. Зато все норки были налицо: они сидели тесной группой, и Мега обращался к ним с речью. Вокруг с грозным видом расхаживали Макси и его норковороты.

Филин спустился к кусту боярышника.

— Передай Меге, что я хочу встретиться с ним в Карьере. Сейчас! — властно крикнул он часовому.

— Пароль?! — раздалось из гущи колючих веток.

— Если ты немедленно не известишь вождя, твой пароль будет «смерть»! — грозно проухал Филин, указывая кончиком крыла на Бориса, который медленно ковылял в их сторону.

Часовой бросил в сторону барсука только один взгляд и во всю прыть понесся вверх по склону, а Филин легко взмыл в воздух и полетел к заброшенной каменоломне. Если барсук решил поразмяться — что ж, удачи ему! Филин не видел смысла впредь сдерживать его враждебность.

Праведный гнев настолько ослепил его, что Филин даже не подумал, как быть, если Мега просто не захочет с ним встретиться. Когда же тот все-таки появился, Филин задал ему тот же вопрос, что повторяла безутешная Берта:

— Почему?

— Мне очень жаль, — с сокрушенным видом отозвался главарь норок. — Это было непреднамеренно.

Филин невольно вздрогнул. Он никак не ожидал услышать извинения — во всяком случае, в самом начале разговора.

— Но я своими глазами видел, как ты жрал его тело!

— У меня не было выбора. Я должен был уничтожить все следы, — устало вздохнул Мега. — Убили его не мы, то есть не лидеры. Альфонса прикончил молодняк.

Он замолчал, и по задумчивому выражению его морды Филин понял, что сейчас самое лучшее проявить выдержку и дать вождю норок возможность выговориться.

— Мне самому все это очень не нравится, — нарушил молчание Мега, — но ты должен поверить мне. Боюсь, в последнее время у нас в колонии возникли кое-какие проблемы с молодым поколением. Поначалу это не казалось серьезным… Мы просто не думали, что может до этого дойти. Повторяю, мне очень жаль. Как и тебе, наверное…

Филин ответил не сразу. Все становилось на свои места. Поначалу он решил было, что после ухода людей норки взялись за старое, но теперь, если он только не ослышался, Мега открыто признавал: он потерял контроль над ситуацией. Вот почему кампания по истреблению ушастых стала свирепой, как никогда! Вот почему кроликов убивали теперь не только в дальних полях, но и в самом лесу!

— Я пытаюсь разобраться с этим, — прибавил Мега, нарушив цепь его размышлений. — Уверяю тебя, в будущем ничего подобного не случится.

— Боюсь, уже поздно, — заметил Филин, стараясь сдержать свою горечь и гнев.

И все равно ему продолжало казаться, что стоит дать вождю норок шанс. Больше того, если Мега действительно собирался найти виновных и примерно их наказать, он мог кое-чем ему помочь.

— Не знаю, говорит ли это тебе что-нибудь или нет, — сказал он, — но Альфонса заманил в ловушку молодой самец. Он сказал, будто ты приглашаешь его на Плато, чтобы наградить за спасение леса. Завирушкам он показался маленьким и каким-то больным с виду. Альфонс легко попался на эту удочку.

— Спасибо, — отозвался Мега. — Это как раз те сведения, которые были мне нужны. Не беспокойся, я разберусь.

Филину, который слушал его очень внимательно, неожиданно показалось, что Мега слегка колеблется.

«Вот гуано, — подумал Филин, когда его вдруг осенило. — Да Мега просто-напросто проспал заговор, который зрел у него под носом! Он потерял свое политическое чутье и вот-вот потеряет власть!»

Но если Мега больше не может удерживать своих норок железной хваткой, то все его обещания не стоят выеденного яйца. Теперь в лесу может произойти что угодно, а Мега не в силах будет это предотвратить. Хуже того, он может узнать о случившемся самым последним.

— Я еще не утратил контроль над ситуацией, — перебил ход его мыслей Мега. — Держись подальше, ясно? Это наше, норочье дело.

И он быстро выскользнул из каменоломни. Филин чувствовал себя смущенным. Его сотрудничеству с вождем норок, очевидно, пришел конец, а он так и не выяснил, зачем понадобилось прятать останки Альфонса и куда норки девали все эти перья.

Он еще долго сидел в пустынной чаше Карьера и размышлял. До сегодняшнего дня он кое-как справлялся со своим предубеждением против норок, ибо вынужден был сотрудничать с ними в борьбе против людей, готовых погубить лес. Мысленно оправдываясь перед самим собой и остальными, Филин — в какой-то степени повторяя слова Юлы — твердил себе, что в чем-чем, а в эффективности норкам отказать нельзя. Теперь, как он ни старался, он не мог даже представить себе, какое живое существо смогло бы помочь им одолеть норок. Вряд ли это были щелкуны, которые все еще собирались на шоссе и подолгу ждали появления своего драгоценного золотого чуда.

Филин внезапно подпрыгнул, пораженный новой идеей, которая пришла к нему в голову как озарение. Как он не додумался до этого раньше?! Он был так зол на себя, что ему захотелось дать себе здоровенного пинка

в украшенный гладкими перьями зад. А еще считал завирушек туповатыми! Вот оно — решение! Нужно только найти способ известить щелкунов о присутствии норок и о гибели Альфонса. Тогда люди сделают работу за них и отомстят хищникам за злодейское убийство редкой золотой иволги. Вот только как известить их потенциальных спасителей о том, что произошло?

Можно было бы бросить на берегу реки несколько желтых перьев, вот только Мега как будто специально позаботился о том, чтобы от несчастного Альфонса не осталось и следа. Как же быть?

«М-Первый и М-Второй наверняка что-нибудь придумали бы»,— подумал он с мрачным юмором, но в такой ситуации вряд ли стоило обращаться к ним за консультацией. Но кого еще можно попросить о помощи, не подвергая опасности всю затею? Конечно, он может безусловно доверять Борису, но из-за Альфонса они так резко разошлись во мнениях, что в последнее время почти не разговаривали. Нет, они не ссорились, но вряд ли сумеют помириться.

При мысли о том, что могло бы случиться, если бы он доверился Кувшинке или кому-то еще из числа Сопричастных Попечителей, у Филина что-то екнуло в груди. Кролики были хуже, чем бесполезны; они, несомненно, устроили бы митинг и погубили всю затею в зародыше. Если норки узнают, что он задумал, они никогда не простят ему предательства. Если стая норок поставит себе целью расправиться с ним, то рано или поздно они его схватят. И Юлу тоже. Норки не успокоятся, пока не перебьют в лесу все живое. Даже если

молодняк действительно вырвался из-под контроля старших, перспектива была немногим лучше. В этом последнем случае свара между поколениями норок просто обескровит лесное сообщество и обречет его на медленную гибель.

Да, проблема оказалась запутанной, как повилика в шиповнике, нечего было и пытаться решить ее в одиночку.

Для начала он решил рассказать Берте и Раке, как погиб Альфонс, однако, когда он достиг Малой поляны, вдовствующей императрицы там уже не было.

— Она захотела побыть одной, и я решила уважить ее желание, — пояснила Рака. — Она обещала скоро вернуться.

— А где остальные?

— Кувшинка увела завирушек на митинг, остальные тоже пошли с ней. Кстати, она просила передать тебе, что ты просто-таки обязан на нем председательствовать.

— Пусть не надеется,— бросил Филин.

— Я беспокоюсь из-за Берты, Фил,— призналась Рака. — Она уже давно должна была вернуться.

— Она уже взрослая, — рассеянно отозвался Филин, думая о своем.

Ему очень хотелось начать действовать до того, как щелкуны поймут, что золотая иволга больше не живет в этом лесу. Если не подсказать им, какая беда стряслась с Альфонсом на самом деле, они просто подумают, будто он улетел куда-то в другое место, и перестанут собираться на берегу реки. Нет, нужно как можно скорее поделиться своими соображениями с кем-то, от кого можно ждать разумного совета. Хотя бы с той же Ракой. К тому же ей просто необходимо заняться чем-нибудь новым. Это ее отвлечет.

— Пожалуй, такое дело по плечу только этим двоим из Отдела норкетинга,— задумчиво проговорила Рака.

Она почти сразу согласилась с предложением Филина, но тоже никак не могла сообразить, кто из живых существ способен оказать им помощь в таком деликатном вопросе.

— Есть, правда, Фредди…— добавила она, но так, словно размышляла вслух.

— А-а, этот пронырливый ублюдок! — с презрением бросил Филин.

Но он тут же вынужден был согласиться, что Рака, пожалуй, права. Лис с его умением сталкивать лбами две противоборствующие стороны и использовать результат к своей выгоде, несомненно, был тем, кто им нужен. И сразу сам себе возразил: Фредди якшался и с норками, а значит, с легкостью может предать и лес.

если так ему будет удобнее. Именно поэтому в свое время Филин сделал все, чтобы держать лиса подальше от их лесных дел.

Рака как раз собиралась ответить, когда на поляну, громко хлопая крыльями, вылетели два очумелых дрозда.

— Там!..— закричали они.— Там Берта!.. Летим скорее!!!

Тело Берты лежало на дне Карьера. Шея у нее была сломана. Потрясенный щегол, единственный свидетель происшествия, рассказал им, что Берта на полной скорости ударилась головой в каменную стену. По его словам, она как будто даже не видела препятствия.

Наклоняясь над скрюченным тельцем, Филин заметил, что Рака вот-вот заплачет. Она успела полюбить Берту, которая, несмотря на свое высокое положение императрицы, продолжала потихоньку встречаться с ней. Рака восхищалась тем, как твердо Берта стоит на земле, хотя и продолжала бояться за нее. И вот ее самые страшные опасения оправдались.

Филин подумал о том отчаянии, в которое повергнет лесных жителей весть о постигшем их несчастье. Ему необходимо было действовать быстро и решительно.

— Я передумал, — заявил он. — Слетаю-ка я повидать Фредди. От меня, во всяком случае, не убудет.

— Я рада слышать это, Фил, — с благодарностью отозвалась Рака. — В душе лис всегда был предан лесу.

Глава 62. ИСКУССТВО ВИЛЬНУТЬ ХВОСТОМ

Кружа в вечернем темном небе, Филин высматривал Фредди. Наконец лис осторожно выбрался из норы и огляделся.

Убедившись, что опасности нет, Фредди коротко тявкнул, и из норы показалась его семья — несколько ярко-рыжих пушистых лисят. Наблюдая, как терпеливо Фредди сносит их неловкие укусы и броски, Филин удивился — почему-то раньше он никогда не задумывался об этой стороне его характера и не подозревал, что лис может быть заботливым и нежным отцом. По всему было видно, как Фредди нравится эта возня, однако она продолжалась недолго. Попрощавшись с детьми и супругой, которая на минутку высунулась из норы и тут же спряталась обратно, лис отправился по своему обычному маршруту вдоль гребней холмов. Если он и заметил в небе Филина, то не подал виду.

Лис медленно трусил по тропинке, чутко принюхиваясь и прислушиваясь ко всем подозрительным шорохам, и Филин невольно залюбовался простой грацией, с которой Фредди управлялся со своим длинным и гибким телом, одетым в роскошную рыжую шубу, хорошо заметную на фоне темно-зеленой травы, но напоминавшую своим цветом великолепие близкой осени. Что и говорить, лис был очень красив, и Филин даже позавидовал ему — правда, совсем немножко. Зная повадки Фредди, он легко мог предугадать, какую дорогу выберет лис, и полетел вперед, чтобы перехватить его.

Вот внизу промелькнула знакомая полянка. Филин круто спикировал вниз и уселся на ветке молодого ясеня, под которым — он знал — Фредди обязательно пройдет сразу после того, как проскользнет мимо вон тех зарослей ежевики.

Лис бесшумно возник из-за кустов и остановился в замешательстве, держа переднюю лапу на весу.

— Как дела, Фредди? — приветливо окликнул его Филин.

— Неплохо, Фил, неплохо, — с осторожностью ответил лис. — Давненько мы не виделись. А как у тебя?

— В общем, все в порядке, если не считать норок,— небрежно ответил Филин.— А тебе они не мешают?

— Понемножку справляемся.

«Еще бы ты не справлялся, старый пес, — подумал Филин. — Будь в тебе побольше честности и поменьше

осторожности, ты бы обязательно похвастался, как ловко ты к ним приспособился*.

— Я слышал, они опять взялись за старое, — неожиданно добавил Фредди. — Никогда не видел, чтобы они так волновались. Особенно молодняк… Это что-то совсем особенное.

— К сожалению, ты прав, — согласился Филин. — Похоже, избавившись от людей, мы совсем немногого достигли.

Словно в подтверждение его слов, ветер донес с Плато дикий многоголосый визг, и оба невольно замерли, стараясь разобраться, был ли это крик боли или удовольствия. Пожалуй, последнее, решили оба одновременно и с пониманием кивнули друг другу.

— Снова этот проклятый водный аттракцион, — вздохнул Филин.— Попробуй-ка поспи днем, когда там такое творится!

Фредди сочувственно кивнул. Пауза затягивалась, и Филин догадался, что прервать ее придется ему (Фредди всегда предоставлял инициативу собеседнику).

— Я тебя не задерживаю? — небрежно осведомился он.

— Вчера вечером тут неподалеку была уничтожена кроличья колония, — сказал Фредди, впервые посмотрев на Филина прямо.— Ты, наверное, знаешь… Я хотел взглянуть, не осталось ли там чего-нибудь для меня. Но это, конечно, может подождать.

Он уселся на траву под кустом, почесал за ухом и ухмыльнулся во всю ширину пасти.

— Ты близко с ними сошелся?

— Это было давно, — возразил лис, оправдываясь. — Всем нужно как-то жить, знаешь ли… Но сейчас — нет. Норки перешли всякие границы; даже мне кажется, что они перегнули палку.

Филин был поражен: не в характере Фредди было высказываться о ситуации определенно, тем более о ситуации, которая его устраивала.

— Они не такие, как мы, правда? — спросил он как можно мягче. — Для них нет ничего святого, и они не чтут устоев… — Он ненадолго задумался, пытаясь найти

верные слова. — Норки не понимают девиза «Живи сам и дай жить другим», я правильно понимаю?

— Живи сам, и пусть другие подохнут — вот какого принципа они придерживаются, — проворчал Фредди. — Когда они только появились в лесу, — добавил он, — я подумал: вот что-то новое, такое, что может оказаться полезным всем нам — или, по крайней мере, мне. — Лис печально улыбнулся. — Мне казалось, хорошая встряска пойдет лесу только на пользу. На многое здесь стали бы смотреть по другому…

«К чему клонит этот старый хитрюга?» — задумался Филин. Голос Фредди звучал почти искренне:

— Я ошибался, Фил. Ты совершенно прав. Норки никогда не станут здесь своими. Они — чужие!

Вот оно, слово, в поисках которого Филин так долго ломал себе голову!

— Ты ухватил самую суть! — взволнованно воскликнул он. — Они — чужаки!

Пора, решил он, пора переходить к главному — к осенившей его идее.

— Люди не зря держали их в клетках, как ты полагаешь? — спросил он. — Теперь, когда норки убили Альфонса, щелкуны будут ненавидеть их так же, как и мы. Я вот что хочу сказать, Фредди…— замялся он, нежданно-негаданно сбившись с мысли. — Что, если люди узнают, кто живет в лесу и кто убил золотую иволгу? Что они тогда сделают? Может быть, они избавят нас от норок?

Вот и все, подумал он в смятении. Теперь все было в лапах Фредди. Если лис расскажет норкам, о чем они тут болтали, это будет… «конец леса как такового», — всплыла в памяти любимая фраза Сопричастных Попечителей.

Фредди наморщил чувствительный нос.

— Я сам думал о чем-то подобном, Фил, но, признаюсь откровенно, меня это не занимает. Больше не занимает, — подчеркнул он. — Я давно уже хотел кое-что рассказать тебе по старой дружбе, да все не представлялось удобного случая. Пожалуй, не поздно сказать об этом сейчас. Я и моя семья — мы решили уйти.

От изумления Филин чуть не свалился с ветки, и ему пришлось пустить в ход крылья, чтобы восстановить равновесие. Фредди всегда был себе на уме, но чтоб такое! Он жил в лесу, как и все остальные, так с чего же ему вдруг вздумалось уходить именно сейчас? Вряд ли дело тут в норках, тогда в чем же?

— Прилетай завтра, и я все объясню. Тебе просто будет легче понять меня, когда ты познакомишься с моей семьей.

Предложение Фредди познакомить его с семьей польстило Филину — даже в лучшие дни Общества Памяти Полевой Мыши они старались не касаться домашних проблем.

— Буду очень рад, — искренне ответил он и добавил: — Ты прав насчет кроличьей колонии. Норки разгромили садок в среднем течении реки — поблизости от места, где гнездятся серые цапли. Вороны там уже похозяйничали, но ты не пожалеешь, если отправишься туда: там еще много осталось.

— Спасибо, Фил. — Лис кивнул и дружески улыбнулся. — Может быть, нам, лесным жителям, стоит держаться заодно, а?

Филину не пришлось жалеть о потраченном времени, когда на следующий вечер лис представил его своей супруге. Да и наблюдать за тем, как Фредди играет с лисятами, ему было приятно.

Как бы там ни было, он испытывал к Фредди особенное расположение, когда они добрались до Карьера, на дне которого уже сгущалась темнота. Обоим казалось, что лучшего места для серьезного разговора не найти во всем лесу. Тем не менее Филин время от времени нервно вздрагивал, и влажный ночной холод был здесь ни при чем. Если Фредди предал его, то это, скорее всего, должно было выясниться здесь же, в каменоломне, и он вздохнул с облегчением, когда никакой засады на месте встречи не оказалось. К тому же Фредди тепло поблагодарил его за подсказку насчет кроличьего садка, и Филин совсем расслабился.

— Ты хотел объяснить мне, почему ты решил уйти.

— Что было самого плохого в твоей жизни? — вдруг спросил лис, и Филин озадаченно замолчал. Он как-то не думал о таких вещах и не был готов ответить на этот вопрос. Впрочем, Фредди не нуждался в его ответах.

— Для меня самым худшим всегда была травля лисиц, — продолжал он. — Для всего нашего племени это самое скверное, что может с нами случиться. Представь себе, ты живешь себе спокойно, потихоньку занимаешься своими делами и ничто-то тебя не заботит, кроме безопасности твоей норы, дичи насущной и вопросов продолжения рода. Все очень хорошо, все налажено, так что иногда даже позволяешь себе всякие невинные развлечения… И вдруг из-за холма вылетает свора разъяренных гончих и люди верхами. И все они против тебя, а ты один, и рядом никого.

Филин удивленно уставился на Фредди. Он никогда еще не видел своего друга таким взволнованным.

— Конечно, если быть до конца откровенным, приятно потягаться с таким сильным соперником, особенно если уверен, что, когда станет по-настоящему туго, можно будет вильнуть хвостом и сбить погоню со следа каким-нибудь подходящим способом. Если действовать трезво, с холодной головой, от охотников можно просто убежать. Но вместе с тем ты знаешь: одна ошибка, один неверный поворот или случайное падение — и тебе конец. И чем старше становишься, тем меньше у тебя шансов победить в этой гонке.

Он снова посмотрел на Филина в упор, хотя это никогда не было ему свойственно.

— Самая скверная штука, Фил, это отсутствие уверенности, когда не знаешь, что будет завтра с тобой самим и со всем тем, ради чего ты столько времени трудился не покладая сил… Не надейся на щелкунов, они остановили копалки, но что они сделали для того, чтобы запретить охоту на лисиц?

Филин всегда считал, что у людей есть достаточно причин, чтобы охотиться на Фредди и ему подобных.

Взять хотя бы опустошительные налеты на курятники… Лисы нарушали слишком много правил, чтобы любое живое существо — будь то человек или распоследняя лесная мышь — могло чувствовать себя комфортно по соседству с ними.

— Тяжело вам приходится? — спросил он, прибегнув к этой нейтральной фразе, чтобы что-нибудь сказать.

— Не то слово, Фил, не то слово…— мрачно отозвался Фредди. — И опасность грозит нам даже в самых глухих уголках. Вот почему мы, как и многие другие лисы, решили, что жить рядом с человеком намного безопаснее, чем стараться избегать его любой ценой. Как ни парадоксально это звучит… В наши дни все больше лисьих семейств переселяются на окраины больших человеческих колоний, которые называются городами. Известно ли тебе, Фил, что у людей в городах так много еды, что они ее выбрасывают? И какой еды!.. Экзотические сорта мяса, острые соусы, морская рыба, какая-то очень вкусная штука, которая называется сыр, сахарные косточки, требуха… да всего и не перечислишь! Люди в городах специально собирают всю эту ненужную снедь в такие большие железные ящики, и это, как ты понимаешь, весьма устраивает нас, лис.

— Звучит неправдоподобно, — заметил Филин, имея в виду буквальное значение этого слова. Ему всегда казалось, что большие поселки людей, которые Фредди назвал городами, это настоящий кошмар. — Впрочем, ты, наверное, уже все решил, так что тебя и отговаривать-то не стоит…

— Мне лично будет очень нелегко оставить лес, — признался Фредди. — Но я должен думать о детях, Фил. Они просто бредят яркими огнями, уличной жизнью, контейнерами с едой… Нет, конечно, жизнь в городе наверняка не подарок — взять хотя бы те же грохоталки, которых в городах наверняка тысячи и тысячи, но зато там не охотятся на лис, и это перевешивает все. Вот почему лисы в наши дни все чаще повторяют: «Если нельзя победить их, значит, нужно

к ним присоединиться». — Он длинно вздохнул. — Мир меняется, Фил, и лес меняется вместе со всем остальным. И дело не только в норках. Все процессы идут в десятки раз быстрее. И с каждым днем будет все труднее и труднее хранить верность старым традициям. Ты и сам это знаешь…

Он замолчал, печально поглядывая на Филина, но тот был слишком потрясен, чтобы что-нибудь сказать.

— Я хочу кое-что рассказать тебе, Фил. Я никому не рассказывал об этом. О моей матери… как я видел ее в последний раз. — Он помолчал. — Я был очень мал тогда. Как-то раз нас разбудили звуки приближающейся охоты. «Мамочке придется выйти по важному делу,— сказала она нам, четырем несмышленым лисятам. — А вы обещайте, пока меня не будет, сидеть тихо-тихо. И, что бы ни случилось, вы должны помнить, что мама вас любит».

Я до сих пор помню ее силуэт на фоне входа в нору. Она выглядела так, как будто сердце у нее разрывается. Раньше мы никогда не видели маму по-настоящему испуганной, но теперь… Я разглядел в ее взгляде страх и отчаяние и почему-то сразу понял, что больше ее не увижу.

Мы сбились в кучу в самой глубине логова и сидели тихо, как она велела. Сначала земля тряслась и дрожала, потом все стихло, а мы все ждали и ждали, но мама так и не вернулась. Теперь-то я, конечно, понимаю, что она отвлекла охоту на себя, но тогда я думал только о том, как могла мама бросить нас одних? Отец очень старался заменить нам ее, но он не мог дать нам настоящей материнской любви, в которой мы четверо так нуждались. Это была большая потеря, и довольно долгое время нам было очень тяжело.

— Это ужасно, Фредди,— сказал Филин.— Как жаль, что люди травят лисиц, а не норок.

— В самом деле, — отозвался Фредди и злобно оскалился.

Он долго думал, прежде чем решиться предать норок. Он тщательно взвесил все варианты, но убийство золотой иволги произвело на него устрашающее впечатление. Это была бессмысленная, нерассуждающая жестокость, убийство ради убийства. Сам Фредди никогда не поступал таким образом, разве что ему удавалось забраться в курятник. Тогда, опьянев от крови, он тоже убивал направо и налево, но даже в минуты полного неистовства он не забывал о возможном возмездии. Норки же не боялись никого и ничего…

Хватит, решил в конце концов лис, он сыт норками по горло. При этом Фредди нисколько не раскаивался и не искал способа искупить свою вину. Он сотрудничал с норками потому, что это казалось ему правильным, да, строго говоря, общение не носило столь тесного характера, как считал кое-кто в лесу. Просто лис сообщил им кое-какие незначительные сведения, а в обмен получил возможность жить мирно и спокойно со своей семьей. Зато теперь Фредди нашел прекрасную возможность обелить свое имя. Больше того, в случае удачного стечения обстоятельств он надеялся одним ударом причинить как можно больше вреда самым ненавистным ему существам: собакам, людям, норкам. У него были все основания считать, что в случае опасности норки будут сражаться за свою землю и за свою судьбу до конца. Значит, стая собак пойдет на стаю норок, а люди окажутся в самой середине этого чудовищного сандвича. Только ради одного этого стоило попробовать осуществить его план.

— Что, если на колонию норок наткнутся не твои безвредные щелкуны, а охотники? — спросил лис.

Филин потрясенно молчал.

— К-как? — выдавил он наконец, пытаясь привести в порядок свои мыслительные способности.

— Я приведу охотников на Плато, — небрежно отозвался Фредди и, лихо облизнувшись, осклабился во всю ширину своей пасти.

— У тебя ничего не выйдет,— все еще не веря своим ушам, проворчал Филин.

— Почему это не выйдет? — всерьез обиделся Фредди. — Стоит только мне привлечь к себе их внимание, и я смогу завести охотников, куда мне захочется.

— Но риск!..

— Пожалуй, это действительно небезопасно, Фил, но ты ведь меня знаешь. Я не из тех, кто рискует своей шкурой, не рассчитав все заранее. Я бы не сделал такого предложения,

если бы у меня были серьезные сомнения насчет исхода этой, гм-м… небольшой операции.

Если лис говорил серьезно — а этого никогда нельзя было знать наверняка, — то идея была действительно ценной. В ней был весь Фредди — лукавый, изворотливый, хитрый, но даже хитрил он вдохновенно, мастерски. И если гениальный план сработает, то все проблемы будут решены очень аккуратно и даже изящно. Охотники охотятся на охотников — превосходно! Разумеется, чтобы осуществить этот план, нужна была беспримерная отвага, граничащая с безрассудством, но если Фредди сам берется осуществить свой замысел, то кто такой он, Филин, чтобы вставать на его пути?

— Хорошо, — согласился Филин, не раздумывая больше. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Просто держи клюв на замке, — рассмеялся Фредди. — Все остальное сделаю я. Уж больно мне хочется махнуть норкам хвостом на прощание.

Глава 63. ТЕПЕРЬ ВСЕ МЫ — ЖЕРТВЫ!

Норки возвращались на Плато постепенно, небольшими группами; многие виновато прятали глаза, но Мега не стал тратить время на разбирательства. Он приказал им отправляться по норам и сидеть там до особого распоряжения. Дознание началось только тогда, когда все вернулись к месту своего постоянно проживания.

Степень вины каждого удалось определить довольно быстро. Норки сразу признались во всем; при этом старшее поколение утверждало, будто стыдится своего бегства ничуть не меньше, чем молодые — своего безответственного поступка. Последние заявляли, что не имели в виду ничего дурного, По их словам, это была игра, которая зашла слишком далеко.

— Строго говоря, — пропищал Минимус, — во всем виноваты М-Первый и М-Второй. Однажды мы подслушали, как они говорят друг другу: «Вот было бы хорошо, если бы кто-нибудь избавил нас от этого тухлого лимона!» Вот мы и решили немножко им помочь и как следует попугать этого Альфонса. Сначала это была просто игра, но потом мы вроде как немножко забылись, вот и все. Мы очень сожалеем.

Минимус изобразил на морде искреннее раскаяние, и Мега, который слушал его исповедь с живым интересом — и с тяжким подозрением в душе, — решил разобраться с этим потом. О том, что он знает, кто и как заманил Альфонса на Плато, Мега никому не сказал. Он хотел побеседовать с Минимусом один на один.

Все опрошенные в один голос уверяли: они, мол, понятия не имеют, почему золотая иволга так доверчиво опустилась на Плато. В этом все норки были на редкость единодушны, и Мега не стал особенно напирать. Все дальнейшее выглядело достаточно просто. Неожиданное появление Альфонса привело молодых норок в настоящее неистовство. Несчастная птица успела только сделать несколько шагов и объявить, что прилетела получить причитающуюся ей награду, как вся банда с вопля-ми набросилась на нее.

Никто из старших не успел отреагировать. Опьянев от жажды крови, молодые норки убили Альфонса за считанные мгновения, а потом начали носиться по Плато, разрывая тельце на части. Только выпустив пар, они сообразили, что, собственно, натворили.

Зачинщики бежали первыми; за ними, опасаясь, что вернувшиеся лидеры обвинят во всем их, потянулись остальные. Это продолжалось до тех пор, пока на Плато не осталось ни одной норки. И разумеется, старшие якобы не могли ничего сделать — не могли даже позвать Вождя, поскольку никто не знал, где его искать.

После этого Мега приступил к допросу единственной норки, которая, будучи приставлена к Альфонсу в качестве надзирателя, сыграла — или должна была сыграть — во всем этом важную роль. Это оказалась ничем

не примечательная и не особенно умная самочка, которая, если верить Психо, никогда не была замешана ни в какой подрывной деятельности. (Он так и сказал — подрывной, и Мега сразу понял, о чем это он. Кто-то под него подкапывался — вот только кто?) Самочка была расстроена буквально до слез.

— *Я знаю*, я поступила неправильно, — всхлипывая, призналась она,— но Альфонс раздражал меня до такой степени, что я решила сделать перерыв. Иначе я бы сама его задушила. Я и отлучилась-то всего на несколько минут, а когда я уходила, все было нормально. И вообще, я не первая, кто отправлялся поохотиться вместо того, чтобы следить за этим расфуфыренным идиотом! — добавила она жалобно. — Спроси кого хочешь, Вождь! Ты просто не представляешь себе, какая это трудная работа и с чем нам приходилось мириться!

— Значит, если я тебя правильно понял, Альфонс довел тебя до такого состояния, что ты готова была убить его сама? Может, ты его и убила? — осведомился Мега.

— Нет, мой Вождь, никогда, что ты!..— с несчастным видом пробормотала норка.

— А как же? — еще более требовательным тоном спросил Мега.

— Когда я вернулась и увидела, что его нет, я сразу побежала на Плато, но опоздала. Все было кончено, а я не могла найти ни тебя, ни Макси. Тогда я испугалась и спряталась вместе со всеми.

Можно было с уверенностью сказать, что самка не участвовала ни в каком заговоре. Во всяком случае, все, кто успел «подежурить* с Альфонсом, полностью подтвердили ее слова. Молодые норки проливали покаянные слезы — во многих случаях даже искренне.

— После того как они столь вызывающим образом нарушили твой приказ, Вождь, с ними надо поступить, как с кроликами, — высказался Макси. — Если таково будет твое решение, Вождь, то я прошу оказать мне честь и назначить меня командиром комендантского взвода.

— Не можем же мы утопить в заводи все молодое поколение,— раздраженно бросил Мега, потрясенный услышанным. Нет, не зря молодняк прозвал Макси «бревном усатым»!

— Но это такой удобный случай избавиться от них и решить нашу главную проблему раз и навсегда, — возразил Макси. — В конце концов, они первые бросили нам вызов. Нельзя допустить, чтобы им это сошло с лап! В целях поддержания дисциплины и безопасности мы должны примерно наказать хотя бы одного-двух. Почему не казнить хотя бы зачинщиков?

— Как вы все слышали, в расправе с Альфонсом принимали участие все молодые норки, — сказал Мега, вновь взяв слово. — Но никто из старших даже не попытался урезонить их. Значит, виноваты все. Наказав кого-то одного, мы тем самым признаем, что не решаемся или боимся наказать всех, а этого делать нельзя. Так мы растеряем весь авторитет в массах.

— Верно, Мега! Пожалуй, даже я не смог бы сформулировать лучше, — так и подскочил Психо. — На мой взгляд, это уникальная возможность не только не потерять сторонников, но даже увеличить их число. Нам нужно только еще раз разыграть карту «Меги Милостивого». Помните, как мы использовали ее против Старейшин, когда Рамсес был убит сами знаете кем? — вонзил он зубы в Макси. — Пожури их всех, Мега! Нет, не пожури, а выдай по первое число, пусть почувствуют себя жалкими червями и презренными негодяями. Но не предпринимай ничего, никаких действий, никаких санкций. Тогда ты для них будешь Милосердный Мега, Снисходительный Мега, Великий Мега, который не боится детских заговоров и прочей хреновины, и они с радостью поддержат тебя. Ну а когда пыль осядет, я потихоньку начну рыться в кустах и в скором времени назову тебе настоящих виновников.

«Назовешь, не сомневаюсь, — подумал Мега неприязненно.— А может быть, просто для разнообразия, ты начнешь с себя? Или с Маты?»

Он очень долго размышлял над тем, кто из руководителей стаи мог предупредить молодых норок о време-

ни, когда состоится секретное совещание в Карьере. В Макси он был уверен: несмотря на все свои недостатки, военный советник оставался верен своему Вождю. «Может быть, даже благодаря им»,— подумал Мега. У Макси было так мало воображения, что он вряд ли сумел бы изобрести столь хитрый план. Отделу норке-тинга; наоборот, не хватало ни характера, ни смелости; кроме того, их шкурный интерес заключался как раз в противном — в том, чтобы Альфонс был жив и здоров как можно дольше.

Чего же пытался добиться предатель? Возможно, молодые норки хотели устроить ему засаду, да струсили; но о его решении вернуться на Плато в одиночку никто не мог знать заранее — оно пришло в самую последнюю минуту. Что же тогда? Может быть, кто-то хотел вынудить его на решительные, жесткие меры — на такие, как предлагал Макси, — чтобы выставить Вождя тираном и тем самым лишить поддержки масс? После этого либо Психо, либо Мата, либо оба сразу могли примкнуть к заговорщикам, чтобы возглавить восстание и свергнуть его.

Заговор существовал, и его лидеры могли дать о себе знать каждую минуту — вот почему Мега знал, как он поступит, еще до того, как его соратники внесли свои предложения.

Впрочем, сначала ему хотелось выслушать обоих подозреваемых.

Мата, как и всегда, была немногословна, но зато высказалась прямо по существу и без обычных для нее загадок.

— Альфонс пережил свою полезность, — сказала она с холодной небрежностью. — Мы все видели, что с каждым днем он собирает все меньше зрителей. Кроме того, ему самому надоел этот спектакль, так что в ближайшее время он, наверное, все равно покинул бы нас, как он неоднократно грозился. Но получилось по-другому. Альфонс — еще одна жертва обстоятельств. То же самое можно сказать и обо всех нас.

— В самом деле? — ледяным тоном переспросил Мега.

— Да, Мега,— твердо ответила Мата.— Это вы, самцы, считаете, что в меру своих сил, а пуще того — желания, управляете всем и вся вокруг. Однако пора бы уже понять, что в конечном итоге мы, норки, как бы высоко ни стояли мы над прочими живыми существами, являемся такими же жертвами обстоятельств, как и остальные. В самом деле, чем мы отличаемся от тех же «деревяшек»? Точно так же, как они, мы вынуждены реагировать на внешние обстоятельства по мере их возникновения. Чем, по-твоему, мы занимаемся сейчас?.. А, Мега?

Мега внимательно рассматривал мордочку Маты в поисках ответа на мучивший его вопрос. Была ли она причастна к происшедшему? Если да, то как ловко ей удалось увязать эту частную проблему с вопросом общего свойства. И с каким вопросом! Права ли она — считает ли он на самом деле, что может управлять всем миром? Вероятно, когда-то так и было, признал Мега, но сейчас — нет. Но это вовсе не означало готовности считать норок такими же жертвами, какими, бесспорно, являются остальные твари. Норки если и становились порой жертвами, то жертвами своих собственных не до конца выверенных поступков, а не внешних обстоятельств и несчастливых случайностей. Что до Альфонса, то он никогда не питал к нему никакой особенной любви; напротив, он старался избегать встречи с императором, зная, что будет после этого презирать его больше, чем кого бы то ни было.

Чтобы покончить со всем этим, Мега оставалось только расспросить М-Первого и М-Второго. Наивное объяснение Минимуса делало их едва ли не главными подозреваемыми. Ведь ни одна из молодых норок не могла знать, что такое лимон, какой он на вкус и — главное! — на цвет.

— Мы ничего такого не имели в виду, о великий Вождь! — взмолился М-Первый, не дожидаясь, пока Мега обратит на него свой не предвещавший ничего хорошего взгляд. — Мы вовсе не хотели, чтобы кто-нибудь убил эту птицу, которая, фигурально выражаясь, снесла для нас золотое яйцо. В конце концов, Альфонс

был нашим единственным УЛП! Я признаю, нечто подобное мы действительно говорили — уж больно трудно с ним было поладить, — однако мы не желали ему смерти! Неужели молодняку не ясно, что это просто оборот речи?

— Вы только на обороты речи и способны,— отрезал Мега с убийственным сарказмом.

Теперь он должен был сформулировать свое решение, которое он принял заранее, и добиться его выполнения.

— Я не буду ничего предпринимать, — объявил он. — Вообще ничего. Не буду даже никого ругать. Я собираюсь похоронить это дело точно так же, как мы похоронили самого Альфонса. Впредь никто из вас не должен упоминать о нем ни словом, ни намеком. Мы начнем заново, с чистого листа. Всем ясно?

— Не можем же мы притвориться, будто ничего не произошло, мой Вождь! — не выдержал Макси.

— Не забывай — ничего бы не случилось, если бы твоя караульная не бросила свой пост, — парировал Мега.

Мега терпеливо сидел на камнях Карьера и, оглядываясь по сторонам, вспоминал все предыдущие встречи, которые он здесь провел. В последний раз он встречался в каменоломне с Филином, и то, что он тогда узнал, снова привело его сюда.

Взгляд его скользнул по высохшим, побуревшим от жары растениям и уперся в вертикальную каменную стену, которая поднималась почти до самого гребня Водораздела. Какое же все-таки это унылое и негостеприимное место. Похоже, жители леса сознательно избегали его, однако даже в этом пустынном и суровом пейзаже была какая-то своя, дикая, особенная привлекательность. Кроме того, это было единственное место в лесу и прилегающих полях, куда Мега приходил, если ему хотелось побыть в одиночестве. Интересно, появляется ли здесь кто-нибудь еще? Может быть, какие-нибудь лесные существа тоже наведываются сюда вечерней порой, чтобы полюбоваться мрачной красотой ухо-

дящего вечера, послушать тишину или побыть наедине с собой? Пребывание здесь успокаивало его и настраивало на философский лад. В общем-то ему все равно, придет Минимус или нет. Он и так уже немного запаздывал, однако это могло произойти и по не зависящим от него причинам. В конце концов, Мега сам настоял на том, чтобы по пути в Карьер Минимус предпринял все меры предосторожности. Возможно, ему просто не удалось незаметно покинуть Плато, и теперь он петлял по лесу, запутывая следы.

Устроившись поудобнее под памятной рябиной, Мега снова погрузился в размышления. Его до сих пор поражало, как быстро он оправился от потрясения, которое испытал, узнав об убийстве Альфонса. Это началось еще там, на Плато. Уже выкрикивая угрозы окрестным кустам, Мега чувствовал огромное облегчение и небывалое спокойствие. Наконец-то он освободился от опеки советников и экспертов, которые помогали ему справиться с оппозицией или указывали, как себя вести. Когда Мега получил сообщение дозорного, что Филин настаивает на встрече с ним, он сам, не слушая протестов Психо, решил побеседовать с предводителем лесных жителей один на один. Макси в этот момент был занят другой проблемой: барсук с самым воинственным видом приближался к Плато и его надо было обратить вспять, демонстрируя силу.

Не давали ему покоя и слова Маты, что теперь все они стали жертвами. Чем больше думал, тем меньше находил в них смысла. Разве только Мата имела в виду, что он, Вождь, стал жертвой своих так называемых «соратников»… Да, он совершил ошибку, выпустив из лап всю полноту власти и положившись на Психо, на Макси, на Отдел норкетинга. Кризис разразился во многом из-за того, что он позволил, а точнее — доверил другим делать то, что обязан был делать сам. Нет, настоящее лидерство — дело строго индивидуальное, а у него какой-то комитет, где каждому позволено высказывать свои мысли и сомнения. Нет, он обязан был принимать решения в одиночку; тогда никто бы не посмел ни предать его, ни восстать против его власти.

Молодняку нужен был суровый, но справедливый лидер — фигура, сочетающая в себе качества бога и отца; Вождь, которого бы все уважали и которому с радостью подчинялись. И тогда о применении силы не было бы и речи; чтобы поставить молодое поколение на место, достаточно было бы лишь явить им достойный пример.

Все молодые норки наверняка знали, что Мега является не только их лидером, но и — с достаточной степенью вероятности — фактическим отцом многих. А в каком виде он предстал перед ними? Брюзгливым старым пердуном, отчаянным перестраховщиком, который заблудился в трех соснах и, потеряв голову от страха, мечется от дерева к дереву под возбужденные крики кучки советников. Хуже того, в последнее время молодые норки

— по крайней мере некоторые из них — узнали, что один из так называемых «соратников Вождя» предал его.

Наверняка они относятся к нему не лучше, чем он сам когда-то к Старейшинам. Что же случилось с ним? Куда девался гордый дух, который взыграл в нем в тот момент, когда Шеба открыла ему его удивительную судьбу? Тогда ему все было ясно, и он готов был без колебаний отдать жизнь за то, во что верил.

Подобную убежденность Мега видел в глазах кролика, которого он задушил кошачьим хвостом. Правда, тот кролик был всего-навсего кроликом, но даже он, похоже, понимал, что быть первым во всех отношениях — не самое главное в жизни. Возможно, в стремлении стать тем, кем тебе хочется, и есть что-то эгоистическое, рассуждал Мега, однако эта сторона дела не должна мешать тебе сделать свои убеждения и принципы целью жизни. Тогда, и только тогда, появляется эталон, с помощью которого можно выверить свои дальнейшие поступки.

Именно здесь, понял Мега, и таится реальная власть, которая не имеет ничего общего со способностью помыкать другими и удерживать их от совершения тех-то и тех-то поступков, как полагали Макси и Психо. Эта власть не имеет отношения к другим живым существам,

но дает тебе самому безграничные уверенность и силу. Вот почему он поспешил убить Лопуха — чтобы он не мог обратиться к остальной стае. И не в том было дело, *что* мог сказать кролик, а в том, *как* он мог это сказать. Даже самые тупые норки сразу поняли бы, какая колоссальная внутренняя сила живет в этом раскормленном ушастом теле.

«Прощаю тебя, ибо не ведаешь, что творишь» — эти последние слова кролика запали глубоко в душу Меги, и, обдумывая свои отношения с молодым поколением, он невольно ими руководствовался на практике.

Кстати, где же, наконец, Минимус?

Мега оборвал свои раздумья и поднялся с неудобной каменистой площадки, чтобы размять лапы. В это время кусты на краю каменоломни зашуршали, и из них появился Минимус.

— Извини, что опоздал, Вождь! — приветливо крикнул он еще издалека, и Мега не различил в его голосе никакого раскаяния. — Мне показалось, будто Психо следит за мной, и мне пришлось дважды устраивать проверку, пока я не убедился, что сумел оторваться от него.

— Хорошо, — дружелюбно кивнул Мега, машинально отметив, как ловко, мимоходом, один недоносок заставил его подозревать другого.— Как дела, Минимус?

— Неплохо, мой Вождь, — вежливо ответил тот. — А как ты поживаешь?

— Лучше, чем когда-либо, — ответил Мега, не желая уступать в вежливости этому щенку. Только после этого он повернулся и пошел к рябине, под которой они собирались на свою тайную конференцию. Там, придавленное камнем, лежало желтое с черным кончиком перо, которое Мега все это время прятал в своей норе.

Он подождал, пока Минимус увидит его.

— Ну так что? — спросил он. — Тебе это ни о чем не говорит? Может быть, я тоже должен лететь… вернее, идти на Плато, чтобы получить заслуженную награду?

Глава 64. НОРКОМИНИМУМ

Мега скептически рассматривал стоявшего перед ним Минимуса. Он помнил, каким слабым и больным тот появился на свет, и, хотя с тех пор Минимус вырос и более или менее окреп, ничто не выдавало в нем старшего из всех появившихся в колонии щенков. Он по-прежнему оставался самым миниатюрным среди своего поколения.

«Маленький-то он маленький, — подумал Мега, — зато тело у него вполне нормальное». В самом деле, в отличие от Психо, в Минимусе не было ничего ублюдочного или крысиного. Ни остроконечной морды, ни мутных глаз, ни тусклой шерсти — ничего. Напротив, его мордочка хранила открытое, дружелюбное выражение, а манера держаться говорила об откровенности, к которой так неодобрительно отнеслась в свое время Мата. Но больше всего Мегу интересовало, как он отреагирует на перо. К его удивлению и даже к удовлетворению, Минимус остался совершенно спокойным, как будто ему нечего скрывать и нечего стыдиться.

— Как ты узнал, что нас, вожаков, не будет на Плато? — напрямик спросил Мега.

— Все было довольно просто. Мы подслушали, как Макси инструктирует своих бойцов, что им делать в отсутствие командиров.

— Как вам это удалось? — удивился Мега. Неужели Макси может быть настолько глуп и неосторожен?

— Мы не слышали его непосредственно,— пояснил Минимус. •— Ты же знаешь, Макси держит в казармах пленных кроликов, над которыми Психо ставит свои эксперименты? Нам удалось установить с ними контакт. Мы обещали кроликам свободу, если они будут рассказывать нам все интересное, что им удастся услышать. Разумеется, мы не собирались никого освобождать, Вождь, и они, скорее всего, нам не верили. Просто в их положении им ничего другого не оставалось, кроме как помочь нам. Проникнуть же время от времени в казарму оказалось проще простого. Мы просто говорили Макси или кому-нибудь из его норково-ротов, что изучаем кроликов, чтобы уничтожать их с большей эффективностью.

У Меги отвисла челюсть. Оказывается, все это время он был несправедлив к своим помощникам и советникам. Он дал волю своему воображению, и оно подвело его. Соратники не предавали его. Если даже Макси, для которого вопросы безопасности стали навязчивой идеей, сам того не желая, и выдал его секрет, все равно не могло быть и речи о потере доверия — только о недостаточной компетентности. Семена сомнения в душе Меги дали такие поразительно быстрые и дружные всходы, что незаметно для самого себя он зашел довольно далеко в своей паранойе. Но может быть, Минимус выдал ему тщательно продуманную легенду? Подобное допущение, однако, уводило Мегу в мрачный мир *психоанализа,* где подлинные фразы были скрыты густой тенью, где никому и ничему нельзя было доверять и где надо было задавать десять вопросов, чтобы получить один правильный ответ. Мега никогда не считал этот мир своим, с какой бы силой он ни затягивал его в последнее время. Впрочем, судя по всему, мир недоверия и подозрительности был в равной степени противен и этому прямому и симпатичному малому, который, казалось, был только рад отвечать на вопросы откровенно.

— Значит, никто из остальных руководителей — я имею в виду Мату, Психо, Макси и наш Отдел норке-тинга — не имел к этому никакого отношения? — уточнил он.

— Конечно нет,— тряхнул головой Минимус/— Это была наша идея — моя и еще кое-кого из молодых. Но далеко не общая, Вождь, — добавил он поспешно.

— Но я все равно не понимаю. Зачем вам понадобилось убивать Альфонса?

— Для нас для всех Альфонс стал совершенно невыносим, — ответил Минимус. — Когда мы дежурили при нем, он обращался с нами, как с какими-нибудь

насекомыми. Это было унизительно, Вождь. И это настолько противоречило всему, чему нас учили, и нашему внутреннему ощущению, что было непонятно: с какой стати мы должны терпеть оскорбления от этого желтого ничтожества? В конце концов, норка — это звучит гордо! Альфонс стал вызовом всем нам, всему лесу. Сначала каждый из нас подначивал других пойти и перегрызть ему горло, но потом мы подслушали разговор М-Первого с братом, и это решило дело.

— Но он спас лес от людей и продолжал спасать, — перебил Мега.

Минимус немного помолчал.

— Мы знали это, — выдавил он наконец. — Но для меня и нескольких моих друзей это был лишь еще один аргумент за то, чтобы избавиться от этого чучела.

— И чего же вы рассчитывали добиться? — заинтересованно спросил Мега, заранее предвидя ответ. Этот молодой самец говорил и держался если не как зрелый муж, то, во всяком случае, как взрослый.

— Я еще очень молод, поэтому могу высказать только свою собственную точку зрения. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я расскажу, чего бы мне больше всего хотелось?

— Отнюдь, — отозвался Мега. — Именно это меня и интересует.

— Ну что ж, тогда я скажу… Откровенно говоря, того же мнения придерживаются и некоторые мои товарищи, но не все, Вождь, далеко не все… Мы чувствуем себя словно взаперти, — объяснил Минимус. — Нет, мы понимаем, у нас есть и Плато, и «норзанка» для прыжков в воду, и кролики, но все остальное… Постоянная скученность, бесконечное усовершенствование нор, шумные соревнования по желудьболу. Отдел норкетинга со своими глупыми вопросами, Макси со своей воинской дисциплиной, Психо, который оказывается у тебя за спиной, когда его не ждешь, — все это совсем не похоже на ту жизнь, для которой созданы норки. Да, у нас есть лес и прилегающие поля, но все портят многочисленные правила и ограничения насчет того, кого можно убивать,

а кого — нет, где можно охотиться, а где — нельзя. Кроме того, существуют эти расписанные по дням образцово-показательные рейды, спланированные налеты на кроличьи садки, состязания, кто больше съест, трибуналы, которые устраивает Психо… Может быть, старшее поколение и верит в кроличью угрозу, но мы не представляем себе, как это кролики смогут завоевать весь мир. Нам они не кажутся опасными. Для нас кролики — как и все остальные — это просто кровь, которую надо выпустить, и мозги, которые надо выпить…— Минимус сделал паузу и продолжал: — Как бы это поточнее выразить, Вождь… Все это кажется нам подстроенным, организованным специально для

того, чтобы помешать нам вести себя наиболее естественным образом. Мы считаем, что жизнь должна быть гораздо богаче и разнообразнее, чем тот список развлечений, которые я перечислил, но вы, наши вожди, как будто специально удерживаете нас в определенных раз и навсегда рамках, не допуская никаких перемен. Я понятно говорю? — неожиданно спохватился он.

— Я все прекрасно понимаю, — ответил Мега, подавляя в себе невесть откуда взявшиеся волнение и восторг. — И все-таки объясни еще раз — зачем было убивать Альфонса?

— Потому что мы считали, что это даст ситуации необходимый толчок,— чистосердечно признался Минимус. — Если он спасал лес и тем самым удерживал нас в нем, то естественно было предположить, что с его смертью нам всем придется переселяться.

— Но вы и так могли переселиться, если так уж неймется! — вскричал Мега, неожиданно рассердившись.

Были, были пределы тому, что он готов был услышать! Пожалуй, он напрасно отнесся с таким пренебрежением к предложенному Отделом норкетинга «Проекту Х» — произнесенные им речи в конце концов повлияли на умонастроение молодежи. Вот только почему они не ответили на них действием, а пошли по более трудному пути?

— Неужели вы не слышали, что вам говорят? — в сердцах спросил он. — Разве не я твердил вам о славе

покорителей новых лесов, о новых пределах, о новых и новых землях для норок?

— Ты говорил, о Вождь, — почтительно ответил Ми-нимус, и на его аккуратной мордочке впервые за все время промелькнуло что-то похожее на испуг. Однако, как выяснилось, он не собирался отступать. — Это-то нас и огорчало больше всего. Можно было подумать, что ты хочешь от нас избавиться, а для нас это было неприемлемо. Мы хотим завоевывать новые леса и земли, потому что норки для этого и существуют, но только не так, как предлагали нам вы. Вам хотелось, чтобы мы ушли из леса одни, словно изгнанники, но у нас на этот счет есть свое мнение. Мы хотим, чтобы на завоевание новых земель нас повел ты! За тобой мы пойдем хоть на край света.

Волна нежности захлестнула Мегу, и он посмотрел на Минимуса с уважением и любовью. Оказывается, все это время молодые норки хотели только одного — быть членами его стаи, его семьи, а он об этом даже не подозревал. Но теперь, когда все вещи были названы своими именами, Мега понял, что он и сам хотел того же, еще как хотел!

«Устами младенца», — мрачно подумал Мега. Минн-мус был абсолютно прав. Пропади все пропадом — и обжитое Плато, и водные аттракционы, и искусственно раздутая кампания по истреблению ушастых, да и весь Предприимчивый Лес, раз он перестал быть предприимчивым! Нет, хватит сотрудничества с безнадежными «деревяшками» и прочей хреновины вроде Уникальных Лесных Предложений и рейтингов гастрономической популярности! Только теперь — да и то не сам, а с помощью ясно видящего и трезво мыслящего Минимуса — Мега понял: Альфонса нельзя было не убить. Это «деревяшки» были прикованы к своему лесу, и присутствие золотой иволги было им выгодно. Что касалось норок — истинных норок, — то для них Альфонс был вовсе не гарантом безопасности и свободы, а тяжким грузом, который привязал их к этому лесу, мешая уйти куда глаза глядят.

Поначалу, конечно, лес показался им именно тем, ради чего они покинули вольер и отправились в далекое

и опасное путешествие. Вряд ли когда-нибудь норки забудут ощущение силы и восторга, который испытала каждая из них, впервые в жизни перегрызая добыче горло или разбивая ей голову, чтобы высосать мозги. Нет, этого они не забыли и не забудут. Они забыли другое — что с самого начала этот лес должен был стать для них плацдармом, откуда они пойдут дальше. Но они застряли здесь, а молодые норки, которые появились на свет в этом лесу и никогда не знали ни вольера, ни проволочной сетки, расчертившей на квадраты стены сарая, считали его тюрьмой, удерживающей их точно так же, как когда-то клетки удерживали их родителей. Они инстинктивно отвергали жизнь, замкнутую в искусственных границах одного, пусть даже самого прекрасного места. По складу характера все они были дикарями, варварами, налетчиками, мародерами и вандалами, которые врывались в новую страну и потрошили ее, чтобы в следующую минуту вернуться на свою охотничью тропу и рыскать в поисках добычи по лесам и перелескам, никому не подчиняясь и ни перед кем не заискивая.

Мега заметил на морде Минимуса умоляющее выражение.

— Ты сделаешь это, отец? — негромко спросил Ми-нимус, заглядывая своими черными глазами глубоко в черные глаза Меги. — Ты уведешь нас отсюда — меня и остальных, которые захотят пойти?

«Отец», — подумал Мега, и по его телу пробежала сладкая дрожь. Это говорил его сын. Впрочем, все молодые норки были его сыновьями и дочерьми.

— Хорошо, сын, — торжественно кивнул он. Мысли его снова унеслись вперед. Он бросит своих советников, как бы они к этому ни отнеслись. Пусть возвращаются в свой Предприимчивый Лес — он им его подарит, если лес так им нужен, но сам уйдет. Несомненно, где-то есть и всегда будут девственные леса, которые еще предстоит завоевать, колонизировать, заселить норками. Он начнет все сначала и еще раз переживет то волнение и восторг, которые он испытал, впервые выведя свою стаю на залитое лунным светом

шоссе, когда вокруг не было ничего, кроме взволнованных хищных морд позади и звездного неба над головой. И рядом с ним будет шагать спокойный и невозмутимый Минимус, уже не мальчик — мужчина, хоть и невеликий ростом, но с головой на плечах…

Мысленно Мега вернулся в те весенние месяцы, когда он познал Мо — мать Минимуса. В отличие от некоторых других самок — слишком подавленных или без нужды раболепствующих, — она доставила ему настоящее удовольствие. Полная противоположность Мате, Мо была простым, бесхитростным и естественным существом, умевшим радоваться жизни. Как и его мать Шеба, она с добродушной покорностью сносила насмешки других самок по поводу того, что из всего помета выжил только один детеныш…

Мега сглотнул. Как он не подумал об этом раньше? Минимус был очень похож на него. Не имея ни братьев, ни сестер, он рано узнал, что такое одиночество, когда все твои сверстники считают тебя чужаком. Пожалуй, ему следовало признать Минимуса своим сыном, чтобы он смог узнать отца так, как сам Мега никогда не знал Соломона. Шебе бы это понравилось: она всегда жалела, что ее сын был лишен отцовской любви. Как теперь

понимал Мега, Мо не связала себя ни с кем из самцов, продолжая хранить свою независимость, оберегая ее со всей возможной свирепостью. Он мог только одобрить ее преданность сыну и стремление дать ему хороший старт в жизни и не возражал бы, если бы она тоже захотела присоединиться к его походу за новыми землями. Из Мо вышла бы хорошая подруга и попутчица, и они втроем могли бы жить крепкой, счастливой семьей и вместе строить новую жизнь для себя и всех норок. Минимус был бы ему не просто сыном, а ближайшим советчиком и помощником, которому Мега мог бы довериться в самых сложных ситуациях. А потом… потом Минимус мог бы занять его место. Не просто помощник, а настоящий наследник, связанный с ним кровными узами. Как, собственно, и вся его новая стая. И тогда Мега повел бы их, объединенных общей идеей — настоящей идеей, а не норкетинговыми выдумками Первого и Второго, — за собой к единственной великой цели, о которой только и стоит говорить, — к свободе.

Мега широко развел лапы и улыбнулся.

— Сынок!..

— Отец! — воскликнул Минимус, бросаясь к нему в объятия.

Они долго стояли, крепко обняв друг друга, и молчали, наслаждаясь теплотой и покоем, которые рождало соприкосновение их покрытых мехом тел.

Возвращаясь под утро на Плато вместе с другими норками, Мега чувствовал себя на вершине блаженства. Смерть Альфонса принесла очищение, в котором нуждался не только он сам, но и все остальные. Как бы там ни было, после этого эпизода норки значительно воспряли духом, в частности вновь возрос энтузиазм по поводу кроличьих погромов. После одного такого налета, который, по общему мнению, был одним из наиболее успешных за всю историю кампании по истреблению ушастых, они как раз и возвращались домой.

Все получилось просто отлично — начиная с первого броска к норам и заканчивая последовавшим соревнованием «Кто больше съест». Больше всех был доволен Макси: он установил новый рекорд, съев двух целых кроликов, две задние ноги и голову. Психо тоже радостно потирал лапы, косясь на целую толпу пленников, над которыми он мог вволю поэкспериментировать.

В последние несколько дней Мега и Минимус были очень заняты, отбирая молодых норок, которых они могли взять с собой. Вождь был очень доволен сообразительностью и дальновидностью сына, который неизменно сохранял доброжелательный тон и тяготел к конструктивности, созидательным решениям. Да и молодняк в целом Меге понравился, хотя большинство молодых норок еще не знали, какие в отношении их строятся планы. Почувствовав, что Мега дает им еще

один шанс, они отреагировали на снисходительность и терпение Вождя с таким воодушевлением, что их дисциплина и готовность подчиняться поразили даже Макси. Мега, кстати, ни словом не намекнул последнему, каким образом произошла утечка информации; он просто поторопил Психо с его экспериментами на животных, и клетки в казармах очень быстро опустели. Да и Психо был очень доволен вниманием, которое Вождь проявил к его исследованиям.

Что касалось Отдела норкетинга, то и братьям Мега сделал приятное, разрешив осуществить их затею с «Хартией Молодых Норок» и дав им тем самым понять, что

период опалы закончился. Тем, кто оставался в лесу, он желал всего самого лучшего; что с ними будет дальше, зависело, конечно, только от них, но Меге хотелось, чтобы воспоминания о расколе не омрачали их жизнь.

Избиение кроликов и соревнования в еде затянулись надолго, и, когда стая достигла Плато, уже совсем рассвело. Показательное судилище Психо решили поэтому отложить до вечера. Как и остальные норки, Мега наелся до отвала; ему необходимо было выспаться, чтобы переварить поглощенную пищу, и он сразу же отправился к себе в нору.

Строго говоря, в Старом Лесу их ничто больше не удерживало. Сегодня днем никто, конечно, не тронется с места, но к вечеру норки восстановят силы и будут вполне свежими и готовыми для похода. В пользу грядущей ночи говорила еще одна причина. Пока норки громили кроличью колонию, им светил почти круглый желтый диск луны. Следующая ночь будет ночью полнолуния. Когда луна поднимется высоко, они потихоньку уйдут.

Свернувшись клубком, Мега погрузился в тревожные сны, полные воспоминаний о безумстве полной луны, которому они предавались в вольере.

— Туда! Туда! Все выходим туда! — шептал он себе, и дремотное воображение рисовало ему молодых норок, одна за другой бросающихся на звенящую проволочную сетку, ему слышались вопли:

— Давай! Давай! А ну давай еще!

— Ме-га! Ме-га! Нор-ка! Нор-ка! Мега — норка! Мега — норка! Он — норка!!!

Да, он — норка, гордо подумал Мега, проваливаясь в еще более глубокий и крепкий сон. И следующей ночью он еще раз докажет это.

Объевшись крольчатиной, все норки впали в оцепенение, поэтому ни Мега и никто другой не услышали, как где-то вдали затрубил охотничий рог. Только дозорный насторожил уши, прислушиваясь, но очень уж не хотелось беспокоить вождей. Лишь когда звук повторился — на этот раз гораздо ближе — и продолжал приближаться, он решил, что иного выхода нет, и, оставив свое место в кустах боярышника, стал карабкаться вверх. Остановившись на склоне, он еще раз оглядел окрестности. День был солнечным и ясным, но за деревьями по-прежнему ничего нельзя было рассмотреть. Прошло, однако, совсем немного времени, и стало ясно, что звук доносится с Долгого поля и что его источник быстро движется в их сторону.

Охваченный паникой, часовой ринулся к казармам будить Макси.

Глава 65. ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Лесные жители знали о существовании охоты, но она никогда не касалась их непосредственно. Время от времени она проносилась по окрестным полям, пугая их обитателей громким шумом и мельканием ярких красок, однако всем было хорошо известно, что охотники никогда не приходят в лес. Все живые существа сызмальства были осведомлены о том, что охота существует для того, чтобы травить лисиц, а им она ничем не грозит, покуда они не будут попадаться ей на дороге.

Филин надежно хранил секрет, доверенный ему лисом. Даже Раке он сообщил только, что Фредди обещал что-нибудь придумать; поэтому теперь, когда у реки затрубили охотничьи рога, он один понял все значение

этого события. Едва проснувшись, он выскочил из дупла и уселся на ветке бука, напряженно прислушиваясь к голосам леса. Трубный зов повторялся всякий раз громче; покрутив головой, он сумел определить и направление движения охотников: по берегу реки вверх по течению.

— –Что там еще? — недовольно проворчала Юла, выпростав голову из-под крыла. — Ты почему не спишь?

— Охота! — прошептал Филин.

— Ну и что? — сонно отозвалась Юла. — Люди никогда не заходят в лес.

Когда он поднялся над лесом, то увидел, как лис пересек Горбатый мостик и мчится по Долгому полю. Его роскошная рыжая шуба была измазана в грязи и выглядела так, словно лис пробежал уже порядочно, однако, заметив Филина, Фредди ухитрился сделать успокаивающий жест лапой, показывая, что он еще не побит.

До этого момента Филин не совсем хорошо представлял себе, какому риску подвергает себя его друг. Свора крупных, гладких гончих, летевшая по горячим следам Фредди, заливалась азартным лаем, и Филин сразу подумал, не много ли их для одного лиса, но за собаками мчались верхами еще и всадники, и их было столько, что у него зарябило в глазах.

Тем временем Фредди благополучно достиг проволочной изгороди и скользнул в лес, благодаря чему ему удалось надежно разделить свору и всадников. Промчавшись между деревьями, он свернул к Плато и начал подъем по склону. На гребне лис ненадолго задержался и встал на фоне неба, словно дразня собак. Выждав ровно столько, сколько было необходимо, чтобы головная гончая не схватила его зубами за хвост, Фредди совершил грациозный прыжок и исчез за краем Плато.

Отбросив всякую осторожность, свора полетела следом. Вот собаки исчезли из виду, и наступила короткая, грозная тишина.

Потом начался ад.

Может быть, Фредди и слыл удачливым ловкачом, однако он привык тщательно планировать все свои действия. Для начала лис разведал подходы к Плато и даже предпринял несколько пробежек, давая мускулам привыкнуть к выбранному маршруту, но сердце у него все равно было не на месте. Невозможно было знать заранее, где ему удастся перехватить охоту, однако не это было главным. Он не мог предвидеть, в каком состоянии он застанет колонию норок, а ведь от этого зависело почти все. Оставалось только надеяться на удачу и на то, что, когда преследователи и норки столкнутся лбами, ему удастся ускользнуть.

Он хотел промчаться через Плато, прежде чем норки успеют отреагировать, а затем броситься в реку. С каким удовольствием, ухмыляясь подумал лис, он попользуется чудовищным комплексом водных аттракционов, чтобы спастись. Фредди рассчитывал, что норки будут сражаться до последнего, но, даже если они и дрогнут и побегут,

внимание собак будет отвлечено, а люди на лошадях все равно не смогут преследовать его по обрывистому берегу.

После долгих размышлений Фредди решил не волновать супругу и не рассказывать ей о задуманном. Супруга Фредди была очень рада, когда он объявил, что в ближайшее время они наконец-то переселятся в город. С тех пор как в логове появились новорожденные лисята, она привыкла считать город их будущим.

Между тем лис продолжал ежедневно посещать собачьи вольеры в поселке, пока подъем активности и оживление гончих не убедили его в том, что охота вот-вот тронется в путь.

Тогда Фредди отправил семью в дальний путь, договорившись с супругой о том, чтобы они ждали его в потайном месте на расстоянии нескольких полей от леса. Сам он задерживался в лесу якобы для того, чтобы попрощаться с несколькими близкими друзьями.

Проследив, чтобы супруга и выводок лисят благополучно перебрались за Водораздел, Фредди, нервно вздрагивая от прилива адреналина, понесся обратно к реке — вывести собак на свой след. Такая возможность пред– ставилась ему почти сразу, когда охота подняла в поле одного из его рыжих собратьев и погнала в направлении леса. Фредди понесся напрямик через поля и неожиданно выскочил рядом с предполагаемой жертвой, давая ей понять, что готов помочь. Другой лис, не спрашивая о мотивах этого благородного поступка, лишь кивнул с благодарностью и легким недоумением и ушел в сторону, оставив Фредди во главе гонки.

Пока Фредди мчался через первые два поля, он думал только о том, как ему хотелось бы оказаться где-нибудь в другом месте, подальше от всего этого. «Ты можешь!..» — повторял он, подныривая под очередную живую изгородь или нарочно выбирая место, где ров был самым глубоким, — чтобы задержать лошадей.

«Да, ты можешь,— повторил он с уверенностью, переходя с галопа на размеренный бег, пожиравший пространство. — Ты можешь, и ты лис, значит, ты гораздо умнее и сообразительнее этих глупых дворняжек. И скоро они это поймут».

«Ты почти сделал это!» — сказал он себе, перемахивая шоссе в непосредственной близости от Старого Леса и пересекая Горбатый мостик. В небе он заметил Филина и, помахав ему лапой, оглянулся назад, за реку. Завидев охотников, щелкуны, собравшиеся на своем обычном месте, недовольно зашумели и с возмущением замахали руками.

«Пожалуй, я произвел сенсацию. Похлеще, чем Альфонс… — хмыкнул Фредди. — Ну вот мы почти на месте»,— добавил он, устремляясь в лес.

И все же задуманное давалось ему нелегко. Он никогда не забывал испуганных глаз матери, которая совершила такой же трюк — и погибла. Фредди приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не поддаться панике. «Ничего, цыплят по осени считают!» — успокаивал он себя, взбираясь по склону к Плато. На краю лис, впрочем, остановился, и его сердце подпрыгнуло от радости. Ему повезло. Норки не только были на месте, но и успели выбраться из нор на поверхность и теперь возбужденно метались из стороны в сторону, воинственно стрекоча. Несколько норок со-

брались вокруг своего вождя, но остальные беспорядочно носились по Плато, не обращая никакого внимания на яростные крики Макси.

Моментально зафиксировав в памяти всю картину, лис выбрал наилучший маршрут, который должен был вывести его прямо к упавшему ясеню, и оглянулся через плечо. Сердце его снова прыгнуло, на сей раз — от страха. Слишком тонко он все рассчитал. Челюсти ближайшей гончей лязгнули в опасной близости от его пушистого хвоста, и Фредди послышался отдающий псиной запах ее дыхания.

Фредди прыгнул на коротко подстриженную траву Плато и помчался к обрыву. Пара самых сообразительных норок бросилась было на него, но лис ловко проскользнул между ними и, пока остальные застыли в изумлении, оказался вне пределов чьей бы то ни было досягаемости. В следующее мгновение он уже ступил на наклонный ствол упавшего дерева и съехал по нему в глубокую прохладную воду. Не теряя времени даром, он поплыл по течению, загребая к противоположному берегу. Выскочив из воды, лис побежал обратно к мосту, петляя из стороны в сторону и многократно пересекая свой собственный путь, пока не убедился, что ему удалось надежно запутать следы. Только после этого он на мгновение остановился и навострил уши, прислушиваясь. Судя по пронзительным крикам боли и отчаянному визгу, доносившимся с Плато, его план сработал как надо, но у него не было ни времени, ни желания удостовериться в этом. Каким бы ни был результат побоища, Фредди считал, что выполнил свой долг и достойно попрощался со всем Старым Лесом; в городе ждала его новая, беспечальная жизнь, и он отправился ей навстречу, пока те, кто хотел бы ему помешать, были слишком заняты.

Норки тоже кое-что знали об охоте. Фредди сам рассказал им об этом неприличном обычае людей, но подчеркнул, что им нечего беспокоиться, раз охотники все равно никогда не заходят в лес. Психо несколько раз перепроверил эти сведения, допрашивая пленных кроликов, и убедился в их правдивости. После непродолжительного размышления Макси решил, что феномен сей заслуживает всего-навсего настороженного отношения со стороны норок, поскольку было очень непохоже, чтобы люди собирались когда-либо охотиться поблизости от Плато. Теми же соображениями была вызвана и нерешительность норочьего дозорного, который поздно поднялся на Плато, чтобы поднять тревогу. Пока он разобрался что к чему, пока разбудил Макси, охота уже ломилась сквозь заросли у подножия Плато.

Макси ринулся в нору Меги.

— Они идут сюда! — крикнул он. — Что делать?

С первого взгляда Мега понял: предпринимать что-либо уже поздно. Выскочившие из своих логовищ норки пребывали в совершенной панике и не слушали никаких команд. Мега все-таки приказал норкам собраться вокруг него, а Макси бросился к склону, надеясь, что у них еще есть возможность разбежаться по укрытиям. Но как только Макси увидел Фредди уже на полпути к краю Плато, он склонился перед неизбежностью того, что вот-вот произойдет.

Мега продолжал кричать, в надежде собрать хотя бы маленькую боевую группу, но его приказы почти не возымели действия. Вокруг него собрались только вымуштрованные Макси норковороты, в то время как остальные продолжали бестолково метаться по Плато.

Над краем Плато показалась фигура Фредди.

— Подлый предатель! — только и успел прошипеть Мега, прежде чем лис с поразительной ловкостью проскользнул между норками. За ним по пятам гнались несколько самых резвых гончих.

Но, несмотря на хаос, норки не подвели ни своего Вождя, ни Фредди: все до одной бросились на врага.

Гончие, вынужденные подниматься по крутому склону, одна за другой переваливали через край Плато и в растерянности тормозили передними лапами, столкнувшись нос к носу с многочисленными и весьма воинственно настроенными зверьками, которые преграждали им путь. Их лис уже исчез за кромкой обрывистого берега, и собаки растерялись. Им еще никогда не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией, а люди, которые могли бы подсказать, как себя вести, были еще далеко внизу. Пока гончие переминались с лапы на лапу и трясли головами, норки перехватили инициативу и бросились на них, яростно вопя. Маленькие, юркие, стремительные, они норовили вцепиться в горло врага, и воздух наполнился криками удивления и боли, пока собаки тщетно пытались стряхнуть с себя шоколадно-коричневых бестий. Ведь лисы никогда не сопротивлялись! Свора распалась, и каждая гончая оказалась вынужденной в одиночку защищаться от нескольких решительно настроенных врагов.

Филин, наблюдавший сверху за ходом сражения, не мог не восхититься тем, как точно Фредди все рассчитал. Никто не усомнился бы в отваге норок. Победный лай своры, уже настигавшей свою загнанную жертву, сменился визгом ужаса и боли. Некоторые псы были уже повергнуты и, истекая кровью, отчаянно трепыхались в траве, в то время как повисшие на них норки продолжали удерживать врагов мертвой хваткой. Другие, утратив все свое самообладание и мужество, бестолково бегали по кругу, не в силах сосредоточиться. Третьи, поджав хвосты и раздирая шкуры о колючки и кустарники, с жалобным визгом катились вниз по склону, и одну из них — к удивлению и восторгу Филина — даже преследовала какая-то бесстрашная норка.

Однако не все гончие растерялись. В дальнем углу Плато три пса окружили одну норку и перебрасывали ее друг другу, на лету хватая маленькое тельце широко раскрытыми зубастыми пастями. Слушая крики несчастной, Филин содрогнулся. Вот какой могла бы быть судьба Фредди, если бы он допустил ошибку.

К этому времени люди верхом на своих огромных лошадях уже приблизились к Плато. По полю они скакали тесной группой, но теперь, вынужденные сначала перескакивать через изгороди, а потом петлять между деревьями, они выстроились длинной рваной цепочкой,

и Филин понял, почему охота никогда не заходила в лес раньше. Лошади были слишком большими и неповоротливыми, чтобы двигаться по тропинкам, проложенным маленькими лесными существами, и он хорошо слышал, как бранились всадники, пытаясь отвести в сторону низкие ветви деревьев, грозившие выбить их из седла. Оказавшись на сравнительно свободном пространстве склона, кавалькада снова увеличила скорость, и сдавленные проклятья сменились азартными криками, которыми всадники понукали лошадей. Кони наддали и в несколько прыжков вынесли своих хозяев на Плато — только для того, чтобы растерянно заплясать на месте, оказавшись в самой гуще кипевшего здесь сражения.

Норки отреагировали на появление нового врага с удивительной быстротой, обратив все свое внимание на лошадиные ноги. Перепуганные животные жалобно ржали, вращали глазами, лягались и били передними ногами, а всадники, перегнувшись с седла, отчаянно орудовали хлыстами, но норки были слишком малы и увертливы. Они легко отскакивали от страшных ударов, потом снова бросались вперед, чтобы вонзить зубы в уязвимую бабку или щетку, и снова отпрыгивали, словно легкие осенние листья, несомые ураганным порывистым ветром. Тем временем всадников на Плато прибывало, и вскоре

лошади стали налетать друг на друга, все сильнее и сильнее впадая в панику. В конце концов несколько лошадей упали, и норки получили возможность непосредственно атаковать своих главных врагов — спешившихся людей.

По всему Плато — среди воющих от ужаса собак и кружащихся волчком брыкающихся лошадей — люди отчаянно сражались с норками. Одни с трудом поднимались с земли, куда их сбросили напуганные кони, другие старались удержаться на ногах, отмахиваясь от многочисленных врагов, атаковавших их сразу с нескольких сторон, и в какое-то мгновение Филину даже показалось, что люди вот-вот дрогнут и побегут, но тут он услышал пение охотничьего рога, и люди — пешие и те, кто удержался в седле, — встав тесной группой, спина к спине, организовали круговую оборону, сквозь которую норкам уже не удавалось пробиться. Прошло еще немного времени, и понемногу люди начали теснить своих врагов.

Норки как будто поняли, что людей им не одолеть, и попятились, словно увлекая их за собой. Поверив в успех, люди стали развивать наступление, и их строй нарушился. Три всадника чуть-чуть разделились, и норки, атакуя ноги лошадей, заставили их попятиться, благодаря чему всадники оказались отрезаны от пешей группы.

Филин как зачарованный следил за развитием событий. Обезумевшие от ужаса кони вставали на дыбы, били передними копытами и неудержимо увлекали к обрыву своих бессильных что-либо предпринять всадников.

Оказавшись на краю обрыва, лошади встали на дыбы, с трудом балансируя и упираясь ногами в осыпающуюся под копытами землю. Неожиданно пласт земли подался, и все три всадника полетели с обрыва вниз.

Первый конь задел спиной о ствол ясеня и отлетел в сторону, выбросив всадника из седла. Подняв кучу брызг, он с тошнотворным тупым стуком ударился о камни на мелководье и затих; голова его, повернувшись под неестественным углом к шее, оказалась на берегу, а тело — в воде. Две другие лошади попали на глубокое место. Потеряв своих всадников еще в воздухе, они забарахтались в воде среди скользких, покрытых тиной веток ясеня. Чувствуя их зловещее прикосновение к животам, лошади забились отчаяннее, вращая безумными глазами и вытягивая шеи. Филину было хорошо видно, что повод одной из них безнадежно запутался и зацепился за ветки. Когда другая лошадь, кое-как вырвавшись, медленно поплыла к берегу, это только усилило панику ее товарки. Она как будто поняла, что ее бросили на произвол судьбы, но чем сильнее она билась, тем сильнее запутывался повод и тем быстрее оставляли ее силы. Оскалив зубы и сверкнув белками выпученных глаз, лошадь в последний раз дернула головой и с жалобным ржанием исчезла под водой, как будто кто-то потянул ее снизу.

Все трое выброшенных из седла всадников, успевшие выбраться на берег, со страхом переглянулись, как будто исчезнувшая на их глазах лошадь вот-вот всплывет снова, но она не выплыла. Когда на поверхности успокоившейся воды появилось лишь несколько легких воздушных пузырей, трое бывших наездников засуетились и стали кричать. Люди наверху подбежали к краю обрыва, но и они были бессильны помочь.

Норки воспользовались ситуацией. Филин услышал их пронзительное победное стрекотание и увидел, как несколько зверьков юркнули в лес. Остальные, словно бросая людям вызов, пробежали прямо между ног застывшей на обрыве группы и — совсем как Фредди — съехали по стволу ясеня вниз. Глядя, как они одна за другой плюхаются в темную воду в том месте, где тянулись к поверхности лишь тонкие цепочки мелких

пузырьков, Филин снова поразился мужеству и присутствию духа, позволившим норкам выбрать единственный путь к спасению. Они сражались гораздо лучше, чем Филин мог ожидать. Ах, если бы только лис мог видеть, что вышло из его затеи!

Да, норки выстояли и дали врагам отпор, но это дорого им обошлось. Филин насчитал около полутора десятка их трупов, вытянувшихся на траве, и по меньшей мере три собаки, которые если и не были убиты, то во всяком случае не шевелились. Остальные гончие, горя жаждой мщения, с визгливым лаем ринулись в погоню, еще больше напугав брошенных лошадей, которые бестолково метались между деревьями внизу.

Потрясенные люди тем временем бродили по Плато, рассматривая убитых норок и собак и пересчитывая свои многочисленные раны, но затишье оказалось недолгим. На Плато прибыли щелкуны.

Конечно, на берегу уже не собирались такие толпы, как в дни, когда Альфонс еще был животрепещущей новостью, но сегодня — возможно, благодаря солнечной и ясной погоде — на шоссе было довольно много щел-

кунов. Некоторые из них подошли к самому берегу реки и уселись на траву, направив на лес свои безумные, широко раскрытые глаза на стеблях, когда Фредди рыжей молнией метнулся по шоссе прямо к ним. Когда он пересек мост и понесся по Долгому полю мимо Альфон-совой ольхи, щелкуны вскочили, разинув от удивления рты. Но стоило только появиться охотникам с собаками, как щелкуны тут же пришли в величайшее возбуждение и принялись размахивать кулаками. Но по-настоящему они отреагировали только тогда, когда начался бедлам на Плато.

Некоторые побежали по следам Фредди к мосту, а остальные попрыгали в реку и перешли ее вброд, шагая по каменистым перекатам. На противоположном берегу они собрались плотной группой и двинулись к проделанному всадниками пролому в изгороди. Подбирая на ходу сучки и увесистые палки, щелкуны, словно армия-мстительница, поднялись по склону на Плато. Достигнув вершины, они не задержались даже для того, чтобы оценить ситуацию, и сразу бросились на охотников. При этом Филину, продолжавшему описывать круги над Плато, показалось, что охотники отреагировали на их появление с еще большей яростью, чем на нападение норок. Глядя на катающиеся по земле сплетенные тела и прислушиваясь к щелканью хлыстов и сочным ударам палок, он с горечью подумал, что нет ничего хуже ссор между родственниками или существами одного вида. Впрочем, в данном случае он болел за щелкунов. Они действовали эффективнее своих противников, хотя, возможно, все дело было в том, что они прибыли к месту схватки позднее и были гораздо свежее, чем охотники, которым пришлось сдерживать натиск норок. Как бы там ни было, щелкуны проявили себя настоящими бойцами.

Взлетев повыше, Филин увидел, что драка между щелкунами и охотниками — точно так же, как и потасовка на шоссе между щелкунами и белоголовыми рабочими,— выглядит щенячьей возней по сравнению с мрачной и смертоносной яростью норочьей атаки. «Может быть, — спросил он себя, — людям, несмотря

на все их хитроумные приспособления и оружие, не хватает инстинкта убийц, по крайней мере тогда, когда они выясняют отношения друг с другом? Нет, определенно, кровопролития не будет», — решил он, с презрением поглядывая на людей, которые сшибались друг с другом грудью, точь-в-точь как молоденькие петушки по весне.

Потом Филин услышал первое далекое «уя-я-я-у» и поглядел на шоссе, где появилась белая грохоталка с синим огнем на верхушке. Со скрежетом притормозив у поворота, она свернула на Горбатый мостик и, подпрыгивая и переваливаясь на кочках, поехала по Долгому полю, пока не застряла на болотистом участке. Из нее выскочили несколько человек в одинаковых шкурах, которые быстро побежали к лесу, а на шоссе появилось еще несколько завывающих грохоталок.

Филин понял, что на этом все и закончится и, не переставая радоваться спасению Фредди и успеху его замысла, повернул к дому.

Глава 66. ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Лесным жителям совсем не хотелось наблюдать вблизи операцию по зачистке Плато, из-за которой лес до самого вечера буквально кишел людьми. Пусть они были их спасителями, но старое правило *Держись от людей подальше!» возобладало, и каждый старался забиться поглубже в нору, в дупло или под листок, пока люди прочесывали лес, разыскивая разбежавшихся собак и лошадей. К щелкунам и охотникам в красных пиджаках присоединилось столько народу, что к вечеру по лесу пронесся невероятный слух, будто рабочие снова вернулись. На шоссе скопилось невиданное количество грохоталок — даже больше, чем в дни, когда звезда Альфонса еще не закатилась.

Когда люди принялись методично и безжалостно уничтожать Плато, лесные жители содрогнулись от ужаса. Для начала люди разрыли и обрушили все норы и подземные галереи, а потом, запустив свои жужжал-ки, повалили Кривой бук и распилили на части упавший в реку ясень. Самые большие куски стволов они столкнули в воду, чтобы выловить их ниже по течению и погрузить на грохоталки, а верхушку, ветки и остатки растоптанного лошадьми чучела кролика сложили в кучу в центре Плато.

Но настоящий кошмар начался потом. Люди прикатили на Плато новую машину, какой лесные жители не видели никогда. Пока одни медленно толкали ее между деревьями вверх по склону, другие полили Плато какой-то едко пахнущей жидкостью. Установив свою машину на краю Плато, люди немного повозились с ней и вдруг отпрянули, когда она внезапно фыркнула и ожила. Из пасти ее с грозным ревом вырвался длинный алый язык огня, и люди кинулись к деревьям, словно машина напугала и их. Только один человек, который управлял этой страшной штукой, остался. Сначала он направил язык пламени вверх и только потом опустил его к земле, полосуя траву короткими сердитыми ударами. В следующее мгновение с поверхности Плато рванулся в небо огромный красно-черный огненный шар, который, казалось, жил своей собственной жизнью. Мгновенно вспыхнула трава и рассыпались горячими искрами оставшиеся от деревьев ветки, жадные ручейки желтого пламени разбежались во все стороны, воспламеняя разлитую по земле жидкость, и остановились, только достигнув края Плато. Длинный огненный язык из машины продолжал хлестать по выжженной земле, и листья на деревьях сначала затрепетали от жара, потом съежились и почернели, почти мгновенно обратившись в хрустящий пепел.

Люди бросились затаптывать задымившуюся по периметру Плато траву. Между тем свирепый рев огненного урагана стал еще громче, и куча ветвей в центре, уже давно превратившаяся в гигантский костер, отозвалась громким шипением, треском и щелчками сгорающих в нем листьев и сучков. Желтое пламя приплясывало на почерневших костях Кривого бука и поднималось все выше вместе с густым серым дымом, которого становилось все больше, пока само солнце не померкло, застланное его плотной пеленой.

Четкие силуэты людей превратились в размытые уродливые тени, едва видимые в этих неестественных сумерках; эти тени носились среди серых туч и размахивали неправдоподобно длинными руками-крыльями, крича от восторга и подбадривая друг друга. Прошло еще немного времени, и из серых дымовых туч посыпались на лес хрустящий теплый пепел и клочья жирной черной сажи, покрывавшие землю тонким слоем и повисавшие на листьях и траве, и даже на темной поверхности речной заводи образовалась нечистая серая пленка. Тем временем дым от пожарища поднимался все выше, и область, захваченная этими странными осадками, становилась все шире, так что очень скоро во всем лесу не осталось ни одного уголка, где не пахло бы гарью и где на зелени листвы не лежали бы пепел и зола этого погребального костра.

Когда огонь догорел, люди начали расходиться. Они возвращались через лес маленькими группами, по два-три человека в каждой, несли на плечах своих тяжелые инструменты и сдержанно переговаривались и кивали, как будто поздравляя друг друга с удачно выполненной работой. В том, как они уходили, было что-то бесповоротное, окончательное, и лесные жители быстро это поняли. Выползая из своих потайных мест, норок и убежищ, они переглядывались и шептали с облегчением:

— Ушли! Они ушли!

Некоторые были не прочь подобраться к Плато поближе, но охотников походить по той самой земле, которая была для них запретной на протяжении стольких месяцев, почти не нашлось. Одна или две мыши все же отважились пройтись по горам хрустящего пепла, но тут же вернулись, потому что даже под их легкими шагами эти курганы обрушивались, превращаясь в прах и пыль. Кроме того, обожженная земля все еще излучала жар, а в середине Плато дотлевали, перемигиваясь, багровые угли, поэтому лесные жители благоразумно отступили, предпочтя взирать на эту пустыню с почтительного расстояния.

Нет, люди положительно знаЛи, что такое хорошая работа! Норочья колония попросту перестала существовать. И она, и ее обитатели — и мертвые и живые — исчезли, словно их никогда и не было. От них остался только черный, выжженный круг, пропахший гарью и смертью, и от этого запаха в душах лесных жителей все холодело. Но нелегко было представить себе, что совсем недавно именно здесь билось и волновалось злое сердце королевства ужаса и смерти, в которое превратили норки их лес. И вместе с тем легкая аура недоброго незримого присутствия стала неотъемлемой приметой этого места.

Ах, если бы только храбрый лис задержался, чтобы обитатели леса могли поблагодарить его, но нет — Фредди, наверное, был уже далеко, на пути к своему таинственному городу. Жаль. Филин чувствовал, что будет скучать без своего старого друга. Может быть, однажды он попробует навестить его, решил Филин, но сразу засомневался. Он был слишком потрясен, почти испуган, когда Фредди рассказал ему о своем намерении переселиться поближе к людям.

— Ты не должен переселяться туда! — воскликнул пораженный Филин.

— Если я все равно собираюсь переселяться, то почему бы не туда? — улыбнулся Фредди. — Кроме того, когда рабочие вернутся, здесь тоже станет довольно многолюдно.

Заговорив об этом, лис затронул вопрос, который вот уже некоторое время на давал Филину покоя. Потеряв Альфонса, Старый Лес перестал быть уникальным. Значит ли это, что люди с жужжалками и копалками непременно вернутся? «Да!» — не сомневался Фредди. «Не знаю…» — считал Филин. «Нет!» — таково было мнение Кувшинки.

Новая Предводительница Общества Сопричастных Попечителей, которой не было ни видно ни слышно, пока в лесу хозяйничали люди, в последнее время снова развила бурную деятельность. После того как Филин отказался председательствовать на общем лесном собрании, она тут же принялась возражать, и, когда вокруг собрались любопытствующие, он понял, что Кувшинка проводит свой митинг явочным порядком. Но Филин решил: пусть идет как идет. На сей раз у него было что сказать Сопричастным Попечителям и остальным.

— За освобождение от норок вы все должны поблагодарить Фредди, — заявил он. — Это была целиком его идея, и он сам осуществил ее, проявив при этом недюжинную отвагу. Боюсь только, что лис больше не живет в этом лесу, поэтому лично пожать ему лапу вы вряд ли сумеете. Фредди давно задумал переселиться в большой человеческий город. Некоторые птицы знают, о чем я говорю, — он расположен на расстоянии пяти долин от нашего леса. Могу лишь добавить, что мы желаем ему удачи!

В ответ на его слова раздались жиденькие аплодисменты. К этому времени многие лесные жители уже разобрались что к чему, однако, для того чтобы воспринять рыжего ренегата как героя, им требовалось значительное умственное усилие.

— Фредди действовал, руководствуясь исключительно своими собственными интересами, — безапелляционно заявила Кувшинка. — Он хотел отомстить охотникам. Что касается нас, Сопричастных Попечителей, то мы всегда действовали бескорыстно.

— Ты что, даже не хочешь признать, насколько лес ему обязан? — недоверчиво переспросил Филин, которому показалось, что он ослышался. В следующую секунду он очень разозлился из-за, того, как ловко эта уродина ухватилась за то, что действительно было для лиса главным.

— Обязан? Ему? — с еще большей надменностью проговорила Кувшинка. — Ничем мы ему не обязаны! Норки все равно собирались уходить, это был лишь вопрос времени. Ни одно живое существо не может вести себя так, как они, и не понять в конце концов ошибочности своего поведения. Да и люди в конечном итоге поступили бы так же.

— Почему ты так уверена? — спросил Филин, с трудом сдерживая бешенство.

— Потому что я точно знаю! — крикнула Кувшинка, в свою очередь начиная сердиться. — Случиться могло все, что угодно. Не понимаю, почему надо быть таким пессимистом, когда гораздо разумнее было бы проявить лучшие стороны своей натуры и смотреть в будущее с радостью и оптимизмом?

— Потому что ваш кроличий оптимизм — это полное гуано! — взорвался Филин. — Потому что ваш оптимизм — это просто набор громких фраз, слушать которые приятно, но за которыми не стоит ничего, кроме воздуха. Ты нарочно выпячиваешь долготерпение и «бескорыстие», чтобы потом можно было все, что произошло, поставить в заслугу Попечителям. Если люди не вернутся в лес — то благодаря вам. А если вернутся? Тогда ты просто отойдешь в сторонку. «По крайней мере мы старались!» — прохнычешь ты, прежде чем обвинить меня и таких, как я, в том, что мы навлекли на лес беду, когда не сложили крылья и не приняли вашу дурацкую точку зрения, которую ты называешь «оптимизмом».

К этому моменту Филин был уже совершенно вне себя, и главным образом потому, что попался в ловушку, позволив себе рассердиться. Кажется, Кувшинка тоже это поняла, и на ее морде расцвела самая глупая улыбка из всех, какую он когда-либо видел.

— Ты, Филин, слишком нетерпелив, — покровительственным тоном сказала она. — Как и все хищники, ты, наверное, никогда не поймешь, что дождаться чего-то может только тот, кто ждет.

— Нет, я не собираюсь ждать! — прошипел Филин злобно. — И вам не советую. Нам нужно выследить норок!

Жители леса упрямо смотрели в землю. Кувшинка как раз собиралась что-то сказать, когда на поляну, отдуваясь, вышел Борис.

— Ты, кажется, говорил, будто мы должны разыскать норок? — прокричал он. — Это неправильно, Филин! Ты ошибся, ошибся, ошибся! Давайте забудем о них как можно скорее! Хорошо, что избавились, — вот и все, что можно — и нужно! — сказать по этому поводу.

— Но ведь для тебя это хороший шанс отличиться, Бо! — возразил Филин, припоминая, как Барсук испугался и раздумал атаковать Плато. — Норки разбиты и деморализованы, и мы можем даже попытаться прикончить их сами. Или опять навести на них людей. Не знаю, как остальные, но я твердо решил преследовать норок до тех пор, пока их в землю не вгоню.

— Да ты просто одержимый! — сердито прокричал барсук. — «Держись от них подальше любой ценой!» — помнишь? Тебе не приходило в голову, что этот основной принцип, спасший столько жизней, относится не только к людям, но и к норкам? Вот в чем была твоя главная проблема, Филин. Ты никогда не умел «держаться подальше» от чего бы то ни было. И до сих пор не научился.

Лесные жители, почувствовав, как глубока нанесенная обида, молчали. Одна только Кувшинка поспешила воспользоваться представившейся ей возможностью.

— Скажи хоть ты ему, Бо! — воскликнула она и победно ухмыльнулась. — Видишь, Филин, даже барсук понимает, что здравый смысл в конечном итоге неизменно торжествует.

Но Борис не спустил ей этой попытки навязать ему свою точку зрения.

— Не лезь ко мне со своим здравым смыслом, трепло ушастое! — рявкнул он, делая шаг в сторону Кувшинки. — И к Филли тоже. Теперь, когда норок нет, пора избавить лес и от тебя!

Крольчиха слишком поздно поняла, что своим выступлением обратила гнев барсука на себя. Она неуверенно попятилась, завирушки вспорхнули на безопасный куст, а остальные кролики дистанцировались от Кувшинки, оставшись стоять где стояли.

— Прошу тебя, Борис, будь благоразумен,— пробормотала она, улыбаясь еще более глупо и фальшиво, чем когда-либо.

Но было уже поздно. С проворством, которого нельзя было предположить в этом флегматичном увальне, барсук забежал ей за спину и сомкнул зубы на огром-

ной кроличьей заднице. В следующее мгновение он несколько раз тряхнул головой, и Кувшинку с силой мотнуло из стороны в сторону. Крольчиха пронзительно заверещала, и Филин, не без удовольствия наблюдавший за расправой, решил, что это визжит в ней уязвленная гордость. Кажется, Борис не собирался отпускать свою жертву, он был настроен решительно и не намеревался проявлять ни великодушия, ни милосердия.

— На помощь, о Сопричастные Попечители! — умоляла Кувшинка потрясенных кроликов и завирушек, тщетно пытаясь вырваться.

Но никто не пошевелился. Филин как раз начал задумываться, не вмешаться ли ему, когда Борис неожиданно выпустил жертву.

— А теперь, — прорычал он, — беги, старая, болтливая, глупая трепачка! И поживее, пока я не откусил тебе хвост!

Затравленно оглядевшись, Кувшинка метнулась к кустам. На ее огромном заду набухали красным два огромных рубца, и Борис, провожавший ее взглядом близоруких глаз, широко, с удовольствием улыбнулся.

— Давно пора было это сделать, — удовлетворенно пробормотал он и быстро пробежал языком по брылам, собирая с них серый кроличий мех, который тут же с отвращением выплюнул. — Теперь ее ни с кем не перепутаешь, — кивнул Борис самому себе. — Эти следы останутся у нее до самой смерти.

Филин тепло улыбнулся барсуку.

— Ну что?! — грозно рявкнул Борис, поворачиваясь к оставшимся на поляне травоядным. — Будет кто-нибудь скучать по этой дуре?

Сопричастные Попечители с несчастным видом затрясли головами.

— Тогда сделайте одолжение — проваливайте. Брысь! — прикрикнул он.

Испуганные существа стремительно разбежались, а Борис подковылял к Филину.

— Прости, если я тебя расстроил,—. извинился он. — Ты же знаешь, как я не люблю этих трепачей.

Поверь, больше всего мне хочется, чтобы все вернулось на круги своя, чтобы все опять было нормально. Как всегда.

Филин почувствовал себя неловко. Он подозревал, что барсук был недалек от истины, когда назвал его одержимым. Филин не думал об этом раньше, но теперь он с. неожиданной остротой почувствовал, какая зияющая пустота образовалась в его жизни с уходом норок. Даже не так: исчезла целая сторона жизни, темная сторона, на которой, как подсказывал здравый смысл, задерживаться не стоило. Но он не мог, не мог не думать об этом!

— Я все равно буду пытаться их разыскать, — сказал он так мягко, как только сумел.

— Ну и ищи! — вскричал Борис, мигом свирепея. — Ищи, если тебе так неймется! Но только не забудь сделать так, чтобы норки знали: это интересует тебя одного! Никто из нас не имеет ничего против них! *Больше* не имеет…

Оставшись наедине с Ракой, Филин некоторое время сидел молча, погруженный в невеселые размышления. Может быть, думал он, хоть Рака чем-то поможет?

Но именно Рака, которая радостным карканьем приветствовала изгнание Кувшинки, заговорила первой.

— Я, как и Борис, просто-напросто боюсь, — сказала она неожиданно тихим голосом. — И я тоже хочу, чтобы все это уже закончилось — сегодня, сейчас. Фредди совершил ради нас подвиг, так почему бы не поставить точку на этой высокой ноте?

— Как ты не понимаешь! — воскликнул Филин, едва сдерживая разочарование. — Если мы не найдем норок, они придут в себя и нападут, когда мы меньше всего ждем.

— Совершенно верно! — каркнула Рака, начиная сердиться. — Все может повториться, но пока мы можем просто жить. Просто жить, понимаешь ты?!. Нормальная жизнь вместо постоянной тревоги и страха перед буду-

щим. Жизнь слишком коротка, Фил, и, если постоянно тревожиться о будущем, можно просто-напросто сгореть.

Филин готов был ответить резкостью, но сдержался. «Почему, — недоумевал он, — почему все начали ссориться теперь, когда они победили?»

— Что случилось, Рака? — в отчаянии спросил он. — Почему все разваливается?

— Не знаю, Фил, — мрачно откликнулась она, но по ее голосу можно было понять, что она успокаивается. — Я заметила это по своим сородичам-грачам, когда вернулась сюда с Альфонсом. Я не могу сказать тебе точно, в чем дело, но с тех пор, как в лес пришли сначала норки, а потом и люди, все стали относиться друг к другу хуже. Во всяком случае — с большим безразличием…

— Главная беда с вами, женщинами, что вы не любите острых углов. Вам постоянно хочется, чтобы все вокруг было мяконьким да гладеньким! Помнишь, Маргаритка проповедовала это гуано насчет вежливости и всего прочего? Так вот, Рака, мир стал совсем другим, и, чтобы жить в нем, надо быть жестким, сильным, надо уметь идти к своей цели. И мне казалось, что норки должны были научить нас этому, как ты думаешь?

Рака грустно посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Так ты полетишь со мной или нет? — почти крикнул Филин.

Рака продолжала рассматривать его с самым мрачным видом.

— Ты готов перешагнуть через что угодно? — спросила она наконец.

— Готов и перешагну! — выкрикнул с вызовом Филин и яростно захлопал крыльями, стараясь поскорее взлететь.

Небо, как назло, заволокло черными тучами, и начавшийся ливень сократил видимость почти до нуля.

Филин выругался. Ему следовало вылететь на поиски норок раньше. Дождь наверняка смыл следы, и Филину не оставалось ничего другого, кроме как вернуться в свое дупло раздумывать о непредвиденных трудностях, которые могут осложнить и без того нелегкие поиски. Он видел, как норки разбегались от Плато, но в какую сторону они пошли, после того как объединились? И как далеко успели уйти? Все зависело, конечно, от того, многие ли из норок ранены и насколько серьезно, но об этом Филин мог только гадать. Конечно, норки могли бросить раненых, могли даже разделиться на группы, причем каждая двигалась бы своим путем, но Филин почему-то был уверен, что они продолжают держаться вместе.

— Ничего не нашел? — сочувственно спросила Юла, когда мокрый Филин пролез в дупло, едва не поскользнувшись на скользкой коре прилетной ветки.

— А ты как думала? — раздраженно буркнул он в ответ, энергично встряхиваясь. — Впрочем, отступать я не собираюсь, — сурово добавил он, глядя супруге прямо в глаза.

— Конечно, — негромко отозвалась Юла. — Ты и не должен отступать, пока не выяснишь все точно. Только после этого ты сможешь выбросить норок из головы и вернуться ко мне.

— Разве я был не с тобой, Юла? — удивился Филин. Такого важного и серьезного разговора не было у них уже давно.

— Нет, ты был не со мной. Ты был далеко, и ты сам не понимаешь — и вряд ли когда-нибудь поймешь, — *как* далеко. В последние несколько месяцев ты был рядом — и вместе с тем тебя не было.

Филин молча вглядывался в непроницаемую пелену дождя. Юла говорила таким сочувственным и ласковым голосом, что можно было подумать — это не она, а какая-то другая птица. Нет, не другая птица, а прежняя Юла, какой она когда-то была, — заботливая, понимающая, любящая. И все-таки, прежде чем поверить в ее волшебное преображение, Филин должен был разрешить главную проблему.

— Почему ты не поддержала меня, Юла? — мягко спросил он.

— Потому что ты сам оставил меня, Филли. Я хотела быть с тобой, но ты не брал меня, а потом я убедилась, что ты уходишь далеко, куда я не могла за тобой последовать. И никто другой тоже не мог. Тебе пришлось одному добираться.

Филин продолжал всматриваться в дождь. Капли воды громко барабанили по листьям и по земле, и он с трудом слышал слова Юлы.

— И где я теперь? — спросил он, перекрывая шум дождя. Неожиданно ему захотелось услышать от Юлы какой-нибудь совет или просто доброе слово.

— Ты возвращаешься, Филли. Возвращаешься ко мне и ко всем остальным тоже.

Филин почувствовал, как его захлестывают нежность и теплота.

— И ты… рада моему возвращению, Юла? — спросил он.

— Конечно, — улыбнулась она. — Я всегда любила тебя и до сих пор люблю. Я должна тебе сказать… что бы я ни говорила, я никогда не считала тебя наседкой. Иди-ка лучше сюда и дай мне обнять тебя как следует. Я знаю, как тебе было трудно. Как хорошо, что все это почти закончилось.

Филин улыбнулся в темноту и запрыгал по полу дупла к гнезду. Должно быть, Юла совсем недавно прибрала здесь, а он и не заметил. Гнездо показалось ему уютным и теплым, но нежные объятия Юлы были еще уютнее. Как же он соскучился по ней!

— Весь лес снова принадлежит нам, Филли, — напомнила Юла и заговорщически подмигнула. — Может быть, стоит вспомнить старое доброе время?

— Я хотел бы сначала слетать в одно место, — неуверенно пробормотал он, чувствуя всем телом ее уютное, домашнее тепло. — Ты разрешишь?

— Конечно, любимый, — шепотом ответили Юла. — Разве я когда-нибудь мешала тебе делать то, что нужно? Зато когда ты вернешься, мы сможем делать то, что нам хочется.

Глава 67. МЫ СНОВА БУДЕМ ПРАВИТЬ!

Пять ночей потратил Филин на поиски, но норки так умело прятались, что за все это время он так и не отыскал никаких следов. В конце концов он добрался до самой окраины большой человеческой колонии, куда переселился Фредди с семьей. Увы, как и в прошлые разы, он ничего подозрительного не заметил, поэтому теперь, летя над торфяной пустошью, Филин почти не смотрел на мрачную и безжизненную равнину под собой.

Лишь уловив краем глаза мутное движение, Филин опустил голову и успел заметить какое-то существо, пробирающееся среди вереска. Развернувшись, он пошел на снижение, но неизвестное существо успело юркнуть в плотные заросли утесника, и Филину пришлось ждать, пока оно снова окажется на открытом месте и даст ему возможность как следует рассмотреть себя.

Когда существо снова запрыгало через вереск, Филин едва не вскрикнул от радости. Норка! Эти целеустремленные и быстрые движения маленького гибкого тела, которое скользнуло между шуршащими метелками вереска так плавно, словно зверек не бежал по земле, а летел, невозможно было не узнать или спутать с чем-то другим. Норка держала что-то в зубах, и это порадовало Филина еще больше. Значит, понял он, норка охотилась и теперь возвращалась в свой новый лагерь.

Он стал ждать, пока норка достигнет шоссе, рассчитывая, что тогда ему будет легче проследить ее путь, но она не стала пересекать дорогу. Вместо этого она скользнула в русло неглубокого ручья, текшего параллельно шоссе, и скрылась в дренажной трубе. Филин хорошо помнил, как в юности он исследовал одну такую трубу, ибо ему казалось, что это самое подходящее место для полевок-береговушек, но его ждало разочарование. Труба оказалась пустой и безжизненной, как и большинство непонятных человеческих сооружений, да и запах там стоял отвратительный.

Дважды ударив крыльями, Филин перелетел шоссе и стал ждать, пока норка покажется с другой стороны,

но она не появлялась, и это его озадачило. Похоже, норка осталась в трубе. Это казалось невероятным, но потом ему пришло в голову — а ведь никакое это не безумие. Он же не нашел их ни в одном из тех мест, которые были, с его точки зрения, самыми подходящими, а заглянуть в дренажную трубу он не догадался бы еще лет сто. Должно быть, примерно так же рассуждали и люди, ища норок где угодно, но только не у себя под носом. И если замеченное им существо действительно было норкой, то удивляться было совершенно нечему — подобная дерзость была вполне в духе *норкомышления.*

Он опустился на низкий берег ручья чуть выше того места, где исчезло непонятное существо, и прислушался. Шорохи и голоса, которые заглушали сонное журчание воды, подсказали ему, что в трубе скрывается не одно существо, а по крайней мере несколько. Некоторое время он раздумывал над тем, не улететь ли, пока не поздно, но округлая темная арка влекла его к себе с неодолимой силой. Он должен был знать.

Филин слетел на дно ручья и неслышно запрыгал по камням, выбирая самые сухие, чтобы ненароком не поскользнуться. Наконец он подобрался к трубе почти вплотную и, вытянув шею, заглянул в нее.

Первое, что он увидел, был оранжево-черный кошачий хвост, небрежно прислоненный к выгнутой бетонной стене у самого входа. Рядом с ним скорчилась норка, в которой Филин узнал М-Первого,— или это все-таки был М-Второй? Как бы там ни было, при его появлении эта норка не пошевелилась. Чуть дальше, в сырой и дурно пахнущей темноте, Филин разглядел группу норок, которые, собравшись вокруг большого плоского камня, рвали на части свежий труп какой-то птицы. Еще одна норка, приволакивая заднюю лапу, подковыляла к ним, и по внушительным размерам и встопорщенным усам Филин узнал свирепого Макса. Две тяжело раненные норки лежали на заиленном полу возле тоненькой струйки воды, робко пробиравшейся к выходу. Одна из них то и дело принималась лизать распоротый живот, вторая лежала вытянувшись и не шевелилась. Глаза ее были закрыты, и Филин уловил в воздухе сладковатый запах разложения.

Макси первым заметил его. Остановившись на полушаге, он тревожно захрипел, отчего все остальные тут же повернулись к выходу. Филин машинально отпрянул, но сразу справился с собой и слегка расслабился. Норки уже не выглядели могучими и опасными хищниками. Эти исхудавшие, растрепанные существа, перепачканные грязью и засохшей кровью, нисколько не напоминали тех гладких, сытых зверей, которые держали в страхе весь лес. Остатки стаи… жалкие остатки.

Между тем норки расступились, и Филин увидел Мегу. Выглядел он ужасно, и в сердце Филина на мгновение шевельнулась жалость. Голову покрывала корка запекшейся крови; щека была разорвана, отчего казалось, будто он криво улыбается; слипшаяся от крови шерсть на лбу плотно закрывала левый глаз; Филин даже решил, что Мега его потерял.

— Ты!..— презрительно бросил Мега, и его разорванная щека неприятно задергалась. — Я должен был сразу догадаться: разве ты оставишь нас в покое? Впрочем, нам пока не до тебя — нам нужен этот рыжий мерзавец Фредди. Мы должны были знать, чем это кончится, — предательством!

Речь его была несколько невнятной, но свирепая ярость никуда не делась.

— Мы вынесли ему смертный приговор. Официально он мертв, — продолжал Мега с таким видом, словно он предвидел эту встречу и специально к ней подготовился. —

Передай ему лично от меня: никто не может предать норок и остаться в живых, чтобы похваляться этим на каждом углу.

— Лучше бы ему не родиться на свет! — прорычал Макси, а остальные норки разразились проклятьями.

Филину ни разу не приходилось видеть обороняющуюся норку, побежденную норку, и теперь он убедился, что это зрелище не из приятных. Но их угрозы по адресу Фредди звучали достаточно реально.

— Фредди больше не живет в лесу, — сказал Филин. — Но это не он прикончил вас — вы сами… Короче, вам не найти его и за сотню лет.

— Мы знаем, где он! — раздался из темноты тонкий голосок, удивительно похожий на голос Психо.

Филин вздрогнул и вытянул шею, но так и не смог определить, откуда доносится этот голос.

— И где же он? — с вызовом бросил он.

— Он переселился в большой человеческий город, который находится на расстоянии пяти долин отсюда, — уверенно ответил Психо, выступая вперед из-за спины /Макси. Как и следовало ожидать, он выглядел вполне целым и невредимым.

— Откуда ты знаешь? — вырвалось у Филина.

— Мы постоянно бываем в лесу, — осклабился Психо. — От нас не так-то легко избавиться.

Филин не смог скрыть испуг. Он-то считал, что ничего страшного не случится, если он расскажет лесным жителям о том, куда отправился лис, и с тех пор новость успела дойти до каждого. Должно быть, охотничий отряд норок захватил нескольких невезучих кроликов или мышей и, прежде чем отправить в общий котел, все у них выпытал. Как он мог не подумать об этом! Получилось, что он, сам того не желая, выдал норкам своего друга — то самое существо, которое, рискуя собой, спасло лес! Теперь, вместо того чтобы жить рядом с людьми сытно и в безопасности, лис столкнется с серьезной проблемой, и все благодаря ему! А Фредди даже ни о чем не подозревает!

— Вы всегда считали себя самыми умными, да? — сказал Мега, и его голос, повторенный бетонными стенами трубы, прозвучал странно и гулко, а в единственном глазу вспыхнула искорка ненависти. — Проклятые «деревяшки», задумали расправиться с нами чужими руками — руками людей! Мы, норки, никогда бы так не поступили. И этот лис еще посмел похваляться, какой он всемогущий лидер и как ловко все это подстроил!

Филин не отвечал, стараясь выиграть время. Сначала он испытал настоящий шок, но некоторая неточность, содержавшаяся в последних словах Меги, помогла ему немного прийти в себя. Значит, главарь норок не знал всего, а только строил догадки, не совсем верные к тому же. Поправлять его Филин не стал. Пусть вся слава достанется отсутствующему Фредди, решил он. В конце концов идея действительно принадлежала лису; кроме того, во всей этой истории действительно было что-то бесчестное. Лично он больше не хотел об этом думать.

— Вы сами напросились, — коротко ответил Филин, на которого неожиданно навалились страшная усталость и полное безразличие. Впервые за все это время он почувствовал, что норки опостылели ему до тошноты.

— Мы, значит, сами напросились? — злобно проворчал Мега, и искорка ненависти в его единственном глазу сменилась выражением холодного презрения. — Ты и твои тупоголовые друзья-«деревяшки» небось думали, будто навсегда от нас избавились? Так вот, проклятые ублюдки, вы ошиблись. Страшно ошиблись!

— Мега прав, — пискнул Психо и выскочил вперед, чтобы встать рядом с Вождем. — Мы вернемся! Но даже если мы решим отправиться в другое место, для вас ничего не изменится. Мы принесли в ваш жалкий старый лес норкомышление и изменили его навсегда. Теперь, когда вы познакомились с нашими ценностями и нашим образом жизни, вы не сможете забыть их, как бы ни старались. Вряд ли вам даже удастся притвориться, будто нас никогда не было! Мы расшевелили ваш дурацкий лес, подтолкнули его дальше, и он никогда больше не станет таким, каким был.

Филин не удержался и от волнения переступил с лапы на лапу. Слова Психо странным образом задели его за живое — должно быть, потому, что они совпали с тем, что говорила ему Рака насчет поселившегося в лесу беспокойства. На мгновение он даже пожалел, зачем вообще затеял это дело — разыскивать норок. «Прочь отсюда! — решил он. — Надо улетать как можно скорее, пока меня снова не затянуло!»

Но желание услышать, что еще скажут норки, пересилило, и он остался

— Вот погоди! — проворчал Мега, и кусок кожи у него на щеке снова задергался вверх и вниз. — Ты сам скоро увидишь, как сильно изменится твой лес. Он *уже* другой, хотя ты, наверное, еще об этом не знаешь. И настанет день, когда мы вернемся, чтобы снова им править!

— Да, мы снова будем править лесом! — нестройным хором повторили за ним остальные.

Филин почувствовал, как к нему возвращаются уверенность и самообладание. Править лесом, это надо же!

— Вы больше не в лесу и никогда туда не вернетесь, — жестко сказал он. — Фредди сказал правильно — вы пришли как чужие и чужими остались. Вы были врагами, которые раздирали, уничтожали лес, — вот почему он сделал то, что сделал. Фредди понимал — либо вы, либо мы. Что касается этих ваших гуановых речей насчет того, чтобы снова править лесом, — сказал он почти с удовольствием, — то это хреновина, полная и абсолютная хреновина!

В ответ раздалось сердитое рычание, и Филин почувствовал дрожь удовлетворения. Оттолкнувшись от камней, Филин поднялся в воздух, но, пролетев совсем немного, снова опустился на землю, все еще не в силах покинуть норок. Ему нужен был знак, примета, которая убедила бы его в том, что с норками покончено и они никогда не вернутся.

Прислушавшись, он различил доносящиеся из трубы скребущие звуки и хриплый голос Макси, отдававшего какие-то команды. Послышалось несколько мягких ударов, и все неожиданно стихло. *Что они задумали?» — взволновался Филин. У него было такое ощущение, что норки строятся в боевой порядок. Но почему тогда они вдруг перестали подавать признаки жизни?

Он подождал еще немного. Когда любопытство стало совершенно невыносимым, Филин бесшумно спустился на дно ручья и заглянул в тоннель. Как и в предыдущий раз, прежде всего бросился ему в глаза кошачий хвост, только теперь он не был прислонен к стене, а гордо и прямо торчал из щели в полу. Но не хвост, а то, что было за ним, заставило перья на голове Филина зашевелиться. Это были норки, которые отступили дальше во тьму и сидели там, тесно прижавшись друг к другу.

Даже Филину с его ночным зрением они представлялись стеной, состоящей из сверкающих глаз, и ярче, безумнее всех горел одинокий глаз в самой середине.

Филин почти физически ощущал волну направленной на него ненависти и в испуге машинально встопорщил перья и зашипел в ответ, но немигающие глаза продолжали глядеть прямо на него. Филин зашипел еще громче, еще страшнее, но норки не дрогнули. Их взгляды жгли, словно огонь, и эта зловещая игра в «гляделки» продолжалась до тех пор, пока Филин не отвел взгляд, презрительно щелкнув клювом.

Он выбрался из ручья в совершенной ярости и вместе с тем ошарашенный. Откуда в них столько дерзости и наглости? И как они посмели так оконфузить его?!

Он прислушался, и перья у него на голове снова зашевелились. Из черной арки тоннеля ясно доносилась песня:

Правь, Норкомафия, Правь лесами!..

Напуганный звуками этого мрачного гимна, Филин, не раздумывая, взмыл в воздух. Над трубой он ненадолго завис в воздухе, напружинив лапы со страшными когтями и раскрыв крючковатый клюв, как бы вызывая норок на бой. Если бы хоть одна из них на мгновение высунула морду, он бы ударил со всей своей силой и быстротой, но черный зрачок трубы слепо глядел на него, и песня по-прежнему продолжала звучать из темноты. Сначала она была тихой, неуверенной, но теперь она заполнила собой гудящую каменную трубу и стала громкой и гулкой:

Всех здешних тварей Сожрем мы сами!

Правь, Норкомафия, С утра до ночи…

Изменились и голоса норок. Они больше не были неуверенными и тонкими, как у завирушек. С каждым произнесенным словом они становились тверже и увереннее, и испуганному Филину показалось, что в них

даже начинает звучать торжество. Мрачные слова гимна в мгновение ока вернули его в прошлое, когда, пролетая над лесом, он слышал несущееся с Плато:

Всех диких тварей Пугать не прочь мы!

Эта фраза, усиленная бетонным чревом трубы, буквально прогремела над пустошью, и Филин — в который уже раз — как наяву увидел перед собой лужи свежей крови на Большой поляне и взлетающую по дуге голову белого голубя с удивленно разинутым клювом.

Глава 68. НОВЫЙ СТАРЫЙ ЛЕС

Когда Филин добрался до Долгого поля, небо на востоке стало уже совсем светлым. Воздух звенел от беззаботного щебета проснувшихся птиц, и он почти забыл мрачную песню норок. Мягкий свет утра выбелил серый туман, клубившийся над травой и поднимавшийся от ворчливой реки. В последнее время он был особенно плотным, и солнцу, которое вставало с каждым днем все позже, было нелегко с ним справляться. Еще с вечера туман начинал потихоньку распространяться над равниной и даже заползал в лес; его гибкие щупальца, словно живые, скользили между деревьями, качались над травой, соединялись друг с другом, заполняли впадины и канавы. Постепенно туман сгущался и укрывал землю плотным серым покрывалом, которое исчезало только поздним утром. Он приглушал звуки, смазывал краски, скрадывал острые углы и прочие изъяны пейзажа, и плывущий в нем лес казался таким же прекрасным и совершенным, как и всегда. Это был целый мир, его мир, и, когда Филин глянул на него с высоты, лес на мгновение застыл, оставаясь при этом в беспрестанном движении — движении от ночи к рассвету, от лета к зиме, из прошлого в будущее, от норок к людям, от людей к свободе без людей и без норок.

На шоссе не было ни одной грохоталки, и Филин знал, что не много их будет и позднее. После сражения на Плато лишь несколько щелкунов продолжали появляться на берегу, но в их движениях и жестах не было ни намека на восторженное ожидание. Скорее всего, они уже знали о гибели золотой иволги и приходили к реке просто по привычке.

Впрочем, уменьшение количества грохоталок было характерной чертой этого времени года. Замершее шоссе всегда служило верным признаком того, что лето подошло к концу, и даже десять Альфонсов не могли бы этого изменить. Стылая сырость, ощущавшаяся в воздухе, и замедление движения соков в стволах тоже указывали на приближение Больших Холодов. Рост деревьев и трав приостановился, яркие зеленые листья потускнели, и славный летний праздник незаметно подошел к концу. Лес понемногу угасал, словно старое, неряшливое существо, постепенно теряющее остроту зрения, слуха, быстроту реакции и легкость походки, постепенно все больше впадая в состояние, близкое к летаргической спячке.

Филин, круживший над рекой, вдруг поймал себя на том, что повторяет вполголоса:

— Повсюду тлен и умиранье…

Последние ласточки уже проснулись и носились над рекой с оживленными криками, на лету хватая насекомых и мух, которые и без того доживали свои последние дни и часы. Многие из них уже стали вялыми и сонными, словно предчувствуя, что первые же заморозки убьют их. Ласточки, эти гладкокрылые летуньи, всегда ищущие свой солнечный берег, в свою очередь, торопились подкормиться, прежде чем собраться в стаи и улететь на зимовку в теплые края.

Заметив на дереве белку, которая лихорадочно носилась вверх и вниз по стволу, держа в лапках то желудь, то орех, Филин спустился пониже к верхушкам деревьев, чтобы поздороваться. Белка невнятно прострекотала в ответ что-то приветственное, но она была так сильно занята, что Филин не стал задерживаться. Как же ему повезло, подумал он, делая очередной круг над пустым шоссе и возвращаясь к лесу, что для пропитания ему не нужны ни насекомые, ни запасы орехов и грибов. Поредевшая листва и полегшие травы только помогали ему увидеть жертву, а удлинившиеся ночи позволяли охотиться гораздо дольше, чем летом. Одним словом, если бы не норки, Филин мог бы чувствовать себя счастливым, но теперь он испытывал одно лишь глубокое уныние.

Теперь и он, и все остальные лесные существа оказались перед лицом той реальности, о которой первой заговорила Рака. Лес изменился. Конечно, кто-то мог не обращать на это внимания, кто-то мог на самом деле ничего не заметить, но Филин с замиранием сердца думал о том, как был прав Психо. Норки оставили свой след. Норкомышление впиталось в каждую пору, в каждую клеточку лесного сообщества вроде заразной болезни, от которой нельзя избавиться никакими средствами.

Осознав это, Филин почти уже был готов бессильно опустить крылья. Наконец-то он понял, о чем говорили ему когда-то давно Дедушка Длинноух и его правнук Лопух. Он прошел долгий путь познания, и результат поразил его. Все усилия, вся борьба, бескорыстная отвага Фредди, самоубийство Берты, гибель злосчастного Альфонса, убийство Лопуха и невинного голубя — неужели все было зря?

Филин представил себе стену из сверкающих в темноте норочьих глаз, посередине одинокий глаз Меги, горящий безумной ненавистью, и содрогнулся. В голове его снова зазвучал гимн, и Филин поспешил отвлечься, подумав о другом.

Виноват ли он? Пожалуй, нет. Он посвятил всего себя лидерству, он повел остальных за собой, помог им преодолеть постоянный кошмар норочьего владычества, хотя порой его мотивы были, пожалуй, не совсем бескорыстны. «Оторвитет и основательность», — вспомнил он с улыбкой.

Следующим делом было рассказать всем про место, где скрываются остатки норочьей стаи. Но кому он это скажет? Лесные жители хотели слышать и знать только одно: норки-де разбиты, уничтожены, сметены с лица земли и никогда больше не вернутся. А ему, пожалуй, даже стоит рассказать лесным жителям, что охотничий отряд уцелевших норок уже побывал в Старом Лесу. «Пока есть жизнь, есть надежда» — это высказывание относилось не к норкам. Для них бы подошло «Пока есть жизнь, есть уверенность». Филин прекрасно понимал, как правильно сформулировать вопрос. Нужно спрашивать не «Выживут ли норки?», а «Где они предпочтут обосноваться, *после того как* выживут и оправятся?»

Пролетая над выжженным Плато, землей, он вдруг напрягся — ему померещилось, как будто что-то яркое шевельнулось среди кучек пепла и остывших углей. Но когда Филин снизился и всмотрелся пристальнее, он увидел всего-навсего длинное желтое перо с черным кончиком — все, что осталось от Альфонса. Легкий утренний бриз слегка колыхнул его, и с высоты казалось, перо еще живет.

Потом он заметил чуть в стороне еще какое-то движение. Припозднившаяся полевка, спеша домой после ночной кормежки, торопливо семенила по извилистой тропинке, уже протоптанной чьими-то маленькими лапками между пучками обгорелой травы и обугленными пеньками. Перед своей встречей с норками Филин хорошо поохотился и не успел еще проголодаться, однако его неожиданно охватило иррациональное и властное желание убить. Не задумавшись ни на секунду, он спикировал вниз и, схватив полевку когтями, снова поднялся в воздух, небрежным движением лапы ломая жертве хребет, чтобы прекратить ее пронзительный писк.

Стремительность и точность броска заставили Филина чуть-чуть гордиться собой, как, впрочем, и всегда. И вместе с тем этот ненужный бросок за полевой мышью напомнил Филину те времена, когда он был еще неловким, молодым филиненком, экспериментировавшим на живых существах. Родители еще продолжали кормить его, и Филину не было никакой необходимости добывать себе пропитание, но ему очень

нравилось ощущение могущества и власти, рождавшееся в нем каждый раз, когда он думал о других существах как о живых игрушках, которые он может разрывать на части, глотать

целиком, мучить и даже отпускать — в зависимости от своего каприза. Открыв в себе всесокрушающую силу, позволявшую ему убивать и убивать без конца, Филин пришел в неописуемый восторг. Он был не просто птицей, а высшим существом, которое могло играючи убивать других, казнить или миловать по своему усмотрению.

Сейчас это воспоминание вернулось к нему с отчетливой яростью, и Филин невольно подумал, что ничего подобного он не испытывал с самого детства. То есть с тех самых пор, когда, почувствовав свое невероятное могущество, он спрятал его подальше и начал пользоваться мастерством и силой охотника только для того, чтобы добывать себе пищу насущную…

Старое, полузабытое чувство, охватившее все его существо с такой пронзительной остротой, исчезло так же неожиданно, как и появилось, а вместе с ним пропали и всякие эмоции в отношении обмякшего трупика, который Филин все еще держал в когтях. Не зная, что делать с ним дальше, Филин сделал над лесом два неуверенных круга и, в отсутствие прочих идей, вернулся к Плато, где закончилась жизнь несчастной полевки. Раскрылись когти, он выпустил добычу и смотрел, как она ударилась о землю и, подняв облако пепла, совершила «кульбит мертвеца», прежде чем застыть окончательно. «Еще одна бессмысленная жертва, — мрачно подумал Филин, испытывая почти непреодолимое отвращение к себе. — Такая же бессмысленная, как и десятки недоеденных трупов, которые оставляли за собой норки». Конечно, можно было сказать, что полевка сама виновата — зачем забыла об осторожности и попалась ему на глаза, но это было бы неправдой. Это Филин, пораженный норкомышлением в самую душу, нанес ей смертельный удар!

Потрясенный тем, что ему открылось, Филин полетел на Большую поляну. Может быть, раздумывал он, ему удастся отвлечься, если он расскажет остальным лесным жителям последние новости о норках? Если бы кто-нибудь задал ему вопрос, он мог бы высказать свое личное мнение: норки, скорее всего, никогда больше не вернутся в лес. Кроме того, Филин чувствовал необходимость отказаться от поста Председателя, поскольку в лесу не должно больше быть никаких собраний. В самом деле, норки — а потом и люди — заставили лесных жителей сплотиться, но после ухода и тех и других в собраниях не было ни смысла, ни нужды

Даже если люди в конце концов вернутся (Филин решил не думать об этой стороне проблемы, поскольку пользы от этого не предвиделось), собрания делу не помогут. Без норок лесные жители окажутся столь же беспомощными, какими были всегда. Фредди был по-своему прав, когда решил переселиться поближе к людям: лес переставал быть спокойным и безопасным местом, лишь только речь заходила о них и об их деятельности. С другой стороны, в прошлом лес уже переживал их атаки, о чем молчаливо свидетельствовал глубокий шрам заброшенной каменоломни, и все равно .сумел выжить, уцелеть. Однако на этот раз перемены казались Филину не просто иными по характеру; они были более фундаментальными и по содержанию, и по масштабу. Рака очень подробно разъяснила Филину, до какой степени человек владеет всем остальным миром. В самом деле, кто в наши дни может всерьез рассчитывать на то, что ему повезет и он будет жить в заповеднике или национальном парке?

Мысленно готовясь к своей прощальной речи, Филин решил обязательно подчеркнуть главную особенность происходящих в лесу перемен. Это не только их небывалая глубина, но и их быстрота, которая в основном и порождала ощущение неуверенности и неустойчивости. И процесс этот ускорялся не только в Старом Лесу. Не было такого места, где не сталкивались бы друг с другом личности и интересы, получая от столкновения еще более сильный импульс двигаться дальше. Одного этого было вполне достаточно, чтобы прикончить старые порядки. Новые идеи, новые представления, новые вещи, новые невиданные существа — все это обрушилось на мир мощной, сметающей все на своем пути волной, и первыми погибли старинные правила и прописные истины, на которые все привыкли опираться в своих мыслях и поступках. Да полноте, были ли это действительно незыблемые основы общественного устройства или просто суровые гримасы упрямцев, с осуждением взирающих на изменчивую реальность? Или — что еще хуже — это были реликты отжившего свое образа мыслей, не допускающего самой возможности каких-либо перемен?

Так что дело, строго говоря, было не в людях, не в норках, даже не в самом лесу. Что-то изменилось в общей картине, как называл это Дедушка Длинноух. Все, что когда-то стояло неподвижно, вдруг сорвалось с места и понеслось неведомо куда. Даже погода, которая от века подчинялась раз и навсегда заведенному порядку, вдруг словно сбесилась. Теперь нельзя было полагаться даже на смену времен года. Здравый смысл и порядок в кроличьем понимании перестали существовать. Любые предсказания, основанные на приметах и опыте прошлого, никуда не годились и только усиливали всеобщий хаос.

Почему?

Филин этого не знал. Может быть, виноваты были люди с их кипучей энергией и не прекращающейся ни днем ни ночью активностью, а может быть, и они тоже оказались захвачены безжалостным и бурным потоком, которым не они управляли и который заставлял весь мир меняться так решительно и быстро.

Как бы там ни было, главная загвоздка состояла в том, что все новое — и от норок, и от людей — попало на почву, которая сама уже ходила ходуном, яростно корчилась, бешено изменялась, текла, как вода, и взрывалась, как перезрелый гриб-дождевик. Впрочем, еще неизвестно, что было первым — птица или яйцо? Какая ирония в том, что в ночь после изгнания норок над лесом встала полная луна, предвестница хорошей погоды и доброго урожая? Какие бури ждут теперь жителей леса? Какой горько-сладкий урожай соберут они?

Хотя люди и норки ушли, каждый обитатель леса оказался один на один с проблемой, которую они после себя оставили. Сам Филин, впрочем, больше не был абсолютно уверен в правоте Психо, который утверждал, что лес, заразившись вирусом норкомышления, будет сам поддерживать чужеродный порядок. Действительно, каждый житель Старого Леса, однажды познакомившись с системой норочьих ценностей и норкомышлением, получил возможность жить по норочьим законам. Но, как Филин твердо решил объяснить всем и каждому, начиная с Раки и Бориса и заканчивая Кувшинкой и завирушками, это была не просто возможность — это был опыт, который им всем необходимо взять на вооружение. Каждый, нравилось ему это или нет, должен был раз и навсегда решить, к какой части уравнения он себя относит. Настоящими жертвами будут лишь те, кто проявит нерешительность, кто застрянет на полпути, кто станет искать убежища в бесплодной заботе о ближнем, в пустой болтовне, в глупых надеждах на Лесное Уложение и Билль о Правах. Каждому придется принять на себя ответственность за свою собственную жизнь, а это трудно, очень трудно, и нет смысла притворяться, будто это

легко. Отвечать за самого себя может только тот, кто признает, что жизнь жестока, и примет это за свой отправной пункт. Те, кому не хватит смелости взглянуть в лицо этой очевидной истине, неминуемо погибнут, но и в этом случае они вынуждены будут признать, что сами выбрали свою судьбу. В конце концов, добровольно сделаться жертвой — это тоже выход, не самый лучший, но самый простой. Но и для тех, кто отважится бросить вызов тяготам жизни, оставленный норками след будет злом настолько неизбежным, насколько каждый примет это для себя. И только после того, как каждый сделает свой собственный выбор и придет к своим собственным умозаключениям, собравшиеся вместе существа будут решать, счастливым или, наоборот, печальным будет их будущее.

А что делать ему самому? Похоже, его выбор ясен и в какой-то степени предопределен. Как учили его родители, он принадлежал к могучим хищникам, и весь лес — да и весь мир тоже — был для него устрицей, с которой он мог по своему усмотрению поступить так или иначе. Даже несмотря на то, что, к своему невероятному стыду, Филин совсем недавно поддался приступу норкомышления, мысли о норках больше не вызывали в нем чувства обреченности. В конце концов, он узнал их гораздо ближе, чем любой из жителей леса, поэтому их влияние на него было не таким сильным и поддавалось логическому анализу. Гораздо сильнее Филина беспокоила привычка кроликов по поводу и без повода заламывать лапы и оплакивать «старые добрые деньки», когда трава была зеленее, вода мокрее, а солнце солнечнее. Даже если бы все это в действительности было так, Филин не собирался тратить на это гуано время и силы. Он осознавал свое «здесь и сейчас» гораздо лучше, чем разнообразные «раньше» и «давно». В конце концов, его жи-знь принадлежала только ему одному, и он не собирался позволить всяким норкам превращать ее во что-то достойное сожаления. С какой стати? Да, норки какое-то время жили с ним в одном лесу, они познакомили его со своим образом мышления, но это не означало, что он должен действовать, как они, или уподобляться кроликам и скорбеть по поводу безвозвратно ушедшего прошлого и мрачного будущего. Даже в норкомышлении было нечто такое, что им всем не мешало бы усвоить. Это было искусство вовремя поймать свой шанс. И он, ночной хищник, должен жить ради этого — ради своих ночных охот. Как говорится, *carpenoctem!1*

Но не станет же он по их примеру превращаться в серийного убийцу. Агрессию, как теперь хорошо понимал Филин, нельзя путать с активностью. И норкомыш-ление вовсе не было решением — оно само было проблемой! Уничтожение ради уничтожения, убийство большего числа живых существ, чем необходимо, больше, чем ты физически в состоянии съесть,— все это было лишь одной его стороной, которая сильнее всего бросалась в глаза. Норкомышление не имело никакого отношения ни к уму, ни к дерзости, ни к отваге, ни к риску или предприимчивости, как его пытались представить. Главным его недостатком и самым слабым местом было то, что оно не менялось, и приверженцы этой системы взглядов, раз начав, уже не могли остановиться. Они сами оказывались пойманы своим примитивным, скучным, лишенным гибкости образом мыслей, который порождал негативное изображение мира, толкал их все дальше и заставлял все шире раздвигать границы на пути к недостижимому — к удовлетворению. И хотя бы ради себя самого Филин должен был избавиться от этого негатива, от подобного разрушительного отношения к окружающему. В конце концов, он своими глазами видел, как быстро те, кто практиковал норкомышление, возносились на самую вершину и так же быстро падали. Это была петля, бег по замкнутому кругу, крутой маршрут, который мог сделать каждое живое существо жестоким, негибким, грубым, чтобы в конце концов — и это в лучшем случае — вернуть его к тому месту, откуда начался поход.

*1*Carpe noctem *(лат.)* — лови мгновение (буквально: пользуйся ночью). Филин перефразирует слова Горация carpe diem — пользуйся днем.

Нет, решил Филин, если не только Старый Лес,, но и весь мир стал беспокойным, непонятным, загадочным, он может обрести спокойствие и ясность, только отыскав истинное счастье внутри самого себя. Именно там скрывались гарантии истинной безопасности. Не нужно бояться быть самим собой, и тогда никакие внешние обстоятельства не смогут причинить ему вреда. Но нельзя полагаться ни на что и ни на кого, как бы он ни ценил это место или это существо. Отныне он должен действовать, как и раньше, — честно, без страха, без угодничества. Нет, Филин не претендовал на совершенство — да и кому под силу быть безупречным? — но зато он мог с гордостью сказать, что все это время он старался сделать так, чтобы другим оставалось как можно больше места для нормальной жизни, и нисколько не стремился к тому, чтобы уничтожить всех, кто ему мешал. Он не только с радостью брал, но и с одинаковой радостью отдавал. И, как и многие другие, Филин умел быть в мире с самим собой только тогда, когда он был в мире со всем, из чего состоял Старый Лес. Самым страшным для него был гнев, а ключом к миру — взаимопонимание *и* терпимость. Он был филином, а полевка — полевкой. И он любил мир за то, что он устроен именно так, любил полевок за то, что они — полевки, но это не мешало ему ими питаться. И он надеялся, что со временем все лесные жители будут думать и чувствовать именно так, а не иначе, с любовью и трепетом относясь к бесконечному круговороту жизни, который не терпел закосневших догм, который был целиком создан из перемен и постоянно находился в движении. И единственным, что по-настоящему имело цену, была принадлежность к этому вечному потоку, устремленному в бесконечность.

Филину очень хотелось, чтобы Дедушка Длинноух был жив и мог взглянуть на все это своими глазками. Интересно, что сказал бы кролик-патриарх о последствиях предсказанной им «большой беды»? Когда-то он подчеркивал, что все живые существа равны — равны в том, что они делают и что говорят. Норки, люди, кролики, Кувшинка, даже он сам — все это были такие же неотъемлемые составляющие бесконечного и разнообразного бытия, как деревья, образующие лес, или как звезды, которые светили ему с небес.

Что за звезды украшали ночное небо! Они были такими яркими, что филину хотелось до них дотянуться и потрогать или даже броситься в погоню за падающими звездочками, которые чертили ночь то вдалеке, то совсем рядом. Впрочем, он никогда не пытался этого сделать — звезды летели так быстро, что сгорали от напряжения, не в силах и дальше поддерживать свою самоубийственную скорость. Как и норки, неожиданно подумалось Филину. Но что ему звезды или норки? Старый Лес — вот о чем он должен думать. Его дремотный покой был нарушен, Тропа — уничтожена, Могучий дуб — спилен, но он все равно оставался самым прекрасным местом в мире. Одного вида его было достаточно, чтобы мириады проснувшихся с рассветом живых существ начинали радоваться жизни, забывая о всех своих печалях и огорчениях. Кто, будучи в здравом уме и твердой памяти, мог не восхититься и не задержать дыхание при виде этой красоты, в окружении которой чудесным образом уживались самые разные птицы, звери и насекомые? Кто не захотел бы хоть на краткий миг ощутить себя частью этого удивительного чуда и тайны? Как можно было испытывать что-то, кроме чистой радости, окунувшись в водоворот красок, увидев бесконечное разнообразие форм и размеров, чередование дня и ночи, света и тени, спокойствия и ураганов? Но вот он здесь; он над лесом, и в то же время — часть его. У него есть крылья, чтобы летать, и он будет летать. Он будет кувыркаться, планировать, пикировать вниз *я* свечой взмывать в небо, кружить и нырять только для того, чтобы

испытать радость свободного полета. Он будет наслаждаться им, радоваться ему, праздновать его, питаться им без всякой надежды когда-нибудь насытиться.

Первые лучи утреннего солнца легко коснулись верхушек самых высоких ильмов, которые росли вдоль Тропы, и лес отозвался хриплым хором грачей, поднявшихся над Грачевником темным живым облаком. Среди них Филин увидел Раку, которая казалась ему совсем черной на фоне безупречной, как яичная скорлупа, небесной голубизны.

Заметив его, Рака приветственно замахала крыльями.

— На работу? — дружелюбно крикнул Филин.

— Вер-рно, Фил! В поля, в поля! — беззаботно прокричала она в ответ. — Ты же знаешь, ничем другим я в жизни не стала бы заниматься. Как там Юла?

— Лучше не бывает, — проухал Филин в ответ, от души желая, чтобы это было действительно так.

Когда его супруга с таким пониманием отнеслась к его поискам, Филин почувствовал, как будто у него гора с плеч свалилась. Он только недавно понял, как сильно ему недоставало Юлы, зато теперь он возвращался домой, чтобы разделить с ней свою жизнь, возвращался, точно определив свое отношение к вирусу норкомышле-ния и подготовив себя к будущему. И каким бы оно ни оказалось, Филин был уверен: ничто не сможет сбить его с избранного пути. Он стал самим собой, он жил сегодняшним днем, и он радовался этому. И никогда прежде он не ощущал себя настолько живым!

Он с любовью провожал взглядом удаляющихся грачей, пока они не превратились в черные точки. Старая добрая Рака, такая верная и постоянная, когда это было нужно! А все-таки и она была рада вернуться к своей обычной жизни с ее простыми удовольствиями и маленькими радостями. Филин почти позавидовал тому спокойствию и комфорту, который она получала от общества своих сородичей и от своей привычной «работы», как она ее называла.

Но ему ли было завидовать Раке — ведь он тоже стал самим собой!

С радостным криком Филин метнулся вперед и движением хвоста послал себя в крутое пике. Ветер засвистел в ушах, мягко уперся ему в грудь, но вершины деревьев становились все ближе и ближе. Когда Филин опустился совсем низко, они неожиданно расступились, давая ему дорогу, и он, выровнявшись, пошел выписывать вензеля между тонкими ветками и чуткими листьями. Пике, рывок, поворот, подъем, удар крылом, поворот, снова рывок, снова поворот. Напрягая крылья, он тормозил, нырял, разворачивался, кувыркался через голову, совершал броски в стороны, снова выравнивался и ложился на крыло, и только череда трепещущих листиков отмечала его путь сквозь кроны деревьев.

И все это время перед его мысленным взором плыло лицо его погибшего отца, а в ушах звучал его голос:

— Для тебя, сынок, не существует никакого «посередине». Край, Филли, ты всегда должен стремиться удержаться на краю. Только никогда не переходи за!..